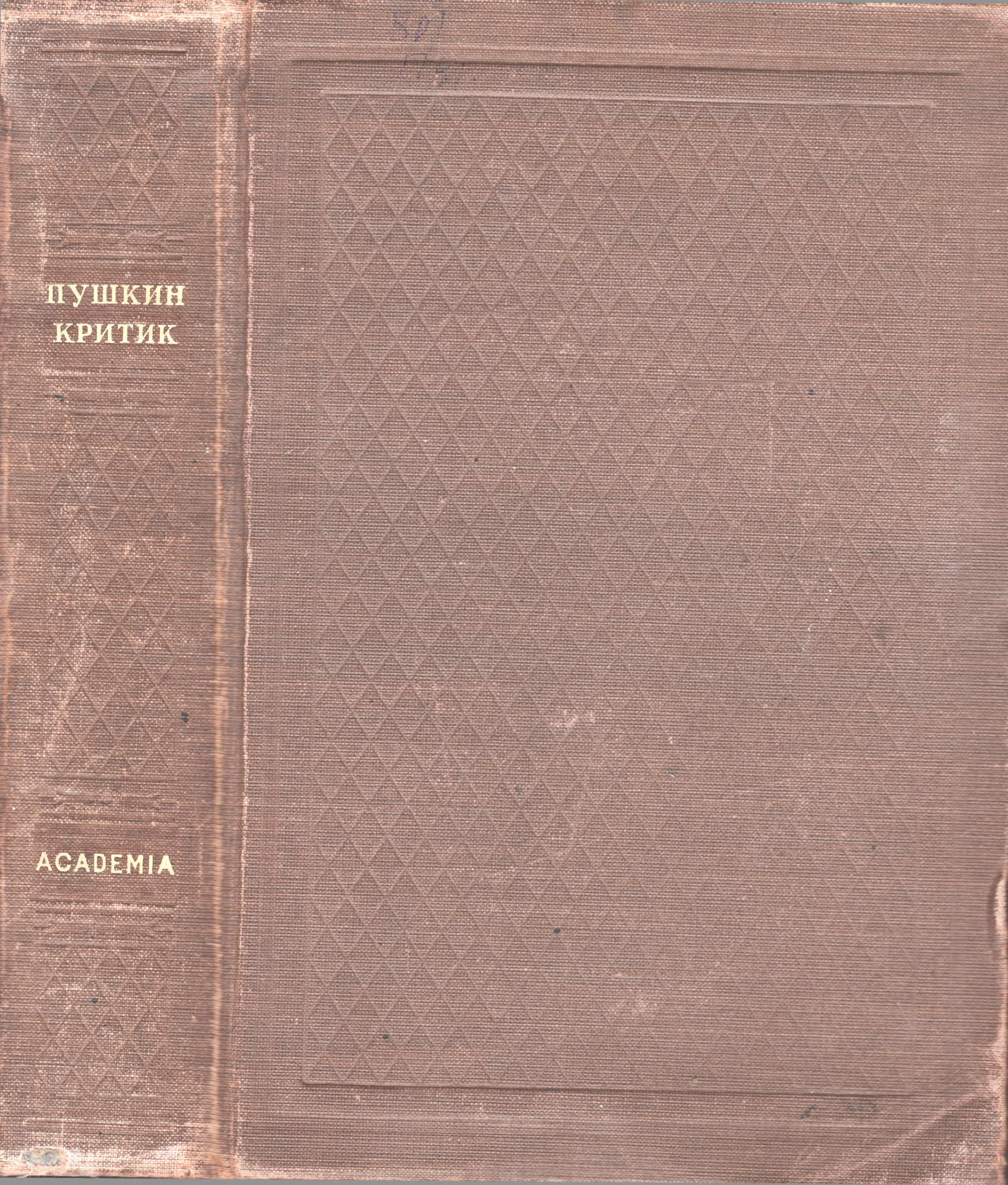

ПУШКИН
КРИТИК
ACADEMIA

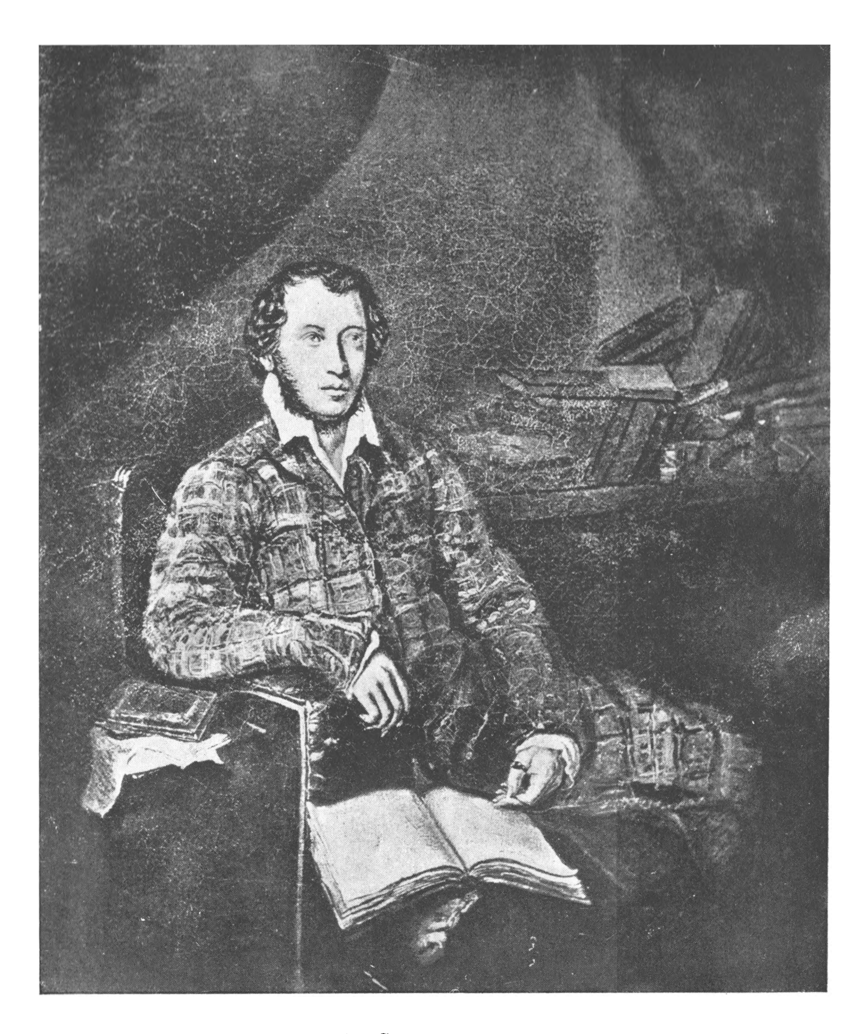

ПУШКИН
О ЛИТЕРАТУРЕ

Подбор текстов, комментарии
и вступительная статья
Н. В. БОГОСЛОВСКОГО

ACADEMIA
1934

Переплет и супер-обложка
И. Ф. Рерберга

А. С. Пушкин

С портрета Мазера

От составителя

Задача данной книги показать Пушкина как критика и ценителя художественной литературы; мы собрали в этой книге все его литературно-критические статьи, заметки, маргиналии, предисловия, суждения о литературе из переписки и дневников.

Сюда не вошли многочисленные оценки и «замечания» Пушкина о книгах и писателях, рассеянные в его *художественных произведениях*, так как это внесло бы разнобой в книгу. Но мы сочли необходимым приложить подробный указатель их.

Свидетельства мемуаристов, частично использованные в комментариях и в общем указателе имен, разумеется, не могли быть включены в основной текст, так как это смешало бы совершенно достоверный материал с материалом лишь более или менее достоверным.

Литературно-критическим статьям Пушкина в полных собраниях сочинений почти всегда отводилось последнее место, и надо сказать, что они как-то терялись «на задворках», среди анекдотов, записей разговоров, исторических заметок и тому подобного «чужеродного» материала.

Высказывания Пушкина о литературе, о писателях и книгах, рассеянные в его письмах, также терялись среди «бытовых» подробностей и, строго говоря, являлись лишь достоянием пушкинистов, а не читателей.

Статьи, извлечения из переписки и т. д. расположены здесь в хронологическом порядке. Книге предпослана вступительная статья, даны комментарии, именной и тематический указатели.

При отборе статей мы пользовались последним полным собранием сочинений Пушкина (Гиз, 1930—1931), и Гихл

1933), где даны наиболее верные тексты, установленные коллективом авторитетных пушкинистов.

Извлечения из писем произведены по: 1) «Академической Переписке Пушкина» под ред. В. И. Саитова, 1906—1911, в в 3-х томах (обозначаем сокращенно—*АП*), 2) «Письма Пушкина», тт. I—II, под ред. Б. Л. Модзалевского, 1926—1928—(*ППМ*), 3) письмам Пушкина, не вошедшим в академическую «Переписку», собр. М. А. Цявловским, М. 1925 (*ППЦ*), 4) письмам Пушкина к Хитрово, Л. 1927, (*ПХ*), и 5) отдельным публикациям в периодической печати («Красный архив», «Огонек»). В ломанные скобки < > нами заключены слова, вычеркнутые Пушкиным, в квадратные скобки [ ]—редакционный текст. Круглые скобки ( )—самого Пушкина.

За указания и советы выражаю благодарность Н. С. Ашукину и М. А. Цявловскому.

Считаю долгом отметить, что замысел этой книги был с большим сочувствием встречен Анатолием Васильевичем Луначарским, оказавшим всемерное содействие ее изданию.

Н. Богословский

Обзор критических высказываний Пушкина

Многогранность пушкинского творчества, широта его умственных интересов, носившая характер подлинной энциклопедичности, разносторонность его дарований даже и теперь с трудом поддаются учету. Литературное наследие Пушкина показывает, что в круг затрогиваемых им вопросов и в круг его занятий входили и языкознание, и география, и математика, и изобразительные искусства, и политика, вплоть до специально экономических вопросов, не говоря уже о постоянных занятиях историей, критикой и теорией литературы.

В библиотеке Пушкина мы находим книги по статистике, философии, этнографии, естествознанию, юриспруденции, медицине, языковедению, опять таки не говоря о сотнях томов исторических трудов, о сотнях книг по литературе. Разносторонность эта самым непосредственным образом сказалась и на творчестве его. «Достаточно бегло просмотреть сочинения Пушкина,—пишет В. Я. Брюсов,—чтобы отметить, что в его стихах, повестях, драмах отразились едва ли не все страны и эпохи, по крайней мере связанные с современной культурой». Античный мир, древний и новый Восток, мир Ислама, европейское средневековье, почти все страны новой Европы: Англия, Шотландия, Германия, Италия, Франция, Португалия, Испания, Литва, Польша, Финляндия, Америка, дикие страны. Русская история чуть ли не от истоков ее до современных Пушкину событий. Все это нашло то или иное отражение в творчестве Пушкина. Рассматривая усвоенные Пушкиным и переработанные им явления мировой литературы, мы сталкиваемся с необозримым многоразличием влияний, которые проникали в его поэзию. «Вспоминается, конечно, Гете, но судьба дала ему свыше восьмиде-

сяти лет жизни и почти семьдесят лет творчества, тогда как вся деятельность Пушкина втиснута меньше чем в двадцать пять лет, включая и школьные опыты»[1].

Пушкин—стихотворец, прозаик, драматург, переводчик, историк, редактор, критик.

В области стиха—лирика, эпос, драма. Послания, эпиграммы, сатиры, элегии, романсы, мадригалы, оды, баллады, стансы... Самые трудные формы стиха, сложнейшие строфические построения, виртуозная звукопись, использование буквально всех размеров русского стиха. Поэмы сказочные, лирические, исторические, пародийные. Стихотворная сказка, повесть, драма, роман. В области прозы—исторический роман и повесть, бытовые новеллы, социально-исторические, критические, историко-литературные статьи, исследования и т. д.

В чем социальный смысл многогранности Пушкинского творчества? В том, что оно явилось не только высшим выражением расцвета дворянской культуры, но и разрывало рамки сословной замкнутости в силу того, что Пушкин глубоко пережил процесс деклассации, наложившей неизгладимые следы на его творчество. Пушкин стоял на грани двух культур. Он был свидетелем угасания русского классицизма, стиля, созданного феодально-дворянским классом. На его глазах дозрел и растворился сентиментализм, зародившийся еще в конце XVIII века. Пушкин в начале 20-х годов сам явился одним из создателей романтического стиля, возникшего в эпоху обозначившегося упадка феодальной экономики и нарастания промышленного капитализма. Наконец, Пушкин в 30-х годах, в пору окончательно наметившегося распада феодальных отношений, закладывает основы реалистического стиля.

Таковы в самых общих чертах основные этапы, пройденные литературой в начале XIX века. В творчестве Пушкина созидаемое преломлялось с унаследованным, давая новые богатые сочетания. Отсюда все разнообразие жанров, разработанных методами уходящих стилей и рождавшихся в процессе развития новых.

Конечно, все это возникало у Пушкина не самопроизвольно, а было следствием постоянной, длительной и напряженной работы над расширением своего творческого опыта. «Друзья Пушкина единогласно свидетельствуют, что за исключением двух первых годов его жизни в свете [т. е. по окончании лицея] никто так не трудился над дальнейшим своим образованием, как

[1] Валерий Брюсов, «Мой Пушкин», Гиз, 1929, стр. 269—270.

Пушкин» (Анненков, «Материалы», 1873, стр. 43). «Авторство у него все время протекало параллельно с чтением» (там же, стр. 13)

Выходя из круга художественного творчества, Пушкин всего охотнее отдавался историческим занятиям, критике и теории литературы. Из всех сторон «побочной», т. е. не поэтической деятельности Пушкина наибольший интерес и наибольшую важность для нас представляет, конечно, его работа в области критики. Широким кругам читателей с этой стороны Пушкин менее всего известен, а между тем объем его литературно-критической работы очень велик. Она выразилась не только в статьях, заметках и письмах, но и в художественных произведениях Пушкина.

Ни у одного из русских классических поэтов XIX века литература и все связанное с нею не занимали такого огромного места в творчестве, как у Пушкина. Все, начиная от самых глубоких и отвлеченных вопросов о назначении и судьбе поэта, о целях и смысле искусства, о месте искусства в жизни и кончая самой «грязной» действительностью литературного быта в бюрократически-полицейском государстве, было осознано, взвешено, продумано и оценено Пушкиным в его произведениях. Все, начиная от поэта-«пророка» и кончая увивавшейся около III отделения «Северной Пчелой», входило в поле зрения Пушкина.

Мы найдем здесь и размышления о борьбе литературных стилей, и раскрытие принципов своей поэтики и тонкие самооценки, и даже своеобразную, распыленную «историю мировой литературы». Возьмите только перечень имен писателей и названий книг, так или иначе затронутых Пушкиным лишь в его художественных произведениях. Это подлинная энциклопедия от Анакреона до Языкова. Пушкин высказался здесь о множестве писателей, начиная с представителей античной литературы и кончая «журнальными балагурами» своего века.

В истории русской литературы XIX века нет другого примера такой интенсивной, такой глубокой переработки и универсального освоения наследия мировой литературы. Это сказывается у Пушкина и в великом и в малом. «Мера за меру», драма Шекспира, претворенная Пушкиным в «Анджело» (по собственному его отзыву, лучшее из всего им написанного), и сознательный «плагиат» одной строки из творений метромана Боброва («Мне хотелось у него что-нибудь украсть»)—вот два ярких примера, которые показывают широту диапазона Пушкина. Возьмем самых разнородных русских поэтов XIX века—Жуковского, Батюшкова, Баратынского, Тютчева, Лермонтова, Фета. Разве кто-нибудь из них оставил следы такого пытливого усвоения мировой литературы? Разве кто-нибудь из них впитал в

себя такое обилие поэтических культур древности и Запада? Разве кто-нибудь из них был центром скрещения и борьбы стольких разнородных «влияний»? Сопоставление это отнюдь не снижает значения того или иного поэта, а лишь оттеняет особый характер творчества Пушкина, выраженный с такой небывалой силой благодаря его особой восприимчивости и гениальному трудолюбию.

Отклики на литературные темы в произведениях Жуковского, Батюшкова, Баратынского и количественно, и по широте захвата не могут быть сопоставляемы с пушкинскими высказываниями. Лермонтов, Тютчев и Фет в своей поэзии не оставили почти никаких следов интереса к литературным вопросам. Иное дело—Пушкин. Он усваивал, оценивал, «воссоздавал», переплавлял в своем творчестве материал античных поэтов, Данте, Шекспира, Вольтера, Гете, Байрона и других творцов мировой литературы. Он пересмотрел литературные репутации чуть ли не всех своих отечественных предшественников.

Более того, он «рецензировал» в своих стихах, поэмах множество книг и отдельных произведений, бросая, конечно, самые скупые, самые сжатые, но всегда меткие и глубокие характеристики их.

Пятнадцатилетний Пушкин дебютировал в печати чисто «литературным» стихотворением («К другу стихотворцу»). Уже здесь он как бы спешит заявить о своем отношении к Державину, Ломоносову, Тредьяковскому. Затем в продолжение всей своей поэтической деятельности Пушкин не перестает откликаться на литературные темы. Если бы он не оставил огромного количества статей, заметок и набросков, если бы до нас не дошла его переписка, в которой он встает во весь рост именно как литературный критик, то и тогда, лишь на основе его поэтических созданий и художественной прозы, мы могли бы составить достаточно ясное представление об его критическом даровании.

В переписке Пушкина литература и все связанное с нею занимает также совершенно исключительное место. Друг поэта П. А. Плетнев первый подметил эту черту его переписки. «Не касаясь совершенно частных писем, из одних его чисто литературных мнений, конечно, можно составить любопытное дополнение к его сочинениям...» «Все на него действовало необыкновенно сильно, но литература была исключительно любимою его сферою»[1].

[1] П. А. Плетнев, Сочинения, т. III, Спб., 1885, стр. 241.

В письмах Пушкина, так же, как и в художественных его произведениях, выкристаллизовались его заветные мысли об искусстве, о языке, о вдохновении, о драме, о прозе, о предшественниках и современниках... В ней отразилась и мучительная борьба его с «воровской шайкой» в литературе (Булгарин, Греч), и все прелести журнальных дрязг, и вся грязь литературного быта моровой полосы николаевской эпохи.

В ней мы найдем обширные трактаты о драматическом искусстве[1], «рецензии» на книги[2], антикритические статьи[3], подробные разборы отдельных произведений[4] и мимолетные шутки о журналах, писателях и критиках.

Литературные высказывания в переписке Пушкина часто совершенно сливаются с его выступлениями в области критики и могут рассматриваться наряду с его статьями и заметками, как материал для всестороннего анализа его теоретических взглядов.

Печать живого и глубокого интереса к литературе лежит на всей переписке поэта. Еще в 1816 году юноша Пушкин жалуется Вяземскому, что его держат в лицейском «заточении», не позволяя участвовать «в невинном удовольствии погребать Академию и Беседу Губителей Российского Слова».

Почти через двадцать один год, в день дуэли, за несколько часов до нее, он пишет А. О. Ишимовой последнее свое письмо, препровождая ей томик Барри Корнуоля, для перевода его драматических сцен, с которыми Пушкин-редактор намеревался познакомить читателей своего «Современника».

Суждения Пушкина о литературе, взятые из его художественных произведений, лишь условно можно рассматривать как суждения «критические». Эпиграммы, например, могли быть прекрасным оборонительным орудием, но «сатира—не критика, эпиграмма—не опровержение», писал сам Пушкин.

В письмах он очень часто выступал как литературный критик, но выступал перед самым ограниченным кругом друзей. Письма его довольно редко делались достоянием журналов, хотя и писались иногда в расчете на опубликование (№ № 101, 169 и др.). Для настоящей критики необходимо было иметь свой

[1] Письма к Н. Н. Раевскому, см. №№ 101, 169.

[2] Письмо к А. Ф. Воейкову о гоголевских «Вечера на хуторе», № 273.

[3] Письмо к П. А. Плетневу о «Полтаве», № 170.

[4] Письма П. А. Вяземскому о его «Нарвском водопаде», № 105, М. П. Погодину о его драме «Марфа Посадница», № 220.

орган. По цензурным условиям того времени и по целому ряду других причин Пушкину такая возможность представилась только дважды и на очень недолгие сроки... Мы говорим о той поре, когда он сотрудничал в «Литературной Газете» Дельвига в 1830 году и о 1836 годе, когда он получил, наконец, разрешение издавать «Современник». Только здесь Пушкину открывалась возможность более или менее широко выступить в роли критика, не стесняя себя рамками того или иного, чуждого по направлению журнала, не считаясь со вкусами редакторов-издателей тогдашней периодики. Обе эти возможности Пушкин использовал, насколько мог. Именно на 1830 и 1836 годы, когда в руках его были «Литературная Газета» и «Современник», падает наибольшее количество напечатанных критических статей и заметок. Сотрудничество Пушкина-критика в остальных журналах и альманахах носило эпизодический характер [1].

Если взять лишь напечатанные при жизни Пушкина статьи и заметки, то работа его в качестве критика может показаться более или менее спорадической. Но обращаясь к множеству его неизданных и незаконченных статей, заметок и набросков, мы видим, что наряду с творческой работой Пушкин, в сущности говоря, все время уделял огромное внимание работе критической. О постоянстве тяготения Пушкина к критике свидетельствует то, что первая критическая заметка—«Мои мысли о Шаховском»—набросана шестнадцатилетним мальчиком, уже считающим себя полноценным участником литературных боев и дискуссий со «староверами-архаистами». С 1824 года работа в области критики становится почти непрерывной до самой смерти. Последняя статья—«Последний из свойственников Иоанны д'Арк»—относится к первым числам января 1837 года (т. е. была написана за несколько недель до смерти).

Прежде чем рассматривать подробнее литературно-критические взгляды Пушкина, напомним читателю хотя бы в самых общих чертах об узловых моментах формирования русской критики, которая ко времени вступления Пушкина в литературу находилась еще в совершенно младенческом состоянии и лишь постепенно возникала на его глазах, подготовляя явление Белинского. Грамматика, риторика, «правила пиитические»,

[1] В «Московском Телеграфе»— две статьи, в «Северных Цветах»— две статьи, в «Русском Инвалиде»—одна статья и письмо к издателю, в «Телескопе»—две статьи. В «Современнике» же всего лишь за год он напечатал двадцать пять статей и заметок. Уже одно это говорит о том, что Пушкин не смотрел на критику как на случайное для себя занятие.

«способы к сложению российских стихов»—вот первые вопросы, породившие ожесточенные бои между представителями различных социальных прослоек в литературе XVIII века. Здесь не место выяснять исторический смысл «корпения над запятыми» и «неистовств, творимых писателями в боях за каждую букву». В боях этих возникла строгая поэтика придворно-аристократического классицизма. В этот период выработки русского литературного языка критика не ушла дальше споров о «подлом» и «высоком» стиле.

Споры о «подлом» и «высоком» стиле на иной основе, в иных условиях вспыхнули затем в годы зарождения русского сентиментализма. К концу XVIII века придворно-аристократическая литература явно изживает себя. Литература дворянская покидает дворцы и переносится в салоны и в усадьбы. Аудитория несколько расширяется, хотя круг «ценителей прекрасного» все еще очень узок. Но и с рождением сентиментализма критика все-таки не уходит дальше споров о языке. Само название книги А. С. Шишкова («Рассуждение о старом и новом слоге», 1803), положившей начало полемике карамзинистов с «Беседой», ясно указывает на узость русла, в котором протекали основные литературные споры той эпохи. Художественная практика Карамзина, Жуковского и др., подготовившая почву для Пушкина, имела несравненно большее значение, нежели их случайные выступления в роли критиков. Карамзин даже не считал критику «истинной потребностью нашей литературы». «Точно ли критика научает писать, не гораздо ли сильнее действуют примеры, и не везде ли талант предшествовал ученому, строгому суду. Пиши, кто умеет писать хорошо: вот самая лучшая критика на дурные книги. Глупая книга есть не сильное зло в свете. У нас же так мало авторов, что не стоит труда и поучать их. Но если выйдет нечто изрядное, то отчего не похвалить?» («Вестник Европы», 1802). Вслед за Карамзиным и Жуковский недоуменно спрашивал: «Какую пользу может принести в России критика? Что прикажете критиковать? Посредственные переводы посредственных романов? Критика и роскошь—дочери богатства, а мы еще не Крезы в литературе» («Письмо из уезда к Издателю Вестника Европы»).

Единственным более или менее крупным теоретиком и критиком начала XIX века был А. Ф. Мерзляков. Но и Мерзляков восклицал, указывая на сердце: «Вот где система!»

О защитнике авторитетов «Российского Парнаса» от «новейших пачкунов», о М. Т. Каченовском, как литературном критике, говорить почти не приходится. Если его деятельность в

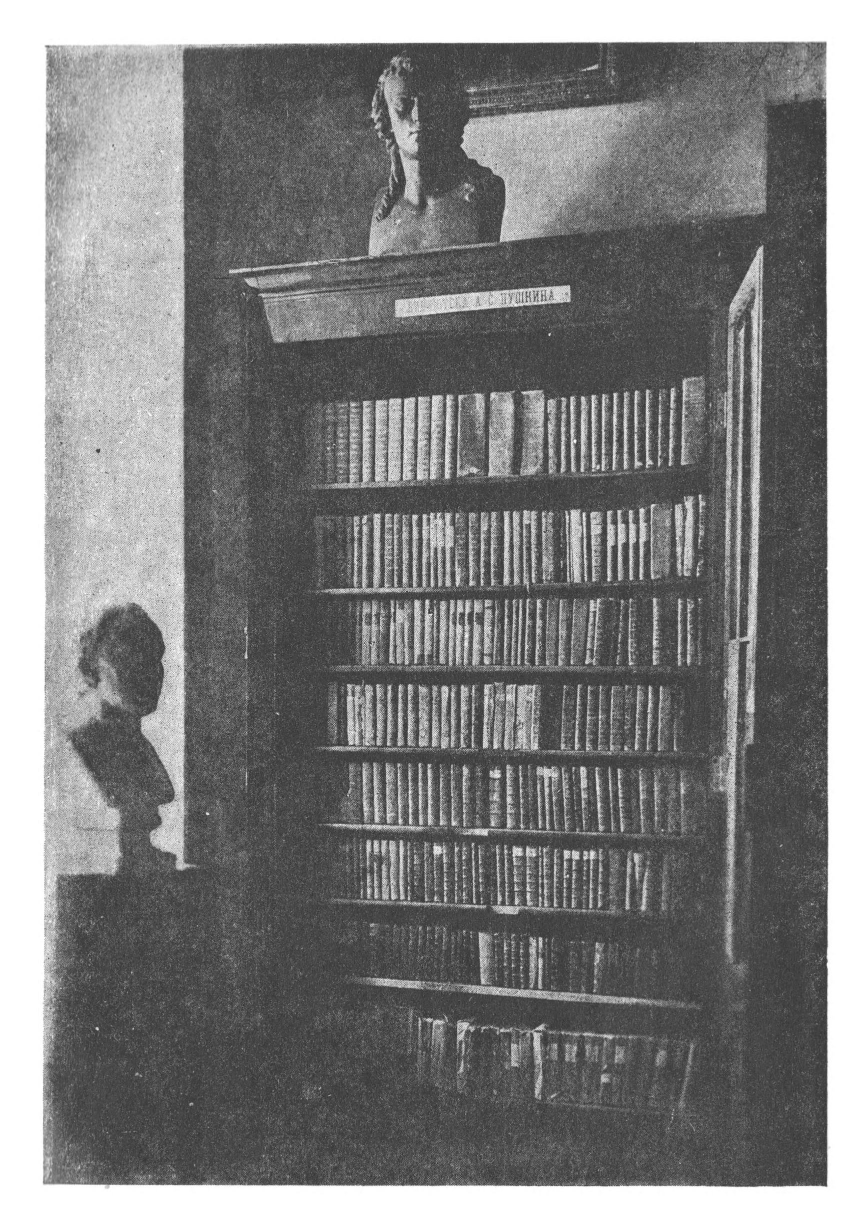
качестве историка и имела некоторое значение, то на критическом поприще он подвизался без всякого призвания, лишь по праву или по обязанности редактора-издателя «Вестника Европы».

А за ними стояла фаланга пигмеев, работа которых даже под увеличительным стеклом специальных исследований еле различима.

Такова была в самых общих чертах критика предпушкинской поры. Переход от стилистических споров и мелких, чаще всего придирчивых разборов к критике, основанной уже на известных эстетических принципах, связан с дальнейшим развитием карамзинской школы.

Но достаточно взглянуть на социально-бытовой фон литературной деятельности «Арзамаса», чтобы заметить, что она протекала в узком избранном кругу и носила, так сказать, домашний характер. Арзамасец С. Уваров пишет в своих воспоминаниях: «Направление этого общества, или, лучше сказать, этих приятельских бесед было преимущественно критическим. Лица, составляющие его, занимались строгим разбором литературных произведений...» Само собой разумеется, что подлинная критика не могла иметь широкого развития в «приятельских беседах». Серьезное влияние она могла получить лишь с широким развитием журналистики и профессионализации писательского труда. Последнее могло осуществиться в полной мере лишь с расширением социального состава как читательской массы, так и деятелей литературы. Камерная, кружковая, салонная литература должна была изжить себя и уступить руководящую роль журналистике. С 1801 года, когда в России издавалось всего десять журналов, до 1820 года возникло более ста новых журналов. Неслучайно «Арзамас» сходит со сцены в 1818 году, после провала попытки создать свой журнал. Именно к 1820 году Н. И. Греч относит возникновение «в литературе нашей новой эры ассигнационного века»[1]. Пушкин сам довольно точно обозначил время и характер наметившегося перелома: «Литература,—писал он в 1836 г.,—стала у нас всего около двадцати лет значительною отраслью промышленности. До тех пор она рассматривалась только как занятие изящное и аристократическое. Г-жа де Сталь говорила в 1811 году: ...«в России несколько дворян занимаются литературой» («Десять лет изгнания»). Никто не думал извлекать других плодов из своих произведений, кроме успеха в обществе...» Начало деятельности Пушкина совпадает с этим

[1] «Записки о моей жизни», «Academia», 1930, стр. 648.

Шкаф с книгами из библиотеки Пушкина

(Институт Русской Литературы при Академии Наук СССР)

ясно обозначившимся переломом в характере литературной жизни эпохи. Если еще в 1820 году Пушкин мог сказать, что «всего приятнее пестрить стихами скучную прозу жизни», т. е. смотрел еще на стихотворство как на забаву, то уже двумя годами позже он решительно отметает от себя «аристократические предубеждения», спокойно и трезво смотрит на поэзию как «на ремесло». «Не думайте, чтобы я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость» (1824, см. стр. 47).

Эта особенность социального бытия Пушкина наложила отпечаток на всю его литературную деятельность. В известной мере ею объясняется и острый всесторонний интерес его ко всем, даже мельчайшим вопросам литературной жизни и постоянное тяготение к журналистике. В переписке его, как мы увидим ниже, упоминания о необходимости создать свой журнал сделались почти постоянными с 1824 года. Но не для стихов и поэм, которые он мог печатать в любом журнале, Пушкин пытался создать свой орган, а именно для насаждения «истинной критики», ибо с первых же шагов в литературе ему пришлось убедиться в неописуемом ее убожестве.

Нам придется уделить некоторое внимание взглядам Пушкина на критику и его полемическим выступлениям против современников-журналистов, потому что в собранном нами материале, в литературной переписке Пушкина, в его статьях и набросках вопросы эти занимают одно из главных мест. Читатель, ознакомившийся с этой книгой, увидит, что «обиняки», «анекдоты», «личности», «филологические» придирки, выдаваемые за критику, и наконец требования чинности и благопристойности, подчинения господствующему вкусу общества и расчетам правительства не давали покоя Пушкину с момента выступления его в литературе и заставляли его все время твердить о необходимости и с т и н н о й критики.

Выход в 1820 году «Руслана и Людмилы» вызвал в журналах настоящую войну. М. Каченовский в «Вестнике Европы» уподобил появление Пушкина в литературе вторжению в «Московское благородное собрание гостя с бородой, в армяке и в лаптях, который закричал зычным голосом: «здорово, ребята!» В «Сыне Отечества» бормотали что-то о «мужицких рифмах», о выражениях, «оскорбляющих хороший вкус». Слово «достигла» находили «очень высоким», а слово «да»—наоборот «низким» и т. п. И бранные, и одобрительные статьи о «Руслане и Людмиле»

выглядели в сущности одинаково. Больше всего в них говорилось о «правилах хорошего тона» в применении к литературе. Рецензенты учили Пушкина русскому языку, пускались в «филологические» доморощенные изыскания, затевали пустопорожние препирательства между собой, мимоходом толкуя и о поэме.

В спорах о «Руслане и Людмиле» журнальная критика показала себя во всей своей красе. Через два года ссыльный Пушкин, очень трезво, без всякой «отеческой нежности» разобрав в письме к Гнедичу недостатки своего «Кавказского Пленника», заметил: «Впрочем, наши Аристархи не в состоянии критиковать меня основательным образом... тяжкие критики их меня мало беспокоят, они столь же безобидны, как и тупы». С тех пор Пушкин не устает твердить об отсутствии в России критики. «Критики у нас, чувашей, не существует»,—писал он Вяземскому в 1824 году.

Когда Бестужев в «Полярной Звезде» на 1825 год высказал мысль, что «у нас есть критика и нет литературы», Пушкин поспешил опровергнуть его утверждение: «Именно критики у нас и недостает... Мы не имеем ни единого комментария, ни единой критической книги. Что же ты называешь критикой? «Вестник Европы» и «Благонамеренный»? «Библиографические известия» Греча и Булгарина? свои статьи? Но признайся, что все это не может установить мнения в публике, не может почесться уложением вкуса. Каченовский туп и скучен, Греч и ты остры и забавны,—вот и все, что можно сказать об вас,—но где же критика? Нет, фразу твою скажем наоборот: литература кое-какая у нас есть, а критики нет».

В том же 1825 году он писал Вяземскому: «Заметил ли ты, что все наши журнальные анти-критики основаны на *сам съешь*? Булгарин говорит Федорову: ты лжешь. Федоров отвечает Булгарину—сам ты лжешь. Полевой говорит Пинскому—ты невежда. Пинский отвечает Полевому—ты сам невежда. Один кричит: ты крадешь! Другой: сам ты крадешь! и все правы».

Таков был характер беспорядочной журнальной критики начала 20-х годов, когда во всех журналах одно из главных мест занимали «Парижские моды». Пустыми ничтожными «анти-критиками» заполнялись почти все страницы журналов. Конкурируя между собою, издатели на все лады позорили друг друга, не оставляя без ответов и опровержений ни малейшего обвинения. Полевому приходилось защищаться от упреков Булгарина в том, что он, Полевой, неверно переводит с французского подписи под картинками мод, и в свою очередь обвинять в том же самом Булгарина («сам съешь»).

«Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще,—писал Пушкин.—Если приговоры журналов наших достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни в Лагарпах. У нас литература не есть потребность народная. Писатели получают известность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; класс читателей ограничен, и им управляют журналы, которые судят о литературе как о политической экономии, о политической экономии как о музыке, т. е. наобум, понаслышке, без всяких основательных правил и сведений, а большей частью по личным расчетам». «Произведения нашей литературы как ни редки, но живут и умирают не оцененные по достоинству... не говоря уже о живых писателях, Ломоносов, Державин, Фонвизин ожидают еще египетского суда. Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих». Пушкин ждал оценки по достоинству Ломоносова, Державина, современников, а критики «толковали о будуарных читательницах, о паркетных дамах» и писали «приторные статейки», в которых старались «подделаться под светский тон». «И в литературе, и в обществе мы слишком чопорны, слишком дамоподобны»,—писал Пушкин.

Статьи наиболее близких Пушкину писателей—Вяземского, Бестужева, Плетнева, Катенина, Кюхельбекера—казались ему единственными просветами среди полного мрака журнальной критики. Но важно отметить, что Пушкин часто подчеркивал известную обособленность своих позиций от позиций этих литераторов. Так, он не раз в печати и в письмах указывал, что статьи Вяземского «вызывают у него охоту спорить». «Его критика поверхностна и несправедлива, но образ его побочных мыслей и их выражение резко оригинальны. Он мыслит, сердит и заставляет мыслить и смеяться».

Статьи Бестужева он очень откровенно охарактеризовал самому автору лишь как острые и забавные». С Кюхельбекером он полемизировал в статье «О вдохновении и восторге». Катенину писал, что «связь» их «основана не на одинаковом образе мыслей». Плетневскую статью о русской поэзии назвал «ералашью» и советовал ему быть зубастым и не писать «добрых критик».

Единичные голоса серьезных критиков тонули в разноголосном хоре журналистов, «бранившихся именами «классик» и «романтик», как старушки бранят повес франмассонами и волтерьянцами, не имея понятия ни о Вольтере, ни о франмассонстве».

Наблюдая издали, из своего глухого Михайловского, за возней журналов, ссыльный поэт писал друзьям: «Более чем когда-нибудь чувствую необходимость какой-нибудь Edinbourgh Review[1]. «Когда-то мы возьмемся за журнал. Мочи нет, хочется...» [2] Издавать журнал «было бы чудно хорошо... надоела мне печать—опечатками, критиками, защищениями» [3]. «Вместо альманаха не затеять ли нам журнал вроде Edinbourgh Review? Голос истинной критики необходим у нас»[4]. «Пора бы нам отослать и Булгарина, и Благонамеренного, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того, а ей-богу когда-нибудь примусь за журнал» [5].

Мысль о журнале и раньше занимала Пушкина, но с 1820 года почти до конца 1826 года он был оторван от литературной жизни, скитаясь по югу России и живя потом уединенно в Михайловском. Мудрено было осуществить это заветное намерение в положении ссыльного.

Если в 1823 году свой журнал рисовался Пушкину как невинное «Revue des bevues», т. е. «Обозрение промахов» (промахов, действительно засорявших все тогдашние журналы), то через несколько лет, когда поэт вернулся из ссылки в столицу и воочию увидел оборотную сторону успехов далеко шагнувшей «литературной промышленности», он понял, что предстоит борьба не с «ошибками» и «промахами», а с засильем булгаринской клики, широко развернувшей свою деятельность после разгрома декабристов, в условиях общественной и политической реакции.

Борьба с монополией «Северной Пчелы» и с булгаринскими методами критики становится боевой задачей Пушкина к концу 20-х годов. Но расстановка сил в журналистике была чрезвычайно неблагоприятна для Пушкина. «Аристократические предубеждения» отдалили поэта от «Московского Телеграфа». Сблизиться по-настоящему с группой литераторов шеллингианцев, объединившихся вокруг «Московского Вестника» (Веневитинов, Одоевский, Киреевский и др.), Пушкин не смог: узко философское направление этого журнала было ему чуждо [6].

[1] Вяземскому, 19 февраля 1825 г., стр. 66.
[2] Вяземскому, 10 августа 1825 г., стр. 82.
[3] Бестужеву, 30 ноября 1825 г., стр. 89.
[4] Катенину, февраль 1826 г., стр. 99.
[5] Вяземскому, 27 мая 1826 г., стр. 102.
[6] «Ты пеняешь мне за «Московский Вестник» и немецкую метафизику,—писал он Дельвигу 2 марта 1827 года,—Бог видит как я ненавижу и презираю ее, да что делать? собрались ребята теплые, упрямые, поп свое, а чорт свое. Я говорю: «господа, охота вам из пустого в порож-

Независимой журнальной трибуны, где бы он мог выступить в роли критика, у Пушкина не было до самого 1830 года, когда начала выходить «Литературная Газета» Дельвига. Здесь при ближайшем участии Пушкина развернулась бурная полемика по вопросу о «литературной аристократии». Здесь поэту и его друзьям, «литературным аристократам», отстаивавшим принцип «чистого искусства», пришлось обороняться от нападений с двух сторон. Справа нападал Ф. Булгарин, действовавший пасквильными «анекдотами» и доносами, «слева»—«якобинец»[1] Полевой.

В полемике того времени с чрезвычайной ясностью сказался ее классовый характер.

В своем «Разговоре» (см. № 188, стр. 204) Пушкин писал: «На кого журналисты наши [Булгарин, Полевой и др.—*Н. Б.*] нападают? Ведь не на новое дворянство... составляющее нашу знать, истинную богатую и могущественную аристократию—pas si bête! Наши журналы перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне по причине раздробленных имений составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов...». Далее Пушкин как бы объясняет, почему враждовавшие между собой до этой полемики и стоявшие на разных литературно-общественных позициях Полевой и Булгарин, неожиданно блокировались и выступили единым фронтом против «литературных аристократов». «Почему же некоторые журналисты,—спрашивает он,—вступились с такой братской горячностью за «Северную Пчелу»? Потому что свой своему поневоле брат».

В свою очередь и Полевой ясно отдавал отчет в своих стремлениях сосредоточить литературу в руках буржуазии, «класса среднего между барином и мужиком», как он сам выражался. «У людей знатных с весьма немногими исключениями литература всегда останется делом посторонним: они заняты своим честолюбием, своею службою, своими отношениями. Они всегда смотрели и будут смотреть на литераторов как на ремесленников, более их искусных в своем деле, но чуждых им во всех

нее переливать, все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными знаниями...»

[1] «Якобинизм» Полевого, отмеченный в дневнике Пушкина 1834 г., носил очень смутный и противоречивый характер. Во всяком случае Полевой не был ни революционером, ни демократом.

отношениях. Напротив, для низшего класса литература есть та стихия, которою они сближаются с человечеством»[1].

Борьбы с «более опытными ремесленниками» «Литературная Газета» не выдержала, довольно скоро прекратив свое существование (1831 г.). Но сознание, что поприще «литературной промышленности» остается за Булгариным, и раны, нанесенные Пушкину грязными пасквилями «Видока», не переставали тревожить его. Обуреваемый желанием задушить ненавистную монополию, Пушкин не останавливается даже перед замыслом создать в противовес «Северной Пчеле» свою литературно-политическую газету, подчиненную в политической части правительственному направлению (это относится к 1831 году, к периоду наибольшего «примирения» с правительством). В докладной записке к Бенкендорфу в 1831 году Пушкин прямо указывает, что единственным мотивом, побуждающим его просить разрешение на издание газеты, является намерение восстановить «равновесие в литературе», ослабить всеподавляющее влияние «Северной Пчелы», монополизировавшей «критику и полемику». Издание газеты Пушкину осуществить не удалось.

Вся страстная ядовитость пушкинской полемики направлена на Булгарина (см. «О записках Видока», «Торжество дружбы», «Несколько слов...» и др.). Насколько тяжелы и метки были удары его «львиных когтей», можно судить по тому, что Булгарин, по свидетельству современников, восстанавливал равновесие после одной из статей Пушкина кровопусканием. Сохранился рассказ, что, прочтя пушкинскую рецензию на «Записки Видока», он божился перед иконой в книжной лавке, убеждая книгопродавца, что между ним и Видоком нет ничего общего. По словам Дельвига он даже «поглупел» после того, как Пушкин сорвал с него маску. Антибулгаринские статьи Косичкина, послужившие образцом Белинскому и Герцену [2],—прекрасные примеры полемического блеска пушкинского пера.

Пушкину так и не удалось «восстановить равновесие» в литературе и задушить Булгарина, но огромный общественный смысл этой борьбы не прошел бесследно—дело его по расправе с Фадеем докончил Белинский.

Полемика с Каченовским, Полевым и Надеждиным не носила такого напряженного характера и не имела такого значения

[1] «Московский Телеграф», 1830, № 2.

[2] См. статью А. Герцена «Ум хорошо — два лучше». По мнению Белинского, полемические статьи Пушкина —«верх совершенства». Он неоднократно ссылается на них.

в глазах Пушкина, как борьба с Булгариным. В лице Полевого он видел лишь союзника Булгарина.

Рассматривая отношение Пушкина к Полевому и Надеждину, нельзя не заметить, что он недооценил известные положительные стороны в критике того и другого. Но если обратиться к их выпадам против него, то станет понятным раздражение Пушкина. Полевой, например, считал, что «почтенный Булгарин» должен с улыбкой презрения перенесть «приближение нечистого насекомого». [т. е. Пушкина.—*Н. Б.*] «к своим нравственно-сатирическим сочинениям». Надеждин в статьях против Пушкина чаще всего предавался шутовству, столь ненавистному для Пушкина в литературе. Он беспокоился, например, что станется с его «дядюшкой, которому стукнуло уже пятьдесят лет», или с его «двоюродной сестрой, которой нет еще шестнадцати», если им попадется в руки «Граф Нулин» Пушкина.

Чтобы не возвращаться к полемике Пушкина, отметим основную отличительную ее черту. Все его выступления в этой области имели целью отбросить нелитературные обвинения и пресечь ту или иную попытку использовать критику для посторонних целей. В 1825 году, когда А. И. Муханов напал на «барыню» Сталь, сопричислив ее к «щепетильным французикам», Пушкин ударил по рукам автора «журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной» (см. № 74, стр. 54—56). В 1829 году, когда Каченовский прибегнул в споре с Полевым к «жалкой попытке оградиться тем, чем не следует и невозможно ограждаться в спорах чисто литературных» [1], т. е. обратился в цензуру с жалобой на Полевого, Пушкин напечатал в «Северных Цветах» свой «Отрывок из литературных летописей» (см. № 164, стр. 163—168), в котором жестоко высмеял поступок Каченовского.

В «Объяснении к заметке об Илиаде» (1830) он писал, что критика должна «ограничиваться замечаниями чисто литературными, не примешивая к оным догадок насчет посторонних обстоятельств» (см. также «О личностях в критике», «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» и т. д.). Последняя полемическая статья Пушкина—«Мнение Лобанова»—это сдержанный (по цензурным условиям), но пропитанный гневом ответ на полицейский окрик мракобеса, призывавшего академиков «проникать ухищрения пишущих» (см. № 344, стр. 379).

[1] Н. Чернышевский—«Очерки гоголевского периода». Избр. сочинения, т. IV, М.—Л., Гиз, 1931, стр. 193.

Пушкин до конца жизни относился к современной ему критике крайне отрицательно. Но если в начале 20-х годов он начисто отрицает ее существование, то к 30-м годам, по мере несомненного роста критики, он констатирует наличие «отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия». «Но они являлись отдельно,—говорит он,—в расстоянии одна от другой и не получили еще веса и постоянного влияния. Время их еще не приспело». Особенно горячее сочувствие вызвали у Пушкина критические статьи Д. В. Веневитинова и И. В. Киреевского, сделавшего первую попытку философского анализа эволюции пушкинского творчества. Всего любопытнее то, что Пушкин приветствовал первые шаги В. Белинского. «В Письме к издателю» (1836) он писал: «Жалею, что вы, говоря о «Телескопе», не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного». Несмотря на то, что Белинский отозвался о 2-м томе «Современника» 1836 г. резко отрицательно, Пушкин предполагал привлечь его к постоянной работе в журнале и уже вел с ним через Нащокина деловые переговоры на этот счет, хотя «арзамасские друзья» относились к Белинскому более чем враждебно. Вяземскому, например, Белинский «всегда казался каким-то пьяным Полевым, Полевым, белены объевшимся». Вяземский называл его «баррикадником», литературным бунтовщиком, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтует в журналах...» (Письмо к Шевыреву, январь 1857 г.). «Литературный бунтовщик» надолго сохранил благодарные воспоминания о сочувствии Пушкина. В 1842 году он писал Гоголю, что «несмотря на то, что «слышал похвалы от умных людей», «больше всего этого радует и будет радовать как лучшее достояние несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным, к счастью дошедших до меня из верных источников» (Письма Белинского, Спб, 1914, т. II, стр. 310).

Признание Белинского Пушкиным на фоне отрицательного отношения к нему Вяземского весьма симптоматично. Оно показывает, как широк был в своих исканиях Пушкин, уходя от друзей-«аристократов» в сторону сближения с лучшими представителями прогрессивного класса. Но «оговорки» и условия, которые он ставит Белинскому (уважение к преданию, осмотрительность) не менее симптоматичны. Они свидетельствуют, что привлечение Белинского к работе в «Современнике» представлялось

Пушкину возможным лишь при известных уступках со стороны Белинского, в смысле более осмотрительной переоценки им всех явлений русской литературы с позиций демократически настроенного разночинца.

Литературную работу Пушкин начал с «невинного», «домашнего» удовольствия, с заочного погребения «Беседы Любителей Русского Слова» и кончил поисками союза с критиком, на целые десятилетия предопределившим развитие русской критической мысли.

Разбирая в «Московском Наблюдателе» (1838 г.) 5-й том «Современника», вышедший вскоре после смерти Пушкина, Белинский писал: «Статья Пушкина о Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного Рая» чрезвычайно интересна: она знакомит нас с Пушкиным не столько как с критиком, сколько как с человеком, у которого был верный взгляд на искусство, вследствие его верного и бесконечного эстетического чувства». Приведя затем заметку Пушкина «О Шекспире», Белинский прибавлял: «...во всем этом виден не критик, опирающийся в своих суждениях на известные начала, но гениальный человек, которому его верное и глубокое чувство или, лучше сказать, богатая субстанция открывает истину везде, на что он ни взглянет».

Мысль Белинского совершенно верна. В суждениях своих о литературе Пушкин действительно не опирался на те «известные начала», под которыми Белинский подразумевал, конечно, родственные ему самому философские начала. Белинский рассматривает здесь статьи Пушкина с позиций критика-публициста, положившего в основу критики глубокие социальные проблемы своего времени, тогда как в критике Пушкина несомненно преобладание эстетического критерия над всеми иными.

Не надо забывать, что Пушкин не критик-профессионал, не создатель или последователь известной системы, но один из первых русских критиков-художников. Сам Пушкин считал, что критика и есть дело писателей. Мнение это он высказывал неоднократно. «Критикою у нас большей частью занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs [предприниматели], люди, понимающие свое дело, но не только не критики, но даже не литераторы». «Если бы писатели, заслуживающие уважения и доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, что она есть».

Известная односторонность такого подхода к задачам критики бросается в глаза. В свое время это отмечал в «Очерках гого-

левского периода» Чернышевский, где он говорил, что «критика пушкинского направления довольствовалась замкнутой для остальной публики деятельностью в тесном кругу писателей». Но мы должны искать объяснение подобных взглядов Пушкина главным образом в том, что высококачественной, подлинно синтетической критики до Белинского не существовало, а оставлять читателей под опекой литературных предпринимателей было бы, по мнению Пушкина, гибельно.

Требования, которые он предъявлял к критике, были прежде всего требованиями художника. «Критика—наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы. Она основана: 1) на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, на 2) глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений. Не говорю о беспристрастии—кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими корыстными побуждениями. Где нет любви к искусству, там нет и критики. Хотите ли быть знакомым с художеством? говорит Винкельман—старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях». Так определял для себя задачи критика Пушкин.

Эстетический критерий превалировал в оценках и суждениях Пушкина над всеми иными. Но это был, конечно, не тот «эстетический» критерий, который высмеял он в своем «Опыте отражения»: «это хорошо потому, что это прекрасно, это дурно потому, что плохо». Критика Пушкина действительно опиралась на совершенное знание правил и глубокое изучение образцов». Маргиналии Пушкина на «Опытах» Батюшкова или на статье Вяземского об Озерове, наброски предисловия к «Борису Годунову», статьи о Байроне, о Баратынском, о Катенине, заметки «О смелости выражений», «О вдохновении и восторге», «О слоге» и многие другие красноречиво свидетельствуют об этом. Именно как мастер, как критик-художник выступает Пушкин и в статье об «Утешениях» Сент-Бева. Но это вовсе не значит, что внимание Пушкина было целиком поглощено вопросами узко специального значения. Наоборот, рассматривая в этой статье нововведения так называемой «романтической школы французских писателей, которые полагают слишком большую важность в *форме* стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п.», Пушкин говорит: «Все это хорошо, но слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества». Тем-то и ценны

критические и теоретические искания Пушкина, что известное преобладание эстетического критерия вовсе не замыкало критика Пушкина в рамки узкого эстетства или формализма. Наоборот, говоря о том, что Малерб и Ронсар ныне забыты, Пушкин объясняет судьбу их произведений в потомстве тем, что «сии два таланта истощили силы свои в борении с усовершенствованием стиха. Такова участь, ожидающая писателей,— говорит он,—которые пекутся более о механизме языка, наружных формах слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не зависящей от употребления». В статье «Драматическое искусство» (1830) Пушкин поднимается до попыток социологических обобщений, давая смелый анализ придворно-аристократического театра. Сопоставляя положение творца народной трагедии с положением придворного драматурга, Пушкин показывает, как драма оставила язык общепринятый и приняла наречие модное, избранное, когда придворный трагик, подчинившись требованиям «утонченного вкуса» «людей, чуждых ему по состоянию», перестал» предаваться вольно и смело своим замыслам».

Пушкин не создал стройной критической системы, он не был последователем какой-либо одной теории или школы [1]. Но, обладая необыкновенной проницательностью и опираясь на свой богатый творческий опыт, он явился первым и лучшим истолкователем многих явлений русской и западно-европейской литературы. Недаром современные ему критики профессионалы указывали на его «гениальное понимание Шекспира».

[1] Не находя никаких образцов в русской критике и эстетике, Пушкин чаще всего обращал взгляд на Запад. В статьях и в письмах он ссылается на А. Шлегеля, Лагарпа, Лессинга. Его определение критики сложилось под влиянием Винкельмана. В суждениях о Шекспире, о драме вообще Пушкин опирался на А. Шлегеля и Гизо. Мнения критиков французского журнала «Le Globe» и английского «Edinbourgh Rewiew» имели некоторое влияние на оценки Пушкина. Высшим достоинством той или иной критической статьи он считал степень ее приближения к западно-европейским образцам. «Европейские статьи так редки в наших журналах»,— писал он 25 мая 1825 года Вяземскому об его статье «О Кавказском Пленнике».

«Шевырев, Погодин, Киреевский... написали несколько опытов, достойных стать на ряду с лучшими статьями английских Rewiew» («Мысли на дороге»).

В «Письме к издателю» (1836) он говорит: «Многие из статей Сенковского достойны занять место в лучших из европейских журналов...»

О «Московском Вестнике» Пушкин писал Погодину: «Вы издатель европейского журнала в азиатской Москве». (См. также его заметку «О русских журналах»-1831.)

Белинский давал многим писателям оценки, предвосхищенные Пушкиным.

В середине 30-х годов слепые почитатели авторитетов были возмущены смелыми и резкими суждениями Белинского о Ломоносове, Державине, Озерове. Но задолго до Белинского Пушкин писал, что напрасно было бы искать в первом нашем лирике (т. е. Ломоносове) истинных порывов чувства и воображения и странно требовать, чтобы человек, умерший семьдесят лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики.

«У Державина,—говорил Пушкин,—должно сохранить будет од восемь, да несколько отрывков, а прочее сжечь...» «Слава Озерова... при появлении истинной критики совсем исчезнет». Отсутствию критики приписывал он и репутации Хераскова, Княжнина, Дмитриева.

Рассматривая пушкинские оценки литературы, не надо забывать, что они не приведены им ни в какую систему, рассеяны в набросках, в черновиках и в письмах. Но основное их направление и конечный вывод вырисовываются все же довольно отчетливо.

Состояние «бедной» русской словесности Пушкин находил безотрадным, но верил в ее будущее, в ее скрытые возможности и считал, что «время зрелости ее уже недалеко».

В 1824 году Пушкин писал: «У нас еще нет ни словесности, ни книг; все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке (метафизического языка у нас вовсе не существует)».

Отмечая сравнительно высокую поэтическую культуру в России XVIII и начала XIX века, Пушкин вместе с тем утверждал, что «ученость, философия и политика доселе еще по-русски не изъяснялись». Вот почему убеждал он Вяземского «образовать наш метафизический язык», т. е. «язык мысли».

Одну из основных причин плачевного состояния русской литературы Пушкин усматривал в отсутствии традиций. «Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники... Но, к сожалению, старой словесности у нас не существует». «Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности». «За нами темная степь—и на ней возвышается единственный памятник: Песнь о полку Игореве. Словесность наша явилась вдруг с 18 столетия подобно русскому дворянству, без предков и родословий».

Родившись вдруг, она оказалась оторванной от основ народного миропонимания и развивалась в атмосфере искусственности и подражания. Пушкин называет Сумарокова несчастнейшим из подражателей. Его холодные трагедии могли нравиться двору Елизаветы, но «не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие». В Ломоносове Пушкин видит высокопарного подражателя немецких стихотворцев, не знавшего, что такое простота и точность и лишенного всякой народности. Державин... но «этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка... Его гений думал по-татарски, а русской грамоты не знал за недосугом». Озеров пытался дать народную трагедию, но оказывается, что черпать сюжеты из русской истории вовсе не значит быть народным.

Характерно, что и к современникам своим Пушкин предъявлял все то же требование народности. «Думы» Рылеева он строго осудил, не найдя в них этого качества. Крылова он называет самым народным из русских поэтов, объясняя его широкую популярность общедоступностью избранного Крыловым жанра. Катенина Пушкин ценил именно за то, что он «ввел в круг возвышенной поэзии» «простонародный язык и простонародные мотивы». Наличие народности в «Вечерах на хуторе» Гоголя привлекло к ним сочувственное внимание Пушкина.

Он отдавал должное таким поэтам, как Жуковский, Баратынский, Языков, Дельвиг, и самым внимательным образом следил за первыми шагами нарождавшейся в России прозы (Загоскин, Вельтман, Павлов, Гоголь). И все же в 1834 году он начал писать обширную по замыслу статью «О ничтожестве литературы русской», удивительно совпадающую в основном и в ряде частностей с «Литературными мечтаниями» Белинского (1834), который решительно и твердо сказал тогда, что «у нас нет литературы». Любопытен самый план пушкинской статьи (кстати сказать, совсем недавно найденный и опубликованный,— см. стр. 555). План этот Пушкин заканчивает так: «Если русская литература представляет мало произведений, достойных критики литературной, то она сама по себе (как и всякое другое явление в истории человечества) должна обратить на себя внимание добросовестных исследователей».

Анализируя в самой статье причины, приведшие русскую литературу к состоянию «общего ничтожества», Пушкин приходит к выводу, что этим она обязана главным образом французской литературе, которая в начале XVIII столетия «обладала Европою» и «должна была иметь на Россию долгое и решительное влияние».

Мысль для Пушкина не новая. О вреде этого влияния он писал неоднократно и прежде. Пушкин очень быстро освободился от арзамасских традиций и от школьных представлений о французском классицизме по «Лицею» Лагарпа. Уже к 20-м годам традиционное усвоение французской поэзии сменяется у него строго критическим отношением к ней. Еще в одной из самых ранних заметок о французской словесности Пушкин писал о ее «бледном, робком языке и о глупом стихосложении». Правда, тогда он не мог «решить, какой словесности отдать предпочтение», «но,—прибавлял он,—есть у нас свой язык; смелее!—обычаи, история, песни, сказки...» Отсюда разовьется и получит совершенно определенные и ясные очертания позднейшее настойчивое требование народности. В дальнейшем вся эволюция литературных взглядов Пушкина пройдет под знаком отталкивания от французской литературы и преодоления ее влияния. Если в 1822 году он еще осторожно отмечает, что «английская литература начинает иметь влияние на русскую и высказывает предположение, что оно «будет полезнее влияния французской поэзии робкой и жеманной, то через год он прямо призывает Вяземского: стать за немцев и англичан и уничтожить этих маркизов классической поэзии». «Французская болезнь умертвила бы нашу отроческую словесность».

В 1827 году, разочарованный холодным приемом «Бориса Годунова» у читателей и убежденный в том, что надежды на торжество подлинного свободного и искреннего романтизма не оправдались, Пушкин приписывал неудачу эту опять-таки влиянию французской словесности, «всем нам с младенчества так коротко знакомой».

В чем заключалась, по мнению Пушкина, «французская болезнь», и чему он приписывал силу ее воздействия на отечественную литературу? На вопросы эти он отвечает в статье «О русской литературе с очерком французской»: «Влияние, которое французские писатели произвели на общество, должно приписать их старанию приноравливаться к господствующему вкусу и мнению публики... Ни один из французских поэтов не дерзнул быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы. Расин перестал писать, увидя неуспех своей «Гофолии». Публика (о которой Шамфор спрашивал так забавно: сколько нужно глупцов, чтобы составить публику?), легкомысленная, невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они, дабы вновь зайти в доверенность, обратились к народу,

ласкаяего любимые мнения или фиглярствуя независимостью и странностями, но с одною целью выманить себе репутацию или деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к изящному— жалкий народ».

При этом Пушкин даже не видел особой разницы между состоянием литературы XVII века, сосредоточенной около трона Людовика XIV, которого Корнель и Расин тешили заказными трагедиями, и состоянием «новейшей» поэзии, очутившейся на площади, с чем иронически Пушкин и поздравлял поэтов, имея в виду, конечно, прежде всего Беранже.

К чему вело подчинение господствующему вкусу в век Людовика XIV, когда «писатели были призваны ко двору и задарены пенсиями как дворяне»? Расин, например, которого Пушкин считал истинным поэтом, чьи стихи были полны «гармонии и точности»,—Расин, по словам Пушкина, «боялся унизить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей—отселе робкая чопорность, смешная надутость, вошедшая в пословицу, привычка смотреть на людей высшего состояния с подобострастием и придавать им странный нечеловеческий образ изъяснения...» Нерон у него не скажет просто: «Je serai caché dans ce cabinet, но: caché près de ces lieux je vous verrai, madame»... Мы к этому привыкли, нам кажется, что так и быть должно. Но надобно признаться, у Шекспира этого незаметно».

«Отселе вежливая, тонкая словесность, блестящая аристократическая, немного жеманная, но тем самым понятная для всех дворов Европы».

Даже «Вольтер, великан своей эпохи», по мнению Пушкина, то угождал «толпе», наполняя театры трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств», заставлял своих героев выражать правила своей философии,—то двору Фридриха II, где «лавры» Вольтера «были обрызганы грязью». А «настоящее место писателя— его ученый кабинет. Независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы».

К концу XVIII века «истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия». Поэзия салонов и гостиных, обмельчавшая, слащаво-сентиментальная, вычурная французская поэзия «заполняет все». «Грибы, выросшие у корней дубов: Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, m-me Жанлис овладевают русской словесностью».

В современных ему французских писателях Пушкин видел все тех же поклонников минутного успеха.

Деклассирующийся дворянин, сам причислявший себя к роду среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, сохранивший гордость и стремление к независимости, одинаково отвергавший как меценатство знати, так и «отвратительную власть» буржуазной демократии, Пушкин не хотел видеть поэта ни у трона, ни в передней вельмож, ни в салонах, ни на площади («Ты царь, живи один...»). Это толкование «свободы» художественного творчества, восходящее к Шеллингу и хорошо усвоенное Пушкиным в кружке «Московского Вестника», не мирилось с принципом социальности, доминировавшим в «новейшей» французской литературе. Не то чтобы Пушкин был антиобщественным поэтом, не то чтобы он мечтал об отчуждении поэзии от жизни (ведь он и сам «был воспитан в страхе перед почтеннейшей публикой»), но общественная жизнь и политика заполняли французскую литературу больше, чем то мог допустить Пушкин. Это привело, по его мнению, к тому, что французский драматург стал писать древнюю трагедию, держа перед собою развернутую газету, «дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберия, Леонида высказать мнение автора о Виллеле или о Кеннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходок, но трагедии истинной не существует». Почти всем французским поэтам новейшего поколения нехватало, по мнению Пушкина, одного свойства чрезвычайно важного, «без которого нет истинной поэзии, т. е. искренности, вдохновения. Ныне французский поэт систематически сказал себе: soyons religieux, soyons politiques, а иной даже soyons extravagants, и холод предначертания, натяжка, принужденность отзываются во всяком его творении, где никогда не видим движения минутного вольного чувства».

С этой же точки зрения рассматривал Пушкин и представителей французского социального романа, который казался ему «скучной проповедью или галлереею соблазнительных картин». Отсюда непонятное с первого взгляда нерасположение Пушкина к таким писателям, как Гюго, Бальзак, Жорж Санд. Любимцами его среди новых французских писателей были— Шенье, Сент-Бёв, Мериме и Мюссе.

В статьях, заметках и письмах Пушкина французской литературе уделено наибольшее внимание. Он говорит о ней гораздо чаще, чем об английской, немецкой или итальянской. Это вполне понятно: французский язык был для него вторым родным языком; многих иноязычных писателей и поэтов, вплоть

Снимок с рукописи статьи Пушкина о Баратынском

Тетрадь Всесоюзной библиотеки им. Ленина № 23а

до античных, Пушкин узнавал впервые не в оригиналах и отнюдь не в русских, а именно во французских переводах[1]. Литература Франции в глазах Пушкина естественно стала мерой сравнения с другими. Особенно характерны в этом смысле его оценки явлений английской литературы. Глубину Байрона он противополагает поверхностности Расина, почти все произведения Шекспира он сопоставляет с французскими драматическими произведениями (Расина, Вольтера, Мольера), простоту исторического романа Вальтер-Скотта он ставит в образец «чопорному» де Виньи и напыщенным французским трагикам, английских поэтов «озерной школы» Вордсворта и Кольриджа сравнивает с основоположником пуассардского жанра Ж. Ваде, отдавая полное предпочтение первым.

Английская литература в лице Байрона, Шекспира, Мильтона, В. Скотта, Вордсворта, Кольриджа, Соути и др. сыграла огромную роль в истории развития литературных взглядов Пушкина, в процессе его эволюции к реализму, в освобождении от влияния французской литературы. Первым поэтом, поведшим Пушкина в сторону от обветшалых схем и правил французской классической школы, был Байрон. Когда в 1822 году Пушкин писал, что «английская словесность начинает иметь влияние на русскую», он уже переживал неизгладимое увлечение «глубокой и очаровательной» поэзией Байрона. Но... «гений Байрона бледнел с его молодостью. В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уже не тот пламенный Демон, который создал Гяура и Чайльд-Гарольда. Его поэзия видимо изменялась. Он весь был создан навыворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал—пропел и замолчал, и первые звуки его уже ему не возвратились». Не было постепенности и в увлечении Пушкина Байроном. Оно интенсивно и кратковременно. Уже к середине 20-х годов Байрон отступает в сознании Пушкина перед Шекспиром.

С длительным, пристальным, всесторонним изучением Шекспира связана вся система взглядов Пушкина на драму. Следуя А. Шлегелю, он выдвигает в противовес классической французской драме трагедию Шекспира, свободную от оков узаконенных единств, полную «истины страстей и правдоподобия чувствований». Робкой чопорности, напыщенности придворного театра, подчиненного вкусам «спесивых зрителей», Пуш-

[1] См. статью Б. В. Томашевского «Пушкин—читатель французских поэтов» («Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова», М.—П., Гиз, 1922, стр. 226).

кин противополагает «свободную» «широкую» форму шекспировских исторических хроник и трагедии. Изучение Шекспира привело Пушкина к мысли, что сущностью и целью драмы является: «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная... Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. Свобода».

Изучение Шекспира окончательно укрепило его в убеждении, что «единства», которые все еще почитались главным условием и основанием драматического искусства, менее всего необходимы драматическому писателю, что они просто несовместимы с самой природой драмы. «Правдоподобие положений и правда диалога—вот настоящие законы трагедии...» «Читайте Шекспира (это мой припев!..) ...«Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется, но каждый на свой образец—читайте Шекспира...» «Как Байрон-трагик мелок по сравнению с ним! Байрон... постиг всего на всего один характер (именно свой собственный)» и «разделил его между своими героями, давши одному свою гордость, другому—свою ненависть, третьему—свою меланхолию и, «таким образом из одного характера полного, мрачного и энергичного создал несколько характеров незначительных. Это уже вовсе не трагедия».

Как Шекспир в области драмы, так Вальтер-Скотт в области прозы стал предметом изучения Пушкина и способствовал органическому переходу его к реализму (изображение «прозаических подробностей жизни», «просторечие», отсутствие какой бы то ни было приподнятости, театральности, даже в торжественных обстоятельствах»). Пушкин считал «действие Вальтер-Скотта ощутительным во всех областях современной ему словесности» и сам всемерно использовал опыт «шотландского чародея» и в историческом романе и в бытовых новеллах.

Под знаком все того же тяготения к реализму, к простоте и демократизации языка, к поэзии, освобожденной от условных украшений стихотворства, Пушкин в 30-е годы обращается к английским поэтам озерной школы, к Вордсворту, Кольриджу, Соути, чьи произведения «исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина».

Из беглых и кратких заметок Пушкина о Чоусере, Матюрине, Фильдинге, Стерне видно, что они были ценимы им. В английской литературе безусловное неодобрение его заслужил лишь Томас Мур, которого он назвал «чопорным подражателем безобразному восточному воображению».

Другие западно-европейские, а также античные писатели вызвали очень немного отзывов в статьях и в письмах Пушкина. Античная литература была хорошо знакома ему еще с лицейской скамьи [1]. Лирика Пушкина хранит живые следы воздействия «величавой древности» на его творчество. И если в критической прозе он скуп на отзывы об античных писателях, то в его стихах и поэмах мы найдем немало интереснейших суждений о таких поэтах, как Анакреон, Вергилий, Овидий и др.

Среди немецких поэтов выше всех Пушкин ставил «великана романтической поэзии» Гете. «Фауст» в его глазах был «Илиадой новейшего времени».

Манерный, салонно-буколический поэт С. Геснер и тяжелый, напыщенный Клопшток были им отвергнуты. Но Гебель и Бюргер, стремившиеся «приблизить поэтический слог к благородной простоте», привлекли к себе внимание Пушкина. Итальянская и испанская литературы были восприняты Пушкиным на фоне французской. Он отметил, что «в средние века, когда поэзия во Франции еще младенчествовала, «отрасли романтической поэзии пышно процвели в Италии и в Гишпании. Италия присвоила себе ее эпопею, полу-африканская Гишпания завладела трагедиею и романом». Здесь Пушкин видел рубеж между древней и новейшей поэзией. Именно средневековый («готический») романтизм был, по мнению Пушкина, началом новой европейской литературы, независимой от влияния античных образцов. И одним из самых ранних представителей этой новой европейской «романтической» литературы был Данте, а затем М. Баярдо и Ариосто, истоками поэзии которых были народные песни и предания.

Вопросы романтизма и «народности» (отчасти связанные тогда между собой) были основными теоретическими вопросами, занимавшими внимание критиков того времени. Пушкин, не питавший особой склонности к отвлеченным теоретическим спорам, считал, что о романтизме «у нас имеют самое темное понятие».

Сам он первоначально вкладывал в слово «романтизм» очень широкий смысл, полагая, что «школа романтическая есть отсутствие всяких правил». Романтик «принимает за правило одно вдохновение». К романтическому роду он отно-

[1] Впрочем, и до лицея он мог иметь известное представление о корифеях античной поэзии, благодаря своему знакомству с французской литературой XVII и XVIII веков. Изучение латинского языка в лицее углубило и расширило его знание античности.

сил сначала все, что в его представлении было противоположно мертвым формам, каким бы то ни было схемам и канонам «парнасского православия» (т. е. классицизма). Хотя от подлинного классицизма («от бессмертных созданий величавой древности») Пушкин никогда не отрекался, но он очень хорошо понимал, что каждому веку нужна своя литература, что «правильность и совершенство» классической поэзии, а главное—«бледные списки ее подражателей» неизбежно должны были наскучить, что «утомленный вкус требует иных сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой народной поэзии». Так смутно и расплывчато определял Пушкин романтизм в пору создания «Бориса Годунова».

В наше время называют романтическими южные поэмы Пушкина, написанные в те годы, когда Пушкин, по собственному его признанию, «с ума сходил от Байрона». Но сам Пушкин настойчиво и многократно называет «истинно-романтической трагедией» своего «Бориса Годунова», созданного в период его решительного отхода от Байрона.

Он считал «Бориса Годунова» истинно романтической трагедией, имея в виду «уничтожение единств, введение прозы в драму, применение народных законов драмы шекспировой в отличие от «романтизма», под которым, «разумеют Ламартина» (т. е. другими словами: «разумеют произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности»). «Борис Годунов», созданный «по системе Шекспира»—в плане «вольного и широкого изображения характеров», изображения многосложного и глубокого, несет в себе начала подлинного художественного реализма. Таким образом пушкинское понимание «истинного романтизма» скорее характеризует и по внешним признакам и по творческой сущности то, что позднее было названо реализмом, хотя самый термин этот нигде у него не встречается.

В 1834 году Пушкин попытался уточнить понятия романтизма и классицизма, но остановился на чисто формальном определении: к классическому роду он отнес «те стихотворения, коих формы известны были грекам и римлянам или образцы коих они нам оставили» (эпопея, поэма дидактическая, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и басня), а к романтическому роду стихотворений «те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими». «Если же будем брать за основание только дух, в котором оно [стихотворение] написано, то никогда не выпутаемся из определений».

Чуждый всякой догме, широкий в своих литературных воззрениях, Пушкин не причислял себя ни к «классикам», ни к «романтикам»: «каюсь, что я в литературе скептик (чтобы не сказать хуже) и что все парнасские секты для меня равны, представляя каждая свои выгоды и невыгоды. Ужели невозможно быть истинным поэтом, не будучи ни закоснелым классиком, ни фанатическим романтиком? Формы и обряды должны ли непременно порабощать литературную совесть?»

Но искания «истинного романтизма» с его стремлением к «предрассудкам и преданиям простонародным» поставили перед Пушкиным вопрос и о «народности в литературе». Отвергнув ряд примитивных и наивных определений народности, понимаемой как выбор художником предметов из «отечественной истории», или употребление «народных» слов, Пушкин указывает, что в результате подобных определений пришлось бы «отъять» достоинства «народности» у Шекспира, Лопе де Вега, Кальдерона, ибо «самые народные трагедии Шекспира заимствованы им из итальянских новелей», а Кальдерон и Лопе де Вега поминутно переносят действие своих трагедий во все части света. Что же такое истинная народность в поэзии? «Есть образ мыслей и чувствований, тьма обычаев и поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». Отражение в зеркале поэзии тех особенных черт духовного облика народа, которые складываются у него под влиянием «климата, образа правления, веры», и есть, по мнению Пушкина, основное условие народности.

Теперь очень легко внести поправки в эти рассуждения и указать на подлинные первопричины создания «особенной физиономии» каждого народа. Но не следует забывать, что по тому времени пушкинское определение народности было огромным шагом вперед, и оно почти сходствует с тем определением, какое много лет спустя дал Белинский, когда писал, что «литература должна быть символом внутренней жизни народа». С этой-то точки зрения Пушкин, с одной стороны, видел достоинства «великой народности» у Расина, бравшего «все предметы для своих трагедий из римской, греческой и европейской истории», и, с другой стороны, отказывался признать эти достоинства у Озерова, «воображившего», что для создания народной трагедии достаточно выбрать предмет из отечественной истории. Крайне любопытно, что и в трагедии будущего вождя славянофилов А. С. Хомякова, в его «Ермаке», Пушкину все представлялось «чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии».

В своей замечательной статье о драматическом искусстве Пушкин писал, что до тех пор, пока не произойдут коренные изменения исторических условий, подлинно народная драма и не может возникнуть: «Трагедия наша, образованная по примеру трагедий Расина, может ли отвыкнуть от аристократических своих привычек (от своего разговора—размеренного, важного и благопристойного?), как ей перейти к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади—как ей вдруг отстать от подобострастия, как ей обойтись без правил, к которым она привыкла, где, у кого ей выучиться наречию, понятному народу, какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца, где найдет она себе созвучие—словом, где зрители, где публика? Вместо публики встретит она тот же малый, ограниченный круг—и оскорбит надменные его привычки, вместо созвучия, отголоска и рукоплесканий услышит она мелочную привязчивую критику. Перед нею восстанут непреодолимые преграды—для того, чтобы она могла расставить свои подмостки, надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий...» Так далеко вперед смотрел Пушкин.

У зрелого Пушкина требование подлинной народности красной нитью проходит сквозь все оценки явлений мировой литературы. Эта же тяга к народности обратила его самого к «живым источникам народного слова». «Вознаграждая недостатки своего проклятого воспитания», он изучал сам и призывал молодых писателей изучать простонародные сказки, предания и легенды, которые таят в себе «так много истинной поэзии». Он считал, что «разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего своих мыслей на французском языке) достоин глубочайших исследований». При этом Пушкину пришлось вести настоящую войну с критиками, усердно заботившимися о «паркетных дамах», о «светской поэзии», о «хорошем тоне» и, как огня, боявшимися «бурлацких», «мужицких» выражений. Он стремился не только к опрощению языка и стиля, но и к опрощению жанров. В этом плане особенно показательна защита Пушкиным легкой шуточной поэзии, начиная от «сказок» Бокаччо и «Кентерберийских рассказов» Чоусера и кончая «Девственницей» Вольтера и «Елисеем» Майкова. Он видел в поэзии «идеал, а не нравоучение и не «педагогическое занятие». Все вычурное, манерное, надуманное, столь характерное для салонной поэзии, встречало резкий и страстный отпор со стороны Пушкина.

«Не всякий судья искусства есть гений, но всякий гений есть природный судья. Проба его правил в нем самом»,— сказал Лессинг. Особый интерес пушкинских суждений о литературе и его теоретических исканий заключается в том, что они неразрывно связаны с его творчеством. Именно здесь заложены основы его поэтики. Требования, которые он предъявлял к поэзии, к прозе, к драме, он сам же в первую очередь и стремился осуществить. Если мы вдумаемся в те строки чернового наброска, который Пушкин написал в 1826 году в ответ на статью Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии», то увидим, что в них как бы заключена программа будущего его развития: «Критик [т. е. Кюхельбекер.—*Н. Б.*] смешивает вдохновение с восторгом... Вдохновение есть расположение души к живому принятию впечатлений, к следственно быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных. Вдохновение нужно в поэзии как и в геометрии... Восторг исключает спокойствие—необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающего частями в отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следственно не в силе произвесть истинное, великое совершенство... Гомер неизмеримо выше Пиндара. Ода стоит на низших степенях поэм... Трагедия, комедия, сатира, все более ее требуют творчества, фантазии, воображения, гениального знания природы. И плана не может быть в оде! Единый план Дантова «Ада» есть уже плод высокого гения! Какой план в одах Пиндара? Какой план в «Водопаде», лучшем произведении Державина? Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого».

Трезвое обсуждение и спокойствие, как условие прекрасного, соотношение частей с целым, упорный творческий труд и строгость плана, лежащего в основе каждого значительного произведения—всё это признаки зрелого творчества Пушкина.

Вспомним, что писал Пушкин о прозе, когда подлинной прозы в России в сущности еще не было: «Что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснять вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами! Эти люди никогда не скажут дружба, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр... Точность и краткость—вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей—без них блестящие выражения ни к чему не служат» (1822). Надо ли говорить, что отличительными чертами пушкинской прозы, возникшей позднее, стали именно точность, ясность и краткость.

Он первый поставил у нас условием исторической драмы «вольное и широкое изображение характеров» и высшую объективность, чуждую стремлениям к минутному успеху или угождению читателям. Драматический поэт, говорит он, должен быть «беспристрастен, как судьба». «Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии,—но люди минувших дней, умы их, предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине».

Защищая поэзию от ходячей морали своего времени, он отвергал понятия, утвержденные «тяжелыми педантами», что «прекрасное есть подражание изящной природе и главное достоинство искусства есть польза». «Поэзия по своему высшему, свободному смыслу не должна иметь никакой цели, кроме самой себя»,—сказано было Пушкиным в осуждение попытки «новейших» французских поэтов подчинить поэзию религии или политике.

Было бы совершенно ошибочно думать, что Пушкин не понимал необходимости живой связи между художником и действительностью. В приведенной формулировке он лишь заострял свои взгляды на искусство в противовес требованиям голой поучительности. Видя цель поэзии в ней самой, он писал: «Не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительней, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется». «Просвещение века требует важных предметов размышления, пищи для умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии». А это уже очень далеко отстоит от жалкой теории «искусства для искусства», так же, например, как далека от нее мысль Ромена Роллана о том, что «поэзия должна быть свободна в области чистой мысли и широкой мечты» («Правда», 1934, № 156, «О творческой работе писателя»). «В произведениях величайших поэтов,—говорит Роллан,—существует два раздела: один, связанный с эволюцией их времени, другой, значительно более глубокий, превосходящий нужды и желания их века. Этот источник все еще питает новые века. Он увековечил их славу и славу их народов». Именно как заботу об этом источнике должны мы понимать слова Пушкина о высшем и свободном смысле поэзии.

Одна особенность Пушкина-критика сразу бросается в глаза: он оставался поэтом даже и в области «скучных обязанностей

библиографа». И. Киреевский писал отцу в 1830 году о «Литературной Газете»: «Большая часть статей в ней будет писана Пушкиным, который открыл средство в критике в простом извещении о книге быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах». Свидетельство тому—«Последний из свойственников Иоанны д'Арк», «О записках Самсона», «О русской литературе с очерком французской» и др. Действительно, Пушкин в статьях часто заменял несколькими живыми образами подробное описание целой эпохи и литературного движения: «Общество созрело для великого разрушения. Все еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается. Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену, раздевает до нага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным...»; «В чертогах драма изменилась, голос ее понизился, она не имела уже нужды в криках. Она оставила маску преувеличения, необходимую на площади, но излишнюю в комнате. Она явилась проще, естественнее». Можно было бы привести еще много подобных примеров.

Мы узнаем критика-художника и в предельной сжатости суждений Пушкина. Бросая ту или иную мысль, он никогда не нагромождает доказательств. Она звучит у него афористически. Там, где иному критику понадобились бы целые страницы, для Пушкина достаточно нескольких строк: «Противоположности характеров—вовсе не искусство, но пошлая пружина французской трагедии»; «Молодые писатели вообще не умеют изображать физических страстей, их герои всегда содрагаются, хохочут, дико скрежещут зубами. Все это смешно, как мелодрама»; «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого то слова, такого то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности»; «Есть два рода бессмыслиц: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами, другая от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения».

Даже характеристики отдельных писателей дает он чаще всего двумя-тремя штрихами, почти не мотивируя их: «Кумир Державина $^1/_4$ золотой, $^3/_4$ свинцовый»; «Батюшков сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского»; «Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля. Он ученик трагика Вольтера, а не природы».

И еще одна черта обличает в Пушкине-критике художника: его пристальное внимание ко всем деталям разбираемого произведения, к «механизму стиха», к эпитетам, к метафорам, к звуковой структуре строки, к описаниям, к характерам героев,

к плану, к завязке, к сюжету, словом, ко всему тому, что складывается в сумму художественных качеств произведения. Достаточно прочесть его письмо о «Горе от ума», разбор «Нарвского водопада» Вяземского, или заметки на «Опытах» Батюшкова, чтобы увидеть, с какой тонкостью, точностью и требовательностью мастера, посвященного во все тайны своего ремесла, судил Пушкин о литературе.

Вот почему современники Пушкина так высоко ценили его критический дар. А. Мицкевич в своем «Биографическом и литературном известии о Пушкине» («Le Globe», 1837, № 35) писал, что Пушкин «был одарен необыкновенной памятью, суждением верным, вкусом утонченным и превосходным». Вяземский называет его критиком «метким, строгим и светлым, чье одобрение было лучшей наградой за труд», и говорит: «суд его был для меня многозначителен и дорог». Жуковский имел привычку исправлять стих, который не удержался в памяти Пушкина. Каждый такой стих он считал дурным по одному этому признаку. Гоголь в 1837 году признавался, что ни одна строка не писалась им без того, чтобы он не воображал перед собою Пушкина. «Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое—вот что меня только занимало и одушевляло».

Но критическое дарование Пушкина не раскрылось до конца, не получило широкого влияния. «Пушкин и его сподвижники,—говорит Чернышевский,—обладали многими из качеств, необходимых для того, чтобы оказывать сильное влияние на мнение читающей публики, и, однако же, их мнения имели и на публику, и на развитие литературы менее влияния, нежели как должно было бы ожидать». Неудачи Пушкина-критика теснейшим образом связаны с неудачами Пушкина-журналиста, а как журналист-издатель Пушкин все время встречал преграды. Никакое «Revue des bevues» не могло быть осуществлено им в ссылке. Связь с «Московским Вестником» оказалась призрачной. «Литературная Газета» существовала всего лишь год. Попытка создать «Дневник» кончилась провалом. Лишь за год до смерти Пушкин становится редактором «Современника», издание которого ему пришлось осуществлять в невыносимых политических и цензурных условиях. Вот основная причина, помешавшая Пушкину широко выступить в роли критика и оказать решающее влияние на мнение читающей публики его времени. Вот причины, по которым критическое его дарование, не находя достаточного практического применения и живого отголоска, искало себе места в его художественных произведе-

ниях и в письмах к друзьям, или находило выход в массе черновых набросков, заметок, статей, писавшихся не для печати.

Поэзия Пушкина затмила все другие стороны его деятельности. В тени осталась его критическая работа, без которой трудно понять этапы формирования его творческой мысли. Статьи и литературная переписка как бы освещают весь путь поэта от лицейской скамьи к вершинам мировой литературы. Путь этот крайне сложен и часто внутренно противоречив. Но общая тенденция могучего роста поэта ясна. Он шел от салонно-кружковой эстетической культуры, созидаемой в узком кругу друзей, от условного, ограниченного избранным кругом языка к «прелести нагой простоты», к «свежим вымыслам народным», к живому, реалистическому искусству для многих.

Н. Богословский

ПУШКИН О ЛИТЕРАТУРЕ

Статьи. Заметки. Дневники. Письма

1815

Заметки

1. Мои мысли о Шаховском

Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец, Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель—что ж он такой?—не глупый человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, все записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии.

Он написал Нового Стерна; холодный пасквиль на Карамзина.

Он написал водевиль Ломоносов: представил отца русской поэзии в кабаке, и заставил его немцам говорить русские свои стихи и растянул на три действия две или три занимательные сцены.

Он написал Козак стихотворец—в нем есть счастливые слова, песни замысловатые—но нет даже и тени ни завязки, ни развязки.—Маруся занимает, но все прочие холодны и скучны.

Не говорю о Встрече незванных—пустом представлении, без малейшего искусства или занимательности.

Он написал поэму Шубы—и все дрожат.

Наконец он написал Кокетку.

И наконец написал он комедию—хотя исполненную ошибок во всех родах, в продолжении трех первых действий холодную и скучную и без завязки, но все комедию.

Первые ее явления скучны. Князь Холмской, лицо не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант—и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце пятого действия.

1816

Письма

2. Кн. П. А. Вяземскому

27 марта 1816 г. [Царское Село]

... Признаюсь, что одна только надежда получить из Москвы русские стихи Шапеля и Буало могла победить благословенную мою леность. Так и быть; уж не пеняйте, если письмо мое заставит зевать ваше пиитическое сиятельство; сами виноваты; зачем дразнить было несчастного царскосельского пустынника, которого уж и без того дергает бешеный демон бумагомарания. С моей стороны прямо объявляю вам, что я не намерен оставить вас в покое, покамест хромой софийский почтальон не принесет мне вашей прозы и стихов... Что сказать вам о нашем уединении? Никогда лицей (или ликей, только ради бога—не л и ц е я) не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединение в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину:

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом
И над Славенскими глупцами
Смеется русскими стихами,

Блажен, кто шумную Москву
Для хижины не покидает...
И не во сне, а на яву
Свою любовницу ласкает!

... Право,с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать все 12 песен пресловутой *Россиады*, даже с присовокуплением к тому и премудрой критики Мерзлякова, с тем только, чтобы гр. Разумовский сократил время моего заточенья.—Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей Российского Слова. Но делать нечего,

Не всем быть можно в ровной доле
И жребий с жребием не схож.

От скуки часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные), часто читаю стихотворения, которые их не лучше... Любезный Арзамасец! Утешьте нас своими посланиями—и обещаю вам если не вечное блаженство, то по крайней мере искреннюю благодарность всего лицея.

Простите, князь—гроза всех князей — стихотворцев [на] Ш.—Обнимите Батюшкова за того больного, у которого год тому назад завоевал он *Бову Королевича*.

1817

Письма

3. В. Л. Пушкину

[Первая половина января 1817 г. Царское Село]

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный Поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный В о т!
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье,
И слабый сердца перевод—
В стихах и прозою посланье.

В письме вашем вы называли меня братом; но я не осмелился назвать вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм бакхических шатаясь на Пегасе:
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад...
Нет, нет,—вы мне совсем не брат:
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей—поэтов здешнего мира—можно ли мне надеяться, что вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов—племянников?

Да, каюсь я, конечно, перед вами,
Совсем не прав пустынник-рифмоплет;
Он в лености сравнится лишь с богами;
Он виноват и прозой и стихами:
Но с т а р о е забудьте в н о в ы й год.
. . . .

Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать,
И с гневной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,
И мучить бедного Ослова
Священным Феба языком,
И лоб угрюмый Шутовского
Клеймить единственным стихом!
О вы, которые умели
Любить, обедать и писать—
Скажите искренно—ужели
Вы не умеете прощать?

Напоминаю о себе моим незабвенным; не имею больше времени, но... надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце, и которые любите еще меня...

Шольё Андреевич конечно
Меня забыл давным-давно,
Но я его люблю сердечно,
За то, что любит он беспечно
И пить, и петь свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеется, право, пресмешно.

Статьи

1819

4. [Из статьи «Мои замечания об русском театре»]

... Она [Семенова. *Ред.*] украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измеренные строки Лобанова; в ее устах понравились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией. В пестрых переводах, составленных общими силами и которые, по несчастью, стали нынче слишком обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и гений актрисы удержал на сцене все сии плачевные произведения союзных поэтов, от которых каждый отец отрекается по одиночке...

Письма

5. Н. И. Кривцову [*Черновое*]

[Июль — август 1819 г. Михайловское]

... Я не люблю писать писем—язык и голос едва ли достаточны для выражения наших мыслей /и особливо для чувств/, а перо /еще глупее/ так глупо /бедно/, так медленно /так/; письмо не может заменить разговора...

6. П. Б. Мансурову

27 октября 1819 г. [Петербург]

... Сосницкая и кн. Шаховской толстеют и глупеют—а я в них не влюблен—однакоже его вызывал за его дурную комедию, а ее за посредственную игру...

1820

7. Кн. П. А. Вяземскому

[Около 21 апреля 1820 г. Петербург]

... Он [Катенин. *Ред.*], кажется, боится твоей сатирической палицы; твои первые четыре стиха на счет его в *Послании к Дмитриеву*—прекрасны; остальные, нужные для пояснения личности, слабы и холодны,—и дружба в сторону, Катенин стоит чего-нибудь получше и позлее. Он опоздал родиться—и своим характером и образом мыслей весь принадлежит 18 столетию. В нем та же авторская спесь, те же литературные сплетни и интриги, как и в прославленном веке философии—тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этим не удивишь; что ни говори, век наш не век поэтов—жалеть, кажется, нечего — а все-таки жаль — круг поэтов делается час от часу теснее—скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо—и то хорошо—покаместь присылай нам своих стихов; они пленительны и оживительны—*Первый снег* прелесть; *Уныние*—прелестнее... Петербург душен для поэта, я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу. Поэму свою я кончил, и только последний, т. е. окончательный стих ее принес мне истинное удовольствие—ты прочтешь отрывки [ее] в журналах—а получишь ее уже напечатанную—она так мне надоела, что не могу решиться переписывать ее клочками для тебя...

8. [*Из черновика того же письма*]

... Мы все, по большей части, привыкли смотреть на поэзию как на записную прелестницу, к которой заходим иногда поврать и поповесничать, без всякой душевной привязанности и вовсе не уважая опасных ее прелестей. Катенин напротив того приезжает к ней в башмаках и напудренный и просиживает у нее целую жизнь с платонической любовью, благоговением и важностью. Что ни говори, век наш не век поэзии, умы не к ней устремлены; и нынче удвоенные рифмы Вольтера не могли бы произвесть прежнего своего действия—сожалеть, кажется, не о чем, а все-таки жаль. Всего приятнее—стихами пестрить скучную прозу жизни, и для того, ради бога, присылай нам себя почаще. Ты оживляешь однообразие наших вечеров. Первый снег прелесть, но Уныние, полное чувств... [1]

9. Л. С. Пушкину

Кишинев. 24 сентября 1820 г.

... Благодарю тебя за стихи; более благодарил бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзию доброй, умной старушкою, к которой можно иногда зайти, чтобы забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым болтаньем и сказками; но влюбиться в нее—безрассудно...

10. Н. И. Гнедичу

4 декабря 1820 г. Село Каменка.

... Некоторые №-ра *Сына* [*Отечества*] доходили до меня. Видел я прекрасный перевод *Андромахи*, которого читали вы мне в вашем эпикурейском кабинете, и вдохновенные строфы:

Уже в последний раз приветствовать я мнил
и проч.

Они оживили во мне воспоминанья об вас и чувство прекрасного, всегда драгоценное для моего сердца, но не примирили

[1] На этом слове черновое письмо обрывается.—*Ред.*

меня с критиками, которые нашел я в том же *Сыне Отечества*. Кто такой этот В., который хвалит мое целомудрие, укоряет меня в бесстыдстве, говорит мне: красней, несчастный? (что между прочим очень неучтиво) говорит, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нежного, чувствительного Корреджио, и смелою кистию Орловского, который кисти в руки не берет, а рисует только почтовые тройки да киргизских лошадей? Согласен со мнением неизвестного эпиграммиста—критика его для меня ужасно как тяжка. Допрощик умнее, а тот, кто взял на себя труд отвечать ему (благодарность и самолюбие в сторону), умнее всех их...

Статьи

20-е годы

11. О французской словесности

Изо всех литератур она имела большое влияние на нашу. Ломоносов, следуя немцам, следовал ей—Сумароков—(Тредьяковский нехотя отделил стихосложением)—Дмитриев, Карамзин, Богданович—вредные последствия—манерность, робость, бледность.—Жуковский подражал немцам—Батюшков и Баратынский—Парни—некоторые пишут в русском роде, из них один Крылов,—коего слог русский—Князь Вяземский имеет свой слог—Катенин—пиесы в немецком роде—слог его свой.

Что такое французская словесность? Трубадуры. Малерб держится 4 строками оды к Дюперье и стихами Буало. Менар, чистый, но слабый. Ракан, Воатюр—дрянь—Буало, Расин, Мольер, Лафонтен, Ж. Б. Руссо, Вольтер.—Буало убивает французскую словесность, его странные суждения, зависть Вольтера—французская словесность искажается—русские начинают ей подражать—Дмитриев—как можно ей подражать: ее глупое стихосложение—робкий, бледный язык—вечно на помочах, Руссо в одах дурен—Державин.

Не решу, какой словесности отдать /предпочтение/, но есть у нас свой язык; смелее!—обычаи, история, песни, сказки—и проч.

Что между ими общего?

1821

Дневник

12. Из Кишиневского дневника

3 [апреля]...

Читал сегодня послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! К кому был Феб из русских ласков—неожиданная рифма Херасков не примиряет меня с такой какофонией. Баратынский—прелесть.

Письма

13. А. А. Дельвигу

23 марта 1821 г. Кишинев.

... В твоем отсутствии—сердце напоминало о тебе, об твоей музе—журналы. Ты все тот же, талант прекрасный и ленивый. Долго ли тебе шалить—долго ли тебе разменивать свой гений на серебряные четвертаки. Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года—напиши своего *Монаха*.—Поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая—твой истинный удел; умертви в себе ветхого человека,—не убивай вдохновенного поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебе, что кончил я новую поэму—Кавказский Пленник, которую надеюсь скоро вам прислать,—ты ею не совсем будешь доволен; и будешь прав. Еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы—но что теперь ничего не пишу—я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам жить, душа моя, под старость нашей молодости, как не воспоминаниями?..

14. Н. И. Гнедичу

24 марта 1821 г. Кишинев.

... та [поэма. *Ред.*], которую недавно кончил, окрещена Кавказским Пленником. Вы ожидали многого, как видно из письма вашего—найдете малое, очень малое. С вершин заоблачных бесснежного Бешту видел я только в отдаленьи ледяные главы Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущелиях Кавказа—я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил [я] два месяца...

15. Л. С. Пушкину

27 июля [1821 г. Кишинев]

... Если ты в родню, так ты литератор (сделай милость-не поэт): пиши же мне об новостях нашей словесности; что такое Сотворение мира Милонова? Что делает Катенин? Он ли задавал вопросы Воейкову в *С*[*ыне*] *О*[*течества*] прошлого года? Кто на ны? *Черная Шаль* тебе нравится—ты прав, но ее чорт знает как напечатали. Кто ее так напечатал? Пахнет Глинкой... Пришли мне *Тавриду* Боброва **Vale.**

16. Н. И. Гречу

21 сентября 1821 г. Кишинев.

... Вчера видел я в *С*[*ыне*] *О*[*течества*] мое *Послание к Ч*[*аадаев*]*у*, уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово вольнолюбивый ей не нравится, оно так хорошо выражает нынешнее liberal[1], оно прямо русское, и верно почтенный А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем...

17. В. П. Горчакову

[Вторая половина 1821—1822 г. Кишинев]

Замечания твои, моя радость, очень справедливы и слишком снисходительны. За чем не утопился мой *Пленник* вслед за

[1] либеральный

черкешенкой? Как человек, он поступил очень благоразумно, но в герое поэмы не благоразумия требуется. Характер пленника неудачен; это доказывает, что я не гожусь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века. Конечно, поэму приличнее было бы назвать Черкешенкой—я об этом не подумал.

Черкесы, их обычаи и нравы занимают бо̀льшую и лучшую часть моей повести, но все это ни с чем не связано и есть истинный hors d'euvre[1]. Вообще, я своей поэмой очень недоволен и почитаю ее гораздо ниже *Руслана*—хоть стихи в ней зрелее...

[1] приправа, закуска

1822

Статьи

18. [Д'Аламбер сказал однажды...]

Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: не выхваляйте мне Бюфона, /этот человек/ пишет: «Благороднейшее изо всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч.». Зачем просто не сказать—лошадь?—Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но Д'Аламбер был очень умный человек—и, признаюсь, я почти согласен с его мнением.

Замечу мимоходом, что дело шло о Бюфоне—великом живописце природы. Слог его цветущий, полный, всегда будет образцом описательной прозы. Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами! Эти люди никогда не скажут д р у ж б а, не прибавя: «сие священное чувство, коего благородный пламень, и проч.».—Должно бы сказать рано поутру,—а они пишут: «едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба». Как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее?

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: «сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном». Боже мой! да поставь: «это молодая хорошая актриса», и продолжай—а будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет.

«Презренный завистливый зоил, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнасса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостью»... Боже мой, зачем просто не сказать л о ш а д ь; не короче ли—«Г-н издатель такого-то журнала»...

П. А. Вяземский

Литография с оригинала неизвестного художника 20-х годов
(Гос. Исторический музей)

Вольтер может почесться лучшим образцом благоразумного слога.—Он осмеял в своем *Микромегасе* изысканность тонких выражений Фонтенеля, который никогда не мог ему того простить.

Точность и краткость—вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей—без них блестящие выражения ни к чему не служат; стихи дело другое (впрочем в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности, литература наша далеко вперед не подвинется).

Вопрос: чья проза лучшая в нашей литературе?—Ответ: Карамзина Это еще похвала не большая—скажем несколько слов об сем почтенном...

19. [Только революционная голова...]

Только революционная голова, подобная Мир. [Мар.?] и Пестелю, может любить Россию—так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке.

Письма

20. Кн. П. А. Вяземскому

2 января 1822 г. [Кишинев]

... В долгой разлуке нашей одни дурацкие журналы изредка сближали нас друг с другом—благодарю тебя за все твои сатирические, пророческие и вдохновенные творенья. Они прелестны—благодарю за все вообще—бранюсь с тобою за одно *Послание к Каченовскому*; как мог ты сойти в арену вместе с этим хилым кулачным бойцом—ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой венок кровью, желчью и сивухой—как с ним связываться—довольно было с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы.—Ежели я его задел в *Послании к Ч*[*аадаеву*], то это не из ненависти к нему, но чтобы поставить с ним на одном ряду Американца Толстого, которого презирать мудренее. Жуковский меня бесит—что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся Лалла Рук не стоит десяти строчек *Тристрама Шанди*; пора ему иметь собственное воображенье и кре́постные вымыслы,—но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова, если впредь зашагает, как шагал до

сих пор—ведь 23 года счастливцу! оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет. *Кавказский* мой *пленник* кончен—хочу напечатать да лени много, а денег мало—и меркантильный успех моей прелестницы *Людмилы* отбивает у меня охоту к изданию. Желаю счастия дяде, я не пишу к нему, потому что опасаюсь журнальных почестей. Скоро ли выйдут его творения? Все они вместе не стоят Б у я н о в а; а что-то с ним будет в потомстве. Крайне опасаюсь, чтоб двоюродный брат мой не почелся моим сыном. А долго ли до греха?..

21. Н. И. Гнедичу

29 апреля 1822 г. Кишинев.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo[1].

Не из притворной скромности прибавлю: vade, sed incultus, qualem decet exulis esse![2] Недостатки этой повести, поэмы или чего вам угодно, так явны, что я долго не мог решиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвещенному ценителю поэтов, вам предаю моего *Кавказского Пленника*; в награду за присылку прелестной вашей *Идиллии* (о которой мы поговорим на досуге) завещаю вам скучные заботы издания; но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотворение сказкой, повестию, поэмой или вовсе никак не называйте, издайте его в двух песнях или только в одной, с предисловием или без; отдаю вам его в полное распоряжение...

22. [*Из черновика того же письма*]

... Простота плана /более/ близко подходит к бедности изобретения; описание нравов черкесских, /самое сносное место во всей поэме/ не связано ни с каким происшествием и /есть/ не что иное как географическая /отчет/ статья или отчет путешественника. Характер главного лица (лучше сказать—

[1] Малая книжка! Без меня пойдешь ты (и я этому не завидую) в город, в который, увы, господину твоему не позволено итти.

[2] Иди, хоть и не нарядная, какими и подобает быть изгнанникам.

единственного лица), а /действ. лиц/ всего-то их /двое/ приличен более роману, нежели поэме—да и что за характер? /мол/ /кто будет тронут/, кого займет /зан/ изображение /м/ молодого человека, /истощившего/ потерявшего /всю/ чувствительность /своего/ сердца /в первые лета своей молодости/ в каких несчастиях неизвестных читателю; его бездействие, его равнодушие к дикой жестокости горцев и к /юным/ прелестям Кавказской девы могут быть очень естественны—/но что тут занимательного/, но что тут /но/ трогательного—/тут мало/— /зачем не/ легко было бы оживить /было/ рассказа происшествиями, которые сами собой истекали /естественно/ из /самых/ предметов. Черкес, пленивший моего русского, мог быть любовником /моей той/ моей /черкешенки/—избавительницы—/de là/ /вот вам и сцены ревности и отчаянье прерванных свиданий/ /опасности для свиданий и проч. нашего пленника etc. и проч./. Мать, отец и /проч./и брат ее могли бы иметь каждый свою/черты/ роль, свой характер—/все/ всем этим я пренебрег, во-первых, от /одной/ лени, во-вторых—что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, как обе части моего пленника были уже /написаны/ кончены—а сызнова /писать/ начать не имел я духа.

Те, которые /порицали/ пожурили меня за то, что никак не назвал моего финна /не найдут/, не нашед здесь ни одного имени собственного, конечно почтут это за непростительную дерзость—правда, что большей части моих читателей никакой нужды нет до имени и что я не боюсь никакой запутанности в /своем/ рассказе.

Местные краски верны, но понравятся ли читателям, избалованным поэтическими панорамами Байрона и Вальтер-Скотта. Я боюсь и напомнить об них /волшебных картинах/ своими бледными, тощими рисунками—сравнение мне будет /мне/ убийственно. К счастию наши Аристархи не в состоянии /критиковать/ уничтожить меня основательным образом; /бранные/ тяжкие критики их мало меня беспокоят; они столь же безвредны, как и тупы, а шутки плоские и площадные ничуть не смешны и не забавны, /как замечает/ пишет Каченовский свойственным ему слогом.

Вы видите, что отеческая нежность не ослепляет меня насчет К. П., но признаюсь, люблю его, сам не зная за что, в нем есть стихи моего сердца—Черкешенка моя мне мила, любовь ее /меня трогает/ трогает душу.—Прелестная быль о Пигмалионе, обнимающем холодный мрамор, /пленила некогда/ нравилась пламенному воображению Руссо /и Шиллера/...

23. А. А. Бестужеву

21 июня 1822 г. Кишинев.

... Почитая прелестные ваши дарования и, признаюсь, невольно любя едкость вашей остроты, хотел я связаться с вами на письме, не из одного самолюбия, но также из любви к истине. Вы предупредили меня. Письмо ваше так мило, что невозможно с вами скромничать. Знаю, что ему не совсем бы должно верить, но верю поневоле и благодарю вас, как представителя вкуса и верного стража и покровителя нашей словесности.

Посылаю вам мои бессарабские бредни и желаю, чтоб они вам пригодились. Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице; кажется, голубушка еще поумнела. Не понимаю, что могло встревожить ее целомудренность в моих элегических отрывках—однако должно нам настоять из одного честолюбия—отдаю их в полное ваше распоряжение. Предвижу препятствия в напечатании стихов *к Овидию*—но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа—повидимому ее настращали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно (например, услужливого Плетнева или какого-нибудь нежного путешественника, скитающегося по Тавриде). Повторяю вам, она ужасно бестолкова, но впрочем довольно сговорчива. Главное дело в том—чтоб имя мое до нее не дошло, и все будет слажено...

24. Н. И. Гнедичу

27 июня [1822 г. Кишинев]

... Вы избавили меня от больших хлопот, совершенно обеспечив судьбу *Кавказского Пленника*. Ваши замечания насчет его недостатков совершенно справедливы и слишком снисходительны; но дело сделано. Пожалейте обо мне: живу меж гетов и сарматов; никто не понимает меня, со мною нет просвещенного Аристарха, пишу как-нибудь, не слыша ни оживительных советов, ни похвал, ни порицаний. Но какова наша цензура? Признаюсь, никак не ожидал от нее таких больших успехов в эстетике. Ее критика приносит честь ее вкусу. Принужден с нею согласиться во всем: Небесный пламень слишком обыкновенно; долгий поцелуй поставлено слишком на выдержку (trop hazardé). Его томительную негу вкусила тут она вполне—дурно, очень дурно—

и потому осмеливаюсь заменить этот киргиз-кайсацкий стишок следующими: какой угодно поцелуй разлуки

Союз любви запечатлел
Рука с рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу в тишине—
И русский в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них,
Вдруг и проч.

С подобострастием предлагаю эти стихи на рассмотрение цензуры—между тем поздравьте ее от моего имени—конечно, иные скажут, что эстетика не ее дело, что она должна воздавать Кесарево Кесарю, а Гнедичеве Гнедичу, но мало ли что говорят. Я отвечал Бестужеву и послал ему кое-что. Нельзя ли опять стравить его с Катениным? Любопытно бы. Греч рассмешил меня до слез своею сравнительною скромностию...

С нетерпением ожидаю *Шильонского Узника*; это не чета *Пери* и достойно такого переводчика, каков певец Громобоя и старушки. Впрочем мне досадно, что он переводит, и переводит отрывками—иное дело Тасс, Ариост и Гомер, иное дело песни Маттисона и уродливые повести Мура. Когда-то говорил он мне о поэме Родрик Саувея: попросите его от меня, чтоб он оставил его в покое, несмотря на просьбу одной прелестной дамы. Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной. Тогда и некоторые люди упадут, и посмотрим, где очутится Ив. Ив. Дмитриев—с своими чувствами и мыслями, взятыми из Флориана и Легуве...

25. П. А. Катенину

19 июля [1822 г. Кишинев]

... Ты перевел *Сида*; поздравляю тебя и старого моего Корнеля. Сид кажется мне лучшею его трагедиею. Скажи: имел ли ты похвальную смелость оставить пощечину рыцарских веков на жеманной сцене 19-го столетия? Я слыхал, что она неприлична, смешна, ridicule. Ridicule![1] Пощечина, данная рукою гишпанского рыцаря воину, поседевшему под шлемом! Ridi-

[1] достойна смеха

cule! Боже мой, она должна произвести более ужаса, чем чаша Атреева. Как бы то ни было, надеюсь увидеть эту трагедию зимой, по крайней мере постараюсь. Радуюсь, предвидя, что пощечина должна отяготеть на ланите Толченова или Брянского. Благодарю за подробное донесение, знаю, что долг платежом красен, но non erat his locus[1]. Прощай, Эсхил, обнимаю тебя, как поэта и друга...

26. Кн. П. А. Вяземскому

1 сентября [1822 г. Кишинев]

... Извини меня, если буду говорить с тобою про Толстого. Мнение твое мне драгоценно. Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намерение было не заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого с жаром защищал всякой раз, как представлялся тому случай. Ему показалось забавно сделать из меня неприятеля и смешить на мой щет письмами чердак князя Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже сослан, и почитая мщение одной из первых христианских добродетелей—в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда недосягает меч законов, туда достает бич сатиры. Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая, не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля. Сам Вольтер это чувствовал...

Каченовский представитель какого-то мнения! Voilà des mots, qui hurlent de se trouver ensemble[2]. Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского. Он более чем подражатель подражателей, он полон истинной элегической поэзии. *Шильонского Узника* еще не читал. То, что видел в *С*[*ыне*] *О*[*течества*], прелестно.

Он на столбе как вешний цвет
Висел с опущенной главой.

Ты меня слишком огорчил предположением, что твоя живая поэзия приказала долго жить. Если правда—жила довольно для славы, мало для отчизны. К счастью не совсем тебе верю,

[1] здесь не место для этого.
[2] Вот слова, которые, находясь рядом, вопят.

но понимаю тебя. Лета клонят к прозе, и если ты к ней привяжешься не на шутку, то нельзя не поздравить Европейскую Россию. Впрочем, чего тебе дожидаться? Неужели тебя пленяет ежемесячная слава Прадтов? Предприми постоянный труд, пиши в тишине самовластия, образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах—а там что бог даст. Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России, тогда надеюсь с тобою более сблизиться; покаместь обнимаю тебя от души... Посылаю тебе поэму в мистическом роде...

27. Л. С. Пушкину

4 сентября [1822 г. Кишинев]

Кстати об стихах: то, что я читал из Шильонского Узника, прелесть. С нетерпением ожидаю успех Орлеанской [Девы]. Но актеры, актеры! 5-стопные стихи без рифм требуют совершенно новой декламации. Слышу отсюда драммоторжественный рев Глухо-рёва. Трагедия будет сыграна тоном *Смерти Роллы*. Что сделает великолепная Семенова, окруженная так, как она окружена? Господь, защити и помилуй.— Но боюсь—не забудь уведомить меня об этом и возьми от Жуковского билет для 1-го представления на мое имя. Читал стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудак! Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где все дышет мифологией и героизмом—славяно-русскими стихами, целиком взятыми из Иеремия. Что бы сказал Гомер и Пиндар?—но что говорят Дельвиг и Баратынский. *Ода к Ермолову* лучше, но стих: так пел Суворова влюблен Державин...—слишком уже греческий.—Стихи *к Грибоедову* достойны поэта, некогда написавшего—«Страх при звоне меди заставляет народ устрашенный толпами стремиться в храм священный. Зри, боже! число великий унылых тебя просящих сохранить им—цел труд многим людям—принадлежащий» и проч. Справься об этих стихах у Б[арона] Дельвига. Батюшков прав, что сердится на Плетнева; на его (бы) месте я бы с ума сошел со злости — Б[атюшков] из Рима не имеет человеческого смысла, даром что новость на Олимпе очень мила. Вообще мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи—он не имеет никакого чувства, никакой живости—слог его бледен, как мертвец. Кланяйся ему от меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и уверь его, что он наш Гете...

Милый мой—у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал—вот что меня огорчило—что делает Дельвиг? чего он смотрит?..

28. Н. И. Гнедичу

27 сентября [1822 г.] Кишинев.

... Перемены, требуемые цензурою, послужили в пользу моего [Кавказского Пленника. *Ред.*]; признаюсь, что я думал увидеть знаки роковых ее когтей в других местах, и беспокоился—например, если б она переменила стих: п р о с т и т е, в о л ь н ы е   с т а н и ц ы, то мне было бы жаль. Но слава богу! Г о р ь к и й   п о ц е л у й—прелесть; е й   д н е й—ей-ей не благозвучнее н о ч е й; у п о в а т е л ь н ы х мечтаний; у п о и т е л ь н ы х. Н а   д о м ы дождь и град; н а   д о л ы — вот единственные ошибки, замеченные мною. Александр Пушкин мастерски литографирован—но не знаю, похож ли; примечание издателей очень лестно—не знаю, справедливо ли. Перевод Жуковского est un tour de force [1]. Злодей! В бореньях с трудностью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтоб это перевыразить. Мне кажется, что слог Жуковского в последнее время ужасно возмужал, хотя утратил первоначальную прелесть. Уж он не напишет ни *Светланы*, ни *Людмилы*, ни прелестных Элегий 1-й части *Спящих Дев*. Дай бог, чтоб он начал создавать...

29. Л. С. Пушкину

Октябрь 1822 г. Кишинев.

... Зачем ты показал Плетневу письмо мое? В дружеском обращении я предаюсь резким и необдуманным суждениям; они должны оставаться между нами—вся моя ссора с Толстым происходит от нескромности князя Шаховского. Впрочем послание Плетнева, может быть, первая его пиэса, которая вырвалась от полноты чувства. Она блещет красотами истинными. Он умел воспользоваться своим выгодным против меня положением; тон его смел и благороден...

[1] проявление силы, подвиг, ловкая штука

Скажи мне, милый мой, шумит ли мой *Пленник*? A-t-il produit du scandale, пишет мне Orlof—voila l'essentiel[1].

Надеюсь, что критики не оставят в покое характера Пленника, он для них создан, душа моя; я журналов не получаю, так потрудися, напиши мне их толки—не ради исправления моего, но ради смирения кичливости моей...

30. П. А. Плетневу [*Из чернового*]

[Октябрь-ноябрь 1822 г. Кишинев]

... Если первый стих твоего послания написан так же от души, как и все прочие — то я не раскаиваюсь в минутной моей несправедливости—она доставила /прекрасный подарок/ неожиданное украшение словесности.—Если /нет/ же ты на меня сердит, то стихи твои, как они ни /прекрасны/ прелестны, никогда не утешат меня.—Ты конечно б извинил мои легкомысленные строки, если б знал, как часто бываю подвержен так называемой хандре /о которой мудрено/. В эти минуты я зол на целый свет, и никакая поэзия не шевелит моего сердца.—Не подумай однако, что /бы/ /в/ /я не умел/ /не/ не умею ценить /твоего/ неоспоримого твоего дарования. /Я дорожу твоим мнением и не хочу/ /я не совсем лишен вкуса/ чувства изящного не /совершенно/ совсем во мне притупилось—/я дорожу/ /я не хочу прослыть/ и когда я в совершенной памяти—твоя /чистая/ гармония, поэтическая точность, благородство выражений, стройность, чистота в отделке стихов пленяют меня как поэзия /любимых моих поэтов/ моих любимцев...

/Извини мое чистосердечие, я/ не вполне подтверждаю то, что /сказал/ писал о твоей прозе, но признаюсь—это стихотворение не достойно ни тебя, ни Батюшкова. /Иные/ Многие приняли его за сочинение последнего. Однако /что это/ /такая ошибка—тебе похвала и что с /обыкновенным/ посредственным писателем этого не случится—но Бат[юшков] /вероятно сердится/ не будучи /им/ доволен твоей элегией /вероятно/ рассердился на тебя за ошибку других—а я рассердился после Батюшкова...

[1] Произвел ли он скандал, пишет мне Орлов,—вот что существенно.

31. Кн. П. А. Вяземскому

[Конец декабря 1822 г.— начало января 1823 г. Кишинев]

Благодарю тебя за письмо, а не за стихи: мне в них не было нужды.—*Первый снег* я читал еще в 20 году и знаю наизусть. Не написал ли ты чего нового? пришли, ради бога, а то Плетнев и Рылеев отучат меня от поэзии. Сделай милость, напиши мне обстоятельнее о тяжбе своей с цензурою. Это касается всей православной кучки. Твое предложение собраться нам всем и жаловаться на Бируковых может иметь худые последствия. На основании военного устава, если более двух офицеров в одно время подают рапорт, таковой поступок приемлется за бунт.—Не знаю, подвержены ли писатели военному суду, но общая жалоба с нашей стороны может навлечь на нас ужасные подозрения и причинить большие беспокойства.——— Соединиться тайно— но явно действовать в одиночку, кажется, вернее. В таком случае должно смотреть на поэзию, с позволения сказать, как на ремесло. Руссо не впервой соврал, когда утверждает, que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre[1]. Аристократические предубеждения пристали тебе, но не мне—на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог: продаю с барышом. Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я в накладе; иду жаловаться частному приставу; все это в порядке вещей. Думаю скоро связаться с Бируковым и стану доезжать его в этом смысле—но за 2000 верст мудрено щелкать его по носу...

[1] что это—наиболее подлое ремесло [Руссо]. Не более подлое, чем другое.

1823

Письма

32. Л. С. Пушкину

[Начало января 1823 г. Кишинев]

... должно бы издавать у нас журнал Revue des Bévues[1]. Мы поместили бы там выписки из критик Воейкова, полудневную денницу Рылеева, его же герб российский на вратах византийских (во время Олега герба русского не было—а двуглавый орел есть герб византийский и значит разделение империи на Западную и Восточную—у нас же он ничего не значит). Поверишь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи [из] ваших журналов, чтоб не найти с десяток этих bévues[2], поговори об этом с нашими да похлопочи о книгах... Дельвигу поклон. Баратынскому также. Этот ничего не печатает, а я читать разучусь...

33. Л. С. Пушкину

30 января [1823 г. Кишинев]

... Бестужев прислал мне *Звезду*—это книга достойна всякого внимания; жалею, что Баратынский поскупился—я надеялся на него. Каковы стихи *к Овидию*? душа моя, и *Руслан* и *Пленник* и *Noël*[3] и все дрянь в сравнении с ними.—Ради бога, люби две звездочки, они обещают достойного соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылееву и прочим знаменитым нашим

[1] Обозрение промахов
[2] промахов
[3] Рождественская песнь

поэтам. Мечта Воина привела /меня/ в задумчивость воина, что служит в Иностранной Коллегии, и находится ныне в бессарабской канцелярии.—Эта Мечта напечатана с ошибочного списка—призванье вместо взыванье, тревожных дум, слово, употребляемое знаменитым Рылеевым, но которое по-русски ничего не значит.

Воспоминание и брата и друзей

стих трогательный, а в Звезде просто плоский... Гнедич у меня перебивает лавочку—

Увы, напрасно ждал тебя жених печальный

и проч.—непростительно прелестно. Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнасе.—Дельвиг, Дельвиг! пиши ко мне и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя—добился ты наконец до точности языка—единственной вещи, которой у тебя недоставало. En avant! marche!..[1]

34. Кн. П. А. Вяземскому

6 февраля 1823 г. [Кишинев]

... Ты не можешь себе представить, как приятно читать о себе суждение умного человека.—До сих пор, читая рецензии Воейкова, Каченовского и проч., мне казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки приятельниц Варюшки и Буянова. Все, что ты говоришь о романтической поэзии, прелестно, ты хорошо сделал, что первый возвысил за нее голос. Французская болезнь умертвила бы нашу отроческую словесность. У нас нет театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическим слогом—и то не точным и заржавым; впрочем где он не следовал жеманным правилам французского театра? Знаю, за что полагаешь его поэтом романтическим: за мечтательный монолог Фингала—нет! песням никогда надгробным я не внемлю; но вся трагедия написана по всем правилам парнасского православия; а романтический трагик принимает за правило одно вдохновение—признайся: все это одно упрямство. Благодарю за щелчок цензуре, но она и не этого стоит, стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий, как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака—мы смеемся, а, кажется, лучше бы дельно приняться за Бируковых; пора дать вес своему мнению и заставить прави-

[1] Вперед! Марш!

тельство уважать нашим [мнением] голосом,—презрение к русским писателям нестерпимо; подумай об этом на досуге, да соединимся —дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную—читал ли ты мое послание Бирукову? если нет, вытребуй его от брата или от Гнедича; читал я твои стихи в *Полярной Звезде*; все прелесть—да, ради Христа, прозу-то не забывай; ты да Карамзин одни владеют ею—Глинка владеет языком чувств... Это что такое! Бестужева статья об нашей братьи ужасно молода—но у нас все, елико печатано, имеет действие на святую Русь: за то не должно бы ничем пренебрегать, и должно печатать благонамеренные замечания на всякую статью—политическую, литературную—где только есть немножко смысла—кому, как не тебе, взять на себя скучную, но полезную должность надзирателя наших писателей?..

... Пиши мне покаместь, если по почте, так осторожнее, а по оказии—что хочешь,—да нельзя ли твоих стихов? мочи нет, хочется; дядя прислал мне свои стихотворения—я было хотел написать об них кое-что, более для того, чтоб ущипнуть Дмитриева, нежели чтоб порадовать нашего старосту, да невозможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его и не сравнивая с экс-министром Доратом. Видишь ли ты иногда Чедаева? он вымыл мне голову за *Пленника*, он находит, что он недовольно blasé [1]; Чедаев по несчастию знаток по этой части...—Еще слово об Кавказском Пленнике. Ты говоришь, душа моя, что он сукин сын за то, что не горюет о Черкешенке—но что говорить ему—все понял он, выражает все; мысль об ней должна была овладеть его душою и соединиться со всеми его мыслями—это разумеется, иначе быть нельзя; не надобно все высказывать—это есть тайна занимательности. Другим досадно, что Пленник не кинулся в реку вытаскивать мою Черкешенку—да, сунься-ка; я плавал в кавказских реках,—тут утонешь сам, а ни чорта не сыщешь; мой пленник умный человек, рассудительный, он не влюблен в Черкешенку—он прав, что не утопился...

35. Н. И. Гнедичу

13 мая [1823 г.] Кишинев.

... Если можно приступить ко второму изданию *Руслана* и *Пленника*, то всего бы короче для меня положиться на вашу

[1] пресыщенный

дружбу, опытность и попечение; но ваши предложения останавливают меня по многим причинам. 1) Уверены ли вы, что цензура, поневоле пропустившая в 1-й раз *Руслана*, нынче не опомнится и не заградит пути второму его пришедствию? Заменять же прежнее новым, в ее угоду, я не в силах и не намерен. 2) Согласен с вами, что предисловие есть пустословие довольно скучное, но мне никак нельзя согласиться на присовокупление новых бредней моих; они мною обещаны Як. Толстому и должны поступить в свет особливо. Правда есть у меня готовая поэмка, да NB цензура.

Tout bien vu[1], не кончить ли дела предисловием. Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то в милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité[2].

Как бы то ни было, воспользуюсь своим случаем, говоря ей правду неучтивую, но, быть может, полезную. Я очень знаю меру понятия, вкуса и просвещения этой публики. Есть у нас люди, которые выше ее: этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу: этих она любит и почитает.

Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего *Нерешительного*; услыша стих: И должно честь отдать, что немцы аккуратны—я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе все захлопает и захохочет.—А что тут острого, смешного? очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание.

Вы, коего Гений и труды слишком высоки для этой детской публики, что вы делаете, что делает Гомер? Давно не читал я ничего прекрасного. Кюхельбекер пишет мне четырестопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе, и что он падал с лошади.—Все это кстати о *Кавказском Пленнике*...

36. А. А. Бестужеву

13 июня [1823 г. Кишинев]

...Позволь мне первому перешагнуть через приличия и сердечно поблагодарить тебя за *Полярную Звезду*, за твои письма, за статью о литературе, за *Ольгу* и особенно за *Вечер*

[1] Приняв все во внимание
[2] Я не заслужил ни этой чрезмерной чести, ни этого оскорбления [Расин].

на биваке. Все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умом и чудесной живостью. О Взгляде можно бы нам поспорить на досуге; признаюсь, что ни с кем мне так не хочется спорить, как с тобою, да с Вяземским—вы одни можете разгорячить меня. Покаместь жалуюсь тебе об одном: как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно ни тебе, ни Гречу— а от тебя его не ожидал. Еще слово: зачем хвалить холодного однообразного Осипова, а обижать Майкова. *Елисей* истинно смешон. Ничего не знаю забавнее обращения поэта к порткам:

Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда!

А любовница Елисея, которая сожигает его штаны в печи,

Когда для пирогов она у ней топилась;
И тем подобною Дидоне учинилась.

А разговор Зевеса с Меркурием, а герой, который упал в песок

И весь седалища в нем образ напечатал.
И сказывали те, что ходят в тот кабак,
Что виден и поднесь в песке сей самый знак.

Все это уморительно. Тебе, кажется, более нравится *Благовещение*, однакоже *Елисей* смешнее, следств[енно] полезнее для здоровья.

В рассуждении 1824 года, постараюсь прислать тебе свои бессарабские бредни; но нельзя ли вновь осадить цензуру, и со второго приступа, овладеть моей анфологией? *Разбойников* я сжег—и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского, если отечественные звуки: *харчевня*, *кнут*, *острог*—не испугают нежных ушей читательниц *Полярной Звезды*, то напечатай его. Впрочем чего бояться читательниц? Их нет и не будет на русской земле, да и жалеть не о чем . Я уверен, что те, которые приписывают новую сатиру Арк. Родзянке, ошибаются. Он человек благородных правил и не станет воскрешать времена слова и дела. Донос на человека сосланного есть последняя степень бешенства и подлости, да и стихи, сами по себе, недостойны певца сократической любви...

37. П. А. Вяземскому

19 августа [1823 г. Одесса]

Мне скучно, милый Асмодей, я болен, писать хочется—да сам не свой. Мне до тебя дело есть: Гнедич хочет купить у меня второе издание *Руслана* и *Кавказского Пленника*—но timeo danaos[1], т. е. боюсь, чтоб он со мной не поступил как прежде. Я обещал ему предисловие—но от прозы меня тошнит. Перепишись с ним—возьми на себя это 2-е издание и освяти его своею прозой, единственною в нашем прозаическом отечестве. Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику—стань за немцев и англичан—уничтожь этих маркизов классической поэзии...

38. Л. С. Пушкину

25 августа [1823 г.] Одесса.

... Изъясни Отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу итти; хоть я знаю закон божий и 4 первые правила... Так и быть я Вяземскому пришлю *Фонтан*—выпустив любовный бред.—а жаль!

39. Кн. П. А. Вяземскому

14 октября [1823 г.] Одесса.

По твоему совету, милый Асмодей, я дал знать Гнедичу, что поручаю тебе издание *Руслана* и *Пленника*, следственно дело сделано.

Не помню, просил ли я тебя о вступлении, предисловии и тому под., но сердечно благодарю тебя за обещание. Твоя проза обеспечит судьбу моих стихов. О каких переменах говорил тебе Раич? Я никогда не мог поправить раз мною написанное. В *Руслане* должно только прибавить эпилог и несколько стихов к 6-й песне, слишком поздно доставленные мною Жуковскому. *Руслан* напечатан исправно, ошибок нет, кроме с в е ж и й с о н в самом конце. Не помню, как было в рукописи, но свежий сон тут смысла не имеет... *Кавказ-*

[1] опасаюсь данайцев [Вергилий, «Энеида», кн. II, стих 49].

А. А. Дельвиг

С рисунка М. Л. Яковлева

ский Пленник иное дело. Останавлял он долго взор — должно: вперял он неподвижный взор. Живи — и путник оживает: Живи — и пленник оживает. Пещеры темная прохлада — влажная. И вдруг на домы дождь и град — долы. В чужой аул ценою злата — за много злата (впрочем как хочешь).

Не много радостных ей дней
Судьба на долю ниспослала.

Зарезала меня цензура! Я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать ей дней в конце стиха. Ночей, ночей — ради Христа, ночей судьба на долю ей послала. То ли дело ночей, ибо днем она с ним не видалась — смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов именно противны духу нашей цензуры? Бируков добрый малый, уговори его, или я слягу.

На смертном поле] свой] бивак.

У меня прежде было У стен Парижа. Не лучше ли, как думаешь? Верил я надежде и упоительным мечтам. Это что? Упоительным мечтам. Твоя от твоих: помнишь свое прелестное послание Давыдову? Да вот еще два замечания, в роде антикритики. 1) Под влажной буркой. Бурка не промокает и влажна только сверху, следственно, можно спать под нею, когда нечем иным накрыться — а сушить нет надобности. 2) На берегу заветных вод. Кубань граница. На ней карантин и строго запрещается казакам переезжать об' он' пол. Изъясни это потолковее забавникам *Вестника Европы*. Теперь замечание типографическое: Все понял он... Несколько точек, в роде Шаликова и — à la ligne [1] прощальным взором и пр.

Теперь я согласен в том, что это место писано слишком в обрез, да силы нет ни поправить, ни прибавить...

Дружба твоя с Шаховским радует миролюбивую мою душу. Он право добрый малый, изрядный автор и отличный сводник...

Замечания твои на щет моих *Разбойников* несправедливы; как сюжет, c'est un tour de force[2]; это не похвала, напротив; но, как слог, я ничего лучше не написал. *Бахчисарайский Фон-*

[1] в той же строке
[2] это проявление силы (подвиг, ловкая штука)

тан, между нами, дрянь, но эпиграф его прелесть. Кстати об эпиграфах—знаешь ли эпиграф *Кавказского Пленника.*

Под бурей рока твердый камень,
В волненьях страсти—легкий лист.

Понимаешь, почему не оставил его? Но за твои 4 стиха я бы отдал 3 четверти своей поэмы...

40. П. А. Вяземскому

4 ноября [1823 г.] Одесса.

Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма. Я выбросил то, что цензура выбросила б и без меня, и то что не хотел выставить перед публикою. Если эти бессвязные отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то напечатай, да сделай милость, не уступай этой суке цензуре, отгрызывайся за каждый стих и загрызи ее, если возможно, в мое воспоминание. Кроме тебя, у меня т а м нет покровителей.

Еще просьба: припиши к *Бахчисараю* предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселевой; прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике). Посмотри также в путешествии Апостола-Муравьева статью *Бахчисарай*, выпиши из нее, что посноснее—да заворожи все это своею прозою, богатой наследницею твоей прелестной поэзии, по которой ношу траур. Полно, не воскреснет ли она, как тот, который пошутил? Что тебе пришло в голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чин чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился.

Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах—дьявольская разница. В роде *Дон Жуана.* О печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и размерить круга своего действия—лучше об ней и не думать—а если брать, так брать; не то, что и когтей марать...

41. [*Из черновика того же письма*]

... Вообрази, что я не читал твоей славной статьи—победившей цензуру? вот каково жить по-азиатски, не читая

журналов... Перечитывая твои письма /и статьи/ берет меня охота спорить — Говоря об романтизме, ты где-то пишешь, что даже стихи со времени революции носят /сво/ новый образ—и упоминаешь об А. Ш[енье]. Никто более меня не уважает, не любит этого поэта— но он истинный грек /непроходимый/ из классиков классик. C'est un imitateur savant et un [1]... От него так и пышет /древно/ Феокритом и Анфологией. /C'est un/. Он освобожден от италианских concetti [2] и от французских Анти-theses [3]—но романтизма в нем нет еще ни капли. Первые думы Ламартина в своем роде едва ли не лучше *Дум* Рылеева; /к/ последние прочел я недавно и еще не опомнился—так он вдруг вырос. — Парни — древний, /т. она б. т. Ар./ Millevoye [4] ни то ни се, но хорош только в мелочах элегических. La Vigne [5] /подражатель/ школьник Вольтера—и бьется /все/ в старых сетях Аристотеля—романтизма нет еще во Франции. А онто и возродит умершую поэзию. Помни мое слово—первый поэтический гений в отечестве Буало—ударится в такую бешеную свободу, /в такой/ что твои немцы. Покаместь во Франции поэтов менее, чем у нас. О Дмитриеве спорить с тобой не стану, хоть все его басни не стоят одной хорошей басни Крыловой, все его сатиры—одного из твоих посланий, /все его песни, мадригалы, оды, элегии/ а все прочее /одной/ /одного/ первого стихотворения Жуковского. Ермак такая дрянь, что мочи нет—по мне, Дмитриев ниже Нелединского и стократ ниже стихотворца Карамзина. Любопытно видеть его жизнь не для него, а для тебя. Сказки /раз/ писаны в дурном роде, холодны и растянуты. Хорош /русский поэт/ poëte de /la/ notre civilisation [6]. Хороша и наша civilisation! [7] Грустно мне видеть, что все у нас клонится бог знает куда—/ты/ ты один бы мог прикрикнуть налево и направо, порастрясти старые репутации, приструнить новые и показать им путь истины, /да/ а ты покровительствуешь старому вралю не на [.....] нами — /грех/ и, что всего хуже, бросил поэзию,—этого я переварить не в силах...

[1] это ученый подражатель и...
[2] выдумки, натянутые остроты
[3] противопоставлений
[4] Мильвуа
[5] Делавинь
[6] поэт нашей цивилизации (образованности)
[7] цивилизация (образованность)

42. Кн. П. А. Вяземскому

[Около 11 ноября 1823 г. Одесса]

Конечно, ты прав, и вот тебе перемены.—Язвительные лобзания напоминают тебе твои [......]? Поставь пронзительных. Это будет ново. Дело в том, что моя Грузинка кусается, и это непременно должно быть известно публике. Хладного скопца уничтожаю из уважения к давней девственности А[нны] Л[ьвовны].

Не зрит лица его Гарем.
Там — — —
И не утешены никем
Стареют жены.

Меня ввел во искушение Бобров; он говорит в своей *Тавриде:* Под стражею скопцов Гарема. Мне хотелось что-нибудь у него украсть, а к тому же я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе.

Но верой матери моей
Была твоя — —

Если найдешь удачную перемену, то подари меня ею, если же нет, оставь так, оно довольно понятно. Нет ничего легче поставить Равна, Грузинка, красотою, но инка кр... а слово Грузинка тут необходимо—впрочем делай, что хочешь.

Апостол написал свое путешествие по Крыму: оно печатается—впрочем, ожидать нечего.

Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чедаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны.

Посылаю *Разбойников.*

Как бишь у меня? Вперял он неподвижный взор? Поставь любопытный, а стих все-таки калмыцкий.

43. Кн. П. А. Вяземскому

11 ноября [1823 г. Одесса]

Вот тебе и *Разбойники*. Истинное происшедствие подало мне повод написать этот отрывок. В 820 году, в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы. Некоторые стихи напоминают перевод Шильонского Узника. Это несчастие для меня. Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце 821 года.

44. А. А. Дельвигу

16 ноября [1823 г. Одесса]

... На-днях попались мне твои прелестные сонеты—прочел их с жадностью, восхищением и благодарностию за вдохновенное воспоминание дружбы нашей. Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной музе Баратынского. Жду и не дождусь появления в свет наших стихов; только их получу, заколю агнца, восхвалю господа и украшу цветами шалаш—хоть Бируков находит это слишком сладострастным.

Сатира к Гнед[*ичу*] мне не нравится, даром что стихи прекрасные; в них мало перца; Сомов безмундирный непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостью писателя? Это шутка, достойная кол[лежского] совет[ника] Измайлова.

Жду также *Полярной Звезды*. Жалею, что мои элегии писаны против религии и правительства: я полу-Хвостов: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать в печать (а видеть их в печати). Ты просишь *Бахчисарайского Фонтана*—он на-днях отослан к Вяземскому. Это бессвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, и все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь до-нельзя. Бируков ее не увидит.

45. А. И. Тургеневу

1 декабря [1823 г. Одесса]

... вы желали видеть оду на смерть N. Она не хороша, вот вам самые сносные строфы:

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И Галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир,
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал
И день великий, неизбежной —
Свободы яркий день вставал —
Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел —
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил.
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

Вот последняя:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Твою развенчанную тень!
Хвала! ты русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Это строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года—впрочем это мой последний либеральный бред, я закаялся, и написал на-днях подражание басне умеренного демократа И.Х. (изыде сеятель сеяти семена своя)

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя—
Но потерял я только время
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!

К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из роды в роды
Ярмо с гремушками да бич...

... я на досуге пишу поэму новую, Евгений Онегин, где захлебываюсь желчью...

46. Кн. П. А. Вяземскому

20 декабря [1823 г. Одесса]

Какая б ни была вина.

Так и у меня начерно.

Символ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa [1], faute [2]. Simbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance [3]. У нас слово вина имеет два значенья; одно из них здесь не имело бы смысла. Оставь эти стихи, пускай они

Aux Saumaises futurs préparent des tortures [4]...

47. А. А. Шишкову

[Конец 1823 г. — первая половина 1824 г. Одесса]

... Что стихи? куда зарыл ты свой золотой талант? под снега ли Эльбруса, под тифлисскими ли виноградниками? Если есть у тебя что-нибудь, пришли мне — право, сердцу хочется...

[1] вина̀ (лат.)
[2] вина̀ (франц.).
[3] Символ дерзновенный, незнанья жалкая вина̀.
[4] Будущим Сомезам готовят пытки [Буало].

Статьи

1824

48. [Причинами, замедлившими ход нашей словесности...]

Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского—все наши писатели на то жаловались,—но кто же виноват, как не они сами. Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен—у нас еще нет ни словесности, ни книг; все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке (метафизического языка у нас вовсе не существует); просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись—(Метафизический язык) проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны.

Но русская поэзия, скажут мне, достигла высокой степени образованности. Согласен, что некоторые оды Державина, несмотря на неровность слога и на неправильность языка, исполнены порывами истинного гения, что в Душеньке Богдановича встречаются стихи и целые страницы, достойные Лафонтена, что Крылов превзошел всех нам известных баснописцев, исключая, может быть, сего же самого Лафонтена, что Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для италианского; что Жуковского перевели бы все языки, если б он сам менее переводил...

49. [Заметка о французской литературе]

Век романтизма не настал еще для Франции—Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля. Он ученик трагика Вольтера, а не природы. Tous les recueils de poésies nouvelles dites romantiques sont la honte de la littérature françoise [1].

Ламартин хорош в *Наполеоне*, в *Умирающем посте*—вообще хорош какой-то новой гармонией.

Никто более меня не любит прелестного André Chenier [2]. Но он из классиков классик—от него так и несет древней греческой поэзией. Вспомни мое слово: первый гений в отечестве Расина и Буало—ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный карбонаризм—что твои немцы—а покамест поэзии во Франции менее, чем у нас.

50. Письмо к издателю Сына Отечества

В течение последних четырех лет мне случалось быть предметом журнальных замечаний. Часто несправедливые, часто непристойные, иные не заслуживали никакого внимания, на другие издали отвечать было невозможно. Оправдания оскорбленного авторского самолюбия не могли быть занимательны для публики; я молча предполагал исправить в новом издании недостатки, указанные мне каким бы то ни было образом, и с живейшей благодарностью читал изредка лестные похвалы и ободрения, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моих стихотворений давало повод благородному изъявлению снисходительности и дружелюбия.

Ныне нахожусь в необходимости прервать молчание. Князь П. А. Вяземский, предприняв из дружбы ко мне издание Бахчисарайского Фонтана, присоединил к оному Разговор между Издателем и Антиромантиком, разговор, вероятно, вымышленный: по крайней мере, если между нашими печатными классиками многие силою своих суждений сходствуют с Классиком Выборгской стороны, то, кажется, ни один из них не выражается с его остротой и светской вежливостью.

[1] Все сборники новейшей так называемой романтической поэзии—позор французской литературы.

[2] Андре Шенье

Сей разговор не понравился одному из судей нашей словесности. Он напечатал в 5 № Вестника Европы второй разговор между Издателем и Классиком, где между прочим прочел я следующее:

«Издатель. Итак, разговор мой вам не нравится?

Классик. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасном стихотворении Пушкина, думаю, и сам автор об этом пожалеет».

Автор очень рад, что имеет случай благодарить князя Вяземского за прекрасный его подарок. Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова писан более для Европы вообще, чем исключительно для России, где противники романтизма слишком слабы и незаметны и не стоят столь блистательного отражения.

Не хочу или не имею права жаловаться по другому отношению и с искренним смирением принимаю похвалы неизвестного критика.

51. [Предисловие к первой главе Евгения Онегина]

Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено.

Несколько песен или глав *Евгения Онегина* уже готовы. Писанные под влиянием благоприятных обстоятельств, они носят на себе отпечаток веселости, ознаменовавшей первые произведения автора *Руслана и Людмилы*.

Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 г. и напоминает *Беппо*, шуточное произведение мрачного Байрона.

Дальновидные критики заметят, конечно, недостаток плана. Всякий волен судить о плане целого романа, прочитав первую главу оного. Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на *Кавказского Пленника*, также некоторые строфы, писанные в утомительном роде новейших элегий, в коих чувство уныния поглотило все прочие. Но да будет нам позволено обратить внимание читателей на достоинства, редкие в сатирическом писателе: отсутствие оскорбительной личности и наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов.

52. Л. С. Пушкину

[Начало января 1824 г. Одесса]

... что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться. Русская слава льстить может какому-нибудь В. Козлову, которому льстят и петербургские знакомства, а человек немного порядочный презирает и тех и других. Mais pourquoi chantois-tu? [1] на сей вопрос Ламартина отвечаю—я пел, как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, лекарь морит—за деньги, за деньги, за деньги—таков я в наготе моего цинизма... Душа моя, меня тошнит с досады—на что не взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому быть? Кстати о гадости—читал я *Федру* Лобанова—хотел писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина—перо вывалилось из рук. И об этом у вас шумят, и это называют ваши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина! voulez-vous découvrir la trace de ses pas [2].

—надеешься найти
Тезея жаркой след иль темные пути—

М /......./ его в рифму! Вот как все переведено! а чем же и держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии! План и характеры *Федры* верх глупости и ничтожества в изобретении. Тезей не что иное как первый Мольеров рогач; Иполит, le superbe, le fier Hypolyte—et même un peu farouche [3], Иполит, суровой скифской выблядок—не что иное как благовоспитанный мальчик, учтивый и почтительный—

D'un mensonge si noir...[4] и пр.

Прочти всю эту хваленую тираду и удостоверишься, что Расин понятия не имел об создании трагического лица. Сравни его с [монологом] речью молодого любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умов. А Терамен аббат и сводник—Vous même où seriez-vous etc.[5]...—вот глубина глупости!

[1] Но почему ты пел? (Ламартин, «Умирающий поэт»).
[2] попробуй, отыщи след его шагов.
[3] высокомерный, гордый и даже несколько дикий Ипполит
[4] Столь черной ложью...
[5] А вы сами где были и т. д. [Байрон, «Паризина»].

С Рылеевым мирюсь — *Войнаровский* полон жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать... Может быть, я пришлю ему отрывки из *Онегина*; это лучшее мое произведение. Не верь Н. Раевскому, который бранит его—он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал.

53. А. А. Бестужеву

12 января 1824 г. Одесса.

... обнимаю тебя sans rancune[1], и с благодарностью за все остальное—прозу и стихи. Ты—все ты, то-есть мил, жив, умен. Баратынский—прелесть и чудо; Признание—совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий, хотя бы наборщик клялся мне евангелием поступать со мною милостивее. Рылеева Войнаровский несравненно лучше всех его Дум; слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти еще нет. Дельвиг—молодец. Я буду ему писать. Готов христосоваться с тобой стихами, но сделай милость... пощади. Прощай, мой милый Walter! Туманского вчера и сегодня не видал и письма твоего не отдавал. Он—славный малый, но, как поэта, я не люблю его. Дай бог ему премудрости!

54. Ф. В. Булгарину

1 февраля 1824 г. Одесса.

С искренней благодарностью получил я 1-й нумер «*Северного Архива*», полагая, что тем обязан самому почтенному издателю. С тем же чувством видел я снисходительный ваш отзыв о татарской моей поэме. Вы принадлежите к самому малому числу тех литераторов, коих порицание или похвалы могут быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если поместите в своих *Листках* здесь прилагаемые две пьесы. Они были с ошибками напечатаны в Полярной Звезде, отчего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда небольшая, но стихи не люди...

[1] без злопамятства

55. А. А. Бестужеву

8 февраля 1824 г. [Одесса]

... О твоей повести в *Полярной Звезде* скажу, что она не в пример лучше (т. е. занимательнее) тех, которые были напечатаны в прошлом годе, et c'est beaucoup dire [1]. Корнилович славный малый и много обещает—но зачем пишет он для снисходительного внимания мил[остиво]го] госу[даря] N. N. и ожидает ободрительной улыбки прекрасного пола для продолжения любопытных своих трудов? Все это старо, не нужно и слишком уже пахнет Шаликовскою невинностию. Булгарин говорит, что Н. Бестужев отличается новостию мыслей; можно бы с большим уважением употреблять слово мысли. Арабская сказка прелесть; советую тебе держать за ворот этого Сенковского. Между поэтами не вижу Гнедича, это досадно, нет и Языкова — и его жаль. Похабный мадригал А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову; вчера — люблю и мыслю поместят со временем в грамматику для примера бессмыслицы. Плетнева *Родина* хороша, Баратынский—чудо—мои пиэсы плохи. Вот тебе и все о *Полярной*. Радуюсь, что мой *Фонтан* шумит. Недостаток плана—не моя вина. Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины.

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve [2].

Впрочем я писал его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги были нужны...

56. Кн. П. А. Вяземскому

8 марта 1824 г. Одесса.

От всего сердца благодарю тебя, милый Европеец, за неожиданное послание или посылку. Начинаю почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого... я не принадлежу к нашим писателям 18-го века: я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола.

[1] и это много значит.

[2] Нежным законам стиха я подчинял звуки—Ее милых и бесхитростных уст. [Шенье]

Жду с нетерпением моего *Фонтана*, т. е. твоего предисловия. Недавно прочел я твои давнишние замечания на Булгарина, это лучшая из твоих полемических статей. *Жизни Дмитриева* еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь чорт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова; все его сатиры одного из твоих посланий, а все прочее первого стихотворения Жуковского. Ты его когда-то назвал Le poëte de notre civilisation[1]. Быть так, хороша наша civilisation! [2]...

57. П. А. Вяземскому [?]

[Первая половина марта 1824 г. Одесса]

... Читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира.—Ты хочешь знать, что я делаю:—пишу пестрые строфы романтической поэмы—и беру уроки чистого афеизма...

58. Л. С. Пушкину

1 апреля 1824 г. [Одесса]

... напиши мне, как *Фонтан* расходится—или запишусь в гр. Хвостовы и сам раскуплю половину издания. Что это со мной делают журналисты! Булгарин хуже Воейкова—как можно печатать партикулярные письма—мало ли что мне приходит на ум в дружеской переписке, а им бы все и печатать. Это разбой; решено: прерываю со всеми переписку — не хочу с ними иметь ничего общего. А они, глупо ругай или глупо хвали меня—мне все равно—их ни в грош не ставлю—а публику почитаю наравне с книгопродавцами—пусть покупают и врут, что хотят...

[1] поэт нашей цивилизации
[2] цивилизация

59. Кн. П. А. Вяземскому

[Начало апреля 1824 г. Одесса]

Сейчас возвратился из Кишинева и нахожу письма, посылки и *Бахчисарай*. Не знаю, как тебя благодарить; разговор прелесть, как мысли, так и блистательный образ их выражения. Суждения неоспоримы. Слог твой чудесно шагнул вперед. Недавно прочел я и *Жизнь Дмитриева*; все что в ней рассуждение—прекрасно. Но это статья tour de force et affaire de parti [1]. Читая твои критические сочинения и письма, я и сам собрался с мыслями и думаю на-днях написать кое-что о нашей бедной словесности, о влиянии Ломоносова, Карамзина, Дмитриева и Жуковского. Авось и тисну; тогда du choc des opinions jaillira de l'argent [2]. Знаешь ли что? Твой *Разговор* более писан для Европы, чем для Руси. Ты прав в отношении романтической поэзии; но старая [...] классическая, на которую ты нападаешь, полно, существует ли у нас? Это еще вопрос.—Повторяю тебе перед евангелием и святым причастием—что Дмитриев, несмотря на все старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков или дядя В. Л. Разве он один представляет в себе классическую нашу словесность, как Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию? и чем он классик? Где его трагедии, поэмы дидактические или эпические? Разве классик в посланиях к Севериной, да в эпиграммах, переведенных из Гишара?—Мнения Вестника Европы не можно почитать за мнения, на Благонамеренного сердиться невозможно. Где же враги романтической поэзии? Где столпы классические? Обо всем этом поговорим на досуге... Каков Булгарин и вся братья. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники...

60. А. И. Казначееву [*Из чернового*]

[25 мая 1824 г. Одесса]

... Ради бога не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека. Оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость...

[1] ловкий прием и дело партийное (т. е. групповое)

[2] «от столкновения мнений явятся деньги»—шутливая переделка французской пословицы: «от столкновения мнений рождается истина».

61. Кн. П. А. Вяземскому

[7 июня 1824 г. Одесса]

... Критики у нас, чувашей, не существует... Пришли мне эпиграмму Грибоедова. В твоей [эпиграмме. *Ред.*] неточность: и визг такой; должно писк. Впрочем, она прелестна. То, что ты говоришь на щет журнала, давно уже бродит у меня в голове. Дело в том, что на Воронцова нечего надеяться. Он холоден ко всему, что не он; а меценатство вышло из моды. Никто из нас не захочет великодушного покровительства просвещенного вельможи. Это обветшало вместе с Ломоносовым. Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дело и соединиться. Но беда! мы все лентяй на лентяе—материалы есть, материалисты есть, но où est le cul de plomb qui poussera ça? [1] Где найдем своего составителя, так сказать, своего Каченовского? (в смысле Милонова—что для издателя, хоть *Вестника Европы*, не надобен тут ум, потребна только [....])? Еще беда: ты—Sectaire [2], а тут бы нужно много и очень много терпимости; я бы согласился видеть Дмитриева в заглавии нашей кучки, а ты уступишь ли мне моего Катенина? отрекаюсь от Василья Львовича; отречешься ли ты от Воейкова? Еще беда: мы все прокляты и рассеяны по лицу земли—между нами сношения затруднительны, нет единодушия; золотое кстати поминутно от нас выскользает. Первое дело: должно приструнить все журналы и держать их в решпекте—ничего легче б не было, если б мы были вместе и печатали бы завтра, что решили бы за ужином вчера; а теперь сообщай из Москвы в Одессу замечание на какую-нибудь глупость Булгарина, отсылай его к Бирукову в П. Б. и печатай потом через 2 месяца в revue des bévues [3]. Нет, душа моя Асмодей, отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня, а еще дале [нам] Бабушке до Юрьева дня—...

62. Л. С. Пушкину

13 июня [1824 г. Одесса]

Ты спрашиваешь моего мнения на щет Булгаринского вранья—чорт с ним. Охота тебе связываться с журналистами

[1] где та свинцовая задница, которая будет толкать дело вперед?
[2] сектант
[3] обозрение промахов.

Байрон

С гравюры неизвестного мастера

на словах, как Вяземскому на письме. Должно иметь уважение к самому себе. Ты, Дельвиг и я, можем все трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вот тебе и весь мой совет. Напиши мне лучше что-нибудь о *Северных Цветах*—выйдут ли и когда выйдут? с переменою министерства, ожидаю и перемены цензуры. А жаль... la coupe était pleine [1]. Бируков и Красовской не в терпеж были глупы, своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться. На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он Бахчис[арайского] Фонтана из уважения к святыне Академического словаря и неблазно составленному слову водомет? Шутки в сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик. Попытаюсь толкнуться ко вратам цензуры с первою главой или песнью *Онегина*. Авось пролезем...

63. Кн. Вяземскому

[Конец июня 1824 г. Одесса]

... тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии. Гений Байрона бледнел с его молодостию. В своих трагедиях, не выключая и *Каина*, он уж не тот пламенный Демон, который создал *Гяура* и *Чильд-Гарольда*. Первые 2 песни *Дон-Жуана* выше следующих. Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был навыворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал—пропел и замолчал, и первые звуки его уже ему не возвратились. После 4-й песни *Child Harold*[2] Байрона мы не слыхали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом. Твоя мысль воспеть его смерть в 5-й песни его героя прелестна—но мне не по силам. Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братии негров; можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого; но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией—это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавочников, есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной славы. Ты скажешь, что я пере-

[1] чаша была полна.
[2] «Чайльд-Гарольда»

менил свое мнение. Приехал бы ты к нам в Одессу посмотреть на соотечественников Мильтиада, и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что писал тому несколько лет сам Байрон в замечаниях на *Child Harold*—там, где он ссылается на мнение Фовеля, французского консула, помнится, в Смирне. Обещаю тебе однакоже вирши на смерть Его Превосходительства.

Хотелось мне с тобою поговорить о перемене министерства. Что ты об этом думаешь? Я и рад и нет. Давно девиз всякого русского есть: чем хуже, тем лучше. Оппозиция русская, составившаяся, благодаря русского бога, из наших писателей, каких бы то ни было, приходила уже в какое-то нетерпение, которое я исподтишка поддразнивал, ожидая чего-нибудь. А теперь как позволят Фите Глинке говорить своей любовнице, что она божественна, что у ней очи небесные и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдут врать своим чередом, чины своим чередом, Русь своим чередом. Вот как Шишков сделает всю обедню...

64. А. А. Бестужеву

29 июня 1824 г. Одесса.

Милый Бестужев, ты ошибся, думая, что я сердит на тебя—лень одна мне помешала отвечать на последнее твое письмо (другого я не получал). Булгарин другое дело. С этим человеком опасно переписываться. Гораздо веселее его читать. Посуди сам: мне случилось когда-то быть влюблену без памяти. Я обыкновенно в таком случае пишу элегии, как другой—но приятельское ли дело вывешивать на показ мокрые мои простыни? Бог тебе простит! Но ты острамил меня в нынешней *Звезде*—напечатав 3 последние стиха моей элегии; чорт дернул меня написать еще кстати о *Бахчисарайском фонтане* какие-то чувствительные строчки и припомнить тут же элегическую мою красавицу.—Вообрази мое отчаяние, когда увидел их напечатанными—журнал может попасть в ее руки. Что ж она подумает, видя, с какой охотою беседую об ней с одним из П. Б. моих приятелей. Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгариным—что проклятая элегия доставлена тебе чорт знает кем—и что никто не виноват. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнением всех журналов на свете и всей нашей публики...

... Мне грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто же будет писать? М. Дмитриев да А. Писарев? хороши! Если бы покойник Байрон связался браниться с полупокойником Гете, то и тут бы Европа не шевельнулась, чтоб их стравить, поддразнить или окатить холодной водой. Век полемики миновался. Для кого же занимательно мнение Дмитриева о мнении Вяземского или мнение Писарева о самом себе. Я принужден был вмешаться, ибо призван был в свидетельство М. Дмитриевым. Но больше не буду. *Онегин* мой растет. Да чорт его напечатает! Я думал, что цензура ваша поумнела при Шишкове—а вижу, что и при старом по-старому. Если согласие мое, не шутя, тебе нужно для напечатания *Разбойников*—то я никак его не дам, если не пропустят ж и д и х а р ч е в н и (скоты! скоты! скоты!), а п о п а—к чорту его...

65. П. А. Плетневу [*Из чернового*]

[Сентябрь—октябрь 1824 г. Михайловское]

Ты издал дядю моего:
Творец Опасного соседа
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не венчала лик его.
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов.
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ты будешь свой издатель?
. . . .

Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего *Онегина*. Созови мой ареопаг, то-есть Жуковского, Гнедича и Дельвига. От вас ожидаю суда и с покорностью приму его решение. Жалею, что нет Баратынского; между тем говорят, он пишет/?/...

66. Кн. П. А. Вяземскому

[10 октября 1824 г. Михайловское]

... Кстати о стихах: сегодня кончил я поэму *Цыгане*. Не знаю что об ней сказать. Она покамест мне опротивела... Посылаю тебе маленькое поминаньице за упокой души раба божия Бай-

рона. Я было и целую панихиду затеял, да скучно писать про себя, или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского...

67. В. А. Жуковскому

[Конец октября 1824 г. Михайловское]

... Брат привезет тебе мои стихи. Жду твоих как утешения...

68. Л. С. Пушкину

[Первая половина ноября 1824 г. Михайловское]

Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин. Что он за нехристь? он русской, из перерусских русской...

Стихов, стихов, стихов! Conversations de Byron! Walter Scott! [1] это пища души. Знаешь ли мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки—и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории... Прощай, моя радость. Что ж чухонка Баратынского? Я жду.

69. Л. С. Пушкину

[Середина ноября 1824 г. Михайловское]

... Библию, библию! и французскую непременно. Образ жизни моей все тот же, стихов не пишу, продолжаю свои Записки да читаю Кларису, мочи нет какая скучная дура!..

70. Кн. П. А. Вяземскому

29 ноября [1824 г. Михайловское]

... Отвечаю на твою критику: Нелюдим не есть мизантроп, т. е. ненавидящий людей, а убегающий от людей. Онегин

[1] Записки Байрона! Вальтер-Скотта!

нелюдим для деревенских соседей; Таня полагает причиной тому то, что в г л у ш и, в д е р е в н е в с е е м у с к у ч н о, и что б л е с к один может привлечь его... если впрочем смысл и не совсем точен, то тем более истины в письме; письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной! Что же, душа моя, твоя проза о Байроне? я жду не дождусь. Смерть моей тетки frétillon[1], не внушила ли какого-нибудь перевода В[асилию] Л[ьвови]чу? нет ли хоть эпитафии?..

71. Л. С. и О. С. Пушкиным

4 декабря [1824 г. Михайловское]

Стих: Вся жизнь, одна ли, две ли ночи—надобно бы выкинуть, да жаль—хорош... Мих. привез мне все благополучно, а библии нет—Библия для христианина то же, что История для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие Ист[ории] Кар[амзина]...

Пришли же мне *Эду* Баратынскую. Ах он чухонец! Да если она милее моей черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду.

72. А. Г. Родзянке

8 декабря [1824 г. Михайловское]

... Поговорим о поэзии, т. е. о твоей. Что твоя романтическая поэма Ч у п!

Злодей! не мешай мне в моем ремесле—пиши сатиры хоть на меня; не перебивай мне мою романтическую лавочку. Кстати: Баратынский написал поэму (не прогневайся—про Ч у х о н к у), и эта чухонка, говорят, чудо как мила.—А я про Ц ы г а н к у; каков? подавай же нам скорей свою Ч у п к у—ай да Парнас! ай да героини! ай да честная компания! Воображаю, Аполлон, смотря на них, закричит: зачем ведете мне не ту? А какую же тебе надобно, проклятый Феб?..

[1] резвуньи, непоседы

1825

Статьи

73. [Изо всех родов сочинений самые неправдоподобные...]

Изо всех родов сочинений самые [invraisemblance][1] неправдоподобные сочинения драматические, а из сочинений драматических—трагедии, ибо зритель должен забыть,по большей части, время, место, язык, должен усилием воображения согласиться в известном наречии—к стихам, к вымыслам. Французские писатели это чувствовали и сделали свои своенравные правила—место, время (действие). Занимательность, будучи первым законом драматического искусства, единство действия должно быть соблюдаемо. Но место и время слишком своенравны — от сего происходят какие неудобства, стеснение места действия. Заговоры, изъяснения любовные, государственные совещания, празднества—все происходит в одной комнате!—Непомерная быстрота и стесненность происшествий—наперсники... à parte[2] столь же несообразны с рассудком—Принуждены были в двух местах и проч. И все это ничего не значит. Не короче ли следовать школе романтической, которая есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства?—Интерес—единство.

Смешение родов комического и трагического—напряжение, изысканность необходимых иногда простых выражений.

74. О г-же Сталь и о г. А. М[ухано]ве

Из всех сочинений г-жи Сталь книга Десятилетнее изгнание должна была преимущественно обратить на себя

[1] неправдоподобные
[2] речи в сторону

внимание русских. Взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы,—все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины. Вот что сказано об ней в одной рукописи: «Читая ее книгу D i x a n s d'e x i l[1], можно видеть ясно, что, тронутая ласковым приемом Русских бояр, она не высказала всего, что бросалось ей в глаза[2]. Не смею в том укорять красноречивую благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных». Эта снисходительность, которую не смеет порицать автор рукописи, именно и составляет главную прелесть той части книги, которая посвящена описанию нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россию, как священное убежище, как семейство, в которое она была принята с доверенностию и радушием. Исполняя долг благородного сердца, она говорит об нас с уважением и скромностию, с полнотою душевною хвалит, порицает осторожно, н е в ы н о с и т с о р а и з и з б ы. Будем же и мы благодарны знаменитой гостье нашей: почтим ее славную память, как она почтила гостеприимство наше...

Из России г-жа Сталь ехала в Швецию по печальным пустыням Финляндии. В преклонных летах, удаленная от всего милого ее сердцу, семь лет гонимая деятельным деспотизмом Наполеона, принимая мучительное участие в политическом состоянии Европы, она не могла, конечно, в сие время (в осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслаждения красотами природы. Немудрено, что почернелые скалы, дремучие леса и озера наводили на нее уныние.

Недоконченные ее записки останавливаются на мрачном описании Финляндии...

Г. А. М.[3], п р о б е г а я с н о в а к н и ж к у г-ж и С т а л ь, н а б р е л на сей последний отрывок и перевел его довольно тяжелою прозою, присовокупив к оному следующие з а м е ч а н и я н а г р ё з ы г - ж и С т а л ь: «Не говоря уже о обличении ветреного легкомыслия, отсутствия наблюдательности и совершенного неведения местности, невольно поражающих читателей, з н а к о м ы х с т в о р е н и я м и а в т о р а к н и г и о Г е р м а н и и, я в свою очередь был поражен самим рассказом, во всем подобным пошлому пустомельству тех

[1] «Десять лет изгнания»

[2] Речь идет о большом обществе Петербургском, прежде 1812 года— *Сочинитель*.

[3] Сын Отечества, № 10. [*Прим. Пушкина.*]

щепетильных французиков, которые, немного времени тому назад, являясь с скудным запасом сведений и богатыми надеждами в Россию, так радостно принимались щедрыми и подчас неуместно-добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)».

Что за слог и что за тон! Какое сношение имеют две страницы *Записок* с *Дельфиною*, *Коринною*, *Взглядом на французскую революцию* и пр., и что есть общего между щепетильными (?) французиками и дочерью Неккера, гонимою Наполеоном и покровительствуемою великодушием русского императора?

«Кто читал творения г-жи Сталь,—продолжает г. А. М.,— в коих так часто ширяется она и пр., тому точно покажется странным, как беспредельные леса и пр... не сделали другого впечатления на автора *Коринны*, кроме скуки от единообразия!»—За сим г. А. М. ставит в пример самого себя. «Нет! никогда,—говорит он,—не забуду я волнения души моей, расширявшейся для вмещения столь сильных впечатлений. Всегда буду помнить утра... и пр.»—Следует описание северной природы слогом, совершенно отличным от прозы г-жи Сталь.

Далее советует он покойной сочинительнице, посредством какого-либо толмача, расспросить извозчиков своих о точной причине пожаров и пр.

Шутки о близости волков и медведей к Абовскому университету отменно не понравились г-ну А. М., но г. А. М. и сам расшутился. «Ужели,—говорит он,—400 студентов, там воспитывающихся, готовят себя в звероловы? В этом случае, академию сию могла бы она точнее назвать псарным двором? Ужели г-жа Сталь не нашла другого способа отыскивать причин, замедляющих ход просвещения, как перерядившись Дианой, заставить читателя рыскать вместе с собою в лесах финляндских, по порошам за медведями и волками, и зачем их искать в берлогах?.. Наконец, от страха, наведенного на робкую душу нашей барыни, и проч.».

О сей барыне должно было говорить языком вежливым образованного человека. Эту барыню удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Европа своего уважения, а г. А.М. журнальной статейки не весьма острой и весьма неприличной.

Уважен хочешь быть, умей других уважить.

75. О Предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова

Любители нашей словесности были обрадованы предприятием графа Орлова, хотя и догадывались, что способ перевода, столь блестящий и столь недостаточный, нанесет несколько вреда басням неподражаемого нашего поэта. Многие с большим нетерпением ожидали предисловия г-на Лемонте; оно в самом деле очень замечательно, хотя и не совсем удовлетворительно. Вообще там, где автор должен был необходимо писать по наслышке, суждения его могут иногда показаться ошибочными; напротив того, собственные догадки и заключения удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся до таких предметов, о коих мнения его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью[1] с невольной досадою, как иногда слушаешь разговор очень умного человека, который, будучи связан какими-то приличиями, слишком многого не договаривает и слишком часто отмалчивается.

Бросив беглый взгляд на историю нашей словесности, автор говорит несколько слов о нашем языке, признает его первобытным, не сомневается в том, что он способен к усовершенствованию, и, ссылаясь на уверения русских, предполагает, что он богат, сладкозвучен и обилен разнообразными оборотами.

Мнения сии не трудно было оправдать. Как материял словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими; судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и т а к о в а с т и х и я, д а н н а я н а м д л я с о о б щ е н и я н а ш и х м ы с л е й.

Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых

[1] По крайней мере в переводе, напечатанном в С ы н е О т е ч е с т в а. Мы не имели случая видеть французский подлинник. [*Прим. Пушкина.*]

слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования. Таковой же пример видели мы в новейшей Греции. Какое действие имеет на порабощенный народ сохранение его языка? Рассмотрение сего вопроса завлекло бы нас слишком далеко. Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенной собственностию несчастного нашего отечества.

В царствование Петра I начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов.

Г. Лемонте в одном из замечаний говорит о всеобъемлющем гении Ломоносова; но он взглянул не с настоящей точки на великого сподвижника великого Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник... Первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка.

Поэзия бывает исключительною страстию немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни: но если мы станем исследовать жизнь Ломоносова, то найдем, что науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения. Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему преложения псалмов и другие

сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения [1]. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова, и требовать, чтоб человек, умерший 70 лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики. Как будто нужны для славы великого Ломоносова мелочные почести модного писателя!

Упомянув об исключительном употреблении французского языка в образованном кругу наших обществ, г. Лемонте столь же остроумно, как и справедливо, замечает, что русский язык через то должен был непременно сохранить драгоценную свежесть, простоту и, так сказать, чистосердечность выражений. Не хочу оправдывать нашего равнодушия к успехам отечественной литературы, но нет сомнения, что если наши писатели через то теряют много удовольствия, по крайней мере язык и словесность много выигрывают. Кто отклонил французскую поэзию от образцов классической древности? Кто напудрил и нарумянил Мельпомену Расина и даже строгую музу старого Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоск вежливости и остроумия на все произведения писателей XVIII столетия? Общество M-es du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милых и образованных женщин. Но Мильтон и Данте писали не для благосклонной улыбки прекрасного пола.

Строгий и справедливый приговор французскому языку делает честь беспристрастию автора. Истинное просвещение беспристрастно. Приводя в пример судьбу сего прозаического языка, г. Лемонте утверждает, что и наш язык, не столько от своих поэтов, сколько от прозаиков, должен ожидать европейской своей общежительности. Русский переводчик оскорбился сим выражением; но если в подлиннике

[1] Любопытно видеть, как тонко насмехается Тредьяковский над славянщизмами Ломоносова, как важно советует он ему перенимать легкость и щеголевитость речений изрядной компании! Но удивительно, что Сумароков с большою точностию определил в одном полустишии истинное достоинство Ломоносова-поэта:

Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен
Enfin Malherbe vint, et le premier en France, etc.

[*Прим. Пушкина.*]

[Наконец пришел Малерб и первый во Франции и т. д. (Буало, «Поэтическое искусство»)].

сказано civilisation Européenne [1], то сочинитель чуть ли не прав.

Положим, что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны.

Г. Лемонте, входя в некоторые подробности касательно жизни и привычек нашего Крылова, сказал, что он не говорит ни на каком иностранном языке и только понимает по-французски. Неправда!—резко возражает переводчик в своем примечании. В самом деле, Крылов знает главные европейские языки, и, сверх того, он, как Альфиери, пятидесяти лет выучился древнему греческому. В других землях таковая характеристическая черта известного человека была бы прославлена во всех журналах; но мы в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка, да сами же потом и жалуемся на неведение иностранцев о всем, что до нас касается.

В заключение скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшего истинно-народного поэта, дабы познакомить Европу с литературою севера. Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (naïvité, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться. Лафонтен и Крылов—представители духа обоих народов.

P. S. Мне показалось излишним замечать некоторые явные ошибки, простительные иностранцу, например, сближение Крылова с Карамзиным (сближение, ни на чем не основанное), мнимая неспособность языка нашего к стихосложению совершенно метрическому и проч.

[1] европейская цивилизация

76. [Об Андрее Шенье]

André Chénier погиб жертвою французской революции на 31-м году от рождения. Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, и два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего.—Наконец, творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года.—Нельзя воздержаться от горестного чувства...

Письма

77. К. Ф. Рылееву

25 января [1825 г. Михайловское].

... Пущин привезет тебе отрывок из моих *Цыганов*. Желаю, чтоб они тебе понравились. Жду *Полярной Звезды* с нетерпением, знаешь, для чего? для *Войнаровского*. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужев пишет мне много об *Онегине*,—скажи ему, что он не прав: ужели хочет он изгнать все легкое и веселое из области поэзии? куда же денутся сатиры и комедии? следственно должно будет уничтожить и *Orlando furioso*[1], и *Гудибраса*, и *Pucelle*[2], и *Вер-Вера*, и *Реникефукс*, и лучшую часть *Душеньки*, и сказки Лафонтена, и басни Крылова, etc. etc. etc. etc. etc. Это немного строго. Картины светской жизни также входят в область поэзии, но довольно об *Онегине*.

Согласен с Бестужевым во мнении о критической статье Плетнева—но не совсем соглашаюсь с строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? потому что зубки прорезались?—Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности; к тому же переводный слог его останется всегда образцовым. Ох! уж эта мне республика словесности! За что казнит, за что венчает? Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастия и несозревшие надежды. — Прощай, поэт.

78. Кн. П. А. Вяземскому

25 января [1825 г. Михайловское]

... В *Цветах* встретил я тебя и чуть не задохся со смеху, прочитав твою *Черту местности*. Это маленькая прелесть. *Чисто-*

[1] «Неистовый Орланд» [поэма Ариосто]
[2] «[Орлеанская] Девственница» [поэма Вольтера]

сердечный ответ растянут: рифмы слезы, розы завели тебя. Краткость одно из достоинств сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы—очень забавно, но вся мужнина речь до за гробом ревность мучит—растянута и натянута. Еще мучительней вдвойне—едва ли не плеоназм. Вот тебе критика длиннее твоей пиэсы. Да ты один можешь ввести и усовершенствовать этот род стихотворения. Руссо в нем образец, и его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов... Я, кажется, писал тебе, что мои *Цыгане* никуда не годятся: не верь—я соврал—ты будешь ими очень доволен.

Онегин печатается; брат и Плетнев смотрят за изданием; не ожидал я, чтоб он протерся сквозь цензуру—честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое *Второе послание Цензору*? Там между прочим:

Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал.
Шишков уже наук правленье восприял.
Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью двенадцатого года,
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их незамеченных созвал, соединил,
От хлада наших дней спасал он лавр единый
Осиротевшего венца Екатерины. etc.

Так Арзамасец говорит ныне о деде Шиш[кове] tempora altri!..[1]

Не правда ли, что письмо мое напоминает le faire[2] (Василья Львовича)? Вот тебе и стишки в его же духе:

Приятелям

Враги мои, покаместь; я ни слова,
И кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого;
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный:
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

25 генв.

Напечатай где-нибудь.

Как ты находишь статью, что написал наш Плетнев? экая ералашь!.. Ты спишь, Брут! Да скажи мне, кто из Москвы

[1] времена иные
[2] дело; деяние

так горячо вступился за немцев против Бестужева (которого я не читал). Хочешь еще эпиграмму?

Наш друг Фита Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт Ѳ, не становися Фертом.
Дьячок Ѳ, ты V в поэтах...

79. А. А. Бестужеву

[После 25 января 1825 г. Михайловское]

... Слушал Чацкого, но только один раз, и не с тем вниманием, коего он достоин. Вот что мельком успел я заметить:

Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его—характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана не ясно: не то [.....], не то московская кузина. Молчалин не довольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса? старая пружина—но штатской трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен. Les propos de bal[1], сплетни, рассказ Репетилова о клобе, Загорецкий, всеми отъявленный и везде принятый,—вот черты истинно комического гения.—Теперь вопрос. В комедии *Горе от ума* кто умное действующее лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный [молодой человек] и добрый малый, проведший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все что говорит он—очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека—с первого взгляда узнать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подоб.[2]. Кстати, что такое Репетилов? В нем 2, 3, 10 характеров. Зачем делать его гадким? довольно, что он ветрен и глуп с таким простодушием; довольно, чтоб он признавался поминутно в своей глупости, а не в мерзостях. Это смирение чрезвычайно ново на

[1] бальные разговоры
[2] Cléon Грессетов не умничает с Жеронтом, ни с Хлоей. [*Прим. Пушкина.*]

театре, хоть кому из нас не случалось конфузиться, слушая ему подобных кающихся? Между мастерскими чертами этой прелестной комедии—недоверчивость Чацкого в любви Софии к Молчалину—прелестна! и как натурально! Вот на чем должна была вертеться вся комедия—но Грибоедов видно не захотел—его воля. О стихах я не говорю: половина—должны войти в пословицу.

Покажи это Грибоедову. Может быть, я в ином ошибся. Слушая его комедию, я не критиковал, а наслаждался. Эти замечания пришли мне в голову после, когда уже не мог я справиться. По крайней мере говорю прямо, без обиняков, как истинному таланту.

Тебе, кажется, *Олег* не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического...

80. Кн. П. А. Вяземскому

28 января [1825 г. Тригорское]

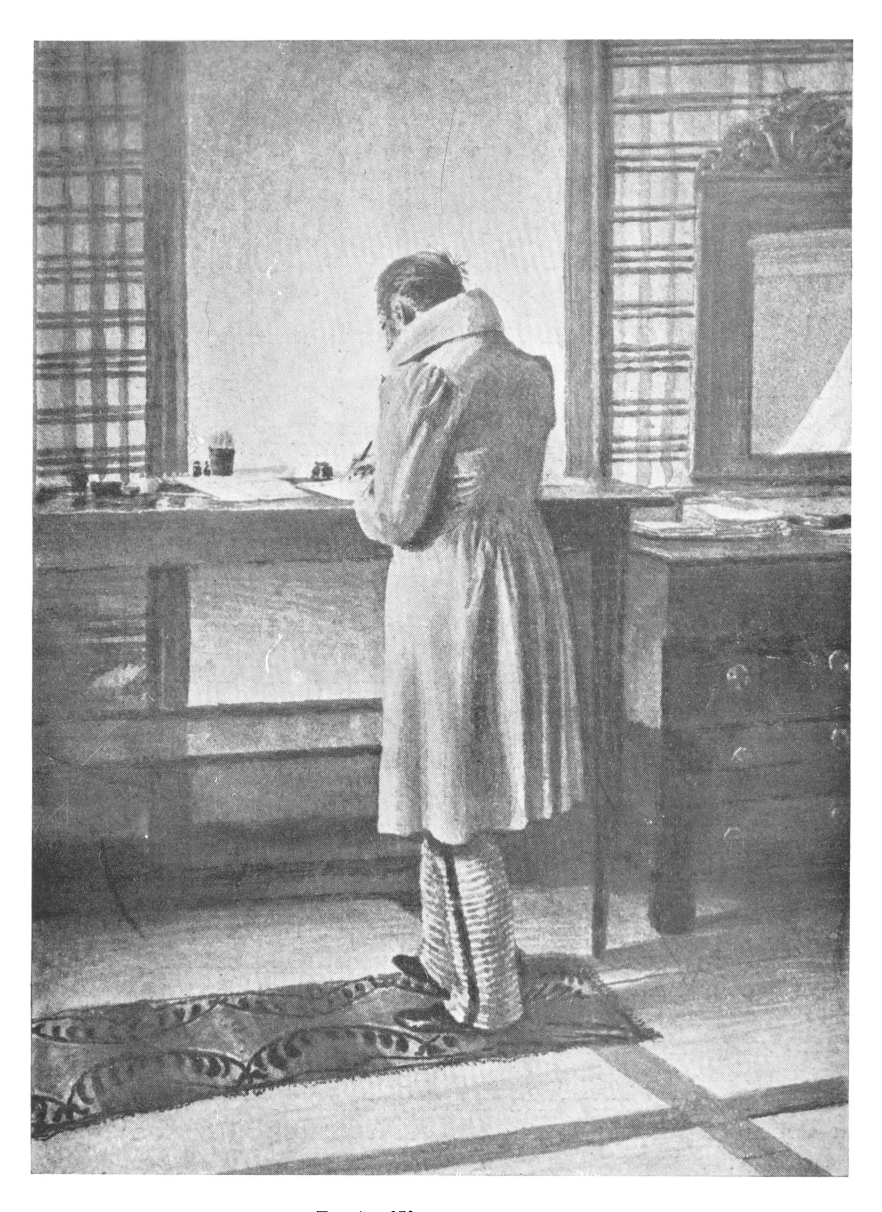
... Читал я Чацкого—много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек—но Грибоедов очень умен. Пришлите же мне ваш *Телеграф*. Напечатан ли там Хвостов? Что за прелесть его послание! достойно лучших его времен. А то он было сделался посредственным, как В[асилий] [Львович], Иванчин-Писарев и проч. Каков Филимонов в своем Ивалидном объявлении. Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня. Слава же Филимонову!..

81. Л. С. Пушкину

[Первая половина февраля 1825 г. Михайловское]

... Жду шума от *Онегина*; покамест мне довольно скучно; ты мне не присылаешь Conversations de Byron [1], добро! но милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради *Записки* Фуше и давай мне их сюда; за них отдал бы я всего

[1] Записки Байрона

В. А. Жуковский

С оригинала Райтера. (Гос. Исторический музей)

Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Он, по мне, очаровательнее Байрона. Эти записки должны быть сто раз поучительнее, занимательнее, ярче записок Наполеона, т. е. как политика, потому что в войне я ни чорта не понимаю. На своей скале (прости, боже, мое согрешение!) Наполеон поглупел—во-первых, лжет как ребенок[1], судит о таком-то не как Наполеон, а как парижский памфлетер, какой-нибудь Прадт или Гизо. Мне что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Monthaulon подкуплены! тем более, что самых важных сведений именно и не находится. Читал ты записки Nap?[2] Если нет, так прочти: это, между прочим, прекрасный роман, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille[3]...

Довольно о вздоре, поговорим о важном. Мой Коншин написал, ей-богу, миленькую пьэсу Девушка влюбленному поэту—Кроме авторами. А куда он Коншин! его Элегия в *Цветах* какова? Твое суждение о комедии Грибоедова слишком строго. Бестужеву писал я об ней подробно; он покажет письмо мое. По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей, это предвещает перемену министерства на Парнассе. Я министр иностранных дел, и кажется, дело до меня не касается. Если Палей пойдет, как начат,—Рылеев будет министром.— Плетнев неосторожным усердием повредил Баратынскому, но Эда все поправит. Что Баратынский? И скоро ль, долго ль?.. как узнать? Где вестник искупленья? Бедный Баратынский! Как об нем подумаешь, так поневоле постыдишься унывать. Прощай, стихов новых нет—пишу Записки—но и презренная проза мне надоела...

... Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы.

82. Кн. П. А. Вяземскому

19 февраля [1825 г. Михайловское]

... *Онегин* напечатан, думаю, уже выступил в свет. Ты увидишь в *Разговоре поэта и книг[опродавца]* мадригал кн. Шаликову. Он милый поэт, человек достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала, с моей стороны, не будет ему непри-

[1] Т. е. заметно. [*Прим. Пушкина.*]
[2] Наполеона.
[3] Но все, что касается политики, писано лишь для сволочи.

ятна. Он именно поэт прекрасного пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement[1].

Что же *Телеграф* обетованный? Ты в самом деле напечатал *Телегу*, проказник? Прочие журналы все получаю—и более чем когда-нибудь чувствую необходимость какой-нибудь *Edimbourg review*[2]. Да вот те Христос: литература мне надоела. Прозы твоей брюхом хочу. Что издание Фонвизина?..

83. Н. И. Гнедичу

25 февраля [1825 г. Михайловское]

... жду стихов ваших хоть печатных, хоть рукописных. Песни греческие прелесть и tour de force[3]. Об остроумном предисловии можно бы потолковать. Сходство песенной поэзии обоих народов явно—но причины?——— Брат говорил мне о скором совершении вашего Гомера. Это будет первый классический, европейский подвиг в нашем отечестве (чорт возьми это отечество). Но отдохнув после *Илиады*, что предпримете вы в полном цвете гения, возмужав во храме Гомеровом, как Ахилл в вертепе Кентавра? Я жду от вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается не воспетая, писали вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской, а Ермак? а Пожарской? История народа принадлежит поэту.

Когда ваш корабль, нагруженный сокровищами Греции, входит в пристань при ожиданьи толпы—стыжусь вам говорить о моей мелочной лавке № 1.—Много у меня начато, ничего не кончено. Сижу у моря, жду перемены погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете...

84. А. Н. Вульфу

[Март 1825 г. Тригорское]

... Послание его [Языкова. *Ред.*] и чувствительная Элегия—прелесть. В послании после тобой хранимого певца—стих пропущен. А стих Языкова мне дорог. Перешлите мне его...

[1] У него много заслуг перед прекрасным полом—и я весьма доволен, что изъяснился о том всенародно.

[2] Эдинбургское обозрение.

[3] подвиг; ловкая штука; фокус

85. Л. С. Пушкину

14 марта [1825 г.] Тригорское.

... Каченовский восстал на меня. Напиши мне, благопристоен ли тон его критик,—если нет—пришлю эпиграмму.

У нас ересь. Говорят, что в стихах—стихи не главное. Что же главное? Проза? должно заранее истребить это гонением, кнутом, кольями, песнями на голос Один сижу во компании и тому под...

86. Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу

[15 марта 1825 г. Михайловское]

... Третьего дня получил я мою рукопись. Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. Я выстирал черное белье наскоро, а новое сшил на живую нитку. Но с вашей помощью надеюсь, что Барыня Публика меня по щекам не прибьет, как непотребную прачку...

(Кстати: что прелестнее строфы Ж[уковского]: Он мнил, что вы с ним однородные и следующей. Конца не люблю)...

... Брат Лев! не серди журналистов! Дурная политика! Брат Плетнев! не пиши добрых критик! Будь зубаст и бойся приторности!..

87. Л. С. Пушкину

[Середина марта 1825 г. Михайловское]

Я было послал это в *С*[*ын*] *О*[*течества*], да кажется, журнал сей противу меня восстанет, судя по сухому объявлению *Пчелы*. В таком случае мне не годится там явиться как даннику Атамана Греча и Есаула Булгарина. Дарю отрывки тебе: печатай, где хочешь.

88. А. А. Бестужеву

24 марта [1825 г.] Михайловское.

Во-первых, пришли мне свой адрес, чтоб я не докучал Булгарину. Рылееву не пишу. Жду сперва *Войнаровского*. Скажи

ему, что в отношении мнения Байрона он прав. Я хотел было покривить душой, да не удалось. И Bowles и Byron[1] в своем споре заврались; у меня есть на то очень дельное опровержение. Хочешь, перешлю? переписывать скучно. Откуда ты взял, что я льщу Рылееву? Мнение свое о его *Думах* я сказал вслух и ясно, о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке—но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасаюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай—да чорт его знал. Жду с нетерпением *Войнаровского* и перешлю ему все свои замечания. Ради христа! Чтоб он писал—да более, более!

Твое письмо очень умно, но все-таки ты не прав, все-таки ты смотришь на *Онегина* не с той точки, все-таки он лучшее произведение мое. Ты сравниваешь первую главу с *Дон-Жуаном*. Никто более меня не уважает *Дон-Жуана* (первые 5 песен, других не читал), но в нем ничего нет общего с *Онегиным*. Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь его с моей, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня сатира? О ней и помину нет в Евгении Онегине. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатире. Самое слово сатирический не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен... Ах! Еслиб заманить тебя в Михайловское!.. ты увидишь, что если уж и сравнивать *Онегина* с *Дон-Жуаном*, то разве в одном отношении: кто милее и прелестнее (gracieuse) Татьяна или Юлия? 1-я песнь просто быстрое введение, и я им доволен (что очень редко со мною случается). Сим заключаю полемику нашу... Жду *Полярной Звезды*. Давай ее сюда. Предвижу, что буду с тобой согласен в твоих мнениях литературных. Надеюсь, что наконец отдашь справедливость Катенину. Это было бы кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать суждения свои сродно мыслящему созданию. Бескорыстное признание в оном требует душевной силы. Впрочем этому буду рад для Катенина, а для себя жду твоих повестей; да возьмись за роман—кто тебя держит. Вообрази: у нас ты будешь первый во всех значениях этого слова. В Европе также получишь свою цену—во-первых, как истинный талант, во-вторых, по новизне предметов, красок etc... Подумай, брат, об этом на досуге...

[1] Боульс и Байрон

89. Л. С. Пушкину

[27 марта 1825 г. Михайловское]

Душа моя, что за прелесть—*Бабушкин кот*! я перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Тр. Фал. Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину—Погорельский ведь Перовский, не правда ли?..

... Получил ли ты мои Стихотворенья?—Вот в чем должно состоять предисловие: Многие из сих стихотворений—дрянь и недостойны внимания российской публики—но как они часто бывали печатаны бог весть кем, чорт знает под какими заглавиями, с поправками наборщика и с ошибками издателя—так вот они, извольте-с кушать-с хоть это-с—[г. . . .]-с (сказать, это помягче). 2) Мы (сиречь издатели) должны были из полного собрания выбросить многие штуки, которые могли бы показаться темными, будучи написаны в обстоятельствах неизвестных или малозанимательных для почтеннейшей публики (российской) или могущие быть занимательными единственно некоторым частным лицам или слишком незрелые, ибо г. Пшк. изволил печатать свои стишки в 1814 году (т. е. 14 лет), или как угодно.

3) Пожалуйста без малейшей похвалы мне—это непристойность, и в *Бахчисарайском Фонтане* я забыл заметить это Вяземскому— 4) все это должно быть выражено романтически, без буфонства. Напротив. Во всем этом полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, ведь он не поверит. Ну, по крайней мере, столь же хороша. Доволен ли он—да перешли на всякий случай это предисловие в Михайловское—а я пришлю вам замечания свои.

Я *Телеграфом* очень доволен—и мышлю или мыслю поддержать его. Скажи это и Ж[уковскому]...

90. Кн. П. А. Вяземскому

[Середина апреля 1825 г. Михайловское]

... Брат перешлет тебе мои стихи, я переписываю для тебя *Онегина*—желаю, чтоб он помог тебе улыбнуться. В первый раз улыбка читателя me sourit[1] (Извини эту плоскость: в крови!..).

[1] мне улыбается

А между тем будь мне благодарен—отроду ни для кого ничего не переписывал, даже для Голицыной—из сего следует, что я в тебя влюблен, как кюхельбекерской Державин в Суворова.

Занимает ли еще тебя российская литература? Я было на Полевого очень ощетинился за *Невский Альманах* и за пародию Жуковского. Но теперь с ним помирился. Я даже такого мнения, что должно непременно поддержать его журнал. Хочешь? Я согласен.

Стихотворения мои отосланы в Петербург под Бирукова. Почти все известно уже. Но все нужно было соединить воедино. Изо всего, что должно было предать забвению, более всего жалею о своих эпиграммах—их всех около 50 и все оригинальные— но по несчастию я могу сказать, как Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie [1], а с живыми—полно, не хочу ссориться.

Из *Послания к Чедаеву* вымарал я стихи, которые тебе не понравились,— единственно для тебя, из уважения к тебе—а не потому, что они другим не по нутру.

Кланяйся Давыдову, который забыл меня. Сестра Ольга в него влюблена и поделом. Кстати или нет: он критиковал ей в *Бахчисарайском Фонтане* Заремины очи. Я бы с ним согласился, если б дело шло не о востоке. Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. Кстати еще—знаешь, почему не люблю я Мура?—Потому, что он чересчур уже восточен. Он подражает— ребячески и уродливо—ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца.—Вот почему Байрон так и прелестен в *Гяуре*, в *Абидосской Невесте* и проч...

91. Кн. П. А. Вяземскому

[Вторая половина (до 26-го) апреля 1825 г. Михайловское]

... Улыбнись, мой милый, вот тебе

Элегия на смерть Ан[ны] Льв[овны] [2]...

Кстати: зачем ты не хотел отвечать на письма Дельвига? Он человек, достойный уважения во всех отношениях и не чета нашей литературной С. П. Бургской сволочи. Пожалуста, ради меня, поддержи его *Цветы* [3] на следующий год. Мы все об них постараемся. Что мнишь ты о *Полярной*?..

[1] Шамфор: Все те, на кого я их [эпиграммы] написал, еще живы.

[2] Следует текст элегии.—*Ред.*

[3] Да нет ли у тебя и прозы? [*Прим. Пушкина.*]

92. Л. С. Пушкину

[Первая половина мая 1825 г. Михайловское]

Ж и в, ж и в к у р и л к а!
Как? жив еще курилка журналист?—
— Живехонек! Все так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Все тискает в свой непотребный лист
И старый вздор и вздорную новинку.
— Фу! надоел курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет.—Да... плюнуть на него.

Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского, перешли ее Вяземскому. А между тем пришли мне тот № *Вестника Европы*, где напечатан 2-й разговор лже-Дмитриева, это мне нужно для предисловия к Б а х ч и с а р а й с к о м у Ф о н т а н у. Не худо бы мне переслать и весь процесс (и *Вестник* и *Дамский Журнал*).

Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его прелесть—сердись он, не сердись—а Х о т е л п р о с т и т ь—п р о с т и т ь н е м о г достойно Байрона. *Видение*, конец прекрасный.—Послание, может быть, лучше поэмы—по крайней мере ужасное место, где поэт описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии. Хочется отвечать ему стихами, если успею, пошлю их с этим письмом.

... *Войнаровский* мне очень нравится. Мне даже скучно, что его здесь нет у меня.

Если можно пришли мне последнюю G e n l i s—да Child-Harold—Lamartine[1] (то-то чепуха должна быть!), да вообще что-нибудь новенького, да и С т а р и н у. *Талию* получил и письмо от издателя. Не успел еще пробежать: В о р о ж е я показалась мне d u b o n c o m i q u e[2]. А Хмельницкий—моя старинная любовница. Я к нему имею такую слабость, что готов поместить в честь его целый куплет на 1-ю песнь *Онегина* (да кой чорт! говорят, он сердится, если об нем упоминают как о драматическом писателе)... Надеюсь что Дельвиг и Бар[атынский] привезут мне и Анахарсиса Клоца, который верно сердится на меня за то, что мне не по нутру Р е з в о с к а ч у щ а я к р о в ь Гриб[оедова]...

Богатая мысль напечатать Nap.[3], да Цензура... лучшие строфы потонут.

[1] Жанлис—да Чайльд-Гарольда—Ламартина
[2] в хорошем комическом роде
[3] «Наполеон»

93. Кн. П. А. Вяземскому

25 мая [1825 г. Михайловское]

Ты спрашиваешь, доволен ли я тем, что сказал ты обо мне в *Телеграфе*—Что за вопрос? Европейские статьи так редки в наших журналах! а твоим пером водят и вкус и пристрастие дружбы. Но ты слишком бережешь меня в отношении к Ж[уковскому]. Я не следствие, а точно ученик его, и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его. В бореньях с трудностью силач необычайный.

Переводы избаловали, изленили; он не хочет сам созидать—но он, как Voss [1]—гений перевода. К тому же смешно говорить об нем как об отцветшем, тогда как слог его еще мужает. Былое сбудется опять, а я все чаю в воскресение мертвых.

Читал твое о Чернеце, ты исполнил долг своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и умнее *Войн*[*аровского*], но в Рылееве есть более замашки или размашки в слоге. У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал. Зато *Думы* дрянь, и название сие происходит от немецкого Dum [2], а не от польского, как казалось бы с первого взгляда. Стихи Неелова прелесть, недаром я назвал его некогда le chantre de la merde! [3] (это между нами и потомством буди сказано). Статьи и стихов Шаликова не читал. Неужто он обижается моими стихами? вот уж тут-то я невинен, как барашек! спросите у братца Леона: он скажет вам, что, увидев у меня имя кн. Шаликова, он присоветовал мне заменить его Батюшковым—я было и послушался, да стало жаль et j'ai remis bravement Chalikof! [4] Это могу доказать черновою бумагою.

... Ты, кажется, любишь Казимира, а я так нет. Конечно, он поэт, но все не Вольтер, не Гете... далеко кулику до орла.—Первый гений там будет романтик и увлечет французские головы бог ведает куда. Кстати: я заметил, что все (даже и ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме. Об этом надобно будет на досуге потолковать, но не теперь; мочи нет устал. Писал ко всем, даже и к Булгарину.

[1] Фосс
[2] Dumm (немецк.)—глупый; duma (польск.)—размышление.
[3] певец навоза
[4] и я смело восстановил Шаликова!

Ты вызываешься сосводничать мне **Полевого**. Дело в том, что я рад помогать ему, а условий верно никаких не выполню—следственно и денег его мне не надобно. Да ты смотри за ним—ради бога! и ему случается завираться. Например, *Дон-Кихот* искоренил в Европе странствующих рыцарей!!!—В Италии, кроме Dante единственно, не было романтизма. А он в Италии-то и возник. Что же такое Ариост? а предшественники его, начиная от Buovo d'Antona до Orlando inamorato?[1] как можно писать так наобум. /А ты не пренебрегай журнальными мелочами:/ Наполеон ими занимался и был лучшим журналистом Парижа (как заметил, помнится, Фуше)...

94. К. Ф. Рылееву

[Конец мая 1825 г. Михайловское]

Думаю, ты уже получил замечания мои на *Войнаровского*. Прибавлю одно: везде, где я ничего не сказал, должно подразумевать похвалу, знаки восклицания, прекрасно и проч. Полагая, что хорошее писано тобою с умыслу, не счел я за нужное отмечать его для тебя.

Что сказать тебе о *Думах*? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы Петра в Острогожске чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из общих мест (Loci topici). Описание места действия, речь героя и нравоучение. Национального, русского нет в них ничего кроме имен (исключаю *Ивана Сусанина*, первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант). Ты напрасно не поправил в *Олеге* герба России. Древний герб, св. Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел, есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Тоже повеси щит свой на вратех на показание победы.

Об *Исповеди Наливайки* скажу, что мудрено что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым; но и тут, конечно, наложил ты свою печать...

[1] «Буово д'Антона»—[итальянская поэма]. «Влюбленный Роланд»—[поэма Баярда].

95. В. А. Жуковскому

[Конец мая — начало июня 1825 г. Михайловское]

... Я обещал Н. М. два года ничего не писать противу правительства и не писал. Кинжал не против правительства писан, и хоть стихи и не совсем чисты в отношении слога, но намерение в них безгрешно. Теперь же все это мне надоело, и если меня оставят в покое, то верно я буду думать об одних пятистопных без рифм...

Ничего не говорил я тебе о твоих Стихотворениях. Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? Пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же не вижу в нем и бескорыстной любви к твоей славе. Выбрасывая, уничтожая самовластно, он не исключил из Собрания послания к нему, произведения, конечно, слабого. Нет, Жуковский,

Веселого пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И [...] его [...].

Надпись к Гете, Ах, если б мой милый, Гению—все это прелесть; а где они? Знаешь, что выйдет? После твоей смерти все это напечатают с ошибками и с приобщением стихов Кюхельбекера. Подумать страшно. Дельвиг расскажет тебе мои литературные занятия. Жалею, что нет у меня твоих советов или хоть присутствия—оно вдохновение. Кончи, ради бога, Водолаза. Ты спрашиваешь, какая цель у *Цыганов?* Вот на! Цель поэзии—поэзия—как говорит Дельвиг (если не украл этого). *Думы* Рылеева и целят, а все невпопад.

96. А. А. Бестужеву

[Конец мая — начало июня 1825 г. Михайловское]

Отвечаю на первый параграф твоего *Взгляда.* У римлян век посредственности предшествовал веку гениев—грех отнять это титло у таковых людей, каковы Виргилий, Гораций, Тибулл, Овидий и Лукреций, хотя они[1], кроме двух последних, шли столбовою дорогою подражания. Критики греческой мы не имеем. В Италии Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Ариосту,

[1] Виноват! Гораций не подражатель. [*Прим. Пушкина.*]

сии предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичан Мильтон и Шекспир писали прежде Адиссона и Попа, после которых явились Southay, Walter Scott, Moor и Byron—из этого мудрено вывести какое-нибудь заключение или правило. Слова твои вполне можно применить к одной французской литературе.

У нас есть критика, а нет литературы. Где же ты это нашел? Именно критики у нас и недостает. Отселе репутации Ломоносова[1] и Хераскова, и если последний упал в общем мнении, то верно уж не от критики Мерзлякова[2]. Кумир Державина, 1/4 золотой, 3/4 свинцовой, доныне еще не оценен. *Ода к Фелице* стоит на ряду с *Вельможей*, ода *Бог с Одой на Смерть Мещерского. Ода к Зубову* недавно открыта. Княжнин безмятежно пользуется своею славою, Богданович причислен к лику великих поэтов, Дмитриев также. Мы не имеем ни единого комментария, ни единой критической книги. Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который (в басне) столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо. Что же ты называешь критикою? *Вестник Европы* и *Благонамеренный?* Библиографические известия Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся, что это все не может установить какого-нибудь мнения в публике, не может почесться уложением вкуса. Каченовский туп и скучен, Греч и ты остры и забавны—вот все, что можно сказать об вас,—но где же критика? Нет, фразу твою скажем наоборот; литература кой-какая у нас есть, а критики нет. Впрочем ты сам немного ниже с этим соглашаешься.

От чего у нас нет гениев и малоталантов? Во-первых, у нас Державин и Крылов; во-вторых, где же бывает много талантов.

Ободрения у нас нет—и слава богу! Отчего же нет? Державин, Дмитриев были в ободрение сделаны министрами. Век Екатерины—век ободрений; от этого он еще не ниже другого. Карамзин, кажется, ободрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов также. Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг; посмотрим, когда появится его Гомер. Из неободренных вижу только себя да Баратынского—и не говорю: слава богу!

[1] Сбоку письма написано: Уважаю в нем великого человека, но, конечно, не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты оного; вот его главная услуга.

[2] На поле, начиная от слов: Кумир Державина—написано: у одного только народа критика предшествовала литературе—у германцев.

Ободрение может оперить только обыкновенные дарования. Не говорю об Августовом веке. Но Тасс и Ариост оставили в своих поэмах следы княжеского покровительства. Шекспир лучшие свои комедии написал по заказу Елисаветы. Мольер был камердинером Людовика; бессмертный *Тартюф*, плод самого сильного напряжения комического гения, обязан бытием своим заступничеству монарха; Вольтер лучшую свою поэму писал под покровительством Фридерика... Державину покровительствовали три царя. Ты не то сказал, что хотел; я буду за тебя говорить.

Так! Мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести—а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищеньи
Пророка, я тебя хвалил:
Смотри, я рек, триумф минуту,
А добродетель век живет.

Прочти послание к Александру (Жуковского в 1815), вот как русский поэт говорит русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее в литературе... Об нашей-то лире можно сказать, что Мирабо сказал о Сиесе: Son silence est une calamité publique[1]. Иностранцы нам изумляются—они отдают нам полную справедливость, не понимая, как это сделалось. Причина ясна. У нас писатели взяты из высшего класса общества—аристократического—гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою—а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин—дьявольская разница!

Все, что ты говоришь о нашем воспитании, о чужестранных и междоусобных (прелесть!) подражателях—прекрасно, выражено сильно и с красноречием сердечным. Вообще мысли в тебе кипят. Об *Онегине* ты не высказал всего, что имел на сердце; чувствую, почему и благодарю—но зачем же ясно не обнаружить своего мнения?—покаместь мы будем руководствоваться личными нашими отношениями, критики у нас не будет—а ты достоин ее создать.

[1] Его молчание—общественное бедствие.

Твой *Турнир* напоминает турниры W. Scott'а. Брось этих немцев и обратись к нам, православным; да полно тебе писать быстрые повести с романтическими переходами—это хорошо для поэмы байронической. Роман требует болтовни; высказывай все начисто. Твой Владимир говорит языком немецкой драмы, смотрит на солнце в полночь[1], etc. Но описание стана Литовского, разговор плотника с часовым—прелесть, конец также. Впрочем везде твоя необыкновенная живость.

Рылеев покажет, конечно, тебе мои замечания на его *Войнаровского*, а ты перешли мне свои возраженья...

Еще слово: ты умел в 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности—а нынешний год и спасибо не сказал старику Шишкову. Кому же, как не ему, обязаны мы нашим оживлением?

97. Бар. А. А. Дельвигу

[Начало июня 1825 г. Михайловское]

... По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоносова)—он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии, ни даже о правилах стихосложения.—Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает Оды, но не может выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что ж в нем: мысли, картины и движения истинно поэтические; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски, а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нем (не говоря уже о его министерстве), у Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь. Гений его можно сравнить с гением Суворова—жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом. Довольно об Державине. Что делает Жуковский?—Передай мне его мнение о 2-ой главе Онегина, да о том, что у меня на пяльцах.—

Какую Крылов выдержал операцию? дай бог ему многие лета! Его Мельник хорош, как Демьян и Фока...

[1] Стр. 330. [*Прим. Пушкина.*]

98. К. Ф. Рылееву [*Черновое*]

[Вторая половина июня — июль 1825 г. Михайловское]

Мне досадно что Р[ылеев] меня не понимает—в чем дело? Что у нас не покровительствуют литературу? и что слава богу? зачем же об этом говорить? или reveiller le chat qui dort?[1] Напрасно. Равнодушию правительства и притеснению цензуры обязаны мы духом нынешней нашей словесности—Чего ж тебе более? загляни в журналы; в течение 6-ти лет посмотри, сколько раз упоминали обо мне, сколько раз меня хвалили поделом и понапрасно—а об (Том) нашем приятеле ни-гугу, как будто на свете его не было. Почему это? Уж верно не от гордости или радикализма такого-то журналиста, нет, а всякий знает, что хоть он расподличайся, никто ему спасибо не скажет и не даст ни 5 рублей—так лучше ж даром быть благородным человеком. Ты сердишься за то что я хвалюсь 600-летним дворянством (NB, мое дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость etc. Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас гр. Хвостов прожился на них. Там (у немцев) есть нечего, так пиши книгу, а у нас есть нечего, служи да не сочиняй. Милый мой, ты поэт и я поэт, но я сужу более прозаически и чуть ли от етого не прав. Прощай милый, что ты пишешь?

99. Кн. П. А. Вяземскому

[Начало июля 1825 г. Михайловское]

Думаю, что ты уже получил ответ мой на предложения *Телеграфа*. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебе попадется (кроме *Онегина*), если же мое имя, как сотрудника, то не соглашусь из благородной гордости, т. е. амбиции: *Телеграф*—человек порядочный и честный, но враль и невежда; а вранье и невежество журнала делится между его издателями; в часть эту входить не намерен. Несмотря на перемену министерства и на улучшения цензуры, все-таки не могу отвечать за Красовского с братьею; пожалуй, я подряжусь выставлять по стольку-то пиэс, да в накладе может остаться журнал, если так восхощет бог да Бируков.

[1] будить кота, который спит

Я всегда был склонен аристократичествовать, а с тех пор, как пошел мор на Пушкиных, я и пуще зачуфырился; стихами торгую en gros [1], а свою мелочную лавку № 1 запираю...

Какую песню из Beranger перевел дядя В. Л.? Уж не *Le bon Dieu* [2] ли? Объяви ему за тайну, что его в том подозревают в П. Б. и что готовится уже следственная комиссия, составленная из гр. Хвостова, Магницкого и г-жи Хвостовой (автора Камина и, следст[венно], соперницы Василия Львовича). Не худо уведомить его, что уже давно был бы он сослан, если бы не чрезвычайная известность (extrême popularité) его *Опасного соседа*. Опасаются шума.—Как жаль, что умер А. М. и что не видел я Дядиной травли. Но Дмитриев жив, все еще не потеряно. Я послал в Пчелу, а не в Телеграф мою опечатку, потому что в Москву почта идет несносно долго; Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавил журнальным, а я не даром отозвался, et le diable n'y perd rien [3]. Вот еще Эпиграмма на Благонамеренный, который, говорят, критиковал моих Приятелей:

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей,
Журнальный Шут об них статейку тиснул
И в свет пустил без подписи ж Злодей!
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

Отослано к Полевому. Ты уже, думаю, босоножка, полощешься в морской лужице, а я наслаждаюсь душным запахом смолистых почек берез, под кропильницею псковского неба, и жду, чтоб Некто повернул сверху кран, и золотые дожди остановились. Фита в сторону, у нас холодно и грязно. Жду разрешения моей участи.

100. Кн. П. А. Вяземскому

13 июля [1825 г. Михайловское]

... Сейчас прочел твои замечания на замечания Дениса на замечания Наполеона—чудо-хорошо! Твой слог, живой и ориги-

[1] оптом
[2] «Добрый бог»
[3] и дьявол ничего здесь не теряет

нальный, тут еще живее и оригинальнее. Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы, т. е. языка мыслей). Об этом есть у меня строфы три и в *Онегине.* За твоей статьей следует моя о m-me de Staël. Но не разглашай этого: тут есть одно великодушие, поставленное, во-первых, ради цензуры, а во-вторых, для вящего анонима... Покаместь, душа моя, я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцалуешь: романтическую трагедию!—смотри, молчи же: об этом знают весьма немногие. Читал ты моего *А. Шенье в темнице?* Суди об нем, как езуит—по намерению...

101. Н. Н. Раевскому [*Из чернового*]

[*Перевод с французского*]

[Конец июля 1825 г. Михайловское]

... Покамест же я в совершенном одиночестве: единственная соседка, которую я посещал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме моей старой няни и моей трагедии; последняя подвигается вперед, и я доволен ею. Сочиняя ее, я размышлял о трагедии вообще (и если бы я собрался написать предисловие, оно было бы любопытно). Это, может быть, наименее правильно понимаемый род поэзии. Классики и романтики—все основывали его правила на правдоподобии, а оно-то именно (правдоподобие) и несовместимо с самой природой драмы. Не говоря уже о времени и пр., какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две половины, из коих одна занята двумя тысячами человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках. 2) Язык. Например, у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: «Увы! Я слышу сладкие звуки греческой речи» и т. д. Вспомните древних, их трагические маски, их двойные лица,—все это не есть ли [между тем] условное неправдоподобие? 3) Время, место и проч. и проч. Истинные гении трагедии (Шекспир, Корнель) никогда не заботились о правдоподобии. Посмотрите, как Корнель смело [обработал] повел *Сида.* А, вам угодно соблюдение правила о 24 часах? Извольте—и нагромоздил событий на целых 4 месяца. По мне, нет ничего [смешнее] бесполезнее мелких поправок к общепринятым правилам: Альфиери отлично понял, как смешны

речи «в сторону»; он их уничтожает, но зато удлиняет монологи и думает, что произвел целый переворот в системе трагедии (как будто в монологе больше правдоподобия, чем в речах «в сторону»). Какое ребячество! Правдоподобие положений и правда диалога—вот настоящие законы трагедии (Шекспир охватил страсти, Гёте—нравы). Я не читал ни Кальдерона, ни Вега, но что за человек этот Шекспир? Не могу притти в себя! Как Байрон-трагик мелок по сравнению с ним! Байрон, который постиг всего-на-всего один характер (именно свой собственный) (у женщин нет характера,—у них страсти в молодости,—вот почему так легко рисовать их), итак, Байрон (в трагедии) разделил между своими героями те или другие черты своего собственного характера: одному дал свою гордость, другому—свою ненависть, третьему—свою меланхолию и т. д., и таким образом из одного характера, полного, мрачного и энергичного, создал несколько характеров незначительных,—это уже вовсе не трагедия.

(Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется, но каждый на свой образец,—читайте Шекспира). Существует и еще одна склонность (склонность, достойная романа Авг. Лафонтена): создав в своем воображении какой-нибудь характер, писатель старается наложить отпечаток этого характера на все, что заставляет его говорить, даже по поводу вещей, совершенно посторонних (таковы педанты и моряки в старых романах Фильдинга). Заговорщик говорит: Дайте мне пить, как заговорщик,—и это только смешно. Вспомните «Озлобленного» Байрона (ha pagato![1]). Это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость,—естественно ли это? Смотрите у Шекспира. Отсюда и эта неловкость, и эта робость диалога. Читайте Шекспира (это мой припев)! Он никогда не боится скомпрометировать свое действующее лицо,—он заставляет его говорить со всею жизненною непринужденностью, ибо уверен, что в свое время и в своем месте он заставит это лицо найти язык, соответствующий его характеру.

«Вы спросите меня: а ваша трагедия—трагедия характеров или нравов? Я избрал наиболее легкий род, но попытался соединить и то и другое. Я пишу и размышляю. Большая часть сцен потребовала только рассуждения; когда же я подхожу к сцене, требующей вдохновения, я или выжидаю, или перескакиваю через нее. Этот прием работы для меня совершенно нов. Я чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития и что я могу творить».

[1] он заплатил!

102. Н. А. Полевому

2 августа [1825 г.] Михайловское.

... Радуюсь, что стихи мои могут пригодиться вашему журналу (конечно, лучшему из всех наших журналов). Я писал кн. Вяземскому, чтоб он потрудился вам их доставить. У него много моих бредней...

103. Кн. П. А. Вяземскому

10 августа [1825 г. Михайловское]

... Что твой Байрон? перешли мне его прежде печати. Да нет ли стихов покойного поэта Вяземского, хоть эпиграмм? Знаешь ли его лучшую эпиграмму: Что нужды? говорит расчетливый etc. Виноват! Я самовластно сделал в ней перемены, перемешав стихи следующим образом: 1,2,3—7, 8—4,5,6. Не напечатать ли, сказав: Нет, я в прихожую пойду путем доходным; если цензура не пропустит осьмого стиха, так и без него обойдемся; главная прелесть: Я не поэт, а дворянин, и еще прелестнее после посвящения *Войнаровского*, на которое мой Дельвиг уморительно сердится... Какова наша текучая словесность? настоящий[........]! Мне жаль, что от Кюхельбекера отбили охоту к журналам, он человек дельный с пером в руках—хоть и сумасброд. Жду разбора Шихматова, то-то вранья, чаю! Сейчас прочел антикритику Полевова. Нет, мой милый! Не то и не так!—Разбор новой пиитики басен—вот критика! Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет, хочется, а покаместь смотри хоть за Полевым...

104. В. И. Туманскому

13 августа [1825 г. Михайловское]

... Что твоя поэзия? Изредка и слишком редко попадаются мне твои стихи. Сделай милость, не забывай своего таланта. Боюсь, чтоб проза жизни твоей не одолела поэзии души. Девушка влюбленному поэту—прелесть! Сидя с авторами одно нехорошо

Не так ли:

Со мной ведете ль разговоры,
Вам замечательней всего
Ошибки слога моего;—
Без выраженья ваши взоры, etc...

105. Кн. П. А. Вяземскому

14—15 августа 1825 г. Михайловское.

Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807 года на славяно-россском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова, или Сергея Глинки, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах.—Благодарю очень за *Водопад*. Давай мутить его сейчас же.

... с гневом
Сердитый влаги властелин—

Вла вла—звуки музыкальные, но можно ли, например, сказать о молнии: властительница небесного огня? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь стремнин, вершин и тому подобное.

2-я строфа—прелесть!—

Дождь брызжет от (такой-то) сшибки
Твоих междуусобных волн.

Междуусобный значит mutuel, но не заключает в себе идеи брани, спора—должно непременно тут дополнить смысл.

5-я и 6-я строфы—прелестны.

Но ты, питомец тайной бури...

Не питомец, скорее родитель—и то нехорошо—не соперник ли? Тайной, о гремящем водопаде говоря, не годится; о буре физической—также. Игралище глухой войны—не совсем точно. Ты не зерцало и проч. Не яснее ли, и не живее ли (впрочем, это придирка): Ты не приемлешь их лазури etc. Точность требовала бы—не отражаешь. Но твое повторение ты тут нужно.

Под грозным знаменьем etc. Хранишь etc., но вся строфа сбивчива. Зародыш непогоды в водопаде: темно. Вечно-бьющий огонь—тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?

Ворвавшись—чудно хорошо. Как средь пустыни etc. Не должно тут двойным сравнением развлекать внима-

ния, да и сравнение неточно. Вихорь и пустыню уничтожь-ка—посмотри, что выйдет из того:

Как ты, внезапно разгорится

Вот видишь ли? Ты сказал об водопаде огненном метафорически, т. е. блистающий как огонь, а здесь уж переносишь к жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня). Итак, не лучше ли:

Как ты, пустынно разразится, etc.

А? или что другое—но разгорится слишком натянуто. Напиши же мне: в чем ты со мною согласишься. Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини, как похотливое кокетство итальянки... Я созвал нежданных гостей, прелесть—не лучше ли еще незванных—Нет, cela serait de l'ésprit...[1]

106. В. А. Жуковскому

17 августа [1825 г. Михайловское]

... Трагедия моя идет, и думаю к зиме ее кончить; вследствие чего читаю только Карамзина да летописи—что за чудо эти два последние тома Карамзина! какая жизнь, c'est palpitant comme la gazette d'hier[2], писал я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть: нельзя ли мне доставить или жизнь Железного колпака или житие какого-нибудь Юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьих-Минеи—а мне бы очень нужно.

107. Кн. П. А. Вяземскому

[Около 12 сентября 1825 г. Михайловское]

... Милый, мне надоело тебе писать, потому что не могу являться тебе в халате, нараспашку и спустя рукава. Разговор наш похож на предисловия г-на Лемонте. Мы с тобою толкуем

[1] это было бы уж слишком надуманно...
[2] это так же животрепещуще, как вчерашняя газета

лишь о Полевом да о Булгарине—а они несносны и в бумажном переплете. Ты умен, о чем ни заговори, а я перед тобою дурак дураком. Условимся, пиши мне и не жди ответов.

Твоя статья о *Аббатстве* Байрона? Что за чудо *Дон Жуан!* Я знаю только 5 первых песен; прочитав первые две, я сказал тотчас Раевскому, что это chef d'oeuvre[1] Байрона, и очень обрадовался после, увидя, что W. Scott моего мнения. Мне нужен английский язык—и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора. Грех гонителям моим! И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: il y avait quelque chose là...[2] Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру.

... Зачем жалеешь ты о потере *Записок* Байрона? чорт с ними! Слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностию, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо,—а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Поступок Мура лучше его *Лалла-Рук* (в его поэтическом отношении). Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. О н м а л, к а к м ы; о н м е р з о к, к а к м ы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок—не так, как вы,—иначе! Писать свои mémoires[3] заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искренним—невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью—на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать (braver) суд людей нетрудно; презирать суд собственный невозможно.

108. П. А. Катенину

Около 12 сентября 1825 г. Михайловское.

... Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинаковым занятиям. Ты огорчаешь меня увере-

[1] образцовое произведение (шедевр)
[2] однако же тут было что-то...
[3] записки, мемуары

нием, что оставил поэзию—общую нашу любовницу. Если это правда, что ж утешает тебя, кто утешит ее?.. Я думал, что в своей глуши ты созидаешь; нет, ты хлопочешь и тягаешься, а между тем годы бегут.

Heu fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni [1].

А что всего хуже, с ними улетают и страсти и воображение. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедию в 18-ти действиях (как трагедии Софии Алексеевны). Ты сделаешь переворот в нашей словесности, и никто более тебя того не достоин. Прочел в Булг. твое 3-е действие, прелестное в величавой простоте своей. Оно мне живо напомнило один из лучших вечеров моей жизни; помнишь?.. На чердаке Шаховского.

Как ты находишь первый акт *Венцеслава?* По мне чудно-хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читал, по-гишпански не знаю, а от Жандра в восхищении; кончена ли вся трагедия?

Что сказать тебе о себе, о своих занятиях? Стихи покамест я бросил и пишу свои mémoires [2], то-есть переписываю набело скучную, сбивчивую черновую тетрадь; 4 песни *Онегина* у меня готовы, и еще множество отрывков; но мне не до них. Радуюсь что 1-я песнь тебе по нраву—я сам ее люблю; впрочем на все мои стихи я гляжу довольно равнодушно, как на старые проказы с К..., с театральным маиором и проч.: больше не буду! Addio, poëta, a rivederla ma quando? [3]

109. Кн. П. А. Вяземскому

[Около 12 сентября 1825 г. Михайловское]

... От нечего делать я прочел ему [Горчакову. *Ред.*] несколько сцен из моей комедии, попроси его не говорить об них, не то об ней заговорят, а она мне опротивит, как мои *Цыганы*, которых я не мог докончить по сей причине. Радуюсь однако участи моей песни Режь меня. Это очень близкий перевод, посылаю тебе дикий напев подлинника....

Ради бога, докажи Василию Львовичу, что *Элегия на смерть Анны Львовны* не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает: «а она его сестре 15 000 оставила!..» Это напоминает чай, которым он поил Милонова. Дело в

[1] Увы, Постум, Постум, бегут, падают годы.
[2] записки, мемуары
[3] Прощай, поэт, до свидания,—но когда?

том, что, конечно, Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате.

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристипп и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка—не дядя твой,
Но, милый—музы наши сестры,
И так ты все же братец мой.

Variante[1]: Василий Львович, тонкий, острый...

110. Кн. П. А. Вяземскому

13—15 сентября [1825 г. Михайловское]

Сам съешь!—Заметил ли ты, что все наши журнальные антикритики основаны на сам съешь? Булгарин говорит Федорову: Ты лжешь; Федоров говорит Булгарину: сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: ты невежда. Полевой возражает Пинскому: ты сам невежда. Один кричит: ты крадешь! другой: сам ты крадешь!—и все правы...

... Ты признаешься, что в своем *Водопаде* ты более писал о страстном человеке, чем о воде. Отселе и неточность некоторых выражений.

Благодарю от души Карамзина за Железный Колпак, что он мне присылает; в замен отошлю ему по почте свой цветной, который полно мне таскать. В самом деле, не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее! Сегодня кончил я 2-ю часть моей трагедии—всех, думаю, будет 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однакож, этого никому. Благодарю тебя и за замечание Карамзина о характере Бориса. Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на него с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное. Ты хочешь плана? возьми конец десятого и весь одиннадцатый том, вот тебе и план...

Resume[2]: Вы находите, что позволение ехать во Псков есть шаг вперед, а я думаю, что шаг назад—но полно об аневризме—он мне надоел, как наши журналы.

[1] Вариант
[2] Резюме (вывод)

Жалею, что о Staël[1] писал Муханов (если адъютант Раевского), он мой приятель, и я бы не тронул его, а все же он виноват. M-me Staël наша—не тронь ее. Впрочем я пощадил его. Как мне жаль, что Полевой пустился без тебя в антикритику! Он длинен и скучен, педант и невежда—ради бога, надень на него строгий мундштук и выезжай его —на досуге...

111. В. А. Жуковскому

6 октября [1825 г.] Тригорское.

... Милый мой, посидим у моря, подождем погоды; я не умру; это невозможно; бог не захочет, чтобы *Годунов* со мною уничтожился. Дай срок: жадно принимаю твое пророчество; пусть трагедия искупит меня... Но до трагедий ли нашему черствому веку?..

112. Кн. П. А. Вяземскому

[Конец октября — начало ноября 1825 г. Михайловское]

... Поздравлю тебя, моя радость, с романтической трагедиею, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена, я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал: ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!—Юродивый мой, малой презабавный; на Марину у тебя [..........]—ибо она полька и собою преизрядна (в роде К. Орловой, сказывал это я тебе?). Прочие также очень милы; кроме капитана Маржерета, который все по матушке бранится; цензура его не пропустит. Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию—навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого, торчат! Ты уморительно критикуешь Крылова, молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума. Я назвал его представителем д у х а русского народа— не ручаюсь, чтоб он отчасти не вонял. В старину наш народ назывался смерд (см. господина Карамзина). Дело в том, что Крылов преоригинальная туша, гр. Орлов дурак, а мы—разини и пр. и пр...

113. А. А. Бестужеву

30 ноября [1825 г. Михайловское]

Я очень обрадовался письму твоему, мой милый, я думал уже, что ты на меня дуешься—радуюсь и твоим занятиям. Изуче-

[1] г-же Сталь

ние новейших языков должно в наше время заменить латинский и греческий—таков дух века и его требования. Ты—да, кажется, Вяземский—одни из наших литераторов—учатся; все прочие разучаются. Жаль! высокий пример Карамзина должен был их образумить. Ты едешь в Москву; поговори там с Вяземским об журнале; он сам чувствует в нем необходимость—а дело было бы чудно-хорошо. Ты пеняешь мне за то, что я не печатаюсь—надоела мне печать—опечатками, критиками, защищениями etc.... однако поэмы мои скоро выйдут. И они мне надоели; *Руслан* молокосос; *Пленник* зелен—и перед поэзией кавказской природы—поэма моя—Голиковская проза. Кстати: кто писал о горцах в *Пчеле*? вот поэзия! не Якубович ли, герой моего воображенья? Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc.—в нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде—поэма моя была бы лучше. Важная вещь: я написал трагедию, и ею очень доволен, но страшно в свет выдать—робкий вкус наш не стерпит истинного романтизма. Под романтизмом у нас разумеют Ламартина. Сколько я ни читал о романтизме, все не то; даже Кюхельбекер врет. Что такое его *Духи?* до сих пор я их не читал. Жду твоей новой повести, да возьмись-ка за целый роман—и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будет слог сбиваться на Коцебятину—кланяюсь планщику Рылееву, как говаривал покойник Платов, но я, право, более люблю стихи без плана, чем план без стихов. Желаю вам, друзья мои, здравия и вдохновения.

114. В. К. Кюхельбекеру

[Начало декабря 1825 г. Михайловское]

Прежде чем поблагодарю тебя, хочу с тобою побраниться. Получив твою комедию, я надеялся найти в ней и письмо. Я трёс, трёс ее и ждал, не выпадет ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно: ничего не вы [пало?], и со злости духом прочел (оба действия) *Духов* [1], сперва про себя, а потом и в слух. Нужна ли тебе моя критика? Нет! не правда ли? все равно; критикую: ты сознаешься, что характер поэта неправдоподобен; сознание похвальное, но надобно бы сию неправдоподобность оправдать, извинить в самой комедии, а не в предисловии. Поэт

[1] Calembourg! reconnais-tu le sang? [Каламбур! Узнаешь ли ты кровь? [*Прим. Пушкина.*]

мог бы сам совеститься, стыдиться своего суеверия: отселе новые, комические черты. Зато Калибан—прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Ж[уковского]. Это простительно Цертелеву, а не тебе. Ты скажешь, что насмешка падает на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если пишешь для нас, то печатаешь для черни; она принимает вещи буквально. Видит твое неуважение к Ж[уковскому] и рада.

Сир—слово старое. Прочтут иные сыр etc.—очень мило и дельно. От жеманства надобно нас отучать.—Пас стада главы моей (вшей?), впрочем везде, где поэт бредит Шекспиром, его легкое воздушное творенье, речь Ариеля и последняя тирада—прекрасно. О стихосложении скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выражения не всегда точно русские, напр. слушать в оба уха, брось вид угрюмый, взгляд унылый, молодец ретивый, сдернет чепец на старухе etc.—Все это я прощаю для Калибана, который чудо как мил. Ты видишь, мой милый, что я с тобою откровенен попрежнему; и уверен, что этим тебя не рассержу—но вот чем тебя рассержу: кн. Шихматов, несмотря на твой разбор и смотря на твой разбор, бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... ай, ай, больше не буду! не бей меня.

115. П. А. Плетневу

[Начало декабря 1825 г. Михайловское]

... Выписывайте меня, красавцы мои—а не то не я прочту вам трагедию свою. Кстати: Борька тоже вывел юродивого в своем романе. И он байроничает, описывает самого себя! Мой юродивый впрочем гораздо милее Борьки—увидишь... Воейков не напроказил ли чего-нибудь? Я его сентябрьской книжки не читал. Он что-то со мною трусит.

Кюхельбекера Духи—дрянь; стихов хороших очень мало, вымысла нет никакого. Предисловие одно порядочно. Не говори этого ему—он огорчится...

Неужто Илья Муромец Загорского? если нет, кто же псевдоним, если да: как жаль, что он умер!

116. П. А. Катенину

4 декабря [1825 г. Михайловское]

Письмо твое обрадовало меня по многим причинам: 1) что оно писано из П. Б., 2) что *Андромаха* наконец отдана на театр,

3) что ты собираешься издать свои стихотворения, 4) (и что должно было бы стоять первым) что ты любишь меня по-старому... Как бы хорошо было, если нынешней зимой я был свидетелем и участником твоего торжества! Участником, ибо твой успех не может быть для меня чуждым; но вспомнят ли обо мне? бог весть.

Мне право совестно, что тебе так много наговорили о моих *Цыганах*. Это годится для публики, но тебе надеюсь я представить что-нибудь более достойное твоего внимания.—*Онегин* мне надоел и спит—впрочем я его не бросил.

117. А. П. Керн

[*Перевод с французского*]

8 декабря [1825 г. Тригорское]

Никак не ожидал, очаровательница, чтобы вы обо мне вспомнили, и от глубины сердца благодарю вас. Байрон получил в глазах моих новую прелесть,—все героини его облекутся в моем воображении в черты, забыть которые невозможно. Вас буду видеть я в Гюльнаре и в Лейлà; самый идеал Байрона не мог быть более божественно прекрасен...

1826

Статьи

118. [О народности в литературе]

С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы,—но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность.

Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной Истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что изъясняясь по-русски употребляют русские выражения.

Но мудрено отъять у Шекспира в его Отелло, Гамлете, Мера за меру и проч. достоинства большой народности;—Vega [1] и Кальдерон поминутно переносят во все части света, заемлют предметы своих трагедий из итальянских повестей, из французских etc.; Ариосто воспевает Карломана, французских рыцарей и китайскую красавицу; трагедии Расина взяты им из древней [истории]. Мудрено однакож у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности.—Напротив того, что есть народного в русской трагедии и в Ксении (Озерова), рассуждающей шестистопными ямбическими (стихами) о власти родительской с наперсницей среди стана Димитрия, как справедливо заметил <Державин>.

Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками—для других оно или не существует, или даже может показаться пороком—ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на

[1] Лопе де Вега

дуэль своего пративника. Все это носит однакож печать народности.

Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев и поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу.—Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию—которая более и менее отражается в зеркале поэзии.

119. [Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии»]

Статья «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие» и «Разговор с г. Булгариным», напечатанные в *Мнемозине*, < обратили на себя внимание многих и>послужили основанием всего, что сказано было противу р[омантической] литературы в последние два года.

Статьи сии написаны человеком ученым и умным. Он везде прилагает причины своего образа мыслей и даже доказательства своих суждений, дело довольно редкое в нашей литературе. Никто не стал опровергать его, потому ли, что все с ним согласились, потому ли, что никто не надеялся сладить с атлетом, повидимому, сильным и опытным.

Несмотря на то, многие из суждений его ошибочны во всех отношениях. Он разделяет русскую поэзию на лирическую и эпическую. К первой относит произведения старинных поэтов наших, ко второй Жуковского и его последователей.

Теперь, положим, что разделение сие справедливо, и рассмотрим, каким образом критик определяет степень достоинства сих двух родов.

Мы, например, выписываем сие мнение, потому что оно совершенно согласно с нашим, что такое *сила* в поэзии? сила в изобретеньи, в расположении плана, в *слоге ли*? «*Свобода*»? в слоге, в расположении. Но какая же свобода в слоге Ломоносова и какого плана требовать в торжественной оде?

Вдохновение? есть расположение души к живому принятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных.

Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии.

Критик смешивает вдохновение с восторгом.

Нет; решительно нет—восторг исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частями в отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следственно, не в силе произвесть истинное великое совершенство—(без которого нет лирической поэзии). Гомер неизмеримо выше Пиндара—ода стоит на низших степенях поэм, не говоря уже об эпосе, трагедия, комедия, сатира все более ее требуют творчества (fantaisie[1]) воображения—гениального знания природы.

Но плана нет в оде и не может быть—единый план *Ада* есть уже плод высокого гения. Какой план в *Олимпийских одах* Пиндара? Какой план в *Водопаде*, лучшем произведении Державина?

Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого.

Восторг есть напряженное состояние единого воображения, вдохновение может быть без восторга, а восторг без вдохновения.

Заметки

120. Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова»

Текст Вяземского	Заметки Пушкина
Заслуги Озерова, преобразователя русской трагедии, которые можно, не определяя достоинства обоих писателей, сравнить с заслугами Карамзина, образователя прозаического языка, обращают на себя благодарное и любопытное внимание просвещенных друзей словесности.—Оба оставили между собою и предшественниками своими великое расстояние. Судя по творениям, которые застали они, нельзя не признать, что ими вдруг подвигнулось искусство, и если бы не при нас случилось сие важное преобразование, трудно было бы поверить, что оно не приуготовлено было творениями, от нас утраченными. Но для некоторых людей сей Геркулесовский подвиг не существует. Они постоянно коснеют при мнениях прошедшего века (стр. VI).	Большая разница. Карамзин великий писатель во всем смысле этого слова, а Озеров—очень посредственный. Озеров сделал шаг в слоге, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовского в нем нет ничего.

[1] фантазии

Рожденный с пылкими страстями, с воображением романическим, он не мог противиться волшебной прелести любви, и привязанность к одной женщине, достойной владычествовать в его сердце, решила судьбу почти всей его жизни. (стр. IX).

Нет сомнения, что чтение романов дало его поэзии цвет романизма, заметный почти во всех его произведениях (стр. X). Смерть милой ему женщины удалила его на время от света, который в лазах его украшался ею!.. При образовании природном долго не мог он искать наслаждения и счастия в трудах ума, искав их единственно в мечтах сердца... Следующая черта дает ясное понятие о нежности и щекотливости благородной души его (стр. X).

Все это сбивчиво. Ты сперва говоришь о его любви, потом о его романизме в трагедиях, потом о дружбе, потом опять о любви, опять о щекотливости, опять о любви. Более методы, ясности.

Главным свойством его сердца была любовь к друзьям (стр. X).

Любовь к друзьям—по-русски дружба, не свойство, а страсть разве.

Драматическое искусство у нас еще в колыбели. Несмотря на несколько трагических и комических сцен, мелькающих в малом числе драматических творений, из коих всякое более или менее ознаменовано общей печатию отвержения, наложенною на наш театр рукою Талии и Мельпомены, кажется, можем сказать решительно, что до сего времени мы не имели еще ни одной оригинальной комедии в стихах и до Озерова не видали трагедии (стр. XI).

Где же Геркулесовский подвиг Озерова?

Да говори просто: ты довольно умен для этого.

Фон-Визин умел быть оригинальным и хорошим стихотворцем, но писал прозою комедии, доныне лучшие на нашем театре, и даже единственные, как по истине представленных нравов и характеров, так и по разговору, который блистает непринужденным остроумием (стр. XII).

Не поэтому. Но о Фон-Визине поговорим после.

Должно заметить однакоже, что в трагедиях Сумароков так же выше комедий своих, как Княжнин в комедиях выше трагедий Сумарокова и своих собственных (стр. XIII).

И этого не вижу: в нем все дрянь, кроме некоторых од. N3. Сумароков прекрасно знал русский язык (лучше нежели Ломоносов).

Может быть, и совсем поглотила бы его (Сумарокова) бездна забвения... (стр. XII).

И совсем его забыли (проще и лучше).

Княжнин первый положил твердое основание как трагическому, так и комическому слогу. Лучшая комедия в стихах на нашем театре есть неоспоримо *Хв стун*, хотя и в ней критика найдет много недостатков, и вкус не все стихи освятил своею печатью. Но зато сколько сцен истинно комических, являющих блестящие дарования автора. Сколько счастливых стихов, вошедших неприметно в пословицы (стр. XIII).

«Хвастун» перевод из «L'important», я не читал подлинника, пересмотри.

«Утешенная вдова» до сего времени может служить у нас образцовою (комедиею) по достоинству прозаического и комического слога, тонкой насмешки и веселости (стр. XIII).

Полно, так ли?

Можно похитить блестящую мысль, счастливое выражение, но жар души, но тайна господствовать над чувствами других сердец не похищается, и нельзя ей научиться от правил пиитики. Главный недостаток Княжнина происходит от свойств души его. Он не рожден трагиком (стр. XV).

То-есть он просто не поэт.

Первый шаг Озерова в области поэзии был перевод из Колардо героиды Элоизы к Абелярду... Поставить перевод наряду с подлинником—невозможно, но не признать в переводчике Колардо грядущего поэта было бы несправедливо. Многие стихи, несмотря на тогдашнее младенчество языка нашей поэзии, могли бы украсить и в теперешнее время лучшее из наших стихотворений (стр. XVII).

Как тебе не стыдно распространяться об этом!.. Все это лишнее.

«Читая Корардо,—говорит Озеров,—я был восхищен. Мне открылся путь Парнасский, и я почувствовал вдохновение Аполлона, о котором прежде и мысли не имел» (стр. XVII).

Это дает мне мерку дарования Озерова.

. Он, как благоразумный художник, воспитывал дарование свое в Греческой школе и знал, что для театра нашего еще полезны могут быть и правила и

Критика слишком незрелая.

А. Шенье

С портрета Малле

самые примеры наставников, коих искусство возросло до зрелости трудами их гения и не состарилось с веками. К тому же отнимая Эдипа и все то, что, так сказать, теряется для глаз наших, его несчастие, благородная твердость, нежная любовь дочери его, имеют еще довольно прав на сострадание души, и повесть Эдипа останется всегда богатым и счастливым наследством древних, которым успешно могут пользоваться и новейшие трагики (стр. XXII).

Но трагик не есть уголовный судия. Обязанность его и всякого писателя есть согревать любовию к добродетели и воспалять ненавистию к пороку, а не заботиться о жребии и приговоре провидения.

Прекрасно!

Великие трагики и из новейших чувствовали сию истину, и Вольтер, поражая Заира и щадя Магомета, не был ни гонителем добродетели, ни льстецом порока.

Ни чуть! Поэзия выше нравственности, или, по крайней мере, совсем иное дело. Господи Иисусе! Какое дело поэту до добродетели и порока? Разве их одна поэтическая сторона.

Озеров, как сказывают, сперва и хотел перенести в свою трагедию прекрасный конец Софокловой, но один актер, в школе Сумарокова воспитанный, испугал его, предсказывая, что публика дурно примет конец, столь противный общим понятиям о цели драматических творений, и родил в нем мысль развязать свою трагедию смертью Креона. Озеров принял его совет... Таким образом вкоренелые предрассудки и уполномоченные представители их в обществе заграждают произвольными межами путь гению, еще не довольно возмужавшему, чтобы с постоянною смелостью презреть их в полете своем (стр. XXVI—XXVII).

Тут не было ни гонения, ни смелого полета—просто вкус.

Эдип в Афинах... поставил Озерова на ряду с величайшими нашими поэтами и на степень первейшего нашего трагика (стр. XXVII).

В Москве считался знаменитым затем, что был один.

В первый раз сия трагедия была играна в Петербуржском театре в 1804 г. и вскоре после того напечатана при посвящении, писанном прозою к Державину, который отвечал стихами, уже отзывающимися старостию поэта и не стоющими прозы Озеровой (стр. XXVII).

Милый мой, уважай отца Державина, не равняй его стихов с прозой Озерова!

Северный поэт переносится под небо, сходное с его небом, созерцает природу, сходную его природе, встречает в нравах сынов ее простоту, в подвигах их мужество, которые рождают в нем темное, но живое чувство убеждения, что предки его горели тем же мужеством, имели ту же простоту в нравах и что свойства сих однородных диких сынов севера отлиты были природою в общем льдистом сосуде (стр. XXIX).

Хорошо, смело.

Не в ледяном ли?

Но ровное и, так сказать, одноцветное поле поэм Оссиана обещает ли богатую жатву для трагедии, требующей действия сильных страстей, беспрестанного их борения и великих последствий? Не думаю (стр. XXX). Большая часть трагедий выиграли бы потерею двух актов и почти все исключительно потерею одного. Новейшие, рабски следуя древним, приняли их мерку, не заботясь о выкройке их (стр. XXX).

Что общего между однообразием Оссиановских поэм и трагедией, которая заимствует у них единый слог?

Перестань, не шали!

Он с искусством умел противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему во глубине печальной души преступные надежды, взаимную и простосердечную любовь двух чад природы, искренность Моины, благородство и доверчивость Фингала (стр. XXXI).

Противоположности характеров—вовсе не искусство, но пошлая пружина французской трагедии.

Трагедии Озерова... уже несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому, *романтическому*, который принят Немцами от Испанцев и Англичан.

[Строки эти отчеркнуты карандашом.]

(Общее заключение Пушкина о статье).

Часть критическая вообще слаба, слишком слаба. Слог имеет твои недостатки, не имея твоих достоинств. Лучше написать совсем новую статью, чем передавать печати это

сбивчивое и неверное изображение. Озерова я не люблю не от зависти (сего гнусного чувства, как говорят), но из любви к искусству. Ты сам признаешь, что слог его нехорош, а я не вижу в нем и тени драматического искусства. Слава Озерова уже вянет, а лет через десять при появлении истинной критики, совсем исчезнет. Озерова перевели, перевод есть оселок драматического писателя; посмотри же, что из него вышло во французской прозе.

Письма

121. В. А. Жуковскому

[Вторая половина января 1826 г. Михайловское]

... Говорят, ты написал стихи на смерть Александра—предмет богатый!—Но в течение десяти лет его царствования лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры глас народа. Следственно я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба.

122. Бар. А. А. Дельвигу

[Около 15 февраля 1826 г. Михайловское]

... никогда я не проповедывал ни возмущений, ни революций—напротив. Класс писателей, как заметил Alfieri, более склонен в умозрению, нежели к деятельности, и если 14 декабря доказало у нас иное, то на то есть особая причина...

... С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнародования заговора. Твердо надеюсь на великодушие молодого нашего царя. Не будем ни суеверны, ни односторонни—как фр[анцузские] трагики, но взглянем на трагедию взглядом Шекспира...

123. П. А. Катенину

[Первая половина февраля 1826 г. Михайловское]

... Будущий альманах радует меня несказанно, если разбудит он тебя для поэзии. Душа просит твоих стихов; но знаешь ли что? Вместо альманаха не затеять ли нам журнала в роде Edinbourgh Review? Голос истинной критики необходим у нас; кому же как не тебе забрать в руки общее мнение, и дать нашей словесности новое, истинное направление? Покаместь, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе

обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли. Если б согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы ты русской словесности: как думаешь? Да что Андромаха и собрание твоих стихов?

124. Бар. А. А. Дельвигу

20 февраля [1826 г. Михайловское]

...что за прелесть эта *Эда!* Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт—всякий говорит по-своему. А описания лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом!—чудо!— Видел я и Слепушкина, неужто никто ему не поправил Святки, Масленицу, Избу? у него истинный свой талант; пожалуйста пошлите ему от меня экземпляр *Руслана* и моих Стихотворений с тем, чтоб он мне не подражал, а продолжал итти своею дорогою.—Жду *Цветов*.

125. П. А. Осиповой

[*Перевод с французского*]

20 февраля [1826 г. Михайловское]

Вот новая поэма Баратынского, только что присланная мне Дельвигом. Это—образец грациозности, изящества и чувства. Вы будете в восторге от нее...

126. П. А. Плетневу

3 марта [1826 г. Михайловское]

Карамзин болен! милый мой, это хуже многого. Ради бога, успокой меня, не то мне страшно вдвое будет распечатывать газеты. Гнедич не умрет прежде совершения *Илиады*—или реку в сердце своем: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк. Не будет вам *Бориса*, прежде чем не выпишете меня в П. Б. Что это в самом деле? стыдное дело. Сле-Пушкину дают и кафтан, и часы, и полу-медаль, а Пушкину полному—шиш. Так и быть,

отказываюсь от фрака, штанов и даже от академического четвертака (что мне следует); по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское... А ты хорош! пишешь мне: переписывай да нанимай писцов Опоческих, да издавай *Онегина*. Мне не до Онегина. Чорт возьми Онегина! Я сам себя хочу издать или выдать в свет. Батюшки, помогите!

127. П. А. Плетневу

[7—8 марта 1826 г. Михайловское]

... Знаешь ли? уж если печатать что, так возьмемся за *Цыганов*... А то всякий раз, как я об них подумаю или прочту слово в журнале, у меня кровь портится—в собрании же моих поэм для новинки поместим мы другую повесть, в роде В е р р о[1],—которая у меня в запасе... Какого вам *Бориса*, и на какие лекции? в моем *Борисе* бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу...

128. И. Е. Великопольскому

[Около 10 марта 1826 г. Михайловское]

... Стихотворения Слепушкина получил и перечитываю все с большим и большим удивлением. Ваша прекрасная мысль об улучшении состояния поэта-крестьянина, надеюсь, не пропадет...

129. Кн. П. А. Вяземскому

[Около 22 мая 1826 г. Михайловское]

... Как же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности к настоящему положению?—Счастливее, чем Андр. Шенье—я заживо слышу голос вдохновения.

Твои стихи *К Мнимой Красавице* (ах, извини: Счастливице) слишком умны.—А поэзия, прости господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты н е у и м ч и в ы й, как говорит моя няня. *7 пятниц* лучший твой водевиль...

[1] «Беппо»

130. Кн. П. А. Вяземскому

27 мая [1826 г. Псков]

...Пора бы нам отослать и Булгарина, и *Благонамеренного* и Полевого, друга нашего. Теперь не до того, а ей-богу, когда-нибудь примусь за журнал. Жаль мне, что с Катениным ты никак не ладишь. А для журнала—он находка. Читал я в газетах, что Lancelot[1] в П. Б.—чорт ли в нем? читал я также, что 30 словесников давали ему обед—кто эти бессмертные? Считаю по пальцам и недосчитаюсь. Когда приедешь в П. Б., овладей этим Lancelot (которого я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакам отечественной словесности. Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости ни стыда—при англичанах дурачим Василья Львовича; перед M-e de Staël заставляем Милорадовича отличаться в мазурке. Русский барин кричит: Мальчик! Забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Все это попадает в его журнал и печатается в Европе. Это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног—но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне слободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели—то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне *Онегина* я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его, и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно—услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится—ай да умница...

131. Кн. П. А. Вяземскому

10 июля [1826 г. Михайловское]

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многим причинам. Во-первых, что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мною в такое время, когда К[арамзин] меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих

[1] л'Ансело

пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю,—глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь? Во-вторых, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд. Если уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сейчас в петлю.

Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество в праве от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том *Русской Истории*; Карамзин принадлежит истории. Но скажи в с е; для этого должно тебе будет иногда употребить то красноречие, которое определяет Гальяни в письме о цензуре...

132. Н. М. Языкову

[9 ноября 1826 г. Михайловское]

...Сейчас из Москвы, сейчас видел в а ш е *Тригорское*. Спешу обнять и поздравить вас. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшего...

133. Кн. П. А. Вяземскому

9 ноября [1826 г. Михайловское]

...Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но все-таки лучше с вами видеться, чем переписываться. К тому же журнал.—Я ничего не говорил тебе о твоем решительном намерении соединиться с Полевым, а ей-богу—грустно. Итак, никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! Все в одиночку. Полевой, Погодин, Сушков, Завальевский, кто бы ни издавал журнал, все равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом, и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишком ленивы, чтоб переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала, вот зачем и издатель существует; но он должен 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смыслом: т. е. согласовать существительное с прилагательным и связывать их глаголом. А этого-то Полевой и не умеет. Ради Христа, прочти первый параграф его известия о смерти Румянцева и Растопчина. И согласись со

мной, что ему невозможно доверить издания журнала освященного нашими именами. Впрочем ничего не ушло. Может быть, не Погодин, а я буду хозяин нового журнала. Тогда как ты хочешь, а уж Полевого ты пошлешь к матери в гузно...

Сейчас перечел мои листы о Карамзине—нечего печатать. Соберись с духом и пиши. Что ты сделал для Дмитриева (которого N3 ты один еще поддерживаешь), то мы требуем у тебя для тени Карамзина—не Дмитриеву чета! Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен был завидовать. Аминь, аминь, глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет...

134. Н. М. Языкову

21 [декабря 1826 г. Москва]

Письмо ваше получил я во Пскове и хотел отвечать из Новагорода—вам, достойному певцу того и другого. Пишу однакож из Москвы, куда вчера привез я ваше *Тригорское*. Вы знаете по газетам, что я участвую в Московском Вестнике, следственно и вы также... Непременно будьте же наш...

Рады ли вы журналу? пора задушить альманахи. Дельвиг наш. Один Вяземский остался тверд и верен *Телеграфу*—жаль, но что ж делать.

1827

Статьи

135. Отрывки из писем, мысли и замечания

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа Магометова.

Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хоть, может быть, и глубокомысленного.

Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностию самою раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки.

Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах.

Примеры невежливости

В некотором азиатском народе мужчины каждый день, восстав от сна, благодарят бога, создавшего их не женщинами.

Магомет оспоривает у дам существование души.

Во Франции, в земле, прославленной своею учтивостию, грамматика торжественно превозгласила мужеский род благороднейшим.

Стихотворец отдал свою трагедию на рассмотрение известному критику. В рукописи находился стих:

Я человек и шла путями заблуждений...

Критик подчеркнул стих, усомнясь, может ли женщина называться человеком? Это напоминает известное решение: женщина не человек, курица не птица, прапорщик не офицер.

Даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей, и т. п.

Тредьяковский пришел однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше высокопревосходительство! меня Александр Петрович так ударил в правую щеку, что она до сих пор у меня болит».—«Как же, братец,—отвечал ему Шувалов,—у тебя болит правая щека, а ты держишься за левую».—«Ах, ваше высокопревосходительство, вы имеете резон»,—отвечал Тредьяковский и перенес руку на другую сторону. Тредьяковскому не раз случалось быть битым. В деле Волынского сказано, что сей однажды в какой-то праздник потребовал оду у придворного пиита Василия Тредьяковского, но ода была не готова и пылкий статс-секретарь наказал тростию оплошного стихотворца.

Один из наших поэтов говорил гордо: пускай в стихах моих найдется бессмыслица; зато уж прозы не найдется. Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая—от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения.

«Всё, что превышает геометрию, превышает нас»,—сказал Паскаль. И вследствие того написал свои философические мысли.

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme[1]. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедии... Что это значит? Можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux[2]. Хорошо было сказать это в первый раз; но как можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служит основанием поверхностной критике литературных скептиков, но скептицизм во всяком случае есть только первый шаг умствования. Впрочем некто заметил, что и Вольтер не сказал: également bons [3].

Путешественник Ансело говорит о какой-то грамматике, утвердившей правила нашего языка, и еще неизданной, о каком-то русском романе, прославившем автора, и еще находящемся в рукописи, и о какой-то комедии, лучшей из всего русского театра, и еще не игранной и не напечатанной. Забавная словесность!

Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии.

Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однакож в *Дон Жуане* описывает он Россию; зато приметны некоторые погрешности противу местности. Например, он говорит о грязи улиц Измаила; Дон Жуан отправляется в Петербург в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной каменистой дороге. Измаил взят был зимою, в жестокий мороз. На улицах, неприятельские трупы прикрыты были снегом и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: «помилуй бог, как чисто!»... Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные.—Байрон много читал и расспрашивал о России. Он, кажется, любил ее и хорошо знал ее новейшую историю.

[1] Один безупречный сонет стоит длинной поэмы.
[2] Все жанры хороши, за исключением скучного.
[3] одинаково хороши

В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях. Сон Сарданапалов напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время Суворовских войн. В лице Нимврода изобразил он Петра Великого. В 1813 году Байрон намеревался через Персию приехать на Кавказ.

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным.

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой,—
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и пр.

Пушкин

Появление *Истории Государства Российского* (как и надлежало быть) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупее светских суждений, которые удалось мне слышать; они были в состоянии отучить хоть кого от охоты к славе. Одна дама (впрочем очень милая), при мне открыв вторую часть, прочла вслух: «Владимир усыновил Святополка, однакож не любил его»... «Однако! Зачем не но? однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?»—в журналах его не критиковали: у нас никто не в состоянии исследовать, оценить огромное создание Карамзина. К. бросился на предисловие. Н., молодой человек умный и пылкий,

разобрал предисловие (предисловие!). М. в письме к В. пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян, т.е. требовал от историка не истории, а чего-то другого. Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина; зато почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет, во время самых лестных успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Примечания к Русской Истории свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключен и хлопоты по службе заменяют усилие к просвещению. Многие забывали, что Карамзин печатал свою *Историю* в России. Повторяю, что *История Государства Российского* есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

Французская словесность родилась в передней и далее гостиной не доходила.

(Извлечено из неизданных записок)

---

136. Из материалов к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»

Предисловие

Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его.—Мне скучно, сказал дядя,—хотел бы я писать, но не знаю о чем.— «Пиши всё, что ни попало», отвечал приятель, мысли, замечания литературные, и политические, сатирические портреты и т.п. Это очень легко. Так писывал Сенека и Монтань». Приятель ушел и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурно кофе, и это его рассердило; теперь он философически рассудил, что его огорчила сущая безделица,—он взял перо и лист бумаги и написал: «Нас огорчают иногда сущие безделицы». В эту минуту принесли ему журнал, он в него заглянул и увидел статью о драматическом искусстве, написанную рыцарем романтизма. Дядя, коренной классик, подумал и написал: «я предпочитаю Расина и Мольера Шекспиру и Кальдерону— несмотря на крики новейших критиков»; дядя написал еще дюжины две подобных мыслей и лег в постелю. На другой день

послал он их журналисту, который учтиво его благодарил, и дядя мой имел удовольствие перечитывать свои мысли напечатанные.

Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! Знал бы про себя, многие того не заметили б.

Милостивый государь! Вы не знаете правописания и пишите обыкновенно без смысла. Обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою: не выдавайте себя за представителя образованной публики и решителя споров трех литератур. С истинным почтением и проч.

Кс. находит какое-то сочинение глупым. — Чем вы это докажете? — Помилуйте, — простодушно уверяет он — да я мог бы так написать.

Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностию оригинально выражать мысли—к счастью он мыслит, что довольно редко между... ибо должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне. Уважайте глупцов.

Повторенное острое слово становится глупостью. Как можно переводить эпиграммы?—разумею не антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть, но ту, которую Буало определяет: Un bon mot de deux rimes orné[1].

Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, наше самолюбие: мы рады ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками, даже слабостями и пороками—вероятно больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания.

[1] Острое слово, украшенное двумя рифмами.

В миг, когда любовь исчезает в душе нашей, сердце еще лелеет ее воспоминание. Так гладиатор у Байрона соглашается умирать, но воображение носится по берегам родного Дуная.

У нас употребляют прозу, как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а токмо для приятного проявления форм.

137. [О Баратынском]

Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое. Спешим воспользоваться случаем высказать наше /мнение/ об одном из первоклассных наших поэтов и (быть может) еще недовольно оцененном своими соотечественниками.

Первые произведения Баратынского обратили на него внимание.—Знатоки с удивлением увидели в первых опытах зрелость и стройность [необыкновенную].

Сие преждевременное развитие всех поэтических способностей, может быть, зависело от обстоятельств, но уже предрекало нам то, что ныне выполнено поэтом столь блистательным образом[1]. Первые произведения Баратынского были элегии, и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии— как в старину старались осмеять оды; но если вялые подражатели Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической олигархии.

Да к тому же у нас почти не существует чистая элегия. У древних отличалась она особым стихосложением, но иногда сбивалась на идиллию, иногда входила в трагедию, иногда принимала ход лирический—(чему в новейшее время видим примеры у Гете).

138. О Дельвиге

Идиллии Дельвига удивительны. Какую должно иметь силу воображения, дабы из России так переселиться в Грецию,

[1] Далее набросок плана: Corrige le valet, mais respecte le maître. Соперники Баратынского—Батюшков и Жуковский. Сравн.

из 19 столетия в золотой век—и необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы—эту роскошь, эту негу, эту прелесть, более отрицательную, чем положительную, не допускающую ничего запутанного, темного или глубокого, лишнего, неестественного в описаниях, напряженного в чувствах, ничего, что отзывалось бы новейшим остроумием, сию вечную новизну и нечаянность простоты и добродушия, дабы так совершенно оградить себя от прозаического влияния остроумия, умничания, от игривой неправильности романтизма,—дабы сохранить полноту и равновесие чувств, тонкость соображений.

139. [Заметка о «Демоне»]

Многие того же мнения. Иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в этом своем странном стихотворении, кажется; они неправы, по крайней мере вижу в «*Демоне*» я цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни, сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно.

Мало-по-малу вечные противуречия существенности рождают в нем сомнение, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда надежды и лучшие поэтические предрассудки души. Надаром великий Гете называет вечного врага человечества **духом отрицающим**. И Пушкин не хотел ли в своем «*Демоне*» олицетворить сей **дух отрицания или сомнения**? и начертать в [*нрзбр*] картине печальное влияние на нравственность нашего века?

140. [Есть различная смелость...]

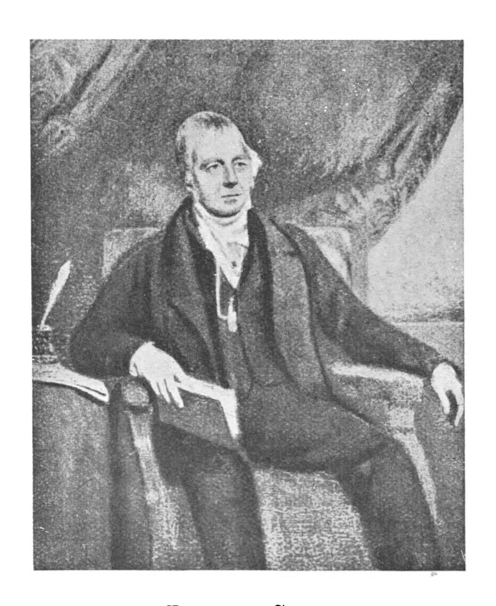
Есть различная смелость: Державин написал: «Орел, <сын грома<, на высоте паря».., когда счастие «тебе хребет свой с грозным <смехом> повернуло, ты видишь, видишь, как мечты сиянье вкруг тебя заснуло».

Описание водопада:

Алмазна сыплется гора
С высот, и проч.

Жуковский говорит о боге:

Он в дым Москвы себя облек.

Вальтер-Скотт

С гравюры неизвестного мастера

Шатобриан

С гравюры Афанасьева. (Гос. Исторический музей)

Крылов говорит о храбром муравье:

Он даже хаживал один на паука.

Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней...

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические.

Французы доныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово p a v é, помост:

Et baiser avec respect le pavé de tes temples[1].

И Делиль гордится тем, что он употребил слово vache[2]. Презренная словесность, повинующаяся такой мелочной и своенравной критике.—Жалка участь поэтов (какого б достоинства они впрочем ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!—

Есть высшая смелость. Смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию,—такова смелость Шекспира, Dante, Milton[3], Гете в Ф а у с т е, Мольера в Т а р т ю ф е; Байрона в Ч и л ь д - Г а р о л ь д е.

141. [Об альманахе «Северная лира»]

Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним современем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков—имя Баратынского, Вяземского ручаются за успех С е в е р н о й Л и р ы, первенца московских альманахов.

Из стихотворений греческая песнь Туманского, к Одесским друзьям (его же) отличаются гармонией и точностию слога и обличают решительный талант. Между другими поэтами в первый раз увидели мы г-на Муравьева и встретили его с надеждой и радостию. О г. Шевыреве умолчим, как о своем сотруднике.

Заметим, что г-ну Абраму Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину—Андрея Шенье.—Предоста-

[1] И благоговейно лобызать помосты (плиты) твоих храмов.

[2] корова

[3] Данте, Мильтон

вляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых г-ом Делибюрадером,—что касается до нас, то мы находим его предложения изрядными для татарина.

Прозаическая статья о Петрарке и Ломоносове могла быть любопытна и остроумна. В самом деле, сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества, оба думали основать свою славу важнейшими занятиями, но, вопреки им самим, более известны как народные стихотворцы.—Отделенные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества, они сходствуют твердостию, неутомимостью духа, стремлением к просвещению, наконец уважением, которое умели приобрести от своих соотечественников. Но г-н Р[аич] глубокомысленно замечает, что Петрарка был влюблен в Лауру, а Ломоносов уважал Петра и Елисавету; что Петрарка писал на латинском языке, написал поэму *Сципион Африканский* (т. е. Africa), а Ломоносов латинской поэмы не написал. Он в любопытном отступлении рассказывает, что старик приходил из Испании в Рим к Титу Ливию и что такой же старец, но к тому ж слепой приходил видеть Петрарку—каковой чудесный пример наш Ломоносов не может представить. Наконец, что Роберт, король неаполитанский, спросил однажды у Петрарки, отчего он не представился Филиппу и проч., но что он (г-н Раич) не знает, что бы сказал Ломоносов в таком случае.

Долго г-н Р[аич] не знал, почему... Сомнительно.

142. [О романах Вальтер-Скотта]

Главная прелесть романов Walter Scott состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем не с enflure[1] французских трагедий, — не с чопорностию чувствительных романов,— не с dignité[2] истории, но современно, но домашним образом— Ce qui me dégoute c'est ce que[3]. Тут наоборот: ce qui nous charme dans le roman historique—c'est que ce qui est historique est absolument ce que nous voyons—Shakespeare, Гете, Walter Scott[4] не имеют холопского пристрастия к королям и героям. Они

[1] напыщенностью
[2] достоинством
[3] То, что меня отталкивает, это...
[4] Что нас очаровывает в историческом романе—это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим—Шекспир... Вальтер Скотт.

не походят (как герои французские) на холопей, передразнивающих la dignité et la noblesse—Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théatral même dans les circonstances solennelles—car les grandes circonstances leur sont familières.

On voit que Walter Scott est de la petite société des Rois d'Angleterre[1].

143. [О Байроне и его подражателях]

[1.] Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления, как его поэма Корсар, несмотря на то, что она в достоинстве уступает многим другим: Гяуру в пламенном изобрежении страстей, Осаде Коринфа, Шильонскому Узнику в трогательном развитии сердца, в трагической силе Паризине, наконец 3 и 4 главам Childs Harold[2] в глубокомыслии и высоте парения истинно лирического и в удивительном Шекспировском разнообразии Дон-Жуану.—Корсар неимоверным своим успехом был обязан характеру главного лица, таинственно напоминающего нам человека, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой.

По крайней мере, английские критики предполагали в Байроне сие намерение, но вероятнее, что поэт и здесь вывел на сцену лицо, являющееся во всех его созданиях и которое, наконец, принял он сам на себя в Чильд-Гарольде. Как бы то ни было, поэт никогда не изъяснил своего намерения: сближение с Наполеоном нравилось его самолюбию.

Байрон мало заботился о планах своих произведений, или даже вовсе не думал о них: несколько сцен, слабо между собою связанных, составляют [*неразбор.*] [и] были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин. Критики оспоривали у него гений драматический, и Байрон за то все и досадовал—дело в том, что он постиг, полюбил один токмо характер—etc...

Вот почему, несмотря на великие красоты поэтические, его трагедии вообще ниже его гения, и драматическая часть в его

[1] Достоинство и благородство—они просты в повседневных случаях жизни, в их речах нет ничего приподнятого, театрального, даже в торжественных обстоятельствах, так как великие события для них привычны. Видно, что Вальтер Скотт принадлежит к интимному кругу английских королей.

[2] «Чайльд-Гарольда»

поэмах (кроме разве одной *Паризины*) не имеет никакого достоинства.

Что же мы подумаем о писателе, который из поэмы Корсар выберет один токмо план, достойной нелепой и пошлой [?] повестей—и по сему детскому плану составит драматическую трилогию, заменив очаровательную глубокую поэзию Байрона прозой надутой и уродливой, достойной наших несчастных подражателей покойного Коцебу? вот что сделал г-н Олин, написав свою романтическую трагедию Корсар—подражание <Байрону>.—Спрашивается: что же в байроновой поэме его поразило—неужели план? о, miratores [1]...

[2.] Английские критики оспаривали у лорда Байрона драматический талант; они, кажется, правы—Байрон столь оригинальный в Чильд-Гарольде, в Гяуре и в Дон-Жуане делается подражателем, коль скоро вступает на поприще драматическое—в Manfred'е [2] он подражал Фаусту, заменяя простонародные сцены и субботы другими, по его мнению, благороднейшими; но Фауст есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно как Илиада служит памятником классической древности.

В других трагедиях, кажется, образцом Байрону был Alfieri.—Каин имеет одну токмо форму драмы, но по бессвязности сцен и отвлеченным рассуждениям в самом деле относится к роду скептической поэзии *Чильд-Гарольда.*—Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. В Каине он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), всё, кроме неко[?] etc., отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной из составных частей сложного и сильного характера—и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных.

Байрон чувствовал свою ошибку и впоследствии времени принялся вновь за *Фауста*, подражая ему в своем Превращенном Уроде (думая тем исправить le chef d'œuvre [3]).

[1] поклонники
[2] «Манфред»
[3] шедевр

144. [Набросок предисловия к Борису Годунову]

Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе «Годунова»: ваше нетерпение видеть его очень лестно для моего самолюбия; но теперь, когда, по стечению благоприятных обстоятельств, открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые.

С 1820 года будучи удален от Московских и Петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось однако довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в каком роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно причиною сего явления. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признанье ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно порабощать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира, и принесши ему в жертву пред его алтарь два классические единства, и едва сохранив последнее. Кроме сей пресловутой тройственности—есть и единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно не предполагая, что можно оспоривать его необходимость) единство слога—сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный Александрийский стих переменил я на пятистопный белый; в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы, не разделил своей трагедии на действия;—и думал уже, что публика скажет мне б о л ь ш о е с п а с и б о.

Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий. Словом, написал трагедию истинно романтическую.

Между тем, внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в жураналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют [произведения, носящие печать уныния или мечтательности]—что, следуя сему своевольному определению, один из самых оригинальных писателей нашего времени, не всегда правый, но всегда оправданный удовольствием очарованных читателей, не усомнился включить Озерова в число поэтов романтических,—что наконец наши журнальные Аристархи без церемонии ставят на одну доску Dante и Ламартина, самовластно разделяют Европейскую литературу на классическую и романтическую, уступая первой языки латинского юга и приписывая второй германские племена севера, так что Dante (il gran Padre Alighieri [1]), Ариосто, Лопец де Вега, Кальдерон и Сервантес попались в классическую фалангу, которой победа, благодаря сей неожиданной помощи, доставленной издателем Московского Телеграфа, кажется, будет несомненно принадлежать.

Все это сильно поколебало мою авторскую уверенность—я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм.

Между тем, читая мелкие стихотворения, величаемые романтическими, я в них не видел и следов искреннего и свободного хода романтической поэзии, но жеманство лже-классической Франции. Скоро я в том удостоверился.

Вы читали в 1 книге *Московского Вестника* отрывок из *Бориса Годунова*, *Сцену Летописца*. Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: умилительная кротость, простодушие, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, набожность к

[1] Данте (великий Отец Алигиери)

власти царя, данной им богом,—совершенное отсутствие суетности пристрастия—дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись кн. Курбского отличается от прочих летописей как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков.

Мне казалось, что сей характер все вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателя; что же вышло? Обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифм называться стихами. Г-н З. предложил променять сцену *Бориса Годунова* на картинки Дамского журнала. Тем и кончился строгий суд почтеннейшей Публики.

Что ж из этого следует;—что г-н З. и публика правы, но что гг. журналисты виноваты, ошибочными известиями введшие меня во искушение. Воспитанные под влиянием французской литературы, русские привыкли к правилам, утвержденным ее критикою, и неохотно смотрят на все, что не подходит под сии законы. Нововведения опасны и, кажется, не нужны.

Хотите ли знать, что еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней могут подать повод применения, намеки, allusions[1]. Благодаря французам мы не понимаем, как драматический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век им изображаемый. Француз пишет свою трагедию, с Constitutionnel или с Quotidienne перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене, слышно много красноречивых журнальных выходок, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете, что, кроме Эсфири и Вериники, нет их и у Расина. Летописец французского театра видел в *Британнике* смелый намек на увеселения двора Людовика XIV.

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit etc.[2]

Но вероятно ли, чтоб тонкий, придворный Расин осмелился сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону?—

[1] намеки

[2] Он говорит, и делает лишь то, что ему предписывают, и т. д.

Будучи истинным поэтом, Расин, написав сии прекрасные стихи, был исполнен Тацитом, духом Рима; он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о Версальских балетах. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал, как Юм или Walpole (не помню кто) замечают о Шекспире в подобном же случае.

Заметки

145. Заметки на полях «Опыотв в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова

Текст «Опытов»	Заметки Пушкина
«К друзьям» [Стр. 3—5]	
Вот список мой стихов, Который дружеству быть может *драгоценен* Я добрым Гением *уверен*, [и т. д.]	весьма дурные стихи. [Рифма: *драгоценен—уверен* отмечена как слабая].
Элегия «Надежда» [Стр. 9—10]	Точнее бы *Вера*.
Все дар Его, и краше всех Даров, надежда лучшей жизни.	Неудачный перенос
На развалинах замка в Швеции [Стр. 11—18]	Вообще мысли пошлые, и стихи не довольно живы
[Строфа 7-я] Ах, юноша, спеши к отеческим брегам, Назад лети с добычей бранной; Уж веет кроткий ветр во след твоим судам, Герой, победою избранный!	вяло
[Строфа 9-я] Красавица стоит безмолствуя в слезах, Едва на жениха взглянуть украдкой смеет, Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет, Как месяц в небесах...	Вот стихи прелестные собственно Батюшкова— вся строфа прекрасна.
[Строфа 11-я] Там старцы жадный слух склоняли к песне сей, Сосуды полные в десницах их дрожали, И гордые сердца с восторгом вспоминали О славе юных дней.	прекрасно

[Строфа 13-я]

Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы...

Живо, прекрасно.

Элегия из Тибулла
Вольный перевод [Стр. 19—26]

прекрасный перевод

О вы, которые умеете любить,
Страшитеся любовь разлукой прогневить!

вяло

Тогда не мчалась ель на легких парусах
Несома ветрами в лазоревых морях;

лишний стих

О, мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь *безмолвных*
При вас на пагубу друзей *единокровных*
На наковальне млат не изваял мечей
О век Юпитеров! о времена нещастны!
Война, везде война и *глад и мор ужасный*.
Повсюду рыщет смерть, на суше, на водах,
Но ты, державший гром и молнию в руках!
Будь мирному певцу Тибуллу *благосклонен*.
Ни словом, ни душой я не был *вероломен*

[выделенное курсивом подчеркнуто Пушкиным]

До гроба я носил твои *оковы нежны*

узы, вместо «оковы»

Богами вержены во пропасти бездонны
Ужасный *Энкелад и Тифий преогромный*
Питает жадных птиц утробою своей

и Тифий там [огромный] ошибка мифологическая и грамматическая

При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясный
И, тихо веретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы,
Забудешься, мой друг; и томные зеницы
Закроет тихий сон, и пряслица из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг,
Как небом посланный внезапно добрый Гений.

Прелесть.

Воспоминание [Стр. 27—29]

писано в первой молодости поэта.

Едва дымился огнь в часы туманной нощи.
Близ кущи *ратника, который сном почил.*

[подчеркнуто Пушкиным]

На смерть летя против врагов

Слабо

Осталось *мрачно* вспоминанье

[слово «мрачно» подчеркнуто Пушкиным]

Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию *ужасную минуту,*
Когда, *болезнь вкушая люту*
И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!

Неудачный оборот и дурные стихи.

Но небо, вняв моим молениям *усердным,*
Взглянуло оком *милосердым*

[подчеркнуто Пушкиным]

Воспоминания. *Отрывок* [Стр. 30—32]

Ни дружбы, ни любви, *ни песней Муз прелестных,*
Которые всегда душевну скорбь мою,
Как Лотос, силою волшебной врачевали,

вяло

Средь *бурей* жизни и *недуг*
Обитель древняя и доблести и *нравов!*

бурь, недугов — галлицизм.

Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальные скалы гранитных берегов
И села пахарей и кущи рыбаков,
Сквозь тонки утренни туманы
На зеркальных водах пустынной Троллетаны

Последние стихи славны своей гармонией.

Выздоровление [Стр. 33—34]

Одна из лучших элегий Б[атюшкова]

Как *ландыш под серпом убийственным жнеца*
Склоняет голову и вянет

Не под *серпом,* а под *косою*: ландыш растет в лугах и рощах—не на пашнях засеянных.

Мщение

Из Парни [Стр. 35—38]

И все погибло *невозвратно*,
Как сладкая мечта, как утром сон *приятный!*
Но все любовью здесь исполнено моей
И клятвы страшные твои напоминает.
Их помнят и леса, их помнит и ручей,
И эхо томное их часто повторяет.

Лишнее и вялое.

Ты здесь, подобная лилее белоснежной,
Взлелеянной в садах Авророй и весной,
Под сенью безмятежной
Цвела невинностью близ матери *твоей*.

И у Парни это место дурно, у Б[атюшкова] хуже. Любовь не изъясняется пошлыми и растянутыми сравнениями. *своей* [вместо «*твоей*»]

Здесь жертвы приносил у мирных алтарей,

Что такое?

И в первый раз люблю *краснеяся* сказала
(*Тому сей дикий бор свидетель был*)

Какой оборот!

И жребий с трепетом читает
В твоих потупленных очах

Должно быть *свой* жребий.

В веселых пиршествах тобой *одушевленных*,
Где юность пылкая и *взор щитает твой*

темно

Когда ж безвременно с полей кровавой битвы
К Коциту позовет меня судьбины глас,
Скажу: будь щастлива в *последний жизни час:*
И тщетны будут все любовника молитвы

[У Парни]: je dirai: qu'elle soit heureuse! Et ce voeu ne pourra te donner le bonheur!

Какая разница!

Привидение

Из Парни [Стр. 39—42]

Если пламень потаенный
По ланитам пробежал;
Если пояс сокровенный
Развязался и упал—

прелесть

Я вздохну… и глас мой *томный*,
Арфы голосу *подобный*,
Тихо в воздухе умрет.

Час блаженнейший… Но, ах!

[Подчеркнуто Пушкиным]

Тибуллова элегия III

[Стр. 43—45]

—Стихи замечательные по щастливым усечениям—мы слишком остерегаемся от усечений, придающих иногда много живости стихам.

В богатстве ль щастие? В нем призрак, тщетный вид!

[подчеркнуто Пушкиным]

Колен *пред случаем* во век не преклоняет,

faveur. Не то.

Когда же *Парк сужденье*,
Когда суровых *сестр противно веретено*

приговор [вместо «сужденье»].

Мой гений [Стр. 46]

[1] О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
[4] Меня в стране пленяешь дальной.

Прелесть кроме первых 4 [стихов].

Тень друга [Стр. 48—51]

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.

Прелесть и совершенство — какая гармония! Дмитриев осуждал цезуру двух этих стихов. Кажется, несправедливо.

Тибуллова элегия

Вольный перевод [Стр. 52—58]

Мы *учиним* пред ним обильны *возлиянья*

Проза

Иль на чело его *в знак мирного венчанья*
Возложим мы венки из миртов и лилей

Увенчаем в знак венчанья!!!

Обрызган кровию, выигрывает бой;

проза

О подвигах своих расскажет древний воин;
Товарищ юности; и, сидя за столом,
Мне лагерь начертит *веселых чаш вином*

Было прежде: *чаш пролитых вином*—точнее

В день рождения N. [Стр. 64]

есть чувство

Пробуждение [Стр. 65]

Ни быстрый лет коня ретива

усечение гармоническое

И гордый ум не победит
Любви, холодными словами.

смысл выходит—*холодными словами любви*;—запятая не поможет.

Разлука [Стр. 66—67]

прелесть

Таврида [Стр. 68—70]

По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения—лучшая элегия Батюшкова.

Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль урну хладную вращая Водолей,
Валит шумящий дождь, седой туман и мраки:

Любимые стихи Бат[юшкова] самого.

Последняя весна [Стр. 72—74]

Неудачное подражание Millevoye

К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.

Чорт знает что такое!

Но если Делия с тоскою
К нему приближится; тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон..

дурно

К Г[неди]чу [Стр. 75—76]

Только дружба обещает
Мне бессмертия венок;
Он приметно увядает,
Как от зноя василек

Что за детские стихи!

Ах! ужели наградит
Слава щастия утрату,
И ко дней моих закату
Как нарочно прилетит?

Последние 4 стиха очень милы.

К Д[ашко]ву

Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутьи видел их,
И там—где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;

Прекрасное повторение

прелесть!

Источник [Стр. 81—83]

Не стоит ни прелестной прозы Парни, ни даже слабого подражания Мильвуа.

Пленный [Стр. 86—90]

Л[ев] В[асильевич] Д[авыдов] в плену у французов говорил одной женщине: «Rendez-moi mes frimas».

Б[атюшков]у это подало мысль написать своего «*Пленного*». Он неудачен, хотя полон прекрасными стихами. Русский казак поет, как трубадур, слогом Парни, куплетами фр[анцузского] романса.

[Строфа 2-я]

В часы вечерния прохлады
Любуяся рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,

[Стихи 2-й и 4-й подчеркнуты Пушкиным]

. . . .
С полей победы похищенный
Один, толпой врагов

Любимые стихи к[нязя] П[етра] Вяземского.

[Строфа 3-я]

. . . .
Мне жизнь не жизнь, *без славы—бремя*,
И пуст прекрасный мир!

[Конец стиха подчеркнут Пушкиным]

[Строфа 6-я]

. . . .
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!

Было прежде: *белым снегом*.

[Строфа 7-я]

На родину, в сей терем *древний*,
Где ждет меня *краса*

вместо: *красавица*
Неудачно

[Строфа 8-я]

Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвой орошай;
Но плеском волн, родного Дона
Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите
От родины моей!
Вы, звезды севера, горите
Изгнаннику светлей!

прекрасно

Гезиод и Омир, соперники

[Стр. 93—100]

Вся элегия превосходна—жаль, что перевод.

Народы, как волны, в *Колхиду* текли

Невежество непростительное.

Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите!
Вы, пылью и потом покрыты бойцы,
При пламени светлом вздохните!
Внемлите, народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!

прекрасно

Пройдя из края в край
Гостеприимный мир,

в конце сказано: *рожденный* в *Самосе* и проч. Противуречие.

Омир

Мне снилось в юности: орел громометатель
От Мелеса меня играючи унес
На край земли, на край небес,
Вещая: ты земли и неба обладатель!

прекрасно

Гезиод

О нежны дочери суровой Мнемозины!

зачем *суровой*

Твой гений проницал в Олимп: и вечны боги
Отверзли мне заоблачны чертоги

вот пример удачной перемены цезуры

И что ж? *В юдоли сей страдалец искони*

библеизм неуместный.

К другу [Стр. 101—105]

Сильное, полное и блистательное стихотворение.

[Строфа 7-я]

Минутны странники, мы ходим по гробам;
Все дни утратами щитаем;
На крыльях радости летим к своим друзьям
И что ж? их урны обнимаем

прелесть!—да и всё—прелесть!

[Строфа 9-я]

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты;

Звуки италианские! что за чудотворец этот Б[атюшков]!

[Строфа 11-я]

Она, в страданиях почила,

прекрасно!

[Строфа 14-я]

Напрасно вопрошал я опытность веков
И *Клии* мрачные скрижали;

Клио как *депо* не склоняется. Но это правило было бы затруднительно.

[Строфа 15-я]

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает:

Подражение Ломоносову и Torrismondo

Н. М. Языков

С гравюры Естеррейхера. (Гос. Исторический музей)

Мечта [Стр. 106—118]

Писано в молодости поэта. Самое слабое из всех стихотворений Б[атюшкова].

Иль в Муромских лесах задумчиво блуждаешь,
Когда на западе зари мерцает луч
И хладная луна выходит из-за туч?
Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит все любви очарованьем,
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?

гармония

Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;

прекрасно

[Стихи 32—39]

Или в полночный час
Он слышит Скальдов глас,
Прерывистый и томный
Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани.

Скальд и бард одно и то же по кр[айней] мере—для нашего воображения.

[Стихи 46—66]

Мир, мир, тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые разбиты!
Но сам *ты пал* на грудах тел,
Пал витязь знаменитый,
Под тучей вражьих стрел!
Ты *пал!* И над тобой посланницы небесны
Валькирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С златыми копьями в руках,
В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим, и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;

[Стихи эти перечеркнуты Пушкиным и над первыми из них заметка:]
детские стихи

И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... и вдруг—
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовали для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир.—

[Стихи 73—74]

Там снова с арфой золотою
В восторге Скальд поет.

опять всё то же

[Стихи 104—108]

Тогда на крылиях Мечты
Летал я в поднебесной;
Или забывшися на лоне красоты,
Я сон вкушал прелестный;
И щастлив наяву, был щастлив и в мечтах!

дурно

дурно

[Стихи 109—137]

Волшебница моя! дары твои бесценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в цепях.
Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный пелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремных пища,
Сосуды глиняны с водой,
Всё, всё украшено тобой!
Кто сердцем прав, того ты ввек не покидаешь,
За ним во все страны летаешь,
И щастием даришь любимца своего.
Пусть миром позабыт! Что нужды для него?
Но с ним задумчивость в день пасмурный, осенний
На мирном ложе сна,
В уединенной сени,
Беседует одна.
О, тайных слез неизъяснима сладость!
Что пред тобой сердец холодных радость,
Веселый шум и блеск честей
Тому, кто ничего не ищет под луною;
Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных друзей!

какая дрянь

какая дрянь

какая дрянь

Кто в жизни не любил?
Кто раз не забывался,
Любя мечтам не предавался,
И щастья в них не находил?
Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает томны очи,
Всю сладость не вкусил обманчивой
Мечты?

какая дрянь

[Стихи 138—149]

Теперь! любовник ты
На ложе роскоши с подругой боязливой;
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь согруди ее покров стыдливый;
Теперь блаженствуешь, и щастлив ты
мечтой!
Ночь сладострастия тебе дает призраки,
И нектаром любви кропит ленивы маки.

Немного опять похоже на Бат[юшкова]

Катенин находил эти два стиха достойными Баркова.

Мечтание—душа Поэтов и стихов.
И едкость сильная веков
Не может прелести лишить Анакреона;
Любовь еще горит во пламенных мечтах
Любовницы Фаона;

дурно, вяло

[Стихи 150—173]

А ты, лежащий на цветах
Меж Нимф и сельских Граций,
Певец веселия, Гораций!
Ты сладостно мечтал,
Мечтал среди пиров и шумных и веселых,
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Как часто в Тибуре, в сих рощах устарелых,
На скате бархатных лугов
В щастливом Тибуре, в твоем уединеньи
Ты ждал Глицерию и в сладостном
забвеньи,
Томимый негою на ложе из цветов,
При воскурении *мастик благоуханных*
При пляске Нифм венчанных,
Сплетенных в хоровод,
При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен в сладкой думе
Мечтал... и вдруг Мечтой
Восторжен сладострастной,
У ног Глицерии стыдливой и прекрасной

дурно

слабо

дурно

Победу пел любви
Над юностью беспечной
И первый жар в крови,
И первый вздох сердечный.

пошло

[Стихи 174—177]

Щастливец! воспевал
Цитерские забавы,
И все заботы славы
Ты ветрам отдавал!

Хорошие 4 стиха.

[Стихи 178—186]

Ужели в истинах печальных
Угрюмых Стоиков и скучных мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость?
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от терновых кустов;
Для них нет прелести и в прелестях природы;
Им девы не поют сплетяся в хороводы;

[Стихи 178-й—184-й Пушкиным перечеркнуты]

[Стихи 187—194]

Для них, как для слепцов
Весна без радости и лето без цветов...
Увы! Но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут Граций лобызанья,
Надежда изменит и рой крылатых снов!
Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает
И время старости могилу открывает!

прекрасно

дрянь

[Стихи 195—199]

Но ты—пребудь верна, живи еще со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой,
Ничто даров твоих для сердца не заменит!
Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах златой у мраморных палат,—

дрянь

Послания

Мои пенаты

Послание к Жуковскому и к Вяземскому (Стр. 121—137)

Это стихотворение дышит каким-то упоеньем роскоши, юности и наслажденья—слог так и трепещет, так и льется—гармония очаровательна.

Главный порок в сем прелестном послании—есть слишком явное смешение древних обычаев миф[ологических] с обычаями жителя подмосковной деревни.

Музы—существа идеальные. Христианское воображение наше к ним привыкло, но *норы* и *кельи*, где лары расставлены, слишком переносит нас в греч. хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином Суворовского солдата с двуструнной балалайкой. Это всё друг другу слишком уже противоречит.

[Стихи 1—8]

Отечески Пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам

[Стихи 25—28]

В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногой
С изорванным сукном

[Стихи 35—36]

Всё утвари простые,
Всё рухлая скудель!

[Стихи эти Пушкиным перечеркнуты]

[Стихи 43—48]

Богатство с суетой;
С наемною душой
Развратные щастливцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы
Надутые князья!

[Стихи эти Пушкиным перечеркнуты и сбоку заметка:] Сильные стихи.

[Стихи 139—143]

Мой век спокоен ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой;
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

[Стихи 139-й — 143-й Пушкиным перечеркнуты]

[Стихи 293—294 и 301—304]

Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядут,
. . . .
К чему сии куренья
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?

Стихи прекрасные, но опять то же противуречие.

Послание Г. В[ельегорско]му (Стр. 138—141)

Преглупая пиеса

Когда отвоевав под знаменем Беллоны,
Под знаменем Любви я начал воевать,
И новый *регламент* и новые законы
В глазах прелестницы читать!

Mauvais goût — это редкость у Б[атюшкова]

[Стихи 12—15]

Обетованный край! где ветреный Амур
Прелестным личиком любезный пол дарует,
Под дымкой на груди лилеи образует
(Какими б и у нас гордилась красота!)

Как дурно!

[Стихи 25—29]

О мой любезный друг! отдай, отдай назад
Зарю прошедших дней и с прежними бедами,
С любовью и войной!
Или, волшебник мой,
Одушеви мое музыкой песнопенье;

Не понимаю этого перехода.

[Стихи 31—34]

Еще отдай стихам потерянны права, — плоско
И камни приводить в движенье
И горы и леса!
Тогда я с Сильфами взлечу на небеса. — вот сунуло куда!

[Стихи 39—43]

... и Нимфы гор при месячном сияньи,
Как тени легкие в прозрачном одеяньи,
С Сильванами сойдут услышать голос мой.
Наяды робкие, всплывая над водой,
Восплещут белыми руками,

Сильваны, Нимфы и наяды—*меж* сыром выписным и гамб[ургским] журналом!!!

Послание к Т[ургене]ву
(Стр. 142—145)

[Стихи 19—20]

Лишь дайте им! промолви—в миг
Они очутятся с рублями

как плоско!

[Стихи 27—28]

Был беден. Умер. От долгов
Он следственно спокоен.

Какая холодная шутка!

[Стихи 29—32]

Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство...
Но здесь не всё для бедных бедство!

Что за слог!

[Стихи 37—39]

Прекрасно! славно!—спору нет!
Но... здешний свет
Не рай—мне сказывал мой дед..

Стихи достойные В[асилия] Л[ьвовича]

[Стих 50]

И стала Греция *точь в точь!*

опять!

[Стихи 63—66]

Они пред образом, конечно,
Затеплят чистую свечу,—
За чье здоровье—умолчу:
Ты угадаешь, друг сердечный!

Я не угадаю: если за здоровье Т[ургене]ва, то это плоско; если нет, так изъяснись—охота печатать всякой вздор! Б[атюшков] не виноват!

Ответ Г[неди]чу [Стр. 146]

Твой друг тебе на век отныне
С рукою сердце отдает

Б[атюшков] — женится на Г[недич]е!

[Стихи 17—24]

И если к нам любовь заглянет
В приют, где дружбы храм святой,
Увы, твой друг не перестанет,
Еще ей жертвовать собой!
Как гость весельем пресыщенный,
Роскошный покидает пир,
Так я любовью упоенный,
Покину равнодушно мир.

прекрасно

К Ж[уковскому] [Стр. 148—152]

Прекрасно, достойно блестящих, небрежных шалостей фр[анцузского] остроумия, — и везде язык поэзии.

Ответ Т[ургене]ву [Стр. 153—156]

Как неудачно почти всегда шутит Б[атюшков]! Но его «*Видение*» умно и смешно.

Послание к И. М. М[уравье]ву-А[постолу]

[Стр. 160—166]

Ты прав, любимец Муз! от первых впечатлений,
От первых, свежих чувств заемлет силу Гений
И им в теченье дней своих не изменит!

Цель послания не довольно ясна; недостаточно то, что выполнено прекрасно.

[Стихи 33—36]

Но там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный Феб с безоблачного свода
Обилием поля щастливые дарит,
Таланта колыбель и область Пиерид?

Это дело десятое
не о том дело; см. ст[их] 1.

[Стих 72]

И день, чудесный день, без ночи, без *зарей*!

зорь

[Стихи 77—81]

Как часто Дмитриев, расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей щастливой Музы,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,
На коих в первых раз зрел солнечный восход
Певец Сибирского Пизарра вдохновенный!

вяло

[Стихи 99—100]

Всем наслаждается, и всюду наконец
Готовит Фебу дань его грядущий жрец.

темно!

Смесь

Песнь Гаральда Смелого (Стр. 172—174)

[Строфа 1-я]

Когда мы, *содвинув стеной корабли*

?

[Строфа 3-я]

И Гела зияла в *соленой* волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом; *работал веслом*

прекрасно

Вакханка [Стр. 175—176]

Подражание Парни, но лучше подлинника, живее.

Нагло ризы подымали
И свивали их клубком.
И по роще *раздавались*
Эвоэ! и неги глас!..

смело и щастливо
м. б. слишком громкое слово

Разлука

[Стр. 180—182]

Цирлих-манирлих с Д. Давыдовым не должно и спорить.

Ложный страх

Подражание Парни

[Стр. 183—185]

Гименей за всё ручался
И Амуры на часах.

Стих [М. Н.] Муравьева.

[Стихи 21—28]

Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном,
Молча, новое свиданье
Обещали вечерком.

очень мило

[Стихи 29—44]

Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день,
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б, и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единый,
Вакху час и сну другой;
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

прекр[красно]

пр[екрасно]

Поделился бы

Сон могольца

[Стр. 186—188]

Монгольская басня, как называет ее Б[атюшков] — сам .

Любовь в челноке

[Стр. 189—191]

[От стиха 17-го до конца стихотворение Пушкиным перечеркнуто]

Счастливец

Подражание Касти

[Стр. 192—195]

[Все стихотворение, за исключением последних двух строф, Пушкиным перечеркнуто]

Радость

Подражание Касти

[Стр. 196—198]

Вот Бат[юшковск]ая гармония

К Н. [Н. М. Муравьеву]

[Стр. 199—201]

подражание старым трубадурам

Свисти теперь, жужжи, свинец!
Летайте ядры и картечи!
Что вы для них? для сих *сердец*,
Природой *вскормленных* для сечи?

[Слова, набранные курсивом, Пушкиным подчеркнуты]

И под победными громами
«*Мы хвалим господа*» поем!

Te Deum laudamus, а по нашему, должно бы, *царю небесный*.

Спокойся; с первыми громами
К знаменам славы полетишь;

Прекрасно!

Эпиграммы, надписи и пр. [Стр. 202—207]

I

Всегдашний гость, мучитель мой,
О Балдус! долго ль мне зевать, дремать с тобой?
Будь крошечку умней, или дай жить в покое!
Когда жестокий рок сведет тебя со мной—
Я не один и нас не двое.

Это не Батюшк[ова], а Блуд[ова] и то перевод.

II

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться!

[Перечеркнуто Пушкиным]

III

Памфил забавен за столом,
Хоть часто и на зло рассудку:
Веселостью обязан он желудку,
А памяти—умом.

[Зачеркнуто Пушкиным]

V

Мадригал новой Сафо

Ты Сафо, я Фаон, об этом и не спорю:
Но к моему ты горю
Пути не знаешь к морю

Переводное острословие—плоскость.

XI

Мадригал Мелине, которая называла себя Нимфою

Ты Нимфа Ио; нет сомненья!
Но только... после превращенья!

Какая плоскость!

XII

На книгу под названием: Смесь

По чести, это *смесь:*
Тут проза и стихи, и авторская спесь.

[Перечеркнуто Пушкиным]

Странствователь и домосед [Стр. 208—229]

Сижу и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек властелином

Стих не сказочный, натянутый.

Наследственным добром свои насытя взоры,
Такие завели друг с другом разговоры

лишнее
Они тут необходимо—
Друг с другом—наречие, а не имена сущ.

—О, я с тобой *несходен;*
Я пресмыкаться *не способен*

[Рифма — *несходен — неспособен* отмечена как слабая]

От скуки сам с собой *в полголос* рассуждая

в полголоса.

[Стихи 98—163]

[Стихи 98—163 Пушкиным перечеркнуты и в разных местах снабжены заметками:] лишнее, дурно, холодно, всё это лишнее

[Стихи 210—219]

Топиться хочешь ты? Согласен; но сперва
Поведай мне, твоя спокойна ль голова?
Рассудок ли тебя влечет в реку иль страсти?

Рассудок: но его что нам вещает глас?
Что жизнь и смерть равны для нас.
Равны: так не зачем топиться.
Дай руку мне, мой сын, и не стыдись учиться
У старца, чем мудрец здесь может быть щастлив,—
Кто жить советует, всегда красноречив:
И наш герой остался жив.

Прекрасно

[Стихи 226—247]

Забыв людей и свет,
Вот там-то ужин иль обед
Простой, но очень здравый,
Находит Филалет:
Орехи, жолуди и травы,
Большой сосуд воды, и только—боже мой!
Как сладостно искать для трапезы такой
В утехах мудрости приправы!
Итак, в том дива нет, что с путником Памфил
Об Атраксии тотчас заговорил.
Всё призрак! под конец хозяин заключил:
Богатство, честь и власти,
Болезнь и нищета; нещастия и страсти,
И я, и ты, и целый свет,
Все призрак!—Сновиденье!
Со вздохом повторял унылый Филалет;
Но глядя на сухой обед,
Вскричал: я голоден!—И это заблужденье
Все грубых чувств обман; не сомневайся в том—
Неделю не постясь с брадатым мудрецом,
Наш призрак Филалет решился из пустыни
Отправиться в Афины.

[Стихи эти Пушкиным перечеркнуты]

[Стихи 249—251]

Пора с Философом расстаться,
Который нас не даром научил,
Как жить и в жизни сомневаться.

[Стихи эти Пушкиным перечеркнуты]

[Стихи 268—276]

Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел наконец адмиралтейский шпиц,

Фонтанку, этот дом... и *столько* милых лиц,
Для сердца моего *единственных* на свете!
Я сам... Но дело все теперь о Филалете,
Который опершись на кафедру стоит
И ждет опять денницы.

[Стихи эти Пушкиным перечеркнуты]

[Стихи 296—300]

Вы помните бульвар кипел в Париже так
Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою козак,
Иль северный Амур с колчаном и стрелами
Так точно весь народ толпился и жужжал

[Стихи эти Пушкиным перечеркнуты и снабжены отметкой:] лишнее

[Стихи 307—315]

По пальцам доказал, что в мире быть... опасно.—
Что ж делать? закричал с досадою народ
—Что делать? Сомневаться.
Сомненья мудрости есть самый зрелый плод.
Я вам советую, граждане, колебаться
И не мириться и не драться!..
Народ всегда нетерпелив!
Сперва наш краснобай услышал легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе громкий хохот.

прекрасно,—но не в том дело.

[Стихи 375—383]

Напрасно Клит с женой ему кричали в след
С домашнего порога:
Брат милый, воротись, мы просим, ради бога!
Чего тебе искать в чужбине? Новых бед?
Откройся, что тебе в отечестве не мило?
Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
Останься, милый брат! останься, Филалет!
Напрасные слова—Чудак не воротился—
Рукой махнул и скрылся.

Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно—всё вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.

Переход через Рейн

[Стр. 233—241]

Лучшее стихотворение поэта—сильнейшее, и более всех обдуманное—

[Строфа 10-я]

Стеклись, нагрянули, за честь твоих граждан,
За честь твердынь и сел, и нив опустошенных
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство Россиян,
Где ангел мирный, светозарный,
Для стран полуночи рожден,
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной

т е м н о

дело идет о Елизавете Алексеевне.

[Строфа 14-я]

Так всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на береге высоком,
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может он воспоминает
Реку своих родимых мест
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...

прелесть

Умирающий Тасс, элегия

[Стр. 245—253]

Эта элегия, конечно, ниже своей славы—Я не видал элегии, давшей Б[атюшко]ву повод к своему стихотворению, но сравните «*Сетования Тасса*» поэта Байрона с сим тощим произведением. Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолюбия и добродушия (см. замеч.), ничего не видно. Это—умирающий В[асилий] Л[ьвович], а не Торквато.

Ни в хижине оратая простого
. . . .
Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей.

Добродушие историческое, но вовсе не поэтическое.

Там, там... о щастие!.. Средь непорочных жен,
Средь ангелов, Елеонора встретит!
И с именем любви божественный погас.

Остроумие, а не чувство. Это покровенная глава Агамемнона в картине.

Беседка муз

[Стр. 254—256]

Прелесть!

Письма

146. А. Х. Бенкендорфу

3 января 1827 г. Москва.

... С чувством глубочайшей благодарности получил я письмо Вашего превосходительства, уведомляющее меня о всемилостивейшем отзыве его величества, касательно моей драматической поэмы. Согласен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное...

147. В. И. Туманскому

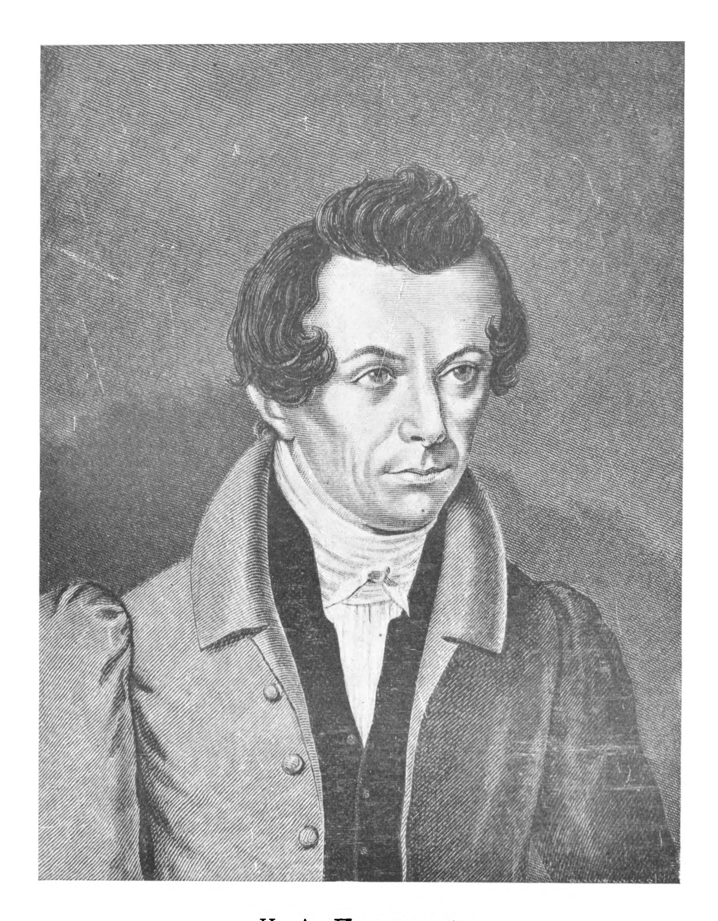
[Конец января—начало февраля 1827 г. Москва]

... Кстати: надеюсь на тебя, как на каменную стену. Погодин не что иное как и м я, з в у к пустой—дух же я, т. е. мы все, православные. Подкрепи нас прозою своею и утешь стихами.— Прощай, пришли О д е с с у, мой отрывок.

148. Бар. А. А. Дельвигу

2 марта [1827 г. Москва]

... Жду *Цыганов* и тотчас тисну. Ты пеняешь мне за *Московский Вестник*—и за немецкую Метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята

Н. А. Полевой

С гравюры Паннеманера

теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать—все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... *Московский Вестник* сидит в яме, и спрашивает: веревка вещь какая? (Впрочем на этот метафизический вопрос можно бы и отвечать, да NB.) А время вещь такая, которую с никаким Вестником не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают...

149. Бар. А. А. Дельвигу

31 июля [1827 г. Михайловское]

... Вспомни, что у меня на руках *Московский Вестник* и что я не могу его оставить на произвол судьбы и Погодина... Что̀ твоя проза и что̀ твоя поэзия? Рыцарский Ревель разбудил ли твою заспанную Музу? У вас Булгарин? Кстати: Сомов говорил мне о его *Вечере у Карамзина*. Не печатай его в своих *Цветах*. Ей-богу, неприлично. Конечно, вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах. Наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличнее...

150. М. П. Погодину

[Вторая половина августа 1827 г. Михайловское]

...Что вы делаете? Что наш *Вестник*? Посылаю вам лоскуток *Онегина* ему на шапку. *Фауст* и другие стихи не вышли еще из-под ц[арской] цензуры; коль скоро получу, перешлю к Вам. Я убежал в деревню почуя рифмы.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен.
Молчит его святая лира,
Душа вкушает хладный сон
И меж детей ничтожных мира
Быть может всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается Молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн
В широкошумные дубровы...

151. М. П. Погодину

31 августа [1827 г.] Михайловское.

...Вы хотите издать *Уранию*!!! Et tu, Brute!! [1] Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве, Вы, честный литератор между лавочниками литературы, Вы!.. Нет, вы не захотите марать себе рук альманашной грязью, у Вас много накопилось статей, которые не входят в журнал; но каких же? Quod licet Uraniae, licet [2] тем паче *Московскому Вестнику;* не только licet [3], но decet [4]. Есть и другие причины. Какие? деньги? деньги будут, будут. Ради бога, не покидайте *Вестника;* на будущий год обещаю вам безусловно деятельно участвовать в его издании; для того разрываю непременно все связи с альманашниками обеих столиц. Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть слишком дельными; стихотворная часть у нас славная; проза, может быть, еще лучше, но вот беда: в ней слишком мало вздору. Ведь верно есть у вас повесть для *Урании?* Давайте ее в *Вестник*. Кстати о повестях: они должны быть непременно существенной частию журнала, как моды у *Телеграфа*. У нас не то что в Европе—повести в диковинку. Они составили первоначальную славу Карамзина; у нас про них еще толкуют.

Ваша индейская сказка Переправа в европейском журнале обратит общее внимание, как любопытное открытие учености. У нас тут видят просто повесть и важно находят ее глупою. Чувствуете разницу? *Вестник Московский*, по моему беспристрастному, совестному мнению — лучший из русских журналов. В *Т*[*елеграфе*] похвально одно ревностное трудолюбие,

[1] И ты, Брут!
[2] Что позволено Урании, позволено
[3] позволено
[4] подобает

а хороши одни статьи Вяземского—но зато за одну статью Вяземского в *Телеграфе* отдам 3 дельные статьи *Московского Вестника*. Его критика поверхностна или несправедлива; но образ его побочных мыслей и их выражения резко оригинальны; он мыслит, сѐрдит и заставляет мыслить и смеяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы с ним увидитесь, скажите ему, что я пред ним виноват, но что все собираюсь загладить свою вину...

... Еще слово: издание *Урании*, ей богу, может, хотя и несправедливо, повредить вам в общем мнении порядочных людей. Прочтите, что̀ Вяземский сказал об альманахе издателя *Благонамеренного*; он совершенно прав,—публика наша глупа, но не должно ее морочить. Так точно, как журнальный сыщик Сережа глуп, но не должно его наверное обыгрывать в карты. Издатель журнала должен все силы употребить, дабы сделать свой журнал как можно совершенным, а не бросаться за барышом. Лучше уж прекратить издание; но сие было бы стыдно. Говорю вам просто и прямо, потому что вас искренно уважаю...

1828

Статьи

152. [Предисловие к Руслану и Людмиле]

Автору было двадцать лет от роду, когда кончил он *Руслана и Людмилу.* Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царскосельского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни. Этим до некоторой степени можно извинить ее недостатки.

При ее появлении в 1820 году тогдашние журналы наполнились критиками более или менее снисходительными [1]. Самая пространная писана г. В. и помещена в «Сыне Отечества». Вслед за нею появились вопросы неизвестного. Приведем из них некоторые.

«Начнем с первой песни. Commençons par le commencement [2].

«Зачем Финн дожидался Руслана?

«Зачем он рассказывает свою историю, и как может Руслан в таком несчастном положении с жадностию внимать рассказы (или, по-русски, рассказам) старца?

«Зачем Руслан присвистывает, отправляясь в путь? Показывает ли это огорченного человека? Зачем Фарлаф с своею трусостию поехал искать Людмилы? Иные скажут: за тем, чтобы упасть в грязный ров: et puis on en rit et cela fait toujour plaisir [3].

[1] Одна из них подала повод к эпиграмме, приписываемой К***:

Напрасно говорят, что критика легка;
Я критику читал *Руслана и Людмилы:*
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.
[*Прим. Пушкина.*]

[2] Начнем с самого начала.

[3] и затем смеются, что всегда бывает приятно.

«Справедливо ли сравнение, стр. 53, которое вы так хвалите? Случалось ли вам это видеть?

«Зачем маленький карла с большою бородою (что, между прочим, совсем не забавно) приходит к Людмиле? Как Людмиле пришла в голову странная мысль схватить с колдуна шапку (впрочем в испуге чего не наделаешь!), и как колдун позволил ей это сделать?

«Каким образом Руслан бросил Рогдая, как ребенка, в воду, когда

Они схватились на конях;
. . . .
Их члены злобой сведены;
Объяты, молча, костенеют и проч.?

«Не знаю, как Орловский нарисовал бы это.

«Зачем, Руслан говорит, увидевши поле битвы (которое совершенный hors d'œuvre[1]), зачем говорит он:

О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?
. . . .
. . . .
Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?
Времен от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасенья, и проч.?

«Так ли говорили русские богатыри? И похож ли Руслан, говорящий о траве забвенья и вечной темноте времен, на Руслана, который чрез минуту после восклицает с важностью сердитой:

Молчи, пустая голова!
. . . .
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!
. . . . . . Знай наших! и проч.?

«Зачем Черномор, доставши чудесный меч, положил его на поле, под головою брата? Не лучше ли бы было взять его домой?

«Зачем будить двенадцать спящих дев и поселять их в какую-то степь, куда, не знаю как, заехал Ратмир? Долго ли он пробыл там? Куда поехал? Зачем сделался рыбаком? Кто

[1] нечто постороннее, вводный эпизод

такая его новая подруга? Вероятно ли, что Руслан, победив Черномора и пришед в отчаяние, не находя Людмилы, махал до тех пор мечом, что сшиб шапку с лежащей на земле супруги?

«Зачем карла не вылез из котомки убитого Руслана? Что предвещает сон Руслана? Зачем это множество точек после стихов:

Шатры белеют на холмах...?

«Зачем, разбирая *Руслана и Людмилу*, говорить об *Илиаде* и *Энеиде*? Что есть общего между ними? Как писать (и, кажется, сериозно), что речи Владимира, Руслана, Финна и проч. нейдут в сравнение с Омеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю и которых многие другие также не понимают. Если вы нам объясните их, то мы скажем: cujusvis hominis est errare: nullius, nisi insipientis in errore perseverare (Philippis, XII, 2)[1]».

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais[2].

Конечно, многие обвинения сего допроса основательны, особенно последний. Некто взял на себя труд отвечать на оные. Его анти-критика остроумна и забавна.

Впрочем нашлись рецензенты совсем иного разбора. Например, в *Вестнике Европы*, № 11, 1820, мы находим следующую благонамеренную статью:

«Теперь прошу обратить ваше внимание на новый ужасный предмет, который, как у Комоэнса Мыс бурь, выходит из недр морских и показывается посреди океана Российской словесности. Пожалуйте, напечатайте мое письмо: быть может, люди, которые грозят нашему терпению новым бедствием, опомнятся, рассмеются и оставят намерение сделаться изобретателями нового рода русских сочинений.

«Дело вот в чем: вам известно, что мы от предков получили небольшое бедное наследство литературы, т. е. с к а з к и и п е с н и народные. Что о них сказать? Если мы бережем старинные монеты, даже самые безобразные, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности наших предков? Без всякого сомнения. Мы любим воспоминать все, относящееся к нашему младенчеству, к тому счастливому времени детства, когда какая-нибудь песня или сказка служила нам невинною забавой и составляла все богатство познаний? Видите сами, что я непрочь от собирания и изыскания русских сказок и песен; но когда узнал я, что наши словесники приняли старинные песни

[1] всякому человеку свойственно ошибаться, но лишь глупцу упорствовать в ошибке (Филиппики, XII, 2).

[2] Твои «почему», сказал бог, никогда не кончатся.

совсем с другой стороны, громко закричали о величии, плавности, силе, красотах, богатстве наших старинных песен, начали переводить их на немецкий язык, и, наконец, так влюбились в сказки и песни, что в стихотворениях XIX века заблистали Еруcланы и Бовы на новый манер, то я вам слуга покорный.

«Чего доброго ждать от повторения более жалких, нежели смешных лепетаний?.. Чего ждать, когда наши поэты начинают пародировать Киршу Данилова?

«Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть в 15 и 16 № Сына Отечества. Там неизвестный пиит на образчик выставляет нам отрывок из поэмы своей Людмила и Руслан (не Еруслан ли?). Не знаю, что будет содержать целая поэма, но образчик хоть кого выведет из терпения. Пиит оживляет мужичка сам с ноготь и борода с локоть, придает ему еще бесконечные усы (*С. От.*, стр. 121), показывает нам ведьму, шапочку-невидимку и проч. Но вот, что всего драгоценнее: Руслан наезжает в поле на побитую рать, видит богатырскую голову, под которою лежит меч-кладенец, голова с ним разглагольствует, сражается... Живо помню, как все это, бывало, я слушал от няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать от поэтов нынешнего времени!.. Для большей точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть старинного нашего песнословия, поэт и в выражениях уподобился Ерусланову рассказчику, например:

. . . Шутите вы со мною—
Всех удавлю вас бородою!..

«Каково?..

. . . Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо.
Щекотит ноздри копием...

«Картина, достойная Кирши Данилова! Далее: чихнула голова, за нею и эхо чихает... Вот, что говорит рыцарь:

Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу...

«Потом витязь ударяет в щеку тяжкой рукавицей... Но увольте меня от подобного описания; и позвольте спросить:

если бы в Московское Благородное Собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: здорово, ребята! Неужели бы стали таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне старику сказать публике, посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а ни мало не смешна и не забавна. Dixi [1]».

Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из увенченных, первоклассных, отечественных писателей, который, прочитав «Руслана и Людмилу», сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувства; вижу только чувственность. Другой (а может быть и тот же), увенчанный, первоклассный, отечественный писатель приветствовал сей первый опыт молодого поэта следующим стихом:

Мать дочери велит на эту сказку плюнуть.

153. [Предисловие к Кавказскому пленнику]

«Сия повесть, снисходительно принятая публикою, обязана своим успехом верному, хотя слегка означенному, изображению Кавказа и горских нравов. Автор также соглашается с общим голосом критиков, справедливо осудивших характер пленника, некоторые отдельные черты и проч.».

154. [В зрелой словесности приходит время...]

В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному.—Так некогда во Франции светские люди восхищались Музою Ваде, так ныне Wordsvorth, Coleridge [2] увлекли за собою мнение многих.—Но Ваде не имел ни воображения, ни поэтического чувства, его остроумные произведения дышат одною веселостию, выраженной площадным языком торговок и но-

[1] Я сказал (кончил).
[2] Вордсворт, Колоридж

сильщиков. Произведения английских поэтов, напротив, исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина. У нас это время, слава богу, еще не приспело, так называемый язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Прелесть нагой простоты [так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями], поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем.

Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородой простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность.—Опыты Жуковского и Катенина были неудачны, не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняло достоинства переводов из Гебеля и еще менее силу и оригинальность Убийцы, баллады, которая может стать на ряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея.—Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния:

«Гляди, гляди, плешивый»

— стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас умножается, когда выражается смехом.—Сцена тени в *Гамлете* вся писана шутливым, даже низким слогом, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток.

155. [О Баратынском]

Пора Баратынскому занять на русском Парнассе место, давно ему принадлежащее.—Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики—напротив. Едва заметив в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оного, уже тотчас спешим приветствовать его титлом Гения, за гладкие стишки—нежно благодарим его в журналах от имени человечества, неверный перевод, бледное подражание сравниваем, без церемонии, с бессмертными произведениями Гете и Байрона[1]: добродушие смешное, но безвредное; истинный талант доверяет более собственному су-

[1] Таким образом набралось у нас несколько своих Пиндаров, Ариостов и Байронов и десятка три писателей, делающих истинную честь нашему веку. [*Прим. Пушкина.*]

ждению, основанному на любви к искусству, нежели малообдуманному решению записных Аристархов.—[Зачем] лишать златую посредственность невинных удовольствий журнальным торжеством.

Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностию журналов.—От того ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действуют на толпу, чем преувеличение (exagération) модной поэзии—потому [ли], что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной,—как бы то ни было, критики изъявляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение.—Не упоминая уже об известных шуточках покойного *Благонамеренного*, известного весельчака—заметим, что появление *Эды*, произведения, столь замечательного оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, появление *Эды* подало только повод к неприличной статейке в *Северной Пчеле* и слабому возражению, кажется, в *Московском Телеграфе*.

Как отозвался *Московский Вестник* об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта!—(Упоминаю обо всем этом для назидания молодых писателей.)—Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался—последние его произведения являются плодами зрелого таланта.

Последняя поэма Баратынского, на[печатанная] в *Северных Цветах*, подтверждает наше мнение.—Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной. Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шутливый и страстный, метафизику и поэзию.

Поэма начинается описанием московского бала.—Гости съехались, пожилые дамы сидят в пышных уборах, сидят около стен и смотрят на толпу с тупым вниманием. Вельможи в лентах и звездах сидят за картами и, встав из-[за] ломберных столов, иногда приходят

зглянуть на [мчащиеся пары
Под гул порывистый смычков].

Молодые красавицы кружатся около их.

Гусар крутит свои усы,
Писатель чоп[орно острится].

Вдруг все смутились; посыпались вопросы. Княгиня Нина вдруг уехала с бала

[Вся зала шопотом полна:
«Домой уехала она!
Вдруг стало дурно ей». Ужели?
— В кадрили весело вертясь,
Вдруг помертвела!—Что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной?]

— Бог знает,—отвечает с супружеским равнодушием князь, занятый своим бостоном. Поэт отвечает вместо князя—ответ и составляет поэму.—

Нина исключительно занимает нас. Характер ее новый, развит con amore [1], широко и с удивительным искусством, для него поэт наш создал совершенно сво[бодный?] язык и выразил на нем все оттенки своей метафизики—для нее расточил он всю элегическую негу, всю прелесть своей поэзии.

(Выписки.)

Напрасно поэт берет иногда строгий тон порицания, укоризны, напрасно он с принужденной холодностью говорит о ее смерти, сатирически описывает нам ее похороны, и шуткою кончает поэму свою—мы чувствуем, что он любит свою бедную, страстную героиню.—Он заставляет и нас принимать болезненное соучастие в судьбе падшего, но еще очаровательного создания.

Арсений есть тот самый, кого должна была полюбить бедная Нина. Он сильно овладел ее воображением, и никогда вполне не удовлетворяя ни ее страсти, ни любопытству—должен был до конца сохранить над нею роковое свое влияние (ascendant).

156. [Ответ на статью в «Атенее» об «Евгении Онегине»]

В 4-й книге Афенея напечатан разбор 4-й и 5-й главы *Онегина.*

Под романтизмом автор разумеет оговорку, выручающую поэта. Разбирая характеры в романе, он их находит вообще

[1] с любовью

безнравственными—порицает Онегина за то, что он открыто и нравственно поступает с Татьяной, в него влюбленной, и что жмет руку у Ольги с дурным намерением подразнить своего приятеля.

Ему странно, что тихий (?), мечтательный (?) Ленский за сущую безделицу хочет вызывать Онегина на дуэль и называет свою бесстрастную невесту кокеткой и ветреным ребенком, ибо молодые люди обыкновенно стреляются за дело и любовники никогда не ревнуют по пустякам.

Негодует на Татьяну за то, что раз увидев Онегина, она влюбилась без памяти и пишет ему любовное письмо, что, конечно, очень неприлично.

Наконец находит он, что две главы никуда не годятся, о чем я с ним и не спорю.

Что касается до стихосложения, то критик отзывается о нем снисходительно и с похвалою—хотя и находит в 2-й главе *Онегина* 91 мелочь и еще сотни других, которые цепляют (?) людей, учившихся по старым грамматикам.

Из 291 мелочи многие достойны осуждения, многие не требуют от автора милостивого отеческого заступления.—Вольно всякому хвалить и порицать всё, что относится ко вкусу,— но критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла—и я решился объяснить ему правила грамматики и риторики, не столько для собственной его пользы, как для назидания молодых словесников.

Времян. Следственно Державин ошибся, сказав глагол времен. Но Батюшков, который впрочем ошибался почти столь же часто, как и Державин, сказал:

То древню Русь и нравы
Владимира времян.

Что звук пустой вместо подобно звуку, как звук. Частица что вместо грубого как употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет что.

NB. Кстати о критиках. Вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели,—вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах.

Так одевает бури тень
Едва рождающийся день.

Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно, по крайней мере, писать всё предложение в естественном его порядке (sine inversione[1]).

Стесняет сожаление, безумные страданья,— есть весьма простая метафора.

Два века ссорить не хочу.

Кажется, есть правило об отрицании не: а то вместо ссорить кого выйдет—много ли времени?

Грамматика наша еще не пояснена. Замечу, во-первых, что так называемая стихотворческая вольность допускает нас со времен Ломоносова употреблять indifféremment[2] после отрицательной частицы не родительный и винительный падеж. Во-вторых—в чем состоит правило: что действительный глагол, непосредственно управляемый частицею не, требует вместо винительного падежа родительного. Например—Я не пишу стихов.—Но если действительный глагол зависит не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой оною частицею, то он требует падежа винительного.— Например: я не хочу писать стихи, я не способен писать стихи. В следующем предложении: я не могу позволить ему начать писать стихи,—ужели частица не управляет глаголом писать?

Если критик об этом подумает, то, вероятно, со мной согласится.

Младой и свежий поцелуй—вместо поцелуя младых и свежих уст—очень простая метафора.

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.

В извлечении для смысла: ребятишки катаются по льду.

Точно так—сие справедливое изъяснение делает честь догадливости автора.

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед.

Лоно не означает глубины, лоно значит грудь.

[1] без инверсии (перестановки)
[2] безразлично

Теплотою
Камин чуть дышит.

Опять простая метафора.

Кибитка удалая —

Опять метафора.

Людская молвь и конский топ.

(Выражение сказочное. *Бова Королевич*).

Читайте простонародные сказки, молодые писатели,—чтоб видеть свойства русского языка.

Как приятно будет читать:

Роп вм. ропот.
Топ вм. топот,
Грох вм. грохот,
Сляк вм. слякоть.

На сие замечу моему критику, что роп, топ и прочее употребляют простолюдины во многих наших губерниях.—NB. Мне случалось также слышать стукот вместо стук.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторических фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина.

Что же скажут они о поэме сего последнего, который

взвесить смел
Дух Росса, мощь Екатерины
И, опершись на них, хотел...

Или о воине, который

Поник лавровою главой.

Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы, по крайней мере, иметь школьные сведения о грамматике и риторике—и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка.

157. М. П. Погодину

19 февраля [1828 г. Петербург]

Вы всеконечно правы и угадали, что я в примечании Булгарину совсем не участвовал—ни делом, ни словом, ни согласием, ни ведением.—Когда б я видел его корректуру, то верно б уж не пропустил выходку, которая так вас беспокоит. Печатайте ваше возражение, если вы думаете, что *Северная Пчела* того стоит,—а я не вмешиваюсь, ибо мое правило: не трогать, чего знаете. Впрочем, здесь никто не заметил замечания.

О герой Шевырев! О витязь великосердный, подвизайся, подвизайся!! А вы, любезный Михаило Петрович, утешьтесь и, как говорит Тредьяковский, плюньте на суку *Северную Пчелу*...

На-днях пришлю вам прозу—да Христа ради, не обижайте моих сирот-стишонков опечатками и тому под. Шевыреву пишу особо. Грех ему не чувствовать Баратынского, но бог ему судья.

158. С. А. Соболевскому

[Конец марта 1828 г. Петербург]

...Кто этот Атенеический <дурак> Мудрец, который так хорошо разобрал IV и V главу? Зубарев? или Иван Савельич?...

159. И. Е. Великопольскому

[Конец марта — начало апреля 1828 г. Петербург]

...Булгарин показал мне очень милые ваши станцы ко мне, в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не мог согласиться:

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе—

И Ваше примечание, конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна Вашего пера.—Прочие очень милы...

160. М. П. Погодину

1 июля [1828 г. Петербург]

... Надобно, чтоб наш журнал издавался и на следующий год. Он, конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журнал на святой Руси. Должно терпением, добросовестностию, благородством и особенно настойчивостию оправдать ожидания истинных друзей словесности и одобрение великого Гете.—Честь и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего германского патриарха. Оно, надеюсь, даст Шевыреву более весу во мнении общем. А того-то нам и надобно. Пора уму и знаниям вытеснить Булгарина и Федорова. Я здесь на досуге поддразниваю их за несогласие их мнений с мнением Гете. За разбор Мысли, одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырева каждого по достоинству. Вперед! и да здравствует *Московский Вестник!* Растолковали ли вы *Телеграфу*, что он дурак? Ксенофонт Телеграф, в бытность свою в С. Петербурге, со мною в том было согласился (но сие да будет между нами; Телеграф добрый и честный человек, и с ним я ссориться не хочу)... Кстати: похвалите *Славянина*, он нам нужен, как навоз нужен пашне, как свинья нужна кухне, а Шишков—русской Академии...

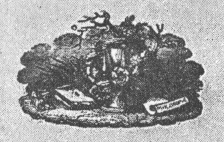
161. Издателям «Северных Цветов на 1829 г.»

[Первая половина декабря 1828 г. Москва]

П. А. Катенин дал мне право располагать этим прекрасным стихотворением. Я уверен, что вам будет приятно украсить им ваши *Северные Цветы*.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЕВГЕНІЯ БАРАТЫНСКАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1827.

Титульный лист «Стихотворений» Е. А. Баратынского

1829

Статьи

162. [Из предисловия к Полтаве]

... Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения; память его, преданная церковию анафеме, не может избегнуть и проклятия человечества.

Некто в романтической повести изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим перед вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме, и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица.

163. [Наброски предисловия к Борису Годунову]

[1] С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет *Бориса Годунова*. Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были б отнесены к романтизму—и чтоб она тем самым не замедлила хода—

Хотя успех Полтавы ободряет меня.

[2] С отвращением решаюсь я выдать в свет [свое] <сочинение>.

И хотя я вообще всегда был довольно равнодушен к успеху иль неудаче своих сочинений, но признаюсь, неудача Бориса Годунова будет мне чувствительна, а я в ней почти уверен.

Как Монтань, могу сказать о своем сочинении: c'est une oeuvre de bonne foi [1].

Писанная мною в строгом уединении, вдали охлаждающего света, плод постоянного труда, добросовестных изучений, трагедия сия доставила мне всё, чем писателю насладиться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец одобрение малого числа [людей избранных].

Трагедия моя уже известна почти всем тем, коих мнениями я дорожу. В числе моих слушателей одного недоставало, того, кому обязан я мыслию моей трагедии, чей гений одушевил и поддержал меня; чье ободрение представлялось воображению моему сладчайшею наградою и единственно развлекало меня посреди уединенного труда.

---

[3] Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Несмущаемый никаким иным влиянием—Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен—Источники богатые! Умел ли ими воспользоваться—не знаю. По крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны.—

Долго не мог я решиться напечатать свою драму.—Хороший или худой успех моих стихотворений, благосклонное или строгое решение журналов о какой-нибудь стихотворной повести слабо тревожили доныне мое самолюбие. Критики слишком лестные не ослепляли его, читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения.— И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы il est indifférent [2], что такая-то глава *Онегина* выше

[1] это—добросовестное произведение.

[2] безразлично

или ниже другой.—Но, признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой—а не придворной обычай трагедии Расина—и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены—(*Ермак* А. С. Хомякова есть более произведение лирическое, чем драматическое. Успехом своим оно обязано прекрасным стихом, коим оно написано).

Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами.—У нас первый пример оному находим мы, кажется, в *Аргивянах*; А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии, писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его—я сохранил цезуру французского пентаметра на второй стопе—и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия.—Есть шутки грубые, сцены простонародные.—Хорошо, если поэт может их избежать, если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным. Поэту не должно быть площадным из доброй воли.

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию нещастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, con amore[1], но [без всякой дворянской спеси]. Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристократию нашу составляет дворянство новое; древнее же пришло в упадок, права его уравнены с правами прочих состояний, великие имения давно раздроблены, уничтожены и [*нрзб.*] и проч.—Принадлежать старой аристократии не представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нарекание в странности или бессмысленном подражании иностранцам.

164. Отрывок из литературных летописей

Tantae ne animis scholasticis irae! [2]

Распря между двумя известными журналистами [и тяжба одного из них с цензурою] наделала шуму. Постараемся изложить исторически всё дело sine ira et studio [3].

[1] с любовью
[2] Возможен ли такой гнев в душах ученых людей!
[3] без гнева и пристрастия

В конце минувшего года редактор *Вестника Европы*, желая в следующем 1829 году потрудиться еще и в качестве издателя, объявил о том публике, все еще худо понимающей различие между сими двумя учеными званиями. Убедившись единогласным мнением критиков в односторонности и скудости *Вестника Европы*, сверх того движимый глубоким чувством сострадания при виде беспомощного состояния литературы, он обещал употребить наконец свои старания, чтобы сделать журнал сей обширнее и разнообразнее. Он надеялся отныне далее видеть, свободнее соображать и решительнее действовать. Он собирался пуститься в неизмеримую область бытописания, по которой Карамзин, как всем известно, проложил тропинку, теряющуюся в тундрах бесплодных. «Предполагаю работать сам,—говорил почтенный редактор,—не отказывая однакож и другим литераторам участвовать в трудах моих». Сии поздние, но тем не менее благие намерения, сия похвальная заботливость о русской литературе, сия великодушная снисходительность к сотрудникам тронули и обрадовали нас чрезвычайно. Приятно было бы нам приветствовать первые труды, первые успехи знаменитого редактора *Вестника Европы*. Его глубокие знания (думали мы), столь известные нам по слуху, дадут плод во время свое (в нынешнем 1829 году). Светильник исторической его критики озарит вышеупомянутые тундры области бытописаний, а законы словесности, умолкшие при звуках журнальной полемики, заговорят устами ученого редактора. Он не ограничит своих глубокомысленных исследований замечаниями о заглавном листе Истории Государства Российского, или даже рассуждениями о куньих мордках, но верным взором обнимет наконец творение Карамзина, оценит истину его разысканий, укажет источники новых соображений, дополнит недосказанное. В критиках собственно-литературных мы не будем слышать то брюзгливого ворчанья какого-нибудь старого педанта, то непристойных криков пьяного семинариста. Критики г. Каченовского должны будут иметь решительное влияние на словесность. Молодые писатели не будут ими забавляться, как пошлыми шуточками журнального гаера. Писатели известные не будут ими презирать, ибо услышат окончательный суд своим произведениям, оцененным ученостью, вкусом и хладнокровием.

Можем смело сказать, что мы ни единой минуты не усомнились в исполнении планов г. Каченовского, изложенных поэти-

ческим слогом в газетном объявлении о подписке на *Вестник Европы*. Но г. Полевой, долгое время наблюдавший литературное поведение своих товарищей-журналистов, худо поверил новым обещаниям *Вестника*. Не ограничиваясь безмолвными сомнениями, он напечатал в 20-й книжке *Московского Телеграфа* прошедшего года статью, в которой сильно напал он на почтенного редактора *Вестника Европы*. Дав заметить неприличие некоторых выражений, употребленных вероятно неумышленно г. Каченовским, он говорит:

«Если бы он (*Вестник Европы*), старец по летам, признался в незнании своем, принялся за дело скромно, поучился, бросил свои смешные предрассудки, заговорил голосом беспристрастия, мы все охотно уважили бы его сознание в слабости и желание учиться и познавать истину, все охотно стали бы слушать его».

Странные требования! В летах *Вестника Европы* уже не учатся и не бросают предрассудков закоренелых. Скромность, украшение седин, не есть необходимость литературная; а если сознания, требуемые г. Полевым, и заслуживают какое-нибудь уважение, то можно ли нам оные слушать из уст почтенного старца, без болезненного чувства стыда и сострадания?

«Но что сделал до сих пор издатель *Вестника Европы*— продолжает Полевой. Где его права, и на какой возделанной его трудами земле он водрузит свои знамена: где, за каким океаном эта обетованная земля? Юноши, обогнавшие издателя *Вестника Европы*, не виноваты, что они шли вперед, когда издатель *Вестника Европы* засел на одном месте и неподвижно просидел более 20 лет. Дивиться ли, что теперь *Вестнику Европы* видятся чудные распри, грезятся кимвалы бряцающие и медь звенящая?»

На сие ответствуем:

Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 26 лет ни одной замечательной статьи, снискал однакож себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку? Г. Каченовский просидел 26 лет на одном месте,—согласен: но как могли юноши обогнать его, если он ни за чем и не гнался? Г. Каченовский ошибочно судил о музыке Верстовского: но разве он музыкант? Г. Каченовский перевел Терезу и Фальдони: что за беда?

Доселе казалось нам, что г. Полевой не прав, ибо обнаруживается какое-то пристрастие в замечаниях, которые с первого взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали

от г. Каченовского возражений неоспоримых или благородного молчания, каковым некоторые известные писатели всегда ответствовали на неприличные и пристрастные выходки некоторых журналистов. Но сколь изумились мы, прочитав в 24 номере *Вестника Европы* следующее примечание редактора к статье своего почтенного сотрудника, г. Надоумки (одного из великих писателей, приносящих истинную честь своему веку и журналу, в коем они участвуют).

«Здесь приличным считаю объявить, что препираться с Бенигною я не имею охоты, отказавшись навсегда от бесплодной полемики, а теперь не имею на то и права, предприняв другие меры к охранению своей личности от игривого произвола сего Бенигны и всех прочих. Я даже не читал бы статьи Телеграфической, если б не был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и к достоинству места, при котором имею счастие продолжать оную. *Рдр*».

Сие загадочное примечание привело нас в большое беспокойство. Какие меры к сохранению своей личности от игривого произвола г. Бенигны предпринял почтенный редактор? что значит игривый произвол г. Бенигны? что такое: был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и достоинству места? (Впрочем смысл последней фразы и доныне остается темен как в логическом, так и в грамматическом отношении).

Многочисленные почитатели *Вестника Европы* затрепетали, прочитав сии мрачные, грозные, беспорядочные строки. Не смели вообразить, на что могло решиться рыцарское негодование Міхаила Трофімовича. К счастию, скоро всё объяснилось.

[Оскорбленный, как издатель *Вестника Европы*, г. Каченовский решился требовать защиты законов, как ординарный профессор, статский советник и кавалер, и явился в цензурный комитет с жалобою на цензора, пропустившего статью г. Полевого.]

Успокоясь на счет ужасного смысла вышеупомянутого примечания, мы сожалели о бесполезном действии почтенного редактора. Все предвидели последствия оного. В статье г. Полевого личная честь г. Каченовского не была оскорблена. Говоря с неуважением о его занятиях литературных, издатель *Московского Телеграфа* не упомянул ни о его службе, ни о тайнах домашней жизни, ни о качествах его души.

[Новое лицо выступило на сцену: цензор С. Н. Глинка явился ответчиком. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружи-

лись в его речах, письмах и деловых записках. Он увлек сердца красноречием сердца и, вопреки чувству уважения и преданности, глубоко питаемому нами к почтенному профессору, мы желали победы храброму его противнику, ибо польза просвещения и словесности требует степени свободы, которая нам дарована мудрым и благодетельным Уставом. В. В. Измайлов, которому отечественная словесность уже многим обязана, снискал себе новое право на общую благодарность свободным изъяснением мнения столь же умеренного, как и справедливого.]

Между тем, ожесточенный издатель *Московского Телеграфа* напечатал другую статью, в коей дерзновенно подтвердил и оправдал первые свои показания. Вся литературная жизнь г. Каченовского была разобрана по годам, все занятия оценены, все простодушные обмолвки выведены на позор. Г. Полевой доказал, что почтенный редактор пользуется славою ученого мужа, так сказать, на честное слово; а доныне, кроме переводов с переводов и кой-каких заимствованных кое-где статеек ничего не произвел. Скудость, более достойная сожаления, нежели укоризны! Но что всего важнее, г. Полевой доказал, что Міхаил Трофімович несколько раз дозволял себе личности в своих критических статейках, что он упрекал издателя *Телеграфа* винным его заводом (пятном ужасным, как известно всему нашему дворянству!), что он неоднократно с упреком повторял г. Полевому, что сей последний—купец (другое, столь же ужасное обвинение!), и всё сие в непристойных, оскорбительных выражениях. Тут уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном, но в мирной республике наук, какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор, честный аудитор и странствующий купец равны перед законами критики. Князь Вяземский уже дал однажды заметить неприличность сих аристократических выходок; но не худо повторять полезные истины.

Однако ж, таково действие долговременного уважения! И тут мы укоряли г. Полевого в запальчивости и неумеренности. Мы с умилением взирали на почтенного старца, расстроенного до такой степени, что для поддержания ученой своей славы принужден он был обратиться к русскому букварю и преобразовать оный удивительным образом. Утешительно для нас, по крайней мере то, что сведения Міхаила Трофімовича в греческой азбуке отныне не подлежат уже никакому сомнению.

С нетерпением ожидали мы развязки дела. Наконец [решение главного управления цензуры] водворило спокойствие в области словесности и прекратило распрю миром, равно выгодным для победителей и побежденных.

165. [Несколько московских литераторов...]

Несколько московских литераторов, приносящих истинную честь нашему веку, как своими произведениями, так и нравственностию, видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего, решились составить общество для распространения правил здравой критики Курганова и Тредьяковского и для удержания отступников и насмешников в границах повиновения и благопристойности.

Общество имело первое свое заседание на Малой Бронной в доме г. X., бывшего корректора типографии, 17 октября сего года, при стечении многочисленной публики. Некоторые соседние дамы удостоили заседание своим присутствием.

Председателем был избран единогласно г-н Трандафырь, знаменитый переводчик одного бессмертного романа.

Секретарем был избран единогласно же Никодим Невеждин—молодой человек из честного сословия слуг, оказавший недавно отличные успехи в словесности и обещающий быть законодателем вкуса, несмотря на лакейский тон своих статеек.

Ждали г-на Срамцова—но он не мог притти по причине флюса, полученного им на ярмонке во время метания чрезвычайно счастливой тальи.

Г-н Трандафырь открыл заседание прекрасною речию, в которой трогательно изобразил он беспомощное состояние нашей словесности, недоумение наших писателей, подвизающихся во мраке, не озаренных светильником критики г-на Трандафырина. Красноречиво убеждал он приняться за дело. «Что сделали мы до сих пор, почтенные слушатели,—сказал он,—перевели романы, доставлявшие нам 700 рублей от Ширяева, и разобрали заглавный лист *Истории Государства Российского*—труды бессмертные бесспорно, но совершенно недостаточные [для полного преобразования словесности и для истребления неутомимых наших врагов».]

После речи г-на председателя г-н Невеждин прочел проект нового журнала, имеющего быть издаваемым в следующем 1830 году, под названием *Азиатский Рак*. Журнал сей будет

выходить каждый месяц по одной книжке—каждая книжка будет заключать в себе 4 отдела.

Отделение I. Изящная словесность. Переводы Байрона с польского; стихи молодых семинаристов; отрывки из записок г-на Трандафырина (для примеру г-н секретарь общества прочел пленительное описание отрочества почтенного г-на Трандафырина. Все с удовольствием слушали милые проказы маленького купчика, и тогда уже столь много обещавшего).

Отделение II. Критика.

166. [Заметка о «Ромео и Джюльете» Шекспира]

Многие из трагедий, приписываемых Шекспиру, ему не принадлежат, а только им поправлены. Трагедия Ромео и Джюльета, хотя слогом своим и совершенно отделяется от известных его приемов, но она так явно входит в его драматическую систему и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочинением Шекспира. В ней отразилась Италия, современная поэту, с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком, исполненным блеска и concetti[1]. Так понял Шекспир драматическую местность. После Джюльеты, после Ромео, сих двух очаровательных созданий Шекспировской грации, Меркутио, образец молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутио есть замечательнейшее лицо изо всей трагедии. Поэт избрал его в представители итальянцев, бывших модным народом Европы, французами XVI века.

167. [Многие недовольны нашей журнальной полемикою...]

Многие недовольны нашей журнальной полемикою за дурной ее тон, незнание приличий и т. п. Неудовольствие очень несправедливое. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в размышления, может не иметь времени являться в обществе и приобретать навык суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости—залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда легкомыслие и невежество выражаются языком <*Вестника Европы* и *Атенея*> пьяного семинариста.

[1] кончетти (блестяще выраженные, тонкие мысли)

168. Кн. П. А. Вяземскому

[Около 25 января 1829 г. Петербург]

... Я не читал еще журналов. Говорят, что Булгарин тебя хвалит. В какую-то силу?—Читал Цветы? Каково *Море* Жуковского и каков его Гомер, за которого сердится Гнедич, как откупщик на контрабанду...

169. Н. Н. Раевскому [*Черновое*]

[*Перевод с французского*]

30 января 1829 г. Петербург.

Вот моя трагедия, раз вы непременно ее желаете; но я требую, чтобы прежде, чем читать ее, вы пробежали последний том Карамзина. Она исполнена славных шуток и тонких намеков, относящихся к истории того времени, как наши киевские и каменские обиняки. Надо понимать их—это непременное условие. По примеру Шекспира, я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическим пафосом и т. п. Стиль трагедии—смешанный. Он площадной и грубый там, где мне приходилось выводить простолюдинов и грубых лиц; что касается грубых непристойностей—не обращайте на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой же переписке. Мне очень улыбалась мысль о трагедии без любовной интриги, но не говоря уже о том, что любовь входила существенною частью в романтический и страстный характер моего авантюриста,—я заставил еще Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычный характер. У Карамзина он лишь бегло очерчен, но, конечно, это была странная красавица; у нее была только одна страсть—честолюбие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе и представить. Посмотрите, как она, попробовав царской власти, опьяненная призраком, отдается одному проходимцу за другим, разделяя то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей хотя бы слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она стойко переносит войну, нищету, позор и в то же время сносится с польским королем, <как равная> как коронованное лицо с равным себе, и жалко кончает свое столь бурное и

столь необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мои дни. Она волнует меня, как страсть. Она ужас, что за полька, как говорила <кузина г-жи Любомирской>.—Гаврила Пушкин—один из моих предков; я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он обладал большими талантами и как воин, и как придворный, в особенности—как заговорщик. Это он вместе с Плещеевым обеспечили успех Самозванца своей неслыханной дерзостью. Затем я опять нашел его в Москве в числе 7 начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 году—в Думе, где он заседал рядом с Козьмой Мининым, потом—воеводой в Нижнем, потом—между выборными людьми, венчавшими на царство Романова, потом—послом. Он был всем, чем угодно,—даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище—городе, который он выжег в наказание не знаю за что, подобно <комиссарам> проконсулам Национального Конвента.—Я намерен также вернуться еще к Шуйскому. Он представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый <выступает против него с обвинением> начинает заговор, и он же, заметьте, первый старается извлечь выгоду из положения, он же кричит, обвиняет, из начальника делается буяном. Он близок к тому, чтобы лишиться головы, но Дмитрий милует его уже на лобном месте, посылает в ссылку, а затем, с тем ветреным великодушием, которое отличало этого милого авантюриста, снова призывает его к своему двору и осыпает дарами и почестями. Что же делает Шуйский, чуть было не попавший под топор и на плаху? Он спешит создать новый заговор, добивается успеха, делается царем, падает, при чем в крушении своем сохраняет больше достоинства и силы духа, чем в продолжение всей своей жизни.—Дмитрий во многом напоминает Генриха IV. Подобно ему—он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему—равнодушен к религии; оба они из соображений политических отрекаются от своей веры; оба любят удовольствия и войну; оба предаются несбыточным планам; оба падают жертвою заговоров. Но у Генриха IV не было на совести Ксении, хотя, правда, это ужасное обвинение и не доказано, и, что до меня, то я считаю своею священной обязаностью ему не верить.—Грибоедов критиковал мое изображение Иова,—патриарх действительно был человек большого ума, я же, по недосмотру, сделал из него глуп-

ца.—Создавая своего *Годунова*, я размышлял о трагедии, но если б я вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал. Это, быть может, наименее понятный вид произведений. Законы его старались обосновать на правдоподобии, а оно-то именно и исключается самою сущностью драмы; не говоря уже о времени, месте и проч., какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две части, из коих одна занята 2000 человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках. 2) Язык. Например, у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: «Увы! я слышу сладкие звуки греческой речи» и т. д. Все это не есть ли условное неправдоподобие? Истинные гении трагедии никогда не заботились о каком-либо другом правдоподобии, кроме правдоподобия характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в *Сиде*: «А, вам угодно соблюдение правила о 24 часах? Извольте!» — и тут же нагромоздил событий на целых 4 месяца. Нет ничего смешнее мелких поправок к общепринятым правилам. Альфиери глубоко почувствовал, как смешны речи «в сторону»,— он их уничтожает, но зато удлиняет монологи. Какое ребячество!— Письмо мое вышло гораздо длиннее, чем я хотел. Прошу вас сохранить его, так как оно мне понадобится, если чорт соблазнит меня написать предисловие.

170. П. А. Плетневу [?]

[Октябрь 1829 г.]

Наши критики, разбирая *Полтаву*, упомянули о Байроновом Мазепе. Они его не понимают. Старый гетман, предвидя неудачу, бранит в моей поэме молодого Карла и называет его мальчиком и сумасшедшим. Критики, со всею важностию, укоряют меня в неосновательном мнении о шведском короле. В одном месте у меня сказано, что Мазепа ни к чему не был привязан. Чем же опровергают меня критики? Они ссылаются на собственные слова Мазепы, уверяющего Марию в моей поэме, что он любит ее больше славы, больше власти. Так им понятно, так знакомо драматическое искусство! Еще замечают, что заглавие моей поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее *Мазепой*, чтоб не напомнить о Байроне. Это частию справедливо. Но была у меня и другая причина, которой, конечно, никто из них не подозревает: эпиграф. Так и *Бахчисарайский Фонтан* первоначально назван был *Гаремом*;

но меланхолический эпиграф (который, бесспорно, лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой *Истории Карла XII*. Байрон поражен был только картиной человека, связанного на дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая. И зато посмотрите, что он из нее сделал! Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного характера, который проявляется во всех почти произведениях Байрона—но которого (на беду моим критикам) в *Мазепе* именно и нет. Байрон и не думал о нем. Он выставил ряд картин, одна другой разительнее. Вот и все. Но какое пламенное создание, какая широкая гениальная кисть! Если же бы ему под перо попалась история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего предмета.

Чем больше думаю, тем сильнее чувствую, какой отвратительный предмет для художника в лице Мазепы! Ни одного доброго, благородного чувства! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Сильные характеры и глубокая трагическая тень, набросанная на все эти ужасы—вот что увлекло меня. *Полтаву* написал я в несколько дней; далее не мог бы ею заниматься и бросил бы все.

171. Н. И. Гнедичу [*Черновое*]

[Вторая половина декабря 1829 г. Петербург]

Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод *Илиады*. Все благомыслящие люди чувствовали важность сего перевода и ожидали оного с нетерпением. Вы требуете сочинений моих... <Пушкин напр.?..>

В то время как ваш [корабль?] входит в пристань нагруженный богатырями Гомера <при громе наших приветствий; как осмелюсь>, <можно> нечего говорить о моей мелочной лавочке № 1.

172. Кн. П. А. Вяземскому

[Конец 1829 г. Петербург]

... Ради Христа, очисти эти стихи—они стоят *Уныния*...

1830

Статьи

173. [Альманашник]

— Господи боже мой, вот уже четвертый месяц живу в Петербурге, таскаюсь по всем передним, кланяюсь всем канцелярским начальникам, а до сих пор не могу получить места. Я весь прожился, задолжал, а я ж отставной, того и гляди, в яму посадят.

— А по какой части собираешься ты служить?

— По какой части? Господи боже мой! да разве я не русский человек? Я на все гожусь—разумеется, хотелось бы мне местечка потеплее, но дело до петли доходит, теперь я и всякому рад.

— Неужто у тебя нет таки ни единого благодетеля?

— Благодетеля? Господи боже мой! да в каждом министерстве у меня по три благодетеля сидит. Все обо мне хлопочут, все обо мне докладывают—а я все-таки без куска хлеба.

— Служба тебе, знать, не дается. Возьмись-ка за что-нибудь другое.

— А за что прикажешь?

— Например за литературу—

— За литературу? Господи боже мой! в сорок три года начать свое литературное поприще!

— Что за беда? а Руссо?

— Руссо, вероятно, ни к чему другому не был способен. [Ему не обещали вицегубернаторства]. Он не имел в виду быть винным приставом. Да к тому же он был человек ученый, а я учился в Московском университете.

— Что за беда, затевай журнал!

— Журнал? а кто же подпишется?

— Мало ли кто, Россия велика, охотников довольно.

— Нет, брат: нынче их не надуешь. Их отучили. Все говорят: деньги возьмет, а журнала не выдаст или не додаст. Кому охота судиться из 35 рублей. [К тому ж я честный человек и плутовать публично не намерен.]

— Ну так пиши *Выжигина*.

— *Выжигина*? Господи боже мой: написать *Выжигина* не штука; пожалуй, я вам в четыре месяца отхватаю четыре тома, не хуже Орлова и Булгарина, но покаместь успею с голоду околеть.

— Знаешь ли что? Издай Альманак.

— Как так?

— Вот как: выпроси у наших литераторов по нескольку пиэс, кой-что перепечатай. Закажи в долг виньетку, сам выдумай заглавие, да и тисни с богом.

— В самом деле. Да я ни с кем из этих господ не знаком.

— Что нужды: ступай себе к ним—скажи им, что ты юный питомец Муз: впервые выступаешь на поприще славы и решился издать Альманак, а между тем просишь их воспоможения и покровительства.—

— А что ты думаешь—ей богу, я с отчаяния готов и на Альманак.

— Советую дела не откладывать.

— Сегодня ж начну свои визиты.

— И дело: желаю тебе всякого успеха.

Кабинет стихотворца

(*Все в большом беспорядке. Посредине стол. Стихотворец и трое молодых людей играют в кости*)

Стихотворец (*гремя стаканчиком*). Я в руке. Sept à la main... neuf... Sacredieu... neuf et sept... neuf [1] мое... кто держит?

Гость. Экое счастие: держу.

Стихотворец. Sept à la main [2]... (*Про себя*). Это кто?

Входит Альманашник (*одному из гостей*). Я давно желал иметь счастие представиться вам. Позвольте одному из усерднейших ваших почитателей... Ваше прекрасные сочинения...

[1] Семь в руке... девять... Проклятие... девять и семь... девять

[2] Семь в руке...

Гость. Вы ошибаетесь: я кроме векселей ничего не сочиняю: вот хозяин.

Альманашник. Позвольте одному из усерднейших...

Стихотворец. Помилуйте... радуюсь, что имею честь с вами познакомиться... садитесь, сделайте милость...

Альманашник. Вы заняты... Извините: я вам помешал.

Стихотворец. О нет... мы будем продолжать... Sept à la main... 3 крепс—Какое несчастие. (*Передает кости.*)

Гость. Сто рублей à prendre[1].

Стихотворец. Держу... [*Играют.*] Что за несчастие... [*Смотрит косо на Альманашника.*]

Альманашник. Я в первый раз выступаю на поприще славы и решил издать Альманак... я надеюсь, что вы...

Стихотворец. Пятую руку проходит!.. и всегда я попадусь... Вы издаете Альманак? под каким заглавием?.. прошел—я более не держу.

Альманашник. *Восточная звезда.* Я надеюсь, что вы не откажетесь украсить ее драгоценными...

Стихотворец (*берет стаканчик*). Позвольте: сто рублей à prendre... Sept à la main... крепс—так. Это удивительно; первой руки не могу пройти (*плюет, вертит стул*). Несносный альманашник; он мне принес несчастие.

Альманашник. Надеюсь, что вы не откажетесь украсить мой альманак своими драгоценными произведениями...

Стихотворец. Ей-богу—нет у меня стихов,—все разобраны журналистами, альманашниками... Держу все... что? прошел опять! Это непостижимо! Проклятый альманашник!

Альманашник (*вставая*). Позвольте надеяться, что если будут у вас свободные пиэски...

Стихотворец (*провожая его до дверей*). Отыщу непременно и буду иметь счастие вам доставить.

Альманашник. Поверьте, что крайность, бедственное положение, жена и дети...

Стихотворец (*его выпроводив*). Насилу отвязался.—Экое дьявольское ремесло!

Гость. Чье? твое или его?

Стихотворец. Уж верно мое хуже. Отдавай стихи одному дураку в Альманак, чтоб другой обругал их в журнале. жена и дети... Чорт его бы взял... человек, кто там?

[1] ставка

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА,

ИЗДАВАЕМАЯ

БАР[illegible]ЕЛЬВИГОМЪ.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ

[illegible]

Титульный лист «Литературной Газеты»

Входит слуга

Стихотворец. Я говорил тебе, альманашников не пускать!

Слуга. Да кто их знает? Альманашник ли, нет ли.

Стихотворец. Дурак, это по лицу видно. Я в руке: Sept à la main... (*Играют.*)

Харчевня

(*Бесстыдин, Альманашник обедают*)

— Гей водки!

9-я рюмка! И я за все плачу—а что толку!

— Увидишь, как пойдет наш Альманак: с моей стороны даю 34 стихотворения, под пятью подпишу А. П., под пятью другими Е. Б., под пятью еще К. П. В. Остальные пущу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения. Прозы у нас вдоволь: лихое обозрение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы... знаешь.

Никак нет-с, не знаю.

— Не знаешь, о да ты, видно журнала моего не читаешь... Вот видишь ли: аристократами (разумеется в ироническом смысле) называются те писатели, которые с нами не знаются, полагая, вероятно, что наше общество незавидное. Мы было сперва того и не заметили, но уже с год как спохватились, и с тех пор ругаем их наповал... Теперь понимаешь...

Понимаю.

— Водки! Эти аристократы (разумеется, говорю в ироническом смысле)... вообразили себе, что нас в хорошее общество не пускают. Желал бы я посмотреть, кто меня не впустит; чем я хуже другого! Ты смотришь на мое платье...

Никак нет, ей-богу...

— Оно немного поношено; меня обманули на вшивом рынке... К тому же я не стану франтить в харчевне, [но на балах, о на балах]—я великой щеголь, это моя слабость. Если б ты видел меня на балах... Я славно танцую, я танцую французскую кадриль. Ты не веришь... (*встает шатаясь, танцует*). Каково?

— Прекрасно.

(*Бесстыдин зацепляет стакан и роняет его*)

— Боже мой—стакан в дребезгах... Его поставят на счет— и еще граненый.

— Как на счет?—его склеят... вот и все (*подбирает стекло и подает*).

(*Расплачивается, охая, выводит под руку Бесстыдина, он на ногах не стоит*)

— Так и быть, взять извощика.

Бесстыдин. Сделай одолжение... посади меня верхом, а сам садись поперек, да поедем по Невскому, люблю франтить, это моя слабость. —

— И вот моя последняя опора! Господи боже мой!

— Можно видеть барина?

— Никак нет—он почивает.

— Как, в 12 часов?

— Он возвратился с балу в 6-м часу.

— Да когда же его можно застать?

— Да почти никогда.

— Когда же ваш барин сочиняет? —

— Не могу знать.

— Экое несчастие!.. Доложи своему барину, что приходил рекомендоваться... Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя...

174. Детская книжка

[1] Ветреный мальчик

Алеша был очень не глупый мальчик, но слишком ветрен и заносчив. Он ничему не хотел порядочно научиться.—Когда учитель ему за это выговаривал, то он старался оправдаться разными увертками. Когда бранили его за то, что он пренебрегал французским или немецким языком, то он отвечал, что он русский, и что довольно для него, если он будет понимать слегка иностранные языки. Латинский, по его мнению, вышел совсем из употребления, и одним педантам простительно было им заниматься; русской грамматике не хотел он учиться, ибо недоволен был изданною для народных училищ и ожидал новой, философической. Логика казалась ему наукою прошлого века, недостойною наших просвещенных времен, и когда учитель бранил его за Вокабулы, Алеша отвечал ему именами Шеллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч.—Что же? при всем своем уме и способностях Алеша знал только первые четыре правила арифметики и читал довольно бегло по-русски, прослыл невеждою, и все его товарищи смеялись над Алешею.

[2] Маленький лжец

Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок—он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать. Папенька его в его имянины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поваренок астроном, форрейтор историк и его птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто не хотел ему верить даже тогда, когда случалось ему сказать и правду.

[3] Ванюша, сын приходского дьячка

Ванюша, сын приходского дьячка, был ужасный шалун. Целый день проводил он на улице с мальчишками, валяясь с ними в грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходил мимо их порядочный человек, Ванюша показывал ему язык, бегал за ним и изо всей силы кричал: «пьяница, урод, развратник! зубоскал, писака! безбожник, нигилист!»—и кидал в него грязью.—Однажды степенный человек, им замаранный, рассердился и, поймав его за вихорь, больно побил его тросточкой. Ванюша в слезах побежал жаловаться своему отцу. Старый дьячок сказал ему: поделом тебе, негодяй; дай бог здоровья тому, кто не побрезгал поучить тебя. Ванюша стал очень печален, почувствовал свою вину и исправился.

175. [Из материалов к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»]

[1] Французские критики имеют свое понятие об романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические. Таким образом Андрей Шенье, поэт, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекают от желания дать французскому языку формы греческого стихосложения—попал у них в романтические поэты.

---

[2]. Переводчики—почтовые лошади просвещения.

176. [О переводе романа Бенжамена Констана: «Адольф»]

Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенж. Констана. Адольф принадлежит к числу двух или трех романов,

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящем в действии пустом.[1]

Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона. С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы.

177. Илиада Гомерова,

переведенная Н. Гнедичем, Членом Императорской Российской Академии и пр.—2 ч. С. П. Б., в типогр. Императорской Российской Академии, 1829 (в 1-й ч. XV—354, во 2-й—362 стр. в больш. 4-ю д. л.)

Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожиданный перевод *Илиады*! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частию устремились на блестящие безделки; когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности; когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие: с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям, и совершению единого, высокого подвига. Руская *Илиада* перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность.

[1] *Евгений Онегин*, глава VII. [*Прим. Пушкина.*]

178. [О литературной критике]

В одном из наших журналов дают заметить, что Литературная Газета у нас не может существовать по весьма простой причине: у нас нет литературы.—Если б это было справедливо, то мы не нуждались бы и в критике; однако ж произведения нашей литературы, как ни редки, но являются, живут и умирают, не оцененные по достоинству. Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректором и проч.—«Очистите место для новой статьи моей», пишет сотрудник. «С удовольствием», отвечает издатель. И это все напечатано. Недавно в одном журнале было упомянуто о порохе. «Вот уже вам будет порох»! сказано в замечании наборщика; а сам издатель возражает на сие:

Могущему пророку—брань,
Бессильному—презренье.

Эти семейственные шутки должны иметь свой ключ и вероятно очень забавны; но для нас они покамест не имеют никакого смысла.

Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных. В прошлом году напечатано несколько книг (между прочими Иван Выжигин), о коих критика могла бы сказать много поучительного и любопытного. Но где же они были разобраны, пояснены? Не говорим уже о живых писателях, Ломоносов, Державин, Фонвизин ожидают еще Египетского суда. Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих. Впрочем, Литературная Газета была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов.

179. [Из второй статьи об «Истории русского народа» Н. Полевого]

Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, не подозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гете...

180. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году

Соч. М. Н. Загоскина.—М., в типогр. Н. Степанова, 1829.—3 части, с виньетками на заглавных листах (в 1-й части 255, во 2-й части 166, в 3-й 263 стр. в 12-ю д. л.)

В наше время под словом роман разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании. Вальтер Скотт увлек за собою целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея!.. подобно ученику Агриппы, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости. В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. Под беретом, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV[1] проглядывает накрахмаленный галстух нынешнего dandy[2]. Готические героини воспитаны у Madame Campan, а государственные люди XVI-го столетия читают Times и Journal des Débats. Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни! Однако ж сии бледные произведения читаются в Европе. Потому ли, что люди, как утверждает Madame de Staël, знают историю только своего времени и, следственно, не в состоянии заметить нелепости романических анахронизмов? потому ли, что изображение старины, даже слабое и неверное, имеет неизъяснимую прелесть для воображения, притупленного однообразной пестротою настоящего, ежедневного?

Спешим заметить, что упреки сии вовсе не касаются Юрия Милославского. Г. Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши—все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было дей-

[1] в стиле Генриха IV

[2] дэнди (щеголя)

ствовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицина. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни! сколько истины и добродушной веселости в изображении характеров Кирши, Алексея Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинского, батьки Еремея! Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического. Автор не спешит своим рассказом, останавливается на подробностях, заглядывает и в сторону, но никогда не утомляет внимания читателя. Разговор (живой, драматический везде, где он простонароден) обличает мастера своего дела. Но неоспоримое дарование г. Загоскина заметно изменяет ему, когда он приближается к лицам историческим. Речь Минина на нижегородской площади слаба: в ней нет порывов народного красноречия. Боярская дума изображена холодно. Можно заметить два-три легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и костюма. Например, новейшее выражение столбовой дворянин — употреблено в смысле человека знатного рода (мужа честна, как говорят летописцы); охотиться — вместо ездить на охоту); пользовать — вместо лечить. Эти два последние выражения не простонародные, как, видно, полагает автор, но просто принадлежат языку дурного общества. Быть в ответе — значило в старину: быть в посольстве. — Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле: из сказки слова не выкинешь — вместо из песни. В песне слова составляют стих, и слова не выкинешь, не испортив склада; сказка — дело другое. Но сии мелкие погрешности и другие, замеченные в 1-м номере Московского Вестника [1] нынешнего года, не могут повредить блистательному, вполне заслуженному успеху Юрия Милославского.

181. Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой

Описательное стихотворение в четырех частях Федора Глинки, — Спб., в типографии Х. Гинце, 1830 (VIII+112 стр. в 8-ю д. л.)

Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского

[1] Московский Вестник будет издаваться в нынешнем году в том виде, в каком издавался он в 1827 и 1828 г. Сей журнал почти постоянно отличается статьями любопытными, дельными критиками и благонамеренностию. Прежние сотрудники продолжают участвовать в сем издании. [*Прим. Пушкина*]

классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностию, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной,—все дает особенную печать его произведениям. Поэма Карелия служит подкреплением сего мнения. В ней, как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта. Мы верно угодим нашим читателям, выписав несколько отрывков, вместо всякого критического разбора[1].

(Монах рассказывает Марфе Иоанновне о прибытии своем в Карелию).

«В страну сию пришел я летом.
Тогда был небывалый жар,
И было дымом все одето:
В лесах свирепствовал пожар.
В Карелландии горело!..
От блеска не было ночей,
И солнце грустно без лучей,
Как раскаленный уголь, тлело!
Огонь пылал, ходил стеной.
По ветвям бегал, развевался,
Как длинный стяг перед войной;
И страшный вид передавался
Озер пустынных зеркалам...
От знойной смерти убегали
И зверь, и вод жильцы, и нам
Тогда казалось, уж настали
Кончина мира, гибель дней,
Давно на Патмосе в виденьи
Предсказанные. Все в томленьи
Снедалось жадностью огней,
Порывом вихрей разнесенных;
И глыбы камней раскаленных
Трещали.— Этот блеск, сей жар
И вид дымящегося мира
Мне вспомянули песнь Омира:
В его стихах лесной пожар.

[1] В № 6 Литер. Газеты было вкратце изложено содержание сей поэмы.—Издатель, г. Ненейцин, заслуживает всякую похвалу за старательное и отлично-красивое издание оной. [*Прим. Пушкина*]

Но осень нам дала и тучи,
И ток гасительных дождей;
И нивой пепел стал зыбучий,
И жатвой радовал людей!..

Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам:
Везде пустыня; здесь и там
От Саломейского пролива
К семье Сюйсарских островов,
До речки, с жемчугом игривой[1],
До дальних северных лесов,
Нигде ни городов, ни башень
Пловец унылый не видал,
Лишь изредка отрывки пашень
Висят на тощих ребрах скал;
И мертво все... пока шелойник
В Онегу, с свистом, сквозь леса
И нагло к челнам, как разбойник,
И рвет на соймах паруса,
Под скрипом набережных сосен.—
Но живописна ваша осень
Страны Карелии пустой:
С своей палитры, дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой
Она златит, малюет листья:
Янтарь, и яхонт, и рубин
Горят на сих древесных купах.
И кудри алые рябин
Висят на мраморных уступах.
И вот, меж каменных громад,
Порой, я слышу шорох стад,
Бродящих лесовой тропою,
И под рогатой головою
Привески звонкие брянчат...

Край этот мне казался дик:
Малы, рассеяны в нем селы,
Но сладок у лесной Карелы
Ее бесписьменный язык.
Казалось, я переселился
В края Авзонии опять:
И мне хотелось повторять
Их речь: в ней слух мой веселился
Игрою звонкой буквы Л.
Еще одним я был обманут:
Вдали, для глаз, повсюду ель

[1] В речке Повенчанке находят жемчуг, иногда довольно окатистый и крупный. [*Прим. Ф. Глинки.*]

Да сосна, и под ней протянут
Нагих и серых камней ряд.
Тут, думал я, одни морозы,
Гнездо зимы. Иду... Вдруг... розы!
Все розы весело глядят!
И север позабыл я снова.
Как девы милые, в семье,
Обсядут старика седого,
Так розы в этой стороне,
Собравшись рощей молодою,
Живут с громадою седою.

Сии места я осмотрел
И поражен был. Тут сбывалось
Великое!.. Но кто б умел,
Кто б мог сказать, когда то сталось?
Везде приметы и следы
И вид премены чрезвычайной
От ниспадения воды —
С каких высот? осталось тайной...
Но север некогда питал,
За твердью некоей плотины,
Запасы вод; доколь настал
Преображенья час! — И длинный
Кипучий, грозный, мощный вал
Сразился с древними горами;
Наземный череп растерзал
И стали щели — озерами.
Их общий всем, продольный вид
Внушал мне это заключенье.
Но ток, сорвавшись, все кипит,
Забыв былое заточенье,
Бежит и сыплет валуны
И стал. Из страшного набега
Явилась — зеркало страны —
Новорожденная Онега!

Здесь поздно настает весна:
Глубоких долов, меж горами,
Карела дикая полна:
Там долго снег лежит буграми
И долго лед над озерами
Упрямо жмется к берегам.
Уж часто видят, по лугам
Цветок синеется подснежный,
И мох цветистый оживет
Над трещиной скалы прибрежной;
А серый безобразный лед
(Когда глядим на даль с высот)
Большими пятнами темнеет
И от озер студеным веет...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;

И в самом мае, по утрам,
Блистает серебро мороза...
Мертвеет долго все... Но вдруг
Проснулось здесь и там движенье,
Дохнул какой-то теплый дух
И вмиг свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки,
К приютам ведомым влекомых;
Снуют по соснам пауки;
И тучи, тучи насекомых
В веселом воздухе жужжат.
Взлетает жаворонок высоко,
И от черемух аромат
Лиется долго и далеко...
И в тайне диких сих лесов
Живут малиновки семьями:
В тиши бестенных вечеров
Луга и бор и дичь бугров
Полны кругом их голосами,
Поют... поют... поют они
И только с утром замолкают,..
Знать, в песне высказать желают,
Что в теплой видели стране,
Где часто провождали зимы;
Или предчувствием томимы,
Что скоро, из лесов густых,
Дохнет, как смерть, неотвратимый,
От беломорских стран пустых,
Губитель роскоши и цвета:
Он вмиг, как недуг, все сожмет,
И часто, в самой неге лета,
Природа смолкнет и замрет!

По Суне плыли наши челны,
Под нами стлалась небеса
И опрокинулися в волны
Уединенные леса.
Спокойно все на влаге светлой,
Была окрестность в тишине,
И ясно на глубоком дне
Песок виднелся разноцветный.
И, за грядою серых скал,
Прибрежных нив желтело злато
И с сенокосов ароматом
Я в летней роскоши дышал.
Но что шумит?.. В пустыне шопот
Растет, растет, звучит, и вдруг—
Как будто конной рати топот,
Дивит и ужасает слух!
Гул, стук!—Знать, где-то строят грады;
Свист, визг!—Знать, целый лес пилят!
Кружатся, блещут звезд громады,
И вихри влажные летят
Холодной, стекловидной пыли:

«Кивач!.. Кивач!.. Ответствуй, ты ли?»
И выслал бурю он в ответ!..
Кипя над четырьмя скалами,
Он, с незапамятных нам лет,
Могучий исполин, валами
Катит жемчуг и серебро;
Когда ж в хрустальное ребро
Пронзится горними лучами,
Чудесной радуги цветы
Его опутают, как ленты;
Его зубристые хребты
Блестят—пустыни монументы.
Таков Кивач, таков он днем!
Но, под зарею летней ночи,
Вдвойне любуются им очи:
Как будто хочет небо в нем
На тысячи небес дробиться,
Чтоб после снова целым слиться
Внизу, на зеркале реки...
Тут буду я! Тут жизнь теки!..
О, счастье жизни сей волнистой!
Где ты?—В чертоге ль богача,
В обетах роскоши нечистой,
Или в Карелии лесистой,
Под вечным шумом Кивача?..»

Духи основали свое царство в пустынях лесной Карелы. Вот как поэт наш изображает их.

В тех горах
Живут селениями духи:
Точь-в-точь, как мы! В больших домах,
Лишь треугольником их кровли,
Они охотники до ловли,
И все у них, как и у нас:
Есть чернь и титул благородных;
Суды, расправы и приказ.
Но нет балов, торговок модных,
Карет, визитов, суеты
И бестолкового круженья;
Нет мотовства и разоренья,
Так, стало, нет и нищеты!
Счет, вес и мера без обмана,
И у судейского кафтана
У них не делают кармана.—
Я не могу уверить вас:
Имеют ли они Парнас,
Собранье авторов и залы
Для чтения.—«А есть журналы?»—
Нет-с!—Ну, и ссоры меньше там.
Литературные нахалы
Не назовут по именам

И по отечествам, чтоб гласно,
Под видом критики, ругать:
То с здравым смыслом несогласно!
И где, кто б мог закон сыскать,
Который бы людей уволил
От уз приличия? И им,
Как будто должное, дозволил
По личным прихотям своим,
Порою ж и по ссоре личной,
Кричать, писать, ругать публично?
Зато уж в обществе духов—
Вон там, на тех скалах огромных
Все так приязненны, так скромны!
От человеческих грехов.
Подчас, им бедным очень душно:
И если станет уж и скучно
Смотреть на глупости земных,
На наши шашни и проказы,
То псов с собой четвероглазых
И в лес! И вот лесов ч е с н ы х
Принявши образ, часто странный,
То, выше ели, великаны,
То наравне, в траве, с травой!
Проказят! резвятся, хохочут,
Зовут, обходят и морочат...
Иди к ним, с умной головой,
Начитанный теорик,—что же?
Тебе ученость не поможет:
Ты угоришь; все глушь да мрак;
А духи шепчут: «ты дурак!»
Сюда, мудрец, вот омут грязный!»
Не так ли иногда приказный,
Раскинув практику свою,
Из справки в справку ходит, ходит,
И часто в бестолочь заводит
И толковитого судью?..

182. Денница,

Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем.—М., в Университ. типогр. 1830. LXXXIV+256 стр. в 16-ю д. л., с гравир. заглав. листком) [1]

В сем альманахе встречаем имена известнейших из наших писателей, также стихотворения нескольких дам: украшение неожиданное, приятная новость в нашей литературе.

Но замечательнейшая статья сего Альманаха, статья, заслуживающая более, нежели беглый взгляд рассеянного читателя, есть О б о з р е н и е Р у с с к о й С л о в е с н о с т и 1829

[1] Продается у А. Ф. Смирдина. Цена 10 р. [*Прим. «Лит. Газеты».*]

года, сочинение г-на Киреевского. Автор принадлежит к молодой школе московских литераторов, школе, которая основалась под влиянием новейшей немецкой философии и которая уже произвела Шевырева, заслужившего одобрительное внимание великого Гете, и Д. Веневитинова, так рано оплаканного друзьями всего прекрасного. Несколько критических статей г. Киреевского были напечатаны в Московском Вестнике и обратили на себя внимание малого числа истинных ценителей дарования. Вероятно, Обзор г. Киреевского сделает большое впечатление не потому, что мысли в нем зрелее (что, впрочем, неоспоримо, несмотря на слишком систематическое умонаправление автора), но потому только, что некоторые из его мнений выражены резко и неожиданно.

Г. Киреевский, ставя успехи гражданственности выше славы воинских подвигов, в начале статьи своей признает издание нового Цензурного Устава «важнейшим событием для блага России в течение многих лет, и важнее наших блистательных побед за Дунаем и Араратом, важнее взятия Арзерума, и той славной тени, которую бросили русские знамена на стены царьградские». Он приписывает сему Уставу уже заметное движение в текущей словесности прошедшего года. «Наши журналы заимствовали более из журналов иностранных; переводы, хотя по большей части дурные, передавали нам более следов умственной жизни наших соседей, и оттого вся литература наша неприметно приближалась более к жизни обще-европейской. Самые перебранки наших журналов, их неприличные критики, их дикий тон, их странные личности, их вежливости негородские,—все это было похоже на нестройные движения распеленатого ребенка: движения, необходимые для развития силы, для будущей красоты и здоровья».

Сначала, рассматривая характер словесности XIX-го столетия, г. Киреевский говорит о тех писателях, кои по его мнению определили дух нашей литературы; но прежде посвящает красноречивую страницу памяти того, «кто подвинул на полвека образованность нашего народа, кто всю жизнь употребил во благо отечества», кому и сам Карамзин обязан, может быть, своею первою образованностию. «Он умер недавно (говорит г. Киреевский), почти всеми забытый, близ той Москвы, которая была свидетельницею и средоточием его блестящей деятельности. Имя его едва известно теперь большей части наших современников, и если бы Карамзин не говорил об нем, то, может быть, многие, читая эту статью, в первый раз услышали бы о делах Новикова и его товарищей, и усумнились бы в

достоверности столь близких к нам событий. Память об нем почти исчезла; участники его трудов разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет; но дело, ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ждет благодарности потомства.

«Новиков не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению. Прежде него, по свидетельству Карамзина, были в Москве две книжные лавки, продававшие ежегодно на 10 тысяч рублей; через несколько лет их было уже 20, и книг продавалось на 200 000. Кроме того, Новиков завел книжные лавки в других и в самых отдаленных городах России; распускал почти даром те сочинения, которые почитал особенно важными; заставлял переводить книги полезные, повсюду распространял участников своей деятельности, и скоро не только вся Европейская Россия, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя и не на долго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения общего мнения».

Признав филантропическое влияние Карамзина за характер первой эпохи литературы XIX-го столетия, идеализм Жуковского за средоточие второй, и Пушкина, поэта действительности, за представителя третьей, автор приступает к обозрению словесности прошлого года.

«XII том Истории Российского Государства, последний плод трудов великих, последний подвиг жизни полезной, священной для каждого русского, кажется, еще превзошел прежние силою красноречия, обширностью объема, верностью изображений, ясностью, стройностью картин и этим ровным блеском, этою чистотою, твердостью бриллиантовою Карамзинского слога. Вообще достоинство его *Истории* растет вместе с жизнию протекших времен. Чем ближе к настоящему, тем полнее раскрывается перед нами судьба нашего отечества; чем сложнее картина событий, тем она стройнее отражается в зеркале его воображения, в этой чистой совести нашего народа».

В число исторических сочинений г. Киреевский включает и поэму Полтаву. «В самом деле,—говорит он,—из двадцати критик, вышедших на эту поэму, более половины рассуждало о том, действительно ли согласны с историей описанные в ней лица и происшествия.—Критики не могли сделать большей похвалы Пушкину». Признавая в сей поэме большую зрелость таланта, он осуждает в ней недостаток единства интереса, «единственного из всех единств, коего несоблюдение не прощается законами либеральной пи-

итики». Этим изъясняет он малый успех, который имела последняя и едва ли не лучшая из поэм А. Пушкина.

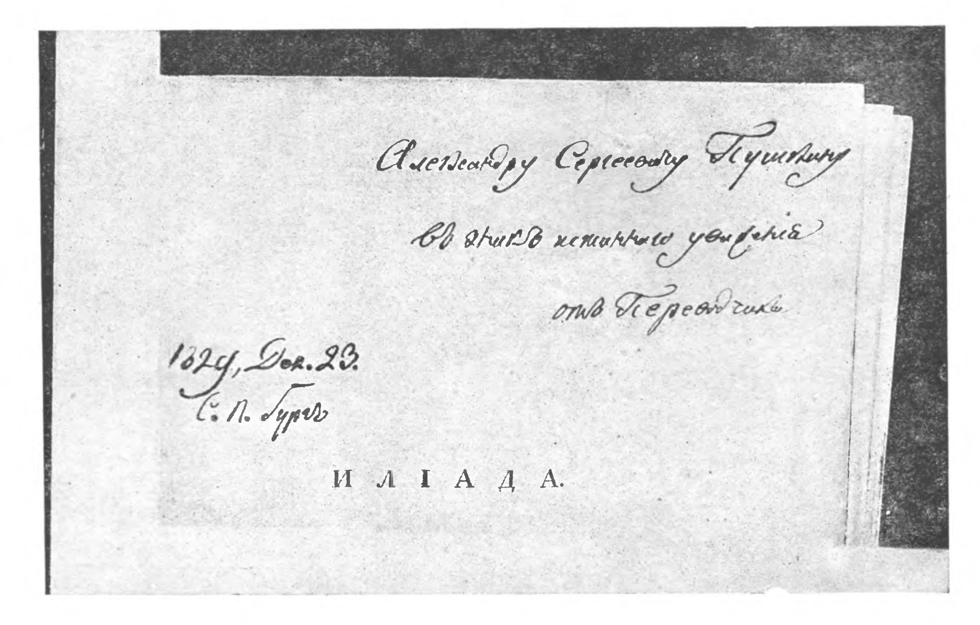
«Жуковский,—продолжает автор,—напечатал в прошедшем году свое Море, Песнь победителей, из Шиллера, и связанные отрывки из Илиады. Здесь в первый раз увидели мы в Гомере такое качество, которого не находили в других переводах: что у других напыщенно и низко, то здесь просто и благородно; что у других бездушно и вяло, здесь сильно, мужественно и трогательно; здесь все тепло, все возвышенно, каждое слово от души. Может быть, это-то и ошибка, если прекрасное может быть ошибкою».—Автор имел в виду Кострова; в прошлом году мы не гордились еще Илиадою Гнедича.

«Море Жуковского живо напоминает всю прежнюю его поэзию. Те же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, все струны прежней его лиры отозвались здесь в одном душевном звуке. Есть однако отличие: что-то больше задумчивое, нежели в прежней его поэзии».

Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим. Но Хомяков написал Ермака, и сия трагедия уже заслуживает особенной критической статьи.

Глубокое чувство умиления внушило молодому критику несколько трогательных строк. Он говорит о своем друге, о лучшем из избранных, о покойном Веневитинове.

«Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии. Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова (ибо одна любовь дает нам полное разумение); кто в этих разорванных отрывках найдет следы общего им происхождения, единственно одушевлявшего их существа, кто постигнет глубину его мыслей, связанных стройною жизнью души поэтической,—тот узнает философа, проникнутого откровением своего века; тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого каждое чувство освещено мыслию, каждая мысль согрета сердцем; которого мечта не украшается искусством, но сама собою родится прекрасная; которого лучшая песнь —есть собственное бытие, свободное развитие его полной, гармонической души. Ибо щедро природа наделила его своими дарами и их разнообразие согласила равновесием. Оттого все прекрасное было ему родное; оттого в познании самого себя находил он решение всех тайн искусства, и в собственной душе прочел начертание высших законов, и созерцал красоту со-

Александру Сергеевичу Пушкину
въ знакъ искренняго уваженія
отъ Переводчика.
1829, Дек. 23.
С. П. Бургъ

ИЛІАДА.

Дарственная надпись Гнедича А. С. Пушкину на экземпляре «Илиады»

(Институт Русской Литературы при Академии СССР)

здания. От того природа была ему доступною для ума и для сердца, он мог

В ее таинственную грудь,
Как в сердце друга, заглянуть.

«Созвучие ума и сердца было отличительным характером его духа, и самая фантазия его была более музыкою мыслей и чувств, нежели игрою воображения. Это доказывает, что он был рожден еще более для философии, нежели для поэзии. Прозаические сочинения его, которые печатаются и скоро выйдут в свет, еще подтвердят все сказанное нами».

Тут критик сильно и остроумно доказывает преимущественную пользу немецких философов на тех из наших писателей, которые, не отличаясь личным дарованием, тем яснее показывают достоинство чужого или приобретенного. «Здесь господствуют два рода литераторов: одни следуют направлению французскому, другие немецкому. Что встречаем мы в сочинениях первых? Мыслей мы не встречаем у них (ибо мысли, собственно французские, уже стары, следственно не мысли, а общие места: сами французы заимствуют их у немцев и англичан). Но мы находим у них игру слов, редко, весьма редко, и то случайно соединенную с остроумием, и шутки, почти всегда лишенные вкуса, часто лишенные всякого смысла. И может ли быть иначе?—Остроумие и вкус воспитываются только в кругу лучшего общества; а многие ли из наших писателей имеют счастие принадлежать к нему?

«Напротив того, в произведениях литераторов, которые напитаны чтением немецких умствователей, почти всегда найдем мы что-нибудь достойное уважения, хотя тень мысли, хотя стремление к этой тени».

В князе Вяземском г. Киреевский видит доказательство, что истинный талант блестит везде, во всяком направлении, под всяким влиянием. «Однакож,—говорит автор,—и князь Вяземский, несмотря на все свои дарования, несмотря на то, что мы можем назвать его остроумнейшим из наших писателей, еще выше там, где, как в *Унынии*, голос сердца слышнее ума».

Автор не соглашается с мнением людей, утверждающих, что французское направление господствует также и в произведениях Баратынского. Он видит в нем поэта самобытного, *своеобразного*. «Чтобы *дослышать* все *оттенки* лиры Баратынского, надобно иметь и тоньше слух и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, не замеченного с первого

взгляда,—верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении, многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту мерность изящную, эту благородную щеголеватость?—Но если бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь неизвестной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка».

Автор справедливо ставит Эду, одно из самых оригинальных произведений элегической поэзии, выше Ба́льно́го вечера, поэмы, более блестящей, но менее изящной, менее трогательной, менее вольно и глубоко вдохновенной. Определяя характер поэзии барона Дельвига, критик говорит: «Всякое подражание по системе должно быть холодно и бездушно. Только подражение из любви может быть поэтическим и даже творческим. Но, в последнем случае, можем ли мы совершенно забыть самих себя? и не оттого ли мы и любим образец наш, что находим в нем черты, соответствующие требованиям нашего духа?—Вот отчего новейшие всегда остаются новейшими во всех удачных подражаниях древним; скажу более: нет ни одного истинно-изящного перевода древних классиков, где бы не легли следы такого состояния души, которого не знали наши праотцы по уму. Чувство религиозное, коим мы обязаны христианству; романическая любовь, подарок арабов и варваров; уныние, дитя севера и зависимости; всякого рода фанатизм, необходимый плод борьбы вековых неустройств Европы с порывами к улучшению; наконец перевес мысленности над чувствами, и оттуда стремление к единству и сосредоточению...» и пр.

Рассуждая о некоторых произведениях драматической музы нашей, автор с такою веселостию изображает состояние сцены, что мы, не разделяя вполне его мнения, не можем однакож не выписать сего оригинального места.

«Вообще наш театр представляет странное противоречие с самим собою: почти весь репертуар наших комедий состоит из подражаний французам, и, несмотря на то, именно те качества, которые отличают комедию французскую ото всех других: вкус, приличность, остроумие, чистота языка, и все, что принадлежит к необходимостям хорошего общества,—все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вместо того, чтобы быть зеркалом нашей жизни, служит увеличительным зеркалом для одних лакейских наших, далее которых не проникает наша комическая Муза. В лакейской она дома, там ее и гостиная, и кабинет, и уборная; там проводит она весь день, когда не ездит на запятках делать визиты Музам соседних

государств, и чтобы Русскую Талию изобразить похоже, надобно представить ее в ливрее и в сапогах.

«Таков общий характер наших оригинальных комедий, еще неизмененный немногими, редкими исключениями. Причина этого характера заключается отчасти в том, что от Фон-Визина до Грибоедова [1] мы не имели ни одного истинного комического таланта, а известно, что необыкновенный человек, как необыкновенная мысль, всегда дают одностороннее направление уму; что перевес силы уравновешивается только другою силою; что вред гения исправляется явлением другого, противодействующего.

«Между тем, можно бы заметить нашим комическим писателям, что они поступают нерасчетливо, избирая т а к о е направление. За простым народом им не угнаться, и как ни низок язык их, как ни богаты неприличностями их удалые шутки, как ни грубы их фарсы, которым хохочет раек, но они никогда не достигнут до своего настоящего идеала, и все комедии их — любой извощик убьет одним словом».

Исчисляя переводы, явившиеся в течение 1829 года, автор замечает, что шесть иностранных поэтов разделяют преимущественно любовь наших литераторов: Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мур и Мицкевич.

Пропустив некоторые сочинения, более или менее замечательные, но не входящие в область чистой литературы, автор обращается к сочинениям в роде повествовательном. Прошлый год богат был оными: но И в а н В ы ж и г и н, бесспорно, более всех достоин был внимания по своему чрезвычайному успеху. Два издания разошлись менее чем в один год; третье готовится. Г. Киреевский произносит ему строгий и резкий приговор [2], не изъясняя однакож удовлетворительно неимоверного успеха нравственно-сатирического романа г. Булгарина.

«Замечательно, — говорит г. Киреевский, — что в прошедшем году вышло около 100 000 экземпляров азбуки русской, около 60 000 азбуки славянской, 60 000 экземпляров катехизиса, около 15 000 азбуки французской, и вообще учебные книги расходились в этом году почти целою третью более, нежели в прежнем. Вот что нам нужно, чего недостает нам, чего по справедливости требует публика».

[1] Кажется, автор выразился ошибочно. Не хотел ли он сказать: к р о м е Ф о н в и з и н а и Г р и б о е д о в а? [*Прим. Пушкина.*]

[2] См. «Денница», О б о з р е н и е Р у с с к о й С л о в е с н о с т и, стр. LXXII. [*Прим. Пушкина.*]

Спешим окончить сие слишком уже пространное изложение. Г. Киреевский, вкратце упомянув о журналах, о духе их полемики, об альманахах, о переводах некоторых известных сочинений, заключает свою статью следующим печальным размышлением: «Но если мы будем рассматривать нашу словесность в отношении к словесностям других государств, если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: „Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европою?“ Что будем отвечать ему?—

«Мы укажем ему на *Историю Российского Государства;* мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и Пушкина, несколько басен Крылова, несколько сцен из Фон-Визина и Грибоедова, и—где еще найдем мы произведение достоинства европейского?

«Будем беспристрастны, и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!»

Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог. Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое Обозрение Словесности, там есть словесность— и время зрелости оной уже недалеко.

183. [О Записках Самсона]

Французские журналы извещают нас о скором появлении Записок Самсона, Парижского палача. Этого должно было ожидать. Вот до чего довела нас жажда новизны и сильных впечатлений.

После соблазнительных Исповедей философии XVIII века, явились политические, не менее соблазнительные, откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и шлафроке, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных, с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриеты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клейменого каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не

постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и к стыду нашему скажем, что успех его Записок кажется несомнительным.

Не завидуем людям, которые, основав свои расчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторению сказаний, вероятно, безграмотного Самсона. Но признаемся же и мы, живущие в веке признаний: с нетерпеливостию, хотя и с отвращением, ожидаем мы Записок парижского палача. Посмотрим, что есть общего между им и людьми живыми? На каком зверином реве объяснит он свои мысли? Что скажет нам сие творение, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? Что скажет нам сей человек, в течение сорока лет кровавой жизни своей присутствовавший при последних содроганиях стольких жертв, и славных, и неизвестных, и священных, и ненавистных? Все, все они—его минутные знакомцы—чредою пройдут перед нами по гильотине, на которой он, свирепый фигляр, играет свою однообразную роль. Мученики, злодеи, герои—и царственный страдалец, и убийца его, и Шарлотта Корде, и прелестница Дю-Барри, и безумец Лувель, и мятежник Бертон, и лекарь Кастен, отравлявший своих ближних, и Папавуань, резавший детей: мы их увидим опять в последнюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западают перед нами, произнося каждая свое последнее слово... И, насытив жестокое наше любопытство, книга палача займет свое место в библиотеках, в ожидании ученых справок будущего историка.

184. [О «Разговоре у княгини Халдиной» Фонвизина]

Недавно в одном из наших журналов изъявили сомнение: точно ли Разговор у Княгини Халдиной, напечатанный в 3-м № Литературной Газеты, есть сочинение Фонвизина. Во-первых: родной племянник покойного автора ручается в достоверности оного; во-вторых, не так легко, как думают, подделаться под руку творца Недоросля и Бригадира: кто хотя немного изучал дух и слог Фонвизина, тот узнает тотчас их несомненные признаки и в Разговоре. Статья сия замечательна не только как литературная редкость, но и как любопытное изображение нравов и мнений, господствовавших у нас лет сорок тому назад. Княгиня Халдина говорит Сорванцову ты, он ей также. Она бранит

служанку, зачем не пустила она гостя в уборную. «Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?»—Да ведь стыдно, В[аше] С[иятельство],—отвечает служанка:—«Глупа, радость», возражает княгиня. Все это, вероятно, было списано с натуры. Мы и тут узнаем подражание нравам парижским. Изображение Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковых. Он записался в службу, чтоб ездить цугом. Он проводит ночи за картами и спит в присутственном месте, во время чтения запутанного дела. Он чувствует нелепость деловой бумаги и соглашается с мнением прочих из лености и беспечности. Он продает крестьян в рекруты и умно рассуждает о просвещении. Он взяток не берет из тщеславия и хладнокровно извиняет бедных взяткобрателей. Словом, он истинно-русский барич прошлого века, каковым образовали его природа и полупросвещение. Здравомысл напоминает Правдина и Стародума, хотя в нем и менее педантства. Прочитав Разговор у Княгини Халдиной, пожалеешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы.

185. [О статьях князя Вяземского]

Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики, указали на князя Вяземского, как на начинщика брани, господствующей в нашей литературе. Указание неискреннее. Критические статьи кн. Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям, он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (discussion) и ловкостию самого софизма. Эпиграмматические же разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но кн. Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена: они же всегда преступают черту литературных прений и поминутно, думая напасть на писателя, вызывают на себя негодование члена общества и даже гражданина. Но должно ли на них негодовать?—Не думаем. В них более извинительного незнания приличий, чем предосудительного намерения.—Чувство приличия зависит от воспитания и других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поеди-

нок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав.

Доказательством, что журналы наши никогда не думали выходить из границ благопристойности, служит их добродушное изумление при таковых обвинениях и их единогласное указание на того, чьи произведения более всего носят на себе печать ума светского и тонкого знания общежития.

186. [Объяснение к заметке об Илиаде]

В одном из московских журналов выписывают объявление об Илиаде, напечатанное во 2-м № Литературной Газеты, и говорят, что сие воззвание на счет (?) труда г-на Гнедича обнаруживает дух партии, которая в литературе не должна быть терпима. В доказательство чего дают заметить, что в Литературной Газете сказано: «Русская *Илиада* должна иметь важное влияние на отечественную словесность»; а что в предисловии к своему переводу Н. И. Гнедич похвалил гекзаметры барона Дельвига.

Вот лучшее доказательство правила, слишком пренебрегаемого нашими критиками: ограничиваться замечаниями чисто литературными, не примешивая к оным догадок на счет посторонних обстоятельств, догадок большею частию столь же несправедливых, как и неблагопристойных. Объявление о переводе Илиады писано мною и напечатано во время отсутствия барона Дельвига. Принужденным нахожусь сказать, что нынешние отношения барона Дельвига к Н. И. Гнедичу не суть дружеские: но как бы то ни было, это не может повредить их взаимному уважению. Н. И. Гнедич по благородству чувств, ему свойственному, откровенно сказал свое мнение насчет таланта барона Дельвига, похвалив произведения Музы его. Пример утешительный в нынешнюю эпоху русской литературы[1].

187. [О записках Видока]

В одном из № Литературной Газеты упоминали о Записках парижского палача: нравственные

[1] Ужели перевод *Илиады* столь незначителен, что Н. И. Гнедичу нужно покупать себе похвалы? Если же нет, то неужели критик, по предполагаемой приязни с переводчиком, должен непременно бранить труд его, чтобы показать свое беспристрастие? [*Прим. Пушкина.*]

сочинения Видока, полицейского сыщика, суть явление не менее отвратительное, не менее любопытное.

Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека.

Видок в своих записках именует себя патриотом, коренным французом (un bon Français), как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество! Он уверяет, что служил в военной службе, и как ему не только дозволено, но предписано всячески переодеваться, то и щеголяет орденом Почетного Легиона, возбуждая в кофейнях негодование честных бедняков, состоящих на половинном жалованье (officiers à la demi-solde). Он нагло хвастается дружбою умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? а Видок человек услужливый, деловой). Он с удивительной важностию толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может ему быть дозволен, и строго рассуждает об известных писателях, отчасти надеясь на их презрение, отчасти по расчету: суждения Видока о Казимире де ла Вине, о Б. Констане должны быть любопытны именно по своей нелепости.

Кто бы мог поверить? Видок честолюбив! Он приходит в бешенство, читая неблагосклонный отзыв журналистов о его слоге (слог г-на Видока!). Он при сем случае пишет на своих в р а г о в доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений: раздражительность, смешная во всяком другом писаке, но в Видоке утешительная, ибо видим из нее, что человеческая природа, в самом гнусном своем уничижении, все еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода.

Предлагается важный вопрос:

Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем, нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?

188. [Разговор]

А. Читал ты замечание в «Литературной Газете», где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия?

Б. Читал.

А. Как же ты его находишь?

Б. Довольно неуместным.

А. Конечно, иначе нельзя и думать. Как не стыдно литераторам обижать таким образом свою братью!

Б. Согласен.

А. Русские журналисты не заслуживали такого унизительного сравнения!

Б. А, так извини: я с тобою несогласен.

А. Как так?

Б. Я было тебя не понял. Мне казалось, что ты находишь обиженными демократических писателей XVIII столетия, которых (как очень хорошо сказано в Газете) с нашими никаким образом сравнить нельзя,—а между тем сравнивают.

А. Да помилуй, эти французские писатели такие люди, что боже упаси! посмотри, как негодуют наши журналисты от одной мысли быть им уподобленными этим господам.

Б. Да кто же эти французские писатели, о коих упомянуто в Литературной Газете?

А. А я почему знаю.

Б. Так я же тебе их назову: добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор и другие столь же умные, как и честные люди, не бессмертные гении, но литераторы с отличным талантом.

А. Зачем же обруганы они в Литературной Газете?

Б. То-то я и говорю.

А. Как можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станут кричать; повесим их, повесим! и аристократов к фонарю.

Б. Извини, брат. Опять было тебя не понял. Этого в Газете не сказано.

А. Как не сказано? постой, она при мне... (*вынимает из кармана Газету*). А, ты, прав, ты прав. Сказано только, что эпиграммы их приуготовили крики etc.—Так неужто в самом деле эпиграммы приуготовили Французскую Революцию?

Б. О Французской Революции Литературная Газета молчит, и хорошо делает.

А. Помилуй, да посмотри же, читай: les aristocrates à la lanterne[1] и повесить и т. д. Ça ira[2].

Б. И ты видишь тут Французскую Революцию!

А. А ты что тут видишь, если смею спросить?

Б. Крики бешеной черни.

А. А что же значили эти крики?

Б. Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А. Вот, я тебя и поймал: а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. Потому, что с некоторых пор дворянство было ей представлено сословием презренным и ненавистным.—

А. Следственно я и прав. В крике les aristocrates à la lanterne вся Революция.

Б. Ты не прав. В крике les aristocrates à la lanterne один жалкий эпизод Французской Революции—гадкая фарса в огромной драме.

А. И честные и добрые писатели были тому причиною! Но если и в самом деле, то уж конечно не умышленно!

Б. Вероятно.

А. A propos[3], какого ты мнения о Полиньяке?

Б. Милый мой, ты знаешь, что о политике я с тобою никогда не говорю.

[А. Итак, revenons à nos moutons[4], обратимся к литераторам. Неужто в самом деле эпиграммы французских писателей приуготовили крики les aristocrates à la lanterne?

Б. Таково по крайней мере мнение Литературной Газеты.

А. А твое мнение? нельзя узнать.

Б. Экой лукавый! заманивает опять меня в политику. Не узнаешь!

А. И ты мне не будешь отвечать?

Б. Нет].

А. Ну так обратимся к нашим литераторам. Читал ли ты, как отделала Пчела всю Литературную Газету, издателя и сотрудников за это замечание?

Б. Нет еще.

А. Так прочти же (*дает ему журнал*).

Б. Что значат эти точки?

[1] аристократов на фонарь
[2] Это пойдет...
[3] Кстати
[4] вернемся к нашим баранам

А. Ах! я спрашивал—тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил.

Б. *(отдавая журнал)*. Жаль, в этих ругательствах, может быть, был смысл, а в строках печатных его нет.

А. Вот тебе еще что-то *(дает другой журнал)*.

Б. *(прочитав)*. Тут и ругательства есть, а смысла все-таки не более.

А. Так ты, видно, стоишь за Литературную Газету. Давно ль ты сделался аристократом?

Б. Как аристократом? Что такое аристократ?

А. Что такое аристократ? О, да ты журналов не читаешь! Вот видишь ли: издатель Литературной Газеты и сотрудники его, и читатели его—все аристократы (разумеется, в ироническом смысле).

Б. Воля твоя, я смысла тут никакого не вижу.—Будучи сам литератором, я читаю Литературную Газету: ибо мне любопытно знать ее мнение; мне досадно видеть в ней иногда личности и колкости, ответы, возражения, мелочную войну, которую не худо предоставить литературным башкирцам; но никогда я не видал в Литературной Газете ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия. Дворяне ли: барон Дельвиг, князь Вяземский, Пушкин, Баратынский и пр.—мне до того и дела нет. Они об этом не толкуют. Заступясь за грамотное купечество, в лице г-на Полевого, они сделали хорошо, заступясь ныне за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше.

А. Это замечание могло повредить невинным.

Б. Что ты, шутишь, или сам ты невинный.—Кто же сии невинные?

А. Как, кто? Издатели Северной Пчелы.

Б. Так успокойся ж. Образ мнения почтенных издателей Северной Пчелы слишком хорошо известен, и Литературная Газета повредить им не может, а г. Полевой в их компании под их покровительством может быть безопасен.

А. Что значит avis au lecteur[1]? К кому это относится? ты скажешь к журналистам, а я так думаю, не к цензуре ли?

Б. Да хоть бы и к цензуре, что за беда. Уж если существует у нас цензура, то не худо оградить и сословия, как ограждены частные лица, от явных нападений злонамеренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждого сословия; но смеяться над сословием потому только, что оно такое-то

[1] Предупреждение читателю.

сословие, а не другое, нехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападают? ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию,—pas si bête[1]. Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ним (и еще в официальной газете) нехорошо—и даже неблагоразумно. [Положим, что эпиграммы демократических французских писателей приуготовили крики les aristocrates à la lanterne; у нас таковые же эпиграммы, хоть и не отличаются их остроумием, могут иметь последствия еще пагубнейшие...] Подумай о том, что значит у нас сие дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу...

А. Кажется, ты прав. Но почему же некоторые журналы вступились с такою братскою горячностию за Северную Пчелу?

Б. Потому что свой своему поневоле брат.

А. Отчего же замечание Газеты показалось сначала столь предосудительным даже людям самым благомыслящим и благородным?

Б. Потому что политические вопросы никогда не бывали у нас разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступив на один из таковых вопросов, сами испугались движения, ими произведенного. Нет прения без двух противных сторон; ты политикой не занимаешься, но это тебе понятно, не правда ли?—Демократические наши журналы, напав на дворянство...

А. Опять демократические журналы! Какой ты неблагонамеренный!

Б. Как же ты прикажешь назвать журналы, объявившие себя противу аристократии? В прямом или переносном смысле, все-таки они демократические журналы. Итак, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпор и нашли его в Газете Литературной. Все это естественно и даже утешительно. Но, повторяю, вопросы политические еще для нас новость...

[1] они не настолько глупы

А. Знаешь ли ты что? Мне хочется разговор наш передать издателю Литературной Газеты, чтоб он напечатал его себе в оправдание.

Б. И хорошо сделает. Есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражений, от кого б они впрочем не происходили.

189. [Отрывки из разговоров]

[1]

А. Читали вы в последнем № Газеты критику?

В. Нет, я не читаю русской критики.

А. Напрасно. Ничто иное не даст вам лучшего понятия о состоянии нашей литературы.

В. Как! неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный суд произведениям нашей словесности?

А. Нимало! У нас никогда критика не имеет почти никакого влияния на судьбу какого-нибудь произведения. Но она дает понятие об отношениях писателей между собою, о большей или меньшей их известности, наконец, о мнениях, господствующих в публике.

В. Мне не нужно читать [Вестник Европы], чтобы знать, что поэмы Пушкина в моде и что романтической поэзии у нас никто не понимает,—что же касается до отношений г-на Раича к г. Полевому, г-на Каченовского к г. Булгарину—это вовсе не любопытно...

А. Однакоже иногда забавно.

В. Вам нравятся кулачные бойцы.

А. Почему же нет. Державин их воспевал. Наши бояре ими тешились.—Мне столь же нравится князь Вяземский в схватке с каким-нибудь записным журнальным буяном, как граф Орлов в бою с ямщиком.—Это черты народности.—

В. Вы упомянули о князе Вяземском.—Признайтесь, что из высшей литературы он один пускается в полемику.

А. Позвольте... сперва скажите, что вы называете высшей литературой.

[2]

Тем хуже для литературы.—Если бы все писатели, заслуживающие уважение, доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы

не тем, чем она есть. Не любопытно ли было бы, например, читать мнение Гнедича о романтизме, или Катенина об нынешней элегической поэзии? Не приятно ли было бы видеть Пушкина, разбирающего трагедию Хомякова! Эти господа в короткой связи между собою и вероятно друг другу передают взаимные замечания о новых произведениях.—Зачем не сделать и нас участниками в их критических беседах?

Публика довольно равнодушна к успехам словесности— истинная критика для нее не занимательна. Она изредка смотрит на драку журналистов, мимоходом слушает монолог раздраженного автора—или пожимает плечами.

Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца и аплодирую тому, кто сбил своего противника. Если б я сам был автор, то почел бы за малодушие не отвечать на нападение— какого бы оно роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в себя грязью! Посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentelman[1] и стреляться на кухенрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и box'овать[2] на перекрестке с извощиком. Это настоящая храбрость. Но мы и в литературе, и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны.

Критика не имеет у нас никакой гласности, вероятно и писатели высшего круга не читают русских журналов и не знают, хвалят ли их или бранят.—

Извините, Пушкин читает все № Вестника Европы, где его ругают, что значит,—по его энергическому выражению—подслушивать у дверей, что говорят об нем в прихожей.

Куда как любопытно!

Любопытство, по крайней мере, очень понятное!—Пушкин и отвечает эпиграммами, чего вам более.

Но сатира не критика, эпиграмма не опровержение.—Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии.

190. [О критике и полемике Литературной Газеты]

Отдавая полную справедливость благонамеренности и беспристрастию вашей Газеты—признаюсь, не мог я согласиться с мнениями, которые обнаруживает она касательно критики и полемики.

[1] джентльмена
[2] боксировать

Во-первых, что значат вечные толки о вежливости? Если бы критики наших журналов погрешали единой своею грубостию, то беда была бы еще небольшая.

<Вы поминутно говорите о приличии журнала>, но позвольте дать заметить, что и Газета, стараясь быть равно учтива и важна в отношении ко всем книгам, ею разбираемым, без сомнения погрешала бы противу правил приличия <как и прочие наши журналы>.—В обществе вы локтем задели вашего соседа, вы извиняетесь—очень хорошо.—Но, гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника—вы не скажете ему: mille pardons [1]. Вы зовете извощика—и говорите ему: пошел в Коломну, а не: сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну.—Разница критиковать *Историю Государства Российского*—и, например, ***.

У нас вошло в обыкновение между писателями, заслужившими доверенность и уважение публики, не возражать на критики. Редко кто-нибудь из них подаст голос, и то не за себя. Обыкновение вредное для литературы. Таковые анти-критики имели [бы?] двоякую пользу: исправление ошибочных мнений и распространение здравых понятий касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается в личностях и брани, что публика etc.——

Возразят, что иногда нападающее лицо само по себе так презрительно, что честному человеку никак нельзя войти в сношение с ним, не марая себя. В таком случае объяснитесь, извинитесь перед публикою. Видок вас обругал. Изъясните, почему вы никаким образом отвечать ему не намерены. В этом отношении мне нравится одна из статей вашего журнала, как доброе дело. Вы советуете...

191. [Заметки о критике и полемике]

[1] [Литература у нас существует...]

Литература у нас существует, но критики еще нет—у нас журналисты бранятся именами классик и романтик, как старушки бранят повес франмасонами и волтерианцами, не имея понятия ни о Вольтере, ни о франмасонстве.

[1] тысяча извинений.

[2] [Критика—наука открывать красоты...]

Критика вообще. Крит[ика] наука.—

Критика—наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы. Она основана 1) на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, на 2) глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений.

Не говорю о беспристрастии—кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими корыстными побуждениями.

Где нет любви к искусству, там нет и критики. Хотите ли быть знакомым с художеством?—говорит Винкельман.—Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях.

[3] [Критикою у нас большею частию занимаются...]

Критикою у нас большею частию занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs [1], люди, понимающие свое дело, но не только не критики, но даже и не литераторы.

В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа [2]. У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя.

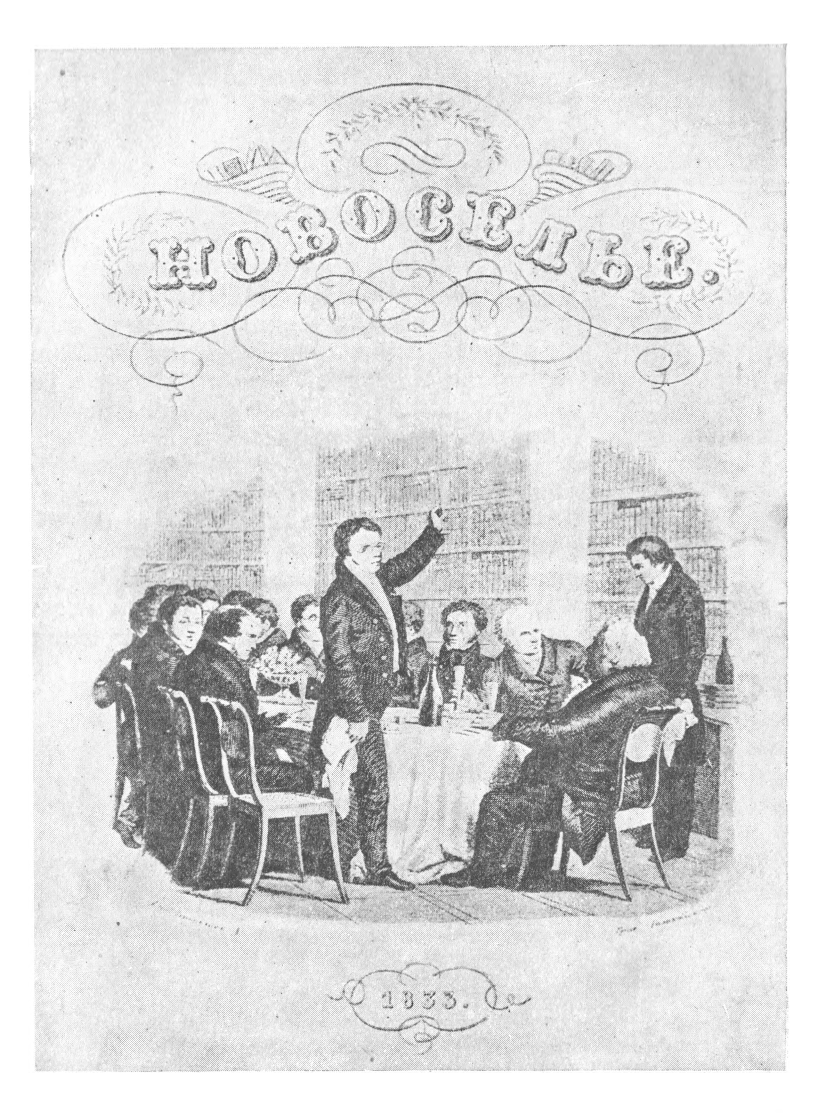
192. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений

> Сколь ни удален я моими привычками и правилами от полемики всякого роду, но еще не отрекся я совершенно от права самозащищения.
>
> *Southey.*

У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критики.—Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков. Если будем судиться перед публикою, вероятно, и она нас не поймет.—Это напоминает старинную эпиграмму:

[1] предприниматели

[2] Сии, с любовию изучив новое творение, изрекают ему суд, и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место, ему принадлежащее. [*Прим. Пушкина.*]

Титульный лист альманаха «Новоселье» (1883). Литературный обед у Смирдина (Булгарин, Шаховской, Вяземский, Греч, Пушкин, Хвостов, Крылов, Смирдин)

Глухой глухова звал к суду судьи глухова,
Глухой кричал: моя им сведена корова.
Помилуй, возопил глухой тому в ответ,
Сей пустошью владел еще покойный дед.
Судья решил: Почто итти вам брат на брата,
Не тот и не другой, а девка виновата.

Можно не удостоивать ответом своих критиков (как аристократически говорит сам о себе Издатель *Истории Русского Народа*), когда нападения суть чисто литературные и вредят разве одной продаже разбраненной книги. Но из уважения к себе не должно оставлять без внимания по лености или добродушию оскорбления личные и клеветы, ныне к несчастию слишком обыкновенные. Публика не заслуживает такого неуважения.

Если в течение 16-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило конечно не из презрения[1].

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналов наших достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику значит презирать публику (чего боже сохрани). Как наша словесность с гордостию может выставить перед Европою *Историю* Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12 года Ж[уковского], перевод *Илиады*, несколько цветов элегической поэзии—так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния.—Время их еще не приспело.

[1] Перед этим зачеркнуто: Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературою и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и вероятно искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным авторским себяотвержением. К несчастию замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что следственно сочинители оных могут быть довольны, удостоверясь, что труды их не потеряны.

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб и не доставало во мне веселости или педантства: не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику.

Я замечал, что самое глупое ругательство, неосновательное суждение, получает вес от волшебного влияния типографии [1]. Нам все еще печатный лист кажется святым. Мы все думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано!

Но, признаюсь, мне совестно было итти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Мне было совестно для опровержения критик повторять школьные или пошлые истины, толковать об азбуке и риторике, оправдываться там, где не было обвинений, а, что всего затруднительнее, важно говорить:

Et moi, je vous soutiens que mes vers sont très bons [2]

[Например, один из моих критиков, человек впрочем добрый и благонамеренный, разбирая, кажется, Полтаву, выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя дурно рекомендуют. Что бы мог я отвечать ему на это! А так поступали почти все его товарищи], ибо критики наши говорят обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно, а это дурно потому, что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще причина, и главная: леность. Никогда не мог я до того рассердиться на непонятливость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражения и доказательства. Нынче, в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать возражения не на критики (на это никак не могут решиться), но на обвинения нелитературные, которые нынче в большой моде. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

---

[1] Перед этим зачеркнуто: Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как мог на них досадовать; кажется, еслиб хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания. Однако ж я видел...

[2] А я утверждаю, что мои стихи очень хороши! [Мольер.]

Один из великих наших сограждан сказал однажды мне (он удостоивал меня своего внимания и часто оспоривал мои мнения), что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь. Все имеет свою злую сторону—и неуважение к чести и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тиснения. У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно о б и н я к и. Первым примером обязаны мы **, который в своем журнале напечатал уморительный Анекдот о двух Китайских журналистах, которых судия наказал бамбуковою палкою за плутни, унижающие честное звание литератора. Этот Китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого-нибудь, тотчас в листках его является известие из-за границы (и большею частию из-за Китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице какого-нибудь вымышленного или безыменного писателя. Большею частию сии Китайские анекдоты, если не делают чести изобретательности и остроумию сочинителя, по крайней мере достигают цели своей, по злости, с каковой они написаны. Не узнавать себя в пасквиле безыменном, но явно направленном, было бы малодушием. Тот, о котором напечатают, что человек такого-то звания, таких-то лет, таких-то примет—крадет, например, платки из карманов—все-таки должен отозваться и вступиться за себя, конечно не из уважения к газетчику, но из уважения к публике. Что за аристократическая гордость, дозволять всякому негодяю швырять в нас грязью. Английский лорд равно не отказывается и от поединка на кухенрейтерских пистолетах с учтивым джентельменом и от кулачного боя с пьяным конюхом. Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказывался от пистолетов, под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил. Отговорка забавная, но в таком случае, что прикажете делать с тем, который, по выражению Шатобриана, comme un homme de noble race, outrage et ne se bat pas[1]? Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в *Литературной Газете*, человек подлый и безнравственный, а что такой-то журналист, человек умный, с к р о м н ы й, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом

[1] Как человек благородного происхождения, оскорбляет и не дерется.

другому и проч. Фр[анцуз] отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить. On en rit, j'en ris encore moi-même [1].

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы.—На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты и тому под.—Будущий мой биограф, коли бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод,—суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (hommes publics), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу.

Мало-по-малу образуется и уважение к личности, чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов.

Таким образом дружина ученых и писателей, какого б <рода> они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности [ремесла].

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать—но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что, говорят, за ним важивалось) или, тихонько взяв рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось), склеил на скору руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смирный, поворчав

[1] Над этим смеются, я сам еще смеюсь.

немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, первый стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его бесстыдным образом. Трагик Фан-Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный пекинский суд и проч. и проч.

Сам съешь[1]. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. Сам съешь есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе,—и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то же самое пересказано немного похуже, с надписью: сам съешь.

Поэту вздумалось описать любопытное собрание букашек.—Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки.—Сам съешь.

Господа чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостию дворян-журналистов.—Осмелились спросить, кто сии феодальные Бароны, сии незнакомые Рыцари, гордо требующие Гербов и Грамот от смиренной братии нашей? Что же они в ответ? Помолчав немного, господа чиновные журналисты с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах. Ужасное Сам-съешь! К несчастию в *Литературной Газете* отыскали, кто были Аристократические литераторы, открывшие гонение на недворянство. А публика-то что?—А публика, как судия беспристрастный и благоразумный, всегда соглашается с тем, кто последний жалуется ей. Например, в сию минуту она, покамест, совершенно согласна с нашим

[1] Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь. (Замечание для будуарных или даже для паркетных дам, как журналисты называют дам, им незнакомых.) [*Прим. Пушкина.*]

мнением: т. е. что сам съешь вообще показывает или мало остроумия или большую надеянность на беспамятство читателей и что фиглярство и недобросовестность унижают почтенное звание литераторов, как сказано в Китайском Анекдоте № 1.

Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат[1]. Но что сказали бы мы, прочитав, например, следующий разбор Федры, если б к несчастию написал ее русский и в наше время. Извольте.

«Нет ничего отвратительнее предмета, избранного г. сочинителем. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа (!!!!). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей (!!!!). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковерность супруга своего, взносит на невинного Иполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить (!!!) Злой старичишка, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклинает своего собственного сына (!!)—после чего Иполита разбивают лошади(!!!).—Федра отравливается, ее гнусная наперсница утопляется, и точка. Вот что пишут, не краснея, писатели, которые, и проч. (тут личности и ругательства); вот до какого разврата дошла у нас литература—кровожадная, развратная ведьма с прыщиками на лице!»

Шлюсь на совесть самих критиков.—Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно, не равные достоинством произведениям Расина, но, верно, ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении.

Спрашиваем: должно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и по-латыни, а приятели называли этот [вздор] глубокомыслием.

Если б *Недоросль*, сей единственный памятник народной сатиры, если б *Недоросль*, которым некогда восхищались Екатерина и весь ее блестящий двор, явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей

[1] Зачеркнуто: Сравнивая Шекспира с Байроном, недавно один из наших критиков считал по пальцам, где более мертвых? В трагедии одного или в повести другого. Вот в чем полагал он существенную разницу между ими. Мнение наших критиков о нравственности и приличии, если разобрать его, удивительно забавно.

и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сукою (!!). «Что скажут дамы, воскликнул бы критик, ведь эта комедия может попасться дамам!»—В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают и не читают, а читают этого грубого Вальтер-Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием.

Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным,—разумеется, в журналах (в свете приняли его благосклонно), и никто из журналистов не захотел за него вступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину. Какой ужас! Как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Натальи Павловны сделали петербургские дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бедной сказке (писанной, будь сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом)—подняли против меня всю классическую древность и всю европейскую литературу. Верю стыдливости моих критиков; верю, что граф Нулин точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шутливых повестей: Ариост, Боккачио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон, известны им по одним лишь именам? Ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить Душеньку в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать Модную жену, сей прелестный образец легкого и шутливого рассказа? А эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина? Но, отстранив неравенство поэтического достоинства, *Граф Нулин* должен им уступить и в вольности, и в живости шуток.

Эти г. критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая, и все, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным! Как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Благоразумный наставник, вероятно, не даст в руки ни им, ни даже их братцам, ни единого из полных сочинений клас-

сического поэта, особенно древнего; на то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под.; но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик. Она, слава богу, может себе прочесть без опасения и сказку доброго Лафонтена, и эклогу доброго Виргилия, и все, что про себя читают сами г. критики, если критики наши что-нибудь читают, кроме корректурных листов своих журналов.

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины, и заслуживают забавное возражение горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleure vous monte:
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenterait pas.[1]

Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано общественное счастие или достоинство человеческое.—Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а Музу—в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостию и минутною игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие.

Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многое желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей.—По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче за чужие проказы. В Альманахе, изданном г-ном

[1] Однако, вы очень податливы на искушенье,
И тело сильно действует на ваши чувства!
Не понимаю, право, что за пылкость вас одолела.
Я совсем не так быстра на плотские желания,
И предстань вы мне голым с головы до пят,—
Вся ваша кожа меня бы не соблазнила.
[Мольер, «Тартюф», действие III, сцена 2]

Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана *Идиллия*, писанная слогом переписчика стихов г-на Панаева. Г-н Бестужев, в предисловии какого-то Альманаха, благодарит какого-то г-на Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания.

Сей г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, поправлять их по-своему и отсылать в Альманах г. Бестужева вместе с собственными произведениями стихи, преданные мною забвению или написанные не для печати (например, Она мила, скажу меж нами), или которые простительно мне было написать на 19-м году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, Послание к Юрьеву).

Отчего издателя *Литературной Газеты* и его сотрудников называют Аристократами (разумеется в ироническом смысле, пишут остроумно журналисты). В чем же состоит их аристократия? В том ли, что они дворяне?—Нет; все журналы побожились уже, что над званием никто не имел и намерения смеяться. Стало быть, в дворянской спеси? Нет; в *Литературной Газете* доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смешного чванства, и заставили чиновных литераторов уважать собрание мещан. Может быть в притязаниях на тон высшего общества? Нет; они стараются сохранить тон хорошего общества; проповедают сей тон и другим собратьям, но проповедают в пустыне. Не они поминутно находят одно выражение бурлацким, другое мужицким, третье неприличным для дамских ушей и т. п. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (niaiserie) NB не одно просторечие). Не они провозгласили себя опекунами высшего общества. Не они вечно пишут приторные статейки, где стараются подделаться под светский тон так же удачно, как горничные и камердинеры пересказывают разговоры своих господ. Не они comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas [1]. Не они находят 600-летнее дворянство мещанством; не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными—разбирают дворянские грамоты и провозглашают такого-то мещанином, такого-то аристократом. Не они толкуют вечно о будуарных читательни-

[1] Как человек благородного происхождения, оскорбляют и не дерутся.

цах, о паркетных (?) дамах. Отчего же они Аристократы (разумеется, в ироническом смысле)?

В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой, Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II), отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздвигнутый в Царском Селе гр. Орлову), генерал-аншеф и проч.—был куплен шкипером за бутылку рому [1].

Прадед мой, если был куплен, то вероятно дешево, но достался шкиперу, коего имя всякой русской произносит с уважением и не всуе.

Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее [2]. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю [Юсупову?]. В свете оно тотчас было замечено и... были мною недовольны. Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье. Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата,—а в статейке, заимствованной у Мерсье, заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы [3].

Род мой один из самых старинных дворянских [4]. Мы происходим от прусского выходца Радши или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию

[1] Голиков говорит, что он был прежде камердинером у государя, но что Петр, заметя в нем дарования и проч... Голиков ошибся. У Петра не было камердинеров, прислуживали ему деньщики, между прочим Орлов и Р[умянцев]—родоначальники исторических фамилий. [*Прим. Пушкина.*]

[2] Не дописано: Но не простительно было бы нам дозволять всякому [выходцу клеветать].

[3] Будем справедливы! г. Полевого нельзя упрекнуть в низком подобострастии перед знатными, напротив, мы готовы обвинить его в юношеской заносчивости, не уважающей ни лет, ни звания, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвых и отношения к живым. [*Прим. Пушкина.*]

[4] Перед этими строками в рукописи зачеркнуто: в одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать—дворянин во мещанстве.

во время княжения святого Александра Ярославича Невского (см. *Русский Летописец* и *Историю Российского Государства*). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие. Карамзин упоминает об одних Мусиных-Пушкиных (из учтивости [к] покойному графу Алексею Ивановичу). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф имянует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества. Г. Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи—столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин, во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, с д е л а л ч е с т н о с в о е д е л о. При избрании Романовых на [царство] 4 Пушкиных подписались под избирательною грамотою, а один из них, окольничий, под [соборным деянием] о уничтожении местничества (что мало делает ему чести). При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным. Прадед мой был женат на меньшей дочери адмирала графа Головина, первого в России андреевского кавалера и проч. Он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года остался верен Петру III, не хотел присягнуть Екатерине—и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странны судьба [и] союз сих имен!). См. Рюлиера и Кастера. Через 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением, он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях[1].

Если быть дворянином значит подражание английскому поэту, то сие подражание весьма невольное. Но что есть общего между привязанностию лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровитель-

[1] З а ч е р к н у т о: Ныне огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок, последние их родовые поместия скоро исчезнут, имя их останется честным, единственным достоянием темных потомков некогда знатного боярского рода.—Я русский дворянин, и знал своих предков прежде, чем узнал Байрона.

ства. Ибо ныне знать нашу большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах.

Но от кого бы я ни происходил—от разночинцев, вышедших во дворяне, или от одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел, и хоть нигде доныне я его не обнаруживал и никому до него дела нет, но отказываться от него я ничуть не намерен.

Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние даже разночинцам, вышедшим во дворяне, и досужим [журнальным] балагурам!

Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, падшего в такой-то битве, или в таком-то году возвратившегося из Палестины. Но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей Отечества. И это ставите вы ему в достоинство! Конечно, есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, написанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением.

Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные—но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами!

193. [Заметки, исключенные из Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений]

[1. О цене Евгения Онегина]

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою Евгения Онегина и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто от-

роду сочинений своих не продавал, или чьи сочинения не продавались, но как могли повторить то же милое обвинение издатели Северной Пчелы? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю экземпляр, все-таки продавали б по 5 рублей.—Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму, дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам писателям, очень известны.—Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной, или совершенную остановку в продаже.

Спрашиваю: что выгоднее—напечатать 20 000 экземпляров одной книги и продать по 50 копеек, или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaires[1]) не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дамы, и горничные, и дети.—Но стихотворение лирическое читает токмо любитель поэзии.—А много ли их?—

[2. Шутки наших критиков]

Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию. Вот истинный анекдот: в лицее один из младших наших товарищей и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему лицею:

Ха-ха-ха, хи-хи-хи,
Дельвиг пишет стихи.

Каково же было нам, Дельвигу и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного Вестника Европы найти следующую шутку. «Альманах Северные Цветы разделяется на прозу и стихи—Хи-хи!» Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке! Сего не довольно. Это

[1] самого национального и самого популярного

х и-х и показалось, видно, столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в *Северной Пчеле*:

«х и - х и, как весьма остроумно сказано было в *Вестнике Европы* etc.».

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение: «древняя муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния». Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто: в стихах Дельвига отзывается иногда уныние новейшей поэзии? Журналисты наши, о которых г. Киреевский отозвался довольно непочтительно,— обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки, и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику. Положим, все та же шутка каждый раз им и удается; но какая им от того прибыль? публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно пробивающимся мнениям здравой критики и беспристрастия.

194. [Наброски возражений критикам Графа Нулина]

[1] В *Вестнике Европы* с негодованием говорили о сравнении Н у л и н а с котом, цапцарапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда, во всем *Графе Нулине* этого сравнения не находится, так же, как и глагола цапцарапствую, но хоть бы и было, что за беда?

---

[2] Отчего происходит эта смешная стыдливость и жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи [1], пришедшей в гости к петербургской барыне?

Потому что нашим литераторам хочется доказать, что и они принадлежат высшему обществу (high life haute), что и им известны его законы; не лучше ли было бы им постараться по своему тону и своему поведению принадлежать просто к хорошему обществу (bonne société)...

[1] Н е з а ч е р к н у т ы й в а р и а н т: Просвирни в гостях у приезжей горожанки.

[3] Кажется, молодой критик имеет столь же неосновательное понятие о чистоплотности, как и о литературе.

---

[4] Но не смешно ли им судить о том, что принято или непринято в свете, что могут [и] чего не могут читать наши дамы, какое выражение принадлежит гостиной (или будуару, как говорят эти господа). Не забавно ли видеть их опекунами высшего общества, куда, вероятно, им и некогда и вовсе не нужно являться.—Не странно ли в ученых изданиях встречать важные рассуждения об отвратительной безнравственности такого-то выражения и ссылки на паркетных дам.—Не совестно ли вчуже видеть почтенных профессоров, краснеющих от светской шутки.—Почему им знать, что в мужчине жеманство и напыщенность нестерпимы, еще более выказывают мелкое общество, чем простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличает незнание света. Почему им знать, что откровенные оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха—между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку.—Хорошее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членов высшего общества вводила иногда наших журналистов в забавные промахи. Один из них думал, что невозможно говорить при дамах о блохах, и дал за то строгий выговор—кому же—одному из молодых блестящих царедворцев.—В одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы, где сказано, что молодой человек осмелился войти ночью к спящей красавице. И между тем как стыдливый рецензент разбирал ее как самую вольную сказку Боккачио иль Лафонтена—все петербургские дамы читали ее, и знали целые отрывки наизусть. Недавно исторический роман обратил на себя внимание всеобщее, и отвлек на несколько дней всех наших дам от fashionables tales[1] и исторических записок. Что же!—Газета дала заметить автору, что в его простонародных сценах находятся слова ужасные: сукин сын. Возможно ли—Что скажут дамы, если паче чаяния взор их упадет на это неслыханное выражение?—Что б они сказали Фон-Ви-

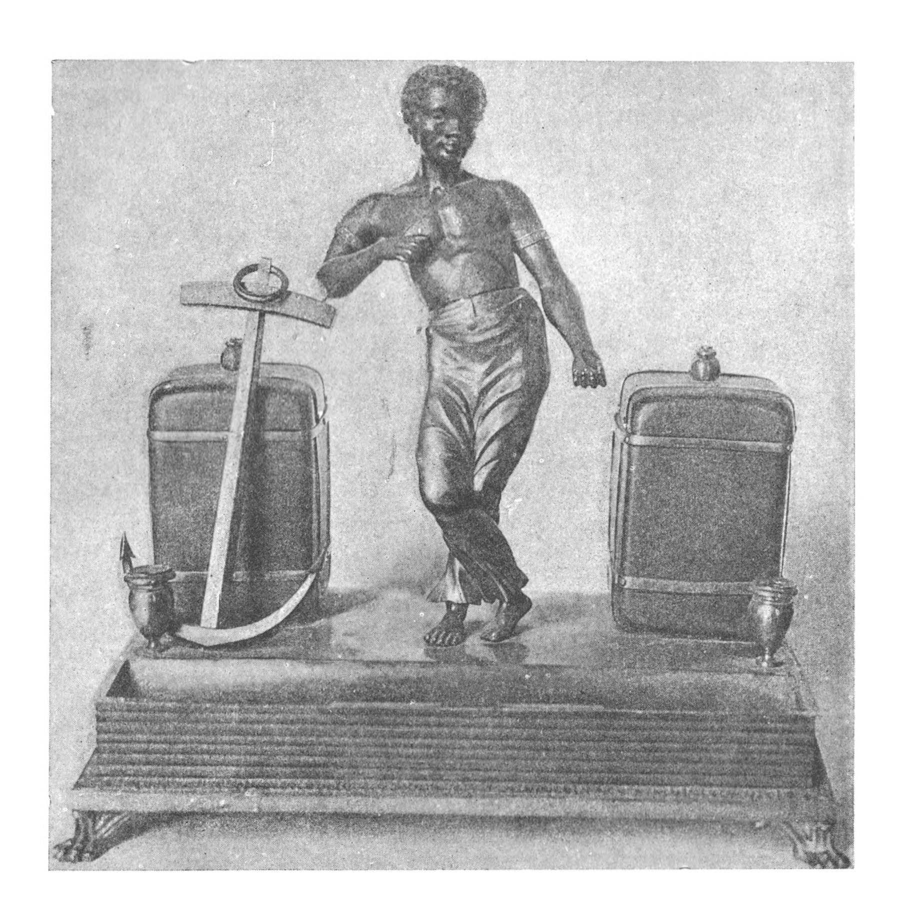
[1] модные повести

зину, который императрице Екатерине читал своего *Недоросля*, где на каждой странице эта невежливая Простакова бранит Еремеевну собачьей дочерью?—Что сказали б новейшие блюстители нравственности и о чтении *Душеньки*, и об успехе сего прелестного произведения?—Что думают они о шутливых одах Державина, о прелестных сказках Дмитриева?—*Модная жена* не столь же ли безнравственна, как и *Граф Нулин*.

195. [Об Альфреде Мюссе]

Между тем как сладкозвучный, но однообразный Ламартин готовил новые благочестивые размышления под заслуженным названием *Harmonies religieuses*[1], между тем как важный Victor Hugo издавал свои блестящие, хотя и натянутые Восточные стихотворения (*Les orientales*), между тем, как бедный скептик Делорм воскресал в виде исправляющегося неофита, и строгость нравов и приличий была объявлена в приказе по всей французской литературе, вдруг явился молодой поэт с книжечкой сказок и песен и произвел ужасный соблазн,—Musset взял, кажется, на себя обязанность воспевать одни смертные грехи, убийства и прелюбодеяние. Сладострастные картины, коими наполнены его стихотворения, превосходят, может быть, своею живостию самые обнаженные описания покойного Парни. О нравственности он и не думает, над нравоучением издевается и, к несчастию, чрезвычайно мило, с важным александрийским стихом чинится как нельзя менее, ломает его и коверкает так, что ужас и жалость. Воспевает луну такими стихами, какие осмелился бы написать разве только поэт блаженного XIV века, когда не существовали еще ни Буало, ни гг. Лагарп, Гофман и Кольне. Как же приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодование журналов и все ферулы, поднятые на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезного повесы так изумила, так понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдывать, объявила, что Испанские сказки ничего не доказывают, что можно описывать разбойников и убийц, даже не имея целию объяснить, сколь непохвально это ремесло—а быть, между тем, добрым и честным человеком; что живые картины наслаждений простительны 20-летнему поэту, что, вероятно, семейство его, читая его стихи, не станет разделять ужас газет и видеть в нем

[1] «Религиозные гармонии»

Чернильница Пушкина

(Институт Русской Литературы при Академии Наук СССР)

изверга, что, одним словом, поэзия—вымысел и ничего с прозаической истиной жизни общего не имеет. Слава богу! давно бы так, м[илостивые] г[осудари]. Не странно ли в XIX веке воскрешать чопорность и лицемерие, осмеянные некогда Молиером, и обходиться с публикою, как взрослые люди обходятся с детьми, не дозволять ей читать книги, которыми сами наслаждаетесь, и впопад и невпопад ко всякой всячине приклеивать нравоучение. Публике это смешно, и она своим опекунам уж верно спасибо не скажет.

Италиянские и испанские сказки отличаются, как уже мы сказали, живостию необыкновенной. Из них Porcia[1], кажется, имеет более всего достоинства: сцена ночного свидания; картина ревнивца, поседевшего вдруг; разговор двух любовников на море, всё это прелесть. Драматический очерк Les marrons du feu[2] обещает Франции романтического трагика.—А в повести Mardoche[3] Musset первый из французских поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка. Если будем понимать слова Горация, как понял их английский поэт, то мы согласимся с его мнением: трудно прилично выражать обыкновенные предметы.

NB в эпиграфе к Дон-Жуану:

Difficile est proprie communia dicere[4].

Communia значит не обыкновенные предметы, но общие всем (дело идет о предметах трагических, всем известных, общих, в противоположность предметам вымышленным. См. ad Pisones[5]). Предмет Дон-Жуана принадлежал исключительно Байрону.

196. [Драматическое искусство родилось на площади...]

Драматическое искусство родилось на площади—для народного увеселения. Что нравится народу, что поражает его? Какой язык ему понятен?

С площадей, ярманки (вольность мистерий) Расин переносит ее во двор. Какое было ее появление?

(Корнель, поэт испанский).

Сумароков, Озеров—(Катенин).

[1] «Порция»
[2] «Жареные каштаны»
[3] «Мардохай»
[4] «Трудно хорошо выразить общеизвестные вещи».
[5] «Послание к Пизонам» [«О поэтическом искусстве»].

Шекспир, Гете—влияние его на нынешний французский театр, на нас. Блаженное неведение критиков, осмеянное Вяземским; они на словах согласились, признали романтизм, а на деле не только его не держатся, но детски нападают на [него].

Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки.

Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. *Свобода*.

Между тем как эстетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностию и обширностию, мы всё остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшеда; мы всё еще повторяем, что *прекрасное* есть подражание изящной природе и что главное достоинство искусства есть *польза*. Почему же статуи раскрашенные нравятся нам менее чисто мраморных и медных? Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами? И какая польза в Тициановой Венере и в Аполлоне Бельведерском?

Правдоподобие всё еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что если докажут нам, что и самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие.

Читая поэму, роман, мы часто можем забыться и полагать, что описываемое происшествие не есть вымысел, но истина. В оде, в элегии можно думать, что поэт изображал свои настоящие чувствования, в настоящих обстоятельствах. Но <может ли сей обман существовать> в здании, разделенном на две части, из коих одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок времени и места, то и тут мы увидим, что величайшие драматические писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина полускиф Ипполит ее поднимает и говорит языком молодого благовоспитанного маркиза. А Корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. Римляне Корнеля суть если не испанские рыцари, то гасконские бароны. Со всем тем, Кальдерон,

Шекспир и Расин стоят на высоте недосягаемой—и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов. —

Какого же правдоподобия требовать должны мы от драматического писателя? Для разрешения сего вопроса рассмотрим сначала, что такое драма и какая ее цель.

Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия—драма представляет ему необыкновенное, истинное происшествие. Народ требует сильных ощущений—для него и казни—зрелище. Трагедия преимущественно выводила пред ним тяжкие злодеяния, страдания сверхъестественные, даже физические (например, Филоктет, Эдип, Лир). Но привычка притупляет ощущения—воображение привыкает к убийствам и казням, смотрит на них уже равнодушно, изображение же страстей и излияний души человеческой для него всегда ново, всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала заведывать страстями и душою человеческою.

Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством. Но смех скоро ослабевает, и на нем одном невозможно основать полного драматического действия. Древние трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладела ею исключительно и приняла форму драматическую, более как пародию. Таким образом родилась комедия—со временем столь усовершенствованная. Заметим, что высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров, и что <она> нередко близко подходит к трагедии.

Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах—вот чего требует наш ум от драматического писателя.

Драма оставила площадь и перенеслася в чертоги по требованию образованного, избранного общества. Поэты переселились ко двору. Между тем, драма остается верною первоначальному своему назначению—действовать на толпу, занимать ее любопытство. Но тут что привлекает внимание образованного, просвещенного зрителя, как не изображение великих государственных происшествий. Отселе история, перенесенная на театр,—и народы, и цари, выведенные перед нами драматическим поэтом. В чертогах драма изменилась, голос ее понизился. Она не имела уже нужды в криках. Она оставила маску преувеличения, необходимую на площади, но излишнюю в комнате. Она явилась проще, естественнее. Чувства более утончен-

ные уже не требовали сильного потрясения. Она перестала изображать отвратительные страдания, отвыкла от ужасов, мало-по-малу сделалась благопристойна и важна.

(Отселе важная разница). Творец трагедии народной был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностию в своей возвышенности— и публика признавала беспрекословно, чувствуя [свою] слабость. При дворе, наоборот, поэт чувствовал себя ниже своей публики. Зрители были образованнее его, по крайней мере, так думал и он, и они. Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию. Он боялся унизить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей— отселе робкая чопорность, смешная надутость, вошедшая в пословицу (un héros, un roi de comedie[1]) привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то подобострастием и придавать им странный, нечеловеческий образ изъяснения. У Расина (например) Нерон не скажет просто: je serai caché dans ce cabinet[2],—но: caché près de ces lieux je vous verrai, Madame[3]. Агамемнон будит своего наперсника, говорит ему с напыщенностию: Oui, c'est Agamemnon[4]...

Мы к этому привыкли, нам кажется, что так и быть должно.—Но надобно признаться, < у Шекспира этого незаметно >. И если [иногда] герой выражается в его трагедиях, как конюх, то нам это не странно, ибо мы чувствуем, что и знатные должны выражать простые понятия как простые люди.

Драма оставила язык общепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное.

Не имею целию и не смею определять выгоды и невыгоды той и другой трагедии—развивать существенные разницы систем Расина и Шекспира, Кальдерона и Гете. Спешу обозреть историю даматического искусства в России.

Драма никогда не была у нас потребностию народною. Мистерии Дмитрия Ростовского, трагедии царевны Софии Алексеевны были представляемы при царском дворе и в палатах ближних бояр—и были необыкновенным празднеством, а не постоянным увеселением. Первые труппы, появившиеся в России, не привлекли народа, не понимающего драматизма и не привыкшего к его условиям. <Попытки Волкова не имели успеха>

[1] герой, король комедии
[2] я спрячусь в этой комнате
[3] спрятанный вблизи этих мест, я буду вас видеть, сударыня.
[4] Да, это Агамемнон.

Явился Сумароков; несчастнейший из подражателей. Трагедии его, исполненные противусмыслия, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елисаветы, как новость, как подражание парижским увеселениям. Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие. <Театр оставался поприщем, чуждым нашим обычаям>. Озеров это чувствовал. Он попытался дать нам трагедию народную—и вообразил, что для сего довольно будет, если выберет предмет из народной истории, забыв, что поэт Франции брал все предметы для своих трагедий из римской, греческой и европейской истории и что самые народные трагедии Шекспира заимствованы им из итальянских новелей.

После *Дмитрия Донского*, после *Пожарского*, произведения незрелого таланта, мы все не имели трагедии. *Андромаха* Катенина (может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому) не разбудила однако ж ото сна сцену, опустелую после Семеновой.

Ермак идеализированный, лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем всё чуждо нашим нравам и духу, всё, даже самая очаровательная прелесть поэзии.

Комедия была счастливее. Мы имеем две драматические сатиры.

Отчего же нет у нас народной трагедии? Не худо было бы решить, может ли она и быть. Мы видели, что народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом уже была призвана в аристократическое общество. У нас было бы напротив. Мы захотели бы придворную, Сумароковскую трагедию низвести на площадь—но какие препятствия!

Трагедия наша, образованная по примеру трагедии Расина, может ли отвыкнуть от аристократических своих привычек (от своего разговора, размеренного, важного и благопристойного)? Как ей перейти к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади—как ей вдруг отстать от подобострастия, как ей обойтись без правил, к которым она привыкла, где, у кого выучиться наречию, понятному народу, какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца, где найдет она себе созвучие,—словом, где зрители, где публика?

Вместо публики встретит она тот же малый, ограниченный круг—и оскорбит надменные его привычки (dédaigneux[1]), вме-

[1] пренебрежительные

сто созвучия, отголоска и рукоплесканий услышит она мелочную, привязчивую критику. Перед нею восстанут непреодолимые преграды—для того, чтоб она могла расставить свои подмостки, надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий.— — — —

Перед нами, однакож, опыт народной трагедии...

197. [Разбор драмы М. П. Погодина Марфа Посадница]

Прежде, чем станем судить, поблагодарим неизвестного автора за добросовестность его труда, поруку истинного таланта. Он написал свою трагедию не по расчетам самолюбия, жаждущего минутного успеха, не в угождение общей массе читателей, не только не приуготовленных к романтической драме, но даже решительно ей неприятствующих[1]. Он написал свою трагедию вследствие сильного внутреннего убеждения, вполне предавшись назависимому вдохновению, уединясь в своем труде.—Без сего самоотвержения в нынешнем состоянии нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойного внимания.

Автор Марфы Посадницы имел целию развитие важного исторического происшествия: падения Новагорода, решившего вопрос о единодержавии России. Два великих лица представлены ему были историею. Первое—Иоанн, уже начертанный Карамзиным, во всем его грозном и хладном величии, второе—Новгород, коего черты надлежало угадать.

Драматический поэт—беспристрастный, как судьба,—должен был изобразить столь же искренно отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманный удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии,—но люди минувших дней, умы их, предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине. Исполнил ли сии первоначальные, необходимые условия автор Марфы Посадницы? Отвечаем: исполнил—и если не везде, то изменило ему не желание, не убеждение, не совесть, но природа человеческая, всегда несовершенная,—сколько глу-

[1] Не говорим уже о журналах, коих приговоры имеют влияние не только на публику, но даже на писателей, которые, хотя ими пренебрегают, но опасаются печатных насмешек и ругательства. [*Прим. Пушкина.*]

бокое, добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужили.

Иоанн наполняет трагедию. Мысль его приводит в движение всю махину, все страсти, все пружины—в первой сцене Новгород узнает о властолюбивых его притязаниях и о нечаянном походе. Негодование, ужас, разногласие, смятение, произведенное сим известием, дают уже понятие о его могуществе. Он еще не появлялся, но уж тут,—как Марфа, мы уже чувствуем его присутствие. Поэт переносит нас в московский стан, среди недовольных князей, среди бояр и воевод. И тут мысль об Иоанне господствует и правит всеми мыслями, всеми страстями. Здесь видим могущество его, владычество, укрощенную мятежность удельных князей, страх, наведенный на них Иоанном, слепую веру в его всемогущество. Князья свободно и ясно понимают его действия, предвидят и изъясняют высокие замыслы; послы новгородские ожидают его. Является Иоанн. Речь его послам не умаляет понятия, которое поэт успел внушить. Холодная, твердая решимость, обвинения сильные, притворное великодушие, хитрое изложение обид,—мы слышим точно Иоанна, мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его века,—Новгород отвечает ему в лице своих послов. Какая сцена! Какая верность историческая! Как угадана дипломатика русского вольного города! Иоанн не заботится о том, правы ли они или нет. Он предписывает свои последние условия. Между тем готовится к решительной битве. Но не одним оружием действует осторожный Иоанн. Измена помогает силе. Сцена между Иоанном и вымышленным Борецким [кажется нам] невыдержанною. Поэту не хотелось совсем унизить новгородского предателя—отселе заносчивость его речей и недраматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Иоанна. Скажут: он терпит, ибо ему нужен Борецкий—правда. Но пред его лицом не смел забыться бы Борецкий, и изменник не говорил бы уже вольным языком новгородца. Зато с какой полнотою, с каким спокойствием развивает Иоанн государственные свои мысли!—и заметим, откровенность—вот лучшая лесть властителя и единственно его достойная. Последняя речь Иоанна (Российские бояре, вожди, князья и проч.) кажется нам не в духе властвования Иоанна. Ему не нужно воспламенять их усердия, он не станет им изъяснять причины своих действий. Довольно, если он скажет им—завтра битва, будьте готовы.

Мы расстаемся с Иоанном, узнав его намерения, его мысли, его могущую волю—и уже видим его опять, когда молча въезжает он победителем в преданный ему Новгород. Его распоря-

жения, переданные нам историею, сохранены и в трагедии без добавлений затейливых, без объяснений. Марфа предрекает ему семейственные несчастия и погибель его рода. Он отвечает.

Что господу угодно—да свершится!
Спокоен я, исполнив подвиг свой.

Таково изображение Иоанна, изображение, согласное с историей, почти везде выдержанное—в нем трагик не ниже своего предмета. Он его понимает ясно, верно, знает коротко—и представляет нам без театральных преувеличений, без надутости, чопорности, без противусмыслия, без шарлатанства.

198. [Заметки о ранних поэмах]

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в Вестнике Европы, в которой побранили весьма неосновательно, и весьма дельных вопросов, изобличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

О страшный вид! волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой.

за вступление, не помню которой песни:

Напрасно вы в тени таились etc.

и за пародию Двенадцати спящих дев. За последнее можно было меня пожурить порядком, как за недостаток эстетического чувства. Непростительно было, особенно в мои лета, пародировать в угождение черни девственное, поэтическое создание. Были прочие упреки, довольно пустые. Есть ли в *Руслане* хоть одно место, которое в вольности шуток могло быть сравнено с шалостями, хоть например Ариоста, о котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень смягченное подражание Ариосту (Orlando. Canto V и VIII [1]).

---

[1] [Неистовый] Орландо. Песнь V и VIII.

К а в к а з с к и й П л е н н и к—первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним смеялись.

Б а х ч и с а р а й с к и й Ф о н т а н слабее П л е н н и к а и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Раевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю—и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Всё это смешно, как мелодрама.

Не помню, кто заметил мне, что невероятно, чтобы скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Все это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле.

О Ц ы г а н а х одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек и то медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазеющей публики.—Вяземский повторил то же замечание. Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее. Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не Цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio[1].

[1] но тем лучше.

199. [Заметка о Полтаве]

Habent sua fata libelli[1].

Полтава не имела успеха.

Вероятно она и не стоила его; но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведениям; к тому ж, это сочинение совсем оргинальное, а мы из того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи—и вот каким образом.

Они, во-первых, объявили мне, что отроду никто не видывал, чтоб женщина влюбилась в старика, и что следственно любовь Марии к старому гетману (NB исторически доказанная) не могла существовать.

«Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю».

Я не мог довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Пигмалиона и признайтесь, что все эти вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?.. А Мирра, внушившая италианскому поэту одну из лучших его трагедий?..

Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовию: велика честь для дочери генерального судьи быть наложницею гетмана!—Далее говорили мне, что мой Мазепа з л о й и г л у п ы й с т а р и к а ш к а. Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной. Глупость же человека сказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в мой поэме точь в точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер.—Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дергание усов мстить не захочет. Опять история, опровергенная литературной критикой,—опять х о т ь з н а ю, д а н е в е р ю! Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае.

[1] Книги имеют свою судьбу.

В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы все равно было, что схватить россиянина за бороду, Хмельницкий за все обиды, претерпенные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летопись Конисского).

Старый гетман, предвидя неудачу, наедине с наперсником, бранит в моей поэме молодого Карла и называет его, помнится, мальчишкой и сумасбродом; критики важно укоряли м е н я в неосновательном мнении о шведском короле. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к кому не был привязан: критики ссылались на с о б с т в е н н ы е   с л о в а гетмана, уверяющего Марию, что он любит ее б о л ь ш е   с л а в ы,   б о л ь ш е   в л а с т и. Как отвечать на таковые критики?

Слова, у с ы, в и з ж а т ь, в с т а в а й, М а з е п а, о г о, п о р а—показались критикам н и з к и м и, бурлацкими выражениями. Как быть!

В *Вестнике Европы* заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что вероятно не назвал я ее *Мазепой*, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо,—но была тут и другая причина: эпиграф. Так и *Бахчисарайский Фонтан* в рукописи назван был Х а р е м о м, но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Кстати о *Полтаве* критики упомянули однакож о Байроновом *Мазепе*, но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой истории Карла XII. Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая, и зато посмотрите, что он из нее сделал. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного лица, которое появляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих критиков) как нарочно в Мазепе именно и нет. Байрон и не думал о нем: он выставил ряд картин одна другой разительнее—вот и всё. Но какое пламенное создание! Какая широкая, быстрая кисть!

Если ж бы ему под перо попалась история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета.

200. [Заметки о Борисе Годунове]

[*Перевод с французского*]

[1.] Я выступаю перед публикой, изменив свою раннюю манеру. Не имея более надобности заботиться о прославлении неизвестного имени и первой своей молодости, я уже не смею надеяться на снисхождение, с которым был принят доселе. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я из ряда ее любимцев, принося ей глубокую мою благодарность за все то расположение, с которым принимала она слабые мои опыты в продолжение десяти лет моей жизни.

[*Перевод с французского*]

[2.] Когда я писал эту трагедию, я был один, в деревне, не видел никого, не читал ничего кроме газет и т. д.—тем охотнее, что я всегда считал, что только романтизм подходит для нашей сцены; я убедился, что заблуждался. [Поэтому с] мне [поэтому] крайне не хотелось предлагать мою трагедию публике—я хотел, по крайней мере, предпослать ей предисловие и дать к ней примечания.—Но я нахожу все это совершенно излишним.

[3.] Дух века требует важных перемен и на сцене драматической. Может быть, и они обманут надежды преобразователей. Поэт, живущий на высотах создания, яснее видит, может быть, и недостатки справедливых требований и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом Lope de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку; но гений, какое направление не изберет, останется гений—суд потомства отделит золото, ему принадлежащее, от примеси.

[4.] Вероятно трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я не имею главной привлекательности—молодости и новизны литературного имени. К тому же, главные сцены уже напечатаны или искажены в подражаниях. Раскрыв наудачу исторический романа г. Булгарина, нашел я, что у него о появлении Самозванца приходит объявлять царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине

с Басмановым об уничтожении местничества, у г. Булгарина также. Все это—драматический вымысел, а не историческое сказание. Один у другого... Но это еще не беда, Les beaux ésprits se rencontrent[1].

201. [Заметки об Евгении Онегине]

[1.] Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко, и в обстоятельствах неблагоприятных. По привычке полагали меня всё еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатании четвертой и пятой песни *Евгения Онегина.*

Разбор сих глав, напечатанный в *Атенее*, удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностью привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика; можно ли сказать стакан шипит, вместо вино шипит в стакане? Камин дымит, вместо пар идет из камина? Не слишком ли смело ревнивое подозрение? неверный лед? Как думаете? Что бы такое значило:

Мальчишки
Коньками звучно режут лед?

Критик догадывается, однакож, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед.

Критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть...

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы не—винительный, а не родительный падеж; времян вместо времен, как например, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира времян...

[1] Мысли умных людей встречаются.

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражал его стих:

Людскую молвь и конский топ.

«Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?» Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в *Вестнике Европы*. Молвь (речь) слово коренное русское. Топ вместо топот, столь же употребительно, как и шип, вместо шипение [1] и хлоп вместо хлопание (следственно вовсе не противно духу русского языка)...

На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки:

«И вышел он за ворота градские, и услышал конский топ и людскую молвь» (Бова Королевич).

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

Стих: Два века ссорить не хочу критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательною частицею, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я не пишу стихов. Но в моем стихе глагол ссорить управляем не частицею не, а глаголом хочу. Ergo [2], правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я не могу вам позволить начать писать... стихи, а уж, конечно, не стихов. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

Кстати о грамматике. Я пишу цыганы, а не цыгане, татаре, а не татары. Почему? Потому что все имена существительные, кончающиеся на анин, янин, арин, ярин, имеют свой родительный во множественном на ан, ян, ар, яр, а именительный множественного на ане, яне, аре и яре. Все же существительные, кончающиеся на ан и ян, ар и яр, имеют во множественном именительный на аны, яны, ары и яры, а родительный на анов, янов, аров и яров.

Единственное исключение: имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре.

[1] Он шип пустил по змеиному.—Древние Русские Стихотворения. [*Прим. Пушкина.*]

[2] Итак

У нас многие (между прочими и г. Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: решаю, решаешь, решает, решаем, решаете, решают. Вместо решу, решишь и проч. Решу спрягается как грешу.

Иностранные собственные имена, кончающиеся на *е*, *и*, *о*, *у*, не склоняются. Кончающиеся на *а*, ъ и ь склоняются в мужском роде, а в женском нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гетем, и проч.

Как надобно писать—турков или турок? то и другое правильно. Турок и турка равно употребительны.

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо)[1]. Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место.—Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет Г**.

Многие пишут юпка, сватьба, вместо юбка, свадьба. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим юбочница, свадебный.

Двенадцать, а не двѣнадцать. Две сокращено из двое, как три из трое.

Пишут: тѣлега, телѣга Не правильнее ли: телега (от слова телец—телеги запряжены волами)?

Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований.

[1] 1. Остановлял взор на отдаленные громады.—2. На теме гор (темени).—3. Воил вместо выл.—4. Был отказан вместо ему отказали.—5. Игумену вместо игумну [*Прим. Пушкина.*]

Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы *щ* и *ч* пред другими согласными в нем изменены. Мы даже говорим ж е н ш и н ы, н о с л е г (см. Богдановича).

[Шпионы подобны букве ѣ. Нужны они в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтиться, а они привыкли всюду соваться].

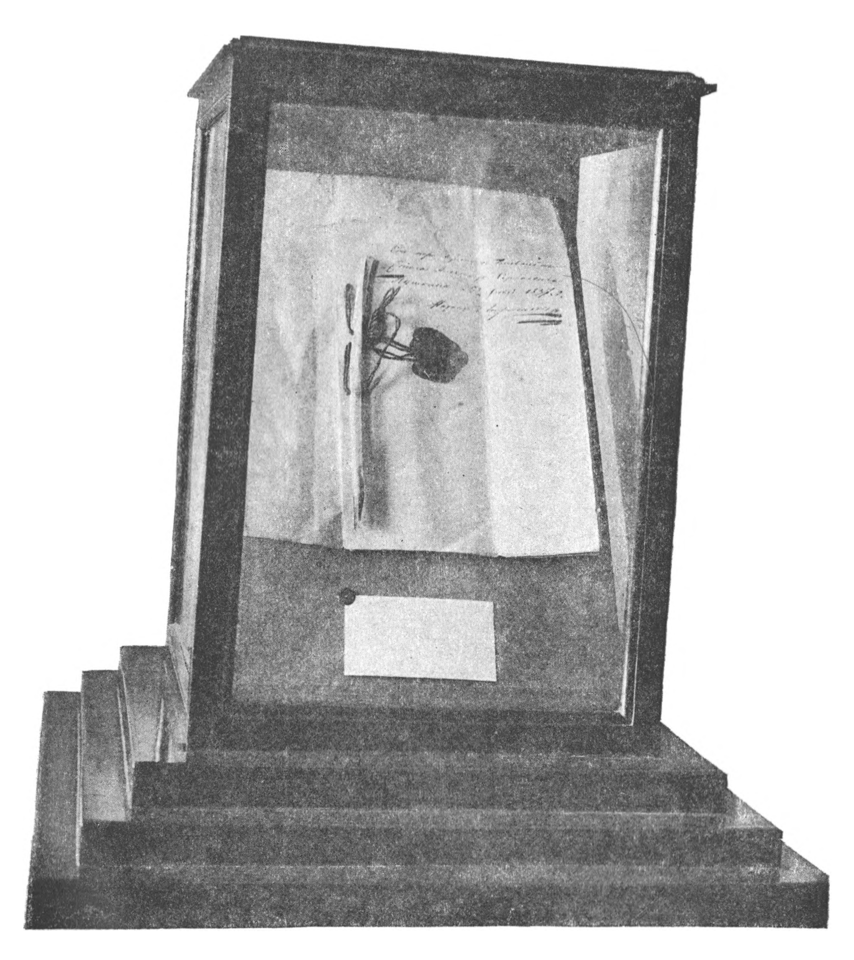
[2.] Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в *Евгении Онегине*, которые я не мог или не хотел напечатать,—этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучше бы было заменять эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненные.

Но виноват, на это я слишком ленив. Смиренно сознаюсь также, что в *Дон-Жуане* есть 2 выпущенные строфы.

Г. Федоров, в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4-ю и 5-ю главу *Онегина*, заметил, однакож, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею уж, что и назвал он ужами, а что в риторике зовется е д и н о н а ч а т и е м. Осудил он также слово к о р о в а и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных, назвал д е в ч о н к а м и (что, конечно, неучтиво), между тем, как простую деревенскую девку назвал девою:

В избушке распевая, дева прядет.

[3.] Шестой песни *Онегина* не разбирали, даже не заметили в *Вестнике Европы* латинской опечатки. Кстати: с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык.—Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другой, а никто нынче по латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский

Перо Пушкина

(Институт Русской Литературы при Академии Наук СССР)

язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

[4.] Критику 7-й песни в *Северной Пчеле* пробежал я в гостях и в такую минуту, когда мне было не до *Онегина*... Я заметил только очень хорошо написанные стихи, и довольно смешную шутку о б ж у к е. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания, или мысли критической не было. Других критиков я не читал, ибо, право, мне было не до них.

NB. Эту критику *Северной Пчелы* напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из *Ивана Выжигина* (весь отрывок этот был напечатан в *Северной Пчеле* года два прежде появления *Выжигина*), ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия *Борис Годунов* взята из его романа.

202. [Проект предисловия к VIII и IX главам Евгения Онегина]

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

При появлении VII песни *Онегина* журналы вообще отозвались об ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали шесть частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, например, следующий отзыв:

«...Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII *Евгения Онегина*? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и

не прежде уверились, что это глава VII есть произведение сочинителя *Руслана и Людмилы*, пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Это глава VII—два маленькие печатные листика—испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже *Евгений Вельский* кажется чем-то похожим на дело[1]. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complète!.. Читатели наши спросят, каково же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи *Онегина* увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани,
И повезут из милых мест
В Москву на ярманку невест!
Мать плачется, скучает дочка.
Конец седьмой главе и точка.[2]

Точно так, любезный читатель, все содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни»! и т. д.

В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеху, ибо наш век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). Век может итти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться,—но поэзия остается на одном месте. Цель ее одна, средства те же. И между тем, как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заменяются другими—произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато уж верно дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед.

Вероятно, критик хотел сказать, что *Евгений Онегин* и весь его причет уже не новость для публики и что он надоел и ей, как журналистам.

[1] Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят Евгения Онегина ниже Евгения Вельского. [*Прим. Пушкина.*]

[2] Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает. [*Прим. Пушкина.*]

Как бы то ни было, решаюсь еще искусить ее терпение. Вот еще две главы *Евгения Онегина*—последние, по крайней мере, для печати... Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрою, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутливую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти, также удерживала меня. Но *Чайльд-Гарольд* стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла у меня родиться.

Письма

203. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

[Начало января 1830 г. Петербург]

...Стихи христианина, русского епископа, в ответ на скептические куплеты! Да ведь это в самом деле находка...

204. Н. И. Гнедичу

[6 января 1830 г. Петербург]

Я радуюсь, я счастлив, что несколько строк, робко набросанных мною в Газете, могли тронуть вас до такой степени.— Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному разбору *Илиады* вашей. Он не нужен для вашей славы, но был бы нужен для России...

205. А. Х. Бенкендорфу [*Перевод с французского*]

7 января 1830 г. [Петербург]

...В мое отсутствие г. Жуковский хотел напечатать мою трагедию, но не получил на то формального разрешения... Мне было бы грустно отказаться от обнародования сочинения, которое я долго обдумывал и которым наиболее доволен...

206. М. Н. Загоскину

11 января 1830 г. Петербург.

Прерываю увлекательное чтение вашего романа, чтоб сердечно поблагодарить вас за присылку *Юрия Милославского*, лестный знак вашего ко мне благорасположения. Поздравляю

вас с успехом полным и заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи. Все читают его. Жуковский провел за ним целую ночь. Дамы от него в восхищении. В Литературной Газете будет о нем статья Погорельского. Если в ней не все будет высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай бог вам многие лета—т. е. дай бог нам многие романы...

207. Кн. П. А. Вяземскому

[Конец января—начало февраля 1830 г. Петербург]

Высылай ко мне скорее Дельвига, если ты сам не едешь.— Скучно издавать газету одному с помощию Ореста, несносного друга и товарища. Все Оресты и Пилады на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу—подавай ее поболее. Ты бранишь *Милославского*, я его похвалил. Где гроза, тут и милость.— Конечно, в нем многого недостает, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во сне не приснится. Как ты находишь Полевого? Чтенье его *Истории* заменило Жуковскому чтение Муравьева статс-секретаря. Но критика Погодина ни на что не похожа.—Как бы Каченовского взбесить? стравим их с Полевым...

...Я напечатал твое К Ним противу воли Жуковского. Конечно, я бы не допустил к печати ничего слишком горького, слишком озлобленного.—Но элегическую [.....—....], позволено сказать, когда невтерпеж приходится благородному человеку...

208. Кн. П. А. Вяземскому

[Вторая половина марта 1830 г. Москва]

Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручной подписью видел я у Ив. Ив. Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, надорванный, вероятно, в присутствии и, вероятно, сохраненный Миллером, как документ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай из этого статью и тисни в Литературной Газете... Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно— но распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы, а дубины в 800 верст длины в России нет, кроме гр. Панина...

209. А. Х. Бенкендорфу [*Перевод с французского*]

24 марта [1830 г. Москва]

...Г-н Булгарин, который, по его словам, пользуется у нас влиянием, сделался одним из наиболее жестоких моих врагов,— из-за критической статьи, которую он приписал мне. После гнусной статьи, которую он напечатал обо мне, я считаю его способным на все. Я считаю невозможным не предупредить вас о моих отношениях к этому человеку, так как он в состоянии причинить мне чрезмерное зло...

210. А. Х. Бенкендорфу [*Перевод с французского*]

[16 апреля 1830 г. Москва]

...В 1826 году я привез в Москву трагедию *Годунов*, написанную во время моей ссылки. Она была послана вам в том виде, в каком вы ее видели, лишь для моего оправдания. Император, удостоив ее прочтения, сделал мне несколько замечаний о местах, чересчур свободных, и я должен сознаться, что его величество был как нельзя более прав. Внимание его обратили на себя также еще два-три места, так как в них можно было усмотреть намеки на обстоятельства, в то время еще слишком недавние. Перечитывая их теперь, я сомневаюсь, чтобы их можно было истолковать в этом смысле. Все смуты похожи одна на другую, а драматический писатель не может нести ответственность за слова, какие он влагает в уста личностей исторических. Он должен заставить их говорить в соответствии с известным их характером. Следовательно, надлежит обращать внимание только на дух, в каком задумано все сочинение, на то впечатление, какое оно должно произвести. Моя трагедия есть произведение добросовестное, и я не могу, по совести, исключить из нее то, что мне представляется существенным...

211. С. П. Шевыреву

[29 апреля 1830 г. Москва]

...мы, жители прозаической Москвы, осмеливаемся писать к Вам в поэтический Рим, надеясь на дружбу вашу.— Возвращайтесь обогащенные воспоминаниями, новым знанием, вдохновениями, возвратитесь и оживите нашу дремлющую северную литературу.

212. Кн. В. Ф. Вяземской [*Перевод с французского*]

[Конец апреля 1830 г. Москва]

Вы правы, найдя, что О с е л восхитителен. Это—одно из замечательнейших произведений настоящего времени. Его приписывают В. Гюго. Я нахожу в нем более таланта, чем в «*Последнем дне*», в котором его много.—Что касается фразы, которая вас смутила, то скажу вам прежде всего, что не нужно принимать всерьез все то, что говорит автор. Все превозносили первую любовь,—он счел более занятным говорить о второй. Может быть, он и прав. Первая любовь—всегда дело чувства: чем она глупее, тем больше сладостных воспоминаний она по себе оставляет. Вторая, если угодно,—дело чувственности. Параллель можно было бы провести еще гораздо дальше, но у меня на это совершенно нет времени...

213. Кн. П. А. Вяземскому

2 мая [1830 г. Москва]

...Дельвиг в самом деле ленив, однакож его Газета хороша, ты много оживил ее.—Поддерживай ее, покамест нет у нас другой.—Стыдно будет уступить поле Булгарину.—Дело в том, что чисто-литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или моду, или политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто кроме *Северной Пчелы* ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение, и что Камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? Справься-ка с молодыми министрами да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий. Да и неприлично правительству заключать союз—с кем? С Булгариным и Гречем. Пожалуйста, поговори об этом, но втайне: если Булгарин будет это подозревать, то он, по своему обыкновению, пустится в доносы и клевету, и с ним не справишься. Отчего не напечатано мое посвящение тебе в третьем издании *Фонтана*? Неужто мой Цензор не пропустил? Это для меня очень досадно.

214. П. А. Плетневу

[Начало мая 1830 г. Москва]

...Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Ал. Пушкину,

являясь перед Россией с *Борисом Годуновым*, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется, неприлично. Как ты думаешь? Реши.

Скажи: имел ли влияние на расход *Онегина* отзыв *Северной Пчелы*? Это для меня любопытно. Знаешь-ли что? У меня есть презабавные материалы для романа: *Фаддей Выжигин*. Теперь некогда, а со временем можно будет написать это. Какое действие произвела вообще и в частности статья о Видоке? пожалуйста, отпиши...

215. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

[Между 19 и 24 мая 1830 г. Москва]

Прежде всего позвольте поблагодарить вас за «*Эрнани*». Это одно из современных произведений, которое прочел я с наибольшим удовольствием. Гюго и Сент-Бёв бесспорно единственные французские поэты нашего времени. Особенно Сент-Бёв, и потому, если возможно достать в Петербурге его «*Утешения*», сделайте доброе дело и, ради бога, пришлите их мне...

216. П. А. Плетневу

9 сентября 1830 г. Болдино.

...Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи; очнувшись, он узнал меня, погоревал; потом, помолчав: как скучны статьи Катенина!—и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, le cri de guerre à la bouche!..[1]

217. П. А. Плетневу

[Конец октября 1830 г. Болдино]

...Журналов ваших я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюся непременно на подмогу, зимой, коли здесь не околею.—Покамест он уже может заказать виньетку на дереве—изображающую меня голенького, в

[1] с боевым криком на устах

виде Атланта, на плечах поддерживающего *Литературную Газету*. Что моя трагедия? отстойте ее, храбрые друзья! Не дайте ее на съедение псам журнальным. Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца.—Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе:

Драгоценной для Россиян
Памяти
Николая Михайловича
Карамзина

сей труд Гением его вдохновенный,
с благоговением и благодарностию посвящает

А. Пушкин.

218. А. А. Дельвигу

4 ноября [1830 г. Болдино]

Посылаю тебе, Барон, Вассальскую мою подать, именуемую Цветочною, по той причине, что платится она в ноябре в самую пору цветов. Доношу тебе, моему Владельцу, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный Вассал не околеет от сарацинского падежа, Холерой именуемого, и занесенного нам крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то в замке твоем, *Литературной Газете*, песни трубадуров не умолкнут круглый год.

Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело—и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина...

219. Кн. П. А. Вяземскому

5 ноября [1830 г. Болдино]

...Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться и отделал бы их на их же манер.—В полемике, мы скажем с тобою, и нашего тут капля меду есть. Радуюсь, что ты принялся за Ф.-Визина. Что ты ни скажешь о нем, или кстати о нем, все будет хорошо, потому что будет сказано. Об истине (т. е. о точности применения

истины) нечего тебе заботиться: пуля виноватого сыщет. Все твои литературные обозрения полны этих пуль-дур. Собери-ка свои статьи критические, посмотри, что за перестрелка подымется...

220. М. П. Погодину

[Конец ноября 1830 г. Болдино]

...нашел я ваши письма и *Марфу*—и прочел ее два раза духом. Ура!—я было, признаюсь, боялся, чтоб первое впечатление не ослабело потом; но нет—я все-таки при том же мнении: *Марфа* имеет европейское высокое достоинство.—Я разберу ее как можно пространнее—это будет для меня изучение и наслаждение.—Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности—и с языком поступаете, как Иоанн с Новымгородом. Ошибок грамматических, противных духу его—усечений, сокращений—тьма. Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более (разумеется, сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность.—Скоро-ли выйдет ваша *Марфа?* Не посылаю вам замечаний (частных), потому что некогда вам будет переменять то, что требует перемены. До другого издания.—Покамест скажу вам, что антидраматическим показалось мне только одно место: разговор Борецкого с Иоанном. Иоанн не сохраняет своего величия (не в образе речи, но в отношении к предателю). Борецкий (хоть и новгородец) с ним слишком за панибрата; так торговаться мог бы он разве с боярином Иоанна, а не с ним самим. Сердце ваше не лежит к Иоанну. Развив драматически (то-есть умно, живо, глубоко) его политику, вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего—вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогом несколько надутым. Вот главная критика моя. Остальное... остальное надобно будет хвалить при звоне Ивана Великого, что и выполнит со всеусердием ваш покорнейший пономарь.

А. П.

О слоге упомяну я вкратце, предоставя его журналам, которые вероятно подымут его на царя (и поделом), а вы их послушайтесь. Для вас же пришлю я подробную критику надстрочную.

Что за прелесть сцена послов! Как вы поняли русскую дипломатику! А вече? а Посадник? а кн. Шуйский? а князья удельные? Я вам говорю, что это всё достоинства—Ш е к с п и р о в с к о г о.

221. П. А. Плетневу

9 декабря [1830 г. Болдино]

Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы *Онегина*, 8-ую и 9-ую, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим anonyme[1]. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: Скупой рыцарь, Моцарт и Сальери, Пир во время чумы, Дон-Жуан. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все: (весьма секретное)[2].

Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется—и которые напечатаем также anonyme. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает. И так русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль—но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфектный билетец этого несносного Лавинья.—Но все же Дельвиг должен оправдаться перед государем. Он может доказать, что никогда в его Газете не было и тени не только мятежности, но и недоброжелательства к правительству.—Поговори с ним об этом, а то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона...

222. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

9 декабря [1830 г.] Москва.

Возвратившись в Москву, я нашел у княгини Долгоруковой пакет от Вас. Это были французские газеты и трагедия Дюма—все это было новостью для меня, несчастного, зачумленного нижегородца...

...Любовь к отечеству в душе поляка всегда была мрачна,—посмотрите их поэта Мицкевича...

223. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

11 декабря [1830 г. Москва]

...признаюсь вам, меня очень удивило запрещение *Литературной Газеты*. Конечно, издатель напрасно поместил конфектный билетец К. де Ла-Виня. Но эта газета так безобидна, так скучна в своей важности, что ее читают только литераторы, и она совершенно чужда каких-либо политических намеков...

[1] анонимно
[2] Для тебя единого. [*Прим. Пушкина.*]

DUBIA

224. [Когда Макферсон издал Стихотворения Оссиана...]

Когда Макферсон издал Стихотворения Оссиана (перевод, подражание или собственное сочинение,—этот вопрос, кажется, доселе еще не решен), тогда все с восхищением читали их и перечитывали. «Никто еще не был опечален мыслью (говорит Виллльмен), что, удивляясь сим поэтическим песням, он удивлялся современнику. Все чувствовали удовольствие без примеси, то-есть читали превосходные поэмы и не обязаны были за них благодарностью никому из живых людей». Потом начали догадываться, допытываться и дознались (в правду или нет), что поэмы Оссиановы были поддельные, новейшие произведения, словом, что их создал сам Макферсон.

Известный критик Доктор Джонсон, человек отменно грубый, сильно напал на Макферсона и называл его обманщиком и злоумышленным делателем подлогов. Закипела жаркая война на перьях. И вот образчик тогдашней полемики: ответ Д. Джонсона на письмо Макферсона, который гордо изъявлял свою досаду на обидное неверие английского критика.

Г. Джемс Макферсон!

«Я получил ваше глупое и бесстыдное письмо. Я всеми мерами буду стараться отражать всякое насильственное против меня покушение; а чего не могу сделать сам, то сделают за меня законы. Надеюсь, что угрозы какого-нибудь негодяя никогда не отклонят меня от стремления изобличать обман.

Какого себе оправдания требуете вы от меня? Я считал вашу книгу подложною, и теперь ее считаю таковою ж. В подтверждение сего мнения я представил публике причины, которые вызываю вас опровергнуть. Я презираю ваше бешенство. Ваши дарования, по изданию в свет вашего Гомера, кажется, не слишком опасны; а слышанное мною о вашем характере заставляет меня обращать внимание не на то, что вы скажете, а на то, что вы докажете. Это письмо вы можете напечатать, если хотите».

В пояснение некоторых слов сего письма должно сказать, что Макферсон, обольщенный успехом своего Оссиана, перевел Гомерову *Илиаду* Оссиановским слогом и весьма неудачно.

Предлагаем это письмо, как поучительный пример для наших журнальных критиков. И почему нашим Адиссонам не быть и нашими Джонсонами?

225. [Англия есть отечество карикатуры]

Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтер-Скотту показывали однажды стихи, будто бы им сочиненные. «Стихи, кажется, мои, отвечал он, смеясь,— я так много и так давно пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!» Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог узнать себя в пародиях, напечатанных недавно в одном из московских журналов. Сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами, а наш едва ли и одним. Впрочем, и у нас есть очень удачный опыт: г-н Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри.

226. [Требует ли публика извещения...]

Требует ли публика извещения, что такой-то журналист не хочет больше снимать шляпы перед таким-то поэтом или прозаиком? Конечно, нет; но журналист об этом публикует, чтоб его товарищ, получающий по приязни даром листки его (к которому бы не мешало ему лучше зайти мимоходом, да словесно объявить о том), узнал эту важную для них новость. Впрочем, такие извещения излагаются иногда с некоторою дипломатическою важностию. В одном московском журнале вот как отзываются о книге, в которой собраны статьи разных писателей: «Она не блестит именами знаменитого созвездия русских поэтов и прозаиков. Жалеть ли об этом? По крайней мере, мы не пожалеем». Эти господа мы друг друга, верно, понимают; но доверчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здесь нечего. Как можно не пожалеть, что в книге нет ни одной статьи, написанной человеком с отличным талантом? Наконец, всего смешнее, что и сам критик, сначала обещавший не жалеть об этом, признается после, что в этой книге, которой ему не хотелось было осуждать, нет ни одной статьи путной: в 1-й статье нет общности; во 2-й автор не умеет рассказывать; 3-ю читать скучно; 4-я-старая песня; в 5-й надоедают офицеры с своим питьем, едою, чаем и

трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже, и так далее. Вот до какого противоречия доводят личности. Ужели названия порядочного и здравомыслящего человека лишились в наше время цены своей?

227. [С некоторых пор журналисты наши...]

С некоторых пор журналисты наши упрекают писателей, которым не благосклонствуют, их дворянским достоинством и литературною известностию. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne![1]. Замечательно, что и у французской черни крик этот был двусмыслен и означал в одно время аристократию политическую и литературную. Подражание наше не дельно. У нас, в России, государственные звания находятся в таком равновесии, которое предупреждает всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство в особенности, кажется, ни в ком не может возбуждать неприязненного чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетские, легко выводят в оное людей прочих званий. Ежели негодующий на преимущества дворянские не способен ни к какой службе, ежели он не довольно знающ, чтобы выдержать университетские экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его, конечно, извинительно, ибо необходимо соединено с сознанием собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной известности, упреки в оной отменно простодушны. Известный баснописец, желая объяснить одно из самых жалких чувств человеческого сердца, обыкновенно скрывающееся под какою-нибудь личиною, написал следующую басню:

Со светлым червячком встречается змея
И ядом вмиг его смертельным обливает.
«Убийца!» он вскричал: «за что погибну я?»
— Ты светишь!—отвечает.

Современники наши, кажется, желают доказать нам ребячество подобных применений, и червяков и козявок заменить лицами, более выразительными. Все это напоминает эпиграмму, помещенную в 32-м № Литературной Газеты.

[1] аристократов на фонарь!

228. [О выходках против литературной аристократии]

Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии столь же недобросовестны, как и прежние. Ни один из известных писателей, принадлежащих будто бы этой партии, не думал величаться своим дворянским званием. Напротив, Северная Пчела помнит, кто упрекал поминутно г-на Полевого тем, что он купец, кто заступился за него, кто осмелился посмеяться над феодальной нетерпимостию некоторых чиновных журналистов. При сем случае заметим, что если большая часть наших писателей дворяне, то сие доказывает только, что дворянство наше (не в пример прочим) грамотное: этому смеяться нечего. Если же бы звание дворянина ничего у нас не значило, то и это было бы вовсе не смешно. Но пренебрегать своими предками из опасения шуток гг. Полевого, Греча и Булгарина не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Не дворяне (особливо не русские), позволяющие себе насмешки насчет русского дворянства, более извинительны. Но и тут шутки их достойны порицания. Эпиграммы демократических писателей XVIII-го столетия (которых впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики: Аристократов к фонарю и ничуть не забавные куплеты с припевом: Повесим, их повесим. Avis au lecteur[1].

[1] К сведению читателя.

30-е годы

229. [Встреча с Н. И. Надеждиным]

Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, vulgar, скучен, заносчив, и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но с живостию, а иногда и с красноречием. В них не было мыслей, но было движение; шутки были плоски.

230. [О Державине]

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг выскочил на лестницу, чтобы дождаться его и поцеловать ему руку, руку написавшую «*Водопад*». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил: он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен русской словесности. Тут он оживился: глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поми-

нутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои Воспоминания в Царском Селе, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...

231. [Множество слов и выражений...]

Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке. Например трогательный от слова touchant (смотри справедливое о том рассуждение г. Шишкова). Хладнокровие, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный. Настоящее выражение французское есть sens froid[1]—хладномыслие, а не sang froid[2]. Так писали это слово до самого 18 столетия. Dans son assiete ordinaire[3]. Assiete значит положение, от слова asseoir[4], но мы перевели каламбуром—в своей тарелке—

Любезнейший, ты не в своей тарелке.

Горе от ума.

[1] с холодными чувствами
[2] с холодной кровью
[3] в своей обычной посадке (положении)
[4] сажать

Ф. В. Булгарин

С гравюры Фридерица

Статьи

1831

Заметки

232. [О Русских журналах]

Определяйте значение слов, говорил Декарт, — <и вы избавите свет от половины его заблуждений>. Некоторые из наших писателей видят в русских журналах представителей народного просвещения, указателей общего мнения и проч. — и вследствие сего требуют для них того уважения, каким пользуются «Journal des débats» и «Edimbourgh review».

Журнал в смысле, принятом в Европе, есть отголосок целой партии, периодические памфлеты, издаваемые людьми, известными сведениями и талантами, имеющие свое политическое направление — свое влияние на порядок вещей. Сословие журналистов есть рассадник людей государственных. Они знают это, и, собираясь овладеть общим мнением, они страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью. По причине великого конкурса невежество или посредственность не может овладеть монополией журналов, и человек без истинного дарования не выдержит l'épreuve [1] издания. Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает сии противуборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Кеннинг, Гиффорд, Джефри, Питт. Что ж тут общего с нашими журналами и журналистами? — Шлюсь на собственную совесть наших литераторов — спрашиваю, по какому праву Северная Пчела будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь Северный Меркурий?

[1] испытания

233. [Заметка о критике и полемике]

Писатели, известные у нас под именем аристократов, ввели обыкновение, весьма вредное литературе: не отвечать на критики.—Редко кто из них отзовется и подаст голос, и то не за себя. Что же это в самом деле? Разве и вправь они гнушаются своим братом-литератором; или они воображают себя и в самом деле аристократами. Весьма же они ошибаются: журналы назвали их так в шутку, иронически (смотри Северную Пчелу, Северный Меркурий и проч.); а если они и принадлежат хорошему обществу, как благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается.

Один аристократ (все-таки разумеем сие слово в ироническом смысле) извинялся тем, что де с некоторыми людьми неприлично связываться человеку, уважающему себя и общее мнение; что разница де между поединком и дракой; что наконец никто не в праве требовать, чтобы человек разговаривал с кем не хочет разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришел в кабак, то не прогневайся—какова компания, таков и разговор: если на улице шалун швырнет в тебя грязью, то смешно тебе вызывать его биться на шпагах, а не поколотить его просто, а если ты будешь молчать с человеком, который с тобой заговаривает, то это с твоей стороны обида и гордость, недостойная доброго христíанина.

234. Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme

[Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма]

Париж, 1829 (1 том в 16-ю д. л.)

Les Consolations, poésies, par Sainte-Beueve

[Утешения, стихотворения Сент-Бева]

Париж 1830 [1 том в 18-ю д. л.]

Года два тому назад книжка, вышедшая в свет под заглавием Vie, poésies et pensées de J. Delorme, обратила на себя в Париже внимание критиков и публики. Вместо предисловия романическим слогом описана была жизнь бедного молодого поэта, умершего, как уверяли, в нищете и неизвестности. Друзья покойника предлагали публике стихи и мысли, найденные в его бумагах, извиняя недостатки их и заблуждение самого Делорма его молодостию, болезненным состоянием

души и физическими страданиями. В стихах оказывался необыкновенный талант, ярко отсвеченный странным выбором предметов. Никогда ни на каком языке голый сплин не изъяснялся с такою сухою точностию; никогда заблуждения жалкой молодости, оставленной на произвол страстей, не были высказаны с такой разочарованностию. Смотря на ручей, осененный темными ветвями дерев, Делорм думает о самоубийстве и вот каким образом:

Pour qui veut se noyer, la place est bien choisie.
On n'aurait qu'à venir, un jour de fantaisie,
A cacher ses habits au pied de ce bouleau
Et, comme pour un bain, à descendre dans l'eau:
Non pas en furieux, la tête la première;
Mais s'asseoir, regarder; d'un rayon de lumière
Dans le feuillage et l'eau suivre le long réflet;
Puis, quand on sentirait ses esprits au complet,
Qu'on aurait froid, alors, sans plus traîner la fête,
Pour ne plus la lever, plonger avant la tête.
C'est là mon plus doux voeu, quand je pense à mourir.
J'ai toujours été seul à pleurer, à souffrir;
Sans un coeur près du mien j'ai passé sur la terre;
Ainsi que j'ai vécu, mourons avec mystères
Sans fracas, sans clameurs, sans voisins assemblés.
L'alouette, en mourant, se cache dans les blés:
Le rossignol, qui sent défaillir son ramage,
Et la bise arriver, et tomber son plumage,
Passe invisible à tous, comme un écho du bois:
Ainsi je veux passer. Seulement, un... deux mois, [1]

[1] Для того, кто хочет утопиться, место очень подходящее.
В любой день стоит только притти сюда,
Спрятать одежду под этой березой
И, словно для купанья, погрузиться в воду:
Не как безумец, вниз головой,
Но присесть, поглядеть вокруг; следить
За отражением длинного луча света на листве и на воде;
Затем, когда почувствуешь, что дух исчерпал себя до конца,
И озябнешь, тогда, не затягивая праздника,
Погрузить голову, чтобы больше не поднимать ее.
Вот моя любимая мечта, когда я задумываю умереть;
Я всегда одиноко плакал и страдал,
Ничье сердце не билось рядом с моим, когда я проходил жизненный путь
Так же, как я жил, пусть я умру—тайно,
Без шума, без криков, без толпы собравшихся соседей.
Жаворонок, умирая, прячется во ржи;
Соловей, чувствуя, что голос его ослабевает,
И приближается холодный вечер, и падает его оперение,
Исчезает из жизни незаметно для всех, как лесное эхо:
Я так же хочу исчезнуть. Только через месяц или два,

Peut-être un an après, un jour... une soirée,—
Quelque pâtre inquiet d'une chèvre égarée,
Un chasseur descendu vers la source, et voyant
Son chien qui s'y lançait sortir en aboyant,
Regardera: la lune avec lui qui regarde
Éclairera ce corps d'une lueur blafarde,
Et soudain il fuira jusqu'au hameau, tout droit.
De grand matin venus, quelques gans de l'endroit,
Tirant par les cheveux ce corps méconnaissable,
Cette chair en lambeaux, ces os chargés de sable,
Mélant des quolibets à quelques sots récits,
Deviseront longtemps sur mes restes noircis
Et les brouetteront enfin au cimetière;
Vîte on cloucra le tout dans quelque vieille bière,
Qu'un prêtre aspergera d'eau bénite trois fois;
Et je serai laissé sans nom, sans croix de bois! [1]

У друга его, Виктора Гюго, рождается сын; Делорм его приветствует:

Mon ami, vous voilà père d'un nouveau-né;
C'est un garçon encore; le ciel vous l'a donné
Beau, frais, souriant d'aise à cette vie amère;
A peine il a coûté quelque plainte à sa mère.
Il est nuit: je vous vois... A doux bruit, le sommeil
Sur un sein blanc qui dort a pris l'enfant vermeil.
Et vous, père, veillant contre la cheminée,
Recueilli dans vous-même, et la tête inclinée, [2]

[1] Может быть, через год, однажды вечером,
Пастух, в поисках за заблудившейся козой,
Или охотник, спустившись к ручью и заметив,
Что его собака, бежавшая туда, возвратилась с лаем,
Взглянет—и луна, с ним вместе смотрящая,
Осветит тусклым сиянием это тело—
И внезапно бросится бежать прямо к поселку.
Несколько местных жителей придут ранним утром,
Вытянут за волосы неузнаваемое тело,
Эти обрывки мяса и кости, отягченные песком,
И, примешивая шутки к каким-нибудь глупым россказням,
Долго будут совещаться над моими почерневшими останками
И наконец повезут на тачке на кладбище;
Поскорее заколотят их в какой-нибудь старый гроб,
Который священник трижды окропит святой водой,
И меня оставят без имени, без деревянного креста!

[2] Мой друг, вы стали отцом новорожденного;
Это опять мальчик, небо вам даровало его,
Прекрасного, свежего, радостно улыбающегося этой горькой жизни;
Он стоил лишь несколько стонов своей матери.
Ночь; я вижу вас... При нежных звуках сон
Обнял розового ребенка на белой спящей груди,
А вы, отец, бодрствующий у камина,
Задумавшись и склонив голову.

Vous vous tournez souvent pour revoir, ô douceur!
Le nouveau-né, la mère, et le frère, et la soeur,
Comme un pasteur joyeux de ses toisons nouvelles,
Ou comme un maitre, au soir, qui compte ses javelles,
A cette heure si grave, en ce calme profond,
Qui sait, hors vous, l'abyme où votre coeur se fond,
Ami? qui sait vos pleurs, vos muettes caresses;
Les trésors du génie épanchés en tendresses;
L'aigle plus gémissant que la colombe au nid;
Les torrents ruisselants du rocher de granit,
Et, comme sous les feux d'un été de Norvège,
Au penchant des glaciers mille fontes de neige?
Vivez, soyez heureux, et chantez-nous un jour
Ces secrets plus qu'humains d'un inneffable amour!
— Moi, pendant ce temps-là, je veille aussi, je veille,
Non près des rideaux bleus de l'enfance vermeille,
Près du lit nuptial arrosé de parfum,
Mais près d'un froid grabat, sur le corps d'un défunt.
C'est un voisin, vieillard goutteux, mort de la pierre;
Ses nièces m'ont requis, je veille à leur prière.
Seul, je m'y suis assis dès neuf heures du soir.
A la tête du lit une croix en bois noir,
Avec un Christ en os, pose entre deux chandelles
Sur une chaise; auprès, le buis cher aux fidèles
Trempe dans une assiette, et je vois sous les draps
Le mort en long, pieds joints, et croisant les deux bras. [1]

[1] Вы часто оборачиваетесь, чтобы вновь увидеть,—о счастье!—
Младенца, мать, и брата, и сестру,
Как пастух, радующийся новым ягнятам,
Или как хозяин, ввечеру считающий стойки сжатого хлеба.
В этот торжественный час, в этой глубокой тишине
Кто кроме вас знает бездну, в которой тает ваше сердце, друг?
Кто знает ваши слезы, ваши немые ласки, сокровища гения,
изливающиеся в нежности,
Стон орла, более глубокий, чем стоны голубки в гнезде,
Иль поток, струящийся с гранитной скалы,
Иль бесчисленные ручьи от снега,
Тающего под зноем норвежского лета на склонах ледника?
Живите, будьте счастливы и когда-нибудь пропойте
Нам эти сверхчеловеческие тайны невыразимой любви.
А я в это время также бодрствую,
Не у голубых занавесей розового детства,
Не у брачного ложа, орошенного благовониями,
Но у холодного одра, над телом усопшего.
Это—сосед, подагрический старик, умерший от каменной болезни;
Его племянницы позвали меня, и я бодрствую по их просьбе.
Я сижу здесь один уже с девяти часов вечера.
У изголовья кровати стоит на стуле
Между двумя свечами крест черного дерева с костяным распятием;
Рядом с ним веточка букса, дорогая сердцу верующих,
Мокнет в тарелке, и я вижу под простынями
Мертвого, во всю длину, со сжатыми ногами и скрещенными руками.

Oh! si, du moins, ce mort m'avait durant sa vie
Eté longtemps connu! s'il me prenait envie
De baiser ce front jaune une dernière fois!
En regardant toujours ces plis raides et droits,
Si je voyais enfin remuer quelque chose,
Bouger comme le pied d'un vivant qui repose,
Et la flamme bleuir! si j'entendais crier
Le bois de lit!... ou bien si je pouvais prier!
Mais rien: nul effroi saint; pas de souvenir tendre;
Je regarde sans voir, j'écoute sans entendre;
Chaque heure sonne lente, et lorsque, par trop las
De ce calme abattant et de ces rêves plats,
Pour respirer un peu je vais à la fenêtre
(Car au ciel de minuit le croissant vient de naître),
Voilà, soudain, qu'au toit lointain d'une maison,
Non pas vers l'orient, s'embrasse l'horizon
Et j'entends résonner, pour toute mélodie,
Des aboiements de chiens hurlant dans l'incendie.[1]

Между сими болезненными признаниями, сими мечтами печальных слабостей и безвкусными подражаниями давно осмеянной поэзии старого Ронсара, мы с изумлением находим стихотворения, исполненные свежести и чистоты. С какой меланхолической прелестью описывает он, например, свою музу!

Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante
Qui danse les seins nus à la voix sémillante,
Aux noirs cheveux luisants, aux longs yeux de houri;
Elle n'est ni la jeune et vermeille Péri,[2]

[1] О! если бы, по крайней мере, я долгое время знал
Этого мертвеца при жизни! Если бы мне хотелось
Поцеловать этот желтый лоб в последний раз!
Если бы, глядя все время на эти жесткие, прямые складки,
Я бы, наконец, увидел, что что-то шевелится
И движется подобно ноге отдыхающего человека,
И что пламя голубеет! Если бы я услышал,
Как заскрипела кровать!.. или если бы я мог молиться!
Но нет: никакого священного ужаса, никакого нежного воспоминания!
Я смотрю и не вижу, слушаю и не слышу.
Каждый час бьет медленно, и когда, слишком усталый
От этого удручающего спокойствия и этих низменных грёз,
Я подхожу к окну, чтобы немного подышать
(Так как на полночном небе только что родился серп месяца),
Внезапно над далекой крышей дома,
Не на востоке, загорается небосклон,
И я слышу вместо песни
Лай собак, воющих на пожар.

[2] Нет, моя муза—не блистающая звонкоголосая одалиска
С продолговатыми глазами гурии, с черными блестящими волосами,
Пляшущая с обнаженной грудью;
Это не юная и розовая пэри,

Dont l'aile radieuse éclipserait la queue
D'un beau paon, nilafée à l'aile blanche et bleue,
Ces deux rivales soeurs, qui, dès qu'il a dit o u i,
Ouvrent mondes et cieux à l'enfant ébloui.
Elle n'est pas non plus, ô ma Muse adorée!
Elle n'est pas la vierge ou la veuve éplorée,
Qui d'un cloître désert, d'une tour sans vassaux,
Solitaire habitante, erre sous les arceaux.
Disant un nom; descend aux tombes féodales;
A genoux, de velours inonde au loin les dalles,
Et le front sur un marbre, épanche avec des pleurs
L'hymne mélodieux de ses nobles malheurs.
Non.—Mais quand seule au bois votre douleur chemine,
Avez-vous vu, là-bas, dans un fond, la chaumine
Sous l'arbre mort; auprès, un ravin est creusé;
Une fille en tout temps y lave un linge usé.
Peut-être à votre vue elle a baissé la tête,
Car, bien pauvre qu'elle est, sa naissance est honnête,
Elle eût pu, comme une autre, en de plus heureux jours
S'épanouir au monde et fleurir aux amours;
Voler en char; passer aux bals, aux promenades;
Respirer au balcon parfums et sérénades;
Ou, de sa harpe d'or éveillant cent rivaux,
Ne voir rien qu'un sourir entre tant de bravos.
Mais le ciel dès l'abord s'est obscurci sur elle,
Et l'arbuste en naissant fut atteint de la grêle: [1]

[1] Сверкающие крылья которой затмили бы хвост прекрасного павлина,
Ни белокрылая и голубокрылая фея,—
Эти две сестры-соперницы, которые открывают миры и небеса
Ослепленному светом ребенку, лишь только он скажет д а.
Она—о моя обожаемая муза!—
Не дева иль плачущая вдова,
Одинокая обитательница пустынного монастыря
Или башни без вассалов, которая бродит под сводами,
Произнося чье-то имя; спускается в рыцарские гробницы;
Склоняя колени на плиты, широко расстилает бархат платья
И, приникнув челом к мрамору, изливает со слезами
В мелодичном гимне свои благородные несчастья.
Нет.—Но, когда ваша скорбь одиноко бредет по лесу,
Видали ли вы, там, в глубине, хижину
Под высохшим деревом? Рядом с нею вырыта канавка;
Девушка постоянно моет там изношенное белье.
Может быть, при виде вас, она опустит голову,
Так как, несмотря на всю свою бедность, она—почтенного рода.
Она могла бы, как многие другие, в более счастливые дни,
Блистать в свете и цвести для любви;
Мчаться в экипаже; бывать на балах, на гуляньях;
Вдыхать на балконе ароматы и серенады;
Или, своей золотой арфой пробуждая сотни соперников,
Видеть лишь одну улыбку среди бесчисленных рукоплесканий,
Но небо с самого начала потемнело над нею,
И деревцо, едва родившись, было побито градом:

Elle file, elle coud, et garde à la maison
Un père vieux, aveugle et privé de raison. [1]

Правда, что сию прелестную картину оканчивает он медицинским описанием чахотки; муза его харкает кровью:

. . . . une toux déchirante
La prend dans sa chanson, pousse en sifflant un cir,
Et lance les graviers de son poumon meurtri. [2]

Совершеннейшим стихотворением из всего собрания, по нашему мнению, можно почесть следующую элегию, достойную стать наряду с лучшими произведениями Андрея Шенье:

Toujours je la connus pensive et sérieuse;
Enfant, dans les ébats de l'enfance joyeuse
Elle se mêlait peu, parlait déjà raison;
Et quand ses jeunes soeurs couraient sur le gazon,
Elle était la première à leur rappeler l'heure,
A dire qu'il fallait regagner la demeure;
Qu'elle avait de la cloche entendu le signal
Qu'il était déffendu d'approcher du canal,
De troubler dans le bois la biche familière,
De passer en jouant trop près de la volière:
Et ses soeurs l'écoutaient. Bientôt elle eut quinze ans,
Et sa raison brilla d'attraits plus séduisants:
Sein violé, front serein où le calme repose,
Sous de beaux cheveux bruns une figure rose,
Une bouche discrète au sourire prudent,
Un parler sobre et froid, et qui plaît cependant, [3]

[1] Она прядет, шьет и ухаживает дома
За старым, слепым и безумным отцом.

[2] . . . . раздирающий кашель
Прерывает ее песнь, испускает крик со свистом
И извергает кровяные сгустки из ее больной груди.

[3] Я всегда знавал ее задумчивой и серьезной;
Ребенком она редко принимала участие
В забавах веселого детства; она уже была рассудительна.
И когда ее маленькие сестры бегали по траве,
Она первая напоминала им о времени,
О том, что пора уже возвращаться домой,
Что она услышала призыв колокола,
Что запрещено подходить к каналу,
Пугать в роще ручную лань,
Играя, подбегать слишком близко к птичнику,—
И сестры слушались ее. Скоро ей исполнилось пятнадцать лет,
И ее разум украсился очарованиями более соблазнительными:
Прикрытая грудь, ясное чело, на котором почиет спокойствие,
Розовое лицо под прекрасными темными волосами,
Скромный рот со сдержанной улыбкой.
Холодный и трезвый разговор, который, однако, нравится,

Une voix douce et ferme, et qui jamais ne tremble,
Et deux longs sourcils noirs qui se fondent ensemble.
Le devoir l'animait d'une grave ferveur;
Elle avait l'air posé, réfléchi, non rêveur:
Elle ne rêvait pas comme la jeune fille
Qui de ses doigts distraits laisse tomber l'aiguille.
Et du bal de la veille au bal du lendemain.
Pense au bel inconnu que lui pressa la main.
Le coude à la fenêtre, oubliant son ouvrage,
Jamais on ne la vit suivre à travers l'ombrage
Le vol interrompu des nuages du soir,
Puis cacher tout d'un coup son front dans son mouchoir.
Mais elle se disait qu' un avenir prospère
Avait changé soudain par la mort de son père;
Qu'elle était fille aînée, et que c'était raison
De prendre part active aux soins de la maison.
Ce coeur jeune et sévère ignorait la puissance
Des ennuis dont soupire et s émeut l'innocence.
Il réprima toujours les attendrissements
Qui naissent sans savoir, et les troubles charmants,
Et les désirs obscurs, et ces vagues délices.
De l'amour dans les coeurs naturelles complices.
Maîtresse d'elle-même aux instants les plus doux,
En embrassant sa mère, elle lui disait *vous*.
Les galantes fadeurs, les propos pleins de zèle
Des jeunes gens oisifs étaient perdus chez elle; [1]

[1] Нежный и твердый голос, никогда не дрожащий,
И черные, сходящиеся брови.
Чувство долга рождало в ней важное усердие.
Она выглядела рассудительной, выдержанной, не мечтательной:
Она не мечтала, как молодая девушка,
Рассеянно роняющая из рук иглу
И думающая от вчерашнего до завтрашнего бала
О прекрасном незнакомце, пожавшем ей руку.
Никогда не видел никто, чтобы, облокотившись на окно
И позабыв работу, она следила сквозь ветви
Неровный бег вечерних облаков,
А потом внезапно прятала бы лицо в платок.
Нет, она говорила себе, что счастливое будущее
Внезапно изменилось со смертью отца,
Что она—старшая дочь, и потому должна
Принимать деятельное участие в домашних заботах.
Это юное и строгое сердце не знало власти
Тоски, от которой вздыхает и волнуется невинность.
Она всегда подавляла разнеживающую грусть,
Возникающую бессознательно, очаровательные тревоги
И темные желания, все те смутные волнения,
Этих естественных пособников любви.
Владея вполне собой, она в самые нежные мгновенья,
Обнимая свою мать, говорила ей *вы*.
Приторные комплименты и пылкие фразы
Праздных молодых людей для нее тратились попусту.

Mais qu'un coeur éprouvé lui contât son chagrin,
A l'instant se voilait son visage serein:
Elle savait parler des maux, de vie amère,
Et donnait des conseils comme une jeune mère.
Aujourd'hui la voilà mère, épouse à son tour;
Mais c'est chez elle encore raison plutôt qu'amour.
Son paisible bonheur de respect se tempère:
Son époux déjà mûr serait pour elle un père·
Elle n'a pas connu l'oubli qu premier mois,
Et la lune de miel qui ne luit qu'une fois,
Et son front et ses yeux ont gardé le mystére
De ces chastes secrets qu'une femme doit taire.
Heureuse comme avant, à son nouveau devoir
Elle a reglé sa vie.... Il est beau de la voir,
Libre de son ménage, un soir de la semaine,
Sans toilette, en été, qui sort et se promène
Et s'asseoit à l'abri du soleil étouffant,
Vers six heures, sur l'herbe, avec sa belle enfant.
Ainsi passent ses jours depuis le premier âge.
Comme des flots sans nom sous un ciel sans orage,
D'un cours lent, uniforme, et pourtant solennel;
Car ils savent qu'ils vont au rivage éternel.
Et moi qui vois couler cette humble destinée
Au penchant du devoir doucement entraînée,
Ces jours purs, transparents, calmes, silencieux, [1]

[1] Но когда измученное сердце рассказывало ей свое горе,
Ее ясное чело тотчас омрачалось:
Она умела говорить о страданиях, о горькой жизни,
И давала советы, как молодая мать.
Теперь она сама мать и жена,
Но это скорее по рассудку, чем по любви.
Ее мирное счастье умеряется уважением;
Ее муж уже не молодой, мог бы быть для нее отцом;
Она не знала забвения первого месяца,
Этого медового месяца, сияющего только однажды,
И чело ее, и глаза сохранили неприкосновенность
Целомудренных тайн, о которых женщина должна молчать.
Счастливая попрежнему, она сообразует свою жизнь
С новыми обязанностями... Отрадно видеть ее,
Когда, освободившись от хозяйства, раз в неделю,
Вечером, часов в шесть, не наряжаясь, летом она выходит погулять
И садится в тени от палящего солнца
На траву с своим прекрасным ребенком.
Так текут ее дни с ранних лет,—
Как безымянные волны под безоблачным небом,
Медленным, однообразным, но торжественным потоком,
Ибо они знают, что стремятся к вечному берегу.
И при виде того, как тихо течет эта скромная доля,
Кротко уступая влечению долга,
Эти чистые, прозрачные, спокойные, молчаливые дни,

> Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
> Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
> Je songe à mes longs jours passés avec vitesse,
> Turbulents, sans bonheur, perdus pour le devoir,
> Et je pense, ô mon Dieu! qu'il sera bientôt soir! [1]

Публика и критики горевали о преждевременной кончине таланта, столь много обещавшего, как вдруг узнали, что покойник жив и, слава богу, здоров. Сент-Бёв, известный уже *Историей Французской Словесности в XVI столетии* и ученым изданием Ронсара, вздумал под вымышленным именем И. Делорма напечатать первые свои поэтические опыты, вероятно, опасаясь нареканий и строгости нравственной цензуры. Мистификация, столь печальная своею веселою развязкою, должна была повредить успеху его стихотворений; однакож новая школа с восторгом признала и присвоила себе нового собрата.

В *Мыслях* И. Делорма изложены его мнения касательно французского стихосложения. Критики хвалили верность, ученость и новизну сих замечаний. Нам показалось, что Делорм слишком много придает важности нововведениям так называемой *романтической* школы французских писателей, которые сами полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п. Все это хорошо; но слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества. Нет сомнения, что стихосложение французское самое своенравное, и, смею сказать, неосновательное. Чем, например, оправдываете вы исключение *гиатуса* (hiatus), который французским ушам так нестерпим в соединении двух слов (как: a été, où aller) и которого они же ищут для гармонии собственных имен: Zaïre, Aglaë, Eléonore. Заметим мимоходом, что законом о *гиатусе* одолжены французы латинскому *эллизиуму*.

По свойству латинского стихосложения, слово, кончающееся на гласную, теряет ее перед другою гласною.

Буало заменил сие правило законом об *гиатусе*:

> Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée
> Ne soit en son chemin par une autre heurtée [2].

[1] Которые успокаивают от шума и на которых отдыхают глаза.
Невольно, увы, я вновь впадаю в грусть;
Я думаю о моих быстро ушедших долгих днях,
Бурных, несчастных, потерянных для долга,
И, о боже, думаю о том, что скоро настанет вечер!

[2] Остерегайтесь, как бы в слишком поспешном беге
Гласная не столкнулась на своем пути с другою.

Во-вторых: как можно вечно рифмовать для глаз, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться в числе (единственном или множественном), когда произношение в том и в другом одинаково? Однакож нововводители всего этого еще не коснулись; покушения же их едва ли счастливы.

В прошлом году Сент-Бёв выдал еще том стихотворений, под заглавием: Les Consolations[1]. В них Делорм является исправленным советами приятелей, людей степенных и нравственных. Уже он не отвергает отчаянно утешений религии, но только тихо сомневается; уже он не ходит к Розе, но признается иногда в порочных вожделениях. Слог его также перебесился. Словом сказать, и вкус и нравственность должны быть им довольны. Можно даже надеяться, что в третьем своем томе Делорм явится набожным, как Ламартин, и совершенно порядочным человеком. К несчастию должны мы признаться, что, радуясь перемене человека, мы сожалеем о поэте. Бедный Делорм обладал свойством чрезвычайно важным, недостающим почти всем французским поэтам новейшего поколения, свойством, без которого нет истинной поэзии, т. е. искренностию вдохновения. Ныне французский поэт систематически сказал себе: soyons religieux, soyons politiques[2], в иной даже: soyons extravagants[3], и холод предначертания, натяжка, принужденность отзываются во всяком его творении, где никогда не видим движения минутного, вольного чувства; словом: где нет истинного вдохновения. Сохрани нас боже быть поборниками безнравственности в поэзии (разумеем слово сие не в детском смысле, в коем употребляют его у нас некоторые журналисты)! Поэзия, которая по своему высшему, свободному свойству не должна иметь никакой цели кроме самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтоб силою слова потрясать вечные истины, на которых основаны счастие и величие человеческое, или превращать свой божественный нектар в любострастный, воспалительный состав. Но описывать слабости, заблуждения и страсти человеческие не есть безнравственность, так, как анатомия не есть убийство; и мы не видим безнравственности в элегиях несчастного Делорма, в признаниях, раздирающих сердце, в стесненном описании его страстей и безверия, в его жалобах на судьбу, на самого себя...

[1] «Утешения»
[2] будем религиозны, будем заниматься политикой
[3] будем экстравагантны

235. Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов

In arenam cum aequalibus descendi.
Cic[ero][1]

Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. Фаддей Венедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича, Н. И. поспешно провозгласил Фаддея Венедиктовича ловким своим товарищем. Ф. В. посвятил Николаю Ивановичу своего Дмитрия Самозванца; Н. И. посвятил Фаддею Венедиктовичу свою Поездку в Германию. Ф. В. написал для Грамматики Николая Ивановича хвалебное предисловие[2]; Н. И. в Северной Пчеле (издаваемой Гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об Иване Выжигине. Единодушие истинно трогательное!—Ныне Николай Иванович, почитая Фаддея Венедиктовича оскорбленным в статье, напечатанной в № 9 Телескопа, заступился за своего товарища со свойственным ему прямодушием и горячностию. Он напечатал в Сыне Отечества (№ 27) статью, которая, конечно, заставит молчать дерзких противников Фаддея Венедиктовича; ибо Николай Иванович доказал неоспоримо:

1) Что М. И. Голенищев-Кутузов возведен в княжеское достоинство в июне 1812 г. (с. 65).

2) Что не сражение, а план сражения, составляет тайну главнокомандующего: (с. 65).

3) Что священник выходит навстречу подступающему неприятелю с крестом и святою водою: (с. 65).

4) Что секретарь выходит из дому в статском изношенном мундире, в треугольной шляпе, со шпагою, в белом изношенном исподнем платье: (с. 65).

5) Что пословица: vox populi—vox dei[3], есть пословица латинская, и что она есть истинная причина французской революции: (с. 65).

[1] «Я вышел на арену вместе с равными мне». Цицерон.

[2] Смотри Грамматику Греча, напечатанную в типографии Греча. [*Прим. Пушкина.*]

[3] глас народа—глас божий.

6) Что Иван Выжигин не есть произведение образцовое, но, относительно, явление приятное и полезное: (с. 62).

7) Что Фаддей Венедиктович живет в своей деревне близ Дерпта, и просил его (Николая Ивановича) не посылать к нему вздоров: (с. 68).

И что следственно: Ф. В. Булгарин своими талантами и трудами приносит честь своим согражданам: что и доказать надлежало!

Против этого нечего и говорить; мы первые громко одобряем Николая Ивановича за его откровенное и победоносное возражение, приносящее столько же чести его логике, как и горячности чувствований.

Но дружба—(сие священное чувство)—слишком далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича, и с его пера сорвались нижеследующие строки:

— «Там—(в № 9 Телескопа)—взяли две глупейшие вышедшие в Москве—(да, в Москве)—книжонки, сочиненные каким-то А. Орловым».

О, Николай Иванович, Николай Иванович! Какой пример подаете вы молодым литераторам? Какие выражения употребляете вы в статье, начинающейся сими строгими словами: «у нас издавна, и по справедливости, жалуются на цинизм, невежество и недобросовестность рецензентов»? Куда девалась ваша умеренность, знание приличия, ваша известная добросовестность? Перечтите, Николай Иванович, перечтите сии немногие строки—и вы сами, с прискорбием, сознаетесь в своей необдуманности!

— «Две глупейшие книжонки... какой-то А. Орлов! Шлюсь на всю почтенную публику: какой критик, какой журналист решился бы употребить сии неприятные выражения, говоря о произведениях живого автора. Ибо, слава богу: почтенный мой друг Александр Анфимович Орлов—жив! Он жив, несмотря на зависть и злобу журналистов; он жив, к радости книгопродавцев, к утешению многочисленных его читателей!

— «Две глупейшие книжонки»!.. Произведения Александра Анфимовича, разделяющего с Фаддеем Венедиктовичем любовь российской публики, названы: глупейшими книжонками! — Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга (ибо и он живет в своей деревне, близ Сокольников, и он просил меня не

посылать ему всякого вздору),—но оскорбительная для всей читающей публики! [1]

— «Глупейшие книжонки!..» Но чем докажете вы сию глупость? Знаете ли вы, Николай Иванович, что более 5 000 экземпляров сих глупейших книжонок разошлись и находятся в руках читающей публики, что Выжигины г. Орлова пользуются благосклонностию публики наровне с Выжигиными г. Булгарина; а что образованный класс читателей, которые гнушаются теми и другими, не может и не должен судить о книгах, которых не читает?

Скрепя сердце, продолжаю свой разбор.

— «Две глупейшие — (глупейшие!) — вышедшие в Москве—(да, в Москве)—книжонки»...

В Москве, да, в Москве!.. Что же тут предосудительного? К чему такая выходка противу первопрестольного града?.. Не в первый раз заметили мы сию странную ненависть к Москве в издателях Сына Отечества и Северной Пчелы. Больно для русского сердца слушать таковые отзывы о матушке Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1612 году от поляков, а в 1812 году от всякого сброду.

Москва доныне центр нашего просвещения: в Москве родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих: ubi bene, ibi patria [2], для коих все равно: бегать ли им под орлом французским, или русским языком позорить все русское—были бы только сыты.

Чем возгордилась петербургская литература?.. Г. Булгариным?.. Согласен, что сей великий писатель, равно почтенный и дарованиями и характером, заслужил бессмертную себе славу; но произведения г. Орлова ставят московского романиста если не выше, то, по крайней мере, наровне с петербургским его соперником. Несмотря на несогласие, царствующее между Фаддеем Венедиктовичем и Александром Анфимовичем, несмотря на справедливое негодование, возбужденное во мне неосторожными строками Сына Отечества, постараемся сравнить между собою сии два блистательные солнца нашей словесности.

[1] См. разбор Денницы в С[ыне] О[течества]. [*Прим. Пушкина.*]

[2] где хорошо, там и родина

Фаддей Венед[иктович] превышает Александра Анфимовича пленительною щеголеватостию выражений; Александр Анф[имович] берет преимущество над Фадд[еем] Венедиктовичем живостью и остротою рассказа.

Романы Фаддея Вене[диктовича] более обдуманы, доказывают большее терпение [1] в авторе (и требуют еще большего терпения в читателе); повести Александра Анф[имовича] более кратки, но более замысловаты и заманчивы.

Фаддей Вене[диктович] более философ; Александр Анф[имович] более поэт.

Фад[дей] Венед[иктович] гений; ибо изобрел имя Выжигина, и сим смелым нововведением оживил пошлые подражания Совестдралу и Английскому Милорду; Александр Анф[имович] искусно воспользовался изобретением г. Булгарина и извлек из оного бесконечно разнообразные эффекты!

Фаддей Венед[иктович], кажется нам, немного однообразен; ибо все его произведения не что иное, как Выжигин в различных изменениях: Иван Выжигин, Петр Выжигин, Дмитрий Самозванец или Выжигин XVII столетия, собственные записки и нравственные статейки—все сбивается на тот же самый предмет. Александр Анф[имович] удивительно разнообразен. Сверх несметного числа Выжигиных, сколько цветов рассыпал он на поле словесности! Встреча Чумы с Холерою; Сокол был бы Сокол, да Курица его съела, или Бежавшая Жена; Живые обмороки, Погребение Купца,, и проч. и проч.

Однако же беспристрастие требует, чтоб мы указали сторону, с коей Фаддей Венед[иктович] берет неоспоримое премущество над своим счастливым соперником: разумею нравственную цель его сочинений. В самом деле, любезные слушатели, что может быть нравственнее сочинений г. Булгарина? Из них мы ясно узнаем: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игре и тому под. Г. Булгарин наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него—Ножевым, взяточник—Взяткиным, дурак—Глаздуриным, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—Хлопоухиным, Димитрия Самозванца—Каторжниковым, а Марину Мнишек—княж-

[1] Гений есть терпение в высочайшей степени—сказал известный Бюффон. [*Прим. Пушкина.*]

Е. А. Баратынский

С портрета Лебедева. (Гос. Исторический музей)

ною Шлюхиной; зато и лица сии представлены несколько бледно.

В сем отношении г. Орлов решительно уступает г. Булгарину. Впрочем, самые пламенные почитатели Фаддея Вcovered[иктовича] признают в нем некоторую скуку, искупленную назидательностию; а самые ревностные поклонники Александра Анф[имовича] осуждают в нем иногда необдуманность, извиняемую, однакож, порывами гения.

Со всем тем Александр Анф[имович] пользуется гораздо меньшею славою, нежели Фаддей Вcovered[иктович]. Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Фаддея Венедиктовича, ловкого товарища Николая Ивановича! Иван Выжигин существовал еще только в воображении почтенного автора, а уже в Северном Архиве, Северной Пчеле и Сыне Отечества отзывались об нем с величайшею похвалою. Г. Ансело в своем путешествии, возбудившем в Париже общее внимание, провозгласил сего, еще не существовавшего, Ивана Выжигина, лучшим из русских романов. Наконец Иван Выжигин явился; и Сын Отечества, Северный Архив и Северная Пчела превознесли его до небес. Все кинулись его читать; многие прочли до конца; а между тем похвалы ему не умолкали в каждом номере Сев[ерного] Архива, Сына Отеч[ества] и Сев[ерной] Пчелы. Сии усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали ленивых читателей; угрожали местью недоброжелателям, недочитавшим Ивана Выжигина из единой низкой зависти.

Между тем какие вспомогательные средства употреблял Александр Анфимович Орлов?

Никаких, любезные читатели!

Он не задавал обедов иностранным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свою хлеб-соль получить местечко в их дорожных записках.

Он не хвалил самого себя в журналах, им самим издаваемых.

Он не заманивал унизительными ласкательствами и пышными обещаниями подписчиков и покупателей.

Он не шарлатанил газетными объявлениями, писанными слогом афиш собачьей комедии.

Он не отвечал ни на одну критику; он не называл своих противников дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но—обезоружил ли тем он многочисленных врагов? Ни мало. Вот как отзывались о нем его собратия:

«Автор вышеисчисленных творений сильно штурмует нашу бедную русскую литературу и хочет разрушить русский Парнас не бомбами, но каркасами, при помощи услужливых издателей, которые щедро платят за каждый манускрипт знаменитого сего творца, по двадцати рублей ходячею монетою, как уверяли нас знающие дело книгопродавцы. Автор есть муж—из ученых, как видно по латинским фразам, которыми испещрены его творения, а сущность их доказывает, что он, как сказано в Недоросле: «убоясь бездны премудрости, вспять обратился».—Знаменитое лубочное произведение: мыши кота хоронят или небылицы в лицах, есть Илиада в сравнении с творениям г. Орлова, а Бова Королевич—герой, до которого не возвысился еще почтенный автор... Державин есть у нас Альфа, а г. Орлов Омега в литературе, то-есть, последнее звено в цепи литературных существ, ипотому заслуживает внимание, как все необыкновенное[1]. Язык его, изложение и завязка могут сравняться только с отвратительными картинами, которыми наполнены сии чада безвкусия, и с смелостью автора. Никогда в Петербурге подобные творения не увидели бы света, и ни один из петербургских уличных разносчиков (не говорим о книгопродавцах) не взялся бы их издавать. По какому праву г. Орлов вздумал наречь своих холопей: Хлыновских степняков Игната и Сидора, детьми Ивана Выжигина, и еще в то самое время, когда автор Выжигина издает другой роман под тем же названием?.. Никогда такие омерзительные картины не появлялись на русском языке. Да здравствует московское книгопечатание!» (Сев. Пчела, 1831, № 46).

Какая злонамеренная и несправедливая критика! Мы заметили уже неприличие нападений на Москву; но в чем упрекают здесь почтенного Александра Анфимовича?.. В том, что за каждое его сочинение книгопродавцы платят ему по 20 рублей? Что же! Бескорыстному сердцу моего друга приятно думать, что, получив 20 рублей, доставил он другому 2000 выгоды[2]; между тем, как некоторый петербургский литератор, взяв за свою рукопись 30 000, заставил охать погорячившегося книгопродавца!!!

[1] Важное сознание! Прошу прислушать! [*Прим. Пушкина.*]
[2] Историческая истина! [*Прим. Пушкина.*]

Ставят ему в грех, что он знает латинский язык. Конечно: доказано, что Фаддей Венедиктович (издавший Горация с чужими примечаниями) не знает по латыни; но ужели сему незнанию обязан он своею бессмертною славою?

Уверяют, что г. Орлов из ученых. Конечно: доказано, что г. Булгарин вовсе не учен, но опять повторяю: разве невежество есть достоинство столь завидное?

Этого не довольно: грозно требуют ответа от моего друга: как дерзнул он присвоить своим лицам имя, освященное самим Фаддеем Венедиктовичем?—Но разве А. С. Пушкин не дерзнул вывести в своем Борисе Годунове все лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими местами сего романа в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?

Смело ссылаюсь на совесть самих издателей—Сев[ерной] Пчелы: справедливы ли сии критики? виноват ли Александр Анфимович Орлов?

Но еще смелее ссылаюсь на почтенного Николая Ивановича: не чувствует ли он глубокого раскаяния, оскорбив напрасно человека с столь отличным дарованием, не состоящего с ним ни в каких сношениях, вовсе его не знающего и не писавшего о нем ничего дурного? [1]

Феофилакт Косичкин.

236. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем

Я не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов, которые, публично друг друга обругав, обнимаются потом, всенародно, как Пролаз с Высоносом, говоря в похвальбу себе и в утешение:

Ведь кажется у нас по полной оплеухе.

Нет: рассердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, как истощив весь запас оскорбительных примечаний, обиняков, заграничных анекдотов и тому подобного. Для поддержания же себя в сем суровом расположении духа перечитываю я тщательно мною переписанные в особую тетрадь статьи, подавшие мне повод к таковому ожесточению. Таким образом, пересматривая на днях анти-критику, подавшую мне

[1] Сын Отечества, № 27, стр. 60. [*Прим. Пушкина.*]

случай заступиться за почтенного друга моего А. А. Орлова, напал я на следующее место:

— «Я решился на сие — (на оправдание г. Булгарина) — не для того, чтоб оправдать и защищать Булгарина, который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов» (см. № 27 Сына Отечества, издаваемого гг. Гречем и Булгариным).

Изумился я, каким образом мог я пропустить без внимания сии красноречивые, но необдуманные строки! Я стал по пальцам пересчитывать всевозможных рецензентов, у коих менее ума в голове, нежели у г. Булгарина в мизинце, и теперь догадываюсь, кому Николай Иванович думал погрозить мизинчиком Фаддея Венедиктовича.

В самом деле, к кому может отнестись это затейливое выражение? Кто наши записные рецензенты?

Вы, г. издатель Телескопа? Вероятно, мстительный мизинчик указует и на вас: предоставляю вам самим вступиться за свою голову [1]. Но кто же другие?

Г. Полевой? Но, несмотря на прежние раздоры, на письма Бригадирши, на насмешки славного Грипусье, на недавнее прозвище Верхогляда и проч. и проч., всей Европе известно, что Телеграф состоит в добром согласии с Северной Пчелой и Сыном Отечества: мизинчик касается не его.

Г. Воейков? Но сей замечательный литератор рецензиями мало занимается, а известен более изданием *Хамелеонистики*, остроумного сбора статей, в коих выводятся, так сказать, на чистую воду некоторые, так сказать, литературные плутни. Ловкие издатели Северной Пчелы уже верно не станут, как говорится, класть ему пальца в рот, хотя бы сей палец был и знаменитый, вышеупомянутый мизинчик.

Г. Сомов? Но, кажется, *Литературная Газета*, совершив свой единственный подвиг — совершенное уничтожение (литературной) славы г. Булгарина, — почиет на своих лаврах, и г. Греч, вероятно, не станет тревожить сего счастливого усыпления, щекотя Газету проказливым мизинчиком.

Кого же оцарапал сей мизинец? Кто сии рецензенты, у коих — и так далее? Просвещенный читатель уже догадался, что дело идет обо мне, о Феофилакте Косичкине.

[1] До мизинцев ли мне? Изд. [Телескопа].

Всему свету известно, что никто постояннее моего не следовал за исполинским ходом нашего века. Сколько глубоких и блистательных творений по части политики, точных наук и чистой литературы, вышло у нас из печати в течение последнего десятилетия—(шагнувшего так далеко вперед)—и обратило на себя справедливое внимание завидующей нам Европы! Ни одного из таковых явлений не пропустил я из виду; обо всяком, как известно, написал я по одной статье, отличающейся ученостию, глубокомыслием и остроумием. Если долг беспристрастия требовал, чтоб я указывал иногда на недостатки разбираемого мною сочинения, то может ли кто-нибудь из гг. русских авторов жаловаться на заносчивость или невежество Феофилакта Косичкина? Может быть, по примеру г. Полевого, я слишком лестно отзываюсь о самом себе; я мог бы говорить в третьем лице и попросить моего друга подписать имя свое под сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками и гг. русские журналисты, вероятно, не укорят меня в шарлатанстве.

И что ж! Г. Греч в журнале, с жадностию читаемом во всей просвещенной Европе, дает понимать, будто бы в мизинце его товарища более ума и таланта, чем в голове моей! Отзыв слишком для меня оскорбительный! Полагаю себя в праве объявить во услышание всей Европы, что я ничьих мизинцев не убоюсь; ибо, не входя в рассмотрение голов, уверяю, что пальцы мои—(каждый особо и все пять в совокупности)—готовы воздать сторицею, кому бы то ни было. Dixi! [1]

Взявшись за перо, я не имел однакож целию объявить о сем почтеннейшей публике; подобно нашим писателям-аристократам—(разумею слово сие в его ироническом смысле)—я никогда не отвечал на журнальные критики: дружба, оскорбленная дружба призывает опять меня на помощь угнетенного дарования.

Признаюсь: после статьи, в которой так торжественно оправдал и защитил я А. А. Орлова—(статьи, принятой московскою и петербургскою публикою с отличной благосклонностию)—не ожидал я, чтоб Северная Пчела возобновила свои нападения на благородного друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сии нападения уже гораздо слабее прежних, но я не умолкну, доколе не принужу к совершенному безмолвию ожесточенных гонителей моего друга и непочтительного Сына Отечества, издевающегося над нашею древнею Москвою.

[1] Я сказал!

Северная Пчела (№ 101), объявляя о выходе нового Выжигина, говорит: «Заглавие сего романа заставило нас подумать, что это одно из многочисленных подражаний произведениям нашего блаженного г. А. Орлова знаменитого автора — — — Притом же всякое произведение московской литературы, носящее на себе печать изделия книгопродавцев пятнадцатого класса, — — — приводит нас в невольный трепет».—«Блаженный г. Орлов»... Что значит Блаженный Орлов? О! Конечно: если блаженство состоит в спокойствии духа, не возмущаемого ни завистию, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; в честном и благородном труде, в смиренном развитии дарования, данного от бога: то добрый и небогатый Орлов блажен и не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодяя, ни известности шарлатана!!! Если же слово блаженный употреблено в смысле, коего здесь изъяснять не стану, то удивляюсь охоте некоторых людей, старающихся представить смешными вещи, вовсе не смешные, и которые даже не могут извинять неприличия мысли остроумием или веселостию оборота.

Насмешки над книгопродавцами пятнадцатого класса обличают аристократию чиновных издателей, некогда осмеянную так называемыми аристократическими нашими писателями. Повторим истину, столь же неоспоримую, как и нравственные размышления г. Булгарина: «чины не дают ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарования задорному мараке. Фильдинг и Лабрюер не были ни статскими советниками, ни даже коллежскими асессорами. Разночинцы, вышедшие в дворянство, могут быть почтенными писателями, если только они люди с дарованием, образованностию и добросовестностию, а не фигляры и не наглецы».

Надеюсь, что сей умеренный мой отзыв будет последним и что почтенные издатели Северной Пчелы, Сына Отечества и Северного Архива не вызовут меня снова на поприще, на котором являюсь редко, но не без успеха, как изволите видеть. Я человек миролюбивый, но всегда готов заступиться за моего друга; я не похожу на того китайского журналиста, который, потакая своему товарищу и в глаза выхваляя его бредни, говорит на ухо всякому: «этот пачкун и мерзавец ссорит меня со всеми порядочными людьми, марает меня своим товариществом; но что делать? он человек деловой и расторопный!»

Между тем полагаю себя в праве объявить о существовании романа, коего заглавие прилагаю здесь. Он поступит в печать или останется в рукописи, с м о т р я п о о б с т о я т е л ь с т в а м:

НАСТОЯЩИЙ ВЫЖИГИН

Историко-нравственно-сатирический роман XIX века.

СОДЕРЖАНИЕ.

Глава I. Рождение Выжигина в кудлашкиной кануре. Воспитание ради Христа.—Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизон.—Глава III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться!—Глава IV. Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство.—Глава V. Ubi bene, ibi patria [1].—Глава VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву.—Глава VII. Выжигин перебегает.—Глава VIII. Выжигин без куска хлеба. Выжигин ябедник. Выжигин торгаш.—Глава IX. Выжигин игрок. Выжигин и отставной квартальный.—Глава X. Встреча Выжигина с Высухиным.—Глава XI. Веселая компания. Курьезный куплет и письмо-аноним к знатной особе.—Глава XII. Танта. Выжигин попадается в дураки.—Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бедный племянничек! Ай да дядюшка!—Глава XIV. Господин и госпожа Выжигины покупают на трудовые денежки деревню и с благодарностию объявляют о том почтенной публике.—Глава XV. Семейственные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы.—Глава XVI. Видок или маску долой!—Глава XVII. Выжигин раскаивается и делается порядочным человеком.—Глава XVIII и последняя. Мышь в сыре.

Ф. Косичкин.

237. [О Баратынском]

Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален—ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны пора-

[1] Где хорошо, там и родина.

зить всякого, хоть несколько одаренного вкусом и чувствами. Кроме прелестных элегий и мелких стихотворений, знаемых всеми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемых, Баратынский написал две повести, которые в Европе доставили бы ему славу, а у нас были замечены одними знатоками. Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех.—Постараемся объяснить причины. Первой должно почесть самое сие усовершенствование и зрелость его произведений. Понятия и чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут—юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются.—Песни его уже не те.—А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни.—Поэт отделяется от них и мало-по-малу уединяется совершенно. Он творит—для самого себя, и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, затерянных в свете, как он уединенных.—Вторая причина есть отсутствие критики и общего мнения.—У нас литература не есть потребность народная.—Писатели получают известность посторонними обстоятельствами. Публика мало ими занимается.—Класс читателей ограничен—и им управляют журналы, которые судят о литературе как о политической экономии, о политической экономии как о музыке, т. е. наобум, по наслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частию по личным расчетам. Будучи предметом их неблагосклонности, Баратынский никогда за себя не вступался, не отвечал ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться там, где не было обвинения, и что, с другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки—тем не менее их приговоры имеют решительное влияние.

Третья причина—эпиграммы Баратынского—сии мастерские, образцовые эпиграммы не щадили правителей русского Парнасса.—Поэт наш не только никогда не нисходил к журнальной полемике и ни разу не состязался с нашими Аристархами, несмотря на необыкновенную силу своей диалектики, но и не мог удержаться, чтоб сильно не выразить иногда своего мнения в этих маленьких сатирах, столь забавных и язвитель-

ных. Не смеем упрекать его за них. Слишком было бы жаль, если б они не существовали [1].

Сия беспечность о судьбе своих произведений, сие неизменное равнодушие к успеху и похвалам, не только в отношении к журналистам, но и в отношении публики—очень замечательны. Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению (exagération) для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудами неблагодарными, редко замеченными, трудами отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам свой век увлекающего гения, подбирая им оброненные колосья; он шел своею дорогой один и независим.—Время ему занять степень, ему принадлежащую—и стать подле Жуковского и выше певца *Пенатов* и *Тавриды.*

Перечтите его *Эду* (которую критики наши нашли н и ч т о ж н о й, ибо, как дети, от поэмы требуют они происшествий); перечтите сию простую восхитительную повесть; вы увидите, с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь. Посмотрите на Эду после первого поцелуя предприимчивого обольстителя.

Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал,—
Веселость ясная сияла —
В ее младенческих очах ——

Она любит как дитя, радуется его подаркам, резвится с ним, беспечно привыкает к его ласкам—но время идет, Эда уже не ребенок.

[На камнях розовых твоих]
Весна [игриво засветлела,
И ярко зелен мох на них,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей сребристый,
И лес прохладою душистой
С востока веет по утру;

[1] Эпиграмма, определенная законодателем французской пиитики: Un bon mot de deux rimes orné [меткое слово, украшенное двумя рифмами] скоро стареет, и живее действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении—Напротив, в эпиграмме Баратынского сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободнее, сильнее——Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства. [*Прим. Пушкина.*]

Там, за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черемух фимиам
Там в чистом воздухе струится:
Своею негою страшна
Тебе волшебная весна,
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица]
Не обращай [и в дол прекрасный
Не приходи, и сверх всего
Беги гусара своего.]

Какая роскошная черта, как весь отрывок исполнен неги. Эда влюблена...

238. [Набросок предисловия к Борису Годунову]

[*Перевод с французского*]

Для предисловия. Публика и критика, принявшие мои первые опыты с живым снисхождением и притом в такое время, когда строгость и недоброжелательство отвратили бы меня, вероятно, навсегда от поприща, мною избираемого, заслуживают полной моей признательности: они расплатились со мной совершенно. С этой минуты их строгость или равнодушие уже не могут иметь влияния на труды мои.

239. [Записка, представленная в III отделение]

Десять лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечатанием сонников и песенников [1].

[1] В черновом автографе этого места записки сохранились еще следующие строки:

Человек, имевший важное влияние на русское просвещение, посвятивший жизнь единственно на ученые труды, [Карамзин] первый показал опыт торговых оборотов в литературе. Он и тут (как и во всем) был исключением из всего, что мы привыкли видеть у себя. [Литераторы во время царствования покойного императора были оставлены на произвол цензуре, своенравной и притеснительной—Редкое сочинение доходило до печати. Весь класс писателей (класс важный у нас, ибо по крайней мере составлен он из грамотных людей) перешел на сторону недовольных. Правительство сего не хотело замечать: отчасти из великодушия (к несчастию того не понимали, или не хотели понимать), отчасти от непростительного небрежения. Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного государя я имел на сословие литераторов гораздо более влияния, чем министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств.]

Несчастные обстоятельства, сопровождавшие восшествие на престол ныне царствующего императора, обратили внимание его величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на призвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной цензурою. Не было даже закона касательно собственности литературной.

Ограждение сей собственности и цензурный устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. торговое. Ныне составляет она отрасль промышленности, покровительствуемой законами.

Изо всех родов литературы периодические издания всего более приносят выгоды и чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся.

Известия политические привлекают большое число читателей, будучи любопытны для всякого.

Северная Пчела, издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3000 подписчиков, естественно должна иметь большое влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю.

Всякий журналист имеет права говорить мнение свое о нововышедшей книге, столь строго, как угодно ему. *Северная Пчела* пользуется сим правом—и хорошо делает; законом требовать от журналиста благосклонности или беспристрастия было бы невозможно и несправедливо. Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики, или искать управы и защиты в другом журнале.

Но журналы, чисто литературные, вместо 3000 подписчиков имеют едва ли и 300, и следственно голос их был бы вовсе не действительным.

Таким образом, литературная торговля находится в руках издателей *Северной Пчелы*, и критика, как и политика, сделалась их монополией.

От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских сношениях с издателями *Северной Пчелы*, ни одно из их произведений не продается, ибо никто не станет покупать товара, осужденного в самом газетном объявлении.

Для восстановления равновесия в литературе нам необходим журнал, коего средства могли бы равняться средствам *Северной Пчелы*, т. е. журнал, в коем печатались бы политические и заграничные новости.

Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в сем случае я полагаю священной обязанностью ему повиноваться и не только сообразжаться с решением цензора, но и сам обязуюсь строго смотреть за каждой строкою моего журнала.

Злонамеренность была бы с моей стороны столь же безрассудна, как и неблагодарна.

Письма

240. Н. А. Полевому

1 января 1831 г. [Москва]

...Искренно благодарю вас за присылку *Телеграфа*, приятное для меня доказательство, что наше литературное разногласие не совсем расстроило наши прежние сношения... Жалею, что еще не могу доставить Вам *Б. Годунова*, который уже вышел, но мною не получен...

241. П. Я. Чаадаеву [*Перевод с французского*]

2 января [1831 г. Москва]

Вот, мой друг, те из моих произведений, которые я более всего люблю. Вы их прочтете—ибо они мои—и скажете свое мнение.

242. Кн. П. А. Вяземскому

2 января 1831 г. [Москва]

Стихи твои прелесть—не хочется мне отдать их в Альманах; лучше отошлем их Дельвигу. Обозы, поросята и бригадир удивительно забавны.—Яковлев издает к масленице альманах Блин. Жаль, если первый блин его будет комом. Не отдашь ли ты ему *Обозы*, а *Девичий сон* Максимовичу? Яковлев тем еще хорош, что отменно храбр и готов намазать свой блин жиром Булгарина и икрою Полевого—пошли ему свои сатирические статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какие подарки получил я на новый год? Билет на *Телеграф*, да билет на *Телескоп*—от издателей в знак искреннего почтения. Каково? И в *Пчеле* предлагают мне мир, упрекая нас (тебя да меня) в неукротимой вражде и службе вечной Немезиде. Все это прекрасно

одного жаль — в *Борисе* моем выпущены народные сцены, да матерщина французская и отечественная; а впрочем странно читать многое напечатанное. *Сев*[*ерные*] *Цветы* что-то бледны. Каков шут Дельвиг, в круглый год ничего сам не написавший и издавший свой альманах в поте лиц наших?..

243. П. А. Плетневу

7 января [1831 г. Москва]

... Видел я, душа моя, *Цветы*. Странная вещь, непонятная вещь! Дельвиг ни единой строчки в них не поместил. Он поступил с нами, как помещик со своими крестьянами. Мы трудимся—а он сидит на судне, да нас побранивает. Нехорошо и неблагоразумно. Он открывает нам глаза, и мы видим, что мы в дураках... Пишут мне, что *Борис* мой имеет большой успех. Странная вещь, непонятная вещь! По крайней мере я того никак не ожидал. Что тому причиною? Чтение Вальтер-Скотта? Голос знатоков, коих избранных так мало? крик друзей моих? мнение двора? Как бы то ни было, я успеха трагедии моей у вас не понимаю. В Москве то ли дело? Здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал; что моя трагедия—подражание *Кромвелю* Виктора Гюго; что стихи без рифм—не стихи, что Самозванец <не мог> не должен был так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и неблагоразумно, и тому подобные глубокие критические замечания. Жду переводов и суда немцев, а о французах не забочусь. Они будут искать в *Борисе* политических применений к варшавскому бунту и скажут мне, как наши: «Помилуйте-с!..» Любопытно будет видеть отзыв наших Шлегелей, из коих один Катенин знает свое дело. Прочие—попугаи или сороки Инзовские, которые картавят одну им натверженную [.....] [....]... Кстати: поэма Баратынского—чудо. Addio.

244. П. А. Плетневу

13 января [1831 г. Москва]

... Что Газета наша? Надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном

Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филиппики. Кабы я не был ленив, да не был жених, да не был очень добр, да умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал бы обозрение литературное—да лих: терпения нет, злости нет, времени нет, охоты нет. Впрочем посмотрим...

245. М. П. Погодину

[Первая половина января 1831 г. Москва]

Вот вам *Борис*. Доставьте, сделайте милость, один экземпляр Нікодіму Надоумке, приславшему мне билет на *Телескоп*. Мы живем во дни переворотов или переоборотов (как лучше?).

Мне пишут из П. Б., что *Годунов* имел успех. Вот ещё для меня диковинка.—Выдавайте ж *Марфу*.

246. П. А. Плетневу

21 января [1831 г. Москва]

... Ужасное известие получил я в воскресение. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову объявить ему все—и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду—около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? Ты, я, Баратынский, вот и все...

247. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

21 января [1831 г. Москва]

... Из всех поляков меня интересует только Мицкевич... Смерть Дельвига нагнала на меня тоску. Независимо от его прекрасного таланта это была отлично устроенная голова и незаурядная душа. Он был лучший из нас. Наши ряды начинают редеть...

248. П. А. Плетневу

31 января [1831 г. Москва]

Бедный Дельвиг! Помянем его *Северными Цветами*...

Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее, был свидетелем первого незамеченного развития его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости; с ним читал я Державина и Жуковского, с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце томит, я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым, чистым разумом и надеждами...

Что за мысль пришла Гнедичу посылать свои стихи в *Сев*[*ерную*] *Пчелу?* Радуюсь, что Греч отказался: как можно чертить анфологическое надгробие в нужнике, и что есть общего между поэтом Дельвигом и г[........] полицейским Фаддеем?..

249. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

[8 или 9 февраля 1831 г. Москва]

... Вы говорите мне об успехе *Бориса Годунова*, по правде, я не могу этому верить. Успех совершенно не входил в мои расчеты, когда я писал его... К тому же все хорошее в ней [трагедии. *Ред.*] так мало рассчитано на то, чтобы поражать почтеннейшую публику (то-есть ту сволочь, которая нас судит), и раскритиковать меня вполне основательно так легко, что я думал доставить удовольствие только дуракам, которые могли бы выказать свое остроумие за мой счет...

250. Н. И. Кривцову

10 февраля 1831 г. [Москва]

... Посылаю тебе, милый друг, любимое мое сочинение. Ты некогда баловал первые мои опыты,—будь благосклонен и к произведениям более зрелым...

251. П. А. Плетневу

[Первая половина февраля 1831 г. Москва]

... Что ж ты мне не отвечал про жизнь Дельвига? Баратынский не в шутку думает об этом. Твоя статья о нем прекрасна. Чем более читаю ее, тем более она мне нравится. Но надобно подробностей—изложения его мнений, анекдотов, разбора его стихов etc.

252. Н. И. Хмельницкому

6 марта 1831 г. Москва.

... позвольте поблагодарить вас за ваше воспоминание и попросить у вас прощения не за себя, а за моих книгопродацев, не высылающих вам, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будет вам доставлена непременно, вам, любимому моему поэту...

253. П. А. Плетневу

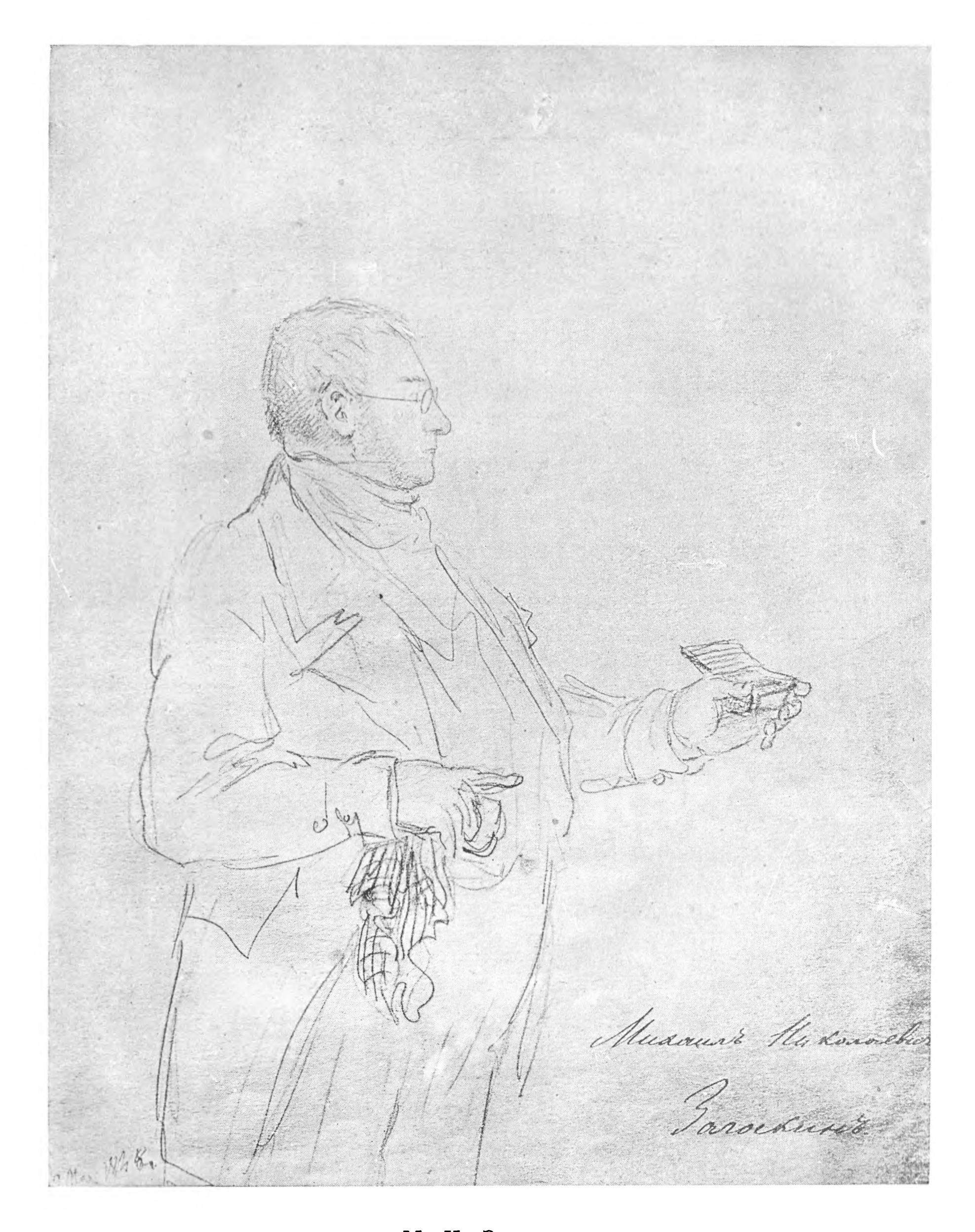
26 марта [1831 г. Москва]

... Мне сказывали, что Жуковский очень доволен *Марфой Посадницей*; если так, то пусть же выхлопочет он у Бенкендорфа, или у кого ему будет угодно, позволение напечатать всю драму, произведение чрезвычайно замечательное, несмотря на неровенство общего достоинства и слабости стихосложения. Погодин—очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, которого куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это была бы победа над Университетом, то-есть над предрассудками и вандализмом...

254. П. А. Плетневу

11 апреля 1831 г. Москва.

... Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала,—чего доброго?—и газеты. Вяземский

М. Н. Загоскин

С портрета Мамонова. (Гос. Исторический музей)

везет к вам *Жизнь Ф. Визина*, книгу, едва ли не самую замечательную с тех пор, как пишут у нас книги (все-таки исключая Карамзина). *Петр Иваныч* приплыл и в Москву, где, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Неужто мы вразумили публику? или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгарин так для нее создан, а она—для него, что им вместе жить, вместе и умирать. На *Выжигина II-го* я еще не посягал, а как сказывают—обо мне в нем нет ни слова, то и не посягну. Разумею: не стану читать, а ругать все-таки буду...

255. П. А. Плетневу

[Первая половина апреля 1831 г. Москва]

... Итак, вот тебе понктуальные ответы на твои запросы. Деларю слишком гладко, слишком правильно, слишком чопорно пишет для молодого лицеиста. В нем не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй том Подолинского. Впрочем, может быть, он и разовьется. О Гоголе не скажу тебе ничего, потому что доселе [ничего] его не читал за недосугом...

... Обними Жуковского... С нетерпением ожидаю новых его баллад. И так былое с ним сбывается опять. Слава богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады—переводы или сочинения. Дмитриев, думая критиковать Жуковского, дал ему преэдравый совет. Жуковский, говорил он, в своей деревне заставляет старух себе ноги гладить и рассказывать сказки и потом перекладывает их в стихи. Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским. Если все еще его несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах, прелесть простоты и вымысла!..

256. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

8 мая [1831 г. Москва]

Вот «*Странник*», которого вы просили у меня. В этой немного манерной болтовне чувствуется истинный талант. Самое замечательное то, что автору уже 35 лет, а между тем это его первое произведение. Роман Загоскина еще не вышел. Он был вынужден переделать несколько глав, где говорилось о поляках 1812 года...

257. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

[Вторая половина мая 1831 г. Петербург]

Вот Ваши книги, умоляю Вас прислать мне второй том *Rouge et Noir*. Я от него в восторге. *Plock et Plick*—жалок, это куча противоестественной чепухи, пошлостей, лишенных даже оригинальности. Свободна ли уже *Notre Dame*?..

258. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

Вторник [конец мая или начало июня 1831 г. — Петербург?]

... Ваше восхищение *Notre Dame* вполне понятно. Во всем этом вымысле много изящества. Но, но... я не смею сказать всего, что об нем думаю. Во всяком случае падение священника великолепно со всех точек зрения; от него просто кружится голова. *Rouge et Noir* — хороший роман, несмотря на фальшивую риторику, встречающуюся в некоторых местах, и на несколько замечаний дурного вкуса.

259. Кн. П. А. Вяземскому

1 июня [1831 г. Царское Село]

... От политики перехожу к литературе, т. е. к Булгарину. Знаешь ли, за что его выслали из П. Б.? говорят, будто бы при появлении эпиграммы: Фиглярин, вот поляк примерный—он так огорчился, что прямо адресовался к государю со слезной жалобой на меня, сделайте-де, в[аше] в[еличество], такую божескую милость, уймите Пушкина, который все меня обиждает своими стишками. Государю было не до стишков; Булгарин же не в первый раз надоедал ему своими жалобами и доносами.—Он и велел его выслать как человека беспокойного. Но каковы бесстыдство и дерзость Булгарина? Недоволен он тем, что плутовством выманил он высочайший рескрипт *Петру Ивановичу Выжигину* и что он продает свои сальные пасквили из-под порфиры императорской. Карл X сидит себе смирно в Единбурге, а Фаддей Булгарин требует вспомогательной силы от русского императора! Господи боже мой, до чего мы дожили! Однако ж вот тебе и добрая весть: Жуковский точно написал 12 прелестных баллад и много других прелестей...

260. П. В. Нащокину

1 июня [1831 г. Царское Село]

... Я сейчас увидел в *Лит*[*ературной*] *Газ*[*ете*] разбор Вельтмана, очень неблагосклонный и несправедливый.—Чтоб не подумал он, что я тут как-нибудь вмешался. Дело в том, что и я виноват: поленился исполнить обещанное, не написал сам разбора; но и некогда было...

261. Кн. П. А. Вяземскому

11 июня [1831 г. Царское Село]

... Жуковский все еще пишет. Он перевел несколько баллад Соутея, Шиллера и Гуланда. Между прочим *Водолаза*, *Перчатку*, *Поликратово кольцо* etc. Также перевел неконченную балладу Вальтер-Скотта *Пильгрим* и приделал свой конец: прелесть. Теперь пишет сказку гекзаметрами, в роде своего красного карбункула, и те же лица на сцене, дедушка, Луиза, трубка и проч. Все это явится в новом издании всех его баллад, которые издает Смирдин в двух томиках. Вот все, чем можно нам утешаться в нынешних горьких обстоятельствах. Здесь я журналов не получаю, и не знаю, что делается в нашем омуте, и кто кого...

262. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

[19 или 20 июня 1831 г. Царское Село]

... что за мысль пришла Вам—заставить меня переводить русские стихи французской прозой, меня, который не знает даже правописания? Кроме того, стихи посредственны. Я написал на ту же тему другие, стоящие немногим больше и которые я вам пришлю при первой возможности...

263. М. П. Погодину

[Конец июня 1831 г. Царское Село]

... Вы удивляете меня тем, что трагедия Ваша не поступила еще в продажу. Вяземский сказывал мне, что она уже вышла, потому-то я и не хлопотал об ней. Непременно надобно ее

выдать, и непременно буду писать при первом случае об этом к Б[лудову]...

... Пишите *Петра*; не бойтесь его дубинки. В его время вы были бы один из его помощников; в наше время будьте хоть его живописцем...

264. Барону Е. Ф. Розену

[Июль—первая половина ноября 1831 г. Петербург или Царское Село?]

Вот вам, любезный барон, *Пир во время чумы* из Вильсоновой трагедии à effet [1]; предприняв издание 3-го тома моих мелких стихотворений, не посылаю вам некоторых из них, ибо, вероятно, они явятся прежде вашей *Альционы*.—Горю нетерпением прочитать ваше предисловие к *Борису*; думаю, для второго издания написать к вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию...

265. Кн. П. А. Вяземскому

3 июля [1831 г. Царское Село]

... По газетам видел я, что Тургенев к тебе отправился в Москву; не приедешь ли с ним назад? Это было бы славно. Мы бы что-нибудь и затеяли вроде Альманаха, и Тургенева порастрепали бы. Об *Адольфе* твоем не имею никакого известия... О литературе не спрашивай: я не получаю ни единого журнала, кроме *С.-Пет*[*ербургских*] *Ведомостей*, и тех не читаю. *Рославлева* прочел и очень желаю знать, каким образом ты бранишь его. Разговоров о *Борисе* не слыхал и не видал; я в чужие разговоры не вмешиваюсь...

266. П. Я. Чаадаеву [*Перевод с французского*]

6 июля [1831 г. Царское Село]

... Все что вы говорите о Моисее, о Риме, об Аристотеле, об идее истинного бога, об античном искусстве, о протестантизме, восхитительно по силе, правдивости и красноречию.

[1] рассчитанной на эффект

Что касается образов и картин—они широки, блестящи и величественны. Ваше понимание истории совершенно ново для меня, но я не во всем придерживаюсь Вашего мнения. Я не понимаю, например, ни Вашей антипатии к Марку Аврелию, ни Вашего предпочтения Давиду (псалмы которого—если только они принадлежат ему—я обожаю). Мне не ясно, почему мощная, простодушная картина многобожия у Гомера возмущает Вас. Помимо ее поэтического значения, это ведь и по Вашему мнению—огромный исторический памятник. То, что в *Илиаде* представляется нам кровожадным, встречается и в библии...

267. П. А. Плетневу

[Вторая половина июля 1831 г. Царское Село]

...Что же твой план Сев[ерных] Цветов в пользу братьев Дельвига? Я даю в них *Моцарта* и несколько мелочей. Ж[уковский] дает свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому; он пришлет нам сокровища; он в своей деревне. От тебя стихов не дождешься; если б ты собрался да написал что-нибудь об Дельвиге! То-то было б хорошо! Во всяком случае проза нужна; коли ты ничего не дашь, так она сядет на мель. Обозрения словесности не надобно; чорт ли в нашей словесности? Придется бранить Полевого да Булгарина—кстати ли такое аллилуйя на могиле Дельвига?..

268. А. Х. Бенкендорфу

[Вторая половина июля 1831 г. Царское Село]

... В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует), и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостию взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала; т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению...

269. М. Л. Яковлеву

19 июля [1831] Царское Село.

Что Сев[ерные] Цветы? с моей стороны я готов. На-днях пересмотрел я у себя письма Дельвига! может быть, со временем это напечатаем. Нет ли у ней моих к нему писем? Мы бы их соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же Ижорский, также и моя баллада о Рыцаре, влюбленном в Деву. Не может ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать...

270. П. В. Нащокину

21 июля [1831 г. Царское Село]

... Ты пишешь мне о каком [-то?] критическом разговоре, которого я еще не читал. Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что все, что называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны я отступился; возражать серьозно — невозможно; а паясить перед публикою не намерен. Да к тому же ни критики, ни публика не достойны дельных возражений...

271. Кн. П. А. Вяземскому

3 августа [1831 г. Царское Село]

Литературная газета что-то замолкла; конечно Сомов болен или подпиской недоволен. Твое замечание о мизинце Булгарина не пропадет; обещаюсь тебя насмешить...

У Жуковского зубы болят, он бранится с Россети; она выгоняет его из своей комнаты, а он пишет ей Арзамасские извинения гекзаметрами...

...чем умоляю вас, о царь мой небесный—
...прикажите ль? кожу
Дам содрать с моего благородного тела вам на калоши.
...прикажите ль? уши
Дам обрезать себе для хлопушек, и проч.

Перешлю тебе это чисто арзамасское произведение...

272. П. А. Плетневу

3 августа [1831 г. Царское Село]

... С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних и бесценных жертв Хвостов торчит каким-то кукишем похабным. Перечитывал я на-днях письма Дельвига; в одном из них пишет он мне о смерти Д. Веневитинова: «Я в тот же день встретил Хвостова,—говорит он,—и чуть не разругал его: зачем он жив?» Бедный наш Дельвиг! Хвостов и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет. Но в таком случае именем нашей дружбы заклинаю тебя его зарезать хоть эпиграммой...

273. А. Ф. Воейкову

[Конец августа 1831 г. Царское Село]

Сейчас прочел «*Вечера близ Диканьки*». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия, какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались «*Вечера*», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольéр и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов.

Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на неприличие его выражений, на дурной тон и проч. Пора, пора нам осмеять les précieuses ridicules [1] нашей словесности, людей, толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и все это слогом камердинера профессора Тредьяковского.

[1] смешных жеманниц

274. Н. В. Гоголю

25 августа [1831 г. Царское Село]

... Проект вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтоб привести его в действие. Статья Ф. Косичкина еще не явилась; не знаю, что это значит: не убоялся ли Надеждин гнева Фаддея Венедиктовича?—Поздравляю вас с первым вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого—толков журналистов и отзыва остренького сидельца...

275. Кн. П. А. Вяземскому

3 сентября 1831 г. Царское Село.

... Ты пишешь о журнале: да, чорта с два! кто нам разрешит журнал? Фон-Фок умер, того и гляди, поступит на его место Н. И. Греч. Хороши мы будем! О газете политической нечего и думать, но журнал ежемесячный, или четыремесячный, третейской можно бы нам попробовать—одна беда: без мод он не пойдет, а с модами стать нам наряду с Шаликовым, Полевым и проч.—совестно. Как ты? с, или без? Мы бы переписку Авраама с Игн. поместили в отделении: Классическая словесность. Ж[уковский] все еще пишет; завел 6 тетрадей и разом начал 6 стихотворений; так его и несет. Редкий день не прочтет мне чего нового; нынешний год он верно написал целый том. Это хорошо было бы для журнала... То, что ты говоришь о *Рославлеве*, сущая правда; мне смешно читать рецензии наших журналов, кто начинает с Гомера, кто с Моисея, кто с Вальтер-Скотта; пишут книги о романе, которого ты оценил в трех строчках совершенно полно, но к которым можно прибавить еще три строчки: что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что все можно прочесть с удовольствием (итого 3 строки $^1/_2$)...

276. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

[Октябрь-ноябрь 1831 г. Петербург]

Большое спасибо за *Garçon boucher*. В нем есть подлинный талант. Но *Barnave*, *Barnave*... Посылаю Манцони... не откажите его возвратить и не обращайте внимания на мои пророчества.

277. Кн. П. А. Вяземскому

[15—19 октября 1831 г. Царское Село]

... похлопочи о *Северных Цветах*, пришли нам своих стихов и проз, да у Языкова нет ли чего? Я слышу, они с Киреевским затевают журнал: с богом! да будут ли моды? важный вопрос. По крайней мере можно будет нам где-нибудь показаться—да и Косичкин этому рад. А то куда принужден он был приютиться! в *Телескоп*! легко сказать... Ж[уковский] написал пропасть хорошего и до сих пор все еще продолжает переводить одну песнь из *Marmion*; славно. Каков Гогель! повести мои печатают.—*Северные Цветы* будут любопытны...

278. Н. М. Языкову

[18 ноября 1831 г. Петербург]

Сердечно благодарю вас, любезный Николай Михайлович, вас и Киреевского за дружеские письма и за прекрасные стихи... Поздравляю всю братию с рождением Е в р о п е й ц а. Готов с моей стороны служить вам чем угодно, прозой и стихами, по совести и против совести. Ф. Косичкин до слез тронут вниманием, коим удостоиваете вы его; на-днях получил он благодарственное письмо от А. Орлова и собирается отвечать ему; потрудитесь отыскать его и доставить ему ответы его друга (или от его друга, как пишет Погодин). Жуковский приехал; известия, им привезенные, очень утешительны; тысяча, пробитая вами, очень поправит домашние обстоятельства нашей бедной литературы. Надеюсь на Хомякова: С а м о з в а н е ц его не будет уже студент,—а стихи его все будут попрежнему прекрасны.—Торопите Вяземского, пусть он пришлет мне своей прозы и стихов; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правим тризну по Дельвиге. А вот как наших поминают! и кто же? друзья его! ей-богу стыдно. Хвостов написал мне послание, где он помолодел и тряхнул стариною. Он говорит:

Приближася похода знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости Июль.

и проч. в том же виде. Собираюсь достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога...

279. Ф. Н. Глинке

21 ноября [1831 г. Петербург]

... мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние *Северные Цветы*. Изо всех его друзей только вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне; именно тех двух поэтов, с коими, после лицейских его друзей, более всего был он связан. Мне говорят, будто вы на меня сердиты; это не резон: сердце сердцем, а дружба дружбой. Хороши и те, которые ссорят нас бог ведает какими сплетнями. С моей стороны, моим искренним, глубоким уважением к вам и вашему прекрасному таланту я перед вами совершенно чист. Надеюсь на вашу благосклонность и на ваши стихи...

280. А. А. Орлову

24 ноября 1831 г. — 9 января 1832 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Анфимович! Искренно благодарю вас за удовольствие, доставленное мне письмом вашим. Радуюсь, что посильное заступление мое за дарование, конечно, не имеющее нужду ни в чьем заступлении, заслужило вашу благосклонность. Вы оценили мое усердие, а не успех. Мал бех в братии моей, и если мой камешек угодил в медный лоб Голиафу Фиглярину, то слава создателю! Первая глава нового вашего *Выжигина* есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александр Анфимович! Удержите сие благородное, справедливое негодование, обуздайте свирепость творческого духа вашего! Не приводите яростью пера вашего в отчаяние присмиревших издателей *Пчелы*. Оставьте меня впереди соглядатаем и стражем. Даю вам слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ф. Косичкин заварит такую кашу, или паче кутью, что они ею подавятся. Читал я в *Молве* объявление о намерении вашем писать *Историю русского народа*: можно ли верить сей приятной новости?..

... Повторяю здесь просьбу мою: оставьте в покое людей, которые не стоят и не заслуживают вашего гнева. Кажется, теперь г. Полевой нападает на вас и на меня; собираюсь на него рассердиться; покаместь с ним возятся Воейков и Сомов под псевдонимом Н. Лугового—мое дело сторона.

281. А. Х. Бенкендорфу [*Перевод с французского*]

24 ноября [1831] Петербург.

... Примерно год тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем писателе, претендующем на благородное происхождение, тогда как в действительности он всего лишь мещанин. Прибавляли, что его мать была мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен одним матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не походил на пьяного матроса, ясно, что имели в виду меня, ибо кроме меня нет в России имеющего среди своих предков негра. Так как упомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность дошла до того, что в фельетоне, который должен бы быть лишь литературным, говорили о моей матери, и так как наши газетчики не дерутся на дуэли, я считал себя обязанным ответить анонимному сатирику, что я и сделал в стихах и весьма резко. Послал свой ответ покойному Дельвигу, прося напечатать в его журнале. Дельвиг советовал взять его обратно, указывая, что было бы смешно защищаться с пером в руках против подобных нападок и афишировать аристократические чувства человеку, который, если хорошенько разобраться, не более, как почетный гражданин, если не мещанин. Я послушался его совета, и дело на этом кончилось. Но по рукам ходило несколько копий этого ответа, что меня вовсе не огорчало, так как в нем нет ничего такого, от чего я желал бы отречься. Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками: я считаю себя таким же дворянином, как и всякий другой, хоть это и не приносит никаких выгод; я дорожу, наконец, именем своих предков, так как это—единственное наследство, оставленное мне ими. Но так как мои стихи могут принять за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий, не зная, что это лишь очень сдержанный ответ на вызов, достойный крайнего порицания, я счел своей обязанностью дать вам откровенное объяснение и приложить при сем сочинение, о котором идет речь...

282. Н. Н. Пушкиной

[Середина декабря 1831 г. Москва]

... Стихов твоих не читаю. Чорт ли в них; и свои надоели...

1832

283. [О Викторе Гюго]

Всем известно, что французы народ самый anti-поэтический. Лучшие писатели их, славнейшие представители сего остроумного и положительного народа, Montagne, Voltaire, Montesquieu, Лагарп и сам Руссо, доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно.

Если обратим внимание на критические результаты, обращающиеся в народе и принятые за литературные аксиомы, то мы изумимся их ничтожности или несправедливости. Корнель и Вольтер, как трагики, почитаются у них равными Расину; Ж. Б. Руссо доныне сохранил прозвище в е л и к о г о. Первым лирическим поэтом почитается теперь несносный Беранже, слагатель натянутых и манерных песенок, не имеющих ничего страстного, вдохновенного, а в веселости и остроумии далеко отставших от прелестных шалостей Коле. Не знаю, признались ли, наконец, они в тощем и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10, они без церемонии ставили его наравне с Байроном и Шекспиром.—*Cinq Mars*, посредственный роман графа де Виньи, равняют с великими созданиями Вальтер-Скотта.

Разумеется, что их гонения столь же несправедливы, как и любовь. Между мало известными молодыми талантами нынешнего времени Сент-Бёв менее всех известен, а между тем он чуть ли не самый замечательный.

Стихотворения его, конечно, очень оригинальны и, что важнее, исполнены искреннего вдохновения. В Л и т е р а т у р н о й Г а з е т е упомянули о них с похвалою, которая показалась преувеличена.—Ныне Victor Hugo, поэт и человек с

истинным дарованием, взялся оправдать мнения петербургского журнала: он издал под заглавием *Les feuilles d'automne* [1] том стихотворений, очевидно писанных в подражание книге Сент-Бёва: *Les Consolations* [2].

Письма

284. П. А. Осиповой [*Перевод с французского*]

[Начало января 1832 г. Петербург]

... Посылаю вам, сударыня, *Северные Цветы*, недостойным издателем которых я являюсь. Это последний год существования альманаха и дань памяти нашего друга, утрата которого долго еще будет свежа. Присоединяю к ним сказки (des contes à dormir débout). Желаю, чтоб они вас позабавили на мгновение...

285. И. В. Киреевскому

4 января 1832 г. [Петербург]

... Дай бог многие лета вашему журналу. Если читать по двум первым №, то *Европеец* будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны да сухи, кажется, *Европеец* первый соединит дельность с заманчивостью. Теперь несколько слов об журнальной экономии: в первых двух книжках вы напечатали две капитальные пиэсы Жуковского и бездну стихов Языкова; это неуместная расточительность. Между Спящей царевной и мышью Степанидой должно было быть по крайней мере 3 нумера. Языкова довольно было бы двух пиэс. Берегите его на черный день. Не то как раз промотаетесь и принуждены будете жить Раичем да Павловым. Ваша статья о *Годунове* и о *Наложнице* порадовала все сердца, насилу-то дождались мы истинной критики. Но избегайте ученых терминов и старайтесь их переводить, т. е. перефразировать, это будет и приятно неучам и полезно нашему младенчествующему языку. Статья Баратынского хороша, но слишком тонка и растянута (я говорю о его антикритике). Ваше сравнение Баратынского с Миерисом удивительно ярко и точно. Его элегии и поэмы точно ряд прелестных миниатюров, но эта прелесть отделки, отчетливость в мелочах, тонкость и верность оттенков, все это может ли быть порукой за

[1] «Осенние листья»
[2] «Утешения»

будущие успехи его в комедии, требующей, как и сценическая живопись, кисти резкой и широкой? Надеюсь, что *Европеец* разбудит его бездействие.

286. И. И. Дмитриеву

14 февраля [1832 г.] Петербург.

... Радуюсь, что успел вам угодить стихами, хотя и белыми. Вы должны любить рифму, как верного слугу, который никогда с вами не спорил и всегда повиновался малейшим вашим прихотям. Утешительно для всякого русского видеть живость вашей деятельности и внимательности: по физиологическим примечаниям, это порука в долголетии и здравии. Живите ж долго, милостивый государь! Переживите наше поколение, как мощные и стройные стихи ваши переживут тщедушные нынешние произведения. Вероятно вы изволите уже знать, что журнал *Европеец* запрещен в следствие доноса. Киреевский, добрый и скромный Киреевский, представлен правительству сорванцем и якобинцем! Все здесь надеются, что он оправдается и что клеветники—или, по крайней мере, клевета—устыдится и будет изобличена...

287. М. П. Погодину

11 июля [1832 г. Петербург]

... Варварство нашей литературной торговли меня бесит. Смирдин опутал сам себя разными обязательствами, накупил романов и тому под., и ни к каким условиям не приступает. Трагедии нынче не раскупаются, говорит он своим техническим языком. Переждем же и мы. Мне сказывают, что Вас где-то разбранили за *Посадницу*: надеюсь, что это никакого влияния не будет иметь на ваши труды. Вспомните, что меня лет 10 сряду хвалили бог весть за что, а разругали за *Годунова* и *Полтаву*. У нас критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы,—сердиться на нее можно, но доверять ей в чем бы то ни было—непростительная слабость. Ваша *Марфа*, ваш *Петр* исполнены истинной драматической силы, и если когда-нибудь могут быть разрешены сценическою цензурой, то предрекаю Вам такой народный успех, какого мы, холодные

северные зрители Скрибовых водевилей и Дидлотовых балетов, и представить себе не можем.

Знаете ли Вы, что государь разрешил мне политическую газету? Дело важное, ибо монополия Греча и Булгарина пала. Вы чувствуете, что дело без вас не обойдется...—Кстати, скажите Надеждину, что опрометчивость его суждений непростительна. Недавно прочел я в его журнале сравнение между мной и Полевым; оба-де морочат публику: один выманивает у ней деньги, выдавая по одной главе своего Онегина, а другой по одному тому своей Истории. Разница — собрать подписку, обещавшись в год выдать 12 томов, а между тем в 3 года напечатать 3 тома на проценты с выманенных денег, и разница—напечатать по главам сочинение, о котором сказано в предисловии: вот начало стихотворения, которое вероятно никогда не будет кончено. Надеждин волен находить мои стихи дурными, но сравнивать меня с плутом есть с его стороны свинство. Как после этого порядочному человеку связываться с этим народом? И что если бы еще должны мы были уважать мнения Булгарина, Полевого, Надеждина? Приходилось бы стреляться после каждого нумера их журналов. Слава богу, что общее мнение (каково бы оно у нас ни было) избавляет нас от хлопот.

Я Шишкову не отвечал и не благодарил его. Обнимите его за меня. Дай бог ему здоровья за *Фортуната*!..

288. И. В. Киреевскому

11 июля [1832 г. Петербург]

... Запрещение вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на вашей стороне, то-есть на стороне совершенной безвинности. Донос, сколько я мог узнать, ударил не из Булгаринской навозной кучи, но из тучи. Жуковский заступился за вас с своим горячим прямодушием; Вяземский писал к Бенкендорфу смелое, умное и убедительное письмо. Вы одни не действовали, и вы в этом случае кругом неправы. Как гражданин, лишены вы правительством одного из прав всех его подданных. Вы должны были оправдываться из уважения к себе, и смею сказать, из уважения к государю, ибо нападения его не суть нападения Полевого или Надеждина. Не знаю: поздно ли, но на вашем месте я бы и теперь не отступился от сего оправдания; начните письмо ваше тем, что, долго ожи-

дая запроса от правительства, Вы молчали до сих пор. Ей-богу, это было бы не лишнее.

Между тем обращаюсь к вам, к брату вашему и к Языкову с сердечной просьбою. Мне разрешили на-днях политическую и литературную газету. Не оставьте меня, братие! Если вы возьмете на себя труд, прочитав какую-нибудь книгу, набросать об ней несколько слов в мою суму, то господь вас не оставит. Николай Михайлович ленив, но так как у меня будет как можно менее стихов, то моя просьба не затруднит и его Напишите мне несколько слов (не опасаясь тем повредить моей политической репутации) касательно предполагаемой газеты. Прошу у вас советов и помощи.

Шутки в сторону: Вы напрасно полагаете, что Вы можете повредить кому бы то ни было вашими письмами. Переписка с Вами была бы мне столь же приятна, как дружество ваше для меня лестно...

289. Графу Д. И. Хвостову

[Лето 1832 г. Петербург]

...Я в долгу перед Вами: два раза почтили вы меня лестным ко мне обращением и песнями лиры заслуженной и вечно юной. На-днях буду иметь честь явиться с женою на поклонение к нашему славному и любезному патриарху.

290. Е. М. Хитрово [*Перевод с французского*]

[Август — первая половина сентября или конец октября—декабрь 1832 г. Петербург]

...Как вам не совестно было так легко отозваться о Карре: в его романе есть дарование, и он стоит изысканности вашего Бальзака...

291. М. П. Погодину

[Первая половина сентября 1832 г. Петербург]

Какую программу хотите Вы видеть? Часть политическая— официально ничтожная; часть литературная—существенно ничтожная; известие о курсе, о приезжающих и отъезжающих: вот вам и вся программа. Я хотел уничтожить монополию, и успел. Остальное мало меня интересует. Газета моя будет

Группа литераторов на картине Чернецова «Парад на Марсовом поле» (1832—1833)—Крылов, Жуковский, Греч, Гнедич, Каченовский

немного похуже *Северной Пчелы*. Угождать публике я не намерен; браниться с журналами хорошо раз в 5 лет, и то Косичкину, а не мне. Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой; на то проза — мякина. Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Lamartine скучнее Юнга и не имеет его глубины, Beranger не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, т. е. истины, что романы A. Vigny хуже романов Загоскина, что их журналы—невежды; что их критики почти не лучше наших Теле—скопских и графских. Я в душе уверен, что 19 век в сравнении с 18-м—в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией.

292. Н. Н. Пушкиной

[Конец сентября 1832 г. Москва]

... На-днях был я приглашен Уваровым в Университет. Там встретился я с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на Вшивом рынке). А тут разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления. Передай это Вяземскому!.. Мне пришел в голову роман, и я, вероятно, за него примусь; но покаместь голова моя кругом идет при мысли о Газете. Как то слажу с нею? Дай бог здоровья Отрыжкову; авось вывезет...

293. П. В. Нащокину

2 [декабря 1832] Петербург

... честь имею тебе объявить, что первый том *Островского* кончен и на-днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику г. Короткого.

... Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче—незаметным образом вырастет том, а там, поглядишь, и другой. Мой Журнал остановился, потому что долго не приходило разрешение. Нынешний год он издаваться не будет. Я и рад. К будущему успею осмотреться и приготовиться; покаместь буду жаться понемногу... Скажи Баратынскому, что Смирдин в Москве и что я говорил с ним о издании полных Стихотворений Евг. Баратынского.

1833

Статьи
Заметки

294. [Заметки о Дельвиге]

Дельвиг

[1.] Дельвиг родился в Москве ([6 августа] 1798 года). Отец его, умерший генерал-маиором в 182[8] году, был женат на девице Рахмановой.

Дельвиг первоначальное образование получил в частном пансионе; в конце 1811 года вступил в Царскосельский лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятия ленивы. На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения. Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора А. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покаместь он сам не признался в своем вымысле. Будучи еще пяти лет от роду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю свою семью. В детях, одаренных игривостию ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямодушию. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего,

никогда не лгал в оправдание какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания.

Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть собрание Русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием. Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходствовали с его собственными. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды: к *Диону*, к *Лилете*, *Дориде* писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. «В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. <В то время (1814 год) покойный Влад. Измайлов был издателем *Вестника Европы*. Дельвиг послал ему свои первые опыты; они были напечатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима>. Впрочем никто не обратил тогда внимания на ранние отпрыски столь прекрасного таланта! Никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены, как некоторое чудо. Но такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; но он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!

[2.] Д[ельвиг] говаривал, что самою полною сатирою на некоторые литературные общества был бы список членов с означением того, что кем написано.

295. [О сочинениях П. А. Катенина]

На-днях вышли в свет Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина.

Издатель (г. Бахтин) в начале предисловия, весьма замечательного, упомянул о том, что П. А. Катенин, почти при

вступлении на поприще словесности, был встречен самыми несправедливыми и самыми неумеренными критиками.

Нам кажется, что г. Катенин (так, как и все наши писатели вообще) скорее мог бы жаловаться на безмолвие критики, чем на ее строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по-настоящему, еще у нас не существует: несправедливо было бы нам и требовать оной. У нас и литература едва ли существует; а на нет суда нет, говорит неоспоримая пословица. Если публика может довольствоваться тем, что называют у нас критикою, то это доказывает только, что мы еще не имеем нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикою сочинениям г. Катенина, то во всех отношениях она делает ему честь: во-первых, она доказывает отвращение поэта от мелочных способов добывать успехи, а во-вторых, и его самостоятельность. Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно. Он даже до того простер сию гордую независимость, что оставлял одну отрасль поэзии, как скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастие толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающего за собою других. Таким образом, быв один из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования.

Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Биргеровой *Леноры*. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем *Манфреде* сделал из *Фауста*: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам *Ленору* в энергической красоте ее первобытного создания; он написал *Ольгу*. Но сия простота и даже грубость выражений, сия с в о л о ч ь, заменившая в о з д у ш н у ю ц е п ь т е н е й, сия виселица, вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым. После О л ь г и, явился У б и й ц а, лучшая, может быть, из баллад Катенина. Впечатление, им произведенное, было и того хуже: убийца, в припадке сумасшествия, бранил

месяц, свидетеля его злодеяния, плешивым! Читатели, воспитанные на Флориане и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первые неудачи Катенина; они имели влияние и на следующие его произведения. На театре имел он решительные успехи. От времени до времени в журналах и альманахах появлялись его стихотворения, коим, наконец, начали отдавать справедливость, и то скупо и неохотно. Между ими отличаются Мстислав Мстиславич, стихотворение, исполненное огня и движения, и Старая быль, где столько простодушия и истинной поэзии.

В книге, ныне изданной, просвещенные читатели заметят идиллию, где с такой прелестною верностию постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя простая, широкая, свободная; меланхолическую элегию, мастерской перевод трех песен из Inferno [1] и собрание романсов о Сиде, сию простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую.—Знатоки отдадут справедливость ученой отделке и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г-на Катенина, слишком пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

296. [Заметка к «Графу Нулину»]

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая *Лукрецию*, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал,— что если б Лукреции пришло в голову дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.—

Итак республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарями, войнами, завоеваниями мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

[1] «Ад» [Данте].

297. [Заметка о «Моцарте и Сальери»]

В первое представление *Дон-Жуана*, в то время, когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта—раздался свист—все обратились с изумлением и негодованием, и знаменитый Салиери вышел из залы—в бешенстве, снедаемый завистью.

Салиери умер лет 8 тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении—в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать *Дон-Жуана*, мог отравить его творца.

298. [Из дневника]

Декабрь 3... Вчера Гоголь читал мне сказку Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.,—очень оригинально и очень смешно.

6 декабря... Мятлев читал уморительные стихи...

Письма

299. П. С. Санковскому [*Перевод с французского*]

3 января 1833 г. Спб.

... Если вы иногда видите А. Бестужева, передайте ему мой дружеский привет. Мы встретились с ним на Гут-Горе, не узнавши друг друга, и с тех пор я имею о нем сведения только из газет, где он печатает свои очаровательные рассказы...

300. М. П. Погодину

5 марта 1833 г. Петербург.

... Сколько отдельных книг можно составить тут! сколько творческих мыслей тут могут развиться! С вашей вдохновенной деятельностию, с вашей чистой добросовестностию Вы произведете такие чудеса, что мы и потомство наше будем за вас бога молить, как за Шлецера и Ломоносова...

301. Н. Н. Пушкиной

12 сентября [1833 г.]. Село Языково...

... Из Казани написал я тебе несколько строчек—некогда было. Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной blue Stockings [1], сорокалетней и несносной бабе, с вощеными зубами и с ногтями в грязи. Она развернула тетрадь и прочла мне стихов с двести, как ни в чем не бывало. Баратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхвалил ее красоту и гений...

302. Кн. В. Ф. Одоевскому

30 октября [1833 г.] Болдино.

Виноват, ваше сиятельство! Кругом виноват. Приехал в деревню, думал—распишусь. Не тут-то было. ...Не дожидайтесь Белкина; не на шутку видно он покойник; не бывать ему на новосельи ни в гостиной Гомозейки, ни на чердаке Панка. Недостоин он видно быть в их компании... А куда бы не худо до погреба-то добраться... Кланяюсь Гоголю. Что его комедия? В ней же есть закорючка.

[1] синему чулку

1833—1835

Статьи

303. [Из статьи «Мысли на дороге»]

[1.] Шоссе

...В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар, и та, которую не решитесь вы и раскрыть, возвращаясь из английского клоба или собираясь на бал, покажется вам занимательна, как арабская сказка, если попадется вам в каземате или в поспешном дилижансе. Скажу более: в таких случаях, чем книга скучнее, тем она предпочтительнее.—Книгу занимательную вы проглотите слишком скоро, она слишком врежется в вашу память и воображение; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротив, читается с расстановкою, с отдохновением—оставляет вам способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете места, вами пропущенные без внимания, etc. Книга скучная представляет более развлечения.—Понятие о скуке весьма относительное. Книга скучная может быть очень хороша; не говорю об книгах ученых, но и об книгах, написанных с целию просто литературною. Многие читатели согласятся со мною, что *Клариса* очень утомительна и скучна, но со всем тем роман Ричардсонов имеет необыкновенное достоинство.

Вот на что хороши—путешествия.

Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю **, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. Приятель мой хотел было мне дать нравственно-сатирический роман, утверждая, что скучнее ничего быть не может, а что книга очень любопытна в отношении участия ее

в публике, но я его благодарил, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирических романов. «Постой», сказал мне **, «есть у меня для тебя книжка». С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михаила Хераскова книгу, повидимому, изданную в конце прошлого столетия. «Прошу беречь ее», сказал он таинственным голосом. «Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность». Я раскрыл ее и прочел заглавие: Путешествие из Петербурга в Москву. С.П.Б. 1790 году с эпиграфом:

> Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.
> Тилимахида. Кн. XVIII, ст. 514.

Книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографическая редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика.

Я искренно благодарил ** и взял с собою *Путешествие*. Содержание его всем известно. Радищев написал несколько отрывков, дав каждому в заглавие название одной из станций, находящихся на дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка. В Черной Грязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург.

[2.] Москва

Москва! Москва!.. восклицает Радищев на последней странице своей книги и бросает желчью напитанное перо, как будто мрачные картины его воображения рассеялись при взгляде на золотые маковки Москвы белокаменной. Вот уже Всесвятское... Он прощается с утомленным читателем; он просит своего сопутника подождать его у околицы; на возвратном пути он примется опять за свои горькие полу-истины, за свои дерзкие мечтания... Теперь ему некогда: он скачет успокоиться в семье родных, позабыться в вихре московских забав. До свидания, читатель! Ямщик, погоняй! Москва! Москва!..

... Горе от ума есть уже картина обветшалая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который всякому, ты знаешь, рад—и князю Петру Иль-

ичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.

Хлестова в могиле; Репетилов в деревне. Бедная Москва!..

... Московский журнализм убьет журнализм петербургский. Литераторы петербургские, по большей части, не литераторы, но предприимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы.

Московская критика с честию отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских Reviews[1], между тем как петербургские журналы судят о литературе, как о музыке; о музыке, как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь, иногда впопад и остроумно, но большею частию неосновательно и поверхностно.

Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!

Кстати: я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обоими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости.

Москва и Петербург[2].

[3.] Ломоносов

В конце книги своей Радищев поместил слово о Ломоносове. Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе Росского Пиндара. Достойно замечания и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной

[1] «Обозрений»

[2] Статья эта, принадлежащая Гоголю, в бумагах Пушкина не сохранилась.—*Ред.*

властию, на которую напал с такой безумной дерзостию. Он более тридцати страниц наполнил пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтоб в конце своего слова поместить следующие мятежные строки:

«Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти в храм не мог. Бакон Веруламский недостоин разве напоминания, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Недостойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие для того, что не могли избавить человечество из оков и пленения? И мы не почтем Ломоносова, для того, что *не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпопеи, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда проницателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей*».

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции не что иное, как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Это схоластическая величавость, полу-славенская, полу-латинская, сделались было необходимостию: к счастию, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова.

В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности, вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокоторжественный день тезоименитства и проч. С каким презрением говорил он о Сумарокове, страстном к своему искусству, об э т о м ч е л о в е к е, к о т о р ы й н и о ч е м, к р о м е к а к о б е д н о м с в о е м р и ф м и ч е с т в е н е д у м а е т... Зато с каким жаром говорит он о науках, о просвещении. Смотрите письма его к Шувалову, к Воронцову и пр...

... Сумароков был шутом у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина. Его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича в совершенстве. Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирал за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Немногим известна стихотворная перепалка его с Дмитрием Сеченовым, по случаю Гимна Бороде, не напечатанного ни в одном собрании его сочинений. Она может дать понятие о заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника. Со всем тем Ломоносов был добродушен. Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана! В отношении к самому себе он был очень беспечен, и, кажется, жена его хоть была и немка, но мало смыслила в хозяйстве. Вдова одного старого профессора, услыша, что речь идет о Ломоносове, спросила: «О каком Ломоносове говорите вы? не о Михаиле ли Васильевиче? То-то был пустой человек! Бывало от него всегда бегали к нам за кофейником. Вот Тредьяковский Василий Кириллович—вот это был почтенный и порядочный человек». Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В Тилимахиде находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью (см. собрание сочинений А. Радищева). Дельвиг приводил часто следующий стих в пример прекрасного гекзаметра:

Корабль Одиссеев,
Бегом волны деля, из очей ушел и сокрылся

Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского,—habent sua fata libelli [1].

[1] книги имеют свою судьбу.

Радищев укоряет Ломоносова в лести и тут же извиняет его. Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспевает графа К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет графа Орлова с возвращением его из Финляндии; он пишет: «Его сиятельство граф М. Л. Воронцов, по своей высокой ко мне милости, изволил взять от меня пробы мозаических составов для показания ее величеству».—Ныне все это вывелось из обыкновения. Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину, он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, предстателю муз, высокому своему патрону, который вздумал было над ним пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у господа моего бога дураком быть не хочу»[1].

В другой [раз], заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!» «Нет,—возразил гордо Ломоносов,—разве Академию от меня отставят». Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. Почтенный Кребб, умерший в прошлом году, поднес все свои прекрасные поэмы to his Grace the Duke etc.[2] В своих смиренных посвящениях он почтительно упоминает о милостях и высоком покровительстве, коих он удостоился, etc. В России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Stäel, словесностию занимались, большею частию, дворяне (En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature [3]). Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в на-

[1] См. его письмо к графу Шувалову. [*Прим. Пушкина.*]
[2] его светлости герцогу и т. д.
[3] В России несколько дворян стали заниматься литературой.

дежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными каменьями. Что же из этого следует? что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов и Костров? позвольте в том усумниться.

Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который может повредить продаже книги, или хвалебным объявлением заманить покупщиков. Ныне последний из писак, готовый на всякую приватную подлость, громко проповедует независимость и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете.

К тому ж с некоторых пор литература стала у нас ремесло выгодное, и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Как бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значат; Ломоносов и Кребб достойны уважения всех честных людей, несмотря на их смиренные посвящения; а господа NN все-таки презрительны—несмотря на то, что в своих книжках они проповедуют независимость и что они свои сочинения посвящают не доброму и умному вельможе, а какому-нибудь шельме и вралю, подобному им...

[6.] Слепой

Слепой старик поет стих об Алексее, божием человеке. Крестьяне плачут; Радищев рыдает вслед за Ямским собранием... О природа! колико ты властительна! Крестьяне дают старику милостыню. Радищев дрожащею рукою дает ему рубль. Старик отказывается от него, потому что Радищев дворянин. Он рассказывает, что в молодости лишился он глаз на войне в наказание за свои жестокости. Между тем баба подносит ему пирог. Старик принимает его с восторгом. Вот истинная благостыня, восклицает он. Радищев, наконец, дарит ему шейный платок и извещает нас, что старик умер несколько дней после и похоронен с этим платком на шее. Имя Вертера, встречаемое в начале главы, поясняет загадку.

Вместо всего этого пустословия, лучше было бы, если бы Радищев, кстати о старом и всем известном Стихе, поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько, etc., etc...

[8.] Русское стихосложение

Тверь.—Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастию случилося, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихо́творец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов преложил Иова или псалмопевцев дактилями, или если бы Сумароков *Семиру* или *Димитрия* написал хореями, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами, опричь ямбов, и более бы славы в осьмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани свойственным эпопее стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух на Виргилия надет ломоносовским покроем; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, гекзаметрах, и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимой возовик Тредияковский не мало к тому способствовал своею *Телемахидою*. Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнасс окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредияковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекеспира, или Вольтера. Тогда и Тредияковского выроют из поросшей мхом забвения могилы, в *Телемахиде* найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию. Слыша долгое время единогласное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французский язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того, в стихотворении, так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но все модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Виргилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекеспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать примеры, в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сде-

лать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российский язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если перевод *Генриады* не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы (*Путешествие*, стр. 350—354).

Радищев, будучи нововводителем в душе, силился переменить и русское стихосложение. Его изучения Тилимахиды замечательны. Он первый у нас писал древними лирическими размерами. Стихи его лучше его прозы. Прочитайте его Осьмнадцатое столетие, Сафические строфы басню, или, вернее, элегию Журавли—всё это имеет достоинство. В главе, из которой выписал я приведенный отрывок, помещена его ода на Вольность. В ней много сильных стихов.

Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что современем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. Пламень неминуемо тащит за собою камень. Из-за чувства выглядывает непременно искусство. Кому не надоели любовь и кровь, трудный и чудный, верный и лицемерный, и проч.

Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию. Вероятно будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным...

[10.] О цензуре

Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием Торжок. В ней дело идет о свободе книгопечатанья; любопытно видеть о сем предмете рассуждение человека, вполне разрешившего самому себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит изо всех пределов.

Один из французских публицистов остроумным софизмом захотел доказать незаконность и безрассудность цензуры. Если, говорит он, способность говорить была бы новейшим изобретением, то нет сомнения, что правительства не замедлили б установить цензуру и на язык; издали бы известные правила, и два человека, чтоб поговорить между собою о погоде, должны были бы получить предварительное на то позволение.

Конечно: если бы слово не было общей принадлежностию всего человеческого рода, а только миллионной части оного— то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощного сословия людей говорящих. Но грамо-

та не есть естественная способность, дарованная богом всему человечеству, как язык или зрение. Человек безграмотный не есть урод и не находится вне вечных законов природы. И между грамотеями не все равно обладают возможностию и самою способностию писать книги или журнальные статьи. Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный изо всего народонаселения. Печатный лист обходится около 35 рублей; бумага также чего-нибудь да стоит. Следственно, печать доступна не всякому (не говорю уже о таланте etc.). Аристократия самая мощная, самая опасная— есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно.

Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом.

«Мы в том и не спорим,—говорят противники цензуры.—Но книги, как и граждане, ответствуют за себя. Есть законы для тех и для других. К чему же предварительная цензура? пускай книга сначала выйдет из типографии, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить к заключению и к положенному штрафу».

Но мысль уже стала гражданином, уже ответствует за себя, как скоро она родилась и выразилась. Разве речь и рукопись не подлежат закону? Всякое правительство вправе не позволить проповедовать на площадях, что кому в голову придет, и может остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны пером, а не тиснуты станком типографическим. Закон не только наказывает, но и предупреждает. Это даже его благодетельная сторона.

Действие человека мгновенно и одно (isolé); действие книги множественно и повсеместно. Законы противу злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона: не предупреждают зла, редко его пресекая. Одна цензура может исполнить то и другое.

1834

304. [Из «Table Talk»]

Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера Скупой скуп—и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера Лицемер волочится за женою своего благодетеля, лицемеря; принимает имение под сохранение—лицемеря; спрашивает стакан воды—лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджело лицемер—потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!

Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе, коего пороки, один с другим связанные, составляют забавную, уродливую цепь, подобную древней Вакханалии. Разбирая характер Фальстафа, мы видим, что главная черта его есть сластолюбие; смолоду, вероятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесят, он растолстел, одрях; обжорство и вино приметно взяли верх над Венерою. Во-вторых, он трус, но, проведя свою жизнь с молодыми повесами, поминутно подверженный их насмешкам и проказам, он прикрывает свою трусость дерзостью уклончивой и насмешливой. Он хвастлив по привычке и по расчету.

Фальстаф совсем не глуп, напротив. Он имеет и некоторые привычки человека, нередко видавшего хорошее общество. Правил нет у него никаких. Он слаб, как баба. Ему нужно крепкое испанское вино (the Sack), жирный обед и деньги для своих любовниц; чтоб достать их, он готов на всё, только б не на явную опасность.

В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание. *** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, неглуп, забавен, без всяких правил, сметлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен, потерянных для кисти Шекспира!

Вот черта из домашней жизни моего почтенного друга. Четырехлетний сынок его, вылитый отец, маленький Фальстаф III, однажды в его отсутствии повторял про себя: «Какой папинька хлаблий! как папиньку государь любит!» Мальчика подслушали и кликнули: «Кто тебе это сказывал, Володя?» — «Папинька», — отвечал Володя.

Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив. Вольтер это понял и, развивая в своем подражании создание Шекспира, вложил в уста своего Орозмана следующий стих:

Je ne suis point jaloux... Si je l'étais jamais! [1]

Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале (говорит Макиявель, сей великий знаток природы человеческой).

Глупость осуждения не столь заметна, как глупая хвала; глупец не видит никакого достоинства в Шекспире, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тот же глупец восхищается романом Дюкре-Дюмениля или историей г. Полевого — и на него смотрят с презрением. Хотя в первом случае глупость его выразилась яснее для человека мыслящего.

---

[1] Я отнюдь не ревнивец... Если б я им был!

Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: чем ближе к небу, тем холоднее.

Херасков очень уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному. Это приносит большую честь и его сердцу и его вкусу...

Гете имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение Чайльд-Гарольда. Два раза Байрон пытался бороться с Великаном романтической поэзии—и остался хром, как Иаков.

Многие негодуют на журнальную критику за дурной ее тон, незнание приличия и тому подобное: неудовольствие их несправедливо. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в свои размышления, не имеет времени являться в общество и приобретать навык к суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости, залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда мелкомыслие и невежество выражаются его языком.

305. [Замечания на «Песнь о полку Игореве»]

[1.] Песнь о Полку Игореве найдена была в библиотеке графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, сказывают, что почерк ее был полу-устав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но, хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей Истории мимоходом разрешил некоторые загадочные места.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley, Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не сомневались в подлинности Песни о Полку Игореве. Великий скептик Шлецер, не видав еще Слова о Полку Игореве, резко назвал оное подлогом, но прочитав, признал подлинно древнее произведение и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна казалась ему истина!

Другого доказательства нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта. Карамзин? но Карамзин не поэт. Державин? но Державин не знал и русского языка, не только языка Песни о Полку Игореве. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плане ее, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя. Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления. Это предполагало бы знание всех наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна? Гомер,—если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносовские оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из библии, которая лежала пред ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни богемских, ни молдавских, ни других наречий славянских.

Слово о Плъку Игоревe сына Святославля внука Ольгова

§ 1. «Не лепо ли ны бяшет братие начати старыми словесы трудных повестий о плку Игореве, Игоря Святославлича. Начатися же тъй песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню».

Все, занимавшиеся толкованием Слова о Полку Игореве, перевели: Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам,

не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы... воспеть древним складом, старым слогом, древним языком, трудную, печальную песнь о Полку Игореве, Игоря Святославича. Но в древнем славянском языке частица ли не всегда дает смысл вопросительный, подобно латинскому ne; иногда ли значит только, иногда—бы, иногда—же; доныне в сербском языке сохраняет она сии знаменования. В русском частица ли есть или союз разделительный, или вопросительный, если управляет ею отрицательное не, в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры, так же, как и частицы: и, что, а, как, уж, уж, как (Замечание Тредьяковского).

В другом месте Слова о Плку ли поставлено также, но все переводчики решили, что это есть ошибка переписчика и перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то-есть по-новому)— а не по замышлению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие![1] Если же признаем, что частица ли смысла вопросительного не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна.

Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец Слова о Полку Игореве не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна. Глагол бяшет подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностию в склонении, коему примеры встречаются в летописях) и предполагает condition'альную[2] частицу. Неприлично было бы. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего.

§ 2. «Боян бо вещий аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы».

Не решу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину. Здесь полагаю описку, или даже

[1] Очень понимаем, почему А. С. Шишков не отступил от того же мнения. Сочинителю *Рассуждения о старом и новом слоге* было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя Слова о Плку Игореве предпочитали былины своего времени старым словесам. [*Прим. Пушкина.*]

[2] условного наклонения

поправку, впрочем незначительную: растекашется мыслию по древу—тут пропущено слово С л а в и е м, которое довершает уподобление; должно, думаю, читать: растекашется с к а ч а с л а в и е м п о м ы с л е н у д р е в у; тем более, что ниже сие выражение употреблено [1].

§ 3. «Помняшет бо речь первых времен усобице».

Ни один из толкователей не перевел сего места удовлетворительно. Дело здесь идет о Бояне; все это продолжение прежней мысли: Поминая предания о прежних бранях (усобица значит брань, ополчение, а не междуусобие, как перевели некоторые. Между-усобие есть уже слово составленное), напускал он и проч. «Помняшет бо речь первых времен усобице тогда пущаше і соколов на стадо лебедей etc.». 10 соколов, напущенные на стадо лебедей, значит 10 пальцев, возлагаемых на струны. Поэт изъясняет иносказательный язык Соловья старого времени, и изъяснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример. А. С. Шишков сравнивает сие место с началом поэмы *Смерть Авеля* [2]. Толкование Александра Семеновича любопытно (том 7, страница 43). Итак, надлежит паче думать, что (в древние времена соколиная охота служила не к одному увеселению, но тако ж и к некоторому прославлению героев, или к решению спора, кому из них отдать преимущество. Может быть, отличившиеся в сражениях военачальники или князья, состязавшиеся в славе, выезжали на поле каждый с соколом своим и пускали их на стадо лебединое с тем, что чей сокол удалее и скорее долетит, тому прежде и приносить общее поздравление в одержании преимущества над прочими).

Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется: ему кажется неприличным для русских князей д о к а з ы в а т ь п е р в е н с т в о с в о е, к р о в и ю п р и о б р е т е н н о е, полетом соколов. Он полагает, что не князья, а стихотворцы напускали соколов,—а причина такого древнего обряда, думает он, была скромность стихотворцев, не хотевших выставлять себя перед товарищами. А. С. Шишков, в свою очередь, видит в мнении Я. Пожарского к р а й н ю ю н е о с н о в а т е л ь н о с т ь и н е с ч а с т н о е с а м о л ю б и е (том 11, страница 388). К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возразил.

[1] П р и м е ч а н и е. Г-н Вельтман перевел это место: *«былое воспеть*, а не вымысел Бояна, *коего мысли текли в вышину, как соки по дереву»*. Удивительно! [*Прим. Пушкина*.]

[2] Но что есть общего между манерной прозою г-на Геснера и поэзией Песни об Игоре! [*Прим. Пушкина*.]

«Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря (здесь определяется эпоха, в которую написано Слово о Плку Игореве), иже истягнул ум крепостию своею». «Истягнул»—вытянул, натянул, изведал, испробовал. (Пожарский: опоясал; первые толкователи: напрягши ум крепостию своею.) Истягнул, как лук, изострил, как меч—метафоры, заимствованные из одного источника.

«Наплнився ратного духа, наведе своя храбрыя полки на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты и рече Игорь к дружине своей: Братие и дружино! луце ж бы потяту быти, неже полонену быти». (Лучше—быть убиту, нежели полонену. В русском языке сохранилось одно слово, где ли после не не имеет силы вопросительной нежели. Слово неже употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в Слове о Плку Игореве: луце ж etc.)

«А всядем, братие, на свои борзые комони да позрим синяго Дону». Суеверие, полагавшее затмение солнечное бедственным знаменованием, было некогда общим.

«Спала Князю ум похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великого». Слова запутаны. Первые издатели перевели: Пришло Князю на мысль пренебречь (худое) предвещание и изведать (счастия на) Дону великом. Заступить имеет несколько значений: омрачить, lumen impedio[1], помешать, удержать. Пришлось Князю, мысль похоти и горесть знамение ему омрачило, удержало. Спали Князю в ум желание и печаль. Ему знамение мешало (запрещало) искусити Дону великого. «Хощу бо (так хочу же, сказал) рече копие преломити конец поля Половецкого (с вами, Русици, хощу главу свою приложити), а любо испити шеломом Дону».

«О Бояне, соловью старого времени, а́ бы ты сиа пълки ущекотал, скача славию, по мыслену древу, летая умом под облаками, сплетая хвалы на все стороны сего времени.—(Если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу) рища в тропу Трояню чрес поля на горы». (Четыре раза упоминается в сей песни о Трояне... но кто сей Троян, догадаться ни по чему невозможно, говорят первые издатели.) 5 стр. издания Шишкова. Прочие толкователи не последовали скромному примеру: они не хотели оставить без решения то, чего не понимали.

[1] заслоняю свет

Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известных под названием Троянова вала. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем 4 раза упоминает Слово о Полку Игореве, есть не кто иной, как римский император. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объяснение? Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется (стр. 14 издания Шишкова): «вступила Девою на землю Трояню, на синем море у Дону». Где же тут Бессарабия? «Следы Трояна в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян» (Вельтман). Почему же?

«Пети было песнь Игореви, того Олга внуку. Не буря соколы занесе чрез поля широкая»... Поэт повторяет опять выражения бояновы—и, обращаясь к Бояну, вопрошает: «или, не так ли петь было, вещий Бояне, Велесов внуче?» («Комони ржут за Сулою; звенить слава в Кыеве; трубы трубять в Новеграде; стоять стязи в Путивле; Игорь ждет мила брата Всеволода»).

Теперь поэт говорит сам от себя, не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья старого времени.

«И рече ему Буй-Тур Всеволод: один брат, один свет светлый, ты Игорю. Оба есве Святославичи: седлай, брате, свои борзые комони—а мои ти готовы (готовы значит здесь известны, значение сие сохранилось в иллирийском славянском наречии. Ниже мы увидим, что половцы бегут неготовыми (неизвестными) дорогами. Если же неготовыми значило бы не мощенными, то что же бы значило готовые кони?) оседланы у Курьска на переди».

«А мои ти Куряни сведомы». (Сие повторение того же понятия другими выражениями подтверждает предыдущее мое показание. Это одна из древнейших форм поэзии. Смотри священное Писание.)

Кмети под трубами повиты. Г. Вельтман говорит, что кметь значит вообще крестьянин, мужик,—«Kar gospôda stori krivo, kméti môrjo plàzhat shivo».

[2.] [Заметка к «Слову о полку Игореве» в переложении А. Ф. Вельтмана.]

Хочу копье преломити а любо испити... Г. Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское—нет, это значит просто неудачу: Или сломится копье

мое, или напьюсь из Дону, тот же смысл, как и в пословице: либо пан, либо пропал.

306. [О русской литературе, с очерком французской]

Наши критики не согласились еще в ясном различии между родами классическим и романтическим. Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам, которые обыкновенно относят к романтизму все, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое не точное. Стихотворение может являть все сии признаки, а между тем принадлежать к роду классическому. К сему роду должны отнестись те стихотворения, коих формы известны были грекам и римлянам или образцы коих они нам оставили; следственно сюда принадлежат: эпопея, поэма дидактическая, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и басня. Если же вместо формы стихотворения будем брать за основание только дух, в котором оно писано,—то никогда не выпутаемся из определений.

Гимн Пиндара духом своим, конечно, отличался от оды Анакреона, сатира Ювенала от сатиры Горация, Освобожденный Иерусалим от Энеиды—однакож все они принадлежат к роду классическому. Какие же роды стихотворений должно отнести к поэзии романтической?—Те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян. Каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности. Взглянем на происхождение и на постепенное развитие поэзии новейших народов.

Западная империя клонилась быстро к падению,—а с нею науки, словесность и художества. Наконец, она пала, просвещение погасло, невежество омрачило окровавленную Европу. Едва спаслась латинская грамота в пыли книгохранилищ монастырских, монахи соскобляли с пергамента стихи Лукреция и Виргилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды.

Поэзия проснулась под небом полуденной Франции—рифма, новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значащее, отозвалась в романском языке, имела сильное влияние на словесность новейших народов. Побежденная трудность всегда

приносит нам удовольствие—любить размеренность, соответственность (simetria) свойственно уму человеческому. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков.—Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы—явились triolet [1], баллада, рондо, сонет и проч. От сего произошла необходимая натяжка выражения: какое-то жеманство, вовсе неизвестное древним,—мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться в триолетах. Мы находим несчастные сии следы в величайших гениях новейших времен.

Но ум не может довольствоваться одними игрушками гармонии. Воображение требует картин и рассказов—трубадуры обратились к новым источникам вдохновения, воспели любовь и войну, оживили народные предания,—родились ле, роман и фаблио.

Темные понятия о древней трагедии и церковные празднества подали повод к сочинению т а и н с т в (mistères). Почти все писаны на один образец и подходят под одно условие, но к несчастию в то время не было Аристотеля для установления непреложных законов мистической драматургии.

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности Римско-Кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией [2]...

Духовенство, пощаженное удивительною сметливостью татар, одно—в течение двух мрачных столетий—питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою беспрерывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушения и безнадежности. Но

[1] триолет

[2] А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы,—но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна. [*Прим. Пушкина.*]

внутренняя жизнь порабощенного народа не развивалась. Татаре не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля; старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и Слово о Полку Игореве возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности.

Споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью не благоприятствовали свободному развитию просвещения. Но в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. Наконец, явился Петр.

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль,—при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы.

Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в пору мужества, во всей силе творческой своей деятельности. Он бросил на словесность взор рассеянный, но проницательный. Он возвысил Феофана; ободрил Копиевича, не взлюбил Татищева за легкомыслие и вольнодумство и угадал в бедном школьнике вечного труженика Тредьяковского. Семена были посеяны. Сын молдавского господаря воспитывался в его походах; а сын холмогорского рыбака, убежав от берегов Белого моря, стучался у ворот Заиконоспасского училища. Новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться.

В начале 18-го столетия французская литература обладала Европою. Она должна была иметь на Россию долгое и решительное влияние. Прежде всего надлежит нам ее исследовать.

Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии—нашествие мавров и крестовые походы.

Мавры внушили ей исступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушие—новые понятия о геройстве и вольность нравов походных станов Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзии.

Отрасли романтической поэзии пышно процвели в Италии и Гишпании. Италия присвоила себе ее эпопею, полу-африканская Гишпания завладела трагедиею и романом. Англия противу имен Dante, Ариосто и Калдерона с гордостью выставила имена Спенсера, Мильтона и Шекспира, в Германии (что довольно странно) отличалась новая сатира, едкая, шутливая. Гете оживил сатиру *Ренике Фукс*. Во Франции тогда поэзия все еще младенчествовала. Лучший стихотворец Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом! Наследник его Марот, живший в одно время с Ариостом и Камоенсом, rima des triolets, fit fleurir la ballade [1]. Проза уже имела решительный перевес. Скептик Монтань и циник Рабле были современники Тассу.

В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Они пошли по дороге, уже проложенной. Были поэмы прежде Ариостова Орланда, были трагедии прежде созданий de Vega и Калдерона. Во Франции просвещение застало поэзию в ребячестве без всякого направления, безо всякой силы. Образованные умы века Людовика XIV справедливо презрели ее ничтожность и обратили ее к древним образцам. Буало, человек, одаренный умом резким и здравым и мощным талантом, обнародовал свой Коран— и французская словесность ему покорилась.

P. S. Не должно думать однакож, чтоб и во Франции не остались никакие памятники чистой романтической поэзии. Сказки Лафонтена и Вольтера и Дева сего последнего носят на себе ее клеймо. Не говорю уже о многочисленных подражаниях, по большей части, посредственных: легче превзойти гениев в забвении всех приличий, нежели в поэтическом достоинстве.

Люди, одаренные талантом, будучи поражены ничтожностию и, должно сказать, подлостью французского стихотворства, выдумали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древнего греческого. Образовалась новая школа, коей мнения, цель и усилия напоминают школу наших славяно-руссов, между коими также были люди с дарованиями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Язык отказался от направления, ему чуждого, и пошел опять своею дорогою.

[1] слагал триолеты, положил начало процветанию баллады.

Наконец, пришел Малерб, с такой яркой точностию, с такою строгою справедливостию оцененный великим критиком.

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence,
D'un mot mis en sa place enseignat le pouvoir
Et réduisit la Muse aux règles du devoir.
Par ce sage écrivain la langue réparée
N'offrit plus rien de rude à l'oreille épurée—
Les stances avec grace apprirent à tomber
Et le vers sur le vers n'osa plus enjamber.[1]

Но Малерб ныне забыт подобно Ронсару. Сии два таланта истощили силы свои в борении с усовершенствованием стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся более о механизме языка, наружных формах слова, нежели о мысли— истинной жизни его, не зависящей от употребления!

Каким чудом посреди<общего сего жалкого ничтожества французской поэзии, недостатка истинной критики и шаткости мнений, посреди общего падения вкуса>вдруг явилась толпа истинно великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века? Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, тщеславное ли покровительство Людовика XIV—были причиною такого феномена? или каждому народу судьбою предназначена эпоха, в которой созвездие гениев вдруг является, блестит и исчезает? Как бы то ни было, вслед за толпою бездарных, посредственных или несчастных стихотворцев, заключающих период старинной французской поэзии, тотчас выступают Корнель, Паскаль, Боссюэт и Фенелон, Буало, Расин, Молиер и Лафонтен. И владычество их над умами просвещенного мира гораздо легче объясняется, нежели их неожиданное пришествие.

Некто у нас сказал, что французская словесность родилась в передней etc. Это слово было повторено и во французских

---

[1] Наконец пришел Малерб и первый во Франции
Дал почувствовать в стихах точную гармонию,
Показал силу слова, помещенного на должном месте,
И подчинил музу правилам долга.
Исправленный этим мудрым писателем, язык
Перестал являть разборчивому уху что-либо грубое—
Строфы научились литься с изяществом,
И один стих не дерзал более вторгаться в другой.

журналах и замечено, как жалкое мнение (opinion déplorable). Это не мнение, но истина историческая, буквально выраженная: Марот был камердинером Франциска 1-го (valet de chambre), Молиер камердинером Людовика XIV. Буало, Расин и Вольтер (особенно Вольтер), конечно, дошли до гостиной, но все-таки через переднюю. Об новейших поэтах говорить нечего. Они, конечно, на площади, с чем их и поздравляем.

Влияние, которое французские писатели произвели на общество, должно приписать их старанию приноравливаться к господствующему вкусу и мнениям публики.—Замечательно, что ни один из известных французских поэтов не бежал [?] из Парижа. Вольтер, изгнанный из столицы тайным указом Людовика XV, полушутливым, полуважным тоном советует писателям оставаться в Париже, если дорожат они покровительством Аполлона и бога вкуса.

Ни один из французских поэтов не дерзнул быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы.

Расин перестал писать, увидя неуспех своей Гофолии. Публика (о которой Шамфор спрашивал так забавно: сколько нужно глупцов, чтобы составить публику?), легкомысленная, невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они, дабы вновь взойти в доверенность, обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостью и странностями, но с одною целью: выманить себе репутацию или деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному—жалкий народ.

Несмотря на ее видимую ничтожность, Ришелье чувствовал важность литературы. Великий человек, унизивший во Франции феодализм, захотел также связать и литературу во Франции. Писатели (класс бедный и насмешливый,дерзкий) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как и дворяне. Людовик XIV следовал системе кардинала. Вскоре словесность сосредоточилась около его трона. Все писатели получили придворную должность. Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания, Боссюэт и Флешье проповедывали слово божие в его придворной капелле, камердинер Мольер при дворе смеялся над придворными. Академия первым правилом своего устава положила: хвалу великого короля. Были исключения, бедный дворянин Лафонтен (не-

смотря на господствующую набожность) печатал в Голландии свои веселые сказки о монахинях, а сладкоречивый епископ в книге, наполненной смелой философиею, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование. Зато Лафонтен умер без пенсии, а Фенелон—в своей епархии, отдаленный от двора за мистическую ересь. Отселе вежливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тем самым понятная для всех дворов Европы—ибо высшее общество, как справедливо заметил один из новейших писателей, составляет во всей Европе одно семейство.

Между тем дух исследования и порицания начинал проявляться во Франции. „Ничто не могло быть противуположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, и любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслию умственной деятельности человека. Он написал эпопею, с намерением очернить католицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица кстати и некстати выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепринятым и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы. И эта легкость казалась верхом поэзии. Наконец и он, однажды в своей старости, становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в циничной поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии." Влияние Вольтера было неимоверно. Около великана копошились пигмеи, стараясь привлечь его внимание своими приношениями. Умы возвышенные следуют за ним. Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником; пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма и Гиббона и Вальполя приветствует энциклопедию, Екатерина вступает с ним в дружескую переписку, Фридрих с ним ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа едет в Ферней на поклонение. Наконец Вольтер умирает, с восторгом благословляя внука Франклина и приветствуя новый свет словами, дотоле неслыханными.

Общество созрело для великого разрушения. Все еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается...

Расин

С гравюры Сава 1772 г. (Гос. Исторический музей)

Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным. Министры Людовика XVI нисходят в арену спорить с писателями. Старая монархия, созданная Людовиком XIV, хохочет и рукоплещет. Следы Великого Века (как называли французы век Людовика XIV) исчезают. Древность осмеяна, святыня обоих заветов обругана, истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия; роман—делается скучною проповедью или галлерееею соблазнительных картин...

Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессора с высоты кафедры провозглашают правила французской критики. Англия следует за Франциею на поприще философии, поэзия в отечестве Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, как и во Франции, Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа. Италия отрекается от гения Dante, Metastasio подражает Расину.

Обратимся к России.

Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники—мы желали бы с благоговением и старательно развернуть пыльные рукописи; воскресить песнопения баянов, сказки и песни веселых скоморохов или комедии—сравнить их с этою бездной поэм, романсов, мистерий иронических, и любовных, и простодушных, и сатирических, коими наводнены европейские литературы средних веков.

Нам приятно было бы наблюдать историю нашего народа в сих первоначальных играх творческого духа—сравнить влияние завоевания скандинавов с завоеванием мавров, видеть разницу между простодушною сатирою французского trouvère [1] и лукавой насмешливостию скомороха, между площадною шуткою полудуховной мистерии и затеями нашей старой комедии. Но, к сожалению, старой словесности у нас не существует. За нами темная степь—и на ней возвышается единственный памятник: П е с н ь о п о л к у И г о р е в е.

Словесность наша явилась вдруг с 18 столетия, подобно русскому дворянству, без предков и родословий.

[1] трувера

Кантемир. Ломоносов. Тредьяковский. Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым, Тредьяковского—его бездарностью. Почтенное борение Тредьяковского. Он побежден. Сумароков.—Екатерина (Вольтер). Фонвизин. Державин.

Начало русской словесности; Кантемир в Париже обдумывает свои сатиры, переводит Горация, умирает 28 лет. Ломоносов, плененный гармониею рифма, пишет, в первой своей молодости, оду, исполненную живости etc. и обращается к точным наукам, dégoûté[1] славою Сумарокова. Сумароков в сие время. Тредьяковский—один, понимающий свое дело...

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout [2]. Знаменитые писатели не имеют ни одного последователя в России, но бездарные писаки, грибы, выросшие у корней дубов: Дорат, Флориян, Мармонтель, Гишар, m-me Жанлис овладевают русской словесностию.

307. [Из заметки о Дельвиге]

... Дельвиг долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели были они написаны. Но когда наконец он их читал, выраженные в звучных гекзаметрах, они казались нам новыми и неожиданными.—

Таким образом *Русская* его *Идиллия*, написанная в самый год его смерти, была в первый раз рассказана мне еще в лицейской зале, после скучного математического класса [3].

308. [Из дневника]

17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании Русского «Conversation's Lexikon»[4]. Нас было человек со сто, большею частию неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его. Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало

[1] проникшись отвращением
[2] заполняет все
[3] Позднейшая приписка Пушкина: La raison de ce que D[elvig] a si peu écrit tient à sa manière de composer [Причина, по которой Дельвиг так мало написал, кроется в его манере сочинять].
[4] «Энциклопедический лексикон» (словарь).

толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свиньин.—Гаевский подписался, но с условием. К. Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои *Воспоминания в Царском Селе*...

2 апреля. На-днях (в прошлый четверг) обедал у кн. Ник. Трубецкого с Вяземским, Норовым и с Кукольником, которого видел в первый раз. Он, кажется, очень порядочный молодой человек. Не знаю, имеет ли он талант. Я не дочел его «*Тасса*» и не видел его «*Руки*» etc. Он хороший музыкант. Вяземский сказал об его игре на фортепьяно: Il brédouille en musique, comme en vers[1].—Кукольник пишет Ляпунова, Хомяков тоже.— Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта.—

... Кн. Одоевский, доктор Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей «Conversation's Lexikon». Прочие были обижены нашей оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут; но в другой раз обманут только дурака. Этот Лексикон будет не что иное как Северная Пчела и Библиотека для Чтения в новом порядке и объеме...

7 апреля. «*Телеграф*» запрещен.—Уваров представил государю выписки, веденные несколько месяцев и обнаруживающие неблагонамеренное направление, данное Полевым его журналу. (Выписки ведены Брюновым, по совету Блудова). Ж[уковский] говорит: я рад, что «Телеграф» запрещен, хотя жалею, что запретили. «*Телеграф*» достоин был участи своей; мудрено с большей наглостию проповедовать якобинизм перед носом правительства; но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска... Моя Пиковая дама в большой моде.—Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся... Гоголь по моему совету начал Историю русской критики...

22 декабря, суббота... Цензор Никитенко на обвахте под арестом и вот по какому случаю: Деларю напечатал в «*Библио-*

[1] Он бормочет в музыке, как в стихах.

теке» Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина.—Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! Когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это все равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль. А все виноват Глинка (Федор). После его ухарского псалма, где он заставил бога говорить языком Дениса Давыдова, ценсор подумал, что он пустился во всё тяжкое... Псалом Глинки уморительно смешон.

309. Кн. В. Ф. Одоевскому

Письма

[16 марта 1834 г. Петербург]

Дело идет о Конверсационс Лексиконе: я это пронюхал. Соглашаюсь с вашим сиятельством, что нынешний вечер имеет свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Г[реча], ибо на то получил разрешение от Плетнева, который есть воплощенная совесть. Поедем; что за беда? Ведь это будет мирская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся—а в воровскую шайку не вступим.

310. М. П. Погодину

[Начало апреля 1834 г. Петербург]

Радуюсь случаю поговорить с Вами откровенно.— Общество Любителей поступило со мною так, что никаким образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгариным, в то самое время, как он единогласно был забаллотирован в Английском клубе (NB. в Петербургском) как шпион, переметчик и клеветник, в то самое время, как я в ответ на его ругательства принужден был напечатать статью о Видоке; мне нужно было доказать публике, которая в праве была удивляться моему долготерпенью, что я имею полное право презирать мнение Булгарина и не требовать удовлетворения от ошельмованного негодяя, толкующего

о чести и нравственности. И что же? В то самое время читаю в газете Шаликова: Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности, удостоены etc. etc.—Воля ваша: это—пощечина. Верю, что Общество в этом случае поступило, как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня:

Я всякому, ты знаешь, рад.

Но долг мой был немедленно возвратить присланный диплом; я того не сделал, потому что тогда мне было не до дипломов—но уж иметь сношения с Обществом Любителей я не в состоянии.

Вы спрашиваете меня о Медном Всаднике, о Пугачеве и о Петре. Первый не будет напечатан. Пугачев выдет к осени. К Петру приступаю со страхом и трепетом, как вы к исторической кафедре. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневоле и единственно для денег: охота являться перед публикою, которая вас не понимает, чтоб четыре дурака ругали вас потом шесть месяцев в своих журналах только что не по-матерну. Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок. Быть так.

311. И. И. Лажечникову [*Черновое*]

[Первая половина апреля 1834 г. Петербург]

... Несколько раз проезжая через Тверь, я всегда желал <возобновить старое знакомство, но никогда не имел еще> случая вам <Вас, в это время> представиться и благодарить Вас, во-первых, за то истинное наслаждение, которое доставили вы мне Вашим первым романом, а во-вторых, и за внимание, которого вы меня удостоили. С нетерпением ожидаю нового Вашего творения, из коего прекрасный отрывок читал я в Альм<анахе> Макс<имовича>. Скоро ли он выйдет и как Вы думаете его выдать;— ради бога, не по частям <это должно вредить занимательности и успеху книги>, эти рассрочки выводят из терпения многоч[исленных] ваш[их] читателей и почитат[елей]...

312. Н. Н. Пушкиной

[20—22 апреля 1834 г. Петербург]

... Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог

ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет...

313. М. Н. Загоскину

9 июля [1834 г. Петербург]

... Вы изволили вспомнить обо мне и прислали мне последнее, прекрасное Ваше творение; и не слыхали от меня спасибо. Вы имеете полное право считать меня неучем, варваром и неблагодарным. Но виноват приятель мой Соболевский, который едет в Москву каждый день и уже седьмой месяц как взял от меня письмо, которое обещался немедленно Вам доставить...

314. М. Л. Яковлеву

[Середина августа 1834 г. Петербург]

... Из предисловия (ты прав, любимец Муз!) должно будет выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его.

315. Н. М. Языкову

26 сентября [1834 г.]. Село Болдино.

... Разговаривая о различных предметах, мы решили, что весьма не худо было бы мне приняться за Альманах, или паче за журнал, я и не прочь, но для того должен быть уверен в Вашем содействии. Как думаете, сударь? Сами видите: щелкоперы нас одолевают. Пора, ей-ей пора дать им порядочный отпор...

316. А. А. Фукс

[19 октября 1834. г. Петербург]

... С жадностию прочел я прелестные ваши стихотворения, и между ними ваше послание ко мне, недостойному поклоннику вашей музы. В обмен вымыслов, исполненных прелести,

ума и чувствительности, надеюсь на-днях доставить вам отвратительно ужасную историю Пугачева. Не браните меня. Поэзия, кажется, для меня иссякла. Я весь в прозе, да еще в какой!.. Право, совестно; особенно перед вами...

317. Н. В. Гоголю

[Вторая половина октября—первая половина ноября 1834 г. Петербург]

Прочел с большим удовольствием; кажется, все может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить: она, мне кажется, необходима для полного эффекта вечерней мазурки. Авось бог вынесет...

1835

318. [Из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года»]

[Из предисловия]

... Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве... Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал свое «*Путешествие к святым местам*», произведшее столь сильное впечатление...

... Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтоб воспевать будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело...

... Обвинение в неблагодарности не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань...

[Из главы первой]

...Здесь нашел я измаранный список Кавказского Пленника и признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно...

[Из главы второй]

...Голос песен грузинских приятен; мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот вам она:

Душа, недавно рожденная в раю! Душа, созданная для моего счастия! От тебя, бессмертная, ожидаю жизни. От тебя, весна цветущая, от тебя, луна двунедельная, от тебя, Ангел мой хранитель, от тебя ожидаю жизни.

Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. Не хочу обладать миром; хочу твоего взора. От тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освеженная росою! Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! От тебя ожидаю жизни...

...Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества,— все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую несносную улыбку,—когда случалось им говорить о нем, как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в *Московском Телеграфе*. Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда с своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностию; уехал в Грузию, где пробыл осемь лет в уединенных неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом беспрерывных успехов. Его рукописная комедия Горе от Ума произвела неописанное действие и вдруг поставила его на ряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась

война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок. Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...

[Из главы пятой]

... У П[ущина] на столе нашел я русские журналы. Первая статья мне попавшаяся была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее в слух. П[ущин] остановил меня, требуя, чтоб я читал с бóльшим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии. Требование П[ущина] показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца. Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве.

319. [Из предисловия к «Песням западных славян»]

... Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор *Театра Клары Газюль*, *Хроники времен Карла IX*, *Двойной Ошибки*, и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию. Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен...

320. [О Байроне]

Род Байронов, один из самых старинных в английской аристократии, младшей между европейскими, произошел от норманца Ральфа де Бюрон (или Бирона), одного из сподвиж-

ников Вильгельма Завоевателя. Имя Байронов с честию упоминается в английских летописях. Лордство дано их фамилии в 1643 году. Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное. Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему мелочные оскорбления, часто унижавшие благородного барона, предавая имя его на произвол молве.

Капитан Байрон, сын знаменитого адмирала и отец великого поэта, навлек на себя соблазнительную славу. Он увез супругу лорда Garmarthen и женился на ней тотчас после ее развода. Вскоре потом она умерла в 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой год расчетливый вдовец для поправления своего расстроенного состояния женился на мисс Gordon, единственной дочери и наследнице Георгия Gordon'а, владельца Гайфского. Брак сей был несчастлив: 23.500 f. st. [1] (587 500 руб.) были расточены в два года; и Mistriss [2] Байрон осталась при 150 f. st. годового дохода; в 1786 году муж и жена отправились во Францию; возвратились в Лондон в конце 1787 г.

В следующем году 22 января леди Байрон родила единственного своего сына Георгия Гордона Байрона. (Вследствие распоряжений фамильных, наследница Гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона). Новорожденного крестили герцог Гордон и полковник Доф. При его рождении повредили ему ногу; и лорд Байрон полагал тому причиною стыдливость или упрямство матери.

В 1790 леди Байрон удалилась в Абердин, и муж ее за нею последовал. Несколько времени жили они вместе. Но характеры были слишком несовместны—вскоре потом они разошлись. Муж уехал во Францию, выманив прежде у бедной жены своей деньги, нужные ему на дорогу. Он умер в Валенсьене в следующем 1791 году.

Во время краткого пребывания своего в Абердине он однажды взял к себе маленького сына, который у него и ночевал; но на другой же день он отослал неугомонного ребенка к его матери и с тех пор уже его не приглашал.

Мистрисс Байрон была проста, вспыльчива и во многих отношениях безрассудна. Но твердость, с которой умела она перенести бедность, делает честь ее правилам. Она держала

[1] фунтов стерлингов
[2] мистрисс (госпожа)

одну только служанку, и когда в 1798 году повезла она молодого Байрона вступать во владение Ньюстида, долги ее не превышали 60 f. st.

Достойно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унизительными.

Маленький Байрон выучился читать и писать в абердинской школе. В классах он был из последних учеников—и более отличался в играх. По свидетельству его товарищей, он был резвый, вспыльчивый и злопамятный мальчик, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Некто Патерсон, строгий пресвитерианец, но тихий и ученый мыслитель, был потом его наставником, и Байрон сохранил о нем благодарное воспоминание.

В 1796 году леди Байрон повезла его в горы для поправления его здоровья после скарлатины. Она поселилась близ Баллатера.

Суровые красоты шотландской природы глубоко впечатлелись в воображение отрока.

Около того же времени осьмилетний Байрон влюбился в Марию Доф. 17 лет после того, в одном из своих журналов, он описал свою раннюю любовь (Mémoires [de lord Byron, publiés par T. Moore, t. I, Paris 1830, p.] 31—33)[1].

В 1798 году умер в Ньюстиде старый лорд Вильгельм Байрон. Четыре года пред сим родной внук его скончался в Корсике, и маленький Георгий Байрон остался единственным наследником имений и титула своего рода. Как несовершеннолетний, он отдан был в опеку лорду Карлилю—дальнему его родственнику,—и восхищенная Mistriss Байрон осенью того же года оставила Абердин и отправилась в древний Ньюстид с одиннадцатилетним своим сыном и верной служанкой Мери Гре.

Лорд Вильгельм, брат адмирала Байрона, родного деда его, был человек странный и несчастный. Некогда на поединке заколол он своего родственника и соседа Г. Чаворта. Они дрались без свидетелей, в трактире, при свечке. Дело это произвело много шуму, и Палата пэров признала убийцу виновным. Он был однакож освобожден от наказания, с тех пор жил в Ньюстиде, где его причуды, скупость и мрачный характер делали его предметом сплетен и клеветы. Носились самые

[1] Воспоминания [лорда Байрона, опубликованные Т. Муром, т. I, Париж 1830, стр.] 31—33.

нелепые слухи о причине развода его с женою. Уверяли, что он однажды покусился ее утопить в ньюстидском пруду.

Он старался разорять свои владения из ненависти к своим наследникам. Единственные собеседники его были старый слуга и ключница, занимавшая при нем и другое место. Сверх того, дом был полон сверчками, которых лорд Вильгельм кормил и воспитывал. Несмотря на свою скупость, старый лорд <имел часто нужду в деньгах и доставал их способами, иногда весьма предосудительными>. Но такой человек не мог об них и заботиться. Таким образом продал он Рочдаль, родовое владение, безо всякого на то права (что знали и покупщики; но они надеялись выручить себе выгоды, прежде нежели наследники успеют уничтожить незаконную куплю).

Лорд Вильгельм никогда не входил в сношение с молодым своим наследником, которого звал не иначе, как *мальчик, что живет в Абердине*.

Первые годы, проведенные лордом Байроном в состоянии бедном, не соответствовавшем его рождению, под надзором пылкой матери, столь же безрассудной в своих ласках, как и в порывах гнева, имели сильное, продолжительное влияние на всю его жизнь. Уязвленное самолюбие, поминутно потрясенная чувствительность оставили в сердце его эту горечь, эту раздражительность, которые потом сделались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона были частию врожденные, частью им заимствованные (adoptès) Мур справедливо замечает, что в характере Байрона ярко отразились и достоинства и пороки многих из его предков; с одной стороны смелая предприимчивость, великодушие, благородство чувств, с другой— необузданные страсти, причуды и дерзкое презрение к общему мнению. Сомнения нет, что память, оставленная за собою лордом Вильгельмом, сильно подействовала на воображение его наследника,—многое перенял он у своего странного деда в его обычаях—и нельзя не согласиться в том, что Манфред и Лара напоминают уединенного ньюстидского барона.

Обстоятельство, повидимому, маловажное, имело столь же сильное влияние на его душу. В самую минуту его рождения нога его была повреждена—и Байрон остался хром на всю свою жизнь. Физический сей недостаток оскорблял его самолюбие. Ничто не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрисс Байрон выбранила его *хромым мальчишкой*. Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых,—опасаясь их насмеш-

ливого взгляда. Самый сей недостаток усиливал в нем желание отличиться во всех упражнениях, требующих силы физической и проворства.

321. [Три повести Н. Павлова]

[Москва, в типографии Н. Степанова, 1835]

Три повести г. Павлова очень замечательны и имели успех вполне заслуженный. Они рассказаны с большим искусством, слогом, к которому не приучили нас наши записные романисты.

Повесть Имянины, несмотря на свою занимательность, представляет некоторые несообразности. Идеализированное лакейство имеет в себе что-то неестественное, неприятное для здравого вкуса. Может быть, то же самое происшествие представляло в разительной простоте своей сильнейшие краски и положения более драматические, но требовало и кисти более сильной и более глубины в знании человеческого сердца.

Аукцион есть очень милая шутка, легкая картинка, в которой оригинально вмещены три или четыре лица.—А я на аукцион—а я с аукциона—черта истинно комическая.

Об Ятагане скажем то же, что и об Имянинах. Занимательность этой повести не извиняет несообразности.—Развязка не сбыточна или, по крайней мере, есть анахронизм.—зато все лица живы и действуют и говорят каждый, как ему свойственно говорить и действовать. В слоге г. Павлова, чистом и свободном, изредка отзывается манерность; в описаниях—близорукая мелочность нынешних французских романистов. Г. Павлова так расхвалили в *Московском Наблюдателе*, что мы в сих строках хотели ограничить наши замечания одними порицаниями, но в заключении должны сказать, что г. Павлов первый у нас написал истинно занимательные рассказы. Книга его принадлежит к числу тех, от которых, по выражению одной дамы, забываешь итти обедать.

Талант г-на Павлова выше его произведений. В доказательство привожу одно место, где чувство истины увлекло автора даже противу его воли.—В Имянинах несмотря на то, что выслужившийся офицер, видимо, герой и любимец его воображения, автор дал ему черты, обнаруживающие холопа: [«Верьте, что не сметь сесть, не знать, куда и как сесть—это самое мучительное чувство!.. Зато я теперь вымещаю тогдашние страдания на первом, кто попадется. Понимаете ли вы удоволь-

ствие отвечать грубо на вежливое слово: едва кивнуть головой, когда учтиво снимают перед вами шляпу, и развалиться на креслах перед чопорным баричем, перед чинным богачем?»]

322. [Из дневника]

Февраль... Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о Золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку.

и

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова.

Письма

323. И. И. Дмитриеву

14 февраля [1835 г. Петербург]

... Вы смеетесь над нашим поколением и, конечно, имеете на то полное право. Не стану заступаться за историков и стихотворцев моего времени; те и другие имели в старину, первые менее шарлатанства и более учености и трудолюбия, вторые— более искренности и душевной теплоты. Что касается до выгод денежных, то позвольте заметить, что Карамзин первый у нас показал пример больших оборотов в торговле литературной...

324. И. И. Дмитриеву

26 апреля [1835 г. Петербург]

... приношу искреннюю мою благодарность Вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утешительное ободрение моему историческому отрывку. Его побранивают, и поделом: я писал его для себя, не думая, чтоб мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и пр.; а я все это отбросил в примечания. Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пуга-

чев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону...

325. В. А. Дурову

16 июня 1835 г. [Петербург]

... Если автор записок согласится поручить их мне, то с охотою берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то, вероятно, я их куплю. За успех, кажется, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное, общее впечатление. Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему...

326. Кн. П. А. Вяземскому

[Вторая половина 1835 г. Петербург]

... А право, не худо бы взяться за Лексикон, или хоть за критику лексиконов.

327. Н. Н. Пушкиной

21 [сентября 1835 г. с. Михайловское]

... царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу...

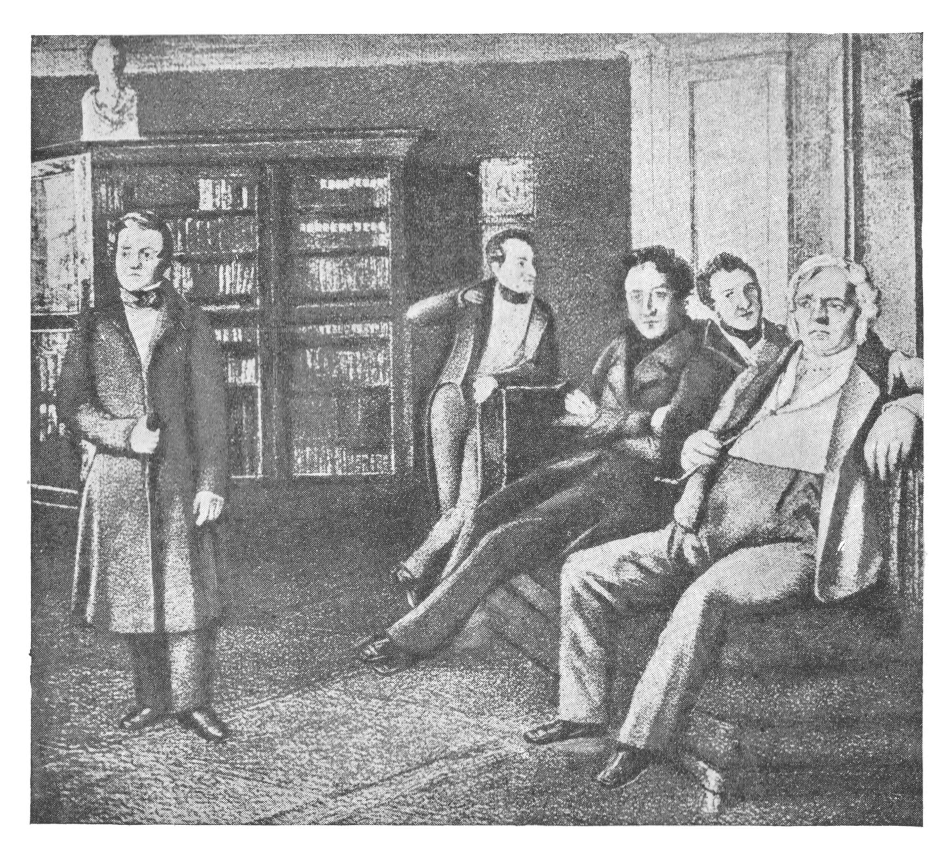
... Я взял у них [у Вревских. *Ред.*] Вальтер-Скотта и перечитываю его. Жалею, что не взял с собою английского. Кстати пришли мне, если можно, *Essays* de M. Montagne[1]...

328. Н. Н. Пушкиной

[25 сентября 1835 г. Тригорское]

... Гуляю пешком и верхом, читаю романы В. Скотта, от которых в восхищении...

[1] *Опыты* М. Монтэня

В кабинете В. А. Жуковского (Кольцов, Гоголь, Пушкин, Одоевский, Крылов)

С картины неизвестного художника

329. П. А. Плетневу

[Первая половина октября 1835 г. с. Михайловское]

... Спасибо, великое спасибо Гоголю за его *Коляску*, в ней Альманак далеко может уехать; но мое мнение: даром *Коляски* не брать, а установить ей цену: Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для Альманака: назовем его Арион или Орион; я люблю имена, не имеющие смысла: шуточкам привязаться не к чему... В ноябре я бы рад явиться к вам, тем более, что такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен...

Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль (разумеется из-за угла и тихонько, например, в *М*[*осковском*] *Набл*[*юдателе*] объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима. Это бы, право, было не худо.

330. П. В. Нащокину

Исход октября 1835 г. Петербург.

...Денежные мои обстоятельства плохи.—Я принужден был приняться за журнал. Не ведаю, как еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15 000, чтоб я от своего предприятия отступился и стал бы снова сотрудником его *Библиотеки*. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Но Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура, что с ними связываться невозможно...

331. И. И. Лажечникову

3 ноября 1835 г. Петербург.

... Позвольте, милостивый государь, благодарить вас теперь за прекрасные романы, которые все мы прочли с такою жадностию и с таким наслаждением. Может быть, в художественном отношении Ледяной дом и выше Последнего Новика, но истина историческая в нем не соблюдена, и это со временем, когда дело Волынского будет обнародовано,

конечно, повредит вашему созданию; но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык. За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лицо мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя. О Бироне можно бы также потолковать. Он имел несчастие быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем он имел великий ум и великие таланты.

Позвольте сделать вам филологический вопрос, коего разрешение для меня важно: в каком смысле упомянули вы слово х о б о т в последнем вашем творении и по какому наречию?..

332. Кн. В. Ф. Одоевскому

[1835—1836 г. Петербург]

... Побойтесь бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям — ни сват, ни брат. Зачем мне, sot—действовать Детскому журналу? Уж и так говорят, что я в детство впадаю. Разве уж не за деньги ли? О, это дело не детское, а дельное. Впрочем поговорим.

1836

Статьи

Заметки

333. [«История поэзии» С. П. Шевырева]

[*История Поэзии*. Чтения Адъюнкта Московского университета *Степана Шевырева*. Том первый, содержащий в себе Историю поэзии Индейцев и Евреев, с приложением двух вступительных чтений о характере образования и поэзии главных народов новой Западной Европы. Москва. В тип. А. Семена. 1835]

История Поэзии —явление утешительное, книга важная!

Россия по своему положению, географическому, политическому—etc. есть судилище, приказ Европы.—Nous sommes les grands jugeurs[1].—Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны—примеры тому.

Критика литературная у нас ничтожна: почему? Потому, что в ней требуется не одного здравого смысла, но и любви к науке.—Взгляд на нашу критику—Мерзляков—Шишков—Дашков—etc.

Шевырев при самом вступлении своем обещает не следовать ни эмпирической системе французской критики ни отвлеченной философии немцев (стр. 6—11).—Он избирает способ изложения исторический—и поделом: таким образом придает он науке заманчивость рассказа.—

Критик приступает к истории Западных Словесностей...

В Италии видит он чувственность римскую, побежденную христианством—обретающую покровительство религии—вос-

[1] Мы великие критики.

кресшую в художествах, покорившую своему роскошному влиянию строгий кафолицизм, и снова овладевшую своей отчизною.

В Испании признает он те же начала—но встречает мавров, и видит в ней Магометанское направление (?).

Оставляя роскошный юг, Шевырев переходит к северным народам, рабам нужды, пасынкам природы.

В туманной Англии видит он Нужду, развивающую Богатство—промышленность, труд, изучение—литературу без преданий etc., вещественность.

В Германских священных лесах открывает он уже то стремление к отвлеченности, к уединению, к феодальному разъединению, которые и доныне господствуют и в политическом составе Германии, и в системах ее мыслителей, и при дворах ее князьков, и на кафедрах ее профессоров.

Франция, средоточие Европы, представительница жизни общественной, жизни все вместе эгоистической и народной.—В ней Наука и Поэзия—не цели, а средства.—Народ (der Herr Omnis) [1] властвует со всей отвратительной властию демократии.—В нем все признаки невежества—презрение к чужому, une marque pétulante et tranchante—etc. [2].

Девиз России: Suum cuique [3].

334. Путешествие В. Л. П.

Путешествие [N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия. В трех частях. Москва, тип. Платона Бекетова, 1808. in 16°.] Картинка [на заглавном листе] представляет [В. Л. Пушкина, берущего урок декламации у Тальма]

Эта книжка никогда не была в продаже. Несколько экземпляров розданы были приятелям автора, от которого имел я счастие получить и свой (чуть ли не последний). Я храню его, как памятник благосклонности, для меня драгоценной...

Путешествие есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора; покойный В. Л. П[ушкин] отправился в Париж, и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь В[асилий] Л[ьвович].—Это образец игривой легкости и шутки живой и (незлобной).

[1] господин всякий
[2] печать необузданности и резкости и т. п.
[3] Каждому—свое.

Есть люди, которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выспренней. Есть люди, которые находят и Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным? так ли?). Пусть так. Но жаль было бы, если б не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин.

Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в дивном вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и <в младенческой> игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенною веселостию...[1].

Искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств—и в Ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...

Благоговею перед созданием Фауста, но люблю и эпиграммы etc.

Виноват: я бы отдал все, что было писано у нас в подражание лорду Байрону, за следующие не задумчивые и не восторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать друзьям:

[Друзья! Сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать.]

335. [Послесловие к «Долине Ажитугай»]

Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Газы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русской офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как наконец магометанин с глубокою думою смотрит на крест, эту хоругвь Европы и просвещения.

[1] Не дописано.—*Ред.*

336. Вастола, или Желания

Повесть в стихах, сочинение Виланда, изд. А. Пушкин, СП-бург, в тип. Д. Внеш. Торг., 1836, в 8°, стр. 96.

В одном из наших журналов дано было почувствовать, что издатель *Вастолы* хотел присвоить себе чужое произведение, выставляя свое имя на книге, им изданной. Обвинение несправедливое: печатать чужие произведения с согласия или по просьбе автора до сих пор никому не воспрещалось. Это называется и з д а в а т ь; слово ясно; по крайней мере, до сих пор другого не придумано.

В том же журнале сказано было, что «*Вастола* переведена каким-то бедным литератором, что А. С. П. только дал ему на прокат свое имя, и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей».

Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек небогатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издавать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни от кого бы то ни было.

После такого объяснения не можем решиться здесь наименовать настоящего переводчика. Жалеем, что искреннее желание ему услужить могло подать повод к намекам, столь оскорбительным.

337. Вечера на хуторе близ Диканьки

Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе. Две части, в 8 д. л., XIV, 203, и X, 233, в тип. Д. Внешн. Торговли.

Читатели наши, конечно, помнят впечатление, произведенное над ними появлением «*Вечеров на хуторе*»: все обрадовались этому живому описанию племени, поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина! Мы так были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов, предоставя сии недостатки на поживу критики. Автор оправдал таковое снисхождение. Он с тех пор непрестанно развивался и совершенствовался. Он издал *Арабески*, где находится его *Невский проспект*, самое полное из его произведений. Вслед за тем явился *Миргород*, где с

жадностию все прочли и *Старосветских помещиков*, эту шутливую, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления, и *Тараса Бульбу*, коего начало достойно Вальтер-Скотта. Г. Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале [1].

338. Александр Радищев

Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu [2].

Слова Карамзина в 1819 году.

В конце первого десятилетия царствования Екатерины II, несколько молодых людей, едва вышедших из отрочества, отправлены были, по ее повелению, в Лейпцигский университет, под надзором одного наставника и в сопровождении духовника. Учение пошло им не в прок. Надзиратель думал только о своих выгодах; духовник, монах добродушный, но необразованный, не имел никакого влияния на их ум и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились в Россию, где служба и заботы семейственные заменили для них лекции Геллерта и студенческие шалости. Большая часть из них исчезла, не оставив по себе следов; двое сделались известны: один на чреде заметной обнаружил совершенное бессилие и несчастную посредственность; другой прославился совсем иначе.

Александр Радищев родился около 1750-го года. Он обучался сперва в Пажеском корпусе, и обратил на себя внимание начальства, как молодой человек, подающий о себе великие надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Он не взял даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и немецкому языку, дабы по крайней мере быть в состоянии понимать своих профессоров. Беспокойное любопытство, более нежели жажда познаний, была отличительная черта ума его. Он был кроток и задумчив. Тесная связь с молодым Ушаковым имела на всю его жизнь влияние решительное и глубокое. Ушаков был немногим старше Радищева, но имел опытность светского человека. Он уже служил секретарем при тайном советнике Теплове, и его честолюбию открыто было блестящее

[1] На-днях будет представлена на здешнем театре его комедия Ревизор. [*Прим. Пушкина.*]

[2] Не годится, чтобы порядочный человек заслуживал быть повешенным.

поприще, как оставил он службу из любви к познаниям и вместе с молодыми студентами отправился в Лейпциг. Сходство умов и занятий сблизили с ним Радищева. Им попался в руки Гельвеций. Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики. Гримм, странствующий агент французской философии, в Лейпциге застал русских студентов за книгою о Разуме, и привез Гельвецию известие, лестное для его тщеславия и радостное для всей братии. Теперь было бы для нас непонятно, каким образом холодный и сухой Гельвеций мог сделаться любимцем молодых людей, пылких и чувствительных, если бы мы, по несчастию, не знали, как соблазнительны для развивающихся умов мысли и правила новые, отвергаемые законом и преданиями. Нам уже слишком известна французская философия 18-го столетия; она рассмотрена со всех сторон и оценена. То, что некогда слыло скрытным учением Гиерофантов, было потом обнародовано, проповедано на площадях и навек утратило прелесть таинственности и новизны. Другие мысли, столь же детские, другие мечты, столь же несбыточные, заменили мысли и мечты учеников Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменяются другими.

Радищев написал Житие Ф. В. Ушакова. Из этого отрывка видно, что Ушаков был от природы остроумен, красноречив и имел дар привлекать к себе сердца. Он умер на 21-м году своего возраста от следствий невоздержанной жизни, но на смертном одре он еще успел преподать Радищеву ужасный урок. Осужденный врачами на смерть, он равнодушно услышал свой приговор; вскоре муки его сделались нестерпимыми, и он потребовал яду от одного из своих товарищей [1]. Радищев тому воспротивился, но с тех пор самоубийство сделалось одним из любимых предметов его размышлений.

Возвратясь в Петербург, Радищев вступил в гражданскую службу, не переставая между тем заниматься и словесностию. Он женился. Состояние его было для него достаточно. В обществе он был уважаем как сочинитель. Граф Воронцов ему покровительствовал. Государыня знала его лично и определила в собственную свою канцелярию. Следуя обыкновенному ходу вещей Радищев должен был достигнуть одной из первых ступеней государственных. Но судьба готовила ему иное.

[1] А. М. Кутузова, которому Радищев и посвятил *Житие В. Ф. Ушакова*. [*Прим. Пушкина*].

В то время существовали в России люди, известные под именем **мартинистов**. Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полу-политическому, полу-религиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия, ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. Императрица, долго смотревшая на усилия французских философов, как на игры искусных бойцов, и сама их ободрявшая своим царским рукоплесканием, с беспокойством видела их торжество, и с подозрением обратила внимание на русских мартинистов, которых считала проповедниками безначалия и адептами энциклопедистов. Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-масонских ужинах.

Радищев попал в их общество. Таинственность их бесед воспламенила его воображение. Он написал свое *Путешествие из Петербурга в Москву*, сатирическое воззвание к возмущению, напечатал в домашней типографии и спокойно пустил его в продажу.

Если мысленно перенесемся мы к 1791 году, если вспомним тогдашние политические обстоятельства, если представим себе силу нашего правительства, наши законы, не изменившиеся со времени Петра I, их строгость, в то время еще не смягченную двадцатипятилетним царствованием Александра, самодержца, умевшего уважать человечество; если подумаем: какие суровые люди окружали еще престол Екатерины, то преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего. Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха—а какого успеха может он ожидать?—он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали

Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а Путешествие в Москву весьма посредственною книгою; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостию.

Но, может быть, сам Радищев не понял всей важности своих безумных заблуждений. Как иначе объяснить его беспечность и странную мысль разослать свою книгу ко всем своим знакомым, между прочими к Державину, которого поставил он в затруднительное положение? Как бы то ни было, книга его, с начала не замеченная, вероятно потому, что первые страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскоре произвела шум. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Несколько дней сряду читала она эти горькие, возмутительные сатиры. Он мартинист, говорила она Храповицкому (см. его записки), да он хуже Пугачева; он хвалит Франклина.—Слово глубоко замечательное: монархиня, стремившаяся к соединению воедино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии.

Радищев предан был суду. Сенат осудил его на смерть (см. Полное Собрание Законов). Государыня смягчила приговор. Преступника лишили чинов и дворянства и в оковах сослали в Сибирь.

В Илимске Радищев предался мирным литературным занятиям. Здесь написал он большую часть своих сочинений; многие из них относятся к статистике Сибири, к Китайской торговле, и пр. Сохранилась его переписка с одним из тогдашних вельмож, который, может быть, не вовсе был чужд изданию Путешествия. Радищев был тогда вдовцом. К нему поехала его свояченница, дабы разделить с изгнанником грустное его уединение. Он в одном из своих стихотворений упоминает о сем трогательном обстоятельстве:

Воздохну на том я месте,
Где Ермак с своей дружиной,
Садясь в лодки, устремлялся
В ту страну, ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
Но на лоне жаркой дружбы,
Был блажен и где оставил
Души нежной половину.

Бова, Вступление.

Император Павел I, взошед на престол, вызвал Радищева из ссылки, возвратил ему чины и дворянство, обошелся с ним милостиво и взял с него обещание не писать ничего противного духу правительства. Радищев сдержал свое слово. Он во все время царствования императора Павла I не написал ни одной строчки. Он жил в Петербурге, удаленный от дел и занимаясь воспитанием своих детей. Смиренный опытностию и годами, он даже переменил образ мыслей, ознаменовавший его бурную и кичливую молодость. Он не питал в сердце своем никакой злобы к прошедшему, и помирился искренно со славной памятию великой царицы.

Не станем укорять Радищева в слабости и непостоянстве характера. Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со вздохом или с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу. Моложавые мысли, как и моложавое лицо, всегда имеют что-то странное и смешное. Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют. Мог ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться при виде того, что происходило во Франции во время Ужаса? мог ли он без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли, проповедуемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни? Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра.

Император Александр, вступив на престол, вспомнил о Радищеве и, извиняя в нем то, что можно было приписать пылкости молодых лет и заблуждениям века, увидел в сочинителе *Путешествия* отвращение от многих злоупотреблений и некоторые благонамеренные виды. Он определил Радищева в комиссию составления законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских постановлений. Бедный Радищев, увлеченный предметом, некогда близким к его умозрительным занятиям, вспомнил старину и в проекте, представленном начальству, предался своим прежним мечтаниям. Граф З[авадовский] удивился молодости его седин и сказал ему с дружеским упреком: «Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить попрежнему! или мало тебе было Сибири?» В этих словах Радищев увидел угрозу. Огорченный и испуганный, он возвратился домой, вспомнил о друге своей молодости, об Лейпцигском студенте, подавшем ему некогда первую мысль о самоубийстве... и отравился. Конец, им давно предвиденный и который он сам себе напророчил!

Сочинения Радищева в стихах и прозе (кроме *Путешествия*) изданы были в 1807 году. Самое пространное из его сочинений есть философическое Рассуждение О человеке, о его смертности и бессмертии. Умствования оного пошлы и не оживлены слогом. Радищев, хотя и вооружается противу материализма, но в нем все еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма. Между статьями литературными замечательно его суждение о *Тилимахиде* и о Тредьяковском, которого он любил, по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: из отвращения от общепринятых мнений. В стихах лучшее произведение его есть Осьмнадцатый век, лирическое стихотворение, писанное древним элегическим размером, где находятся следующие стихи, столь замечательные под его пером.

Урна времен часы изливает каплям подобно,
Капли в ручьи собрались, в реки ручьи возросли,
И на дальнейшем брегу изливают пенистые волны
Вечности в море, а там нет ни предел, ни брегов,
Не возвышается остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след;
Но знаменито во веки своею кровавою струею
С звуками грома течет наше Столетие туда.
И сокрушен наконец корабль, надежды несущий!
Пристани близок уже, в водоворот поглощен.
Счастие и добродетель и вольность пожрал омут ярой,
Зри: восплывают еще страшны обломки в струе.
Нет! ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро:
Будешь проклято во век, в век удивлением всех.
Крови в твоей колыбели, припевание громы сражений.
Ах, омочено в крови, ты ниспадаешь во гроб!..
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых,
Екатерина и Петр, вечности чада! и Росс.

Первая песнь Бовы имеет также достоинство. Характер Бовы обрисован оригинально, и разговор его с Каргою забавен. Жаль, что в Бове, как и Алеше Поповиче другой его поэме, не включенной, не знаем почему, в собрание его сочинений, нет и тени народности, необходимой в творениях такого рода; но Радищев думал подражать Вольтеру, потому что он вечно кому-нибудь да подражал. Вообще Радищев писал лучше стихами, нежели прозою. В ней не имел он образца, а Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык.

Путешествие в Москву, причина его несчастия и славы, есть, как мы уже сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны. Мы бы могли подтвердить суждение наше множеством выписок. Но читателю стоит открыть эту книгу наудачу, чтоб удостовериться в истине нами сказанного.

В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Реналя: но все в нескладном и искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему; слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне; частные, поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему — вот, что мы видим в Радищеве [1]. Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить? Он поносит власть господ, как явное беззаконие; не лучше ли было представить правительству и умным помещикам способы к постепенному улучшению состояния крестьян; он злится на цензуру; не лучше ли было потолковать о правилах, коими должен руководствоваться законодатель, дабы с одной стороны сословие писателей не было притеснено и Мысль, священный дар божий, не была рабой и жертвою бессмысленной и своенравной управы; а с другой—чтоб писатель не употреблял сего божественного орудия к достижению цели низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно, и не произвело бы ни шума, ни соблазна, ибо само правительство не только не пренебрегало писателями и их не притесняло, но еще требовало их соучастия, вызывало на деятельность, вслушивалось в их суждения, принимало их советы—чувствовало нужду в содействии людей просвещенных и мыслящих, не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью.

Какую цель имел Радищев? чего именно желал он? На сии вопросы вряд ли мог он сам отвечать удовлетворительно. Влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее,

[1] *В рукописи Пушкина далее следовала сентенция, вычеркнутая им самим из позднейшей копии этой статьи:* Отымите у него честность, в остатке будет Полевой.

несмотря на то, что в ней есть несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предположений, которые не имели никакой нужды быть обличены в бранчивые и напыщенные выражения и незаконно тиснуты в станках тайной типографии, с примесью пошлого и преступного пустословия. Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностию и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви.

[ПРИЛОЖЕНИЯ]

I. От императрицы. Главнокомандовавшему в Санкт-Петербурге генерал-аншефу Брюсу

Граф Яков Александрович!

Недавно издана здесь книга под названием: *Путешествие из Петербурга в Москву*, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, наконец оскорбительными изражениями противу сана и власти царской. Сочинителем сей книги оказался коллежский советник Александр Радищев, который сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после ценсуры Управы Благочиния внес он многие листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят по стражу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате Уголовного Суда Санктпетербургской губернии, где, заключа приговор, взнесть оный в Сенат наш.

Пребываем вам благосклонны.

Екатерина.

II. Из записок Храповицкого

26 июня [1790]. Говорили [государыня] о книге *Путешествие из Петербурга в Москву*. «Тут рассеяние заразы французской: автор мартинист. Я прочла тридцать страниц». Посылала за Рылеевым [обер-полицмейстером]. Открывается подозрение на Радищева.

2 июля. Продолжают писать примечания на книгу Радищева. А он, сказывают, препоручен Шешковскому и сидит в крепости.

7 июля. «Примечания на книгу Радищева послать к Шешковскому». Сказать изволили, что он бунтовщик, хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит Франклина и себя таким же представляет. Говорили с жаром и чувствительностию.

11 августа. Доклад о Радищеве с приметною чувствительностью приказано рассмотреть в совете, «чтоб не быть пристрастною, и объявить, чтоб не уважали до меня касающееся, понеже я презираю».

III. Отрывок из книги [Радищева]

КЛИН

Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь... Поющий сию народную песнь, называемую Алексеем божиим человеком, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою, по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия в лице его зримого заставляли взирающих на певца предстоять ему со благоговением. Неискусный хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемый, проницал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взрощенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриели, Маркези, или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда Клинский певец, дошед до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом, изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилося иступающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее улыбка; на лице отрочества явились робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности. О! природа, возопил я паки...

Сколь сладко неязвительное чувствование скорби! Колико сердце оно обновляет и оного чувствительность. Я рыдал в след за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером... О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия, все предстоящие давали старику, как будто бы награду за его труд. Он принимал все денежки и полушки, все куски и краюхи хлеба довольно равнодушно; но всегда сопровождая благодарность свою поклоном, крестяся и говоря к подающему: «Дай бог тебе здоровья». Я не хотел отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего, конечно приятного небу, старца. Желал его благословения, на совершение пути и желания моего. Казалося мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии, и отъемлет терние сомнительности. Подошед к нему, я в дрожащую его руку, толико же дрожащею от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль. Перекрестясь, не успел он изрещи обыкновенного своего благословения подающему, отвлечен от того необыкновенностию ощущения, лежащего в его горьсти. И сие уязвило мое сердце. Колико приятнее ему, вещал я сам себе, подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, а в моем рубле ощущает может быть мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и краюшку хлеба певшему старцу!—Не пятак ли? сказал он, обращая речь свою неопределенно, как и всякое свое слово.—Нет, дедушка, рублевик, сказал близь стоящий его мальчик.—По что такая милостыня? сказал слепой, опуская места своих очей и ища, казалося, мысленно вообразити себе то, что в горьсти его лежало.—По что она немогущему ею пользоваться. Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего! Ах: если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолк бы хотя на

одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? не вижу, куда его и положить; подаст он может быть случай к преступлению. Полушку не много прибыли украсть, но за рублем охотно многие протянут руку. Возьми его назад, добрый господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора.—О истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну.—Возьми его назад, мне право он ненадобен, да и я уже его не стою; ибо не служил изображенному на нем государю. Угодно было создателю, что бы еще в бодрых моих летах, лишен я был вежд[ей] моих. Терпеливо сношу я его прещение. За грехи мои он меня посетил... Я был воин; на многих бывал битвах с неприятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я не щадил никогда у ног моих лежащего неприятеля, и просящего безоруженному помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на карание и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств, пролетевшим мимо очей в силе своей пушечным ядром. О! вы, последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество.—Возвратил он мне мой рубль, и сел опять на свое место покойно.

Прими свой праздничный пирог, дедушка, говорила слепому подошедшая женщина, лет пятидесяти.—С каким восторгом он принял его обеими руками.—Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во младенчестве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, что бы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавил отца ее, от обыкновенных нередко побой крестьянам, от проходящих солдат. Солдаты хотели что-то у него отнять; он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на крик мужика, и его избавил от побой; может быть чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот, что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. Вот, чего не позабывает она каждый день и каждый праздник. Дело мое было невеликое, но доброе. А доброе приятно господу; за ним никогда ничто не пропадает.

Не уже ли ты меня столько перед всеми обидишь, старичок, сказал я ему, и одно мое отвергнешь подаяние? Не уже ли моя милостыня есть милостыня грешника. Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца.—Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце, естественною казнию, говорил старец; не ведал я, что мог тебя обидеть, неприемля на вред послужить могущего подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно... Холодная у нас была весна, у меня болело горло—платчишка не было чем повязать шеи—бог помиловал, болезнь миновалась... Нет ли старенького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею; горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминовение нищего.—Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого... И расстался с ним.

Возвращаяся через Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дня моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел заболев перед смертию на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило слушав сие.

Вот каким слогом написана вся книга!

А. Н. Радищев

С гравюры Вендрамина. (Гос. Исторический музей)

339. [Из статьи «Российская Академия»]

... Ныне Академия приготовляет третье издание своего Словаря, коего распространение час от часу становится необходимее. Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого. /В журналах наших еще менее правописания, нежели здравого смысла/...

340. [Из статьи «Французская Академия»]

Скриб в Академии. Он занял кресло Арно, умершего в прошлом году.

Арно сочинил несколько трагедий, которые в свое время имели большой успех, а ныне совсем забыты. Такова участь поэтов, которые пишут для публики, угождая ее мнениям, применяясь к ее вкусу, а не для себя, не вследствие вдохновения независимого, не из бескорыстной любви к своему искусству! Две или три басни, остроумные или грациозные, дают покойнику Арно более права на титло поэта, нежели всего его драматические творения. Всем известен его Листок:

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée,
Où vas-tu?—je n'en sais rien, etc.[1]

Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своей смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов,

Наш боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу.

[1] Оторвавшись от своего стебля,
Бедный сухой листок,
Куда несешься?—я и сам не знаю, и т. д.

Может быть, и сам Давыдов не знает стихов, которые написал ему Арно, услыша о его переводе. Он поместил их в примечаниях к своим сочинениям [1].

При вступлении своем в Академию Скриб произнес блестящую речь, на которую столь же блистательно отвечал Вильмен, а J. Janin в своем фельетоне осмеял того и другого. В сем случае все три представителя французского остроумия были на сцене.

[Далее следует речь Скриба, приведенная Пушкиным в статье полностью.—*Ред.*]

В конце речи своей, остроумный оратор представляет песню во всегдашнем борении с господствующею силою: он припоминает, как она воевала во времена Лиги и Фронды, как осаждала палаты кардиналов Ришелье и Мазарини, как дерзала порицать важного Людовика XIV, как осмеивала его престарелую любовницу, бесталантных министров и несчастных генералов; как при умном и безнравственном регенте и при слабом и холодном Людовике XV нападения ее не прекратились; как, наконец, в безмолвное время грозного Наполеона она одна возвысила свой голос, и приводит в пример известную песню:

[1] *La Feuille* a obtenu dans plus d' une langue les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davouidoff, est, dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davouidoff est un de ses hommes qui, nés avec le don de la poësie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avoit reçu, l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi:

A vous, poëte, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hipocrène,
Avec d'une feuille de chène
Fait une feuille de laurier.

[Листок удостоился чести быть переведенным на несколько языков. Русский перевод его, сделанный генералом Давыдовым, замечателен, говорят, по своему изяществу и точности. Господин Давыдов—один из тех людей, которые, обладая природным даром к поэзии, предаются ей лишь из прихоти и чтобы отдохнуть от войны и наслаждений. Узнав о чести, оказанной ему г. Давыдовым, автор этих басен послал ему экземпляр их, с надписью:

Вам, поэт, вам, воин,
Который, упиваясь шампанским на берегу Гиппокрены,
Превратил дубовый листок
В лист лавров.]

Le roi d'Ivetot

Il était un Roi'd'Ivetot,
Peu connu dans l'histoire
Se levant tard, se couchant tôt,
Passant le jour à boire,
Et couronné par Jeanneton
D'un simple bonnet de coton, etc.[1]

Признаюсь: вряд ли кому могло войти в голову, чтоб эта песня была сатира на Наполеона. Она очень мила (и чуть ли не лучшая изо всех песен хваленого Béranger), но уж конечно в ней нет и тени оппозиции.

[Затем Пушкин приводит полностью ответ г. Вильмена.—*Ред.*]

341. Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным

Modo vir, modo foemina.
Ovidius[2].

В 1808 году молодой мальчик, по имени Александров, вступил рядовым в Конно-Польский Уланский полк, отличился, получил за храбрость солдатский георгиевский крест, и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский Гусарский полк. Впоследствии перешел он в Литовский Уланский и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

Повидимому все это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однакож это самое наделало много шуму, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений—и каких еще? Наполео-

[1] Жил король в Ивето,
Мало известный в истории;
Он вставал поздно, рано ложился,
Проводил свои дни в попойках,
И увенчанный Жаннеттою
Простым ватным колпаком, и т. д.

[2] То муж, то женщина. Овидий.

новских! Что побудило ее? Тайные, семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

Ныне Н. А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером, быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить страницы *Современника* отрывками из журнала, веденного ею в 1812—13 году. С глубочайшей благодарностию спешим воспользоваться ее позволением.

342. От редакции

Для очистки совести нашей и для предупреждения всех возможных толков и недоразумений, вольных и невольных, почитаем обязанностию сознаться, что напечатание в 1-й книжке журнала нашего Хроника Русского в Париже есть не что иное, как следствие нашей нескромности, что сии отрывки из дружеских писем, или, лучше сказать, домашнего журнала, никогда не были предназначены к печати, особенно в том виде, в каком они представлены публике. Глубокомыслие, остроумие, верность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движения, которые везде пробиваюся сквозь небрежность и беглость выражения, служат лучшим доказательством того, чего можно было бы ожидать от пера, писавшего такими образом про себя, когда следовало бы ему писать про других. Мы имели случай стороною подслушать этот aparté[1], подсмотреть эти ежедневные, ежеминутные отметки, и поторопились, как водится ныне, в эпоху разоблачения всех тайн, поделиться удовольствием и свежими современными новинками с читателями «Современника». Можно было бы, и по некоторым отношениям следовало бы для порядка, дать этим разбросанным чертам стройное единство, облачить в литературную форму. Но мы предпочли сохранить в нем живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений, городских

[1] разговор с самим собой

вестей, булеварных, академических, салонных, кабинетных движений,—так сказать стенографировать эти горячие следы, эту лихорадку парижской жизни; впрочем, кажется, мы не ошиблись в своем предпочтении. По всем отзывам образованных и просвещенных людей, *Парижская хроника* возбудила живейшее любопытство и внимание. Даже и тупые печатные замечания подтвердили нас в убеждении, что способ, нами избранный, едва ли не лучший. Вкус иных людей может служить всегда надежным и неизменным руководством: стоит только выворотить вкус их наизнанку. То, чего они ценить не могли, что показалось им неприличным, неуместным, то, без сомнения, имеет внутреннее многоценное достоинство, следовательно, не их имеем в виду в настоящем объяснении. Но мы желали только, по обязанности редакторской, приняв на себя всю ответственность за произвольное напечатание помянутых выписок, отклонить ее от того, который писал их, забывая, что есть книгопечатание на белом свете.

343. [Примечание к повести «Нос»]

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись.

344. Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной

(Читано им 18 января 1836 г. в Императорской Российской Академии)

Г. Лобанов заблагорассудил дать своему мнению форму неопределенную, вовсе не академическую: это краткая статья, в роде журнальных отметок, помещаемых в Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду. Может статься, то, что хорошо в журнале, покажется слишком легковесным, если будет произнесено в присутствии всей Академии и торжественно потом обнародовано. Как бы то ни было, мнение г. Лобанова заслуживает и даже требует самого внимательного рассмотрения.

«Любовь к чтению и желание образования (так начинается статья г. Лобанова) сильно увеличились в нашем отечестве в последние годы. Умножились типографии, умножилось число книг; журналы расходятся в большем количестве; книжная торговля распространяется».

Находя событие сие приятным для наблюдателя успехов в нашем отечестве, г. Лобанов изрекает неожиданное обвинение. «Беспристрастные наблюдатели,—говорит он,—носящие в сердцах своих любовь ко всему, что клонится к благу отечества, преходя в памяти своей все, в последние времена ими читанное, не без содрогании могут сказать: есть и в нашей новейшей словесности некоторый отголосок безнравия и нелепостей, порожденных иностранными писателями».

Г. Лобанов, не входя в объяснение того, что разумеет он под словами безнравие и нелепость, продолжает:

«Народ заимствует у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному—предписывает благоразумие. Но что ж заимствовать ныне (говорю о чистой словесности) у новейших писателей иностранных? Они часто обнажают такие нелепые, гнусные и чудовищные явления, распространяют такие пагубные и разрушительные мысли, о которых читатель до сих пор не имел ни малейшего понятия, и которые насильственно влагают в душу его зародыш безнравия, безверия и следовательно будущих заблуждений или преступлений».

«Уже ли жизнь и кровавые дела разбойников, палачей и им подобных, наводняющих ныне словесность в повестях, романах, в стихах и прозе, и питающих одно только любопытство, представляются в образец для подражания? Уже ли отвратительнейшие зрелища, внушающие не назидательный ужас, а омерзение, возмущающее душу, служат в пользу человечеству? Уже ли истощилось необъятное поприще благородного, назидательного, доброго и возвышенного, что обратились к нелепому, отвратному (?), омерзительному и даже ненавистному?»

В подтверждение сих обвинений г. Лобанов приводит известное мнение эдимбургских журналистов о нынешнем состоянии французской словесности. При сем случае своды Академии огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгения Сю и прочих; имена сии снабжены были странными прилагательными... Но что, если (паче всякого чаяния) статья г. Лобанова будет переведена, и сии господа увидят имена свои, напечатанные в отчете Императорской Российской Академии?

Не пропадет ли втуне все красноречие нашего оратора? Не в праве ли будут они гордиться такой честию неожиданной, неслыханной в летописях европейских академий, где доселе произносились имена только тех из живых людей, которые воздвигнули себе вековечные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академии безмолвствовали о других.) Критическая статья английского аристарха напечатана была в журнале; там она заняла ей приличное место, и произвела свое действие. У нас Библиотека перевела ее, и хорошо сделала. Но тут и надлежало остановиться.

Есть высоты, с которых не должны падать сатирические укоризны; есть звания, которые налагают на вас обязанность умеренности и благоприличия, независимо от надзора цензуры, sponte sua, sine lege[1].

«Для Франции,—пишет г. Лобанов,—для народов, отуманенных гибельною для человечества новейшею философиею, огрубелых в кровавых явлениях революций и упавших в омут душевного и умственного разврата, самые отвратительнейшие зрелища, например: гнуснейшая из драм, омерзительнейший хаос ненавистного бесстыдства и кровосмешения, Лукреция Борджиа, не кажутся им таковыми; самые разрушительнейшие мысли для них не столь заразительны: ибо они давно ознакомились и, так сказать, срослись с ними в ужасах революций».

Спрашиваю: можно ли на целый народ изрекать такую страшную анафему? Народ, который произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье,—который и ныне гордится Шатобрианом и Балланшем; народ, который Ламартина признал первым из своих поэтов, который Нибуру и Галламу противопоставил Баранта, обоих Тьерри и Гизо; народ, который оказывает столь сильное религиозное стремление, который так торжественно отрекается от жалких скептических умствований минувшего столетия,—ужели весь сей народ должен ответствовать за произведения нескольких писателей, большею частию молодых людей, употребляющих во зло свои таланты и основывающих корыстные расчеты на любопытстве и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворения публики, всегда требующей новизны и сильных впечатлений, многие писатели обратились к изображениям отвратительным, мало заботясь об изящном, об истине, о собственном убежде-

[1] по собственному почину, без давления закона [Овидий]. *Весь абзац этот из текста «Современника» был исключен.—Ред.*

нии. Но нравственное чувство, как и талант, дается не всякому. Нельзя требовать от всех писателей стремления к одной цели. Никакой закон не может сказать: пишите именно о таких-то предметах, а не о других. Мысли, как и действия, разделяются на преступные и на не подлежащие никакой ответственности. Закон не вмешивается в привычки частного человека, не требует отчета о его обеде, о его прогулках и тому подобном; закон также не вмешивается в предметы, избираемые писателем, не требует, чтоб он описывал нравы женевского пастора, а не приключения разбойника или палача, выхвалял счастие супружеское, а не смеялся над невзгодами брака. Требовать от всех произведений словесности изящества или нравственной цели было бы то же, что требовать от всякого гражданина беспорочного житья и образованности. Закон постигает одни преступления, оставляя слабости и пороки на совесть каждого. Вопреки мнению г. Лобанова, мы не думаем, чтоб нынешние писатели представляли разбойников и палачей в образец для подражания. Лесаж, написав *Жильблаза* и *Гусмана д' Альфараш*, конечно, не имел намерения преподавать уроки в воровстве и в плутнях. Шиллер сочинил своих *Разбойников*, вероятно, не с тою целию, чтоб молодых людей вызвать из университетов на большие дороги. Зачем же и в нынешних писателях предполагать преступные замыслы, когда их произведения просто изъясняются желанием занять и поразить воображение читателя? Приключения ловких плутов, страшные истории о разбойниках, о мертвецах и пр. всегда занимали любопытство не только детей, но и взрослых ребят; а рассказчики и стихотворцы исстари пользовались этой наклонностию души нашей.

Мы не полагаем, что нынешняя раздражительная, опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием политических волнений [1]. В словесности французской совершилась своя революция, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархию Людовика XIV. В самое мрачное время революции литература производила приторные, сентиментальные, нравоучительные книжки. Литературные чудовища начали появляться уже в последние времена кроткого и благочестивого Восстановления (Restauration). Начало сему явлению должно искать в самой литературе. Долгое время покорствовав своенравным уставам, давшим

[1] *Современник*, № 1: «О движении журнальной литературы». [*Прим. Пушкина*.]

ей слишком стеснительные формы, она ударилась в крайнюю сторону и забвение всяких правил стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риторами, будто бы польза есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель художества есть идеал, а не нравоучение. Но писатели французские поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразие может быть целию поэзии, т. е. идеалом! Прежние романисты представляли человеческую природу в какой-то жеманной напыщенности; награда добродетели и наказание порока были непременным условием всякого их вымысла; нынешние, напротив, любят выставлять порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие. Такой поверхностный взгляд на природу человеческую обличает, конечно, мелкомыслие и вскоре так же будет смешон и приторен, как чопорность и торжественность романов Арно и г-жи Котен. Покамест он еще нов, и публика, т. е. большинство читателей, с непривычки, видит в нынешних романистах глубочайших знатоков природы человеческой. Но уже «словесность отчаяния» (как назвал ее Гете), «словесность сатаническая» (как говорит Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр.,—эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики.

Французская словесность, со времен Кантемира имевшая всегда прямое или косвенное влияние на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и в нашу эпоху. Но ныне влияние ее было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаниями, не имевшими большого успеха. Журналы наши, которые, как и везде, правильно и неправильно управляют общим мнением, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имевшие у нас наиболее успеха, принадлежат к роду нравоописательных и исторических. Лесаж и Вальтер-Скотт служили им образцами, а не Бальзак и не Жюль-Жанен. Поэзия осталась чужда влиянию французскому; она более и более дружится с поэзиею германскою и гордо сохраняет свою независимость от вкусов и требований публики.

«Останавливаясь на духе и направлении нашей словесности,—продолжает г. Лобанов,—всякий просвещенный человек, всякий благомыслящий русский видит: в теориях наук—сбивчивость, непроницаемую тьму и хаос несвязных мыслей;

в приговорах литературных—совершенную безотчетность, бессовестность, наглость и даже буйство. Приличие, уважение, здравый ум отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизм, слово до сих пор неопределенное, но слово магическое, сделался для многих эгидою совершенной безотчетливости и литературного сумасбродства. Критика, сия кроткая наставница и добросовестная подруга словесности, ныне обратилась в площадное гаерство, в литературное пиратство, в способ добывать себе поживу из кармана слабоумия дерзкими и буйными выходками, нередко даже против мужей государственных, знаменитых и гражданскими и литературными заслугами. Ни сан, ни ум, ни талант, ни лета, ни что не уважается. Ломоносов слывет педантом. Величайший гений, оставивший в достояние России высокую песнь богу, песнь, которой нет равной ни на одном языке народов вселенной, как бы не существует для нашей словесности: он, как бы б е с т а л а н н ы й (г. Лобанов, вероятно, хотел сказать б е с т а л а н т н ы й), оставлен без внимания. Имя Карамзина, мудреца глубокого, писателя добросовестного, мужа чистого сердцем, предано глумлению...»

Конечно, критика находится у нас еще в младенческом состоянии. Она редко сохраняет важность и приличие, ей свойственные; может быть, ее решения часто внушены расчетами, а не убеждением. Неуважение к именам, освященным славою (первый признак невежества и слабомыслия), к несчастию, почитается у нас не только дозволенным, но еще и похвальным удальством. Но и тут г. Лобанов сделал несправедливые указания: у Ломоносова оспоривали (весьма неосновательно) титло поэта, но никто, нигде, сколько я помню, не называл его педантом: напротив, ныне вошло в обыкновение хвалить в нем мужа ученого, унижая стихотворца. Имя великого Державина всегда произносится с чувством пристрастия, даже суеверного. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности.

Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века, но должны признаться, что науки сделали шаг вперед. Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и, хотя говорили они языком, мало понятным для непосвященных,

но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно.

«Не стану говорить ни о господствующем вкусе, ни о понятиях и учениях об изящном. Первый явно везде и во всем обнаруживается и всякому известен, а последние так сбивчивы и превратны, в новейших эфемерных и разрушающих одна другую системах, или так спутаны в суесловных мудрованиях, что они непроницаемы для здравого разума. Ныне едва ли верят, что изящное, при некоторых только изменениях форм, было и есть одно и то же для всех веков и народов; что Гомеры, Данте, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, несмотря на различие их форм, рода, веры и нравов, все созидали изящное и для всех веков; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять ум, воображение и сердце образованных и просвещенных людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей без разбора и гаерам подкачельным. Нет, ныне проповедуют, что ум человеческий далеко ушел вперед, что он может оставить в покое древних и даже новейших знаменитых писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что ныне всякий пишущий есть самобытный гений, и под знаменем сего ложного учения, поражая великих писателей древности именем тяжелых и приторных классиков (которые однакож за тысячи лет пленяли своих сограждан и всегда будут давать много возвышенных наслаждений своему читателю), под знаменем сего ложного учения, новейшие писатели безотчетно омрачают разум неопытной юности и ведут к совершенному упадку и нравственность и словесность».

Оставляя без возражения сию филиппику, не могу не остановиться на заключении, выведенном г. Лобановым изо всего им сказанного:

«По множеству сочиняемых ныне безнравственных книг цензуре предстоит непреодолимый труд проникнуть все ухищрения пишущих. Не легко разрушить превратность мнений в словесности и обуздать дерзость языка, если он, движимый злонамеренностию, будет провозглашать нелепое и даже вредное. Кто ж должен содействовать в сем трудном подвиге? Каждый добросовестный русский писатель, каждый просвещенный отец семейства, а всего более Академия, для сего самого учрежденная. Она, движимая любовию к государю и отечеству, имеет право, на ней лежит долг неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, где бы оно ни встретилось на поприще словесности. Академия (сказано в ее Уставе, гл. III, § 2, и во всеподданнейшем докладе, § III), яко сосло-

вие, учрежденное для наблюдения нравственности, целомудрия и чистоты языка, разбор книг, или критические суждения, долженствует почитать одною из главнейших своих обязанностей. И так, милостивые государи, каждый из почтенных сочленов моих да представляет для рассмотрения и напечатания в собрания сей Академии, согласно с ее Уставом, разборы сочинений и суждения о книгах и журналах новейшей нашей словесности и, тем содействуя общей пользе, да исполняет истинное назначение сего высочайше утвержденного сословия».

Но где же у нас это множество безнравственных книг? Кто сии дерзкие, злонамеренные писатели, ухищряющиеся ниспровергать законы, на коих основано благоденствие общества? И можно ли укорять у нас ценсуру в неосмотрительности и послаблении? Мы знаем противное [1]. Вопреки мнению г. Лобанова, ценсура не должна проникать все ухищрения пишущих. «Ценсура долженствует обращать особенное внимание на дух рассматриваемой книги, на видимую цель и намерение автора, и в суждениях своих принимать всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону» (Устав о ценсуре, § 6). Такова была высочайшая воля, даровавшая нам литературную собственность и законную свободу мысли! Если с первого взгляда сие основное правило нашей ценсуры и может показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнейшем рассмотрении увидим, что без того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово может быть перетолковано в худую сторону. Нелепое, если оно просто нелепо, а не заключает в себе ничего противного вере, правительству, нравственности и чести личной, не подлежит уничтожению ценсуры. Нелепость, как и глупость, подлежит осмеянию общества и не вызывает на себя действия закона. Просвещенный отец семейства не даст в руки своим детям многих книг, дозволенных ценсурою: книги пишутся не для всех возрастов одинаково. Некоторые моралисты утверждают, что и восьмнадцатилетней девушке нельзя позволить чтение романов: из этого еще не следует, чтоб ценсура должна была запрещать все романы. Ценсура есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть верный страж благоденствия частного и государственного, а не докучливая нянька, следующая по пятам шаловливых ребят.

[1] *Последние три слова из «Современника» были изъяты.—Ред.*

Заключим искренним желанием, чтобы Российская Академия, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитых подвигов, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойных писателей деятельным своим покровительством, а недостойных—наказывая одним ей приличным орудием [1]: невниманием.

345. Вольтер

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses etc. Paris, 1836) [2]

Недавно издана в Париже переписка Вольтера с президентом де Броссом. Она касается покупки земли, совершенной Вольтером в 1758 году.

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую вас смеяться, и передать сделкам и купчаям всю заманчивость остроумного памфлета. Судьба на столь забавного покупщика послала продавца не менее забавного. Президент де Бросс есть один из замечательнейших писателей прошедшего столетия. Он известен многими учеными сочинениями[3], но лучшим из его произведений мы почитаем письма, им написанные из Италии в 1730—1740 и недавно вновь изданные под заглавием: «L'Italie

[1] *Предпоследние три слова из «Современника» были изъяты.—Ред.*

[2] Неизданная переписка Вольтера с президентом де Броссом, и проч. Париж, 1836.

[3] Histoire des navigations aux terres australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétisches, и проч. [*Прим. Пушкина.*] (История морских плаваний в южные земли; Трактат о механическом образовании языков; История VII века Римской республики; Трактат о культе богов-фетишей.)

il y a cent ans»[1]. В этих дружеских письмах де Бросс обнаружил необыкновенный талант. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмом, глубокомыслие, шутливая острота, картины, набросанные с небрежением, но живо и смело, ставят его книгу выше всего, что писано было в том же роде.

Вольтер, изгнанный из Парижа, принужденный бежать из Берлина, искал убежища на берегу Женевского озера. Слава не спасла его от беспокойства. Личная свобода его была не безопасна; он дрожал за свои капиталы, розданные им в разные руки. Покровительство маленькой, мещанской республики не слишком его ободряло. Он хотел на всякий случай помириться с своим отечеством и желал (пишет он сам) иметь одну ногу в монархии, другую в республике—дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствам. Местечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Бросс, обратило на себя его внимание. Он знал президента за человека беспечного, расточительного, вечно имеющего нужду в деньгах, и вступил с ним в переговоры следующим письмом:

«Я прочел с величайшим удовольствием то, что вы пишете об Австралии; но позвольте сделать вам предложение, касающееся твердой земли. Вы не такой человек, чтобы Турне могло приносить вам доход. Шуэ, ваш арендатор, думает уничтожить свой контракт. Хотите ли продать мне землю вашу пожизненно? Я стар и хвор. Я знаю, что дело это для меня невыгодно, но вам оно будет полезно, а мне приятно—и вот условия, которые вздумалось мне повергнуть вашему благоусмотрению.

«Обязуюсь из материалов вашего прегадкого замка выстроить хорошенький домик. Думаю на то употребить 25 000 ливров. Другие 25 000 ливров заплачу вам чистыми деньгами.

«Все, чем украшу землю, весь скот, все земледельческие орудия, коими снабжу хозяйство, будут вам принадлежать. Если умру, не успев выстроить дом, то у вас останутся в руках 25 000 ливров, и вы достроите его, коли вам будет угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даром иметь очень порядочный домик.

«Сверх сего обязуюсь прожить не более четырех или пяти лет.

«Взамен сих честных предложений, требую вступить в полное владение вашим движимым и недвижимым имением, правами, лесом, скотом[2] и даже каноником, до самого того времени, как он меня похоронит. Если этот забавный торг покажется вам

[1] «Италия сто лет тому назад».

[2] *Из текста «Современника» слово это было цензурой изъято.—Ред.*

выгодным, то вы одним словом можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишком коротка: дела не должны длиться.

«Прибавляю еще слово. Я украсил мою норку, прозванную les Délices[1]; я украсил дом в Лозанне; то и другое теперь стоит вдвое противу прежней цены: то же сделаю и с вашей землею. В теперешнем ее положении вы никогда ее с рук не сбудете.

«Во всяком случае прошу вас сохранить все это в тайне, и честь имею» и проч.

Де Бросс не замедлил своим ответом. Письмо его, как и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я был в вашем соседстве (пишет он) в то время, как вы поселились так близко к городу[2], то, восхищаясь вместе с вами физическою красотою берегов вашего озера, я бы имел честь шепнуть вам на ухо, что нравственный характер жителей требовал, чтобы вы поселились во Франции по двум важным причинам: во-первых, потому что надобно жить у себя дома, во-вторых, потому что не надобно жить у чужих. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляет меня любить монархии... Я бы вам и тогда предложил свой замок, если б он был вас достоин; но замок мой не имеет даже чести быть древностию: это просто в е т о ш ь. Вы вздумали возвратить ему юность, как Мемнону: я очень одобряю ваше предположение. Вы не знаете, может быть, что г. д'Аржанталь имел для вас то же намерение.—Приступим к делу».

Тут де Бросс разбирает одно за другим все условия, предлагаемые Вольтером; с иными соглашается, другим противоречит, обнаруживая сметливость и тонкость, которых Вольтер от президента, кажется, не ожидал. Это подстрекнуло его самолюбие. Он начал хитрить; переписка завязалась живее. Наконец, 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающие в себе переговоры торгующихся, и несколько других, писанных по заключении торга, составляют лучшую часть переписки Вольтера с де Броссом. Оба друг перед другом кокетничают; оба поминутно оставляют деловые запросы для шуток самых неожиданных, для суждений самых искренних о людях и происшествиях современных. В этих письмах Вольтер является Вольтером, т. е. любезнейшим из собеседников; де Бросс—тем острым писателем, который так ори-

[1] «Отрада».
[2] Вольтер в 1775 году купил Les Délices sur St.-Jean близ самой Женевы. [*Прим. Пушкина.*]

гинально описал Италию в ее правлении и привычках, в ее жизни художественной и сладострастной.

Но вскоре согласие между новым хозяином земли и прежним ее владельцем было прервано. Война, как и многие другие войны, началась от причин маловажных. Срубленные деревья осердили нетерпеливого Вольтера; он поссорился с президентом, не менее его раздражительным. Надобно видеть, что такое гнев Вольтера! Он уже смотрит на де Бросса, как на врага, как на Фрерона, как на великого инквизитора. Он собирается его погубить; «qu'il tremble!—восклицает он в бешенстве,—il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le déshonorer!»[1] Он жалуется, он плачет, он скрежещет... а все дело в двухстах франках. Де Бросс с своей стороны не хочет уступить вспыльчивому философу; в ответ на его жалобы, он пишет знаменитому старцу надменное письмо, укоряет его в природной дерзости, советует ему в минуты сумасшествия воздерживаться от пера, дабы не краснеть, опомнившись потом, и оканчивает письмо желанием Ювенала: Mens sana in corpore sano[2].

Посторонние вмешиваются в распрю соседей. Общий их приятель г. Рюфе старается усовестить Вольтера и пишет к нему едкое письмо (которое, вероятно, диктовано самим де Броссом): «Вы боитесь быть обманутым,—говорит г. Рюфе,—но из двух ролей это лучшая... Вы не имели никогда тяжеб: они разорительны, даже когда их и выигрываем... Вспомните устрицу Лафонтена и пятую сцену второго действия в С к а п и н о в ы х О б м а н а х[3]. Сверх адвокатов, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будет на вас броситься...»

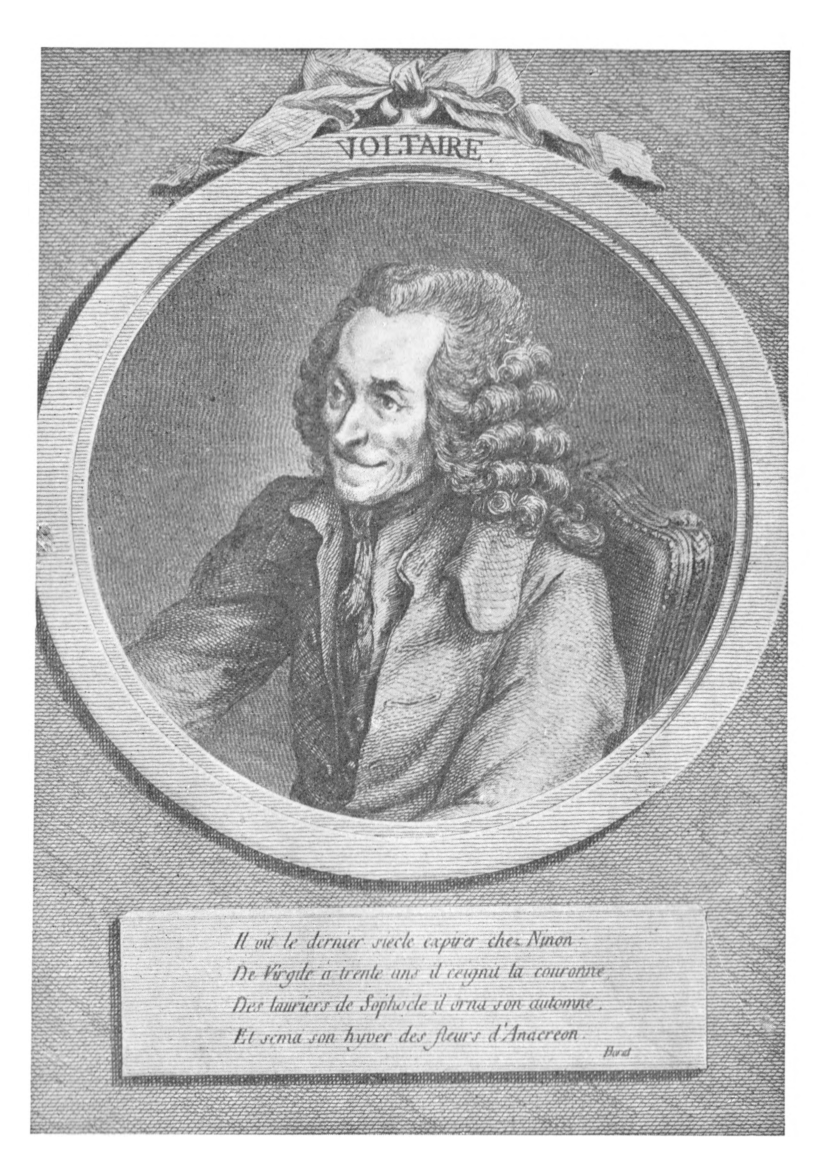
Вольтер первый утомился и уступил. Он долго дулся на упрямого президента и был причиною тому, что де Бросс не попал в Академию (что в то время много значило). Сверх того Вольтер имел удовольствие его пережить: де Бросс, младший из двух пятнадцатью годами, умер в 1777 году, годом прежде Вольтера.

Несмотря на множество материалов, собранных для истории Вольтера (их целая библиотека), как человек деловой, капи-

[1] Пусть он трепещет!.. Дело идет не о том, чтобы его высмеять, а о том, чтобы его обесчестить!

[2] Здоровый дух в здоровом теле.

[3] Сцену, в которой Леандр заставляет Скапина на коленях признаваться во всех своих плутнях. [*Прим. Пушкина.*]

В о л ь т е р

С гравюры неизвестного мастера. (Гос. Исторический музей)

талист и владелец, он еще весьма мало известен. Ныне изданная переписка открывает многое. «Надобно видеть,—пишет издатель в своем предисловии,—как баловень Европы, собеседник Екатерины Великой и Фридерика II, занимается последними мелочами для поддержания своей местной важности; надобно видеть, как он в праздничном кафтане въезжает в свое графство, сопровождаемый своими обеими племянницами (которые все в бриллиантах); как выслушивает он речь своего священника и как новые подданные приветствуют его пальбой из пушек, взятых на прокат у Женевской республики.—Он в вечной распре со всем местным духовенством. Габель (налог на соль) находит в нем тонкого и деятельного противника. Он хочет быть банкиром своей провинции. Вот он пускается в спекуляции. У него свои дворяне: он шлет их посланниками в Швейцарию. И все это его ворочает; он искренно тревожится обо всем, с этой раздражительностью страстей, исключительно ему свойственной. Он расточает то искусные рассуждения адвоката, то прицепки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истинного красноречия. Письмо его к президенту о драке в кабаке право напоминает его заступление за семейство Коласа».

В одном из ~~этих~~ писем встретили мы неизвестные стихи Вольтера. На них легкая печать его неподражаемого таланта. Они писаны соседу, который прислал ему розаны:

Vos rosiers sont dans mes jardins,
Et leurs fleurs vont bientôt paraître
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être.
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.[1]

Признаемся в rococo[2] нашего запоздалого вкуса: в этих семи стихах мы находим более слога, более жизни, более мысли, нежели в полдюжине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе, где мысль заменяется исковер-

[1] Ваши розовые кусты—в моих садах,
И на них скоро появятся цветы,—
Сладостный приют, где я хозяин себе!
Я отказываюсь от суетных лавров,
Которые слишком, быть может, любил в Париже.
Я слишком исколол себе руки
Шипами, которые выросли на них.

[2] рококо

канным выражением, ясный язык Вольтера—напыщенным языком Ронсара, живость его—несносным однообразием, а остроумие—площадным цинизмом или вялой меланхолией.

Вообще переписка Вольтера с де Броссом представляет нам творца Меропы и Кандида с его милой стороны. Его притязания, его слабости, его детская раздражительность—все это не вредит ему в нашем воображении. Мы охотно извиняем его и готовы следовать за всеми движениями пылкой его души и беспокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтении писем, приложенных издателем к концу книги, нами разбираемой. Эти новые письма найдены в бумагах г. де ла Туша, бывшего французским посланником при дворе Фридерика II (в 1752).

В это время Вольтер не ладил с Северным Соломоном[1], своим прежним учеником. Мопертюи, президент Берлинской Академии, поссорился с профессором Кёнигом. Король взял сторону своего президента; Вольтер заступился за профессора. Явилось сочинение без имени автора, под заглавием: Письмо к Публике. В нем осуждали Кёнига и задевали Вольтера. Вольтер возразил и напечатал свой колкий ответ в немецких журналах. Спустя несколько времени Письмо к Публике было перепечатано в Берлине с изображением короны, скипетра и прусского орла на заглавном листе. Вольтер только тогда догадался, с кем имел он неосторожность состязаться, и стал помышлять о благоразумном отступлении. Он видел в поступках короля явное к нему охлаждение и предчувствовал опалу. «Я стараюсь тому не верить»,—писал он в Париж к д'Аржанталю, «но боюсь быть подобну рогатым мужьям, которые силятся уверить себя в верности своих жен. Бедняжки втайне чувствуют свое горе!» Несмотря на свое уныние, он однакож не мог удержаться, чтоб еще раз не задеть своих противников. Он написал самую язвительную из своих сатир (La Diatribe du Dr. Akakias)[2] и напечатал ее, выманив обманом позволение на то от самого короля.

Следствия известны. Сатира, по повелению Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтер уехал из Берлина, задержан был во Франкфурте прусскими приставами, несколько дней находился под арестом и принужден был выдать стихотворения Фридерика, напечатанные для немногих, и между коими находилась сатирическая поэма против Людовика XV и его двора.

[1] Так называл Вольтер Фридерика II в хвалебных своих посланиях. [*Прим. Пушкина.*]

[2] Памфлет доктора Акакия.

Вся эта жалкая история мало приносит чести философии. Вольтер, во все течение долгой своей жизни, никогда не умел сохранить своего собственного достоинства. В его молодости заключение в Бастилию, изгнание и преследование не могли привлечь на его особу сострадания и сочувствия, в которых почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью. Клевета, преследующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся перед лицом истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей. Что влекло его в Берлин? Зачем ему было променивать свою независимость на своенравные[1] милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?..

К чести Фридерика II скажем, что сам от себя король, вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление.

До сих пор полагали, что Вольтер сам от себя, в порыве благородного огорчения, отослал Фридерику камергерский ключ и прусский орден, знаки непостоянных его милостей; но теперь открывается, что король сам их потребовал обратно. Роль переменена: Фридерик негодует и грозит, Вольтер плачет и умоляет...

Что из этого заключить? Что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет, и что наконец независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы.

346. Фракийские Элегии[2]

Стихотворения Виктора Теплякова, 1836.

В наше время молодому человеку, который готовится посетить великолепный Восток, мудрено, садясь на корабль, не

[1] *Эпитет* «своенравные» *из текста «Современника» был изъят.—Ред.*
[2] Отпечатаны и на-днях поступят в продажу. [*Прим. Пушкина.*]

вспомнить лорда Байрона и невольным соучастием не сблизить судьбы своей с судьбой Чильд-Гарольда. Ежели, паче чаяния, молодой человек еще и поэт и захочет выразить свои чувствования, то как избежать ему подражания? Можно ли за то его укорять? Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение—признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения,—или чувство, в смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь[1].

Нет сомнения, что фантастическая тень Чильд-Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабле, принесшем его к фракийским берегам. Звуки прощальных строф:

Adieu, adieu, my native land![2]

отзываются в самом начале его песен:

Плывем!.. Бледнее день; бегут брега родные;
Златой струится блеск по синему пути;
Прости, земля! Прости, Россия!
Прости, о родина, прости!

Но уже с первых стихов поэт обнаруживает самобытный талант:

Безумец! Что за грусть? В минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзал на берегу родном?
Чьи слышал ты благословенья?
Одно минувшее мудреным, тяжким сном
В тот миг душе твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челн,
И бездны, перед ней отверстые, казало!—
Пусть так! Но грустно мне! Как плеск угрюмых волн
Печально в сердце раздается!
Как быстро мой корабль в чужую даль несется!
О, лютня странника, святой от грусти щит,
Приди, подруга дум заветных!
Пусть в каждом звуке струн приветных
К тебе душа моя, о родина, летит!

[1] *Вычеркнуто*: Так Брюлов, усыпляя нарочно свою творческую силу, с пламенным и благородным подобострастием списывал Афинскую школу Рафаэля. А между тем, в голове его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по тесной улице, чудно освещенной Волканом.

[2] Прости, прости, родная земля!

I

Пускай на юность ты мою
Венец терновый наложила —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь—сны, сердца, прочь летите!
К отчизне душу не маните!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

II

Как жадно вольной грудью я
Пью беспредельности дыханье!
Лазурный мир! в твоем сияньи
Сгорает, тонет мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родине, молчите:
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

III

Увижу я страну богов;
Красноречивый прах открою:
И зашумит передо мною
Рой незапамятных веков.
Гуляйте ж, ветры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

Тут есть гармония, лирические движения, истина чувств! Вскоре поэт плывет мимо берегов, прославленных изгнанием Овидия; они мелькают перед ним на краю волн,

Как пояс желтый и струистый.

Поэт приветствует незримую гробницу Овидия стихами слишком небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, как дальний шум победной колесницы!
О! кто средь мертвых сих песков
Мне славный гроб его укажет?
Кто повесть мук его расскажет —
Степной ли ветр, иль плеск валов,
Иль в шуме бури глас веков?..

Но тише... тише... что за звуки?
Чья тень над бездною седой
Меня манит, подъемля руки,
Качая тихо головой?
У ног лежит венец терновый (!),
В лучах сияет голова,
Белее волн хитон *перловый*,
Святей их ропота слова,—
И под эфирными перстами
О древних людях, с их бедами,
Златая лира говорит.
Печально струн ее бряцанье:
В нем сердцу слышится изгнанье;
В нем *стон о родине звучит*,
Как плач души без упованья.

Тишина гробницы, громкая как дальний шум колесницы; стон, звучащий как плач души; слова, которые святее ропота волн... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значит.

Гресет в одном из своих посланий пишет:

Je cesse d'estimer Ovide
Quand il vient sur de faibles tons
Mechanter, pleureur insipide,
De longues lamentations[1].

Книга *Tristium*[2] не заслуживала такого строгого осуждения. Она выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидиевых (кроме «*Превращений*»). *Героиды*, элегии любовные, и самая поэма «*Ars amandi*»[3], мнимая причина его изгнания, уступают «*Элегиям Понтийским*». В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы! Благодарим г. Теплякова за то, что он не ищет блистать душевной твердостью на счет бедного изгнанника, а с живостью заступается за него.

[1] Я перестаю ценить Овидия,
Когда он начинает вяло
Изливать,—несносный плакса,—
Свои тягучие жалобы.
[2] «Скорби»
[3] «Искусство любви»

И ты ль тюремный вопль, о странник! назовешь
Ласкательством души уничиженной?—
Нет, сам терновою стезею ты идешь,
Слепой судьбы проклятьем пораженный!..

Подобно мне (Овидию), ты сир и одинок меж всех
И знаешь сам хлад жизни без отрады;
Огнь сердца без тепла, и без веселья смех,
И плач без слез, и слезы без услады!

Песнь, которую поэт влагает в уста Назоновой тени, имела бы более достоинства, если бы г. Тепляков более соображался с характером Овидия, так искренно обнаруженным в его п л а ч е. Он не сказал бы, что при набегах гетов и бессов поэт

Радостно на смертный мчался бой.

Овидий добродушно признается, что он и смолоду не был охотник до войны, что тяжело ему под старость покрывать седину свою шлемом и трепетной рукой хвататься за меч при первой вести о набеге. (См. Trist. Lib. IV. El. 1.)

Элегия *Томис* оканчивается прекрасными стихами:

Не буря ль это, кормчий мой?
Уж через мачты море хлещет,
И пред чудовищной волной,
Как пред тираном раб немой,
Корабль твой гнется и трепещет!
. . . .
. . . .
. . . .
«Вели стрелять! Быть может, нас
Какой-нибудь в сей страшный час
Корабль услышит отдаленный!» —
И грянул знак... и все молчит,
Лишь море бьется и кипит,
Как тигр бросаясь разъяренный;—
Лишь ветра свист, лишь бури вой.
Лишь с неба голос громовой
Толпе ответствует смятенной .
«Мой кормчий, как твой бледен лик!»
— Не ты ль дерзнул бы в этот миг,
О странник, буре улыбаться?—
«Ты отгадал!.. » Я сердцем с ней
Желал бы каждый миг сливаться;
Желал бы в бой стихий вмешаться!..
Но нет,—и громче, и сильней
Святой призыв с другого света,
Слова погибшего поэта
Теперь звучат в душе моей!

Вскоре из глаз поэта исчезают берега, с которых низвергаются в море воды семиустного Дуная.

Как стар сей шумный Истр! *Чела его морщины*
Седых веков скрывают рой:
Во мгле их Дария мелькает челн немой,
Мелькают и орлы Траяновой дружины.
Скажи, сафирный бог, над брегом ли твоим
По дебрям и горам, сквозь бор необозримый,
Средь тучи варваров, на этот вечный Рим
Летел Сатурн неотразимый?
Не ты ль спирал свой быстрый бег
Народов с бурными волнами,
И твой ли в их крови *не растопился* брег,
Племен бесчисленных усеянный костями?
Хотите ль знать, зачем, куда,
И из какой глуши далекой
Неслась их бурная чреда,
Как лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачем к садам,
К богатым нивам и лугам
По ветру саван свой летучий
Мчат саранчи голодной тучи;
Спросите молнию, куда она летит,
Откуда ураган крушительно бежит,
Зачем кочует вал ревучий!

Следует идиллическая, немного бледная картина народа кочующего; размышления при виде развалин Венецианского замка имеют ту невыгоду, что напоминают некоторые строфы из четвертой песни *Чильд-Гарольда*, строфы, слишком сильно врезанные в наше воображение. Но вскоре поэт снова одушевляется.

Улегся ветер; вод стекло
Ясней небес лазурных блещет;
Повисший парус наш, как лебедя крыло,
Свинцом охотника пронзенное, трепещет.
Но что за гул? .. Как гром глухой
Над тихим морем он раздался —
То грохот пушки заревой,
Из русской Варны он примчался!
О радость! Завтра мы узрим
Страну поклонников Пророка;
Под небом вечно голубым
Упьемся воздухом твоим,
Земля роскошного Востока!
И в темных миртовых садах,
Фонтанов мраморных при медленном журчаньи,
При соблазнительных луны твоей лучах,
В твоем, о юная невольница, лобзаньи
Цветов родной твоей страны,
Живых восточных роз отведаем дыханье
И жар, и свежесть их весны!..

Элегия *Гебеджинские развалины*, по мнению нашему, лучшая изо всех. В ней обнаруживается необыкновенное искусство в описаниях, яркость в выражениях и сила в мыслях. Пользуясь нам данным позволением, выписываем большую часть этой элегии.

Столбов, поникнувших седыми головами,
Столбов у тленности угрюмой на часах,
Стоящих пасмурно над падшими столбами—
Повсюду сумрачный Дедал в моих очах!
. . . .
. . . .
. . . .
Дружины мертвецов гранитных!
Не вы ли стражи тех столбов,
На коих чудеса веков,
Искусств и знаний первобытных
Рукою Сифовых начертаны сынов?..
Как знать? И здесь былой порою,
Творенья, может быть весною,
Род человеческий без умолку жужжал —
В те времена, как наших башен
Главою отрок достигал,
И мамонта, могуч и страшен,
На битву равную охотник вызывал!
Быть может, некогда и в этом запустеньи
Гигантской роскоши лилось обвороженье;
Вздымались портики близ кедровых палат,
Кругом висячие сады благоухали,
Теснились медные чудовища у врат,
И мрамор золотом расписанных аркад
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здесь огромных башен лес,
До вековых переворотов,
Пронзал, быть может, свод небес,
И пена горных струй, средь пальмовых древес,
Из пасти бронзовых сверкала бегемотов!—
И здесь на жертвенную кровь,
Быть может, мирными венчанные цветами
Колоссы яшмовых богов
Глядели весело алмазными очами...
Так, так! подлунного величия звездой
И сей Ничтожества был озарен объедок,—
Парил умов надменных рой,
Цвела любовь... и напоследок —
Повсюду смерть, повсюду прах
В печальных странника очах!

Лишь ты, Армида красотою,
Над сей могилой вековою,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной

Сей град развалин неизвестный
Повсюду богатит она!—
Взгляните: этот столб, гигант окаменелый,
Как в поле колос переспелый,
К земле он древнею склонился головой;
Но с ним, подвинутый годами,
Сосед, увенчанный цветами,
Гирляндой связан молодой;
Но с головы его маститой
Кудрей зеленых вьется рой,
И плащ из листьев шелковитый,
Колышет ветр на нем лесной!
Вот столб другой: на дерн кудрявый
Как труп он рухнулся безглавый;
Но по сияющим развалины рубцам
Играет свежий плющ и вьется мирт душистый,
И великана корень мшистый
Корзиной вешним стал цветам!
И вместо рухнувшей громады
Уж юный тополь нежит взгляды,
И тихо все... лишь соловей,
Как сердце, полное—то безнадежной муки,
То чудной радости—с густых его ветвей
Свои льет пламенные звуки...
Лишь посреди седых столбов,
Хаоса диких трав, обломков и цветов,
Вечерним золотом облитых,—
Семейство ящериц от странника бежит,
И в камнях, зелени узорами обвитых,
Кустами дальними шумит!..

Иеорглифы вековые,
Былого мира мавзолей!
Меж вами и душой моей,
Скажите, что за симпатия? —
Нет! вы не мертвая ничтожества строка:
Ваш прах—урок судьбы тщеславию потомков;
Живей ли гордый лавр сих дребезгов цветка?..
О дайте ж, дайте для венка
Мне листьев с мертвых сих обломков!
Остатки древности святой,
Когда безмолвно я над вами
Парю крылатою мечтой,—
Века сменяются веками,
Как волны моря предо мной!
И с великанами былыми —
Тогда я будто как с родными?
И неземного бытия
Призыв блаженный слышу я!..

Но день погас, а я душою
К сим камням будто пригвожден,
И вот уж яхонтовой мглою
Оделся вечный небосклон.

По морю синего эфира,
Как челн мистического мира,
Царица ночи поплыла,
И на чудесные громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тень лесную, навела.
Рубины звезд над нею блещут
И меж столбов седых трепещут;
И будто движа их, встают
Из-под земли былого дети,
И мертвый град свой узнают,
Паря во мгле тысячелетий...

Зверей и птиц ночных приют,
Давно минувшего зерцало,
Ничтожных дребезгов твоих
Для градов наших бы достало!
К обломкам гордых зданий сих,
О, Альнаскары! приступите,
Свои им грезы расскажите,
Откройте им: богов земных
О чем тщеславие хлопочет?
Чего докучливый от них
Народов муравейник хочет?..
Ты прав, божественный певец:
Века́ веков лишь повторенье!
Сперва—свободы обольщенье,
Гремушки славы наконец;
За славой—роскоши потоки,
Богатства с золотым ярмом,
Потом—изящные пороки,
Глухое варварство потом!..

Это прекрасно! Энергия последних стихов удивительна!

Остальные элегии (между коими шестая весьма замечательна) заключают в себе недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выражения, переходящую часто в надутость, яркость описания, затемненную иногда неточностью.—Вообще главные достоинства «*Фракийских Элегий*»: блеск и энергия; главные недостатки: напыщенность и однообразие.

К «*Фракийским Элегиям*» присовокуплены разные мелкие стихотворения, имеющие неоспоримые достоинства: везде гармония, везде мысли, изредка истина чувства. Если бы г. Тепляков ничего другого не написал, кроме элегии Одиночество и станса Любовь и Ненависть, то и тут занял бы он почетное место между нашими поэтами. Заключим разбор, выписав стихотворение, которым заключается и книга г. Теплякова.

Одиночество

I

В лесу осенний ветер и стонет и дрожит;
По морю темному резвучий вал кочует;
Уныло крупный дождь в окно мое стучит,
Раздумье тяжкое мечты мои волнует.

II

Мне грустно! Догорел камин трескучий мой;
Последний красный блеск над угольями вьется...
Мне грустно! Тусклый день уж гаснет надо мной;
Уж с неба темного туманный вечер льется.

III

Как сладко он для двух супругов пролетит,
В кругу, где бабушка *внучат* своих ласкает;
У кресел дедовских красавица сидит—
И былям старины, работая, внимает!

IV

Мечта докучная! зачем перед тобой
Супругов долгие лобзанья пламенеют?
Что в том, как их сердца, под ризою ночной,
Средь ненасытных ласк, в палящей неге млеют.

V

Меж тем как он кипит, мой одинокий ум!
Как сердце сирое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горьких дум,
Над их мучительно-завидной долей вьется!

VI

Но если для меня безвестный уголок
Не создан, темными *дубами* осененный,
Подруга милая и яркий камелёк,
В часы осенних бурь друзьями окруженный,—

VII

О жар святых молитв, зажгись в душе моей!
Луч пламенной блесни в ее пустыне!
Пролейся в грудь мою целительный елей:
Пусть сны вчерашние не мучат сердце ныне!

VIII

Пусть, упоенная надеждой неземной,
С душой всемирною моя соединится;
Пускай сей мрачный дол исчезнет предо мной;
Осенний в окна ветр, бушуя, не стучится!

IX

О, пусть превыше звезд мой вознесется дух,
Туда, где взор творца их сонмы зажигает!
В мирах надсолнечных пускай мой жадный слух
Органам ангелов, восторженный, внимает...

X

Пусть я увижу их, в безмолвии святом,
Пред троном вечного, коленопреклоненных:
Прочту символы тайн, пылающих на нем,
И юным первенцам творенья откровенных...

XI

Пусть Соломоновой премудрости звезда
Блеснет душе моей в безоблачном эфире:
Поправ земную грусть, быть может я тогда
Не буду тосковать о друге в здешнем мире!

347. [Из «Анекдотов»]

Всем известны слова Петра Великого, когда представили ему двенадцатилетнего школьника, Василия Тредьяковского: в е ч н ы й т р у ж е н и к! Какой взгляд! Какая точность в определении! В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный труженник?

348. Джон Теннер

С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, доныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую—подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство,

нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами.

Отношения Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеды и бесчеловечие Американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, через меч и огонь или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетьми и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский.

Нравы северо-американских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. «Дикари, выставленные в романах,—пишет Вашингтон Ирвинг,—так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных». Это самое подозревали и читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествований уменьшала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями.

В Нью-Иорке недавно изданы «*Записки Джона Теннера*», проведшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями. Эти «*Записки*» драгоценны во всех отношениях. Они самый полный, и вероятно последний, документ бытия народа, коего скоро не останется и следов. Летописи племен безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека; показания простодушные и бесстрастные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации. Достоверность сих «*Записок*» не подлежит никакому сомнению.

Джон Теннер еще жив; многие особы (между прочим Токвиль, автор славной книги: De la démocratie en Amérique[1]) видели его и купили от него самого его книгу. По их мнению, подлога тут быть не может. Да и стоит прочитать несколько страниц, чтобы в том удостовериться: отсутствие всякого искусства и смиренная простота повествования ручаются за истину.

Отец Джона, Теннера, выходец из Виргинии, был священником. По смерти жены своей он поселился в одном месте, называемом Эльк-Горн, в недальнем расстоянии от Цинциннати.

Эльк-Горн был подвержен нападениям индийцев. Дядя Джона Теннера однажды ночью, сговорясь с своими соседями, приблизился к стану индийцев и застрелил одного из них. Прочие бросились в реку и уплыли...

Отец Теннера, отправляясь однажды утром в дальнее селение, приказал своим обеим дочерям отослать маленького Джона в школу. Они вспомнили о том уже после обеда. Но шел дождь, и Джон остался дома. Вечером отец возвратился и, узнав, что он в школу не ходил, послал его самого за тростником и больно его высек. С той поры отеческий дом опостылел маленькому Теннеру: он часто думал и говаривал: «Мне бы хотелось уйти к диким!»

«Отец мой,—пишет Теннер,—оставил Эльк-Горн и отправился к устью Биг-Миами, где он должен был завести новое поселение. Там на берегу нашли мы обработанную землю и несколько хижин, покинутых поселенцами из опасения диких. Отец мой исправил хижины и окружил их забором. Это было весною. Он занялся хлебопашеством. Дней десять спустя по своем прибытии на место, он сказал нам, что лошади его беспокоятся, чуя близость индийцев, которые вероятно рыщут по лесу. «Джон,—прибавил он,—обращаясь ко мне,—ты сегодня сиди дома». Потом пошел он засевать поля с своими неграми и старшим моим братом.

«Нас осталось дома четверо детей. Мачеха, чтоб вернее меня удержать, поручила мне смотреть да младшим, которому не было еще году. Я скоро соскучился и стал щипать его, чтоб заставить кричать. Мачеха велела мне взять его на руки и с ним гулять по комнатам. Я послушался, но не перестал его щипать. Наконец она стала его кормить грудью, а я побежал проворно на двор и ускользнул в калитку, оттуда в поле. Не в далеком расстоянии от дома, и близ самого поля, стояло ореховое дерево, под которым бегал я собирать прошлогодние орехи. Я осторожно до него добрался, чтоб не быть замечену ни отцом, ни его работниками... Как теперь вижу отца моего, стоящего с ружьем на страже посреди поля. Я спрятался за дерево и думал про себя: «Мне бы очень хотелось увидеть индийцев!»

«Уж моя соломенная шляпа была почти полна орехами, как вдруг услышал я шорох. Я оглянулся: индийцы! Старик и молодой человек схватили меня и потащили. Один из них выбросил из моей шляпы орехи

[1] «О демократии в Америке»

и надел мне ее на голову. После того ничего не помню. Вероятно я упал в обморок, потому что не закричал. Наконец я очнулся под высоким деревом. Старика не было. Я находился между молодым человеком и другим индийцем, широкоплечим и малорослым. Вероятно я его чем-нибудь да рассердил, потому что он потащил меня в сторону, схватил свой т о м а г а у к (дубину) и знаками велел мне глядеть вверх. Я понял, что он мне показывал в последний раз взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой индиец, похитивший меня, удержал удар, вознесенный над моею головою. Оба заспорили с живостию. Покровитель мой закричал. Несколько голосов ему отвечало. Старик и четыре другие индийца прибежали поспешно. Старый начальник, казалось, строго говорил тому, кто угрожал мне смертию. Потом он и молодой человек взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тем ужасный индиец шел за нами. Я замедлял их отступление, и заметно было, что они боялись быть настигнуты.

«В расстоянии одной мили от нашего дома, у берега реки, | в кустах, спрятан был ими челнок из древесной коры. Они сели в него все семеро, взяли меня с собою и переправились на другой берег, у самого устья Биг-Миами. Челнок остановили. В лесу спрятаны были одеяла (кожаные) и запасы; они предложили мне дичины и медвежьего жиру. Но я не мог есть. Наш дом отселе был еще виден; они смотрели на него, и потом обращались ко мне со смехом. Не знаю, что они говорили.

«Отобедав, они пошли вверх по берегу, таща меня с собою по прежнему, и сняли с меня башмаки, полагая, что они мешали бежать. Я не терял еще надежды от них избавиться, несмотря на надзор, и замечал все предметы, дабы по ним направить свой обратный побег; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить следы. Я надеялся убежать во время их сна. Настала ночь; старик и молодой индиец легли со мною под одеяло и крепко прижали меня. Я так устал, что тотчас заснул. На другой день я проснулся на заре. Индийцы уже встали и готовы были в путь. Таким образом шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надеялся убежать, но, при наступлении ночи, сон каждый раз мною овладевал совершенно. Ноги мои распухли и были все в ранах и в занозах. Старик мне помог кое-как и дал пару м о к а с и н о в (род кожаных лаптей), которые облегчили меня немного.

«Я шел обыкновенно между стариком и молодым индийцем. Часто заставляли они меня бегать до упаду. Несколько дней я почти ничего не ел. Мы встретили широкую реку, впадающую (думаю) в Миами. Она была так глубока, что мне нельзя было ее перейти. Старик взял меня к себе на плечи и перенес на другой берег. Вода доходила ему под мышки; я увидел, что одному мне перейти эту реку было невозможно, и потерял всю надежду на скорое избавление. Я проворно вскарабкался на берег, стал бегать по лесу, и спугнул с гнезда дикую птицу. Гнездо полно было яиц; я взял их в платок и воротился к реке. Индийцы стали смеяться, увидев меня с моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца в маленьком котле. Я был очень голоден и жадно смотрел на эти приготовления. Вдруг прибежал старик, схватил котел и вылил воду на огонь вместе с яйцами. Он наскоро что-то шепнул молодому человеку. Индийцы поспешно подобрали яйца и рассеялись по лесам. Двое из них умчали меня со всевозможною быстротою. Я думал, что за нами гнались, и впоследствии узнал, что не ошибся. Вероятно меня искали на том берегу реки...

«Два или три дня после того, встретили мы отряд индийцев, состоявший из двадцати или тридцати человек. Они шли в европейские селения.

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

Титульный лист журнала «Современник»

Старик долго с ними разговаривал. Узнав (как мне после сказали), что белые люди за нами гнались, они пошли им навстречу. Произошло жаркое сражение, и с обеих сторон легло много мертвых.

«Поход наш сквозь леса был труден и скучен. Через десять дней пришли мы на берег Миами. Индийцы рассыпались по лесу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно ореховое дерево (hickory), срубили его, сняли кору и сшили из нее челнок, в котором мы все поместились; поплыли по течению реки, и вышли на берег у большой индийской деревни, выстроенной близ устья другой какой-то реки. Жители выбежали к нам навстречу. Молодая женщина с криком кинулась на меня и била по голове. Казалось, многие из жителей хотели меня убить; однако старик и молодой человек уговорили их меня оставить. Повидимому, я часто бывал предметом разговоров, но не понимал их языка. Старик знал несколько английских слов. Он иногда приказывал мне сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная таким образом требовать от меня различных услуг.

«Мы отправились далее. В некотором расстоянии от индийской деревни находилась американская контора. Тут несколько купцов со мною долго разговаривали. Они хотели меня выкупить, но старик на то не согласился. Они объяснили мне, что я у старика заступлю место его сына, умершего недавно; обошлись со мною ласково, и хорошо меня кормили во все время нашего пребывания. Когда мы расстались, я стал кричать — в первый раз после моего похищения из дому родительского. Купцы утешили меня, обещав через десять дней выкупить из неволи».

Наконец челнок причалил к месту, где обитали похитители бедного Джона. Старуха вышла из деревянного шалаша и побежала к ним навстречу. Старик сказал ей несколько слов; она закричала, обняла, прижала к сердцу своему маленького пленника и потащил в шалаш.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезик. Младший из его сыновей умер незадолго перед происшествием, здесь описанным. Жена его объявила, что не будет жива, если ей не отыщут ее сына. То-есть, она требовала молодого невольника, с тем, чтобы его усыновить. Старый Монито-о-гезик с сыном своим Киш-кау-ко и с двумя единоплеменниками, жителями Гуронского озера, тотчас отправились в путь, чтоб только удовлетворить желание старухи. Трое молодых людей, родственники старика, присоединились к нему. Все семеро пришли к селениям, расположенным на берегах Оио. Накануне похищения индийцы переправились через реку и спрятались близ Теннерова дома. Молодые люди с нетерпением ожидали появления ребенка и несколько раз готовы были выстрелить по работникам. Старик насилу мог их удержать.

Возвратясь благополучно домой с своею добычею, старый Монито-о-гезик на другой же день созвал своих родных и знакомых, и Джон Теннер был торжественно усыновлен на самой могиле маленького дикаря.

Была весна. Индийцы оставили свои селения и все отправились на ловлю зверей. Выбрав себе удобное место, они стали ограждать его забором из зеленых ветвей и молодых дерев, из-за которых должны были стрелять. Джону поручили обламывать сухие веточки и обрывать листья с той стороны, где скрывались охотники. Маленький пленник, утомленный зноем и трудом, всегда голодный и грустный, лениво исполнял свою дложность. Старый Монито-о-гезик, застав однажды его спящим, ударил мальчика по голове своим **томагауком** и бросил замертво в кусты. Возвратясь в табор, старик сказал жене своей: «Старуха! мальчик, которого я тебе привел, ни к чему не годен: я его убил. Ты найдешь его там-то». Старуха с дочерью прибежали, нашли Теннера еще живого и привели его в чувство.

Жизнь маленького приемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверх сил; старик и сыновья его били бедного мальчика поминутно. Есть ему почти ничего не давали; ночью он спал обыкновенно между дверью и очагом, и всякий, входя и выходя, непременно давал ему ногою толчок. Старик возненавидел его и обходился с ним с удивительной жестокостию. Теннер никогда не мог забыть следующего происшествия.

Однажды Монито-о-гезик, вышед из своей хижины, вдруг возвратился, схватил мальчика за волосы, потащил за дверь, и уткнул **как кошку** лицом в навозную кучу. «Подобно всем индийцам,—говорит американский издатель его «*Записок*»,—Теннер имеет привычку скрывать свои ощущения. Но когда рассказывал он мне сие приключение, блеск его взгляда и судорожный трепет верхней губы доказывали, что жажда мщения—отличительное свойство людей, с которыми провел он свою жизнь—не была чужда и ему. Тридцать лет спустя желал он еще омыть обиду, претерпенную им на двенадцатом году!»

Зимою начались военные приготовления. Монито-о-гезик, отправляясь в поход, сказал Теннеру: «Иду убить твоего отца, братьев и всех родственников»... Через несколько дней возвратился и показал Джону белую, старую шляпу, которую он тотчас узнал: она принадлежала брату его. Старик уверил его, что сдержал свое слово и что никто из его родных уже более не существует.

Время шло, и Джон Теннер начал привыкать к судьбе своей. Хотя Монито-о-гезик все обходился с ним сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчить его участь.— Через два года произошла важная перемена. Начальница племени Отавуавов, Нет-но-куа, родственница старого индийца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтоб заменить себе

потерю сына. Джон Теннер был выменен на боченок водки и на несколько фунтов табаку.

Вторично усыновленный, Теннер нашел в новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Он искренно к ней привязался; вскоре отвык он от привычек своей детской образованности и сделался совершенным индийцем,—и теперь, когда судьба привела его снова в общество, от коего был он отторгнут в младенчестве, Джон Теннер сохранил вид, характер и предрассудки дикарей, его усыновивших.

«*Записки*» Теннера представляют живую и грустную картину. В них есть какое-то однообразие, какая то сонная бессвязность и отсутствие мысли, дающие некоторое понятие о жизни американских дикарей. Это длинная повесть о застреленных зверях, о метелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках, замерзших на пути, о скотских оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованности.

Американские дикари все вообще звероловы. Цивилизация европейская, вытеснив их из наследственных пустынь, подарила им порох и свинец: тем и ограничилось ее благодетельное влияние. Искусный стрелок почитается между ими за великого человека. Теннер рассказывает первый свой опыт на поприще, на котором потом прославился.

«Я отроду еще не стрелял. Мать моя (Нет-но-куа) только что купила боченок пороху. Ободренный ее снисходительностию, я попросил у ней пистолет, чтоб итти в лес стрелять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «Пора тебе быть охотником». Мне дали заряженный пистолет и сказали, что если удастся застрелить птицу, то дадут ружье и станут учить охоте.

«С того времени я возмужал и несколько раз находился в затруднительном положении; но никогда жажда успеха не была во мне столь пламенна. Едва вышел я из табора, как увидел голубей в близком расстоянии. Я взвел курок и поднял пистолет почти к самому носу; прицелился и выстрелил. В то же время мне послышалось жужжание, подобное свисту брошенного камня; пистолет полетел через мою голову, а голубь лежал под деревом, на котором сидел.

«Не заботясь о моем израненном лице, я побежал в табор с застреленным голубем. Раны мои осмотрели; мне дали ружье, порох и дробь и позволили стрелять по птицам. С той поры стали со мной обходиться с уважением».

Вскоре после того молодой охотник отличился новым подвигом.

«Дичь становилась редка; толпа наша (отряд охотников с женами и детьми) голодала. Предводитель наш советовал перенести табор на другое место. Накануне назначенного дня для походу, мать моя долго говорила о наших неудачах и об ужасной скудости, нас постигшей. Я лег спать;

но ее песни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

«На другой день, рано утром, она разбудила нас; велела обуваться и быть готовым в поход. Потом призвала своего сына Уа-ме-гон-е-бью и сказала ему: «Сын мой, в нынешнюю ночь я молилась великому духу. Он явился мне в образе человеческом и сказал: «Нет-но-куа! завтра будет вам медведь для обеда. Вы встретите на пути вашем (по такому-то направлению) круглую долину и на долине тропинку: медведь находится на той тропинке».

«Но молодой человек, не всегда уважавший слова своей матери, вышел из хижины и рассказал сон ее другим индийцам. «Старуха уверяет,— сказал он смеясь,—что мы сегодня будем есть медведя; но не знаю, кто-то его убьет».—Нет-но-куа его за то побранила, но не могла уговорить итти на медведя.

«Мы пошли в поход. Мужчины шли вперед и несли наши пожитки. Пришед на место, они отправились на ловлю, а дети остались стеречь поклажу до прибытия женщин. Я был тут же: ружье было при мне. Я всё думал о том, что говорила старуха, и решился итти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядил ружье пулею и, не говоря никому ни слова, воротился назад.

«Я прибыл к одному месту, где вероятно некогда находился пруд, и увидел круглое малое пространство посреди леса. Вот,—подумал я,— долина, назначенная старухою. Вскоре нашел род тропинки, вероятно русло иссохшего ручейка. Всё покрыто было глубоким снегом.

«Мать сказывала также, что во сне видела она дым на том месте, где находился медведь. Я был уверен, что нашел долину ею описанную, и долго ждал появления дыма. Однакож дым не показывался. Наскуча напрасным ожиданием, сделал я несколько шагов там, где, казалось, шла тропинка, и вдруг увяз по пояс в снегу.

«Выкарабкавшись проворно, прошел я еще несколько шагов, как вспомнил вдруг рассказы индийцев о медведях, и мне пришло в голову, что, может быть, место, куда я провалился, была медвежья берлога. Я воротился и во глубине впадины увидел голову медведя; приставил ему дуло ружья между глазами, и выстрелил. Коль скоро дым разошелся, я взял палку и несколько раз воткнул ее конец в глаза и рану; потом, удостоверясь, что медведь убит, стал его тащить из берлоги, но не смог, и возвратился в табор по своим следам.

«Вошел в шалаш моей матери. Старуха сказала мне: «Сын мой, вынь из котла кусок бобрового мяса, которое мне дали сегодня; да оставь половину брату, который с охоты еще не воротился, и сегодня ничего не ел»... Я съел свой кусок и, видя, что старуха одна, подошел к ней и сказал ей на ухо: «Мать! я убил медведя!»—Что ты говоришь?—«Я убил медведя!»—Точно ли он убит?—«Точно».—Она несколько времени глядела на меня неподвижно; потом обняла меня с нежностью и долго ласкала. Пошли за убитым медведем; и как это был еще первый, то, по обычаю индийцев, его изжарили цельного, и все охотники приглашены были съесть его вместе с нами».

Описание различных охот и приключений во время преследования зверей занимает много места в «*Записках*» Джона Теннера. Истории об одних убитых медведях составляют целый роман. То, что он говорит о м у з е, американском олене (cervus alces), достойно исследования натуралистов.

«Индийцы уверены, что муз между прочим одарен способностию долго оставаться под водою. Двое из моих знакомых, люди не лживые, возвратились однажды вечером с охоты и рассказали нам, что молодой муз, загнанный ими в маленький пруд, нырнул в середину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табак; во все время не видели ни малейшего движения воды, ни другой какой-либо приметы скрывшегося муза, и, потеряв надежду на успех, наконец возвратились.

«Несколько минут по их прибытии, явился одинокий охотник с свежею добычею. Он рассказал, что звериный след привел его к берегам пруда, где нашел он следы двух человек, повидимому прибывших туда с музом почти в одно время. Он заключил, что муз был ими убит; сел на берег, и вскоре увидел муза, приставшего тихо над неглубокою водою, и застрелил его в пруду.

«Индийцы полагают, что муз животное самое осторожное и что достать его весьма трудно. Он бдительнее, нежели дикий буйвол (bison, bos americanus) и канадский олень (karibou), и имеет более острое чутье. Он быстрее лося, осторожнее и хитрее дикой козы (l'antilope). В самую страшную бурю, когда ветер и гром сливают свой продолжительный рев с беспрестанным шумом проливного дождя, если сухой прутик хрустнет в лесу под ногою или рукою человеческой, муз уже слышит. Он не всегда убегает, но перестает есть, и вслушивается во все звуки. Если в течение целого часа человек не произведет никакого шума, то муз начинает есть опять, но уж не забывает звука, им услышанного, и на несколько часов осторожность его остается деятельнее».

Легкость и неутомимость индийцев в преследовании зверей почти неимоверны. Вот как Теннер описывает охоту за лосями.

«Холодная погода только что начиналась. Снег был еще не глубже одного фута; а мы уже чувствовали голод. Нам встретилась толпа лосей, и мы убили четырех в один день.

«Вот как индийцы травят лосей. Спугнув с места, они преследуют их ровным шагом в течение нескольких часов. Испуганные звери сгоряча опережают их на несколько миль; но индийцы, следуя за ними все тем же шагом, наконец настигают их; толпа лосей, завидя их, бежит с новым усилием и исчезает опять на час или на два. Охотники начинают открывать их скорее и скорее, и лоси все долее и долее остаются в их виду; наконец охотники уже ни на минуту не теряют их из глаз. Усталые лоси бегут тихой рысью; вскоре идут шагом. Тогда и охотники находятся почти в совершенном изнеможении. Однакож они обыкновенно могут еще дать залп из ружей по стаду лосей; но выстрелы придают зверям новую силу; а охотники, ежели снег не глубоко, редко имеют дух и возможность выстрелить более одного или двух раз. В продолжительном бегстве лось не легко высвобождает копыто свое; в глубоких снегах его достигнуть легко. Есть индийцы, которые могут преследовать лосей по степи и бесснежной; но таких мало».

Препятствия, нужды, встречаемые индийцами в сих предприятиях, превосходят все, что можно себе вообразить. Находясь в беспрестанном движении, они не едят по целым суткам и принуждены иногда, после такого насильственного поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь в пропа-

сти, покрытые снегом, переправляясь через бурные реки на легкой древесной коре, они находятся в ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства к ее поддержанию. Подмочив гнилое дерево, из коего добывают себе огонь, часто охотники замерзают в снеговой степи. Сам Теннер несколько раз чувствовал приближение ледяной смерти.

«Однажды рано утром,—говорит он,—я погнал лося и преследовал его до ночи; уже готов был его достигнуть, но вдруг лишился сил и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскоре она оледенела. Мои суконные митассы (порты) изорвались в клочки во время бега сквозь кустарники. Я почувствовал, что замерзаю... Около полуночи достиг места, где стояла наша хижина; ее уже там не было: старуха перенесла ее на другое место... Я пошел по следам моей семьи, и вскоре холод стал нечувствителен: мною овладело усыпление, обыкновенный признак, предшествующий смерти. Я удвоил усилия; и хотя был в совершенной памяти и понимал очень хорошо опасность своего положения, но с трудом мог удержать желание прилечь на землю. Наконец совершенно забылся, не знаю, надолго ли, и очнувшись как ото сна, увидел, что кружился на одном месте».

«Я стал искать своих следов, и вдруг вдали увидел огонь; но снова потерял чувства. Если бы я упал, то уж никогда бы не встал. Я стал опять кружиться на одном месте; наконец достиг нашей хижины. Вошед в нее, я упал, однакож не лишился чувств. Как теперь вижу огонь, освещающий ярко нашу хижину, и лед, ее покрывающий; как теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго перед наступлением ночи, не полагая, чтоб я так долго остался на охоте... Целый месяц я не мог выдти: лицо, руки и ляжки были у меня сильно отморожены...»

Подвергаясь таковым трудам и опасностям, индийцы имеют целию заготовление бобровых мехов, буйволовых кож и прочего, дабы продать и выменять их купцам американским. Но редко получают они выгоду в торговых своих оборотах: купцы обыкновенно пользуются их простотою и склонностию к крепким напиткам. Выменяв часть товаров на ром и водку, бедные индийцы отдают и остальные за бесценок; за продолжительным пьянством следует голод и нищета, и несчастные дикари принуждены вскоре опять обратиться к скудной и бедственной своей промышленности. Джон Теннер следующим образом описывает одну из этих оргий.

«Торг наш кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасных бобровых мехов. В замену подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряные украшения, знаки ее владычества, и бочку рому. Когда купец послал за нею, чтоб вручить свой подарок, она так была пьяна, что не могла держаться на ногах. Я явился вместо ее и был немножко навеселе; нарядился в ее платье, надел на себя и серебряные украшения; потом взвалил бочку на плечи, принес ее в хижину. Тут я поставил бочку наземь и прошиб дно обухом. «Я не из тех начальников,—сказал я,—которые тянут ром из дырочки: пей, кто хочет и сколько хочет!»—Старуха прибе-

жала с тремя котлами,—и в пять минут все было выпито. Я пьянствовал с индийцами во второй раз от роду; у меня спрятан был ром; тайно ходил я пить, и был пьян два дня сряду. Остатки пошел допивать с племянником старухи... Он не был еще пьян, но жена его лежала перед огнем в совершенном бесчувствии...

«Мы сели пить. В это время индиец, из племени Ожибуай, вошел, шатаясь, и повалился перед огнем. Уж было поздно; но весь табор шумел и пьянствовал. Я с товарищем вышел, чтоб попировать с теми, которые захотят нас пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котел с остальною водкою. Погуляв несколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала перед огнем; но на ней уже не было ее серебряных украшений. Мы кинулись к нашему котлу: котел исчез; индиец, оставленный нами перед огнем, скрылся; и по многим причинам мы подозревали его в этом воровстве. Дошло до меня, что он сказывал, будто бы я его поил. На другой день пошел я в его хижину и потребовал котла. Он велел своей жене принести его. Таким образом вор сыскался, и брат мой получил обратно серебряные украшения!!..»

Оставляем читателю судить, какое улучшение в нравах дикарей приносит соприкосновение цивилизации!

Легкомысленность, невоздержанность, лукавство и жестокость—главные пороки диких американцев. Убийство между ими не почитается преступлением; но родственники и друзья убитого обыкновенно мстят за его смерть. Джон Теннер навлек на себя ненависть одного индийца и несколько раз подвергался его удару. «Ты давно мог бы меня убить,—сказал ему однажды Теннер,—но ты не мужчина, у тебя нет даже сердца женского, ни смелости собачьей. Никогда не прощу тебе, что ты на меня замахнулся ножом, и не имел духа поразить».—Храбрость почитается между индийцами главною человеческою добродетелью: трус презираем у них наравне с ленивым или слабым охотником. Иногда, если убийство произошло в пьянстве или ненарочно, родственники торжественно прощают душегубца. Теннер рассказывает любопытный случай.

«Молодой человек, из племени Оттоваyа, живший у меня во время моей болезни, отлучался в табор новоприбывших индийцев, которые в то время пьянствовали. В полночь его привели к нам пьяного. Один из проводников втолкнул его в хижину, сказав: «Смотрите за ним: молодой человек напроказил».

«Мы разложили огонь и увидели молодого человека, стоящего с ножом в руке, всего окровавленного. Его не могли уложить; я приказал ему лечь, и он повиновался. Я запретил делать разыскания и упоминать ему об окровавленном ноже.

«Утром, встав от глубокого сна, он ничего не помнил. Молодой человек сказал нам, что накануне, кажется, он напился пьян, что очень голоден и хочет готовить себе обед. Он изумился, когда я сказал ему, что он убил человека. Он знал только, что во время пьянства кричал, вспомня об отце своем, убитом некогда на том самом месте белыми людьми. Он очень опечалился и тотчас побежал взглянуть на того, кого зарезал.

Несчастный был еще жив. Мы узнали, что когда был он поражен, тогда лежал пьяный без памяти и что сам убийца вероятно не знал, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего, но переводчик (американского губернатора) сильно его упрекал.

«Ясно было, что раненый не мог жить, и что последний час его был уже близок. Убийца возвратился к нам. Мы приготовили значительные подарки: кто дал одеяло, кто кусок сукна, кто то, кто другое. Он унес их тотчас и положил перед раненым. Потом, обратясь к родственникам, сказал им: «Друзья мои, вы видите, что я убил вашего брата; но я сам не знал, что делал. Я не имел злого намерения: недавно приходил он в наш табор, и я с ним виделся дружелюбно; но в пьянстве я обезумел, и жизнь моя вам принадлежит. Я беден, и живу у чужих; но они готовы отвести меня к моему семейству и прислали вам эти подарки. Жизнь моя в ваших руках; подарки перед вами, выбирайте, что хотите. Друзья мои жаловаться не станут».

«При сих словах он сел, наклонив голову и закрыв глаза руками в ожидании смертельного удара. Но старая мать убитого вышла вперед и сказала ему: «Ни я, ни дети мои смерти твоей не хотят. Не отвечаю за моего мужа: его здесь нет; однакож подарки твои принимаю и буду стараться отвратить от тебя мщение мужа. Это несчастие случилось ненарочно. За что же твоя мать будет плакать, как я?»

«На другой день молодой человек умер, и многие из нас помогли убийце вырыть могилу. Когда все было готово, губернатор подарил мертвецу богатые одеяла, платья и прочее (что, по обычаю индийцев, должно было быть схоронено вместе с телом). Эти подарки положены были в кучу на краю могилы. Но старуха, вместо того, чтоб их закопать, предложила молодым людям разыграть их между собою.

«Разные игры следовали одна за другою: стреляли в цель, прыгали, боролись и пр. Но лучший кусок сукна был назначен наградою победителю за бег взапуски. Сам убийца его выиграл. Старуха подозвала его и сказала: «Молодой человек! Сын мой был очень мне дорог; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы счастлива, если бы ты заступил его место, и любил и охранял меня подобно ему. Боюсь только моего мужа».— Молодой человек, благодарный за ее заступление, принял тотчас предложение. Он был усыновлен, и родственники убитого всегда обходились с ним ласково и дружелюбно».

Не все ссоры и убийства кончаются так миролюбиво. Джон Теннер описал одну ссору, где ужасное и смешное странным образом перемешаны между собою.

«Брат мой Уа-ме-гон-е-бью вошел в шалаш, где молодой человек бил одну старуху. Брат удержал его за руку. В это самое время пьяный старик, по имени Та-бу-шиш, вошел туда же, и, вероятно, не разобрав порядочно в чем дело, схватил брата за волосы и откусил ему нос. Народ сбежался; произошло смятение. Многих изранили. Бег-уа-из, один из старых начальников, бывший всегда к нам благосклонен, прибежал на шум и почел своею обязанностью вмешаться в дело. Между тем брат мой, заметя свою потерю, поднял руки, не подымая глаз, вцепился в волоса первой попавшейся головы ему и разом откусил ей нос. Это был нос нашего друга, старого Бег-уа-иза! Утолив немного свое бешенство, Уа-ме-гон-е-бью узнал его и закричал: «Дядя! это ты!»—Бег-уа-из был человек добрый и смирный; он знал, что брат откусил ему нос совсем неумышлен-

но. Он нимало не осердился и сказал: «Я стар; не долго будут смеяться над потерею моего носа».

«С своей стороны я был в сильном негодовании на старика, обезобразившего брата моего. Я вошел в хижину к Уа-ме-гон-е-бью и сел подле него. Он весь был окровавлен; несколько времени молчал, и когда заговорил, я увидел, что он был в полном своем рассудке. «Завтра,—сказал он, я буду плакать с моими детьми; послезавтра пойду к Та-бу-шишу(врагу своему), и мы оба умрем: я не хочу жить, чтоб быть вечно посмещищем». Я обещал ему помочь в его предприятии и приготовился к делу. Но проспавшись и проплакав целый день с своими детьми, он оставил свои злобные намерения и решился как-нибудь обойтися без носу, также, как и Бег-уа-из.

«Несколько дней спустя, Та-бу-шиш опасно занемог горячкою. Он ужасно похудел и, казалось, умирал. Наконец прислал он к Уа-ме-гон-е-бью два котла и другие значительные подарки и велел ему сказать: «Друг мой, я тебя обезобразил, а ты наслал на меня болезнь. Я много страдал, а коли умру, то дети мои будут страдать еще более. Посылаю тебе подарки, дабы ты оставил мне жизнь...» Уа-ме-гон-е-бью отвечал ему через посланного: «Не я наслал на тебя болезнь; вылечить тебя не могу, подарков твоих не хочу». Та-бу-шиш томился около месяца; волоса у него вылезли; потом он начал выздоравливать, и мы все пошли в степи по разным направлениям, удаляясь один от другого как можно более...

«Однажды мы расположились табором близ деревушки, в которую переселился Та-бу-шиш, и готовы были уже снова выступить, как вдруг увидели его. Он был весь голый, расписан и украшен как для битвы, и держал в руках оружие. Он медленно к нам приближался и казался глубоко раздраженным. Но никто из нас не понял его намерения до самой той минуты, как он уставил дуло своего ружья в спину моего брата. «Друг мой,—сказал он ему,—мы довольно пожили; мы довольно друг друга помучили. Тебя просили от моего имени довольствоваться тем, что уже я вытерпел; ты не согласился; через тебя я все еще страдаю; жизнь моя несносна: нам должно вместе умереть». Два молодые индийца, видя его намерение, тотчас натянули свои луки и прицелились в него стрелами; но Та-бу-шиш не обратил на них никакого внимания. Уа-ме-гон-е-бью испугался и не смел приподнять голову. Та-бу-шиш готов был биться с ним на смерть, но он не принял вызов. С той поры я вовсе перестал его уважать: последний индиец был храбрее и великодушнее его».

Если частные распри индийцев жестоки и кровопролитны, то войны их, за то, вовсе не губительны и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властию, а дикари не знают, что такое повиновение воинское. Они, наскуча походом, оставляют войско один за другим, и возвращаются каждый в свою хижину, не успев увидеть неприятеля. Старшины упрямятся несколько времени; но, оставшись одни без воинов, следуют общему примеру, и война кончается безо всякого последствия.

Джон Теннер рассказывает с видимым удовольствием один из своих военных подвигов, который немного походит на воровство, но тем не менее доказывает его предприимчивость и неустрашимость. Какие-то индийцы похитили у него лошадь. Он отпра-

вился с намерением или отыскать ее, или заменить. Посещая индийские селения, в одном из них не встретил он никакого гостеприимства. Это его оскорбило, и заметив добрую лошадь, принадлежавшую старшине, он из мести решился присвоить ее себе.

«У меня под одеялом,—говорит он,—спрятан был аркан. Я искусно набросил его на шею лошади—и не поскакал, а полетел. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтоб оглянуться: хижины негостеприимной деревни были едва видны и казались маленьким точками на далекой долине...

«Тут я подумал, что не хорошо поступаю, похищая любимую лошадь человека, не сделавшего мне никакого зла, хотя и отказавшего мне в должном гостеприимстве. Я соскочил с лошади и пустил ее на волю. Но в ту же минуту увидел толпу индийцев, скачущих из-за возвышения. Я едва успел убежать в ближайший орешник. Они искали меня несколько времени, по разным направлениям, а я между тем спрятался с большой осторожностью. Они рассеялись. Многие прошли близехонько от меня; но я был так хорошо спрятан, что мог безопасно наблюдать за всеми их движениями. Один молодой человек разделся донага, как для сражения, запел свою боевую песнь, бросил ружье и с простою дубиною в руках пошел прямо к месту, где я был спрятан. Он уже был от меня шагах в двадцати. Курок у ружья моего был взведен, и я целил в сердце... Но он воротился. Он конечно не видал меня, но мысль находиться под надзором невидимого врага, вооруженного ружьем, вероятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

«Я тотчас пустился в обратный путь, радуясь, что избавился от такой опасности; шел день и ночь, и на третьи сутки прибыл к реке Мауз. Купцы тамошней конторы пеняли, что я упустил из рук похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цену.

«В двадцати милях от этой конторы жил один из моих друзей, по имени Бе-на. Я просил его осведомиться о моей лошади и об ее похитителе. Бе-на впустил меня в шалаш, где жили две старухи, и сквозь щелку указал на ту хижину, где жил Ба-гис-кун-нунг с четырьмя своими сыновьями. Лошади их паслись около хижины. Бе-на указал на прекрасного черного коня, выменянного ими на мою лошадь... Я тотчас отправился к Ба-гис-ку-нунгу и сказал ему: «Мне нужна лошадь».—У меня нет лишней лошади.—«Так я ж одну уведу».—А я тебя убью.—Мы расстались. Я приготовился к утру отправиться в путь. Бе-на дал мне буйволовую кожу вместо седла; а старуха продала мне ремень, в замену аркана, мною оставленного на шее лошади индийского старшины. Рано утром вошел я в хижину Бе-на, еще спавшего, и покрыл его тихонько совершенно новым одеялом, мне принадлежащим. Потом пошел далее.

«Приближаясь к хижине Ба-гис-кун-нунга, увидел я старшего его сына, сидящего на пороге... Заметив меня, он закричал изо всей мочи... Вся деревня пришла в смятение... Народ собрался около меня... Никто, казалось, не хотел мешаться в это дело. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную неприязнь...

«Я так был взволнован, что не чувствовал под собою земли; кажется, однако, я не был испуган. Набросив петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхом, потому что это движение лишило бы меня на минуту возможности защищаться,—и можно было бы напасть на меня с тыла. Подумав однако, что вид малейшей нерешительности был бы для меня чрез-

вычайно невыгодным, я хотел вскочить на лошадь; но сделал слишком большое усилие, перепрыгнул через лошадь и растянулся на той стороне, с ружьем в одной руке, с луками и стрелами в другой. Я встал поспешно, оглядываясь кругом, дабы надзирать за движениями моих неприятелей. Все хохотали во всё горло, кроме семьи Ба-гис-кун-нунга. Это ободрило меня, и я сел верхом с большей решимостью. Я видел, что, ежели бы в самом деле хотели на меня напасть, то воспользовались бы минутою моего падения. К тому же веселый хохот индийцев доказывал, что предприятие мое вовсе их не оскорбляло».

Джон Теннер отбился от погони и остался спокойным владельцем геройски похищенного коня.

Он иногда выдает себя за человека недоступного предрассудкам; но поминутно обличает свое индийское суеверие. Теннер верит снам и предсказаниям старух: те и другие для него всегда сбываются. Когда голоден, ему снятся жирные медведи, вкусные рыбы и через несколько времени в самом деле удастся ему застрелить дикую козу или поймать осетра. В затруднительных обстоятельствах ему всегда является во сне какой-то молодой человек, который дает добрый совет или ободряет его. Теннер поэтически описывает одно видение, которое имел он в пустыне на берегу Малого Сас-Кау.

«На берегу этой реки есть место, нарочно созданное для индийского табора: прекрасная пристань, маленькая долина, густой лес, прислоненный к холму... Но это место напоминает ужасное происшествие: здесь совершилось братоубийство, злодеяние столь неслыханное, что самое место почитается проклятым. Ни один индиец не причалит челнока своего к долине «Двух Убитых»; никто не осмелится там ночевать. Предание гласит, что некогда в индийском таборе, здесь остановившемся, два брата (имевшие сокола своим тотемом[1]) поссорились между собою, и один из них убил другого. Свидетели так были поражены сим ужасным злодейством, что тут же умертвили братоубийцу. Оба брата похоронены вместе.

«Приближаясь к сему месту, я много думал о двух братьях, имевших один со мною тотем, и которых почитал я родственниками матери моей (Нет-но-куа). Я слыхал, что когда располагались на их могиле, что несколько раз и случалось, они выходили из-под земли и возобновляли ссору и убийство. По крайней мере достоверно, что они беспокоили посетителей и мешали им спать. Любопытство мое было встревожено. Мне хотелось рассказать индийцам не только, что я останавливался в этом страшном месте, но что еще там и ночевал.

«Солнце садилось, когда я туда прибыл. Я вытащил свой челнок на берег, разложил огонь и, отужинав, заснул.

«Прошло несколько минут, и я увидел обоих мертвецов, встающих из могилы. Они пришли и сели у огня прямо передо мною. Глаза их были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видел, не услышал ни одного звука, кроме шума шатающихся дерев. Вероятно я заснул

[1] Род герба. Сокол был тоже тотемом и Д. Теннера [*Прим. Пушкина.*]

опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу реки, потому что головы их были наравне с землею, на которой разложил я огонь. Глаза их все были устремлены на меня. Вскоре они встали опять, один за другим, и сели снова против меня. Но тут уже они смеялись, били меня тросточками и мучили различным образом. Я хотел им сказать слово, но не стало голосу; пробовал бежать: ноги не двигались. Целую ночь я волновался и был в беспрестанном страхе. Один из них сказал мне между прочим, чтоб я взглянул на подошву ближнего холма. Я увидел связанную лошадь, глядевшую на меня. «Вот тебе, брат,— сказал мне жеби[1],—лошадь на завтрашний путь. Когда ты поедешь домой, тебе можно будет взять ее снова, а с нами провести еще одну ночь.

«Наконец рассвело, и я с большим удовольствием заметил, что эти страшные привидения исчезли с ночным мраком. Но, пробыв долго между индийцами и зная множество примеров тому, что сны часто сбываются, я стал не на шутку помышлять о лошади, данной мне мертвецом; пошел к холму и увидел конские следы и другие приметы, а в некотором расстоянии нашел и лошадь, которую тотчас узнал: она принадлежала купцу, с которым имел дело. Дорога сухим путем была несколькими милями короче пути водяного. Я бросил челнок, навьючил лошадь и отправился к конторе, куда на другой день и прибыл. Впоследствии времени я всегда старался миновать могилу обоих братьев; а рассказ о моем видении и страданиях ночных увеличил в индийцах суеверный их ужас».

Джон Теннер был дважды женат. Описание первой его любви имеет в его «*Записках*» какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имевшее очень поэтическое значение, но которое с трудом поместилось бы в элегии: она звалась Мис-куа-бун-о-куа, что по-индийски значит заря.

«Однажды вечером,—говорит Теннер,—сидя перед нашей хижиной, увидел я молодую девушку. Она гуляла, курила табак и изредка на меня посматривала; наконец подошла ко мне и предложила мне курить из своей трубки. Я отвечал, что не курю. «Ты оттого,—сказала она,—отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки». Я взял трубку из ее рук и покурил немного—в самом деле в первый раз от роду. Она со мною разговорилась и понравилась мне. С той поры мы часто видались, и я к ней привязался.

«Вхожу в эти подробности потому, что у индийцев таким образом не знакомятся. У них обыкновенно молодой человек женится на девушке вовсе ему незнакомой. Они видались; может быть, взглянули друг на друга; но вероятно никогда между собой не говорили; свадьба решена стариками, и редко молодая чета противится воле родительской. Оба знают, что если союз сей будет неприятен одному из двух, или обоим вместе, то легко будет его расторгнуть.

«Разговоры мои с Мис-куа-бун-о-куа вскоре наделали много шуму в нашем селении. Однажды старый Очук-ку-кон вошел ко мне в хижину, держа за руку одну из многочисленных своих внучек. Он, судя по слухам, полагал, что я хотел жениться. «Вот тебе,—сказал он моей матери,—самая добрая и самая прекрасная из моих внучек, я отдаю ее твоему сыну». С этим словом он ушел, оставя ее у нас в хижине...

[1] Мертвец. [*Прим. Пушкина.*]

«Мать моя всегда любила молодую девушку, которая считалась красавицей. Однакож старуха смутилась и сказала мне наедине: «Сын, девушка прекрасна и добра, но не бери ее за себя: она больна и через год умрет. Тебе нужна жена сильная и здоровая, и так предложим ей хороший подарок и отошлем ее к родителям». Девушка возвратилась с богатыми подарками, а через год предсказание старухи сбылось.

«С каждым днем любовь наша усиливалась. Мать моя, вероятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорил; но она знала всё, и вскоре я в том удостоверился. Однажды, проведши в первый раз большую часть ночи с моей любовницей, я воротился поздно и заснул. На заре старуха разбудила меня, ударив прутом по голым ногам.

«Вставай,—сказала она,—вставай, молодой жених, ступай на охоту. Жена твоя будет тебя более почитать, когда рано воротишься к ней с добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селению в отсутствие ловцов». Я молча взял ружье и вышел. В полдень воротился, неся на плечах жирного муза, мною застреленного, и сбросил его к ногам матери, сказав ей грубым голосом: «Вот тебе, старуха, что ты сегодня утром от меня требовала». Она была очень довольна и похвалила меня. Из того я заключил, что связь моя с молодой девушкой не была ей противна, и очень был тому рад. Многие из индийцев чуждаются своих старых родителей; но хотя Нет-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранил к ней прежнее, безусловное почтение.

«Я с жаром предавался охоте и почти всегда возвращался рано, или по крайней мере засветло, обремененный добычею. Я тщательно наряжался и разгуливал по селению, играя на индийской свирели, называемой пи-бегвун. В течение некоторого времени Мис-куа-бун-о-куа притворно отвергала меня. Я стал охладевать; тогда она забыла все притворство... С моей стороны желание привести жену к нам в хижину уменьшилось. Я хотел прервать с нею всякие сношения. Увидя явное равнодушие, она хотела тронуть мне сердце то слезами, то упреками; но я ничего не говорил об ней старухе, и с каждым днем охлаждение мое становилось сильнее.

«Около того времени мне понадобилось побывать на Красной-Реке, и я отправился с одним индийцем, у которого была сильная и легкая лошадь. Нам предстояла дорога на семьдесят миль. Мы по очереди ехали верхом, а пеший между тем бежал, держа лошадь за хвост. Мы были в дороге одни сутки. На возвратном пути я был один и шел пешком. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать в десяти милях от нашей хижины.

«Пришед домой на другой день, я увидел Мис-куа-бун-о-куа сидящую на моем месте. Я остановился у дверей в недоумении. Она потупила голову. Старуха сказала мне с видом сердитым: «Что же, разве оборотишься ты спиною к нашей хижине и обесчестишь эту бедную девушку, которой ты не стоишь? Всё, что случилось между вами, сделалось по твоей же воле, не с моего и не с ее согласия. Ты сам за нею бегал повсюду; а теперь неужто прогонишь ее, как будто она на тебя навязалась?»... Укоризны матери казались мне не совсем несправедливы. Я вошел и сел подле девушки... Таким образом мы стали муж и жена».

Джон Теннер оставил свою жену и взял другую, от которой имел троих детей. Вопреки своей долговременной привычке и страстной любви к жизни охотничьей, жизни трудов, опасностей и восхищений непонятных и неизъяснимых, одичалый американец всегда помышлял о возвращении в недра семейства, от

которого так долго был насильственно отторгнут. Наконец решился исполнить давнишнее свое намерение и отправился к берегам Биг-Миами, к месту пребывания прежнего своего семейства.

Пришед в одно из тамошних поселений, встретил он старого индийца и узнал в нем молодого дикаря, некогда его похитившего. Они дружелюбно обнялись. Теннер узнал от него о смерти старика, так странно с ним познакомившегося. Индиец рассказал ему подробности его похищения, о которых Теннер имел только смутное понятие. На вопрос его: правда ли, что старый Теннер и все его семейство учинились жертвою индийцев, как некогда Монито-о-гезик уверял маленького своего пленника? Индиец отвечал, что старик солгал, и рассказал ему следующее:

«Год спустя после похищения Джона Теннера, Монито-о-гезик воротился к тому месту, где совершил первое свое предприятие. Тут с утра до полудня он подстерегал старого Теннера и его работников. Они все вместе вошли в дом; в поле остался только старший сын, пахавший землю сохою, запряженною лошадьми. Индийцы на него набросились; лошади дернули; брат Джона Теннера запутался в веревках, упал, и был схвачен. Лошадей убили стрелами. Индийцы утащили молодого Теннера в леса, переправясь до ночи через Оио. Пленника привязали к дереву веревками; но он успел перегрызть узел, высвободил руку, вынул ножичек из кармана, перерезал свои узлы, тотчас побежал к реке и бросился вплавь. Индийцы, услышав шум, проснулись, погнались было за ним: но ночь была темна, и он успел убежать, оставя им на память свою шляпу».

Отец Теннера умер тому десять лет, оставя имение свое старшему сыну, и не позабыв в своей духовной того, чья участь была ему неизвестна.

Наконец Джон Теннер увидел свою семью, которая приняла его с великою радостию. Брат его обнял с восторгом, обрезал ему волосы и употребил всевозможные старания, дабы удержать его у себя дома. Одичалый американец, с своей стороны, звал его к себе, к Лесному Озеру, выхваляя ему через переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра Люси имела десять человек детей. Наконец просьбы родных на него подействовали: он решился оставить индийцев и с своими детьми переселиться в общество, которому принадлежал по праву рождения.

Но приключения Теннера тем еще не кончились. Судьба назначила ему еще новые испытания. Возвратясь к диким своим знакомцам и объявив им о своем намерении, он возбудил сильное негодование. Индийцы не соглашались выдать ему детей. Жена отказывалась следовать за ним к людям чуждым и ненавистным. Власти американские принуждены были вмешаться в

семейственные дела Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили индийцев отпустить его домой со всем семейством. Он еще в последний раз отправился с родными к Красной-Реке на охоту за буйволами, прощаясь навсегда с дикой жизнию, имевшей для него столько прелести. Возвратясь, он стал готовиться в дорогу.

Индийцы простились с ним дружелюбно. Сын его не захотел за ним следовать и остался вольным дикарем. Теннер отправился с двумя дочерьми и с их матерью, которая не хотела с ними расстаться. Послушаем, как Теннер описывает свое последнее путешествие.

«В обратном пути я предпочел ехать по Недоброй Реке, что должно было сократить дорогу на несколько миль. Близ устья реки Осетра в то время стоял табор или деревня из шести или семи хижин. Тут находился молодой человек по имени Ом-чу-гвут-он. Он был высечен по приказанию американского начальства за настоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовал. Узнав о моем проезде, он приехал ко мне на своем челночке.

«Довольно странным образом стал он искать разговора со мною и вздумал уверять, что между нами существовали сношения семейственные; ночевал с нами вместе, и утром мы с ним отправились в одно время. Причаля к берегу, я приметил, что он искал случая встретиться в лесу с одной из моих дочерей, которая тотчас воротилась, немного встревоженная. Мать ее также несколько раз в течение дня имела с нею тайные разговоры; но девочка все была печальна и несколько раз вскрикивала.

«К ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человек тотчас удалился. Я притворно занимался своими распоряжениями, а между тем не выпускал его из виду;—вдруг приблизился к нему и увидел его посреди всего снаряда охотничьего. Он обматывал около пули оленью жилу длиною около пяти вершков. Я сказал ему: «Брат мой (так называл он сам меня), если у тебя недостает пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебе понадобится». Он отвечал, что ни в чем не нуждается, а я воротился к себе на ночлег.

«Несколько времени я его не видел. Вдруг явился он в наряде и украшениях воина, идущего в сражение. В первую половину ночи он надзирал за всеми моими движениями с удивительным вниманием; подозрения мои, уже и без того сильно возбужденные, увеличились еще более. Однакож он продолжал со мною разговаривать много и дружелюбно и попросил у меня ножик, чтобы нарезать табаку; он вместо того, чтоб возвратить его, сунул себе за пояс. Я полагал, что он отдаст мне его поутру.

«Я лег в обыкновенный час, не желая показать ему свои подозрения. Палатки у меня не было и я лежал под крашеной холстиной. Растянувшись на земле, я выбрал такое положение, что мог видеть каждое его движение. Настала гроза. Он, казалось, стал еще более беспокоен и нетерпелив. При первых дождевых каплях я предложил ему разделить со мною приют. Он согласился. Дождь шел сильно; огонь наш была залит; скоро потом мустики (род комаров) напали на нас. Он опять разложил огонь и стал обмахивать меня веткою.

«Я чувствовал, что мне не должно было засыпать; но усыпление начинало овладевать мною. Вдруг разразилась новая гроза, сильнее первой.

Я оставался как усыпленный, не открывая глаз, не шевелясь и не теряя из виду молодого человека. Однажды сильный удар грома, казалось, смутил его. Я увидел, что он бросал в огонь немного табаку в виде приношения. В другой раз, когда сон, казалось, совершенно мною овладевал, я увидел, что он стерег меня, как кошка, готовая броситься на свою жертву; однакож я все противился дремоте.

«Поутру он с нами отзавтракал, как обыкновенно, и ушел вперед прежде, нежели успел я собраться. Дочь моя, с которой разговаривал он в лесу, казалась еще более испуганною и долго не хотела войти в челнок; мать уговаривала ее и старалась скрыть от меня ее смятение. Наконец мы поехали. Молодой человек плыл у берега, не в дальнем от нас расстоянии, до десяти часов утра. Тогда при довольно опасном и быстром повороте, откуда взору открывалось далекое пространство, и он и челнок его исчезли, что очень меня удивило.

«На сем месте река имеет до осьмидесяти вержей ширины, а в десяти — от поворота, о котором я упоминал — находится маленький утесистый остров. Я был раздет и с усилием правил челноком против бурного течения (что заставляло меня жаться как можно ближе к берегу), как вдруг вблизи раздался ружейный выстрел; пуля просвистала над моею головою. Я почувствовал как бы удар по боку. Весло выпало у меня из правой руки, которая сама повисла. Дым выстрела затемнял кусты, но со второго взгляда я узнал убегающего Ом-чу-гвут-она.

«Дочери мои закричали. Я обратил внимание на челнок: он был весь окровавлен. Я старался левою рукою направить его на берег, чтобы преследовать молодого человека; но течение было слишком сильно для меня: оно принесло нас на утесистый островок. Я ступил на него и, вытащив левою рукою челнок на камень, — попробовал зарядить ружье; но не сумел того сделать и упал без чувств. Очнувшись я увидел, что был один на острову. Челнок с моими дочерьми исчезал вдали, возвращаясь вспять по течению. Я снова лишился чувств, но наконец пришел в себя.

«Полагая, что мой убийца надзирал за мною из какого-нибудь скрытого места, я осмотрел свои раны. Правая рука была в очень худом состоянии: пуля, вошедшая в бок близ легкого, осталась во мне. Я отчаялся в жизни и стал кликать Ом-чу-гвут-она, прося его прекратить мне и жизнь и мучения: «Ты убил меня, — кричал я, — но хотя я и смертельно ранен, однако боюсь прожить несколько дней. Приди же, если ты муж, и выстрели в меня еще раз». Звал его несколько раз, но не получил ответа.

«Я был почти гол: в минуту, как меня ранили, на мне, кроме порт, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилий при плавании. Я лежал на голом утесе, на зное летнего дня; земляные и черные мухи кусали меня; в будущем видел я лишь медленную смерть. Но по захождении солнца, сила и надежда возвратились; я доплыл до того берега. Вышед из воды, мог стать на ноги и испустил крик бранный, называемый с а с с а к у и, в знак радости и вызова. Но потеря крови и усилия во время плавания снова лишили меня чувств.

«Пришед в себя, я спрятался близ берега, чтоб наблюдать за моим врагом. Вскоре увидел я Ом-чу-гвут-она, выходящего из своей западни; он пустил в воду свой челнок, поплыл вниз по реке и прошел близехонько от меня. Мне сильно хотелось кинуться на него, чтоб схватить и задавить его в воде; но я не понадеялся на свои силы и таким образом пропустил его, не открываясь.

«Вскоре пламенная жажда начала меня мучить. Берега реки были круты и каменисты. Я не мог лежа напиться от раненой руки, на которую

Заметки Пушкина при чтении Г. Гейне

(Институт Русской Литературы при Академии Наук СССР)

La liberation de l'Europe, viendra de la Russie car c'est là seulement que le préjuge de l'Aristocratie n'existe absolument pas. Ailleurs on croit à l'Aristocratie, les uns pour la dédaigner, les autres pour la haïr, les troisièmes pour en tirer profit, vanité etc.—En Russie rien de tout celà. On n'y croit pas, voilà tout.

не в силах был опереться. Надлежало войти в воду по самые губы. Вечер свежел более и более, и силы мои вместе с тем возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнее; я занялся своею раною. Несмотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленные косточки: сперва разорвал на бинты остаток своей рубашки, потом зубами и левой рукой стал их обвивать около руки сначала слабо, а потом все туже, и туже, пока наконец успел ее порядочно перевязать. Вместо лубков привязал я прутики и повесил руку на веревочку, накинутую на шею.

«После того взял корку с дерева, похожего на вишневое, и, разжевав ее, приложил к моим ранам, надеясь тем остановить течение крови. Кусты, отделявшие меня от реки, были все окровавлены. Настала ночь. Я выбрал для ночлега мшистое место. Пень служил мне изголовьем. Я не хотел удалиться от берега, дабы наблюдать надо всем, что случится, и дабы в случае жажды иметь возможность ее утолить. Я знал, что лодка, принадлежащая купцам, должна была около того времени проехать в этом самом месте, ждал я от них-то помощи. Индийских хижин не было ближе тех, откуда к нам присоединился Ом-чу-гвут-он, и я имел причину думать, что кроме его, дочерей моих и жены, никого кругом не было.

«Простертый на земле, я стал молиться Великому духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь в час скорби. Оканчивая молитвы, заметил я, что мустики, которые роем облепили голое тело мое, умножая страдания, стали отлетать, покружились надо мною и наконец исчезли. Я не приписал этого непосредственному действию Великого духа: вечер становился холодным, и следовательно это было влиянием воздуха. Я был однакож уверен, как и всегда, во время бедствий и опасности, что владыко дней моих невидимо находился близ меня, мощно мне покровительствуя. Я спал тихо и спокойно; но часто просыпался и всякий раз помнил, просыпаясь, что снилась мне лодка с белыми людьми.

«Около полуночи услышал я на той стороне реки женские голоса, и мне показались они голосами моих дочерей. Я подумал, что Ом-чу-гвут-он открыл место, куда они скрылись, и как-нибудь их обижал, потому что крики их изъявляли страдание. Но я не имел силы встать и итти к ним на помощь.

«На другой день, прежде десяти часов утра, услышал я по реке человеческие голоса и увидел лодку, наполненную белыми людьми, подобную той, которую видел во сне. Эти люди вышли на берег, не в дальнем расстоянии от места, где я лёжал, и стали готовить завтрак. Я узнал лодку г. Стюарта, гудзонского купца, которого ждали около того времени. Полагая, что появление мое произведет над ними впечатление неприятное, я дождался конца их завтрака.

«Когда приготовились они к отплытию, я вошел в брод, дабы обратить на себя их внимание. Увидя меня, французы перестали грести, и все устремили на меня взор с видом сомнения и ужаса. Течение быстро их уносило, и зов мой, произнесенный на индийском языке, не производил никакого действия. Наконец я стал звать г. Стюарта по имени, и вспомнив несколько английских слов, умолял путешественников воротиться за мною. В одну минуту весла опустились, и лодка подъехала так близко, что я мог в нее войти.

«Никто не узнал меня, хотя гг. Стюарт и Грант были мне очень знакомы. Я был весь окровавлен, и вероятно страдания меня очень переменили. Меня осыпали вопросами. Вскоре узнали, кто я таков и что со мною случилось. Приготовили мне постелю в лодке. Я умолял купцов ехать за

моими детьми в то направление, откуда слышались их крики, и боялся найти их умерщвленными. Но все розыскания были тщетны...

«Узнав об имени моего убийцы, купцы решились тотчас отправиться в деревню, где жил Ом-чу-гвут-он, и обещались убить его на месте, если успеют поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы к хижинам, старик вышел к нам навстречу, спрашивая: «Что нового?»— Все хорошо,—отвечал г. Стюарт,—другой новости нет.—«Белые люди,— возразил старик,—никогда нам правды не скажут. Я знаю, что в той стране, откуда вы прибыли, есть новости. Один из наших молодых людей, Ом-чу-гвут-он, был там и сказывал, что Сокол (индийское прозвище Д. Теннера), который дней несколько тому назад проезжал здесь с женой и детьми, всех их перерезал. Но, кажется, Ом-чу-гвут-он сделал сам что-нибудь недоброе: он что-то неспокоен, а увидя вас, бежал».

«Гг. Стюарт и Грант стали однакож искать Ом-чу-гвут-она по всем хижинам и, удостоверясь в его побеге, сказали старику: «Правда, он сделал недоброе дело; но тот, кого хотел он убить, с нами; неизвестно, будет ли он еще жив...» Тогда показали меня индийцам, собравшимся на берегу.

«Здесь мы несколько времени отдыхали. Осмотрели мои раны. Я удостоверился, что пуля, раздробив кость руки, вошла в бок близ ребра, и просил г. Гранта вынуть ее; но ни он, ни г. Стюарт на то не согласились. Я принужден был сам начать операцию левою рукою. Ланцет, данный мне г. Грантом, переломился. Я взял перочинный ножичек, и тот переломился, потому что в этом месте очень отвердело. Наконец дали мне широкую бритву, и я вынул пулю; она была очень сплющена. Оленья жила и другие снадобья остались в ране. Коль скоро увидел я, что пуля ниже ребр не опустилась, стал надеяться на выздоровление; но, имея причину полагать, что рана моя была отравлена ядом, предвидел медленное выздоровление.

«После того отправились мы в деревню, в которой старшиною был родной брат моего убийцы. Тут г. Стюарт имел предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были один за другим; им роздали табаку. Но все розыскания опять остались тщетными. Наконец меня показали и сказано было старшине, что мой убийца был его родной брат. Он потупил голову и отказался отвечать на вопросы белых людей. Но мы узнали от других индийцев, что жена моя с дочерьми останавливались в этой деревне на пути своем к Дождевому Озеру.

«Мы тотчас туда отправились и нашли их задержанными в конторе. Подозрение тамошних купцов было возбуждено их беспокойством и ужасом, а также и моим отсутствием. Коль скоро меня завидели, старуха убежала в лес; но купцы послали за нею погоню, ее поймали и привели.

«Гг. Стюарт и Грант предоставили мне самому произвести приговор над женою, явно виновной в покушении на мою жизнь. Они объявили ее преступление равным злодейству Ом-чу-гвут-она и достойным смерти или всякой другой казни. Но я потребовал, чтоб ее только прогнали из конторы без запасов и запретили б туда являться. Она была мать моих детей: я не хотел чтоб она была повешена или забита до смерти (как предлагали мне купцы); но вид ее становился мне несносен: по просьбе моей, ее прогнали без наказания.

«Дочери сказали, что в ту минуту, как я упал без чувств на камень, они, почитая меня мертвым и повинуясь приказанию матери, пустились в обратный путь, и предались бегству. В некотором расстоянии от островка, где я лежал, старуха причалила к кустарнику, спрятала там мое платье

и после долгого перехода скрылась в лесу; но потом размыслив, что лучше бы сделала, если б присвоила себе мою собственность, воротилась. Тогда-то услышал я крики дочерей, сопровождавших старуху, которая подбирала мое платье на берегу...»

Ныне Джон Теннер живет между образованными своими соотечественниками. Он в тяжбе со своею мачехою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству. Он очень выгодно продал свои любопытные «*Записки*»: и на-днях будет вероятно членом Общества Воздержности[1]. Словом, есть надежда, что Теннер со временем сделается настоящим yankee[2] (янки), с чем и поздравляем его от искреннего сердца.

349. Об обязанностях человека

Сочинение Сильвио Пеллико[3]

На-днях выдет из печати новый перевод книги: Dei Doveri degli uomini, сочинения славного Сильвио Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов, она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием,—и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие.

И не всуе, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приблизились кротостию духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди небесного учителя.

[1] Общество, коего цель—истребление пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никаких крепких напитков. Изд[атель]. [*Прим. Пушкина.*]

[2] Прозвище, данное американцами; смысл его нам неизвестен. Изд[атель]. [*Прим. Пушкина.*]

[3] [Перевод С. Н. Дирина. «Об обязанностях человека, наставление юноше». Сочинение Сильвио Пеллико. С итальянского. Спб. В типографии Н. Греча. 1836.]

В позднейшие времена неизвестный творец книги «*О подражании Иисусу Христу*», Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем человеков благоволения.

Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получа свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью,—прочли умилительные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства.

Признаемся в нашем суетном зломыслии. Читая сии записки, где ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражения нетерпения, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намерение в этой ненарушимой благосклонности ко всем и ко всему: эта умеренность казалась нам искусством. И восхищаясь писателем, мы укоряли человека в неискренности. Книга Dei doveri устыдила нас и разрешила нам тайну прекрасной души, тайну человека-христианина.

Сказав, какую книгу напомнило нам сочинение Сильвио Пеллико, мы ничего более не можем и не должны прибавить к похвале нашей.

В одном из наших журналов, в статье писателя с истинным талантом, критика, заслужившего доверенность просвещенных читателей, с удивлением прочли мы следующие строки о книге Сильвио Пеллико:

«Если бы книга Обязанностей не вышла вслед за книгой Жизни (*Мои темницы)*, она показалась бы нам общими местами, сухим, произвольно догматическим уроком, который мы бы прослушали без внимания».

Неужели Сильвио Пеллико имеет нужду в извинении? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармонического красноречия, могла кому бы то ни было, и в каком бы то ни было случае, показаться сухой и холодно догматической? Неужели, если б она была написана в тишине Фиваиды или в библиотеке философа, а не в грустном уединении темницы, недостойна была бы обратить на себя внимание человека, одаренного сердцем?—Не можем поверить, чтобы в самом деле такова была мысль автора «*Истории Поэзии*».

Это уж не ново, это было уж сказано—вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум

неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности.

Как лучшее опровержение мнения г-на Шевырева привожу собственные его слова:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) с тою же верою, с какою она писана, и вы вступите из темного мира сомнений, расстройства, раздора головы с сердцем в светлый мир порядка и согласия. Задача жизни и счастия вам покажется проста. Вы как-то соберете себя, рассеянного по мелочам страстей, привычек и прихотей—и в вашей душе вы ощутите два чувства, которые к сожалению очень редки в эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды».

350. Новый роман

Недавно одна рукопись, под заглавием: Село Михайловское, ходила в обществе по рукам и произвела большое впечатление. Это роман, сочиненный дамою. Говорят, в нем много оригинальности, много чувства, много живых и сильных изображений. С нетерпением ожидаем его появления.

351. Письмо к издателю

Георгий Кониский, о котором напечатана статья в первом нумере «Современника», начинает свои пастырские поучения следующими замечательными словами:

«Первое слово к ва́м, благочестивые слушатели, Христовы люди, рассудил я сказать о себе самом... Должность моя, как вы сами видите, есть учительская: а учители добрые и нелукавые себе первее учат, нежели других, своему уху, яко ближайшему, наперед проповедуют, нежели чужим».

Приемля журнальный жезл, собираясь проповедовать истинную критику, весьма достохвально поступили бы вы, м. г., если б перед стадом своих подписчиков изложили предварительно свои мысли о должности критика и журналиста и принесли искреннее покаяние в слабостях, нераздельных с природою человека вообще и журналиста в особенности. По крайней мере, вы можете подать благой пример собратии вашей, поместив в

своем журнале несколько искренних замечаний, которые пришли мне в голову по прочтении первого нумера «Современника».

Статья «О движении журнальной литературы», по справедливости, обратила на себя общее внимание. Вы в ней изложили остроумно, резко и прямодушно весьма много справедливых замечаний. Но признаюсь, она не соответствует тому, чего ожидали мы от направления, которое дано будет вами вашей критике. Прочитав со вниманием эту немного сбивчивую статью, всего яснее увидел я большое ожесточение противу г. Сенковского. По мнению вашему, вся наша словесность обращается около «Библиотеки для Чтения». Все другие повременные издания рассмотрены только в отношении к ней. «Северная Пчела» и «Сын Отечества» представлены каким-то сильным арьергардом, подкрепляющим «Библиотеку». «Московский Наблюдатель», по вашим словам, образовался только с тем намерением, чтоб воевать противу «Библиотеки». Он даже получил строгий выговор за то, что нападения его ограничились только двумя статейками; должно было, говорите вы, или не начинать вовсе, или, если начать, то уже не отставать. «Литературные Прибавления», «Телескоп» и «Молва» похвалены вами за их оппозиционное отношение к «Библиотеке». Признаюсь, это изумило тех, которые с нетерпением ожидали появления вашего журнала. Неужто, говорили они, цель «Современника»—следовать по пятам за «Библиотекою», нападая на нее врасплох и вооруженною рукою отбивая от нее подписчиков? Надеюсь, что опасения сии лживы и что «Современник» изберет для себя круг действия более обширный и благородный...

Обвинения ваши касательно г. Сенковского ограничиваются следующими пунктами:

1. Г. Сенковский исключительно завладел отделением критики в журнале, издаваемом от имени книгопродавца Смирдина.

2. Г. Сенковский переправляет статьи, ему доставляемые для помещения в «Библиотеке».

3. Г. Сенковский в своих критических суждениях не всегда соблюдает тон важности и беспристрастия.

4. Г. Сенковский не употребляет местоимений с е й и о н ы й.

5. Г. Сенковский имеет около пяти тысяч подписчиков.

Первые два обвинительные пункта относятся к домашним, так сказать, распоряжениям книгопродавца Смирдина и до публики не касаются. Что же до важного тона критики, то не понимаю, как можно говорить не в шутку о некоторых произведениях Отечественной литературы. Публика требует отчета обо всем выходящем. Неужто журналисту надлежит наблю-

дать один и тот же тон в отношении ко всем книгам, им разбираемым? Разница—критиковать «Историю Государства Российского» и романы гг.*** и пр. Критик, стараясь быть всегда равно учтивым и важным, без сомнения погрешает противу приличия. В обществе вы локтем задеваете соседа, вы извиняетесь: очень хорошо; но гуляя под качелями, вы толкнули лавочника, и не скажете же ему: mille pardons [1]. Вы скажете: зачем ходить толкаться под качели? зачем упоминать о книгах, которые не стоят никакого внимания? Но если публика того требует непременно, зачем ей не угодить? Cela vous coûte si peu et leur fait tant de plaisir [2]. Да позвольте узнать: что значит и ваш разбор альманаха Мое Новоселье, который так счастливо сравнили вы с тощим котом, мяукающим на кровле опустелого дома? Сравнение очень забавно, но в нем не вижу я ничего важного. Врачю! Исцелися сам! Признаюсь, некоторые из веселых разборов, попадающихся в «Библиотеке для Чтения», тешат меня несказанно, и мне было бы очень жаль, если бы критик предпочел хранить величественное молчание.

Шутки г. Сенковского насчет невинных местоимений сей, сия, сие, оный, оная, оное,—ни что иное как шутки. Вольно же было публике и даже некоторым писателям принять их за чистую монету. Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения сей и оный [3], но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет, и пр.—заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным—значит не знать языка.—Но вы несправедливо сравнили гонение на сей и оный со введением і и v в орфографию русских слов и напрасно потревожили прах Тредьяковского, который никогда ни с кем не заводил споров об этих буквах. Ученый профессор,

[1] Тысяча извинений.

[2] Это стоит вам так мало и так много удовольствия дает им.

[3] Впрочем мы говорим: в сию минуту, сей час, по сию пору и проч. [*Прим. Пушкина.*]

желавший преобразить нашу орфографию, действовал сам от себя, без предварительного примера. Замечу мимоходом, что орфография г. Каченовского не есть затруднительная новость, но давно существует в наших священных книгах. Всякий литератор, получивший классическое образование, обязан знать ее правила, даже и не следуя оным.

Что же касается до последнего пункта, т. е. до 5000 подписчиков, то позвольте мне изъявить искреннее желание, чтоб на следующий год могли вы заслужить точно такое ж обвинение.

Признайтесь, что нападения ваши на г. Сенковского не весьма основательны. Многие из его статей, пропущенных вами без внимания, достойны были занять место в лучших из европейских журналов. В показаниях его касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные. Он издает «Библиотеку» с удивительной сметливостью, с аккуратностию, к которой не приучили нас гг. русские журналисты. Мы, смиренные провинциалы, благодарны ему—и за разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие новости европейские и даже за отчет об литературной всячине. Жалеем, что многие литераторы, уважаемые и любимые нами, отказались от соучастия в журнале г. Смирдина, и надеемся, что «Современник» пополнит нам сей недостаток; но желаем, чтоб оба журнала друг другу не старались вредить, а действовали каждый сам по себе для пользы общей и для удовольствия жадно читающей публики.

Обращаясь к «Северной Пчеле», вы упрекаете ее в том, что она без разбора помещала все в нее бросаемые известия, объявления и тому подобное. Но как же ей и делать иначе? «Северная Пчела» газета, а доход газеты составляют именно объявления, известия и проч. без разбора печатаемые. Английские газеты, считающие у себя до 15 000 подписчиков, окупают издержки издания только печатанием объявлений. Не за объявления должно было укорять «Северную Пчелу», но за помещение скучных статей с подписью: Ф. Б., которые (несмотря на ваше пренебрежение ко вкусу бедных провинциалов) давно оценены у нас по достоинству. Будьте уверены, что мы с крайней досадою видим, что гг. журналисты думают нас занять правоучительными статейками, исполненными самых детских мыслей и пошлых шуточек, которые достались «Северной Пчеле» вероятно по наследству от «Трудолюбивой Пчелы».

То, что вы говорите о «Прибавлениях к Инвалиду», вообще справедливо. Издатель оставил на полемическом поприще следы неизгладимые и до сих пор подвизается на оном с неоспоримым успехом. Мы помним «Хамелеонистику», ряд статеек в своем

роде классических. Но позвольте вам заметить, что вы хвалите г. Воейкова именно за то самое, за что негодуете на г. Сенковского: за шутливые разборы того, что не стоит быть разобрано не в шутку.

Жалею, что вы, говоря о «Телескопе», не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостию мнений и остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности,—словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного.

Говоря о равнодушии журналистов к важным литературным событиям, вы указываете на смерть Вальтер-Скотта. Но смерть Вальтер-Скотта не есть событие литературное; о Вальтер-Скотте же и его романах впопад и не впопад было у нас говорено довольно.

Вы говорите, что в последнее время замечено было в публике равнодушие к поэзии и охота к романам, повестям и тому подобному. Но поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде? И где подметили вы это равнодушие? Скорее можно укорить наших поэтов в бездействии, нежели публику в охлаждении. Державин вышел в свет третьим изданием; слышно, готовится четвертое. На заглавном листе басен Крылова (изданных в прошлом году) выставлено: т р и д ц а т а я т ы с я ч а. Новые поэты, Кукольник и Бенедиктов, приняты были с восторгом. Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание... Где же тут равнодушие публики к поэзии?

Вы укоряете наших журналистов за то, что они не сказали нам: что такое был Вальтер-Скотт? Что такое нынешняя французская литература? Что такое наша публика? Что такое наши писатели?

В самом деле вопросы весьма любопытные! Мы надеемся, что вы их разрешите впоследствии и что избегнете в вашей критике недостатков, так строго и так справедливо вами осужденных в статье, которую вправе мы назвать программою нашего журнала.

Тверь 23 апреля 1836. А. Б.[1]

[1] С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б., нахожусь в необходимости дать моим читателям некоторые объяснения. Статья О д в и ж е н и и ж у р н а л ь н о й л и т е р а т у р ы напечатана в моем журнале, но из сего еще не следует, чтобы все мнения, в ней выраженные с такою юношескою живостию и прямодушием, были совершенно сходны с моими собственными. Во всяком случае, она не есть и не могла быть программою «Современника». И з д а т е л ь.

352. От редакции

Издатель «Современника» не печатал никакой программы своего журнала, полагая, что слова: литературный журнал уже заключают в себе достаточное объяснение.

Некоторые из журналистов почли нужным составить программу нового журнала. Один из них объявил, что «Современник» будет иметь целию—уронить «Библиотеку для Чтения», издаваемую г. Смирдиным; в «Северной же Пчеле» сказано, что «Современник» будет продолжением «Литературной Газеты», издаваемой некогда покойным бароном Дельвигом.

Издатель «Современника» принужден объявить, что он не имеет чести быть в сношении с гг. журналистами, взявшими на себя труд составить за него программу, и что он никогда им того не поручал. Отклоняя однакож от себя цель, недостойную литератора и несправедливо ему приписанную в «Библиотеке для Чтения», он вполне признает справедливость объявления, напечатанного в «Северной Пчеле»: «Современник», по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнений о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением «Литературной Газеты».

353. Кавалерист-девица

Происшествие в России, в 2 част. Издал Иван Бутовский. С. П. Б. При подписке 1 ч. выдается, а на 2 билет.

Под сим заглавием вышел в свет первый том записок Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видели уже отрывки из этой книги. Они оценили, без сомнения, прелесть этого искреннего и небрежного рассказа, столь далекого от авторских притязаний, и простоту, с которою пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия. В сем первом томе описаны детские лета, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаем появления последнего тома, дабы подробнее разобрать книгу, замечательную по всем отношениям.

354. Записки Чухина. Сочинение Фаддея Булгарина

Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни, сочинение Фаддея Булгарина. [СПБ. В типографии Александра Смирдина. 1835]

Г. Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого

таланта. Это, повидимому, очень его удивляет. Он даже выразил свое удивление и знаком препинания(!).

С нашей стороны мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся.

Новый роман г-на Булгарина ни мало не уступает его прежним.

355. [«Недовольные»]

Комедия в четырех действиях, сочинение М. Н. Загоскина. [Москва. В тип. Н. Степанова. 1836]

Московские журналы произнесли строгий приговор над новой комедией г-на Загоскина. (Они находят ее пошлой и скучной). Недовольные в самом деле скучная, тяжелая пиэса, писанная довольно легкими стихами. Лица, выведенные на сцену, не смешны и не естественны. Нет ни одного комического положения, а разговор пошлый и натянутый не заставляет забывать отсутствие действия.

Г. Загоскин заслужил благосклонность публики своими романами.—В них есть живость и воображение, занимательность и даже веселость, это бесценное качество, едва ли не самый редкий из даров.—Мы наскоро здесь упоминаем о неудаче автора *Рославлева*, дабы уж более не возвращаться к предмету, для нас неприятному.

356. [О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»]

Долгое время французы пренебрегали словесностию своих соседей. Уверенные в своем превосходстве над всем человечеством, они ценили славных писателей иностранных относительно меры, как отдалились они от французских привычек и правил, установленных французскими критиками, и никогда не дерзали быть верными своим подлинникам; они тщательно их преобразовывали.

В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы ни находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике и с тем вместе оказать услугу и нашему автору. [Переводчик] полагал оказать публике и самому автору услугу, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить вкус образованного французского читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и перед кем извинял

таким образом! И вот к чему ведет невежественная страсть к народности!.. Наконец критика спохватилась. Стали подозревать, что г. Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспире, и не совсем благоразумно поступили, переправляя на свой лад *Гамлета*, *Ромео* и *Лира*. От переводчиков стали требовать более верности, а менее щекотливости и усердия к публике—пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде—и [с их] природными недостатками. Даже мнение, утвержденное веками и принятое всеми, что переводчик должен стараться передавать дух, а не букву, нашло противников и искусные опровержения.

Ныне (пример неслыханный!) первый из французских писателей переводит Мильтона слово в слово и объявляет, что подстрочный перевод был бы верхом его искусства, если б только оный был возможен!—Таковое смирение во французском писателе, первом мастере своего дела, должно было сильно изумить поборников исправительных переводов и вероятно будет иметь большое влияние на словесность.

Изо всех иноземных великих писателей Мильтон был всех несчастнее во Франции. Не говорим о жалких переводах в прозе, в которых он был безвинно оклеветан, не говорим о переводе в стихах аббата Делиля, который ужасно поправил его грубые недостатки и украсил его без милосердия; но как же выводили его собственное лицо в трагедиях и в романах писатели новейшей романтической школы? Что сделал из него г. Альфред де Виньи, которого французские критики без церемонии поставили на одной доске с Вальтером Скоттом? Как выставил его Виктор Юго, другой любимец парижской публики? Может быть, читатели забыли и *St. Mars* и *Кромвеля*—и потому не могут судить о нелепости вымыслов Виктора Юго.— Выведем того и другого на суд всякого знающего и благомыслящего человека.

Начнем с трагедии—одного из самых нелепых произведений человека, впрочем одаренного талантом[1].

Мы не станем следовать за спотыкливым ходом этой драмы, скучной и чудовищной, мы хотим только показать нашим чита-

[1] Зачеркнуто: Драма *Кромвель* была первым опытом романтизма на сцене парижского театра. Виктор Юго почел нужным сразу уничтожить все законы, все предания французской драмы, царствовавшие из-за классических кулис. Единство места и времени, величавое однообразие слога, стихосложение Расина и Буало—все было им ниспровергнуто: однако справедливость требует заметить, что В. Юго не коснулся единства действия; в его трагедии нет никакого действия, и тóго менее занимательности.

телям, в каком виде в ней представлен Мильтон, еще неизвестный поэт, но политический писатель, уже славный в Европе своим горьким и заносчивым красноречием.

Кромвель во дворце своем беседует с лордом Рочестером, переодетым в методиста, и с четырьмя шутами. Тут же находится Мильтон со своим вожатым (лицом довольно не нужным, ибо Мильтон ослеп уже гораздо после). Протектор говорит Рочестеру:

— Так как мы теперь одни, то я хочу посмеяться: представлю вам моих шутов. Когда мы находимся в веселом духе, тогда они бывают очень забавны. Мы все пишем стихи, даже и мой старый Мильтон.

Мильтон *(с досадою)*

Старый Мильтон! Извините, милорд: я девятью годами моложе вас.

Кромвель

Как угодно.

Мильтон

Вы родились в 99-м, а я в 608-м.

Кромвель

Какое свежее воспоминание!

Мильтон *(с живостию)*

Вы бы могли обходиться со мною учтивее: я сын нотариуса, городового альдермана.

Кромвель

Ну, не сердись—я знаю, что ты великий феолог и даже хороший стихотворец, хотя пониже Вайверса и Дона.

Мильтон *(говоря сам про себя)*

Пониже! Как это слово жестоко! Но погодим. Увидят, отказало ли мне небо в своих дарах. Потомство мне судия. Оно поймет мою Еву, падающую в адскую ночь, как сладкое сновидение; Адама преступного и доброго, и Неукротимого духа, царствующего также над одною вечностию, высокого в своем отчаянии, глубокого в безумии, исходящего из огненного озера, которое бьет он огромным своим крылом! Ибо пламенный гений во мне работает. Я обдумываю, м о л ч а, странное намерение. Я живу в мысли моей, и ею Мильтон утешен: так я хочу в свою очередь создать свой мир между адом, землею и небом.

Лорд Рочестер *(про себя)*

Что он там городит?

Один из шутов

Смешной мечтатель!

Кромвель *(пожимая плечами)*

Твой Иконокласт очень хорошая книга, но твой чорт Левиафан... (*смеясь*) очень плох...

Мильтон *(сквозь зубы, с негодованием)*

И Кромвель смеется над моим Сатаною!

Рочестер *(подходит к нему)*

Г. Мильтон!

Мильтон *(не слыша его, но обратясь к Кромвелю)*

Он это говорит из зависти.

Рочестер *(Мильтону, который слушает его с рассеянностью)*

По чести вы не понимаете поэзию. Вы умны, но у вас недостает вкуса. Послушайте: французы—учители наши во всем. Изучайте Ракана, читайте его пастушеские стихотворения. Пусть Аминта и Тирсис гуляют у вас по лугам; пусть она ведет за собою барашка на голубой ленточке. Но Ева, Адам, ад, огненное озеро! Сатана голый, с опаленными крыльями! Другое дело: кабы вы его прикрыли щегольским платьем; кабы вы дали ему огромный парик и шлем с золотою шишкою, розовый камзол и мантию флорентинскую, как недавно видел я во французской опере Солнце в праздничном кафтане.

Мильтон *(удивленный)*

Это что за пустословие?

Рочестер *(кусая губы)*

Опять я забылся!—Я, сударь, шутил.

Мильтон

Очень глупая шутка!

Далее Мильтон утверждает, что править государством безделица; то ли дело писать латинские стихи. Немного времени спустя Мильтон бросается в ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протектор отвечает ему: г. Мильтон, государственный секретарь, ты пиит, ты в лирическом восторге забыл, кто я таков, и проч.

В сцене, не имеющей ни исторической истины, ни драматического правдоподобия, в бессмысленной пародии церемониала, наблюдаемого при коронации английских королей, Мильтон и один из придворных шутов играют главную роль. Мильтон проповедует республику, шут подымает перчатку королевского рыцаря...

Вот каким жалким безумцем, каким ничтожным пустомелей выведен Мильтон, человеком, который вероятно сам не ведал, что творил, оскорбляя великую тень! В течение всей трагедии, кроме насмешек и ругательства ничего иного Мильтон не слышит; правда и то, что и сам он, во все время, ни разу не вымолвит дельного слова. Это старый [болтун], которого все презирают, и на которого никто не обращает никакого внимания.

Нет, г. Юго! Не таков был Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец *Иконокласта* и книги: *Deffensio populi*[1]. Не таким языком изъяснялся бы с Кромвелем тот, который написал ему свой славный пророческий сонет Cromwell, our chief etc.[2].

Не мог быть посмешищем развратного Рочестера и придворных шутов тот, кто в злые дни, жертва злых языков, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал *Потерянный Рай*.

Если г. Юго, будучи сам поэт (хотя и второстепенный), так худо понял поэта Мильтона, то всяк легко себе вообразит, что под его пером стало из лица Кромвеля, с которым не имел он уж ровно никакого сочувствия! Но это не касается до нашего предмета. От неровного, грубого Виктора Юго и его уродливых драм перейдем к чопорному, манерному графу Виньи и к его облизанному роману.

Альфред де Виньи в своем Сен-Марсе также выводит перед нами Мильтона и вот в каких обстоятельствах:

У славной Марии Делорм, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворных и ученых. Скюдери толкует им свою аллегорическую карту любви. Гости в восхищении от крепости Красоты, стоящей на реке Гордости, от деревни Записочек, от гавани Равнодушия и проч., и проч. Все осыпают г-на Скюдери напыщенными похвалами, кроме Мольера, Корнеля и Декарта, которые тут же находятся. Вдруг хозяйка представляет обществу молодого, путешествующего англичанина, по имени Джона Мильтона, и заставляет его читать гостям отрывки из *Потерянного Рая*. Хорошо; да как же французы, не зная английского языка, поймут Мильтоновы стихи? Очень просто: места, которые он будет читать, переведены на французский язык, переписаны на особых листочках, и списки розданы гостям. Мильтон будет декламировать, а гости следовать за ним. Да зачем же ему беспокоиться,

[1] «Защита народа»
[2] Кромвель, наш вождь, и проч.

если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтон великий декламатор,—или звуки английского языка чрезвычайно как любопытны? А какое дело графу де Виньи до всех этих нелепых несообразностей? Ему надобно, чтоб Мильтон читал в парижском обществе свой *Потерянный Рай* и чтоб французские умники над ним посмеялись и не поняли духа великого поэта (разумеется, кроме Мольера, Корнеля и Декарта), и из этого выйдет следующая эфектная сцена:

«Хозяйка взяла листы и роздала их гостям. Все уселись и замолчали. Не скоро уговорили молодого иностранца начать чтение и отойти от окна, где он, казалось, с большим удовольствием разговаривал с Корнелем. Наконец, он подошел к креслам, стоявшим у стола: он, казалось, был слабого здоровья и, можно сказать, упал, а не сел в них. Он облокотился на стол и закрыл рукою глаза свои, большие и выразительные, но полузакрытые и покрасневшие от бдений или слез. Он читал свои стихи наизусть, недоверчивые его слушатели смотрели на него с видом высокомерным, или, по крайней мере, покровительственным; другие с рассеянным видом просматривали перевод стихов его.

«Голос его, сначала глухой, постепенно очищался; скоро поэтическое вдохновение исхитило его из него самого, и взгляд его, возведенный к небу, сделался высоким, как взгляд Рафаелева евангелиста, ибо свет еще отражался в нем. Он повествовал в стихах своих о первом грехопадении человека и призывал святого духа, который предпочитает всем храмам сердце чистое и бесхитростное, который все ведает и присутствовал при рождении времени.

«Это начало принято было с глубоким молчанием, а последняя мысль с легким ропотом. Он ничего не слыхал, видел все сквозь какое-то облако, он был в мире, им созданном, и продолжал.

«Он повествовал о духе адском, прикованном в пламени мстительном цепями диамантовыми; о времени, девять раз наделившем смертных днями и ночами в продолжении его падения; о зримой тьме вечных темниц и пламенеющем океане, в котором плавали падшие ангелы; гремящий его голос начал речь князя демонов: Ты ли, говорил он, ты ли тот, сиявший в ослепительном блеске блаженных селений света! О! как ниспал ты! Теки со мною... Что нам до поля нашей небесной битвы? Ужели все для нас погибло? Мы все сохранили, и волю непреклонную, и дух мести ненасытимый, и ненависть бесконечную, и мужество непреодолимое, ужели это не победа?

«Тут слуга громким голосом возвестил о прибытии гг. Монтрезора и д'Антрэг. Они раскланялись, поговорили, передвигали все кресла и наконец уселись. Слушатели воспользовались этим, чтобы начать множество частных разговоров; в них слышались только хулы и упреки в безвкусии; некоторые умные, но слишком привязанные к старине люди вскричали, что они этого не понимают, что это выше их разумения (не думая, чтобы говорили правду), и этим ложным смирением привлекали себе похвалу, а поэту осуждение: выгода двойная. Иные говорили даже, что это поругание святыни.

«Прерванный поэт закрыл лицо руками и облокотился на стол, чтобы не слышать всего этого шума похвал и критик. Только три человека подошли к нему: то были какой-то офицер, Покелень и Корнель; сей последний сказал Мильтону на ухо:

«—Советую вам переменить ваши картины; та, которую вы нам изобразили, слишком высока для ваших слушателей».

Мильтон, несмотря на то, что назначенные для чтения места переведены и что он должен читать их по порядку, ищет в памяти своей то, что, по его мнению, более произведет действия на слушателей, не заботясь о том, поймут ли его или нет. Но посредством какого-то чуда (неизъясненного г-ном де Виньи) все его понимают. Дебарро находит его приторным; Скюдери — скучным и холодным. Мария Делорм очень тронута описанием Адама в первобытном его состоянии. Мольер, Корнель и Декарт осыпают его комплиментами etc., etc.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя, как заезжий фигляр, и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, писанных на языке, неизвестном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то возводя их в потолок. Разговоры его с Дету, с Корнелем и Декартом не были бы пошлым и изысканным пустословием; а в обществе играл бы он роль, ему приличную, скромную роль благородного и хорошо воспитанного молодого человека.

После удивительных вымыслов В. Юго и графа де Виньи, хотите ли видеть картину, просто набросанную другим живописцем? Прочтите в Вудстоке встречу одного из действующих лиц с Мильтоном в кабинете Кромвеля:[1]

Французский романист, конечно, не довольствовался бы таким незначащим и естественным изображением. У него Мильтон, занятый государственными делами, непременно терялся бы в пиитических мечтаниях и на полях какого-нибудь отчета намарал бы несколько стихов из Потерянного Рая; Кромвель бы это подметил, разбранил бы своего секретаря, назвал бы его стихоплетом и вралем etc., а из того бы вышел эфект, о котором бедный В. Скотт и не подумал!

Перевод, изданный Шатобрияном, заглаживает до некоторой степени прегрешения молодых французских писателей, так невинно, но так жестоко оскорбивших великую тень. Мы сказали уже, что Шатобриян переводил Мильтона почти слово в слово, так близко, как только то мог позволить синтаксис французского языка: труд тяжелый и неблагодарный, незаметный для большинства читателей и который может быть оценен двумя, тремя знатоками!

[1] *В рукописи Пушкина было оставлено место для цитаты из Вальтер-Скотта.—Ред.*

Но удачен ли новый перевод? Шатобриян нашел в Низаре критика неумолимого. Низар в статье, исполненной тонкой сметливости, сильно напал и на способ перевода, избранный Шатобрияном, и на самый перевод. Нет сомнения, что, стараясь передать Мильтона слово в слово, Шатобриян, однако, не мог соблюсти в своем преложении верности смысла и выражения. Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Возьмем первые фразы: Comment vous portez vous[1]; How do you do[2]. Попробуйте переведите их слово в слово на русский язык[3].

Если уже русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к преложению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным, выдержит таковой опыт, особенно в борьбе с языком Мильтона, сего поэта, все вместе и изысканного и простодушного, темного, запутанного, выразительного, своенравного, и смелого даже до бессмыслия?

Перевод *Потерянного Рая* есть торговая спекуляция. Первый из современных французских писателей, учитель всего пишущего поколения, бывший некогда первым министром, несколько раз посланником, Шатобриян на старости лет перевел Мильтона для куска хлеба. Каково бы ни было исполнение труда, им предпринятого, но самый сей труд и цель оного делают честь знаменитому старцу. Тот, кто, поторговавшись немного с самим собою, мог спокойно пользоваться щедротами нового правительства, властию, почестями и богатством, предпочел им честную бедность. Уклонившись от палаты перов, где долго раздавался красноречивый его голос, Шатобриян приходит в книжную лавку с продажной рукописью, но с неподкупной совестию. После этого что скажет

[1] *Буквально:* Как вы себя несете? *В переносном смысле:* Как вы себя чувствуете?

[2] *Буквально*: Как вы себя даете? *В переносном смысле*: Как поживаете?

[3] Кстати: недавно (в Телескопе, кажется) кто-то, критикуя перевод, хотел, вероятно, блеснуть знанием итальянского языка и пенял переводчику, зачем он пропустил в своем переводе выражение ***battarsi la guancia***—бить себя по щекам.—***Battarsi la guancia*** значит раскаяться: перевести иначе не имело бы никакого смысла. [*Прим. Пушкина.*]

критика? Станет ли она строгостию оценки смущать благородного труженика и подобно скупому покупщику хулить его товар? Но Шатобриян не имеет нужды в снисхождении: к своему переводу присовокупил он два тома, столь же блестящие, как и все прежние его произведения, и критика может оказаться строгою к их недостаткам столько, сколько ей будет угодно: несомненные красоты, страницы, достойные лучших времен великого писателя, спасут его книгу от пренебрежения читателей, несмотря на все ее недостатки.

Английские критики строго осудили Опыт об Английской литературе. Они нашли его слишком поверхностным, слишком недостаточным; поверив заглавию, они от Шатобрияна требовали ученой критики и совершенного знания предметов, близко знакомых им самим; но совсем не того должно было искать в сем блестящем обозрении. В ученой критике Шатобриян не тверд, робок и сам не свой; он говорит о писателях, которых не читал, судит о них вскользь и понаслышке и кое-как отделывается от скучной должности библиографа; но поминутно из-под пера его вылетают вдохновенные страницы; он поминутно забывает критические изыскания и на свободе развивает свои мысли о великих исторических эпохах, которые сближает с теми, коим сам он был свидетель. Много искренности, много сердечного красноречия, много простодушия (иногда детского, но всегда привлекательного) в сих отрывках, чуждых истории английской литературы, но которые и составляют истинное достоинство Опыта...

357. В. А. Дурову

Письма

С. П. Б. 17 марта 1836 г.

... Полные записки, вероятно, пойдут успешно после того, как я о них протрублю в своем журнале. Я готов их и купить, и напечатать в пользу автора, как ему будет угодно и выгоднее. Во всяком случае, будьте уверены, что приложу всевозможное старание об успехе общего дела... Сейчас прочел переписанные записки: прелесть. Живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен.

358. Кн. В. Ф. Одоевскому

[Конец марта 1836 г. Петербург]

... Что ваша повесть *Зизи*? Это славная вещь.

359. Кн. В. Ф. Одоевскому

[Начало апреля 1835 г. Петербург]

У меня в 1 № не будет ни одной строчки вашего пера.—Грустно мне; но времени нам недостало—а за меня приятели мои дали перед публикой обет выдать Современник на Фоминой.

Думаю 2 № начать статьею вашей, дельной, умной и сильной—и которую хочется мне наименовать О вражде к просвещению; ибо в том же № хочется мне поместить и Разбор Постоялого Двора под названием О некоторых романах—Разрешаете ли вы?

О *Сег*[*ел*]*иеле,* кажется, задумалась ценсура.—Но я не очень им доволен—к тому же как отрывок он в печати может повредить изданию полного вашего произведения...

Разговор Недовольных не поместил я, потому что уже *Сцены* Гоголя были у меня напечатаны—и что вы могли друг другу повредить в эфекте.

360. Н. М. Языкову

14 апреля 1836 г. [Голубово]

...Вы получите мой *Современник*, желаю, чтоб он заслужил ваше одобрение... Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи: вода живая; наши—вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрысните его вашими кипучими каплями. — *Послание к Давыдову*—прелесть!..

361. Н. Н. Пушкиной]

[5 мая 1836 г. Москва]

... Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву, прочесть *Ревизора*. Без него актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и грязна (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны, я тоже ему советую: не надобно, чтоб *Ревизор* упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П. Б... Вижу, что непременно нужно иметь мне 80 000 доходу.—И буду их иметь. Не даром же пустился в журнальную спекуляцию—а

ведь это все равно, что золотарьство, которое хотела взять на откуп мать Безобразова: очищать русскую литературу есть чистить нужники и зависеть от полиции. Того и гляди, что... Чорт их побери! У меня кровь в желчь превращается...

362. Н. Н. Пушкиной

11 мая [1836 г. Москва]

... Что Записки Дуровой? Пропущены ли цензурою? они мне необходимы. Без них я пропал. Ты пишешь о статье Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской?— Гоголя печатать, а Кольцова рассмотреть...

363. Н. Н. Пушкиной

14—16 мая [1836 г. Москва]

...С литературой Московскою кокетничаю, как умею; но Наблюдатели меня не жалуют... Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати и так глупы в разговоре. Признайся: так ли и со мною? право боюсь. Баратынский, однакож, очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу...

364. Н. Н. Пушкиной

18-го [мая 1836 г. Москва]

...Брюлов сейчас от меня едет в П. Б. скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уже полицейские выговоры, и мне говорили: vous avez trompé[1], и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона: чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом! Весело, нечего сказать...

[1] вы обманули (не оправдали ожиданий)

365. П. В. Нащокину

27 мая [1836 г. Петербург]

...Я оставил у тебя два порожних экземпляра Современника. Один отдай кн. Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей, NB) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться...

..Второй № *Современника* очень хорош, и ты скажешь мне за него спасибо. Я сам начинаю его любить, и вероятно займусь им деятельно...

366. Н. А. Дуровой

[Первая половина июня 1836 г. Петербург]

Вот начало ваших записок.—Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание. Мнение мое, искреннее и беспристрастное,—оставить как есть. Записки Амазонки—как-то слишком изысканно манерно; напоминает немецкие романы. Записки Н. А. Дуровой—просто, искренно и благородно. Будьте смелы—вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое вас прославило. Полу-меры никуда не годятся...

367. И. И. Дмитриеву

14 июня [1836 г.] Петербург.

...Дай бог вам здоровье и многие лета! Переживите молодых наших словесников, как ваши стихи переживут молодую нашу словесность...

368. П. А. Корсакову

25 октября [1836 г. Петербург]

... Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки Пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины...

369. Кн. В. Ф. Одоевскому

[Октябрь-ноябрь 1836 г. Петербург]

Конечно *Княжна Зизи* имеет более истины и занимательности, нежели *Сильфида.*—Но всякое даяние ваше благо. Кажется, письмо тестя—холодно и слишком незначительно. За то в других много прелестного. Я заметил одно место знаком (?).—Оно показалось мне не вразумительно. Во всяком случае *Сильфиду* ли, *Княжну* ли, но оканчивайте и высылайте. Без Вас пропал *Современник.*

370. Кн. Н. Б. Голицыну [*Перевод с французского*]

10 ноября 1836 г. Петербург.

Тысяча благодарностей, дорогой князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против врагов нашего отечества. Я видел уже три перевода, причем один из них сделан важной особой из числа моих друзей, но не один не стоит вашего... Вы извещаете меня о стихотворном переводе моего Бахчисарайского фонтана. Убежден, что он удастся Вам, как и все, что выходит из-под вашего пера, хотя род литературы, которому Вы посвятили себя, наиболее трудный и наиболее неблагодарный из всех мне известных. На мой взгляд нет ничего более трудного, как передавать русские стихи французскими, потому что, приняв во внимание сжатость нашего языка, никогда нельзя быть достаточно кратким. Хвала тому, кто исполнит это так же хорошо, как Вы...

371. Барону Баранту [*Перевод с французского*]

16 декаря 1836 г. Петербург.

...Литература стала у нас всего около 20 лет значительной отраслью промышленности. До тех пор она рассматривалась только как занятие изящное и аристократическое. Г-жа де Сталь говорила в 1811 году: в России несколько дворян занимаются литературой (*«10 лет изгнания).*

Никто не думал извлекать других плодов из своих произведений, кроме успеха в обществе...

1837

372. Последний из свойственников Иоанны д'Арк

В Лондоне, в прошлом, 1836 году, умер некто Г. Дюлис (Jean-François-Philippe Dulys), потомок родного брата Иоанны д'Арк, славной Орлеанской Девственницы. Г. Дюлис переселился в Англию в начале французской революции; он был женат на англичанке и не оставил по себе детей. По своей духовной назначил он по себе наследником родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургского. Между его бумагами найдены подлинные грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающие дворянство роду господ д'Арк Дюлис (d'Arc Dulys). Все сии грамоты проданы были с публичного торгу, за весьма дорогую цену, так же как и любопытный автограф: письмо Вольтера к отцу покойного господина Дюлиса.

Повидимому Дюлис-отец был добрый дворянин, мало занимавшийся литературою. Однакож около 1767-го года дошло до него, что некто Mr. de Voltaire издал какое-то сочинение об Орлеанской героине. Книга продавалась очень дорого. Г. Дюлис решился однакож ее купить, полагая найти в ней достоверную историю славной своей прабабки. Он был изумлен самым неприятным образом, когда получил маленькую книжку in 18, напечатанную в Голландии и украшенную удивительными картинками. В первом пылу негодования написал он Вольтеру следующее письмо, с коего копия найдена также между бумагами покойника. (Письмо сие так же, как и ответ Вольтера, напечатано в журнале Morning Chronicle.)

Милостивый Государь.

Недавно имел я случай приобрести за шесть луидоров написанную вами историю осады Орлеана в 1429 году. Это сочинение преисполнено не только грубых ошибок, непростительных для человека, знающего сколько-нибудь историю Франции, но еще и нелепою клеветою касательно короля Карла VII, Иоанны Д'Арк, по прозванию Орлеанской девственницы, Агнессы Сорель, господ Латримулья, Лагира, Бодрикура и других благородных и знатных особ. Из приложенных копий с достоверных грамот, которые хранятся у меня в замке моем (Tourenebu, baillage de Chaumont en Tourraine[1]), вы ясно увидите, что Иоанна д'Арк была родная сестра Луке д'Арк дю Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), от коего происхожу по прямой линии. А по сему, не только я полагаю себя в праве, но даже и ставлю себе в непременную обязанность требовать от вас удовлетворения за дерзкие, злостные и лживые показания, которые вы себе дозволили напечатать касательно вышеупомянутой девственницы. И так, прошу, вас, Милостивый Государь, дать мне знать о месте и времени, также и об оружии вами избираемом для немедленного окончания сего дела.

Честь имею и проч.

Несмотря на смешную сторону этого дела, Вольтер принял его не в шутку. Он испугался шуму, который мог бы из того произойти, а может быть и шпаги щекотливого дворянина, и тотчас прислал следующий ответ.

22 мая 1767.

Милостивый Государь!

Письмо, которым вы меня удостоили, застало меня в постели, с которой не схожу вот уже около осьми месяцев. Кажется, вы не изволите знать, что я бедный старик, удрученный болезнями и горестями, а не один из тех храбрых рыцарей, от которых вы произошли. Могу вас уверить, что я никаким образом не участвовал в составлении глупой рифмованной хроники (L'impertinante chronique rimée), о которой изволите мне писать. Европа наводнена печатными глупостями, которые публика великодушно мне приписывает. Лет сорок тому назад случилось мне напечатать поэму под заглавием Генрияда. Исчисляя в ней героев, прославивших Францию, взял я на себя смелость обратиться к знаменитой вашей родственнице (votre illustre cousine) с следующими словами:

Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglois et le sontien du trône.[2]

Вот единственное место в моих сочинениях, где упомянуто о бессмертной героине, которая спасла Францию. Жалею, что я не посвятил слабого своего таланта на прославление божиих чудес, вместо того, чтобы трудиться для удовольствия публики, бессмысленной и неблагодарной. Честь имею быть, Милостивый Государь, вашим покорнейшим слугою

Voltaire, gentilhomme de la chambre du Roy[3].

[1] Турнебю, округ Шомон в Турени.
[2] А ты, храбрая амазонка,
Позор англичан и опора трона.
[3] Вольтер, дворянин из стольничьей службы короля.

Английский журналист по поводу напечатания сей переписки делает следующие замечания:

«Судьба Иоанны д'Арк в отношении к ее отечеству поистине достойна изумления: мы, конечно, должны разделить с французами стыд ее суда и казни. Но варварство англичан может еще быть извинено предрассудками века, ожесточением оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала действию нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чем извинить малодушную неблагодарность французов? Конечно, не страхом диавола, которого исстари они не боялись. По крайней мере мы хоть что-нибудь да сделали для памяти славной девы; наш лауреат посвятил ей первые девственные порывы своего (еще не купленного) вдохновения. Англия дала пристанище последнему из ее сродников. Как же Франция постаралась загладить кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ее хроники? Правда, дворянство дано было родственникам Иоанны д'Арк, но их потомство пресмыкалось в неизвестности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворе французских королей от Карла VII до самого Карла X. Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти Орлеанской героини; что же сделал из того Вольтер, сей достойный представитель своего народа? Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, и вот на что употребляет он вдохновение! Он сатаническим дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра, и как пьяный дикарь пляшет около своего потешного огня. Он как римский палач присовокупляет поругание к смертным мучениям девы. Поэма лауреата не стоит, конечно, поэмы Вольтера в отношении силы вымысла, но творение Соуте есть подвиг честного человека и плод благородного восторга. Заметим, что Вольтер, окруженный во Франции врагами и завистниками, на каждом своем шагу подвергавшийся самым ядовитым порицаниям, почти не нашел обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма. Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества, и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал тогда известен, возбудил бы неистощимый хохот не только в философических гостиных барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и в старинных залах потомков Лагира и Латримулья. Жалкий век! Жалкий народ!»

373. А. О. Ишимовой

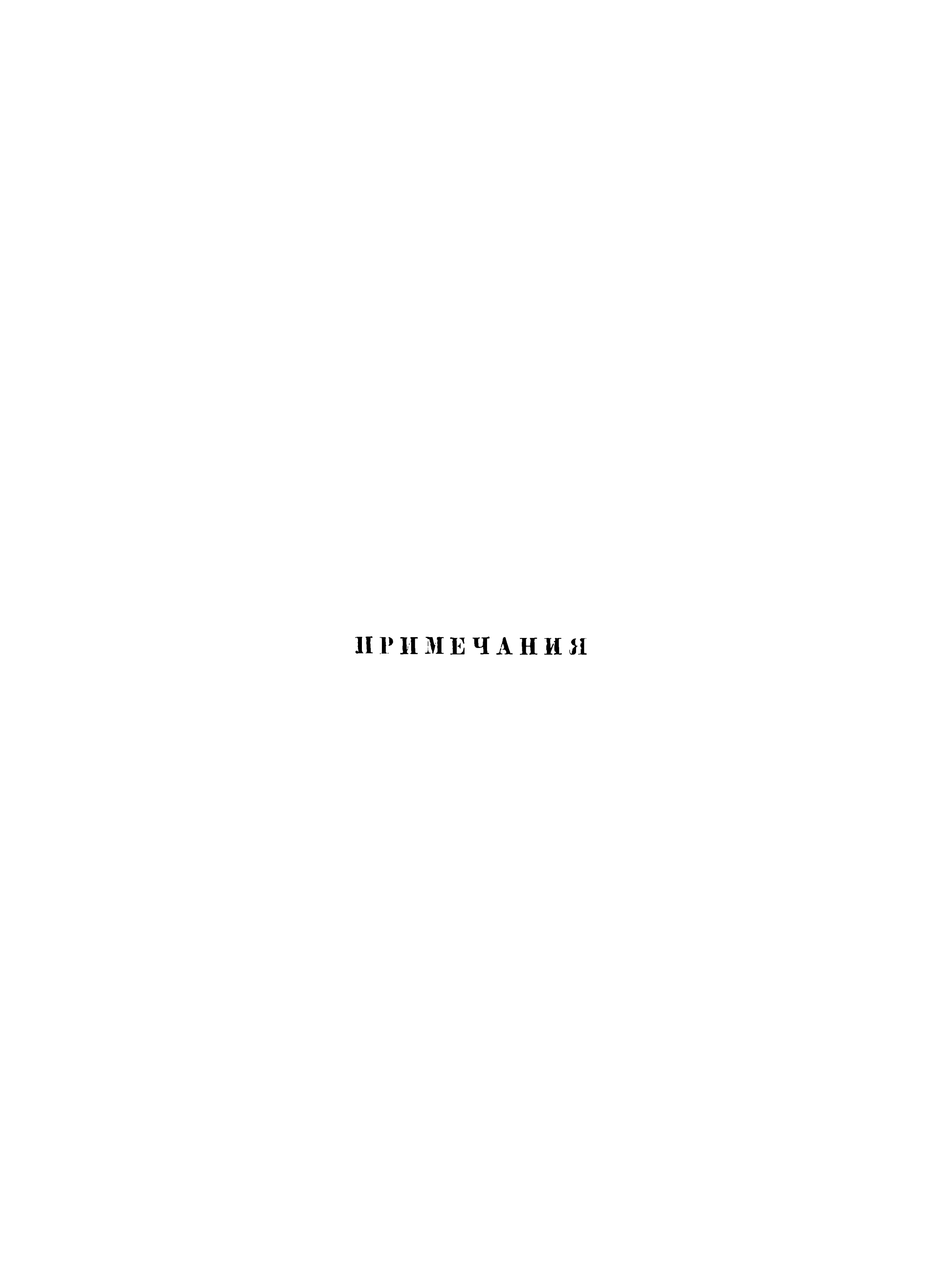
25 января 1837 г. [Петербург]

... Мне хотелось познакомить русскую публику с произведениями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести несколько из его драматических очерков...

374. А. О. Ишимовой

27 января 1837 г. [Петербург]

... Покаместь, честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall. Вы найдете в конце книги пьэсы, отмеченные карандашем, переведите их, как умеете,—уверяю вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу *Историю в рассказах*, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!..

ПРИМЕЧАНИЯ

Условные сокращения

АП—«Переписка Пушкина», изд. Академии Наук, под ред. В. И. Саитова, тт. I—III, 1908—1911.

ППМ—«Письма Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, Л. 1926; т. II, Л. 1928.

ППЦ—«Письма Пушкина и к Пушкину», не вошедшие в изданную Академией Наук «Переписку Пушкина», собр. М. А. Цявловским, М. 1925.

ПХ—«Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927.

ПС—«Пушкин и его современники». Материалы и исследования. Повременное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Спб. Вып. I—1903; вып. II—1904; вып. III—1905; вып. IV—1906; вып. V—1907; вып. VI, VII—VIII—1908; вып. IX—X—1910; вып. XI—XII—1909; вып. XIII—1910; вып. XIV—XV—1911; вып. XVI—XVII—XVIII—1913; вып. XIX—XX—1914; вып. XXI—XXII—1915; вып. XXIII—XXIV и вып. XXV—XXVII—1916; вып. XXVIII—1917; вып. XXIX—XXX—1918; вып. XXXI—XXXII—1927; вып. XXXIII и XXXV—1928; вып. XXXVI—1928; вып. XXXVII—1928; вып. XXXVIII—XXXIX—1930.

ПА—Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук.

ПВ—Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова.

ПКН—Сочинения Пушкина, вышедшие приложением к «Красной Ниве» 1930 г.

Пушкин, ГИХЛ—Сочинения Пушкина, изд. ГИХЛ, 1931—1933.

1815

1. Мои мысли о Шаховском. Заметка относится к лицейскому периоду жизни Пушкина и является откликом на споры и толки, вызванные представлением комедии Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам» (1815), в которой был высмеян Жуковский под именем балладника Фиалкина. Фиалкин в комедии декламировал пародии на переводы Жуковского из Шиллера и фантастические баллады. Это обстоятельство не могло не задеть и Пушкина, считавшего себя врагом «литературных староверов»—«беседистов», в числе которых был и Шаховской, «Карамзина гонитель—гроза баллад» (см. запись Пушкина в лицейском дневнике 1815 г. и Анненков, «Материалы», стр. 20—21). Характерно, что уже в эти, в сущности детские, годы Пушкин подчеркивал, что Шаховской не хотел учиться своему искусству и потому стал посредственным стихотворцем.

В том же 1815 г. Пушкин написал эпиграмму «Угрюмых тройка есть певцов—Шихматов, Шаховской, Шишков» и т. д.

Несколько позднее отношение Пушкина к Шаховскому существенно изменилось, и он стал одним из посетителей «чердака» Шаховского. В «Онегине» Пушкин, описывая театр 1819 г., упомянул и Шаховского:

Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой.

— В комедии *«Новый Стерн»* (1805) Шаховской пародировал сентиментализм Карамзина, который карикатурно представлен в лице путешественника, графа Пронского.

— В водевиле *«Ломоносов, или Рекрут-стихотворец»* (1814) Ломоносов читает в гостинице перед прусскими вербовщиками свои стихи.

— Здесь Пушкин, еще не освободившийся от власти авторитетов, называет Ломоносова *«отцом русской поэзии»*. Позднее он отрицал у него поэтическое дарование, считая его великим ученым.

— *Маруся*—героиня водевиля Шаховского «Казак-стихотворец» (1812).

— *«Крестьяне, или Встреча незваных»*—опера-водевиль в 2-х действиях (1814).

—В *ирои-комической поэме «Расхищенные шубы»* (1811—1815) высмеивались карамзинисты. Выражение *«и все дрожат»* взято из памфлетической кантаты Дашкова, посвященной Шаховскому: «Всем братьям роздал свои ,,Шубы'', и все дрожат...»

—*...написал он комедию...*—«Липецкие воды, или Урок кокеткам» *Князь Холмский*—герой этой комедии.

1816

2. П. А. Вяземскому.

—... *русские стихи Шапеля и Буало.*—Подразумеваются стихи Вяземского той поры. Здесь как бы мимоходом отмечено влияние этих французских поэтов XVII века на поэзию Вяземского. В следующем письме к Вяземскому, от 1 сентября 1817 г., Пушкин также пишет, что с нетерпением ожидает его новых стихов (см. *ППМ*, т I, стр. 7).

— *Софийский почтальон.*—София—часть б. Царского Села.

— *Словенские глупцы*—члены возникшей в 1811 г. «Беседы Любителей Русского Слова», вождем которых был А. С. Шишков. Члены «Беседы» были противниками «Арзамаса» и расценивались арзамасцами как литературные «старообрядцы». О борьбе «Арзамаса» с «Беседой» см. предисловие Д. Д. Благого к книге «Арзамас и арзамасские протоколы», Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

—*«Россиада»*—героическая поэма М. Хераскова в 12 песнях (1779). Проф. А. Мерзляковым был написан разбор «Россиады» (напечатан в журнале «Амфион» на 1815 г.). См. также отзыв Пушкина о Хераскове и о критике Мерзлякова в письме к Бестужеву (стр. 75). Повидимому, Пушкину-лицеисту принадлежит и эпиграмма «На разбор Россиады»:

С тобой согласен я—нет в свете ничего
Скучнее этого эпического вздора,
Окроме твоего
Премудрого разбора.

(см. статью Н. В. Измайлова в «Сборнике Пушкинского дома на 1923 г»., Птгр., 1922).

Любопытно, что Вяземский много позднее, в статье «Допотопная или допожарная Москва» (1865), раскаивался в насмешливом отношении к «бедному Хераскову» (Собр. соч., т. VII, стр. 87).

—*...погребать покойную Академию...*—Один из пунктов шутливого устава «Арзамаса» гласил: «По примеру всех других Обществ, каждому нововступающему члену Нового Арзамаса надлежало бы читать похвальную речь своему покойному предшественнику, но все члены Нового Арзамаса бессмертны—и так, за неимением собственных готовых покойников, новоарзамасцы положили брать напрокат покойников между халдеями «Беседы» и Академии».

—... *князей-стихотворцев на Ш.* — т. е. кн. А. А. Шаховского, С. А. Ширинского-Шихматова и П. А. Шаликова, литературных противников Арзамаса.

— *...завоевал он Бову Королевича.*—Пушкин в 1816 г. начал писать поэму «Бова», но, узнав, что над этой темой работает Батюшков, передал ему сюжет поэмы.

1817

3. В. Л. Пушкину. Письмо Пушкина является ответом на письмо Василия Львовича Пушкина, в котором тот, между прочим, писал: «Ты сын Сергея Львовича и *брат* мне по Аполлону» (*АП*, т. I, стр. 4).

— *Нестор Арзамаса*—т. е. старейший (Нестор, согласно «Илиаде», был старейший из греков, поплывших под Трою).

— *Вот*—одно из прозвищ В. Л. Пушкина по «Арзамасу».

— Под *Ословым* разумеется А. С. Шишков—президент Российской Академии и председатель «Беседы», вождь архаистов.

— *Шутовской*—кн. А. А. Шаховской—член «Беседы», драматург (ср. «Мои мысли о Шаховском»,стр. 3, и прим. к № 1).

— *Клеймить единственным стихом.*—Здесь Пушкин имеет в виду злые строки из «Опасного соседа» В. Л. Пушкина, в которых говорится о том, как в публичном доме, куда приехал герой «Опасного соседа» Буянов,

Две гостьи дюжие смеялись, рассуждали
И «Стерна Нового» как диво величали
(Прямой талант везде защитников найдет).

(см. «Ирои-комическая поэма», Л., 1933, стр. 649—652).

— *Шолье Андреевич*—т. е. Петр Андреевич Вяземский. Пушкин называет так Вяземского по имени французского стихотворца аббата Шолье (1639—1720).

1819

4. Из статьи «Мои замечания об русском театре». Статья при жизни Пушкина не печаталась. Бо́льшая часть ее посвящена театральным впечатлениям юного Пушкина. Здесь дается лишь выдержка из нее, содержащая оценку драматических произведений Озерова, Катенина и др.

— *Несчастный Озеров.*—Имеется в виду душевная болезнь Озерова с 1809 г. до самой смерти.

— *Антигона*—дочь Эдипа, героиня трагедии Софокла «Эдип в Колоне» (440 до н. э.) и ее переделок: Ротру (XVII в.) и Дюси (XVIII в.)—во Франции и «Эдип в Афинах» Озерова (1804)—в России.

— *Моина*—героиня трагедии Озерова «Фингал».

— *Е. С. Семенова* выступала в переведенных П. А. Катениным и М. Е. Лобановым пьесах Корнеля и Расина: «Ариадна», «Эсфирь», «Ифигения в Авлиде».

5. Н. И. Кривцову—см. В. П. Гаевский, «Пушкин и Кривцов», «Вестник Европы», 1887, № 12.

6. П. Б. Мансурову. В письме речь идет о комедии А. А. Шаховского «Пустодомы», поставленной впервые на сцене Большого театра в 1819 г., с участием актрисы Е. Я. Сосницкой (см. Арапов, «Летопись русского театра», Спб., 1861, стр. 281).

1820

7. П. А. Вяземскому.

— *твои первые четыре стиха на счет его...*—Стихи Вяземского о Катенине в послании к И. И. Дмитриеву (Собр. соч. П. А. Вяземского, т. III, стр. 294—296):

> Но что несноснее тех умников спесивых,
> Нелепых знатоков, судей многоречивых,
> Которых все права—надменность, пренья, шум,
> А глупость тем глупей, что нагло корчит ум?

Резкость Вяземского вызвана раздражением на Катенина, который высмеял один из промахов Вяземского в его статье об Озерове (подробн. см. *ППМ*, т. I, стр. 201—202; см. также письмо Вяземского—*ЛП*, т. I, стр. 12—14).

— «*Первый снег*»—стихотворение Вяземского (1817) (см. Собр. соч., т. III, стр. 146—149). Об этом стихотворении Пушкин упоминает также в «Евгении Онегине», гл. 5, строфа III, и в письме к Вяземскому 1822 г. (см. стр. 26).

—«*Уныние*»—стихотворение Вяземского (1819) (см. Собр. соч., т. III, стр. 193—195). «Первый снег» и «Уныние» особенно нравились Пушкину, что отмечает и сам Вяземский: «помню некоторые произведения той эпохи: „Уныние", „Первый снег", два стихотворения, любимые Пушкиным; особенно первое...» (см. Собр. соч., т. II, стр. 10, «Автобиографическое введение»).

— Поэма «*Руслан и Людмила*» дописана 26 марта 1820 г. (см. автокритические замечания о ней, стр. 89, 148—152). В письме к Вяземскому от 28 марта 1820 г. Пушкин также писал, что поэма эта ему «надоела» (*ППМ*, т I. стр. 9—10).

8. П. А. Вяземскому. Черновое. См. следующее письмо (№ 9).

9. Л. С. Пушкину. Очевидно, в данном случае Л. С. Пушкин пересылал брату свои поэтические опыты, не заслужившие одобрения со стороны поэта. Н. И. Лорер свидетельствует, что Лев Сергеевич «много написал хороших стихотворений, но из скромности ничего не печатал, не желая стоять на лестнице поэтов ниже своего брата». При жизни Л. С. Пушкин напечатал только одно стихотворение—«Петр Великий» («Отечественные Записки», 1842, июль) (подробнее см. Л. Майков, «Пушкин», Спб., 1899, стр. 31—37).

Надо заметить, что писали стихи: отец А. С. Пушкина—Сергей Львович, дядя—Василий Львович, брат Лев и сестра Ольга. «Семейное» увлечение стихотворством не получало со стороны Пушкина поощрения. Наоборот: «благодарю тебя за стихи;—*более благодарил бы тебя за прозу*» (Льву). «Если ты в родню, так ты литератор *(сделай милость—не поэт»)* (ему же). Писала, повидимому, стихи и жена Пушкина. Наталья Николаевна, которой он однажды очень откровенно заявил: «Стихов твоих не читаю. Чорт ли в них; и свои надоели» (см. № 282).

10. Н. И. Гнедичу.

— ... *прекрасный перевод Андромахи.*—Отрывки из «Андромахи» Расина в переводе Гнедича напечатаны были в «Сыне Отечества», 1820, № 34. Оттуда же цитируется и стих «Уже в последний раз...»

— *Кто такой этот В...*— Статья В. (А. Ф. Воейкова)—«Разбор поэмы Руслан и Людмила, соч. А. С. Пушкина»—открыла известную журнальную дискуссию о поэме; напечатана она была в «Сыне Отечества», 1820, №№ 34—37. Воейков, упрекая Пушкина в неуважении к читателям, обращает к нему его же стих из «Руслана и Людмилы»: «Красней, несчастный, бог с тобой!» Вяземский по поводу этой статьи Воейкова писал А. И. Тургеневу: «Кто сушит и анатомит Пушкина? Обрывают розу, чтобы листок за листком доказать ее красивость. Две-три странички свежие, вот чего требовал цветок такой, как его поэма. Смешно хрипеть с кафедры два часа битых о беглом порыве соловьиного голоса» («Остафьевский архив», т. II, стр. 64). Разбор Воейкова, называвшего стихи Пушкина «грешными» и «мужицкими», состоял, по замечанию А. Перовского, «из переложения в скучную прозу прекрасных стихов Пушкина» и был наполнен «рассуждениями и сентенциями, которые либо ничего не значат, либо совершенно ложны». В предисловии ко 2-му изданию «Руслана и Людмилы» (1828) (см. стр. 148—152) Пушкин привел целый ряд критических откликов на эту поэму.

— *«Неизвестный эпиграммист»*, отозвавшийся на статью Воейкова о «Руслане и Людмиле»,—И. А. Крылов:

Напрасно говорят, что критика легка:
Я критику читал «Руслана и Людмилы»,
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

Эпиграмма рецензенту поэмы «Руслана и Людмилы» впервые напечатана анонимно в «Сыне Отечества», 1820, ч. 64, стр. 233 (см. И. Крылов, «Сочинения», ГИХЛ, 1931, стр. 117).

— *Допрощик*—Д. П. Зыков, напечатавший в «Сыне Отечества», 1820, № 38, за подписью N. N. «Письмо к сочинителю критики на поэму Руслан и Людмила». Зыков в «Письме» предлагает ответить на ряд вопросов: «Зачем Финн дожидался Руслана? Зачем Руслан *присвистывает*, отправляясь в путь?» и т. д. и т. п. Пушкин впоследствии остроумно заметил: «Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront iamais» («Твои „почему?“, сказал бог, никогда не кончатся») (Предисловие ко 2-му изданию «Руслана и Людмилы», см. стр. 150).

— *... а тот, кто взял на себя труд отвечать ему...*—писатель А. А. Перовский (псевдоним—Погорельский), напечатавший «Замечания на разбор поэмы Руслан и Людмила в Сыне Отечества», 1820, ч. 65, № 42, за подписью: П. К-ов.

20-е годы

11. О французской словесности. Заметка носит конспективный характер, сохранилась в черновом автографе; относится к началу 20-х годов. Характеристики писателей и поэтов в ней едва намечены или не даны вовсе. Здесь Пушкин отмечает огромное влияние французской словесности на русскую и немецкую литературу (*«Ломоносов, следуя немцам, следовал ей»*). В последующих статьях и письмах Пушкин уделял большое внимание французской литературе (вопросу об ее влиянии на русскую). Если в этой заметке он еще говорил: «не решу, какой словесности отдать предпочтение», то несколько позднее уже безоговорочно признавал вредность влияния французской

поэзии, «робкой и жеманной», считая более полезным влияние английской словесности (см. письмо Гнедичу 1822 г., стр. 21). В 1823 г. он призывал Вяземского уничтожить «маркизов классической поэзии» (см. стр. 32).

— *Тредьяковский нехотя отделил стихосложением...* —т. е. отказался от силлабического стихосложения.

— Четыре строки *оды к Дюперье* Малерба следующие:

Elle était de ce monde ou les plus belles choses
Ont la pir destin
Et rose elle a veçu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin.

— *Малерб держится... стихами Буало.*—Говоря о стихах Буало, прославивших Малерба, Пушкин имеет в виду следующие строки из «Поэтического искусства» (1674) Буало:

Но вот пришел Малерб—открылись тут впервые
Гармонии стиха источники живые... и т. д.

— Об отношении Пушкина к Буало см. статью Б. В. Томашевского «Пушкин и Буало» в сборнике «Пушкин в мировой литературе», Гиз, 1926.

— *Его странные суждения...*—Может быть, имеются в виду похвалы Вуатюру, которого Буало ставил наравне с Вергилием.

— *...обычаи, история, песни, сказки...*—Любопытно сопоставить эти заключительные строки статьи с мыслями о русском эпосе и сказках, высказанными Пушкиным в письмах к брату (стр. 51) и Плетневу (стр. 289). Пушкин чувствовал огромное тяготение к народному творчеству, считая его подлинным источником поэзии.

1821

12. Из Кишиневского дневника.

— *Послание кн. Вяземского*—стихотворение П. А. Вяземского «В. А. Жуковскому» (подражание сатире III Депрео), напечатанное в «Сыне Отечества», 1821 (см. Собр. соч. П. А. Вяземского, т. III, стр. 226—229). Суждение Пушкина относится к следующим строкам стихотворения:

Не столько труд тяжел в Нерчинске рудокопу,
Как мне, поймавши мысль, подвесть ее под стопу,
И рифму залучить к перу на острие.
Ум говорит одно, а вздорщица свое.
Хочу ль сказать, к кому был Феб из русских ласков,—
Державин рвется в стих, а попадет Херасков.

Ср. у Буало: «La raison dit Virgile et le rime Quinolt» («Рассудок говорит—Вергилий, а рифма—Кино»).

— *...не примирят меня с такой какофонией.*—Много лет спустя после смерти Пушкина Вяземский в «Автобиографическом введении» к собранию своих сочинений писал: «В стихах моих я нередко умствую и умничаю.

Между тем полагаю, что если есть и должна быть поэзия звуков и красок, то может быть и поэзия мысли. Все эти свойства или недостатки побудили Пушкина в тайных заметках своих обвинить меня в *какофонии*: уж не слишком ли?.. Воля Пушкина, за благозвучность стихов своих не стою, но и ныне не слышу *какофонии* в помянутых стихах. А вот в чем дело: Пушкина рассердил и огорчил я другим стихом из этого послания, а именно тем, в котором говорю, что *язык наш рифмами беден*. Как хватило в тебе духа, сказал он мне, сделать такое признание? Оскорбление русскому языку принимал он за оскорбление, лично ему нанесенное» (Собр. соч., т. I, стр. XLII).

— *Баратынский—прелесть.*—Возможно, что здесь Пушкин имеет в виду поэму Е. А. Баратынского «Пиры», написанную в 1820 г. и напечатанную в 1821 г.

13. А. А. Дельвигу. Тексту самого письма предшествует стихотворное послание Пушкина к Дельвигу: «Друг Дельвиг, мой парнасский брат...» и т. д.

— *... об твоей музе [напоминали] журналы...*—«Труды Вольного Общества Любителей Российской Словесности» и «Невский Зритель», где в 1820—1821 гг. печатались стихотворения Дельвига.

— *талант прекрасный и ленивый...*—Леность Дельвига бросалась в глаза всем и была отмечена даже им самим в шутливой эпитафии себе:

Прохожий! Здесь лежит философ человек:
Он проспал целый век.

— *... напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года...* —намек на «День» итальянского поэта Парини и на поэму Томсона «Четыре времени года», а может быть—на стихотворение француза Беркена (см. заметку Н. О. Лернера в «Вечерней Красной Газете» 21 ноября 1926 г., № 276).

— Поэма «*Монах*» Дельвигом не была написана.

— «*Кавказский пленник*», начатый летом 1820 г. на Кавказе, закончен был 20—23 февраля 1821 г. (эпилог и посвящение в мае 1821 г.); издан в августе 1822 г.

14. Н. И. Гнедичу. Тексту письма предшествует стихотворное послание Пушкина к Н. И. Гнедичу («В стране, где Юлией венчанный...»), которое мы здесь не приводим.

— О «*Кавказском пленнике*» Пушкин высказывался неоднократно (см. стр. 233, 344 и др.). Поэмой своей он был не вполне доволен и позднее считал, что она «обязана своим успехом верному, хотя слегка означенному, изображению Кавказа и горских нравов», соглашаясь «с общим голосом критиков, справедливо осудивших характер пленника, некоторые отдельные черты и проч.» (1828).

15. Л. С. Пушкину.—*...сделай милость—не поэт.*—О поэтических опытах Л. С. Пушкина см. прим. к № 9.

— «*Сотворение мира*»—поэма М. В. Милонова, неизвестна в печати (см. статью Б. И. Каплана, «Литературные портфели», I, 1923, стр. 26—28).

— *Вопросы Воейкову* задавал не П. А. Катенин, а Д. П. Зыков (см. прим. к № 10), но Пушкин приписывал статью о «Руслане и Людмиле» Катенину и много лет спустя, встретившись с ним в театре, сказал:

«Критика твоя немного колется, но так умна и мила, что за нее не только нельзя сердиться, но даже...» Катенин перебил его, отказываясь от незаслуженной чести, и даже устроил очную ставку с первым распускателем ложного слуха, но, кажется, это не помогло. Пушкин притворился, что верит отречению (Анненков, «Материалы», 1873, стр. 61).

— *«Черная шаль»*—стихотворение Пушкина (1820), напечатано было с ошибками в «Сыне Отечества», 1821, № 15.

— *«Таврида»*—поэма С. С. Боброва (1789).

16. Н. И. Гречу. Письмо относится к тому периоду, когда Н. И. Греч еще не прислуживался открыто к правительству, до появления на литературном горизонте Ф. Булгарина, будущего соратника Греча. Из последующих писем Пушкина читатель увидит, что некоторое время спустя отношение Пушкина к этим главарям «воровской шайки» в литературе, связанным с полицией, стало резко враждебным.

— *«Послание к Чаадаеву»* Пушкина («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») было напечатано под заглавием «К Ч-ву» в «Сыне Отечества», 1821, № 35, редактируемом и издаваемом Н. И. Гречем. Цензурой не пропущен был в «Послании» стих: «*Вольнолюбивые* надежды оживим».

— *А. С. Шишков* славился гонением на иностранные слова, которые он предлагал заменять русскими. Слова, предназначенные заменить «чужеземные», сочинялись самим Шишковым. Вместо биллиардного кия по Шишкову следовало говорить «шаротык», вместо тротуара—«топталище». «Словарь русского языка» переделывался Шишковым и членами Академии из «Словаря Академии Российской» (изд. 1789—1794). Пушкину филологические занятия Шишкова—фанатического руссофила—не внушали уважения и вызывали у него насмешки.

17. В. П. Горчакову.

— *Замечания твои, моя радость...* — Замечания приятеля Пушкина В. П. Горчакова о «Кавказском пленнике» неизвестны.

1822

18. Д'Аламбер сказал однажды... Заметка, являющаяся, повидимому, введением к статье о русской прозе, осталась незаконченной и при жизни Пушкина не печаталась.

— Мнение *Д'Аламбера*, французского писателя и философа XVIII века, о стиле Бюффона, автора «Естественной истории» (1749—1789), взято Пушкиным из биографии Бюффона, написанной Кювье. Эта биография помещена в первом томе Полного собрания сочинений Бюффона (1822). Пушкин цитировал Кювье, вероятно, по памяти, так как ошибочно привел имя Лагарпа вместо названного у Кювье Антония Ривароля.

— *Вольтер... осмеял в своем Микромегасе изысканность тонких выражений Фонтенеля* ...— В повести Вольтера «Микромегас» выведен секретарь Французской Академии, плодовитый писатель и философ Бернар де Фонтенель. Он изображен в «Микромегасе» сатурнианским академиком. В речах этого академика Вольтер дал едкую пародию на цветистый, изысканный, кокетливый стиль Фонтенеля (см. Вольтер, «Повести», т. I, Academia, М.—Л., 1931, стр. 105—131, и прим., стр. 482—484).

19. Только революционная голова... Заметка из черновых записей Пушкина.

20. П. А. Вяземскому.

— *В долгой разлуке нашей...* — Разлука вызвана была тем, что Вяземский в 1818 г. уехал служить в Варшаву, где и пробыл до апреля 1821 г. (см. «Автобиографическое введение» П. А. Вяземского, Собр. соч., т. I, стр. XXXVIII—XXXIX).

— *дурацкие журналы*—«Благонамеренный», «Утренняя Заря», «Сын Отечества», в которых в эти годы появлялись иногда стихи П. А. Вяземского (см. Собр. соч., т. I, примечания, стр. IV—VI).

— «*Послание к М. Т. Каченовскому*» П. А. Вяземского (см. Собр. соч., т. III, стр. 219—223) появилось в «Сыне Отечества», 1821, № 2. Оно начиналось стихами:

Перед судом ума сколь, Каченовский! жалок
Талантов низкий враг, завистливый зоил...

Строки эти заключали в себе обидную для Каченовского двусмысленность. Оскорбление здесь вуалировалось знаками препинания. Сам Вяземский в письме к А. И. Тургеневу объяснял появление «Послания» желанием отомстить Каченовскому за Карамзина, исторические труды которого подвергались резкой критике Каченовского (см. Остафьевский архив, т. II, стр. 114). С. Т. Аксаков, которому «стало жаль старика», написал стихотворное послание к Вяземскому, защищая в нем Каченовского. Оно появилось в «Вестнике Европы», 1821, № 9, без подписи автора, под названием: «К Птелинскому-Ульминскому» (от греческого и латинского слов, означающих *вяз*) и начиналось:

Перед судом ума сколь Птелинский смешон
Кто самолюбием, пристрастьем увлечен...

(см. Полн. собр. соч. С. Т. Аксакова, Спб., 1886, т. IV, стр. 47). О «Послании М. Т. Каченовскому» см. «Остафьевский архив», т. II, письма конца декабря 1820 г. и начала 1821 г.

— В «*Послании к Чаадаеву*» Пушкин задел Каченовского стихами:

Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим невинным лаем.

— «*Лужницкий старец*»—один из псевдонимов М. Т. Каченовского (Лужники—часть тогдашней Москвы, где жил Каченовский).

— *Американец Толстой*—граф Ф. И. Толстой (1782—1846).

— *... что ему понравилось в этом Муре.*—Увлечение Жуковского в начале 20-х годов Муром сказалось в том, что он перевел поэму «Лалла Рук» и стихотворение «Пери и ангел» («Сын Отечества», 1821, № 20).

— «*Лалла Рук*»—экзотическая поэма Т. Мура (1817), которого Пушкин не любил, считая его «чересчур уж восточным».

— «*Жизнь и мнения Тристрама Шенди*»—неоконченный роман Лауренса Стерна (1759—1767). В начале 20-х годов Пушкин знаком был с его произведениями по французским переводам, позднее по подлиннику.

— *Меркантильный успех...* Людмилы...—Об условиях издания «Руслана и Людмилы» см. С. Гессен, «Книгоиздатель Александр Пушкин», Academia, 1930, стр. 30 и сл.

— ... *опасаюсь журнальных почестей...* — Пушкин боялся, что повторится случай опубликования его письма к В. Л. Пушкину в журнале, как это было с одним его письмом в 1817 г. В кишиневском дневнике Пушкин записал 9 апреля 1821 г.: «В Сыне Отечества напечатали одно письмо мое к Василию Львовичу. Это меня взбесило; тотчас же написал Гречу официальное письмо».

— *Буянов*—герой «Опасного соседа» В. Л. Пушкина.

21. Н. И. Гнедичу.

— Эпиграф к письму взят из «Tristia» Овидия (кн. I. элегия 1).

— ... *вам предаю моего Кавказского Пленника.*—С письмом пересылалась рукопись «Кавказского пленника», который и был издан Н. И. Гнедичем в 1822 г. См. С. Гессен, «Книгоиздатель Александр Пушкин», Academia, 1930, стр. 35—41.

— ... *прелестной вашей Идиллии.*—«Рыбаки» Гнедича («Сын Отечества», 1822, № 8; отд. издание—Спб., 1822).

22. Н. И. Гнедичу. Черновое.

— *Финн*—действующее лицо в поэме «Руслан и Людмила».

— *Пигмалион*—легендарный древнегреческий скульптор; создав статую Галатеи, он влюбился в нее. Афродита оживила статую, и Галатея стала женой Пигмалиона. Ж.-Ж. Руссо написал лирическую сцену «Пигмалион». Шиллер упоминает «Пигмалиона» в стихотворениях «Торжество любви» и «Идеалы».

23. А. А. Бестужеву. Письмо Бестужева, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— Предвидя цензурные «*препятствия в напечатании стихов к Овидию*», Пушкин сам внес изменения в это стихотворение. Бестужев напечатал его в своей «Полярной Звезде» на 1823 г. без подписи Пушкина, вместо которой были поставлены две звездочки (**).

24. Н. И. Гнедичу. Письмо Гнедича, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось. Об издании «Кавказского пленника» см. прим. к № 21.

— *Геты*—древний воинственный народ, живший между Балканами и Дунаем; в IV веке до н. э. геты перешли Дунай и заняли нынешнюю Валахию, Бессарабию и местности по Днепру. При переселении народов (III век н. э.) слились с готами.

— *Сарматы*—древний народ, занимавший весь восток Европы от Балтийского до Черного моря. В III веке н. э. смешались с готами, а затем со славянами. В данном случае слова Пушкина: «живу меж гетов и и сарматов», конечно, ирония.

— *Аристарх* (II век до н. э.)—александрийский грамматик, автор многочисленных комментариев к греческим писателям. В древности имя его было нарицательным для философа, в новое время—для литературного критика. Пушкин употребляет здесь это имя в последнем значении.

— ... *больших успехов в эстетике...*—Замечание это относится к указаниям цензора на необходимость заменить «небесный пламень» и другие подчеркнутые Пушкиным в письме места из «Кавказского пленника».

— *Я отвечал Бестужеву*—см. предыдущее письмо (№ 23).

— ... *опять стравить его с Катениным.*—Имеется в виду спор Н. И. Греча с П. А. Катениным в «Сыне Отечества», 1822, чч. 76 и 77,

по поводу русского и славянского языков, в котором принял участие и А. А. Бестужев.

— *«Шильонский узник»*, поэма Байрона, в переводе В. Жуковского, вышла в свет в середине 1822 г.

— *«Пери и ангел»*—стихотворение Т. Мура, перевод В. Жуковского.

— *Громобой и Старушка*—действующие лица баллад Жуковского.

— *... иное дело Тасс, Ариост...*—Пушкин подчеркивает, что перевода Жуковского достойны не «уродливые повести Мура» и песни немецкого сентиментального лирика Маттисона, а такие поэмы, как «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо и «Неистовый Орланд» Л. Ариосто наряду с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера.

— *Родрик.*—«Родрик—последний из готов» (1814), «католическая» поэма Соути (Пушкин пишет—Саувей), одного из представителей «озерной школы» английских поэтов. Позже Пушкин оценил Соути и пробовал переводить его «Гимн пенатам», «Медок», «На Испанию родную», «Родриг».

— *посмотрим, где очутится Ив. Ив. Дмитриев...* — В эту пору Пушкин особенно недолюбливал И. И. Дмитриева как поэта и часто горячо спорил о нем с П. Вяземским, который был восторженным поклонником поэзии И. Дмитриева (см. Собр. соч. П. А. Вяземского, т. I, стр. 158—161). Дмитриев не очень ласково встретил первые опыты Пушкина, а особенно поэму «Руслан и Людмила». Прочитав «Руслана и Людмилу», он сказал: «Я тут не вижу ни мыслей, ни чувства», и т. д. Ю. Н. Тынянов указывает, что в подчеркнутых Пушкиным словах— *«чувствами и мыслями»*—несомненная связь с отзывами Дмитриева о «Руслане и Людмиле» («Архаисты и новаторы», стр. 144).

25. П. А. К а т е н и н у. Письмо Катенина, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— Переведенная П. А. Катениным трагедия Корнеля *«Сид»* (1636) вышла в свет в 1822 г. и в конце того же года была поставлена на сцене.

— Эпизод с *пощечиной*, данной *«гишпанским рыцарем»* графом Гормасом *«поседевшему под шлемом»* дону Дьегу, в переводе Катенина уцелел.

— *Атрей*—мифологический царь аргосский, убивший сыновей своего брата Фиеста и подавший их ему в виде яства.

— *П. И. Толченов* и *Я. Г. Брянский*—актеры (см. о них в статье Пушкина «Мои замечания об русском театре» (1819), *Пушкин, ГИХЛ*, 1933, т. V, ч. II, стр. 503—508.

26. П. А. В я з е м с к о м у. Письмо Вяземского, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— *Ф. И. Толстой-Американец* был одно время в ссоре с Пушкиным и злословил на его счет, вследствие чего Пушкин и *«закидал»* его *«журнальной грязью»* в послании «К Чаадаеву».

— *«Шильонский узник»*—см. прим. к № 24 и письмо № 27.

— *слава Прадтов*—кратковременный сомнительный успех, подобный успеху французского архиепископа, публициста Доминика Прадта (1759—1837), постоянно выступавшего с брошюрами, посвященными современным событиям.

— *Поэма в мистическом роде*—«Гавриилиада».

27. Л. С. П у ш к и н у.

— *«Орлеанская дева»* Ф. Шиллера, перевод В. Жуковского (1820—1821), на сцене поставлена не была. 28 мая 1822 г. Карамзин писал Вяземскому, что «Иоанну» граф В. П. Кочубей запретил играть на здешнем

театре, опасаясь соблазна явлений богоматери» («Старина и Новизна», кн. I, стр. 131).

— «*Смерть Ролла*» (1799) —трагедия А. Коцебу.

— ... *мысль воспевать Грецию... славяно-русскими стихами* — ода В. К. Кюхельбекера «Глагол господень был ко мне...»

— В «*Послании к Ермолову*» В. К. Кюхельбекера: «Так пел в Суворова влюблен, бард дивный исполин Державин».

— *Стихи к Грибоедову* ...—послание В. К. Кюхельбекера «А. С. Грибоедову». См. Ю. Н. Тынянов, «Архаисты и новаторы», стр. 206—218.

— «*Страх при звоне меди...*»—Цитируется «Отрывок из Грозы С. Ламберта», перевод с французского В. К. Кюхельбекера. Эти нелепые, безграмотные стихи Кюхельбекера лицейской поры (1811) были помещены в рукописном лицейском журнале «Вестник» в насмешку над автором.

— «*Б[атюшков] из Рима*»—элегия, помещенная в «Сыне Отечества» (1821, ч. 68, № 8). В стихотворении этом, принадлежавшем П. А. Плетневу (напечатанном без подписи), говорилось от имени Батюшкова о том, что он утратил вдохновение вдали от родины и друзей. Стихотворение приписали Батюшкову. Батюшков, страдавший тогда душевной болезнью, написал письмо Гнедичу,в котором выражал негодование на автора элегии и на издателей «Сына Отечества», усматривая в них тайных врагов, распространяющих о нем лживые слухи (см. Собр. соч. Батюшкова, т. III, Спб., 1886, стр. 566—571).

— *луч денницы проникал в полдень*...—выражение из «думы» К. Ф. Рылеева «Богдан Хмельницкий»:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь в *полдень* проникал
Скользя по сводам луч *денницы*, и т. д.

28. Н. И. Гнедичу.

—*Перемены, требуемые цензурою* ... —О переменах в «Кавказском пленнике», вызванных требованиями цензуры, см. письмо № 24 и примечания к нему. Эпитет «*горький* (поцелуй разлуки»)» принадлежит Гнедичу.

— *ей дней —ей-ей не благозвучнее ночей*... —Глупейшее требование цензуры—вместо «немного радостных *ночей*» поставить «немного радостных ей *дней*»—вызвано было, очевидно, «нравственными» соображениями.

— *Примечание издателей*—о портрете Пушкина в предисловии к поэме: «Издатели присовокупляют портрет автора, в молодости с него рисованный. Они думают, что приятно сохранить юные черты поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным».

— *Перевод Жуковского*...—перевод «Шильонского узника» Байрона.

— «*В бореньях с трудностью силач необычайный*»—стих из послания Вяземского «В. А. Жуковскому» (подражание сатире III Депрео), напечатанного в «Сыне Отечества», 1821, № 10 (см. Собр. соч. П. А. Вяземского, т. III, стр. 226—229).

— «*Светлана*» (1812), «*Людмила*» (1808), «*12 Спящих дев*» (1809)—баллады Жуковского.

— *Чтоб он начал создавать*—т. е. писать оригинальные произведения. Жуковский в эти годы главным образом переводил.

29. Л. С. Пушкину.

— *Зачем ты показал Плетневу письмо мое*...—Лев Сергеевич показал Плетневу письмо Пушкина, в котором последний неодобрительно отзы-

вался о поэтических опытах Плетнева (см. № 27). Плетнев написал по этому поводу стихотворное послание Пушкину (см. «Русские поэты о Пушкине», М., 1909, стр. 294—297).

— *вся моя ссора с Толстым*... —см. прим. к № 26.

— *Шумит ли мой Пленник*...—О «Кавказском пленнике» появились критические статьи в «Сыне Отечества» (1822, № 35), «Благонамеренном» (1822, № 36), «Вестнике Европы» (1823, № 1) и других журналах.

30. П. А. Плетневу. Письмо, отправленное Плетневу, не сохранилось; уцелел лишь этот черновик его.

— *Первый стих твоего послания*... — О послании Плетнева Пушкину («Я не сержусь на едкий твой упрек») см. прим. к № 29. Оно положило начало дружеским отношениям поэта с Плетневым.

В последних строках письма речь идет об элегии П. А. Плетнева «*Батюшков из Рима*» (см. прим. к № 27).

31. П. А. Вяземскому. Письмо Вяземского, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— «*Первый снег*»—см. прим. к № 7.

— *Плетнев и Рылеев отучат меня*...—Имеются в виду стихотворение Плетнева «Батюшков из Рима» и «дума» Рылеева «Богдан Хмельницкий» (см. прим. к № 27).

— *О тяжбе* Вяземского *с цензурой* см. *ППМ*, т. I, стр. 260. Под *Бируковыми* разумеются вообще цензора.

1823

32. Л. С. Пушкину.

— ...*журнал Revue des Bévues*.—«Надо заметить,—говорит Анненков,—что Пушкин читал почти всегда с пером в руках» («Материалы», стр. 160). «...он составлял для себя коллекцию филологических странностей нашей критики весьма тщательно...» (там же, стр. 95). Проект «Revue des Bévues» остался неосуществленным. Самый замысел издания подобного обозрения чрезвычайно интересен. Оно было жизненно необходимо при состоянии тогдашней журналистики.

— ...*выписки из критик Воейкова*.—Речь идет о ляпсусах в критической статье А. Воейкова, посвященной «Руслану и Людмиле» (см. письмо Гнедичу, стр. 10—11), и в «думах» К. Ф. Рылеева «Богдан Хмельницкий» (см. прим. к № 27) и «Олег Вещий», где было сказано, что Олег прибил свой щит с гербом России к цареградским воротам.

33. Л. С. Пушкину.

— *Бестужев прислал мне Звезду*...—альманах «Полярная Звезда» на 1823 г., издаваемый А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым, где были напечатаны, между прочим, стихотворения Пушкина «К Овидию» и «Мечта воина». Вместо подписи под ними стояли **; поэтому Пушкин и пишет брату: «люби *две звездочки*».

— «*Мечта Воина*».—В «Полярной Звезде» на 1823 г. «Мечта воина» была напечатана с ошибками, которые Пушкин и отмечает здесь.

— *тревожных дум*—выражение из «думы» К. Рылеева «Борис Годунов», напечатанной в «Полярной Звезде» на 1823 г.:

Пред ним прошедшее, как смутный сон
Тревожной оживлялось думой.

— *«Увы, напрасно ждал тебя...»* —Цитируется стихотворение Гнедича «Тарентинская дева» (из А. Шенье), напечатанное в «Полярной Звезде» на 1823 г.

— *Знал бы своего Гомера...*—Гнедич в это время переводил «Илиаду».

— *добился ты наконец до точности языка...*—Отзыв Пушкина о языке Дельвига был сделан, вероятно, под впечатлением знакомства с его стихотворениями в «Полярной Звезде» на 1823 г.: «Песня», «На смерть ***» (сельская элегия) и «Вдохновение» (сонет).

34. П. А. Вяземскому.

— *как приятно читать о себе суждение...*—Имеется в виду статья кн. П. А. Вяземского «О Кавказском пленнике, повести, соч. А. Пушкина», напечатанная в «Сыне Отечества», 1822, № 49 (см. Собр. соч., т. I, стр. 73—78, а также письмо Вяземского А. И. Тургеневу от 27 сентября 1822 г.— «Остафьевский архив». т. II, стр. 274).

— *Варюшка и Буянов*—действующие лица в «Опасном соседе» В. Л. Пушкина.

— *опыты Озерова ознаменованы...*—Пушкин оспаривает мнение Вяземского об «отличном даровании» В. А. Озерова, высказанное им в указанной выше статье «О Кавказском пленнике». Озеров вообще был предметом горячих споров между Пушкиным и Вяземским. «Он [Пушкин] не признавал в Озерове никакого дарования. Я, может быть, дарование его преувеличивал»,—писал Вяземский в 1876 г. (см. Собр. соч., т. I, стр. 55). Ср. «Заметки Пушкина на полях статьи кн. П. А. Вяземского „О жизни и сочинениях В. А. Озерова“», стр. 94—99.

— *«нет, песням никогда надгробным я не внемлю...»*—монолог Фингала в трагедии В. А. Озерова «Фингал», действие I, явление 2-е (следует *гласам* вместо *песням*).

— *Парнасское православие*—т. е. каноны классической поэзии.

— *Щелчок цензуре.*— В указанной статье Вяземского «О Кавказском пленнике» (см. Собр. соч., т. I, стр. 77), где он пишет, что бдительную цензуру «нельзя упрекнуть у нас в потворстве».

— О цензоре *А. С. Бирукове*, прославившемся своей строгостью и тупостью, см. в «Дневнике» Пушкина, Гиз, 1923, стр. 247—248. Пушкин неоднократно затрагивал Бирукова в художественных произведениях («Первое послание цензору» и др.).

— *...твои стихи в Полярной Звезде.*—В «Полярной Звезде» на 1823 г. из стихов Вяземского были напечатаны «Послание к И. И. Дмитриеву...» (см. Собр. соч., т. I, стр. 294—297), «Всякий на свой покрой» (там же, стр. 300—301), «Цветы» (там же, стр. 303—304), «К портрету болтуна», «К портрету молчаливого» (там же, стр. 302), эпиграммы (там же, стр. 305—311).

— *Бестужева статья об нашей братьи...* —В статье А. Бестужева в «Полярной Звезде» на 1823 г.—«Взгляд на старую и новую словесность в России»— говорится, что Глинка «владеет *языком чувств*, как Вяземский языком мыслей». О Пушкине в этой статье Бестужев писал, что он «составляет наш поэтический триумвират» вместе с Жуковским и Батюшковым.

— *Дядя прислал мне свои стихотворения*—«Стихотворения В. Л. Пушкина», Спб., 1822.

— *он так глуп...*—Вяземский, Батюшков и др. также считали Василия Львовича человеком небольшого ума. Вяземский, например, говорил про него: «он так глуп, что собственных стихов не понимает». Ср. письмо А. С. Пушкина к В. Л. Пушкину (стр.6—7), где Пушкин еще хвалит дядю за его битвы с «шишковистами». Эта сторона деятельности Василия Львовича, «Арзамасского» *Старосты*, имела наибольшее значение в глазах его современников и друзей (см. П. А. Вяземский, Собр. соч., т. VII, стр. 88).

35. Н. И. Гнедичу.

— *Второе издание «Руслана и Людмилы»* и *«Кавказского пленника»* в 1823 г. не состоялось и осуществилось лишь в 1828 г. (см. предисловия Пушкина к этим поэмам, стр. 148—152).

— *готовая поэмка*—«Братья-разбойники» (конец 1821).

— *«Нерешительный, или Семь пятниц на неделе»*—водевиль Н. И. Хмельницкого.

— *Что делает Гомер?..*—Имеется в виду работа Гнедича над переводом «Илиады» Гомера.

— *Четырехстопные стихи* В. К. Кюхельбекера—послание его «К Пушкину», где он пишет о себе, как о «безотрадном страннике».

— *падал с лошади*—ироническая передача смысла следующих строк послания В. К. Кюхельбекера «К Пушкину»:

Кавказский конь топтал меня,—
И жив в скалах тех молчаливых
Я встал из-под копыт коня.

36. А. А. Бестужеву. Письмо Бестужева, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— *«Роман и Ольга»* (древняя повесть) и *«Вечер на бивак»*—произведения А. А. Бестужева, напечатанные в «Полярной Звезде» на 1823 г.

— *о Взгляде...*—«Взгляд на старую и новую словесность в России», статья А. А. Бестужева (см. прим. к № 34.).

— *... спорить... с тобою, да с Вяземским...*—В «Автобиографическом введении» П. А. Вяземский писал: «Он [Пушкин] где-то сказал, что я один из тех, которые охотнее вызывают его на спор. Следовательно, есть во мне чем отспориваться... Пушкин не натолкнулся бы на пустое...» (Собр. соч., т. I, стр. LVI—LVII).

— *... забыть Радищева...* —ср. статью Пушкина «Александр Радищев»(стр. 359—369), не пропущенную цензурой в «Современнике» в 1836 г.

— *«Елисей, или Раздраженный Вакх»* (1711)—поэма В. Майкова. В черновых набросках 8-й главы «Евгения Онегина» Пушкин написал, что в лицее он «читал охотно Елисея» (в беловом—«Апулея»). Возражение Пушкина относится к следующему месту статьи А. Бестужева: «В шутовском роде известны у нас Майков и Осипов. Первый оскорбил вкус своею поэмою *Елисей*. Второй в *Энеиде наизнанку* довольно забавен и оригинален» («Энеида, вывороченная наизнанку», шуточное переложение Вергилиевой «Энеиды», соч. Н. Осипова). Обе поэмы («Елисей» Майкова и «Энеида» Осипова) сохранились в библиотеке Пушкина. В наше время они переизданы в «Библиотеке поэта», см. «Ирои-комическая поэма», Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. Вводные очерки к ним Б. В. Томашевского на стр. 91—98, 241—266.

— *Благовещение*—поэма Пушкина «Гавриилиада» (1821).

— *Разбойников я сжег...*—Недовольный своей поэмой «Братья-разбойники» (1821), Пушкин сжег ее, причем уцелел один отрывок, напечатанный в «Полярной Звезде» на 1825 г. и вышедший в 1827 г. отдельным изданием.

— *...чего бояться читательниц...*—ср. в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (1827), стр. 105: «Жалуются на равнодушие» и т. д.

— *«Их нет и не будет на русской земле»*— цитата из «думы» К. Ф. Рылеева «Иван Сусанин», понравившейся Пушкину.

— *Новая сатира Арк. Родзянки*—неизвестна. *Певцом сократической любви* Пушкин называет Родзянку, автора неблагопристойных стихотворений.

37. П. А. Вяземскому.

— *Асмодей*—прозвище П. А. Вяземского по «Арзамасу».

— *Гнедич хочет купить...*—Пушкин напоминает о чрезвычайно невыгодных для него условиях, на которых Гнедич издал «Кавказского пленника» (Пушкин получил всего 500 рублей ассигнациями). См. С. Гессен, «Книгоиздатель Александр Пушкин», Academia, 1930, стр. 35—42.

— *уничтожь этих маркизов ...* — ср. статью «О французской словесности», стр. 12.

38. Л. С. Пушкину. После высылки Пушкина на юг цензоры стали относиться с особой настороженностью ко всему доходившему до них под его именем.

39. П. А. Вяземскому.

— *поручаю тебе издание Руслана и Пленника...*—Второе издание этих поэм в 1823 г. не осуществилось.

— Вместо *«свежий сон»* во втором издании стоит «какой-то сон».

— *Я не властен сказать...*—см. балладу Жуковского «Замок Смальгольм»:

Я не властен притти, я не должен притти,
Я не смею притти, был ответ...

— *Зарезала меня цензура*—см. прим. к № 28.

— *Послание к Д. Давыдову* (1826) Вяземского (Собр. соч., т. III, стр 128—130):

И упоительным мечтаньям
Весны, веселий и стихов.

— *Анти-критика* относится к рецензии М. П. Погодина на «Кавказский пленник» в «Вестнике Европы», 1823, № 1, стр. 128. В рецензии разобрано бесчисленное количество мнимых промахов Пушкина. Автор рецензии считал, например, что нельзя сказать: «в сиянии луны»—следует: «при свете луны», эпитет «седой (поток)» браковался им, как «неприличный». Цитируя строки:

Под ***влажной буркой***, в сакле дымной
Вкушает путник мирный сон...

Погодин прибавлял: «Ему бы легче скинуть влажную бурку и осушиться». «В третьем куплете что значат *заветные воды*?»—спрашивал он.

— *Об'он'пол*—церковно-славянское слово, значит: по ту сторону.

— *Он право добрый малый...*—ср. «Мои мысли о Шаховском», стр. 3.

— *Эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану»* взят из персидского поэта Саади Ширазского: «Многие так же, как и я, посещали сей фонтан; но иных уж нет, другие странствуют далече».

— Намеченный *эпиграф к «Кавказскому пленнику»*—из пушкинского «Послания Ф. И. Толстому» (1818); не был оставлен он Пушкиным потому, что поэт «боялся подать читателю повод к сравнению и сопоставлению популярного Американца с Пленником» (Н. О. Лернер, «Новонайденное письмо Пушкина», *ПС*, вып. XV, стр. 12).

40. П. А. Вяземскому. Письмо написано при пересылке Вяземскому поэмы «Бахчисарайский фонтан», к которой Вяземский, по просьбе автора, написал предисловие («Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова»), вызвавшее обширную полемику, в которой принял участие и Пушкин (см. № 50).

— *...ради твоей похотливой Минервы..*—В основу поэмы «Бахчисарайский фонтан» легло предание о польской красавице Потоцкой, похищенной крымским ханом Керим-Гиреем, который держал ее в бахчисарайском гареме. Софья Киселева, знаменитая в то время красавица, очень нравившаяся Вяземскому,—в девичестве была гр. Потоцкая. Этим и объясняется шутливая просьба Пушкина написать предисловие хотя бы ради «похотливой Минервы, Софьи Киселевой» (Потоцкой).

— ... *в путешествии Апостола-Муравьева*—«Путешествие по Тавриде» (1823), сочинение И. М. Муравьева-Апостола.

— *Что тебе пришло в голову писать оперу...*—П. А. Вяземский совместно с А. С. Грибоедовым написали оперу-водевиль «Кто брат, кто сестра? или Обман за обманом» (см. Собр. соч. П. А. Вяземского, т. VII, стр. 336 и сл.).

— *роман в стихах*—«Евгений Онегин», начатый в Кишиневе 9 мая 1823 г. *«Дон-Жуан»*—поэма Байрона.

41. П. А. Вяземскому. Черновое.

— *Никто более меня не уважает, не любит этого поэта...*—ср. заметку Пушкина «Об А. Шенье» (1825), стр. 61. Знакомство Пушкина с поэзией Шенье относится, вероятно, к периоду пребывания на юге. Шенье оказал на Пушкина огромное влияние, результатом которого явились «Подражания древним» (1820—1821)—«Виноград», «Дориде», «Нереида», «Муза»— близкое подражание Шенье, «Дионея»— перевод, «Дева», «Приметы» и др. Позднее Пушкин также перевел некоторые стихотворения Шенье («Близ мест...», «Покров упитанный...» и др.), а в 1825 г. написал большое стихотворение «Андрей Шенье» с описанием последних дней Шенье в темнице и переложением некоторых его стихов. Распространение в списках одного запрещенного цензурой отрывка из этого стихотворения имело для Пушкина неприятные последствия: за ним был установлен секретный надзор (см. П. Щеголев, «Из жизни и творчества Пушкина», ГИХЛ, 1931, стр. 95—126).

— *Думы* Ламартина—так Пушкин называет сборник его стихотворений «Méditations poétiques et réligieuses» («Поэтические и религиозные размышления»); I том вышел в 1820 г., II—в 1823.

— ... *ударится в такую бешеную свободу...*—Пушкин в известной мере оказался прав. В этих строках письма как бы предсказан характер поэзии Гюго, вождя французского романтизма (см. также «Заметку о французской литературе», № 49).

— *О Дмитриеве спорить с тобой не стану...*—Споры Пушкина с Вяземским об И. И. Дмитриеве подробно освещены Вяземским в его «приписке» к статье «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (Собр. соч., т. I, стр. 158—161).

—«*Ермак*»—стихотворение И. И Дмитриева (1794), в котором повествуется о подвигах Ермака в Сибири.

— *Любопытно видеть его жизнь...*—Речь идет о статье П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева».

42. П. А. Вяземскому.

— *Конечно, ты прав...*—Письмо Вяземского с замечаниями на «Бахчисарайский фонтан» не сохранилось: замечания его все были приняты Пушкиным и вошли в первое издание поэмы (1824), но в следующих изданиях Пушкин восстановил свой первоначальный текст.

— *А. Л.* —Анна Львовна Пушкина (1769—1824), тетка поэта.

— «*под стражею скопцов гарема*»...—строка из поэмы С. С. Боброва «Таврида» (1789), впоследствии Пушкиным отброшенная. Замечание о русском языке ср. с высказываниями Пушкина на стр. 59.

— ... *написал комедию на Чедаева* «Горе от ума».—В Чацком современники находили сходство с П. Я. Чаадаевым.

— *в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно...*—П. Я. Чаадаев после восстания в феврале 1821 г. Семеновского полка вынужден был выйти в отставку. На это и намекает Пушкин, говоря об его «теперешних обстоятельствах».

— *Посылаю Разбойников...*—«Братья-разбойники», поэма А. С. Пушкина (1821—1822).

43. П. А. Вяземскому.

— ... *в бытность мою в Екатеринославе*—т. е. в середине мая 1820 г.

— ... *мною не выдуманы...*—ср. заметку Пушкина о «Братьях-разбойниках», стр. 233.

44. А. А. Дельвигу.

— *Разделяю твои надежды на Языкова...*—см. сонет Дельвига «Н. М Языкову» («Поэты Пушкинской поры», М., 1919, стр. 15).

— *Сатира к Гнедичу...*—послание Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры»; в ней Баратынский задевал многих современных ему писателей (А. Ф. Воейкова, В. И. Панаева, А. Е. Измайлова, Б. Федорова. О. Сомова и др.).

Пушкин осуждает Бататынского за выражение *Сомов безмундирный*, направленное против О. М. Сомова, стихотворца и критика, не состоявшего на государственной службе и существовавшего преимущественно литературным трудом.

— *Коллежский советник* [*А. Е.*] *Измайлов*—стихотворец и издатель журнала «Благонамеренный».

— *Я полу-Хвостов...*—Д. И. Хвостов, стихотворец-графоман, писавший в одном из своих посланий: «Люблю писать стихи и отдавать в печать». Стих этот выставлен в качестве эпиграфа на титуле книжки «Посланий в стихах графа Дмитрия Хвостова», Спб., 1814.

— *Пишу теперь новую поэму...*—«Евгений Онегин», начатый в Кишиневе 9 мая 1823 г.

45. А. И. Тургеневу.

— *Ода на смерть N.*—ода «Наполеон» (июль 1821 г.).

— *умеренный демократ И. Х.*—Иисус Христос.

— *Изыде сеятель сеяти...*—евангельская притча о сеятеле, посеявшем зерно при дороге, на камне. (Евангелие от Луки, гл. VIII, стр. 5—15).

46. П. А. Вяземскому.

— «*Какая б ни была вина...*»—Здесь и в дальнейшем цитируются и разъясняются стихи из «Бахчисарайского фонтана».

— «*Оставь эти стихи...*»—Далее цитируется с некоторым изменением стих из IX сатиры Буало.

— *Saumaise*—Клод Сомез (1588—1658), французский ученый, критик и комментатор, славившийся своей эрудицией и любовью к изысканиям.

47. А. А. Шишкову. Адресат—племянник писателя А. С. Шишкова—писал стихи, подражая в них Пушкину. В 1824 г. вышел сборник его стихотворений «Восточная лютня».

1824

48. Причинами, замедлившими ход нашей словесности... При жизни Пушкина заметка не была напечатана. Небольшой отрывок из нее включен позднее в статью «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (см. № 75). Повидимому, об этой заметке Пушкин писал Вяземскому из Одессы в начале апреля 1824 г. (см. № 59).

Заметка эта вызвана появлением статьи А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» («Полярная Звезда» на 1824 г.), в которой Бестужев писал о «страсти к галлицизмам», «охватившей у нас все состояния» после войны 1812 г. с Францией, и об «охлаждении в результате этого лучшей части общества к родному языку и оцепенении словесности в прошедшем году». Статья Бестужева заканчивалась обещанием сказать в свое время и о «прочих *причинах, замедливших ход словесности*». Начальные строки пушкинской заметки ясно указывают на ее полемический характер.

— *леность наша охотнее выражается на языке чужом...*—О пренебрежении к русскому языку в тогдашнем обществе Пушкин говорит и в дополнительной главе «Евгения Онегина». См. также «отступление» в «Рославлеве» (1831). Пушкин и в 1831 г. не изменил своей точки зрения на состояние нашего языка. «Отступление» это прямо перекликается с данной статьей и во многом развивает ее положения: «... лет тридцать бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке... мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша кажется не старее Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляет нам несколько отличных поэтов, но нельзя же ото всех читателей требовать исключительной охоты к стихам. В прозе имеем мы только *Историю Карамзина*; первые два или три романа появились два или три года назад... Мы принуждены все известия и понятия черпать из книг иностранных: таким образом и мыслим мы на языке иностранном...» и т. д. Состояние «бедной» русской словесности к началу XIX века Пушкин считал довольно безотрадным. Одну из причин он усматривал в отсутствии «метафизического» языка, под которым, повидимому, разумел «язык мыслей», необходимый для «учености, политики и философии», доселе, по его мнению, «по-русски не изъяснявшихся».

— Высказанное здесь суждение о *Державине* более подробно развито в письме к Дельвигу 1825 г. (№ 97); см. также письмо к А. Бестужеву 1825 г. (№ 96).

— *«Душенька»*—поэма И. Ф. Богдановича (1775).

— *Крылова* Пушкин некоторое время упорно «отстаивал» перед Вяземским, считавшим Крылова непервоклассным баснописцем (см. стр. 35 и др.), но в одном из писем 1825 г. Пушкин «пошел на уступки» и внес злую «поправку» к своему замечанию о Крылове, как о представителе «духа русского народа» (см. № 112).

— *Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова...*—В это время Пушкин относился с живейшим сочувствием к ближайшему своему предшественнику и учителю Батюшкову, позже, как увидим, несколько холоднее и сдержаннее (см. заметки Пушкина на «Опытах», стр. 120—144), а в последние годы, по замечанию Вяземского, даже «разлюбил Батюшкова и уверял, что в некоторых стихотворениях его можно было уже предвидеть зародыши болезни, которая позднее постигла и поглотила его» (см. Собр. соч. П. А. Вяземского, т. I, стр. 160).

— *Жуковского перевели бы все языки...*—Пушкин часто осуждал приверженность Жуковского к переводческой работе и с нетерпением ждал, когда тот начнет «создавать».

49. Заметка о французской литературе. Набросана карандашом на обороте письма П. А. Вяземского к жене и датирована 5 июля 1824 г., Одесса. Может быть, это—незаконченное письмо к Вяземскому (?) (*ППМ*, т. I, стр. 87—88). (Ср. заметку с черновиком письма к Вяземскому от 4 ноября 1823 г., № 41.)

— *«Наполеон»* и *«Умирающий поэт»*—стихотворения Ламартина из его сборника «Nouvelles Méditations poétiques et réligieuses («Новые поэтические и религиозные размышления») (1823).

50. Письмо к издателю «Сына Отечества». Впервые было напечатано в «Сыне Отечества», 1824, № XVIII.

— *«Разговор между издателем и классиком»*—статья П. А. Вяземского (см. Собр. соч., т. I, стр. 167—173), написанная вместо предисловия к первому изданию «Бахчисарайского фонтана» (1824). Статья эта вызвала возражения со стороны М. Дмитриева (племянника поэта И. И. Дмитриева), выступившего в «Вестнике Европы», 1824, № 5, со статьей «Второй разговор между классиком и издателем» (за подписью N). Это положило начало обширной полемике между П. А. Вяземским и М. Дмитриевым по вопросу о сущности романтизма и классицизма. Вяземский выступил в роли защитника новой романтической поэзии, подвергавшейся «незаконным взысканиям в некоторых наших журналах», а Дмитриев, наоборот, обвинял романтиков в противоречиях, разбросанности, неопределенности, неясности языка и т. д. Последовал целый ряд статей Вяземского и Дмитриева (большинство из них помещено в книге В. Зелинского «Русская критическая литература о произведениях Пушкина», ч. I). В разгаре полемики и выступил Пушкин со своим письмом к издателю «Сына Отечества», став на сторону Вяземского. Ближайшим поводом к выступлению Пушкина послужила фраза М. Дмитриева: «Жаль, что... напечатали его [«Разговор»] при прекрасном стихотворении Пушкина. Думаю, и сам автор об этом пожалеет». Пушкин отмечает, что «противники романтизма слишком слабы и незаметны и не стоят столь блистательного отражения», которое дано в «Разговоре» Вяземского.

51. Предисловие к первой главе «Евгения Онегина». Настоящее предисловие было написано для отдельного издания первой главы «Евгения Онегина», вышедшей в свет 15 февраля 1825 г. В издании 1833 г. поэмы в одном томе предисловие это было Пушкиным устранено.

— *Вероятно не будет окончено.*—Первоначально Пушкин не собирался печатать свой роман. Задумав «Евгения Онегина» как сатирическое изображение общества, он полагал, что цензура не пропустит его (см. №№ 40, 62 и др.).

— *Несколько глав уже готовы.*—К 1825 г. были закончены три главы и начата четвертая глава «Евгения Онегина».

— «*Беппо*»—шутливая поэма Байрона, вышла в 1818 г.

— *...чувство уныния поглотило все прочие...*—слова В. К. Кюхельбекера из его статьи «О направлении нашей поэзии» («Мнемозина», 1824, ч. II) (см. прим. к № 119).

52. Л. С. Пушкину.

— *Козлов*, Василий Иванович—бездарный писатель, издатель «Новостей литературы». Будучи по происхождению купеческого звания, Козлов отличался «смешным тяготением к большому свету» (см. «Остафьевский архив», т. III, стр. 373—374).

— «*Mais pourquoi chantais-tu...*»—из стихотворения Ламартина «Умирающий поэт».

— «*Федра*»—трагедия Расина (1677), переведенная М. Е. Лобановым (1823).

— *И это называют наши журналисты прекраснейшим переводом...*—Пушкин имеет в виду статью О. М. Сомова («Сын Отечества», 1823, № 46), который назвал Лобанова как переводчика «победителем непобедимого».

— «*Тезея жаркий след...*»—П. Катенин также приводил в письме к Бахтину стих: «Тезея жаркий след...» и т. д., как образчик «нелепостей». (А. А. Чебышев, «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», Спб., 1911, стр. 55—56).

— *Тезей, Ипполит, Терамен*—действующие лица «Федры» Расина.

— *Прочти всю эту хваленую тираду...*—т. е. обращение Ипполита к Тезею (IV акт, сцена 2-я): «Столь черной ложью справедливо возмущенный, я должен был бы заставить говорить здесь истину, государь; но меня удерживает некоторая тайна, которая касается вас. Оцените то почтение, которое замыкает мне уста и, не желая увеличить свои тревоги, рассмотрите мою жизнь и подумайте, кто я...»

— «*Vous même où seriez-vous...*»—цитата из «Федры» Расина. В тексте, в подстрочном переводе ошибочно указана «Паризина» Байрона.

— «*Паризина*»—поэма Байрона (1815). Юноша Уго, незаконный сын мужа Паризины, вступает в связь с Паризиной, застигнут мужем и предан казни. Его речь к отцу, им обманутому, находится в XIII строфе поэмы.

— «*Войнаровский*»—поэма К. Ф. Рылеева, два отрывка из которой были напечатаны в «Полярной Звезде» на 1824 г. Об отношении Пушкина к Рылееву см. Д. Д. Благой, «Социология творчества Пушкина», «Мир», М. 1931, стр. 83—93.

53. А. А. Бестужеву. Письмо Бестужева, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось. Пушкин бегло разбирает в этом письме содержание «Полярной Звезды» на 1824 г., издаваемой А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым. В «Полярной Звезде» на 1824 г. напечатаны были, между прочим, и стихи Пушкина: «Редеет облаков летучая гряда...», «Нереида», «Простишь ли мне ревнивые мечты...» В письме к А. А. Бестужеву от

8 февраля 1824 г. (№ 54) Пушкин дает более подробный разбор «Полярной Звезды» на 1824 г.

— *...за все остальное—прозу и стихи...*—Проза Бестужева в «Полярной Звезде»: «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 г.», повесть «Замок Нейгаузен» и «Роман в семи письмах».

— «*Признание*» («Притворной нежности не требуй от меня»)—стихотворение Е. А. Баратынского.

— *...хотя бы наборщик клялся мне...*—намек на опечатки, с которыми появились стихи Пушкина в «Полярной Звезде» на 1824 г.

— *Дельвиг—молодец.*—Дельвиг поместил в «Полярной Звезде» на 1824 г. две русских песни, два романса и «Сонет С. Д. П[ономарев]ой». Введение сонета в оборот новой русской поэзии—одна из исторических заслуг Дельвига—отмечено позднее Пушкиным в стихотворении «Сонет» (1830). Из романсов Дельвига Пушкин особенно любил «Прекрасный день, счастливый день». (А.П. Керн, «Воспоминания», Academia, 1929, стр. 328).

— *Walter*—т. е. Вальтер-Скотт, влияние которого на Бестужева чувствовалось и в рыцарской повести «Замок Нейгаузен» и в «Турнире» (см. письма Пушкина, №№ 55 и 96 (стр. 77).

54. Ф. В. Булгарину.

— *Булгарин*, Фаддей Венедиктович, появился на арене русской журналистики в 1822 г. Он вращался тогда в лучших литературных кругах. был знаком со многими из будущих декабристов. С 1822 г. он выступил в роли издателя журнала «Северный Архив», а в 1823 г.—«Литературные Листки». Сношения Пушкина с Булгариным начались помещением в «Литературных Листках» в 1823 г. стихотворения «Птичка».

— *отзыв о татарской моей поэме*—извещение в «Литературных Листках» Ф. В. Булгарина о предстоящем выходе в свет «Бахчисарайского фонтана» А.С. Пушкина. В извещении говорилось, что в поэме «недостает связности в плане, но красоты поэзии, гармония языка, картины заставляют забывать самые несовершенства...» и т. д.

— ... *прилагаемые две пьесы*—помещенные с ошибками в «Полярной Звезде» на 1824 г. «Нереида» и «Элегия» (см. прим. к № 52).

55. А. А. Бестужеву.

— *Повесть* Бестужева—«Замок Нейгаузен».

— *А. О. Корнилович* в «Полярной Звезде» на 1824 г. поместил статью «Об увеселениях Российского двора при Петре I», написанную в виде письма к баронессе А. Е. А. и заканчивавшуюся просьбой обратить «*снисходительный* взор» на его труд, придать ему «новые силы» «*одобрительной улыбкой*» и т. д.

— ... *пахнет Шаликовскою невинностию*—иронический намек на слащавого сентименталиста, бездарного поэта, издателя «Дамского Журнала» кн. П. И. Шаликова.

— *Булгарин говорит, что Н. Бестужев...*—Имеется в виду отзыв Булгарина о статье Н. А. Бестужева в «Полярной Звезде»: «Об удовольствиях на море».

— *Арабская сказка*—«Витязь буланого коня», написана была О. И. Сенковским.

— *мадригал [А. Г.] Родзянки* «К милой», помещенный в «Полярной Звезде», заключал в себе две строки:

Вчера, сегодня, беспрестанно
Люблю и *мыслю* о тебе.

— «*Родина*» («Есть любимый сердца край»)—стихотворение П. А. Плетнева.

— *Баратынский чудо.*—Из стихотворений *Баратынского* в «Полярной Звезде» на 1824 г. напечатаны были «Истина», «Аглае», «Рим», «Признание» и «К ****». Белинский видел в «Истине» яркий пример того «несчастного раздора мысли с чувством, истины с верованием», который, по мнению Белинского, составляет сущность поэзии Баратынского. О «Признании» см. № 53, стр. 44, и прим. на стр. 468.

— *Мои пиэсы плохи...*—Из стихотворений Пушкина в «Полярной Звезде» на 1824 г. напечатаны: «К друзьям», «Нереида», «В альбом малютке», «К Морфею», «Элегия», «Отрывок из послания к В. Л. П[ушкину]», «Домовому», «Простишь ли мне ревнивые мечты...» и «Надпись к портрету».

— Замечание Пушкина о *недостатке плана* и о мотивах, побудивших его напечатать поэму, Булгарин перепечатал в извещении «Литературных Листков» (см. прим. к № 53).

— «*Aux douces loix...*»—из стихотворения А. Шенье «Юная узница».

56. П. А. Вяземскому. Письмо Вяземского, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— О *предисловии* кн. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» см. прим. к № 50.

— ...*твои давнишние замечания на Булгарина.*—Статья Вяземского «Замечания на краткое обозрение русской литературы 1822 года, напечатанное в № 5 Северного Архива, 1823 года» (см. Собр. соч., т. I, стр. 101—109).

— *Жизни Дмитриева еще не видал...*—см. черновое письмо к П. А. Вяземскому от 4 октября 1823 г. (№ 41), а также статью П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (1823) (Собр. соч., т. I. стр. 112—166). В 1876 г. Вяземский в приписке к этой статье писал: «Что люди, мне чужие обвинили меня в *слабости* к Дмитриеву и несправедливости к Крылову, это меня не очень озабочивало и смущало... но в числе обвинителей моих был и человек близкий, суд его был для меня многозначителен и дорог, он [Пушкин] мог задирать меня и совесть мою за живое». Далее Вяземский стремился доказать, что резкость суждений Пушкина о Дмитриеве вызвана была неласковым отношением Дмитриева к первым поэтическим опытам Пушкина.

57. П. А. Вяземскому. Письмо это лишь предположительно считают адресованным Вяземскому. Распечатанное и прочтенное на почте, оно послужило одним из главным поводов к исключению Пушкина со службы и к высылке из Одессы в Михайловское (см. *ППМ*, т. I, стр. 312).

— *Читая Шекспира и библию...*—Шекспира Пушкин в Михайловском читал во французском переводе, так как английский язык изучил позже (см. статью М. А. Цявловского «Пушкин и английский язык» в *ПС*, вып. XVII—XVIII). В библиотеке Пушкина сохранилось издание собрания сочинений Шекспира под ред. Ф. Гизо, Париж, 1821, 13 томов, и английский однотомник, Лейпциг, 1824 (*ПС.*, вып. IX—X, стр. 337—338).

— *предпочитаю Гете...*—Позже Пушкин называл Гете «великаном романтической поэзии» (см. стр. 324). О Гете и Пушкине см. статью Г. Глебова в сборнике «Звенья», вып. II, Academia, 1932.

— *Романтическая поэма*—«Евгений Онегин».

58. Л. С. Пушкину.

— ...*запишусь в гр. Хвостовы и сам раскуплю...*—Гр. Хвостов скупал у книгопродавцев издания своих сочинений, дарил их знакомым, рассы-

лал по библиотекам и т. п., не рассчитывая на то, что книги разойдутся без его участия.

— *Как можно печатать партикулярные письма*...—В извещении «Литературных Листков» о выходе «Бахчисарайского фонтана» (см. прим. к № 54) Булгарин своевольно напечатал выдержку из письма Пушкина к Бестужеву, в котором говорилось о «суеверном переложении в стихи» рассказа молодой женщины и т. д. (см. стр. 44).

— *А. Ф. Воейков* славился беззастенчивым отношением к чужой литературной собственности. В своих журналах и хрестоматиях он печатал также и произведения Пушкина без его ведома и согласия.

59. П. А. Вяземскому.

— *разговор прелесть*...—Об издании «Бахчисарайского фонтана» со статьей Вяземского «Вместо предисловия. Разговор между издателем и классиком» см. прим. к № 50.

—... *Думаю на-днях написать*...—см. статью Пушкина «Причинами, замедлившими ход нашей словесности» (№ 48).

— *Где его трагедии*...—Дмитриев—один из представителей салонного сентиментального направления в русской литературе—писал большей частью басни, вольно переведенные с французского (Гишар, Флориан, Лафонтен и др.), сказки, сатиры, мадригалы, песни и т. п. «Трагедий» или «эпических» и «дидактических» поэм у него не было вовсе.

— *Дядя В. Л.*—Василий Львович Пушкин.

— *А. Г. Северина*—приятельница Дмитриева, к которой обращены его многочисленные послания.

60. А. И. Казначееву. Отрывок из чернового письма к правителю канцелярии новороссийского генерал-губернатора Воронцова. В письме заключалась просьба об отставке. В другом черновике, от начала июня. Пушкин писал: «Я уже поборол в себе отвращение писать и продавать свои стихи из-за средств к жизни; самый большой шаг сделан, и если я еще пишу лишь под прихотливым влиянием вдохновения — то, раз стихи написаны, я уже смотрю на них исключительно как на товар, по стольку-то за штуку... Нет никакого сомнения, что граф Воронцов, человек умный,—сумеет <сделать меня виноватым> выставить меня в глазах общественного мнения виноватым: победа весьма лестная,—и я предоставляю ему наслаждаться ею в свое удовольствие, ибо так же мало забочусь об общественном мнении, как и о брани и о восторгах наших журналов» (см. *ППМ*, т. I, стр.324—325).

61. П. А. Вяземскому. Письмо Вяземского, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— *Пришли мне эпиграмму Грибоедова*...—эпиграмма А. С. Грибоедова на М. А. Дмитриева и А. Писарева (см. Собр. соч. Грибоедова, изд. Акад. Наук, т. I, стр. VII, XI, 23 и 286) и эпиграмма Вяземского на М. Дмитриева и Писарева «К журнальным близнецам» (Собр. соч., т. III, стр. 388):

Цып, цып! сердитые малютки!
Вам злиться, право, не под стать,
Скажите, стоило ль из шутки
Вам страшный писк такой поднять... и т. д.

— *В твоей эпиграмме неточность*...—Поправку Пушкина Вяземский принял.

— *То, что ты говоришь на счет журнала...*—П. П. Вяземский (сын П. А.) свидетельствует, что Пушкин и друзья его давно замышляли издавать журнал. Следы этой затеи восходят к 1819 г. Еще в письме от 30 мая 1820 г. П. А. Вяземский писал Пушкину: «Пока у нас не будет журнала с нравственною и политическою целью, писать весело нельзя. Мы все переливаем из пустого в порожнее и играем в слова, как в бирюльки» (*АП*, т. I, стр. 18—19). Очевидно, и в несохранившемся письме Вяземский говорил о необходимости иметь «свой журнал».

— ... *уступишь ли мне моего Катенина...*—О Катенине и Пушкине см. в книге Ю. Н. Тынянова «Архаисты и новаторы», изд. «Прибой», 1929.

— *Василий Львович*—Пушкин.

— О «*Revues des Bévues*» см. № 32 и примечания к нему.

— *Асмодей*—прозвище Вяземского по «Арзамасу».

62. Л. С. Пушкину.

— ...*Булгаринское вранье...*—заметка Булгарина, касающаяся статьи П. А. Вяземского «О Бахчисарайском фонтане не в литературном отношении» («Литературные Листки», 1824, № VII); в заметке Булгарин делал фактические поправки к статье Вяземского и сообщал «нелитературные» сведения: о гонораре Пушкина, об условиях издания поэмы и т. п.

— *как Вяземскому на письме...*—Подразумевается полемика Вяземского с М. Дмитриевым и др. (см. № 50).

— «*Северные Цветы*»—альманах, издаваемый Дельвигом в 1825—1831 гг. Пушкин постоянно сотрудничал в «Северных Цветах», а после смерти Дельвига издал «Северные Цветы» на 1832 г.

— ...*начал свои действия дедушка Шишков.*—А. С. Шишков был назначен в 1824 г. министром народного просвещения на место А. Н. Голицына.

— *Попытаюсь толкнуться ко вратам цензуры.*—Пушкин неоднократно выражал сомнение в том, что «Онегин» будет пропущен цензурой. «Не знаю, пустят ли этого бедного ,,Онегина“ в небесное царство печати» (А. И. Тургеневу—14 июля 1824 г.); «Я бы и из ,,Онегина“ переслал что-нибудь, да нельзя: все заклеймено печатью отвержения» (П. А. Вяземскому—15 июля 1824 г.); «Об моей поэме нечего и думать—если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге» (А. А. Бестужеву—8 февраля 1824 г).

63. П. А. Вяземскому. Письмо Вяземского, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— *тебе грустно по Байроне...* — Байрон умер в Греции 7 апреля 1824 г.

— .. *а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии...*— В Одессу, где в это время жил Пушкин, приехала В. Ф. Вяземская. П. А. Вяземский в письмах к жене неоднократно просил ее напомнить Пушкину «о надгробной песне Байрону» (см. «Остафьевский архив», т. V, вып. 1, стр. 11, 15, 17, 26). В. Ф. Вяземская отвечала, что Пушкин «положительно не хочет писать» о смерти Байрона, так как слишком занят, «захвачен» «Онегиным».

— «*Каин*»—мистерия (1821), «*Гяур*»—восточная поэма (1813). «*Странствования Чайльд-Гарольда*»—поэма (1809—1817), «*Дон-Жуан*»—неоконченная поэма в XVI песнях (1818—1823)—произведения Байрона.

— *Четвертая песнь «Чайльд-Гарольда»* была последней данью романтическому периоду в творчестве Байрона. Через год (1818) он написал венецианскую поэму «Беппо», в которой критики видят перелом в его творчестве в сторону реализма.

— *Твоя мысль воспеть его смерть в 5-й песни...*—П. А. Вяземский намеревался написать пятую песнь «Чайльд-Гарольда» и воспеть в ней смерть Байрона.

— *Да посмотри, что писал сам Байрон...*—Имеются в виду дополнительные примечания Байрона ко 2-й части «Чайльд-Гарольда» (см. соч. Байрона под ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 493).

— *Его Превосходительством* Пушкин шутливо называет Байрона. О смерти Байрона Пушкин так и не написал отдельного произведения, но в стихотворении «К морю» посвятил ему четыре строфы (10—13)— «маленькое поминаньице за упокой души раба божия Байрона» (*АП*, т. I, стр. 136). 9 сентября 1824 г. Вяземский писал Жуковскому: «У нас один Кюхельбекер провыл на его [Байрона] могиле. А от тебя и Пушкина не мог и добиться. Странные вы люди. Да будь я поэт, а не стихотворец, то я почти обрадовался бы смерти Байрона, как поэтическому кладу, брошенному с неба на прозаическую лощину нашего сухого века».

— *Фитой* Пушкин называл поэта Федора Глинку. Здесь он пародирует мотивы «небесной» поэзии «псалмопевца» Глинки.

64. А. А. Бестужеву. Письмо Бестужева, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось. Об обстоятельствах появления в «Полярной Звезде» на 1824 г. «Элегии» Пушкина см. *ППМ*, т. I, стр. 303.

— *М. Дмитриев да А. Писарев*—«журнальные близнецы», выступавшие против Вяземского (см. о полемике вокруг «Разговора издателя с классиком», прим. к № 50).

— *Я принужден был вмешаться...*—Вмешательство Пушкина в полемику выразилось в напечатании «Письма к издателю Сына Отечества» (см. стр. 41—42).

— *«Братья - разбойники»* были напечатаны в «Полярной Звезде» на 1825 г. Слово *«поп»* не было пропущено цензурой.

65. П. А. Плетневу.

— *«Ты издал дядю моего...»*—Стихотворения В. Л. Пушкина (изд. 1822 г.) вышли под наблюдением П. А. Плетнева.

— *«Хотя покойная Беседа...»*—«Беседа Любителей Русского Слова», которую Вяземский называл «Московско-Варяго-Халдейским обществом любителей словесности и губителей словесности», не пополняясь новыми силами, распалась по смерти Державина (1816). В. Л. Пушкин, состоявший в «Арзамасе», был одним из активных противников «Беседы».

— *...в отношении моего Онегина*—т. е. издания первой главы «Евгения Онегина», вышедшей в начале 1825 года.

66. П. А. Вяземскому. Поэма *«Цыганы»* начата была Пушкиным в Одессе в конце 1823 г. или в начале 1824 г. Отрывки из нее печатались в «Полярной Звезде» 1825 г., в «Московском Телеграфе» 1825 г. (№ 11) и в «Северных Цветах» на 1826 г. Отдельным изданием поэма вышла в 1827 г.

— *Маленькое поминаньице*—стихотворение «К морю», в котором Пушкин посвятил несколько строк памяти Байрона.

67. В. А. Жуковскому. Какие стихи Пушкин пересылал с братом, неизвестно.

68. Л. С. Пушкину.

—*...до обеда пишу записки...*—Речь идет о записках, которые были

сожжены Пушкиным после 14 декабря 1825 г., так как они могли, по его словам, «замешать имена многих, а может быть и умножить число жертв».

— *вечером слушаю сказки*...—В Михайловском Пушкину сказки рассказывала няня его Арина Родионовна, которой, по словам Анненкова, «сказочный русский мир был известен как нельзя короче». В одной из тетрадей Пушкин записал семь сказок со слов няни; там же есть записи народных песен о Стеньке Разине. Самим Пушкиным были сочинены три песни о Разине, не допущенные к печати «цензором» Пушкина Николаем I.

— *Чухонка Баратынского*.—Так Пушкин в шутку называет поэму Баратынского «Эда».

69. Л. С. Пушкину.

— *«Кларисса Гарлоу»*—роман в письмах С. Ричардсона (1749), английского писателя XVIII века, создателя сентиментального романа. Героиня романа Кларисса, идеальная девушка, должна по настоянию родных выйти замуж за ненавистного ей Сольмса. С помощью Ловласа она бежит из дому. Но Ловлас помогал Клариссе из сластолюбивых целей—он овладевает ею обманом, усыпив сонными каплями. Обесчещенная Кларисса умирает. Родственник Клариссы Морден убивает Ловласа на дуэли. (Ср. отзыв Пушкина о «Клариссе Гарлоу» в «Мыслях на дороге», стр. 312, и в отрывке из неоконченного «Романа в письмах», 1830.)

70. П. А. Вяземскому. Письмо Пушкина является ответом на письмо П. А. Вяземского от 6 ноября 1824 г. (см. *АП*, т. I, стр. 146—148). Там, между прочим, говорилось: «Твое любовное письмо Тани: *Я к вам пишу, чего же боле?*— прелесть и мастерство. Не нахожу только истины в следующих стихах:

Но, говорят, *вы нелюдим*.
В глуши, в деревне все вам скучно,
А мы ничем здесь не блестим.

Нелюдимому-то и должно быть *не скучно*, что они в глуши и ничем не блестят. Тут противумыслие».

— *Смерть моей тетки frétillon не внушила ли какого-нибудь перевода В. Л-чу?*..— В. Л. Пушкин отметил смерть своей сестры стихотворением «К ней» («Полярная Звезда» на 1825 г.). Здесь Пушкин уже явно издевательски запрашивает Вяземского о том, как отозвался на смерть своей сестры «любезный стихотворец». «Написал ли дядя шестистопную эпитафию à ma tante frétillon? Вот случай! А потоп-то! Жду на него водяного псалма Фиты»,— писал Пушкин в черновом этого письма к Вяземскому (см. *ППМ*, т. I, стр. 101).

Потоп—петербургское наводнение 1824 года, на которое Пушкин ждал отклика со стороны «псалмопевца» Ф. Глинки (*Фиты*).

71. Л. С. и О. С. Пушкиным.

— *Стих*: *«вся жизнь одна ли»*...— из «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824), напечатанного вместо предисловия к первой главе «Евгения Онегина».

— *Мих*.—Михаил Калашников, крепостной Пушкиных.

— *«Эда»*—поэма Баратынского, изданная в 1826 г., а до того печатавшаяся отрывками в журналах и альманахах.

72. А. Г. Родзянко.

— *Романтическая поэма «Чуп»* так и не была Родзянкой написана (см. его письмо к Пушкину от 10 мая 1825 г., *АП*, т. I, стр. 213—214).

1825

73. Изо всех родов сочинений самые неправдоподобные... Н. К. Козмин в примечаниях *ПА*, т. IX, Л., 1929, стр. 15, указывает, что заметка эта писалась едва ли не во время работы над «Борисом Годуновым», под влиянием прочитанного «Курса драматической литературы» А. Шлегеля, а также по ознакомлении со статьей Ф. Булгарина «Междудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве» (альманах «Русская Талия» на 1825 г.), являвшейся пересказом страниц из указанного труда Шлегеля. Заметка носит конспективный характер. В 1830 г. Пушкин вернулся к мысли дать статью о драматическом искусстве и набросал сжатое обозрение его развития с древнейших времен до начала XIX века. Там он, между прочим, также указывал, что «самая сущность драматического искусства исключает правдоподобие». В письме к Раевскому (см. № 101) повторяется та же мысль. Драматическое искусство постоянно занимало внимание Пушкина (см. письма к Бестужеву, Раевскому, Плетневу, №№ 79, 101, 169 и др.).

74. О г-же Сталь и о г. А. М-ве. Эта первая журнальная статья Пушкина[1] появилась в «Московском Телеграфе», 1825, № 12, стр. 255—259, под псевдонимом Ст. Ар. (Старый Арзамасец), и датирована 9 июня. Поводом к выступлению Пушкина послужила статья А. М[ухано]ва «Отрывки г-жи Сталь о Финляндии с замечаниями» («Сын Отечества», 1825, № 10, стр. 148—157). В статье Муханова разбирались путевые записки де Сталь «Dix années d'exil» («Десять лет изгнания») в той их части, где она описывала свой переезд из России в Швецию, «по печальным пустыням Финляндии»[2]. А. Муханов, не приводя особых доказательств, нападал на Сталь за то, например, что «финляндские беспредельные леса» показались ей скучными в их однообразии. В Муханове пробудился своеобразный «патриотизм» (он был адъютантом *финляндского* генерал-губернатора А. Закревского). Возражая с негодованием французской писательнице, он патетически описывал красоты северной природы и т. д.

Пушкин был хорошо знаком с творчеством и публицистической деятельностью де Сталь. Ее романы «Дельфина» (1802), «Коринна» (1807), ее книга «О Германии» (1810) были первыми толчками, направившими его от классицизма к романтизму. Политические взгляды Пушкина той поры также складывались под известным влиянием либеральных идей де Сталь, изложенных ею во «Взгляде на Французскую революцию», с которым Пушкин познакомился вскоре по выходе из лицея. Наконец, и личная судьба де Сталь, резко противопоставившей себя наполеоновской диктатуре и подвергшейся гонению со стороны Наполеона, казалась Пушкину заслуживающей уважения. Понятно поэтому, что появление статьи А. Муханова, направленной против де Сталь, статьи довольно беспринципной

[1] Если не считать «*Письмо* к издателю Сына Отечества» (1824).

[2] Отрывки из книги «Dix années d'exil», касающиеся России, печатались в «Новостях Литературы» А. Воейкова (1822, кн. I).

и пустой, вызвало раздражение со стороны Пушкина, и он счел необходимым дать отповедь критику книги де Сталь.

— *«Десять лет изгнания»* появились в 1820 г.

— *почтим ее славную память...*—Де Сталь умерла в 1817 г.

— По поводу выражения: *дочь Неккера, гонимая Наполеоном и покровительствуемая великодушием русского императора*, Пушкин в июле 1825 г. писал Вяземскому (см. № 100), что «оно поставлено, во-первых, ради цензуры, а во-вторых, для вящего анонима...»

— *Уважен хочешь быть...*—несколько видоизмененный стих Вяземского из «Послания М. Т. Каченовскому» (1821): «Уважен будешь ты, когда других уважишь».

75. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. Впервые статья появилась в «Московском Телеграфе», 1825, № 47, стр. 40—46, за подписью Н. К., и с датой 12 августа. Поводом к написанию ее послужило издание в Париже в 1825 г. восьмидесяти шести басен И. А. Крылова в переводе на французский и итальянский языки, со вступительной статьей члена Французской Академии, литератора и историка Пьера Лемонте. Издание было задумано гр. Г. В. Орловым и осуществлено с помощью пятидесяти девяти литераторов и ученых. Как видно из примечания Пушкина, он познакомился со статьей Лемонте не в оригинале, а в переводе, помещенном в «Сыне Отечества» (1825, №№ 13 и 14) с критическими замечаниями анонимного переводчика. Статья показалась Пушкину «очень замечательной», но требующей известных уточнений, поправок и возражений, особенно «там, где автор должен был писать по наслышке».

— *...способ перевода, столь блестящий и столь недостаточный...*— Этот способ перевода басен Крылова на французский и итальянский языки был таков: некто И. Эйнерлинг сделал подстрочный перевод восьмидесяти шести басен Крылова, а затем они были розданы для переложения в стихи пятидесяти шести литераторам и ученым.

— *... несчастным Рихманом.*—Академик Г. Рихман, повторявший опыты Франклина, был убит молнией во время наблюдений над электричеством 26 июля 1753 г.

— *Точные науки были всегда главным и любимым его занятием...*—ср. «Мысли на дороге», стр. 315 («Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах...» и т. д.). Пушкин сохранил навсегда взгляд на деятельность Ломоносова, как на деятельность «великого человека, но не поэта».

— *«Он наших стран Мальгерб...»*—цитата из эпистолы А. П. Сумарокова «О стихотворстве». Сравнивается со стихом Буало о Малербе в «Поэтическом искусстве».

— *M-es du Deffand, Boufflers, d'Epiney...* — Маркиза *дю Дефан*, Мария (1697—1780)—французская писательница, в салоне которой собирались представители литературы и искусства. Оставшаяся после нее весьма интересная переписка со многими выдающимися лицами ее времени (Уольполем, Вольтером и др.) говорит о ее незаурядном уме. Маркиза *Буфлер* (ум. в 1787)—одна из остроумнейших женщин двора польского короля Станислава в Люневиле, отличалась эпикурейскими взглядами и не очень строгой нравственностью. Г-жа *Эпинэ* (1725—1783) находилась в общении со многими французскими литераторами второй половины XVIII века. Ее «Mémoires et correspondances» пользовались большим успехом у современников.

— *civilisation Européenne* — европейская цивилизация; в подлиннике Лемонте: «Sociabilite Européenne»— европейская общительность.

— *Лафонтен и Крылов—представители духа обоих народов*—см. письмо Вяземского к Пушкину (*АП*, т. I, стр. 305), в котором он, одобряя в целом статью Пушкина, восстает против его мнения, что Крылов—«представитель духа народного»; см. также ответ Пушкина (стр. 88 и прим. к № 112).

— ... *сближение Крылова с Карамзиным*...—Ошибочное с точки зрения Пушкина сближение Крылова с Карамзиным и рассуждение Лемонте о непригодности русского языка к метрическому стихосложению см. «Сын Отечества», 1825, № 13, стр. 74, и № 14, стр. 180.

76. Об Андрее Шенье. Данная заметка является примечанием Пушкина к его элегии «Андрей Шенье» (1825).

— *André Chenier погиб*...—Шенье был гильотинирован 27 июля 1794 г. При жизни Шенье было напечатано только два его стихотворения. В 1802 г. Шатобриан в примечаниях к своему «Гению христианства» привел два отрывка из стихотворений Шенье, сопроводив их высокой оценкой поэта. Первое собрание сочинений Шенье вышло в 1819 г. Издание это сохранилось в библиотеке Пушкина.

77. К. Ф. Рылееву. Пушкин отвечает на письмо К. Ф. Рылеева (см. *АП*, т. I, стр. 166), в котором тот поздравляет Пушкина с выходом «Цыган».

— ... *для Войнаровского*...—поэма Рылеева «Войнаровский», отрывки из которой печатались в «Полярной Звезде» на 1824 г.

— «*Orlando furioso*» (1507—1532)—«Неистовый Орланд», романтическая поэма итальянского поэта Ариосто.

— «*Гудибрас*» (1663—1678)—реакционная сатирическая поэма английского поэта С. Бетлера, направленная против пуритан и английской республики (времена Кромвеля).

— «*La Pucelle d'Orléans*» (1762)—«Орлеанская Девственница», поэма Вольтера. В 1818 г. Пушкин назвал «Pucelle» в послании к Кривцову «библией харит». Существует пушкинский перевод первых стихов «Орлеанской Девственницы».

— «*Вер-Вер*»—фривольная поэма французского поэта Ж.-Б. Грессе.

— «*Реникефукс*»—«Рейнеке-лис», средневековая поэма. Существует целый ряд французских, немецких и других вариантов ее. Самым поздним вариантом воспользовался Гете, воспроизведя почти дословно нижненемецкую поэму «Reinke de Vos» Г. Алькмара (1498).

— «*Душенька*» (1775)—поэма И. Ф. Богдановича, обработка в легкой, шутливой форме древнегреческого мифа об Амуре и Психее (психе—по-гречески душа).

— ...*о критической статье Плетнева.*—В «Северных Цветах» на 1825 г. (стр. 1—80) была напечатана статья Плетнева «Письмо к гр. С. И. С[оллогуб] о русских поэтах». В статье Плетнев полемизировал с графиней, заявившей ему, что ни один русский поэт не может заменить ей Ламартина. Защищая русскую поэзию, Плетнев восторженно писал о «золотом веке» нашей словесности, начавшемся с Жуковского, характеризовал поэзию Батюшкова, Пушкина, Гнедича, Вяземского, Крылова и т. д. Пушкину статья эта не понравилась. В письме к Вяземскому (см. № 78) он называет ее «ералашью». В недошедшем до нас письме к Плетневу он дал разбор этой статьи. Судить о содержании возражений Пушкина можно лишь по сохранившемуся ответу Плетнева, который, соглашаясь с общей

оценкой Пушкина, постарался объяснить ему, чем обусловлены были слабости данной статьи (*ЛП*, т. I, стр. 174).

— ... *уважим в нем несчастия*...—Ипохондрия, которой давно страдал Батюшков, к 1822 г. перешла в полное психическое расстройство, продолжавшееся, с очень редкими проблесками сознания, в течение 34 лет, до самой смерти поэта.

78. П. А. Вяземскому.

— «*Черта местности*»—шуточное стихотворение Вяземского (см. Собр. соч., т. III, стр. 385).

— «*Простосердечный*[1] *ответ*»—см. там же, т. III, стр. 386:

С подагрою в груди супруг седой,
Предчувствуя уж запах близкий ели,
В последний час на роковой постели,
Прощаяся с молоденькой женой,
Ей говорил сквозь кашель и сквозь слезы:
Вдовой тебя оставить больно мне.
Но ах! Еще мучительней вдвойне
Мне страх, что год пройдет и снова розы,
Моим в гробу ручаясь крепким сном,
Блеснут тебе пред брачным алтарем...
Другой супруг... за гробом ревность мучит.
Ты молода, вдоветь тебе соскучит.
Ох, нет! жена в ответ ему... Клянусь,
Голубчик мой, что твой поклеп обиден.
Дай овдоветь: вдовства я не боюсь,
Мне жребий вдов был завсегда завиден.

— *Руссо*, Жан-Батист (1670—1741)—лирический поэт, преемник Буало; писал наряду с одами и кантатами эпиграммы, посвященные скабрезным анекдотам о монахах. В лицее Пушкин изучал Руссо как образцового поэта, перевел его эпиграмму («Супругою твоей я так пленился...»), подражал ему («Леда»). Впоследствии продолжал ценить в нем только эпиграмматиста.

— *напечатай где-нибудь*.— Вяземский отдал эпиграмму Полевому в «Московский Телеграф», где она и была напечатана (1825, № 3).

— ... *статью, что написал наш Плетнев*—«Письмо к гр. С. И. С[оллогуб] о русских поэтах» (см. прим. к № 77).

— ...*вступился за немцев против Бестужева*...— Имеется в виду статья А. Бестужева, в которой дан разбор книги Д. Бауринга «Русская антология, или Образчики русских поэтов»,ч. II, помещенная в «Литературных Листках» Булгарина (1824, № XIX—XX).

— «*Наш друг Фита Кутейкин*...»—Эпиграмма на Ф. Глинку вызвана была появлением в журналах его переложений псалмов, вышедших впоследствии отдельной книгой («Опыты священной поэзии», Спб., 1826).

79. А. А. Бестужеву.

— *Слушал Чацкого*...—Рассказывая о своем приезде в Михайловское к «опальному» поэту, И. И. Пущин говорит: «Я привез Пушкину в подарок „Горе от ума“. Он был очень доволен этою тогда рукописной комедией, до того ему почти вовсе незнакомою. После обеда, за чашкою кофею, он начал читать ее вслух; но опять жаль, что не припомню теперь метких его

[1] Пушкин пишет: *Чистосердечный*.

замечаний, которые впрочем потом частично явились в печати» (И. И. Пущин, «Записки о Пушкине и письма», Гиз, 1927, стр. 86).

— *Cléon* (Клеон), *Жеронт и Хлоя*— действующие лица комедии Грессе «Злой человек» (1745).

— *Олег*—«Песнь о вещем Олеге» Пушкина, напечатанная в «Северных Цветах» на 1825 г.

80. П. А. Вяземскому.

— *Пришли же мне ваш Телеграф*...— О возникновении журнала «Телеграф», который стал выходить в Москве с января 1825 г., Вяземский рассказывает в «Автобиографическом введении» (Собр. соч., т. I, стр. XLVIII). Этот журнал Н. Полевого возник при содействии и поддержке Вяземского.

— *что за прелесть его послание*...—«Послание к N. N. о наводнении Петрополя 1824 г., 7 ноября» Хвостова напечатано было в «Невском Альманахе» на 1825 г.; одновременно печаталось отдельным изданием с приложением перевода на немецкий язык. «Прелестью» Пушкин называет его, конечно, иронически. Ср. в «Медном всаднике»:

... Граф Хвостов,
Поэт любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

— *Филимонов*, Владимир Сергеевич—автор шутливой поэмы «Дурацкий колпак», водевилей, басен и т. д.; напечатал в № 13 «Русского Инвалида» за 1825 г. обширное объявление, в котором весьма велеречиво и напыщенно предуведомлял читателей об издании книги «Искусство жить» («Желая отныне посвятить—доколе Парки неумолимые позволят—жизнь свою трудам литературным, я приступаю...» и т. д.).

81. Л. С. Пушкину.

— *жду шума*...—в связи с выходом первой главы «Евгения Онегина» (15 февраля 1825 г.).

— *Conversations de Byron*—«Разговоры Байрона» (см. стр. 80).

— *Записки Фуше*.—Пушкин просит о присылке «Записок» знаменитого *Fouché*—Жозефа Фуше, деятеля Французской революции, депутата Конвента, ставшего затем наполеоновским министром полиции. Жозеф Фуше, служивший при всех режимах, известен своими систематическими предательствами, головокружительными интригами, двуличием, шпионажем и т. п. «Записки» (признанные впоследствии подложными) изданы в двух томах в Париже.

— *Bertrand и Monthaulon*.—Граф Г. Бертран, граф К. Монтолон и барон Г. Гурго, жившие с Наполеоном «на скале» (остров Св. Елены), были издателями «Мемуаров» Наполеона (Париж, 1822—1823).

— *Мой Коншин*—поэт В. И. Туманский, названный так «насмех Плетневу, возившемуся тогда со „своим Коншиным", плохим стихотворцем, которого, однако, П. А. Плетнев ставил впоследствии выше Лермонтова» (см. *ППМ*, т. I, стр. 400). Речь идет о стихотворении Туманского «Девушка влюбленному поэту» («Новости Литературы», 1825, № 2, стр. 95—96).

— *Кроме авторами*—т. е. в стихотворении (Туманского) все «мило», кроме выделенной курсивом строки:

Начну ль беседовать я с вами,
Как будто сидя с Авторами,

Вам замечательней всего
Ошибки слога моего...

См. письмо к Туманскому (№ 104), где Пушкин предлагает исправить отмеченное неудачное место.

— *его Элегия в Цветах*...—«Элегия» Туманского (см. «Поэты Пушкинской поры», М., 1919, стр. 24—25).

— «*Палей*»—второй отрывок из поэмы Рылеева «Хмельницкий» («Северная Пчела», 1825, № 2). Поэма осталась незаконченной.

— ... *Плетнев неосторожным усердием*...—Повидимому, здесь говорится о чрезмерных похвалах Плетнева Баратынскому в статье «Письмо к гр. С. И. С[оллогуб] о русских поэтах». В письме к Пушкину от 7 февраля 1825 г. Плетнев, оправдываясь и по пунктам разъясняя ошибки и неточности своих формулировок, писал: «8) об *языке чувств* неясно выразился. Мне хотелось сказать, что до Баратынского, Батюшкова и Жуковского, особенно ты, показали едва ли не все лучшие элегические формы, так что каждый новый поэт должен бы непременно в этом роде сделаться чьим-нибудь подражателем, а Баратынский выплыл из этой опасной реки—и вот что особенно меня удивляет в нем» (*АП*, т. I, стр. 175).

— «*Эда*»—поэма Баратынского. Отдельным изданием она вышла в 1826 г. Пушкин тогда же обратился к Баратынскому с маленьким посланием по поводу «Эды»:

Стих каждый повести твоей
Звучит и блещет, как червонец,
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой Зоил, ей-ей, чухонец.

«*Зоил*» *Баратынского*.—Ф. В. Булгарин писал в «Северной Пчеле»: «В повести *Эда* описание зимы, весны, гор и лесов Финляндии прекрасны, Но в целом повествовании нет той возвышенной пленительной красоты, которой мы удивляемся в *Кавказском Пленнике*, *Цыганах* и *Бахчисарайском Фонтане* А. С. Пушкина...» и т. д. Булгаринскую статейку эту Пушкин назвал «неприличной».

— *Бедный Баратынский* жил в это время в Финляндии в «опале», служа рядовым в Нейшлотском полку. Причиной ссылки был неблаговидный поступок, совершенный им в Пажеском корпусе.

— ... *Рылееву в новой его поэме*...—«Войнаровский» (см. прим. к № 77).

82. П. А. Вяземскому.

— В «*Разговоре книгопродавца с поэтом*», служившем вступлением к первой, отдельно изданной, главе «Евгения Онегина», находились строки:

Пускай их [дев] Шаликов поет,
Любезный баловень природы...

В последующих изданиях «Шаликов» заменено словом «юноша». Шаликов отвечал посланием «К А. С. Пушкину (На его отречение петь женщин)» («Дамский Журнал», 1825, № 8).

— О «*Телеграфе*» см. прим. к № 80. В № 1 «Телеграфа» было напечатано стихотворение Пушкина «Телега жизни».

— «*Edimbourg review*»—см. прим. к № 123.

— ... *что издание Фонвизина*—речь идет о биографии Фонвизина, начатой Вяземским еще в 1819 г. и законченной лишь в 1848 г.

83. Н. И. Гнедичу.

— *Песни греческие*—«Простонародные песни нынешних греков», Спб., 1825, сборник переводов Гнедича, с приложением подлинников и с введением, в котором переводчик сравнивал греческие народные песни с русскими.

— ...*о скором совершении вашего Гомера.*—«Илиада» в переводе Гнедича вышла в свет в 1829 г. (см. рецензию Пушкина, стр. 180).

— *Ахилл в вертепе Кентавра.*—Ахилл, герой «Илиады», был воспитан мудрым кентавром Хироном в горах Фессалии.

— *писали вы мне когда-то.*—Это письмо Гнедича неизвестно.

84. А. Н. Вульфу.

— *Послание Языкова*—«А. С. Пушкину» («Не вовсе чуя бога света...»), напечатано было лишь после смерти Пушкина, в «Современнике», 1837, кн. VI. Оно явилось ответом на послание Пушкина к Языкову «Издревле сладостный союз поэтов меж собой связует...» Посланиями поэты обменялись до личного знакомства, которое состоялось в 1826 г. К поэзии Пушкина Языков относился холодно, не понимал ее (см. «Языковский архив», т. I, Спб., 1913, а также Д. Садовников, «Отзывы современников о Пушкине»—«Исторический Вестник», 1883, № 12, стр. 520—542).

О какой *чувствительной Элегии* Языкова идет речь—нам неизвестно.

85. Л. С. Пушкину.

— *Каченовский восстал* на Пушкина, напечатав в своем «Вестнике Европы» (1825, № 17, стр. 23—34) статью некоего И. Р-ина «Нечто о споре по поводу Онегина». Тон этой критики показался Пушкину, очевидно, «неблагопристойным», и в начале апреля он переслал брату эпиграмму на Каченовского «Жив, жив курилка...», не пропущенную цензурой в «Московском Телеграфе».

— «*Один сижу во компании*, никого не вижу...»—народная песня, вошедшая в «Собрание разных песен» (1770), изданное М. Д. Чулковым.

86. Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу.

— *получил я мою рукопись.*—Речь идет о подготовлявшемся сборнике «Стихотворения Александра Пушкина», который вышел в свет в 1826 году.

— «*Он мнил, что вы с ним однородные...*»—из стихотворения Жуковского «Мотылек и цветы». Приводим начало стихотворения («*что прелестнее строфы*»):

Он мнил, что вы с ним однородные,
Переселенцы с вышины.
Что вам, как и ему, свободные
И крылья и душа даны.
Но вы к земле, цветы, прикованы
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вам не разогреть.

и конец его (*«конца не люблю»*):

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет,
О дума, сердца упование
На лучший неизменный свет!
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл.

— *Брат Плетнев! не пиши добрых критик...*—О критической деятельности Плетнева, отличавшегося мягкостью суждений, нелюбовью к полемике и добросердечием, см. Л. Майков, «Памяти Плетнева», приложение № 6 к т. LXX «Записок Академии Наук», Спб., 1892.

87. Л. С. Пушкину. Какие произведения пересылал Пушкин при этом письме, неизвестно.

— *«Сухое объявление Пчелы»*—заметка в «Северной Пчеле», 1825, № 23, о выходе первой главы «Евгения Онегина».

88. А. А. Бестужеву. Для более ясного понимания этого письма следует ознакомиться с обширным письмом А. А. Бестужева к Пушкину от 9 марта 1825 г. (*АП*, т. I, стр. 186—188), которое является ответом на несохранившееся письмо Пушкина, а также с письмом К. Ф. Рылеева к Пушкину от 10 марта 1825 г. (*АП*, т. I, стр. 188—189). Рылеев 10 марта 1825 г. писал Пушкину: «Не знаю, что будет *Онегин* далее: быть может, в следующих песнях он будет одного достоинства с *Дон-Жуаном*... но теперь он ниже *Бахчисарайского Фонтана* и *Кавказского Пленника*. Я готов спорить об этом до второго пришествия. Мнение Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэт, описавший колоду карт лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника...» и т. д.

— *Bowles и Byron в своем споре...* — В споре с поэтом Боульсом по вопросу о том, что предпочтительнее—изображение природы или изображение тленных искусственных вещей,—Байрон высказал мнение, что писатель, сумевший сделать поэтический предмет из колоды карт, конечно выше того, кто вяло описывает деревья, соблюдая, например, только верность внешних их признаков.

— *Откуда ты взял, что я льщу Рылееву...*—«Ты великий льстец нащет Рылеева»,—писал Бестужев Пушкину. «Ты великий льстец,—повторял Рылеев,—вот все, что могу сказать тебе на твое мнение о моих поэмах».

— *Очень знаю, что я его учитель...*—«Ты завсегда останешься моим учителем в языке стихотворном» (письмо Рылеева к Пушкину от 10 марта 1825 г.).

— *Ты смотришь на Онегина не с той точки...* — Бестужев, как и Рылеев, ставил «Евгения Онегина» ниже предыдущих поэм Пушкина. Например, он считал, что картины петербургского света хоть и прелестны, но не полны. Он сравнивал «Евгения Онегина» с «Дон-Жуаном» и ставил Пушкину в пример «злую», «свежую» сатиру Байрона и уменье его очерчивать характеры. В «Полярной Звезде» на 1825 г. Бестужев оценивал «Евгения Онегина» несколько уклончивей, нежели в письме. Работу Пушкина над поэмой он уподоблял бесплодным стараниям «индейского брамина» «вырезывать изображения из яблочного семячка».

89. Л. С. Пушкину.

— *Бабушкин Кот* и *Аристарх* (а не *Тр.*, как пишет Пушкин) *Фалалеич Мурлыкин*—действующие лица в повести А. Погорельского (Перовского) «Лафертовская маковница», напечатанной в «Новостях Литературы», 1825, кн. XI.

— *Вот в чем должно состоять предисловие...*—предисловие к «Стихотворениям» Пушкина, вышедшим в 1826 г. (см. *ПИМ*, т. I, стр. 421).

— *...Я забыл заметить это Вяземскому.*—Речь идет о предисловии П. А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану». См. прим. к № 50.

90. П. А. Вяземскому.

— *Кюхельбекерский Державин*—см. прим. к № 27.

— *Я было на Полевого очень ощетинился за «Невский Альманах».*—В Невском Альманахе» на 1825 г. была напечатана «Элегия» Н. А. Полевого, пародирующая «Сельское кладбище» Грея в переводе В. А. Жуковского. В своем журнале «Московский Телеграф», 1825, № 4, Полевой опротестовал появление без его ведома и позволения «этой вздорной давнишней пародии». Пародию Полевого см. в сборнике «Мнимая поэзия», Academia, 1931, стр. 203—210.

— *Под Бирукова*—т. е. на рассмотрение цензора Бирукова.

— *Из послания к Чедаеву вымарал я стихи...*—Пушкин устранил стихи, относящиеся к приятелю Вяземского Ф. И. Толстому-Американцу. (см. прим. к № 26).

— «*Гяур*» (1813) и «*Абидосская невеста*» (1813)—восточные поэмы Байрона.

91. П. А. Вяземскому.

— *Анна Львовна* Пушкина (род. в 1769)—тетка Пушкина по отцу, умершая 14 октября 1824 г. Очень любивший сестру В. Л. Пушкин посвятил памяти ее сентиментальное стихотворение «К ней» («Где ты, мой друг, моя родная...»), напечатанное в «Полярной Звезде» на 1825 г. Приведенная в письме Вяземскому элегия была написана Пушкиным совместно с А. А. Дельвигом, приезжавшим в Михайловское через полгода после смерти А. Л. Пушкиной. Эта коллективно написанная пародийная элегия («Ох тетенька, ох Анна Львовна...») доставила много неприятностей Пушкину, так как Василий Львович был весьма раздражен ею, и в письме от 12 сентября 1825 г. Пушкин просил Вяземского уверить В. Л. Пушкина, что эта элегия была написана вовсе не им, А. С. Пушкиным (см. № 109).

92. Л. С. Пушкину.

— «*Жив, жив курилка!...*»—см. прим. к № 85.

— *Лже-Дмитриев*—М. А. Дмитриев, прозванный так в отличие от поэта И. И. Дмитриева. О полемике его с Вяземским *(2-й разговор)* см. прим. к № 50.

— *Слепой поэт*—И. И. Козлов, выпустивший тогда поэму «Чернец» и приславший ее Пушкину с собственноручной надписью (см. Послание Пушкина к Козлову—«Певец, когда перед тобой...»). «Чернец» имел в свое время большой успех и. вызвал немало слез «прелестных читательниц» (В. Г. Белинский).

— *Послание, может быть, лучше поэмы...*—Послание Козлова «К другу В. А. Жуковскому», напечатанное вместе с поэмой. В послании этом Козлов описывал постепенную утрату зрения («*затмение*»). Белинский называл это послание «поэтической исповедью слепца-поэта».

— *пришли мне последнюю Genlis—да Child-Harold Lamartine.*—О Жанлис см. Указатель имен. *Child-Harold*—«Le dernier chant du Pélègrinage d'Harold»—поэма Ламартина, являющаяся как бы «окончанием» (V песнью) незавершенной поэмы Байрона.

— *Талия*—«Русская Талия», театральный альманах, изданный Ф. В. Булгариным.

— «*Ворожея, или Танцы духов*»—водевиль А. Шаховского, отрывки из которого были помещены в «Русской Талии».

— *Хмельницкий.*—В «Русской Талии» были помещены отрывки из нескольких комедий и водевилей Н. И. Хмельницкого. В «Евгении Онегине» о Хмельницком никаких упоминаний нет.

— *Анахарзис Клоц* — шутливое прозвище В. К. Кюхельбекера, по имени французского революционера Жана-Батиста-Анахарсиса Клоца, члена Конвента, казненного в 1794 г.

— *Резвоскачущая кровь*—выражение из послания Кюхельбекера к «А. С. Грибоедову» («Московский Телеграф», 1825, № 2, стр. 118—119). Пушкин в «Оде Его Сиятельству графу Д. И. Хвостову» использовал этот «образ» в пародийном плане. У Кюхельбекера:

Святые таинства высокого искусства
И *резвоскачущая* кровь.

У Пушкина:

... кровь Эллады
И *резво скачет* и кипит.

— ... *целые строфы потонут.*—Действительно, из оды А. С. Пушкина «Наполеон» (1821), вошедшей в издание 1826 г., цензурой был устранен целый ряд строф (4, 5, 6 и 8).

93. П. А. Вяземскому.

— ... *что сказал ты обо мне в Телеграфе*—статья Вяземского «Жуковский. Пушкин. О новой пиитике басен» (см. Собр. соч., т. I, стр. 178—183), впервые помещенная в «Московском Телеграфе», 1825, № 4, в которой Вяземский полемизирует с неизвестным автором «Письма на Кавказ» («Сын Отечества», 1825, № 2). Автор «Письма на Кавказ», рассуждая о поэзии, ставил Пушкина выше Жуковского, но, по словам Вяземского, «не определив степени ни того ни другого, пустился в одну пустую издержку слов».

— ...*ты слишком бережешь меня в отношении к Жуковскому.*—В статье своей Вяземский писал: «В Пушкине ничего нет Жуковского, но между тем Пушкин есть следствие Жуковского», подчеркивая тем самым преемственность его поэзии.

— *Voss*—Фосс, И. Г., немецкий переводчик Гомера и других греческих и латинских поэтов.

— ... *слог его еще мужает...* — ср. прямо противоположное мнение Рылеева, считавшего влияние Жуковского на стихотворный слог благотворным, а влияние на дух поэзии «пагубным» («мистицизм... мечтательность... неопределенность»). «Зачем не продолжает он дарить нас прекрасными переводами... Это более может упрочить славу его» (*АП*, т. I, стр. 177).

— *Былое сбудется опять*—из стихотворения Жуковского («Я музу юную, бывало, Встречал в подлунной стороне...», 1823).

— *Читал твое о Чернеце*...—см. статью Вяземского «Чернец. Киевская повесть. Соч. И. Козлова» (Собр. соч., т. I, стр. 186—192), написанную с большим сочувствием к автору «Чернеца» и напечатанную в «Московском Телеграфе», 1825, № 4.

— *У него есть какой-то там палач*...—В поэме «Войнаровский» Мазепе в бреду представляется казнь Кочубея и Искры. Он видит палача:

Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки,
Вот покатилась голова...
И вот другая, все трепещут.
«Смотри, как страшно очи блещут!»

По словам Н. А. Бестужева, Пушкин послал Рылееву экземпляр «Войнаровского» со своими пометками и замечаниями. Против стихов о палаче Пушкин написал: «Продай мне этот стих!» (см. «Воспоминания Бестужевых», М., 1931, стр. 78). Ср. картину казни в «Полтаве» Пушкина.

— *Стихи Неелова прелесть*...—Пушкин прозвал эти стихи «poésies maternelles», т. е. матерными стихами (о Неелове см. «Русские Пропилеи», М., 1916, т. II, стр. 9—19).

— *Неужто он обижается моими стихами*...—т. е. «мадригалом» Шаликову (см. прим. к № 82).

— *Ты, кажется, любишь Казимира*... — французского поэта Казимира де Ля Винь.

— *Первый гений там будет романтик*...—ср. стр. 41: «Первый поэтический гений в отечестве Буало ударится в такую бешеную свободу» и т. д.

— *Ты вызываешься сосводничать мне Полевого*...—Вяземский, при помощи которого возник журнал Полевого «Московский Телеграф», деятельно участвовал сам и энергично привлекал к участию в нем своих друзей: Жуковского, А. Тургенева, Баратынского, Языкова и Пушкина. Пушкин поместил в «Телеграфе» в 1825 и в 1826 гг. несколько стихотворений и две статьи.

— *В Италии, кроме Данте единственно*...—В № 8 «Московского Телеграфа» Полевого в критической статье о «Полярной Звезде» на 1825 г. говорилось, что в Италии Данте был единственным романтиком и что романтизм «не овладеет» там литературой.

— «*Buova d'Antona*» (1489)—итальянская сказка, послужившая прообразом русской сказки «Бова Королевич».

— «*Orlando inamorato*»—«Влюбленный Роланд», поэма Баярда (1495), тема которой была затем развита Ариосто в «Orlando furioso»—«Неистовый Роланд».

94. К. Ф. Рылееву. Пушкин отвечает на письмо Рылеева от 12 мая 1825 г. (см. *АП*, т. I, стр. 215—216).

— *Замечания мои на Войнаровского*...—Замечания эти не сохранились. Судить о них можно лишь по воспоминаниям друзей Рылеева. См. «Воспоминания Бестужевых», М., 1931, стр. 78.

— «*Петр (Великий) в Острогожске*» (1823)—«дума» Рылеева.

— «*Иван Сусанин*»—«дума» Рылеева, напечатанная впервые в «Полярной Звезде» на 1823 г.

— О *гербе России*—см. прим. к № 32.

— «*Исповедь Наливайки*»—третий отрывок из поэмы «Наливайко», особенно нравившийся самому Рылееву (см. письмо от 12 мая 1825 г., *АП*, т. I, стр. 215—216).

95. В. А. Жуковскому.

— *Н. М.*—Н. М. Карамзин, который в 1820 г. хлопотал перед двором о смягчении участи Пушкина; он 17 мая 1820 г. писал П. А. Вяземскому, что Пушкин дал ему слово «уняться».

— *Пятистопным ямбом без рифм* написан «Борис Годунов».

— *Зачем слушаешься ты маркиза Блудова...*—Трехтомное издание «Стихотворений» Жуковского, вышедшее в 1824 г., печаталось под наблюдением Блудова.

— *... он не исключил из Собрания послания к нему...*—Посланием к Блудову Пушкин называет посвящение Жуковским Блудову баллады «Вадим» (1817).

— «*Веселого пути...*»—пародия на начало послания Жуковского «К Блудову при отъезде его в турецкую армию» (1810): «Веселого пути любезному желаю Ко древнему Дунаю; забудь покой, лети...»

— *Надпись к Гете*—«К портрету Гете»—четверостишие Жуковского (1819):

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию над миром он носился
И в мире все постигнул он—
И ничему не покорился...

— «*Ах, если б мой милый...*»—из стихотворения В. А. Жуковского «Мечта» (1818):

Ах, если б мой милый был роза цветок.
Его унесла бы я в свой уголок... и т. д.

— *Гению*—стихотворение В. А. Жуковского «К мимопролетевшему знакомому гению» (1819):

Скажи, кто ты, пленитель безымянный?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране? и т. д.

— «*Водолаз*»—баллада Шиллера. До перевода Жуковского была напечатана в «Сыне Отечества», 1820, № 21, стр. 83, в переводе И. Покровского. Свой перевод Жуковский закончил лишь в 1831 г., озаглавив балладу «Кубок».

— *Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов?*—см. письмо Жуковского к Пушкину, *АП*, т. I, стр. 217: «Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих Цыган! Но, милый друг, какая цель!»

96. А. А. Бестужеву.

— *Отвечаю на первый параграф твоего Взгляда...*—Пушкин оспаривает здесь суждения А. Бестужева, высказанные им в статье «Взгляд на русскую словесность в течении 1824 и начале 1825 годов» («Полярная Звезда» на 1825 г., стр. 1—23). Бестужев полагал, что «словесность всех народов» подчинена «общим законам природы», по которым за первым ее веком гениев, «веком творения и полноты, следует век посредственности, удивления и отчета (критики)». «Так было везде, кроме России», где, по мнению Бестужева, «век разбора» предшествовал «веку творения».

Эта статья Бестужева вызвала у Пушкина возражение и в виде наброска плана журнальной статьи (рукопись этого наброска обнаружена недавно в Ульяновске. «Труды Публичной Библиотеки СССР им. Лени-

на, вып. III, изд. Academia, 1934, отдел «Рукописи Пушкина» под ред. М. А. Цявловского, стр. 16—17:

«Бестужев предполагает, что словесность всех исторических народов следовала общим законам природы. (Что это значит?) Первый век ее был возрастом гениев.

Кажется, автор хотел сказать, что всякая словесность имеет свое постепенное развитие и упадок.—Нет.—Автор первым ее периодом предполагает век сильных чувств и гениальных творений. По времени круг сей (какой?) etc. (следовательно настает новый период, но г-н Бестужев сливает их в одно и продолжает: Засим и проч. Так было везде.—Нет. О греческой поэзии судить нам невозможно, до нас дошло слишком мало памятников [*нрзбр*]. О греческой критике мы не имеем понятия, но мы знаем, что Геродот жил прежде поэзии Эсхила—гениального творца трагедии.

Невий предшествовал Горацию, Энний Виргилию, Катулл Овидию, Гораций Квинтилиану, Лукан и Сенека явились гораздо позже. Все это не может подойти под общее определение г-на Бестужева.—

Спрашивается, которая из новейших словесностей являет постепенность, своевольно определяемую г-ном Бестужевым?—

Романтическая словесность началась триолетами. Таинства, мистерии[?], фаблио предшествовали созданиям Ариоста, Кальдерона, Данте, Шекспира.

После Marini явился Alfieri, Monti и Foscolo, после Попа и Аддиссона—Байрон, Мур и Соувей? Во Франции романтическая поэзия долго младенчествовала—Marot и проч.——

Спрашивается, где видим и тень закона [*нрзбр*] г-ном Бестужевым? У нас есть критики? Где ж они?

Где наши Аддиссоны, Лагарпы, Шлегели, Sysmondi—что мы разобрали? чьи литературные[?] мнения сделались народными? на чью критику можем мы сослаться, опереться? Но г-н Бестужев сам же говорит ниже [*нрзбр*]».

— *Ода к Фелице...*—«*Фелица*» (1782), «*Вельможа*» (1794), «*Бог*» (1784), «*На смерть князя Мещерского*» (1779), «*На возвращение графа Зубова из Персии*» (1797). Последняя ода цитировалась, между прочим, Пушкиным в примечании к «Кавказскому пленнику». Пушкин находил описание Кавказа в этой оде Державина прекрасным.

— *Отчего у нас нет гениев...*—Бестужев писал: «Из вопросов, почему у нас много критики, необходимо следует другой: отчего у нас нет гениев и мало талантов литературных? Предслышу ответ многих, что от *недостатка одобрения*. Так его нет и слава богу. Одобрение может оперить только обыкновенные дарования...»

— *Державин и Дмитриев были в ободрение сделаны министрами...*—Державин был министром юстиции в 1802—1803 гг., а Дмитриев—в 1810—1814 гг. Карамзин в 1803 г. получил пенсию 2000 рублей в год и звание историографа; Жуковский, Крылов, Гнедич также получали пенсии.

— *...Вольтер лучшую свою поэму писал...*—Вероятно, Пушкин имеет здесь в виду «Орлеанскую девственницу» Вольтера.

— *«О вспомни, как в том восхищеньи...»*—из оды Державина «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797).

— *...что Мирабо сказал о Сиесе...*—В библиотеке Пушкина сохранились сочинения, политические письма и мемуары деятеля Французской революции Мирабо. Аббат *Сиес* (1748—1836)—публицист времен Французской революции, бывший последовательно членом Учредительного собрания, Конвента, Совета пятисот и Директории.

— *Мы не хотим быть покровительствуемы равными*...—Вопросу о классовом самосознании Пушкина посвящена статья Д. Д. Благого в его книге «Социология творчества Пушкина», М.; 1931, стр. 5—51.

— *Как шестисотлетний дворянин*...—Заявление Пушкина о его шестисотлетнем дворянстве «рассмешило» Рылеева (см. *АП*, т. I, стр. 232). Рылеев увидел в этом «маленькое подражание Байрону». Ответ Пушкина см. ниже (№ 98); см. также письмо Рылеева (сентябрь—октябрь 1825 г.) в *АП*, т. I, стр. 298—299). Пушкин неоднократно подчеркивал древность своего рода (см. стр. 218—220).

— *Об Онегине ты не высказал всего*...—В письмах к Пушкину Бестужев высказался об «Евгении Онегине» гораздо откровеннее и определеннее, нежели в разбираемой статье (см. *АП*, т. I, стр. 186—187).

— *Твой Турнир*—«Ревельский турнир», историческая повесть А. А. Бестужева, напечатанная в «Полярной Звезде» на 1825 г.

— *Владимир*—герой исторической повести Бестужева «Изменник», напечатанной в «Полярной Звезде» на 1825 г.

— *О замечаниях на Войнаровского*—см. прим. к № 94.

97. А. А. Дельвигу.

— *Этот чудак не знал ни русской грамоты*...—Пора безотчетного восторга перед поэзией Державина у Пушкина давно миновала. Здесь чувствуется уже строго критическое отношение к нему. Ср. в предыдущем письме (к Бестужеву—№ 96). Оценка во многом сходствует с той, которую дал Державину Белинский спустя лет двадцать.

— ...*слишком часто кричал петухом*—намек на известное пристрастие Суворова к дурачествам (подражание кукареканью петуха и т. п.).

— *Демьян и Фока*—басня Крылова «Демьянова уха» (1813).

98. К. Ф. Рылееву.

— ... *Р[ылеев] меня не понимает*...—ср. письмо Рылеева к Пушкину (*АП*, т. I, стр. 231—232), где Рылеев утверждает, что «главная ошибка» Пушкина в том, что он «ободрение и покровительство принимает за одно и то же». Ободрение Рылеев считал необходимым и для гения, а покровительство заставляет, по его мнению, «чахнуть гения». Ср. письмо Пушкина к Бестужеву, стр. 75.

— *а об нашем... приятеле*...—об Александре I.

99. П. А. Вяземскому.

— ... *ответ мой на предложения Телеграфа*—см. письмо Пушкина, № 93. Вскоре в «Московском Телеграфе» появилась статья Пушкина «О г-же Сталь и о М-ве» (см. № 74).

— *Уж не Le bon Dieu ли?*..—В. Л. Пушкин перевел именно эту песенку Беранже, которого очень любил. Сообщение о «следственной комиссии»—подшучивание над трусливостью В. Л. Пушкина.

— *Камин*—«Камин и ручеек», книга прозы А. П. Хвостовой, участницы мистического общества «мечтательниц».

— «*Опасный сосед*» (1811)—поэма В. Л. Пушкина.

— *А. М.*—Алексей Михайлович Пушкин, писатель. дальний родственник А. С. Пушкина. Алексей Михайлович вместе с И. И. Дмитриевым, Блудовым и Дашковым постоянно потешался над Василием Львовичем (см. «Старую записную книжку» П. А. Вяземского, Л., 1929, стр. 237).

— *мою опечатку*—см. комментарии Б. Л. Модзалевского в ***ППМ***, т. I, стр. 393; см. также письмо Пушкина к Вяземскому от 25 января 1825 г., № 78.

— *Вот еще Эпиграмма на Благонамеренный...*—Эпиграмма направлена против редактора журнала «Благонамеренный» А. Е. Измайлова, выступившего с критикой «Журнальных приятелей» Пушкина. Напечатана была эпиграмма в «Московском Телеграфе», 1825, № 13, под заглавием «Ex ungue leonem».

— *а я наслаждаюсь дымным запахом...*—Здесь несомненно пародируется стиль «Фиты»—поэта-«псалмопевца» Ф. И. Глинки.

100. П. А. Вяземскому.

— *твои замечания на замечания Дениса...*—см. Собр. соч. Вяземского, т. I, стр. 193—197, «О разборе трех статей, помещенных в записках Наполеона, написанном Д. Давыдовым»; впервые напечатано в «Московском Телеграфе», 1825, № 12.

— *...об этом есть у меня строфы три в Онегине*—строфы XXVI—XXIX главы третьей «Евгения Онегина».

— *...моя о m-me de Staël*—статья «О г-же де Сталь и о г. М-ве» (см. № 74).

— *я предпринял такой литературный подвиг...*—работа над трагедией «Борис Годунов», начатой в 1825 г.

— «*А. Шенье в темнице*».—В собрании стихотворений 1826 г. заглавие изменено цензурой на «Андрей Шенье». Цензура кроме того устранила из стихотворения большой отрывок—гимн свободе: «Приветствую тебя, мое светило!» и т. д. (см П. Е. Щеголев, «Из жизни и творчества Пушкина», ГИХЛ, 1931, стр. 95—126).

101. Н. Н. Раевскому. Оригинал письма писан по-французски. Работая над трагедией «Борис Годунов» в пору обостренных споров «классиков» с «романтиками», Пушкин обдумывал основные вопросы теории драмы. Он предполагал изложить свои мысли в предисловии к драме, придав ему форму письма (см. № 144). Замысел своей трагедии он сообщил Н. Н. Раевскому. Раевский в письме к Пушкину благодарил его за сообщение плана трагедии и советовал, между прочим, обратиться к изучению исторических источников, вместо того чтобы следовать только рассказу Карамзина (см. *АП*, т. I, стр. 211—213). «Пушкин в полной мере воспользовался этим ценным советом» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 157—167). О «Борисе Годунове» см. в книге Д. Д. Благого «Социология творчества Пушкина», «Мир», М., 1931, стр. 51—78.

— *Филоктет*—герой одноименной трагедии Ж.-Ф. Лагарпа, сочинения которого сохранились в библиотеке Пушкина.

— *...склонность, достойная романа Авг. Лафонтена.*—В V строфе главы четвертой «Евгения Онегина» Пушкин писал об Августе Лафонтене:

В домашней жизни зрим один
Ряд утомительных картин
Роман во вкусе Лафонтена...

В примечаниях к поэме он назвал Августа Лафонтена автором множества «семейственных романов».

— «*Озлобленный*» Байрона—патриций Джакопо Лоредано в исторической драме «Двое Фоскари» (1821). Лоредано, представитель семьи, враждебной дому Фоскари, добивается того, что дож лишен был сана (1457). Через несколько дней дож умер. Стоя у его трупа, Лоредано пишет в своей записной книжке: «*Ha pagato*» (Он заплатил), и на вопрос: «А что он вам был

должен?»—отвечает: «Старинный долг и долг природный—смерти». Этими словами и кончается драма (ср. заметку о Байроне, стр. 116: «Английские критики оспаривали у Байрона драматический талант; они, кажется, правы...» и т. д.).

— *Читайте Шекспира...* — К. А. Полевой в своих «Записках», вспоминая об одной из встреч с Пушкиным в 1826 г., пишет: «Он был невесел в этот вечер, молчал, когда речь касалась современных событий, почти презрительно отозвался о новом направлении литературы, о новых теориях и, между прочим, сказал: „Немцы видят в Шекспире чорт знает что, тогда как он просто, без всяких умствований, говорил, что у него на душе, не стесняясь никакой теорией''. Тут он [Пушкин] выразительно напомнил о неблагопристойностях, встречаемых у Шекспира, и прибавил, что это был гениальный мужичок».

102. Н. А. Полевому. Письмо Полевого, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось. В эту пору Пушкин относился положительно к Полевому и к его «Московскому Телеграфу», но уже к 1827 г. поэт от «Телеграфа» отошел, примкнув к кругу писателей, объединившихся вокруг «Московского Вестника».

103. П. А. Вяземскому.

— «*Что нужды? говорит расчетливый etc...*»—начало эпиграммы Вяземского, переделанной позже по совету Пушкина:

Что пользы, говорит расчетливый Свиньин,
Мне кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры Трои, и Афин?
Пусть дорожит Парнаса гражданин
Воспоминаньем благородным:
Я не поэт, а дворянин.
И лучше в Грузино пойду путем доходным:
Там кланяясь, могу я выкланяться в чин.

Эта эпиграмма Вяземского направлена против П. Свиньина, который опубликовал в «Отечественных Записках» начало статьи своей «Поездка в Грузино» (имение А. А. Аракчеева), поставив эпиграфом к ней откровенно подхалимские стихи:

Я весь объехал белый свет,
Но только в Грузине одном
Был счастлив сердцем и душою.

— *Посвящение «Войнаровского»* А. Бестужеву заключалось строкой: «Я не поэт, а гражданин». По словам Вяземского, Пушкин очень смеялся над этим стихом К. Рылеева. Несмотря на свой либерализм, он говорил, что если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом; если же кто хочет просто *гражданствовать*, то пиши прозою («Русский Архив», 1866, ст. 475).

— *Жду разбора Шихматова...*—Критическая статья В. Кюхельбекера «Петр Великий, драма С. Ширинского-Шихматова» напечатана была в «Сыне Отечества», 1825, № 15 (см. письмо к Кюхельбекеру, № 114). Ширинский-Шихматов, «славяно-классик», был очень ценим старшими и младшими архаистами. Арзамасцы, наоборот, издевались над ним, считая его бездарностью, способной лишь на «тяжелое безвкусие» (см. В. Л. Пушкин, «Опасный сосед», и А. С. Пушкин, «К другу-стихотворцу»).

— *... прочел антикритику Полевого*—«К читателям Телеграфа», статья Полевого против «Северной Пчелы», напавшей на заметку Полевого по поводу изданного в Париже «Курса политической экономии» Шторха.

— *Разбор новой пиитики басен*—см. прим. к № 93.

104. В. И. Туманскому.

— *«Девушка влюбленному поэту»*—стихотворение Туманского, см. прим. к № 81. Поправку Пушкина Туманский принял.

105. П. А. Вяземскому. Пушкин отвечает на письмо Вяземского от 4 августа 1825 г. (см. *АП*, т. I, стр. 253—254), в котором Вяземский сообщил Пушкину свое стихотворение «Нарвский водопад» (см. Собр. соч. П. А. Вяземского, т. III, стр. 408—409). По поводу «Нарвского водопада» и указаний Пушкина см. еще в письме Вяземского к Пушкину от 6 сентября 1825 г. (*АП*, т. I, стр. 281—282).

106. В. А. Жуковскому. Пушкин отвечает на письмо Жуковского от 9 июля 1825 г. (см. *АП*, т. I, стр. 258).

— *думаю к зиме ее кончить...*—«Борис Годунов» был окончен 7 ноября 1825 г.

— *... жизнь Железного Колпака...*—см. письмо Пушкина от 13—15 сентября 1825 г. В «Жизни Железного Колпака» Пушкин искал материал для изображения юродивого Николки, выведенного им в «Борисе Годунове» в сцене на площади перед собором. Пушкин допустил здесь анахронизм: юродивый Иоанн, нарицаемый Большой Колпак и Водоносец, умер в 1589 г., т. е. за девять лет до воцарения Годунова. В его житии (рукопись Покровского собора) рассказывается, что он «носил вериги и колпак великий и тяжкий».

107. П. А. Вяземскому.

— *Предисловие Лемонте*—см. статью Пушкина «О предисловии Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (№ 75).

— *Твоя статья об Аббатстве Байрона?..*—Статья «Нью-Стидское Аббатство», напечатанная в «Московском Телеграфе», 1825, № 20, и подписанная буквою *В.*, ошибочно приписана Пушкиным П. А. Вяземскому.

— *я знаю только 5 первых песен...*—Поэма «Дон-Жуан» Байрона издавалась по частям. Оборванная на XIV строфе 17-й песни, она осталась незаконченной.

— *Мне нужен английский язык...*—см. статью М. А. Цявловского «Пушкин и английский язык» (*ПС*, вып. XVII—XVIII, стр. 48—73).

— *il y avait quelque chose là*—однакоже тут было что-то—фраза, брошенная, по преданию, А. Шенье перед казнью (1794).

— *... о потере Записок Байрона...*—Записки Байрона после его смерти были уничтожены *Т. Муром* и др. (см. акад. А.Н. Веселовский, «Байрон», М., 1914).

— *как уличили Руссо...*—Имеется в виду «Исповедь» Руссо, которая, будучи издана в 1782 г. в Женеве, вызвала сенсацию своей предельной откровенностью и была за это многими осуждаема.

— *... в гробе посреди воскресающей Греции...*—Байрон умер в Греции в 1824 г., куда он приехал, чтобы принять участие в восстании греков против турецкого владычества.

— *Лалла Рук* (1817)—восточная поэма Т. Мура.

108. П. А. Катенину.

— *...уверением, что оставил поэзию...*—см. письмо П. А. Катенина Пушкину (*АП*, т. I, стр. 210—211), где Катенин, высланный тогда из Петербурга в Костромскую губ., писал, что он «стихов решился не писать». Ср. также ответ Катенина Пушкину от 24 ноября 1825 г. (*АП*, т. I, стр. 306—307).

— *Heu fugant Posthume...*—неточная цитата из Горация (Hor. carm., II, 14, 1—2).

— *в Булг.*—т. е. в альманахе «Русская Талия» (издаваемом Ф. Булгариным), где были напечатаны отрывки из III действия «Андромахи» Расина в переводе Катенина.

— *На чердаке Шаховского*—т. е. в квартире Шаховского (о нем см. прим. к № 1; см. также Анненков, «Материалы к биографии Пушкина», 1873. стр. 51).

— *«Венцеслав»*—трагедия французского драматурга Ротру (1647), переведенная на русский язык А. А. Жандром. В «Русской Талии» на 1825 г. напечатано было первое действие трагедии. Постановка трагедии была запрещена цензурой.

— *...Пишу свои mémoires.*—Эти записки Пушкин уничтожил в конце 1825 г. См. прим. к № 68.

— *... старые проказы с К.*—может быть, Каверин (?).

— *... с театральным Майором.*—О ссоре Пушкина с тетральным майором Денисевичем см. любопытный рассказ Лажечникова в книге Б. Л. Модзалевского «Пушкин», «Прибой», 1929, стр. 99—104.

109. П. А. Вяземскому.

— *От нечего делать я прочел ему...*—В начале сентября Пушкин читал А. М. Горчакову трагедию «Борис Годунов». Сохранились воспоминания Горчакова об этом («Русский Архив», 1883, кн. II, стр. 205—206).

— *«Режь меня»*—песня Земфиры из «Цыган»: «Старый муж, грозный муж, Режь меня, жги меня...» была напечатана в «Московском Телеграфе», 1825, № 21, с приложением нот «дикого напева сей песни, слышанного самим поэтом в Бессарабии» (*ППМ*, т. I, стр. 507).

— *Элегия на смерть Анны Львовны*—см. прим. к № 91.

— *...чай, которым он поил Милонова.*—Вяземский рассказывал, что простодушный Василий Львович Пушкин, которого М. Милонов задел в своей сатире, жаловался после того, что Милонов «не позже как на той неделе» пил у него чай (см. Собр. соч., т. VIII, стр. 345—346).

110. П. А. Вяземскому.

— *Сам съешь!*—«Сам съешь—есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики...» и т. д., писал Пушкин и в 1830 г. (см. «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», стр. 213).

— *Водопад*—стихотворение П. А. Вяземского «Нарвский водопад» (см. № 105 и прим. к нему.).

— *От души благодарю Карамзина за Железный Колпак...*—«Карамзин очень доволен твоими трагическими замечаниями и хотел отыскать для тебя Железный Колпак. Он говорит, что ты должен иметь в виду в начертании характера Бориса дикую смесь: набожности и преступных страстей. Он [Годунов] беспрестанно перечитывал Библию и искал в ней оправдания себе. Это противоположность драматическая», писал Вяземский Пушкину 6 сентября 1825 г. (*АП*, т. I. стр. 283).

— *Железный Колпак*—житие юродивого с таким прозвищем, см. прим. к № 106.

— *Взамен отошлю ему свой цветной*— т. е. красный колпак якобинцев, символ революционной настроенности Пушкина; ср. стихотворное послание Пушкина к Филимонову 1828 г. Петербургские друзья Пушкина, Карамзин и Жуковский, проникнутые «официальной» монархической идеологией, узнав о намерении поэта взяться за историческую трагедию, надеялись, что Пушкин откажется в ней от своего вольномыслия и создаст произведение, «нужное отечеству» (т. е. в правительственном духе). Надежды эти Пушкин не оправдал. См. письмо П. А. Вяземскому, № 112: «Хоть она [трагедия] и в хорошем духе написана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого, торчат». Подробнее см. Д. Д. Благой, «Социология творчества Пушкина», «Мир», М., 1931, стр. 53—55.

— *...возьми конец десятого и весь одиннадцатый том*—«Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. (Об отношении Пушкина к «Истории» Карамзина, к летописям и другим первоисточникам при работе над «Борисом Годуновым» см. И. Жданов, «О драме Пушкина *Борис Годунов*», Спб., 1892.) Главным источником исторической канвы произведения была «История» Карамзина (тт. X и XI). К другим источникам Пушкин обращался мало. Только монолог Пимена содержит заимствования из жизнеописания царя Федора Ивановича, составленного патриархом Иовом. Погодин в «Московском Вестнике» (1829, ч. III) оспаривал мнение Карамзина об убийстве Димитрия по приказанию Бориса. Пушкин, прочитав эту статью, сделал на ней ряд замечаний в защиту Карамзина (см. *ПС*, вып. XIII).

— *Жалею, что о Staël писал Муханов...*—см. наши примечания к статье Пушкина «О г-же Сталь и г. А. М-ве» (№ 74); ср. письмо Вяземского (*АП*, т. I, стр. 305).

111. В. А. Жуковскому. Пушкин отвечает на письмо Жуковского, в котором тот призывал Пушкина работать над «Борисом Годуновым» и создать «что-нибудь бессмертное», «великое» и тем самым заслужить право на возвращение из ссылки (*АП*, т. I, стр. 291—292).

112. П. А. Вяземскому.

— *Трагедия моя кончена...*—Окончена была трагедия 7 ноября 1825 г. Когда трагедия «Борис Годунов» была уже написана, друзья настойчиво просили Пушкина прислать ее им, но он решительно всем отказывал. Впервые он читал ее лишь летом 1826 г. приезжавшим в Тригорское Языкову и Вульфу.

— *никак не мог упрятать всех моих ушей*—т. е. критического отношения к царю и правительству: некоторые сцены «Бориса Годунова» (например сцена с юродивым) допускали применение к Александру I.

— *...цензура его не пропустит.*—О цензурных препятствиях к печатанию «Бориса Годунова» см. прим. к №№ 146 и 210.

— *Ты уморительно критикуешь Крылова...*—см. статью Пушкина «О предисловии Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», № 75, и прим., стр. 475. Вяземский в письме от 16—18 октября 1825 г. писал Пушкину: «Твоя статья о Лемонте очень хороша по слогу зрелому, ясному и по многим мыслям блестящим. Но что же такое за представительство Крылова?.. Как ни говори, в Крылове есть что-то лакейское: лукавство, брань из-за угла, трусость перед господами...» и т. д. (*АП*, т. I, стр. 305).

— *гр. Г. В. Орлов*—издатель переводов басен Крылова на французский и итальянский языки (см. статью «О предисловии г-на Лемонте», № 75).

113. А. А. Бестужеву. Письмо Бестужева, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— *Изучение новейших языков...*—В одном из писем к Пушкину Бестужев писал о своем увлечении английским языком, «научившим его мыслить» (см. *АП*, т. I, стр. 188).

— *...поэмы мои скоро выйдут.*—Издание поэм («Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники», «Цыганы»), к которому склонял поэта его друг Плетнев (см. *АП*, т. I, стр. 185, 238 и др.), тогда не состоялось. Первое издание «Поэм и повестей Пушкина» вышло лишь в 1835 г.

— *Голиковская проза*—«Деяния Петра Великого», сочинение И. Д. Голикова, написанное тяжелым, невразумительным языком (12 томов, 1788—1789, с 18 тт. Дополнений, 1790—1797) (см. *ПС*, вып. IX—X, стр. 29—30).

— *... кто писал о горцах в Пчеле...*—«Отрывки о Кавказе (из походных записок)», за подписью А. Я., были напечатаны в «Северной Пчеле», 1825, № 138. «С большой долей вероятности она может быть приписана А. И. Якубовичу, хотя о литературных его опытах и ничего неизвестно» (*ППМ*, т. I, стр. 529).

— *не Якубович ли, герой моего воображенья...*—А. И. Якубовича Пушкин намеревался вывести в своем «Романе на Кавказских водах» (*ПС*, вып. IV, стр. 180—181).

— *простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева...*—Якубович 23 ноября 1818 г. в Тифлисе дрался на дуэли с А. С. Грибоедовым. На Кавказ Якубович был сослан за участие в дуэли между Завадовским и Шереметьевым, на которой Шереметьев был убит (см. «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», «Федерация», 1929, стр. 9—10, 233—235).

— *...даже Кюхельбекер врет.*—Имеется в виду, очевидно, статья В. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» («Мнемозина» на 1824 г., ч. II).

— *Что такое его духи?..* —Отзыв Пушкина о «Шекспировых духах» В. Кюхельбекера см. в следующем письме (№ 114).

— *Коцебятина*—по имени немецкого драматурга, реакционера А. Коцебу, убитого в 1819 г. в Мангейме студентом Зандом.

— *... планщику Рылееву.*—Подразумевается, вероятно, схематизм построения «дум» и поэм Рылеева.

114. В. К. Кюхельбекеру.

— *Получив твою комедию...*—Изданная в 1825 г. отдельной книжкой, с предисловием автора, драматическая шутка «Шекспировы духи» прислана была «Другу Александру от Кюхельбекера». Содержание «Шекспировых духов» в «Московском Телеграфе» (1825, № 22) передавалось так: «Сестра уговаривает брата своего, поэта, написать что-нибудь на именины старшей сестры их, помещицы, у которой в имении живут они. Поэт зачитался Шекспира, видит вокруг себя духов и создания фантазии и не хочет писать для именин. Сестра решается ему отомстить, переодевает племянниц своих Ариэлем, Пуком, Обероном, дядюшку Флора Карпыча—Калибаном. Поэт, никогда не видевший племянниц, не узнает их, и приказание написать стихи почитает приказанием духов, исполняет его, и тут все открывается...»

— *Это простительно Цертелеву...*—Кн. Н. Д. Цертелев писал и печатал подражательные лирические стихотворения в «Сыне Отечества», «Благонамеренном», «Вестнике Европы» и др.

— *неуважение к Жуковскому* сказалось в том, что Кюхельбекер в своих «Шекспировых духах» пародировал монолог «Орлеанской девы» Шиллера в переводе Жуковского.

— «*Сир—слово старое. Прочтут иные сыр*»—цитата из «Шекспировых духов».

— «*Пас стада главы моей*».. —из «Шекспировых духов»:

Я всегда в уединеньи
Пас стада главы моей
Вас, созданья вдохновенья,
Сны и грезы, и виденья.

— *кн. Шихматов, несмотря на твой разбор*...—Здесь Пушкин иронизирует по поводу того, что лирическое песнопение в 8 песнях «Петр Великий» кн. Ширинского-Шихматова (1810) вызвало восторженную статью В. Кюхельбекера, напечатанную в «Сыне Отечества», 1825, № 15 (август).

115. П. А. Плетневу.

— *Выписывайте меня, красавцы мои.*—Пушкин, узнавший уже о смерти Александра I, настойчиво просил своих друзей (Жуковского главным образом) ходатайствовать о выдаче ему разрешения въехать в столицы или уехать в «чужие края»; последнее казалось ему даже более благоразумным («Что мне в России делать?»—писал он в этом письме Плетневу; *ППМ*, т. I, стр. 172).

— *Борька*—писатель Борис Михайлович Федоров, который «тоже» вывел юродивого в своем романе «Князь Курбский», но обрисовал его бледно и бездарно.

— *Я его сентябрьской книжки не читал*...—Имеется в виду журнал «Новости Литературы», издаваемый А. Ф. Воейковым.

— *Кюхельбекеровы духи*—драматическая шутка «Шекспировы духи» (см. предыдущее письмо).

— «*Илья Муромец*»—стихотворная повесть М. П. Загорского, безвременно (20 лет от роду) умершего талантливого поэта. Отрывки повести печатались в «Новостях Литературы» 1825 г. (Подробн. о нем см. *ППМ*, т. I, стр. 534—535).

116. П. А. Катенину. Письмо Катенина, на которое отвечает Пушкин, см. *АП*, т. I, стр. 306.

— ...*что оно писано из П. Б.*—Катенину в середине 1825 г. разрешено было вернуться в Петербург из ссылки.

— *Андромаха наконец отдана на театр*...—Катенин писал Пушкину, что «комитет словесников» одобрил его стихотворную трагедию «Андромаха». Первое представление состоялось лишь в 1827 г. В том же году «Андромаха» была издана.

— ...*издать свои стихотворения.*—Сочинения и переводы в стихах П. Катенина вышли в 1832 г. (см. статью о них Пушкина, № 295).

117. А. П. Керн.

— ...*вы обо мне вспомнили*...—Пушкин благодарит здесь за присланное ему А. П. Керн последнее издание Байрона. См. «Воспоминания» А. П. Керн, изд. Academia, 1929, стр. 263.

— *Гюльнара*—героиня поэмы «Корсар» Байрона; *Лейла*—героиня его же повести «Гяур».

1826

118. О народности в литературе. При жизни Пушкина статья в печати не появлялась. Она вызвана спорами о народности в литературе, возникшими в связи с общей дискуссией в начале 20-х годов о романтизме и классицизме. Начало этой дискуссии связано отчасти с выступлением Пушкина на широкую литературную арену. Мы видели, что появление «Руслана и Людмилы» в 1820 г. вызвало обширную полемику в журналах. Упреки консервативной критики в том, что в поэму введены «мужицкие» рифмы, «низкие» слова и т. п., и, наоборот, похвалы сторонников романтизма, приветствовавших «народность» поэмы, уже тогда наметили линию будущего спора о народности. В период развернутого спора о принципах классической и романтической поэзии слово «народность» не сходило со страниц журналов, ибо преклонение перед «народной стариной» и «народной поэзией» лежало в основе романтической поэтики. Но в статьях критиков (А. Бестужева, В. Кюхельбекера, О. Сомова, П. Вяземского и др.) Пушкин не нашел точного определения самого понятия «народности» и попытался восполнить этот пробел.

— *Один из наших критиков*—вероятно, В. К. Кюхельбекер, который в статье «О направлении нашей поэзии» (см. прим. к № 119) писал: «Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные—лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности».

— *что есть народного в Ксении*...—имеется в виду трагедия Озерова «Дмитрий Донской» (1807).

— *ученый немец*—вероятно, А. Шлегель; *француз*—Сисмонди (см. *ПА*, т. IX, ч. 2, стр. 60—61).

119. Заметка по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии». Неотделанная заметка, при жизни Пушкина не печатавшаяся; является ответом на статью В. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» («Мнемозина» на 1824 г., ч. II). В статье своей Кюхельбекер, отдавая предпочтение лирике перед эпосом, писал: «*Сила, свобода, вдохновение*—необходимые три условия всякой поэзии. Лирическая поэзия вообще не что иное, как необыкновенное, т. е. сильное, свободное, вдохновенное изложение чувств самого писателя. Из сего следует, что она тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными, над низким языком черни, не знающей вдохновенья. Всем требованиям, которые предполагает сие определение, вполне удовлетворяет одна *Ода*, а посему без сомнения занимает первое место в лирической поэзии или, лучше сказать, одна совершенно заслуживает название поэзии лирической». Прочие роды поэзии, по мнению Кюхельбекера, «налагают на гения оковы, гасят огонь его вдохновенья...» Анненков писал по поводу статьи Кюхельбекера: «Мерилом художественного достоинства он [Кюхельбекер] взял восторг и пришел к заключению, что в оде заключается гораздо более поэзии, чем в элегии» («Материалы», 1873, стр. 105). Смешение восторга с вдохновением и вызвало возражения Пушкина, чрезвычайно трезво определившего вдохновение как «расположение души к живому принятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий...» Отбросив таким образом «мерило» Кюхельбекера, Пушкин и оду ставит на самую низшую ступень из всех родов поэтического творчества, ибо ода «исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого».

— «*Разговор с г. Булгариным*»—статья В. Кюхельбекера («Мнемозина» на 1824 г., ч. III), написанная в форме драматического диалога и пародирующая обычную для Булгарина форму критического фельетона. Написана она была в ответ на выступление Булгарина против статьи «О направлении нашей поэзии».

120. Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова». Датировка заметок предположительна. Впервые они были опубликованы Л. Н. Майковым в сб. «Старина и Новизна», Спб., 1897, кн. I, стр. 305—323. См. также в книге Л. Н. Майкова «Пушкин», Спб., 1899, стр. 266—283—«Князь Вяземский и Пушкин об Озерове», и в *ПВ*, т. IV, стр. 486—490.

Статья Вяземского была написана в качестве вступления к первой части сочинений В. А. Озерова, вышедшей в 1817 г. (См. Собр. соч. Вяземского, т. I, стр. 24—60, где дана и позднейшая его «Приписка» (1876) к статье. В этой «Приписке» Вяземский, вспоминая о своих «живых и горячих спорах» с Пушкиным по поводу Озерова, объясняет причины отрицательного отношения Пушкина к творчеству Озерова).

В заметках на полях статьи Вяземского Пушкин подвел итоги всем своим суждениям об Озерове, которого он считал приверженцем жеманных правил французского театра и весьма посредственным стихотворцем (см. стр. 128).

— «*Хвастун*» (1786) и «*Утешенная вдова*» (1791)—комедии Княжнина.

— *Перевод из Колардо*—вольный перевод французской героиды Колардо «Элоиза к Абеляру», напечатанный в 1794 г., был первым литературным опытом Озерова.

— «*Заира*»—трагедия Вольтера (1732).

— «*Фанатизм, или Магомет*» (1741)—трагедия Вольтера, направленная против католицизма.

— «*Эдип*» Софокла послужил образцом Озерову для трагедии «*Эдип в Афинах*» (1804), но он пользовался и французской трагедией Дюси «Эдип у Адмета» (1778—1780), написанной в свою очередь в подражание Софоклу.

— *Северный поэт переносится под небо...*—Речь идет о создании Озеровым трагедии «Фингал» (1805), написанной на сюжет оссиановского «Фингала».

— *Старн*, *Моина*, *Фингал*—персонажи трагедии «Фингал» Озерова

121. В. А. Жуковскому.

— *...лира твоя молчала.*—Молчание Жуковского в течение десяти лет царствования Александра I вовсе не носило характера какого бы то ни было «упрека» царю. Уже с 1817 г. Жуковский был близок ко двору.

— *Подсвистывал* Пушкин Александру I эпиграммами («Воспитанный под барабаном», «Ура! в Россию скачет кочующий деспот...» и др.).

122. А. А. Дельвигу.

— *Заметил Alfieri*—(Альфиери)—см. его сочинение «О правителе и о литературе». В библиотеке Пушкина сохранился французский перевод этого сочинения (*ПС*, вып. IX—X, стр. 138, № 532).

— *С нетерпением ожидаю решения участи...*—Письмо написано в дни тревожного ожидания решения участи декабристов и «обнародования заговора». Последней фразе в письме предшествует выражение «твер-

дой надежды» на «великодушие молодого царя» в отношении декабристов. «Великодушие» это вскоре проявилось в полной мере (виселица, каторга и пр.).

123. П. А. Катенину. Письмо это является ответом на письмо Катенина от 3 февраля 1825 г. (*АП*, т. I, стр. 322).

— *Вместо альманаха не затеять ли...*—Катенин в своем письме просил у Пушкина стихов для альманаха, задуманного Н. И. Бахтиным. Альманах этот издан не был.

— *Edimbourgh Review*—английское периодическое издание, выходившее с 1802 г. в три месяца раз.

— *Кому же как не тебе забрать в руки общее мнение.*—Пушкин и позднее высоко ценил Катенина как критика. В предисловии к отдельному изданию последней главы «Евгения Онегина» (1832) Пушкин писал: «П. А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение...[1] вредит плану целого сочинения; ибо через то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне—знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным. Замечание, обличающее опытного художника».

124. А. А. Дельвигу. Письмо Дельвига к Пушкину, на которое данное письмо является ответом, см. в *АП*, т. I, стр. 323—324.

— «*Эда*» вместе с «Пирами» была издана Баратынским отдельной книжкой в 1826 г. Обе поэмы в этом издании подверглись существенной переработке. В предисловии Баратынский писал, что он «не принял лирического тона в своей повести, не осмеливаясь вступить в состязание с певцом *Кавказского пленника* и *Бахчисарайского фонтана...*», «следовать за Пушкиным» ему показалось «труднее и отважнее, чем итти новой собственной дорогой».

— «*Святки*», «*Масленица*», «*Изба*»—стихотворения из сборника «Досуги сельского жителя» крепостного-крестьянина Ф. Н. Слепушкина.

125. П. А. Осиповой.

— *Вот новая поэма Баратынского*—«Эда» (см. прим. к № 124).

126. П. А. Плетневу. Письмо Плетнева к Пушкину, на которое данное письмо является ответом, см. в *ПА*, т. I, стр. 324—325.

— *Карамзин болен...*—Н. М. Карамзин умер 22 мая 1826 г.

— *Гнедич не умрет прежде совершения Илиады...*—Работа Гнедича над переводом «Илиады» тянулась с начала 1800-х годов. Полный перевод вышел в свет в 1829 г. (см. рецензию Пушкина, № 177).

— *Не будет вам Бориса...*—Пушкин упорно и долго отказывался переслать «Бориса Годунова» друзьям.

— *Сле-Пушкину дают и кафтан, и часы, и полу-медаль...*—Слепушкину Российская Академия присудила в 1826 г. за сборник «Досуги сельского жителя» золотую медаль средней величины в 50 червонцев («*полу-медаль*»), Николай I «пожаловал» бархатный кафтан, императрица—золотые часы. Все это было, конечно, демонстрацией «покровительства» «самородку» в духе официальной народности. Слепушкин был мало талантлив. Мирная, идиллическая «сельская» поэзия его была очень далека от подлинной народной жизни.

[1] Речь идет о пропущенных строфах в «Евгении Онегине».

— *Академический четвертак*—жетоны, выдаваемые членам Академии за каждое заседание, в котором они участвовали, так как за каждое заседание члены получали особое вознаграждение, выдаваемое по предъявлении жетонов.

127. П. А. Плетневу. Письмо это является ответом на письмо Плетнева к Пушкину от 27 февраля 1826 г. (*АП*, т. I, стр. 329—330), где он запрашивал, какие произведения Пушкин намеревается поручить ему издать—«второе ли издание *Разных Стихотворений*, *Бориса* ли, *Онегина* ли или *Цыганов*».

— «*Цыганы*» (1823—1824) вышли в свет в 1827 г.

— *повесть в роде Верро*—«Граф Нулин», написанный в два утра, 13 и 14 декабря 1825 г. «*Верро*» («Беппо»)—шутливая поэма Байрона (1818).

— *Какого вам Бориса, и на какие лекции?..*—Плетнев писал Пушкину, что «Жуковский просит прислать Бориса [Годунова]. Он бы желал его прочесть сам и еще (когда позволишь) на лекции...» (*АП*, т. I, стр. 330). *Лекции Жуковского*—занятия с в. кн. Еленой Павловной, женой в. кн. Михаила Павловича (до замужества—принцесса Шарлотта), которой Жуковский давал уроки русского языка и литературы.

128. И. Е. Великопольскому. Письмо Великопольского, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— *Стихотворения Слепушкина*—см. прим. к № 126.

129. П. А. Вяземскому.

— «*К мнимой счастливице*»—стихотворение Вяземского (см. Собр. соч., т. III, стр. 413—416).

— «*Семь пятниц на неделе*» — восемь куплетов из водевиля Вяземского (см. Собр. соч., т. III, стр. 410—412).

130. П. А. Вяземскому.

— *...когда-нибудь примусь за журнал.*— О желании издавать свой журнал Пушкин писал и в феврале 1826 г. Катенину (см. № 123), на что последний отвечал: «От издания журнала вдвоем я отнюдь не прочь, но об этом рано говорить, пока тебя здесь нет...» (*АП*, т. I, стр. 336).

— *Lancelot*—Ж. Ансело, французский поэт, член Академии, прибывший в Россию в 1826 г. на коронацию Николая I. О приезде его сообщалось в «Северной Пчеле», 1826, № 58 (подробн. см. *ППМ*, т. II, стр. 159—161).

— *перед M-e Staël заставляем Милорадовича...*—О пребывании г-жи де Сталь в России ср. в «Рославлеве» Пушкина (1831). См. «Пушкин и мемуары m-me de Staël о России»—«Изв. Отд. русск. яз. и слов.», т. XIX, 1914, кн. 2, стр. 47—67, и Б. В. Томашевский «„Кинжал" и m-me de Staël», *ПС*, вып. XXXVI, стр. 82—95.

— *в 4-й песне Онегина я изобразил...*—см. главу четвертую, строфы XXXVII—XXXIX и XLIII—XLVII «Евгения Онегина» (см. статью М. А. Цявловского «Тоска по чужбине у Пушкина»—«Голос Минувшего», 1916, № 1, стр. 54).

131. П. А. Вяземскому.

— *Коротенькое письмо* Вяземского Пушкину от 12 июня 1826 г.— см. *АП*, т. I, стр. 356. Вяземский упрекал в нем Пушкина в том, что он «грешил иногда эпиграммами против Карамзина».

В воспоминаниях о Карамзине (1826), в основном совпадающих с заметкой о Карамзине, включенной в «Отрывки из писем, мысли и замечания», Пушкин писал: «мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни» (*Пушкин, ГИХЛ*, т. V, ч. II, стр. 809).

— *довольно и одной, написанной мною*...—Какую эпиграмму на Карамзина Пушкин признавал своею, остается в точности неизвестно. Может быть, это—«Послушайте, я вам скажу про старину...» или «В его Истории изящность, простота...»

— ...*о смерти Карамзина*.—Карамзин умер 22 мая 1826 г.

— *Кого ты называешь сорванцами и подлецами*?..—«Хоть ты и шалун и грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов, но без сомнения ты оплакал его...»—писал Вяземский.

— *Как они холодны, глупы*...—Имеются в виду журнальные статьи на смерть Карамзина—Н. Греча, Н. Иванчина-Писарева, В. Л. Пушкина, Каченовского, В. Золотова и др.

— Аббат *Гальяни* в одном письме к Эпинэ (1774) писал: «Знаете ли вы мое определение того, что такое высшее ораторское искусство? Это искусство сказать все—и не попасть в Бастилию в стране, где запрещено говорить все» («Correspondance inédite de l'abbé F. Galiani», Paris, 1818, v. II, p. 302).

132. Н. М. Я з ы к о в у.

— *Вы ничего лучше не написали*...— Пушкин чрезвычайно высоко ценил поэтический дар Языкова. Личное знакомство их состоялось летом 1826 г., когда Языков посетил Тригорское (см. «Языковский архив», вып. 1, стр. 256—257). О пребывании своем в Тригорском Языков написал огромное стихотворение «Тригорское», посвященное П. А. Осиповой («Языковский архив», вып. 1, стр. 270—277), и еще ряд стихотворений. С. Шевырев в некрологе Языкова писал: «...памятно мне, как Пушкин в 1826 г. привез это стихотворение [«Тригорское»] в Москву и с восторгом читал его нам» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 337).

133. П. А. В я з е м с к о м у.

— *Москва оставила во мне*...—О поездке Пушкина в Москву см. у П. Е. Щеголева, «Пушкин. Очерки», Спб., 1912, стр. 258, и у Б. Л. Модзалевского, «Пушкин под тайным надзором», Спб., 1922, стр. 29—30.

— *К тому же журнал*...—«Московский Вестник», официальное разрешение на издание которого было получено 6 ноября 1826 г. (см. письмо Погодина к Пушкину от 15 ноября 1826 г.—*АП*, т. I, стр. 384). Вокруг журнала объединились деятели московского литературно-философского кружка Веневитинова (бывшее «Общество любомудрия»)—Н. Рожалин, С. Шевырев, В. Титов, В. Одоевский, А. Кошелев, И. Киреевский и др. К участию был привлечен и Пушкин. Донос о выходе № 1 с отрывком из «Бориса Годунова», см. у Б. Л. Модзалевского, «Пушкин под тайным надзором», Спб., 1922, стр. 35.

— *прочти первый параграф*.—Имеется в виду «Некрология графа Н. П. Румянцева и графа Ф. В. Растопчина», напечатанная в № 3 «Московского Телеграфа» за 1826 г. и отличающаяся малограмотностью.

134. Н. М. Я з ы к о в у. Письмо Языкова, о котором упоминает Пушкин, не сохранилось.

— *...вам, достойному певцу того и другого.*—Псков «воспет» Языковым во вступлении к «Тригорскому» (см. прим. к № 132), Новгород—в послании к Вульфу, Тютчеву и Шепелеву (1826).

— *...следовательно и вы также.*—Языков писал своему брату по поводу этого приглашения Пушкина принять участие в «Московском Вестнике»: «Он [Пушкин] видно принимает деятельное участие в сем журнале; не в охулку будь сказано почтенному поэту, а участвовать в журнале дело не поэтическое» («Языковский архив», вып. 1, стр. 292).

— *Вяземский остался... верен Телеграфу.*—Кс. Полевой в своих «Записках» (Спб., 1888) писал по этому поводу: «Из напечатанных писем Пушкина можно видеть, что он желал отклонить от Московского Телеграфа главного сотрудника, придававшего авторитет этому журналу, князя Вяземского», но «Вяземский вызвался принять еще более участия в Московском Телеграфе и действительно работал для него в 1827 г. усердно и деятельно» («Записки», стр. 205).

1827

135. Отрывки из писем, мысли и замечания. Напечатаны были в «Северных Цветах» на 1828 г., стр. 208—226, с пропусками, так как издатель «Северных Цветов» Дельвиг из скромности устранил отзыв о своих идиллиях (см. № 138). Нами из «Отрывков» сделана выборка—включены лишь те мысли и замечания Пушкина, которые относятся к литературе.

— *Жалуются на равнодушие русских женщин...*—Суждение Пушкина о том, что женщины лишены чувства изящного, что «поэзия скользит по слуху их, не достигая души», вызвало стихотворный упрек со стороны поэтессы А. И. Готовцевой, в ответ которой Пушкин написал стихотворение «Ответ А. И. Готовцевой».

— *Один из наших поэтов*—вероятно, А. Дельвиг. «Дельвиг говаривал с благородной *гордостью:* ,,Могу написать *глупость*, но *прозаического* стиха никогда не напишу"» («П. А. Вяземский, «Старая записная книжка», Л., 1929, стр. 104).

— *«Un sonnet sans défaut...»*—цитата из «Поэтического искусства» Буало.

— *Tous les genres sont bons.*—В. Кюхельбекер в статье «О направлении нашей поэзии...» писал: «Вольтер сказал, что все роды сочинений хороши, кроме скучного, но он не сказал, что все равно хороши».

Заметка связана с цитированной статьей Кюхельбекера, который не назван здесь по имени по цензурным соображениям—как участник движения декабристов.

— *Путешественник Ансело говорит...*—Об Ансело см. в письме к Вяземскому (№ 130). Здесь имеется в виду книга путевых впечатлений о России Ансело, «Six mois en Russie». («Шесть месяцев в России». Париж, 1827). На эту «глупую, но не злую» книгу «поверхностного наблюдателя» Вяземский написал рецензию в «Московском Телеграфе», 1827, № 11. В книге своей Ансело упоминает о *неизданной* еще «Грамматике Греча», о *рукописном* романе Булгарина «Русский Жиль Блаз» и т. д.

— *...он говорит о грязи улиц Измаила*—LXXIII строфа восьмой песни и XXIII строфа девятой песни «Дон-Жуана» Байрона.

— *Нимврод*—легендарный царь вавилонский, упоминаемый в библии. Байрон изобразил его в своей драме «Сарданапал» (1-я сцена IV акта) в чертах, напоминающих Петра I: «на гиганта он походил, взор светел

был и чист, но недвижим» и т. д. Пушкинское сравнение *сна Сарданапала* с карикатурой имеет в виду одну из карикатур, где Суворов изображен подносящим Екатерине II головы убитых «после капитуляции Варшавы» и, с другой стороны,—видение Сарданапалом своей предшественницы, царицы-кровосмесительницы Семирамиды, держащей в руках кубок, полный крови. Таким образом в Семирамиде, изображенной как «чудовище», Пушкин мог видеть некое соответствие Екатерине.

— Первые 8 томов *Истории Государства Российского* вышли в свет в январе 1818 г.

— *К.*—М. Т. Каченовский, поместивший в «Вестнике Европы» (1819, №№ 2—4, 5—6) статьи, заключавшие в себе разбор двух французских переводов «Предисловия» Карамзина. *Н.*—Никита Муравьев. *М.*—М. Ф. Орлов. *В*—кн. П. А. Вяземский.

136. Из материалов к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». Заметки эти при жизни Пушкина в печати не появлялись. По характеру своему они примыкают к «Отрывкам», опубликованным в «Северных Цветах» на 1828 г. Здесь, как и в первом случае, нами произведена выборка—взяты лишь те «мысли» и «замечания» Пушкина, которые относятся к художественной литературе. Повидимому, первая заметка («Дядя мой однажды») должна была служить предисловием ко всем «Отрывкам», но по тем или иным причинам осталась неопубликованной.

— *Так писывали Сенека и Монтань.*—Имеются в виду моралистические сочинения римского писателя Люция Аннея Сенеки и «Опыты» французского философа М. Монтэня.

— *Стерн говорит.*—Суждение Стерна, приводимое Пушкиным, находится в незаконченном произведении Стерна «Сентиментальное путешествие во Францию и в Италию» (1768). Пушкин читал его, вероятно, во французском переводе (изд. 1799 г.). (*ПС*, вып. IX—X, стр. 343, № 1412) и дал не дословный перевод фразы Стерна, а лишь сущность ее. Приводим французский текст: «Je connais de graves theologiens qui vont jusqu'a soutenir, que la jouissance même est accompagnée d'un soupir, et que delicieuse qu'ils connaissent, se termine ordirement par quelque chose approchant de la convulsion» (т. II, стр. 180—182).

— *Уважайте глупцов*—ср. «Сколько глупцов нужно на публику?» спрашивал Шамфор. «Народ (то-есть *глупцы*) всех наших дел и цель и судия» (из письма П. А. Вяземского А. Тургеневу 15 августа 1819 г.— Остафьевский архив, т. I, стр. 291).

— *Un bon mot...*—стих из «Поэтического искусства» Буало.

— *Гладиатор у Байрона*—см. «Странствия Чайльд-Гарольда», песнь 4-я (вольный перевод М. Лермонтова «Умирающий гладиатор», 1836).

137. О Баратынском. Если собрать все высказывания Пушкина о Баратынском и сопоставить их с отзывами его о других поэтах той поры, то станет ясно, что Пушкин отдавал Баратынскому явное предпочтение перед всеми русскими поэтами-современниками. Пушкин трижды принимался за статью о Баратынском (см. №№ 155, 237). Данная статья вызвана выходом первого собрания «Стихотворений Е. Баратынского» (М., 1827). Она осталась незаконченной. Пушкин включил в «Отрывки из писем, мысли и замечания» (см. № 135) два замечания из этой статьи.

— ***Ныне вошло в моду порицать элегии***—см. статью В. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии» (Мнемозина, 1824, ч. II): «Прочитав любую

элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все... картины везде одни и те же...» и т. д. См. там же его сатиру на элегиков «Земля безглавцев». Едва ли не против Кюхельбекера (проповедника «высокой», «одической» поэзии) направлено это место статьи Пушкина.

138. О Дельвиге. Заметка, посвященная идиллиям Дельвига. первоначально входила в «Отрывки из писем, мысли и замечания», предназначавшиеся к напечатанию в «Северных Цветах» на 1828 г., но была устранена из скромности редактором «Северныых Цветов» Дельвигом (по свидетельству Плетнева—«Русский Архив», 1877, т. III. стр. 340).

139. Заметка о «Демоне». Эта незаконченная заметка посвящена стихотворению самого Пушкина «Демон» (1823):

В те дни, когда мне были новы
Все впечатления бытия—
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья,
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь;
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня... и т. д.

Стихотворение это при появлении своем в свет в 1824 г. произвело сильное впечатление. Прообраз «Демона» видели в А. Н. Раевском, разочарованном скептике, имевшем несомненное влияние на Пушкина в период жизни его на юге.

— *... великий Гете называет вечного врага человечества духом отрицающим*— см. слова Мефистофеля в «Фаусте» Гете, ч. I, перевод В. Брюсова, Гиз, 1928, стр. 120: «Я дух, что отрицает все на свете...»

140. Есть различная смелость. Статья не закончена и при жизни Пушкина не печаталась.

— *Державин написал...*—ода «На возвращение графа Зубова из Персии» Державина (1797).

— «*Алмазна сыплется гора...*»—«Водопад» Державина (1797).

— «*Он в дым Москвы...*»—«Певец в Кремле», стихотворение Жуковского (1816).

— «*Он даже хаживал один...*»—«Муравей», басня Крылова (1819).

— *Мильтон говорит, что адское пламя...*—«Потерянный рай» Мильтона (1667—1670), Песнь первая.

— *Делиль гордится тем...*—В предисловии к своему переводу «Георгик» Вергилия (1770) Ж. Делиль восхваляет Расина за введение в литературный язык слов, вышедших из употребления, и цитирует строки Расина из пролога к трагедии «Эсфирь» (1689), где употреблено слово pavé (помост). В поэме самого Делиля «L'homme des champs» (1802) в четвертой песне находится это «смелое» слово *vache* (корова). «Запрещение» употребления слова vache исходило от Буало («Reflexions critiques», 1693, Рассуждение IX).

— *План обширный объемлется...*—ср. «единый план *Ада* есть уже плод высокого гения» (стр. 180).

141. **Северная Лира.** Рецензия Пушкина на альманах «Северная Лира» на 1827 г., изд. Раича и Ознобишина, предназначалась для «Московского Вестника», но осталась в рукописи незаконченной и не была помещена в журнале.

Ср. рецензию Пушкина со статьей Вяземского «Об альманахах 1827 г.» (Собр. соч., т. II, стр. 28—33).

— *Любопытные прозаические переводы с восточных языков* — «Посещение» — восточная повесть анонима, «Соловей и муравей» — басня из Саади, перевод Н. Коноплева, «Садовник и соловей» — аполог (басня), перевод с персидского А. Бюргера, «Идеал» — восточная повесть О. «Восточные» повести и апологи были в те годы чрезвычайно распространены.

— *Е. А. Баратынский* напечатал в «Северной Лире» два стихотворения: «Наяда» и «Амур»; *П. А. Вяземский* — стихотворение «Деревня»; *В. И. Туманский* — четыре стихотворения: «Послание к Одесским друзьям», «Греческая ода», «Мольба», «На кончину Р...». В «Послании к Одесским друзьям» есть упоминание о «пленительных звуках» Пушкина. Сонет «На кончину Р...» посвящен памяти Ризнич, сыгравшей большую роль в сердечной жизни Пушкина.

— *...встретили его с надеждой и радостию.* — Пушкин отметил в рецензии стихи своего подражателя А. Н. Муравьева, но вскоре изменил к нему отношение (см. эпиграмму «Лук звенит, стрела трепещет...». Об обстоятельствах, вызвавших ее, см. заметку П. Е. Щеголева, *ПС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 4—5).

— *А. Норов* дал в «Северной Лире» два неуклюжих перевода из Данте: «Франческо Римини» («Ад», песнь V, ст. 73—138) и «Жизнь древних флорентинцев» («Чистилище», песнь V, ст. 97—126).

— *Д. Ознобишин* за своей подписью поместил в «Северной Лире» перевод «Еврейской мелодии» Байрона и стихотворение «Нира» А. Шенье. Он же, Ознобишин, под псевдонимом *Делибюрадер* дал перевод «Весны» Соути и двух восточных стихотворений: «Оды Гафиза» и «Нама. Уаль натру мискун», с арабского. Образец этого низкопробного перевода см. в указанной заметке Щеголева, стр. 5—6.

— *Из стихотворений...* — Разбирая стихотворный материал «Северной Лиры», Пушкин совершенно не упомянул, между прочим, о стихах Д. Веневитинова («Любимый цвет») и Ф. И. Тютчева, поместившего пять стихотворений за своей подписью и одно за подписью Т. О. «Особенно странным представляется умолчание о стихах Тютчева» (Щеголев, указ. заметка. Ср. Ю. Тынянов, «Пушкин и Тютчев» — «Архаисты и новаторы», стр. 330—366). Шевырев деятельно сотрудничал в «Московском Вестнике», и потому Пушкин не счел удобным писать о его стихах в рецензии, предназначавшейся для «Московского Вестника».

— *Прозаическая статья о Петрарке и Ломоносове* — статья С. Р[аича] «Петрарка и Ломоносов».

— *Петрарка был влюблен в Лауру...* — Большинство стихотворений, заключавшихся в «Песеннике» Петрарки, посвящено было его возлюбленной, скрытой под именем Лауры.

— *...отчего он не представился Филиппу и проч...* — Здесь необходимо привести до конца выписку из разбираемой статьи Раича: «Однажды Роберт, король Неаполитанский, спросил у Петрарки, почему он, бывши в Париже, не хотел представиться королю Филиппу Валуа? Потому, — отвечал Петрарка, — что я не хотел быть в тягость государю, который и сам неучен и ученых не любит, который на учителей своего сына смотрит как на врагов».

— *Долго г-н Раич не знал, почему...*—Приводим недописанный Пушкиным текст статьи Раича: «Долго не понимал я,—отчего у нашего Холмогорца (Ломоносова) такая свежесть, такая сладость в стихах,—не говорю уже о силе, которою, без сомнения, обязан он древним; но перечитавши все написанное им, я нашел, что он умел и счастливо умел перенести в свои творения много, очень много Италианского и даже некоторые так называемые concetti». По поводу этого места статьи Раича Пушкин и замечает: «*Сомнительно*». Отношение Пушкина к Ломоносову к этому времени окончательно установилось. Он уважал в нем «великого человека», но не поэта.

142. О романах Вальтер-Скотта. Шотландский романист оказал огромное влияние на творчество Пушкина и был одним из любимых его писателей. Как Шекспир в области драмы, так Вальтер-Скотт в области прозы может считаться одним из ближайших учителей Пушкина. В библиотеке его сохранились многие романы Вальтер-Скотта в оригинале и в переводе на французский язык (*ПС*, вып. IX-X, стр. 332—333). Следы влияния Вальтер-Скотта особенно заметны в «Арапе Петра Великого», в «Повестях Белкина», в «Дубровском» и «Капитанской дочке» (см. статью Д. Якубовича, «Реминисценции из Вальтер-Скотта», *ПС*, вып. XXXVII).

143. О Байроне и его подражателях. Заметка вызвана появлением в свет неудачной романтической трагедии бездарного писателя и переводчика В. Олина «Корсер» (1827), заимствованной из поэмы Байрона «Корсар».

— *Английские критики оспаривали...*— Из критиков, отрицавших у Байрона драматический талант, известны сотрудники «Эдинбургского Обозрения», на которых указывал Байрон в своем письме Мэррею от 17 мая 1822 г., и эссеисты вроде В. Газлитта (см. *ПА*, т. IX, ч. 2, стр. 78—79).

—*В Манфреде он подражал Фаусту.*— Байрон и сам в письмах к Мэррею не отрицал, что отрывки из «Фауста», переведенные устно на английский язык его приятелем, произвели на него сильное впечатление и не могли пройти бесследно при создании «Манфреда» (Mémoires de lord Byron, t. III, p. 282, t. IV, p. 176). В статье «О сочинениях Катенина» Пушкин еще раз подчеркивает зависимость «Манфреда» от «Фауста». «*Превращенный урод*» (1821—1823) носит на себе несомненные следы влияния Гете. На это неоднократно указывал и сам Гете. См. «Разговоры Гете, собранные Эккерманом», Спб., 1905, т. I, стр. 148, 234, 237.

144. Наброски предисловия к «Борису Годунову». Письмо В. П. Титова к редактору «Московского Вестника» М. П. Погодину от 11 февраля 1828 г., в котором говорится, что Пушкин «доставит вам *письмо* о Борисе Годунове, что он мне читал» (Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. II, стр. 182), дает основание предполагать, что данное предисловие, написанное в форме письма, Пушкин намеревался поместить в «Московском Вестнике» за 1828 г. (без имени адресата, каковым предположительно считается Н. Н. Раевский).

— *Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют...*—Самое определение романтизма не выписано Пушкиным, и для него был оставлен пробел. Определение романтизма взято нами из другой статьи Пушкина (см. № 175).

— *один из самых оригинальных писателей*—П. А. Вяземский, статью которого «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (1817) (см. Собр. соч., т. I, стр. 24—60) имеет в виду Пушкин. (Замечания Пушкина на статью Вяземского об Озерове см. № 120).

— *наши журнальные Аристархи...*—ср. стр. 73: об ошибках Полевого.

— *Сцену Летописца...*—В книге 1-й «Московского Вестника» за 1827 г. была напечатана сцена Пимена и Григория. Об откликах критики на этот отрывок в «Московском Вестнике», «Отечественных Записках», «Северной Пчеле» см. *ППМ*, т. II, стр. 237.

— *Сцилла, Тиберий, Леонид*—распространенные имена действующих лиц в классических трагедиях (см. Указатель имен).

— «*Эсфирь*» (1689), «*Вероника*» (1670) и «*Британник*» (1669)—трагедии Расина. В «Британнике», героем которого был Нерон, усматривали намек на увеселения Людовика XIV.

— *Г-н З.* — может быть, М. Н. Загоскин.

— «*Il ne dit...*» — цитата из трагедии Расина «Британник» (акт IV, конец 4-й сцены).

— «*Constitutionnel*», «*Quotidienne*»—тогдашние французские газеты; первая — либерально-оппозиционного направления, вторая—реакционного толка. *Вилмен* и *Кеннинг* — см. Указатель имен.

145. Заметки на «Опытах в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова. Заметки эти, выпукло характеризующие отношение зрелого Пушкина к поэзии его предшественника, сделаны были Пушкиным на экземпляре второй части «Опытов» Батюшкова (Спб., 1817). Впервые заметки опубликованы Л. Н. Майковым в его книге «Пушкин», Спб., 1899, стр. 284—317. Майкову был предоставлен сыном поэта, А. А. Пушкиным, пушкинский экземпляр «Опытов», ныне утраченный. Майков скопировал все заметки Пушкина в свой экземпляр «Опытов» в их подлинном размещении, последовательности и написании. Но самая публикация его не отличается полнотой и точностью. Обнаруженный недавно майковский экземпляр «Опытов» дал возможность добиться наиболее точной и полной редакции (см. статью В. Л. Комаровича «Пометки Пушкина на „Опытах" Батюшкова»—«Литературное Наследство», 1934, № 15—16). Комарович, между прочим, относит бóльшую часть заметок к концу 1830 года, а очень незначительную часть—к концу 1817 года. Мы сохраняем датировку 1827—28 по последнему изданию сочинений Пушкина—ГИХЛ, 1933.

— *Ошибка мифологическая.*—Пушкин едва ли прав, указывая ее. Правда, в подлиннике Тибулла Энкелад не упоминается рядом с Тифием,—он прибавлен Батюшковым,—но упоминание двух гигантов вместо одного не противоречит смыслу, так как, по мифу, оба они были повержены Зевсом под Этну.

— *и грамматическая.*—Имеется в виду употребление сказуемого в единственном числе при двух подлежащих.

—*Л. Д. Давыдов*—брат поэта Д. Давыдова; был близок с Батюшковым и Вяземским, который в 1815 г. также описал его плен в стихотворении «Русский пленник в стенах Парижа».

—*Жаль, что перевод...*— «Гезиод и Омир — соперники» является переводом стихотворения Мильвуа.

невежество непростительное.—Вместо «Колхиду» Батюшков должен был сказать «Халкиду» (город на о. Евбее), так как в подлиннике Chalcis, a ne Colchide.

Противуречие.— Здесь Пушкин делает ссылку на последние строки разбираемого им стихотворения, в которых действительно говорится, что слепец Гомер нигде в Элладе не находит пристанища. Следовательно, мир в отношении к нему не может быть назван *гостеприимным.*

— *Подражание Ломоносову и Torrismondo.* — Вероятно, вторая строфа «Вечернего размышления о божием величии» Ломоносова.

— *Torrismondo*—трагедия Тасса, из которой Батюшков взял эпиграф к своему «Умирающему Тассу».

— *опять!* — Подразумевается стих 21-й этого же послания: «Но кто они? — Скажу *точь-в-точь!*»

— *Батюшков не виноват.*— Подразумевается, что виноват не автор «Опытов», а их издатель Гнедич, не удержавший своего друга от включения в «Опыты» этих слабых стихов.

— *его «Видение»* — «Видение на берегах Леты» (1809) — сатирическая поэма Батюшкова.

— *Сибирский Пизар*—Ермак, воспетый Дмитриевым в стихотворении «Ермак».

— *это не Батюшкова, а Блудова и то перевод.* — Имеется в виду эпиграмма Экушара Лебрена: «O, la maudite compagnie Que celle de certain fâcheaux»... и т. д.

— *переводное остресловие—плоскость.* — Эпиграмма направлена Батюшковым против А. П. Буниной и основана на мотиве, тоже взятом у Лебрена.

Дело идет о Елизавете Алексеевне — т. е. о жене Александра I.

это покровенная глава Агамемнона в картине — намек на картину Лемуана, изображающую принесение Ифигении в жертву ее отцом, который представлен тут с покрытой головой.

146. А. Х. Бенкендорфу. 8 сентября 1826 г., по приезде Пушкина из ссылки в Москву, Николай I принял Пушкина и объявил ему, что он сам будет его цензором. Отсюда вытекала для Пушкина необходимость представлять все свои произведения на «высочайшее утверждение до напечатания или распространения оных в рукописях». Вскоре Пушкин получил выговор от Бенкендорфа за чтение «Бориса Годунова» в кругу своих друзей (*АП*, т. I, стр. 386). После этого он вынужден был препроводить драму своему «цензору» и через некоторое время получил через Бенкендорфа ответ Николая, «собственноручно» написавшего следующее заключение: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман на подобие *Валтер Скота*» (*АП*, т. I, стр. 393). См. М. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1825—1855 гг.», Спб., 1909, стр. 475. Настоящее письмо Пушкина служило ответом на резолюцию Николая. Прямо высказать свое несогласие с «цензором» Пушкин не мог. Он выражал его очень осторожно: «Жалею, что я не в силах переделать мною однажды написанное».

147. В. И. Туманскому. Письмом этим Пушкин приглашал В. Туманского, жившего в Одессе, к участию в «Московском Вестнике». Туманский ответил согласием и переслал стихи для «Московского Вестника» (*АП*, т. II, стр. 7—9).

148. А. А. Дельвигу.

— *Жду Цыганов...*—Поэма Пушкина «Цыганы» была представлена в это время на цензуру Бенкендорфу и вскоре вышла в свет.

— *... за немецкую метафизику.*—Вокруг «Московского Вестника» объединился кружок московских «любомудров» шеллингианцев, поклонников германской идеалистической философии.

—*Московский Вестник сидит в яме...*—Здесь Пушкин пародирует басню Хемницера «Метафизик», герой которой, упав в яму, спрашивал отца, бросившего ему веревку: «Веревка вещь какая?» Получив ответ, метафизик просит «выдумать орудие другое», так как это «слишком уж простое».Отец отвечает, что надобно время. «А время что?—А время вещь такая, которую с глупцом не стану я терять. Сиди,—сказал отец,—пока приду опять».

149. А. А. Дельвигу.

— *Рыцарский Ревель разбудил ли...*—Дельвиг проводил лето в 1827 г. в Ревеле. О лености Дельвига см. прим. к № 13.

— *Вечер у Карамзина*—статья Ф. Булгарина «Встреча с Карамзиным», появившаяся не в «Северных Цветах» Дельвига, а в «Альбоме Северных Муз» на 1828 г.

150. М. П. Погодину.

— *Лоскуток Онегина*—«Женщины. Отрывок из „Евгения Онегина“» (глава 4-я, строфы I—IV) появился в «Московском Вестнике» за 1827 г., № 20.

— «*Пока не требует поэта...*»—Стихотворение было названо в редакции «Московского Вестника» «Поэт» и напечатано в № 23 за 1827 г.

151. М. П. Погодину.

— «*Урания*» на 1826 г.—альманах, изданный Погодиным. Издание «Урании» на 1828 г. не осуществилось.

— *Quod licet Uraniae, licet...*—что позволено «Урании», позволено...— перефразировка известной латинской пословицы: «Quod licet Jovi, non licet bovi»—«Что позволено Юпитеру, не позволено быку».

— *Индейская сказка*—«Переход через реку, приключение Брамина Парамарты», перевод с немецкого В. Титова («Московский Вестник», 1827, № 15, за подписью К.).

— *Я перед ним виноват...*—о размолвке между Пушкиным и Вяземским из-за рецензии последнего на «Цыган» и об эпиграмме Пушкина на Вяземского «Прозаик и Поэт» (см. Собр. соч. Вяземского, т. I, стр. 381).

— «*Календарь Муз*»—альманах, выпускаемый издателем журнала «*Благонамеренный*» А. Е. Измайловым. Об альманахе этом Вяземский отозвался в рецензии неодобрительно, советуя «стихотворения, подобные помещенным в Календаре Муз, оставлять для домашнего обихода» (Собр. соч., т. III, стр. 34).

— *журнальный сыщик Сережа* — вероятно, С. Д. Полторацкий, страстный библиофил и картежник.

1828

152. Предисловие к «Руслану и Людмиле». Предисловие Пушкина было напечатано во втором издании «Руслана и Людмилы» (1828). В издании 1835 г. оно было снято Пушкиным. Поэма была окончена 26 марта 1820 г. О журнальной полемике вокруг «Руслана и Людмилы» см. прим. к № 50.

— *Одна из них подала повод к эпиграмме.*—Эпиграмма на рецензента поэмы принадлежит И. А. Крылову (см. прим. к № 10).

— *г. В.*—А. Ф. Воейков, открывший «Разбором поэмы *«Руслан и Людмила»* («Сын Отечества», 1820, №№ 34—37) журнальную дискуссию о ней.

— *вопросы неизвестного*—Д. П. Зыкова в «Письме к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила» («Сын Отечества», 1820, № 38).

— *Некто взял на себя труд отвечать.*—Замечание на письмо Зыкова, в виде ряда ответов на его допрос, напечатал Григорий Б-в (Перовский) в «Сыне Отечества», 1820, № 41.

— *Например, в Вестнике Европы.*.—В «Вестнике Европы», 1820, № 11, была помещена статья «Жителя Бутырской стороны» (Каченовского) под заглавием «Письмо к редактору».

— *как у Камоэнса...*—поэма Камоэнса «Лузиада» (1572).

— *Кирша Данилов.*—Это имя связано, без достаточных оснований, со сборником былин и исторических песен, записанных в XVIII веке и изданных в 1804 и 1818 гг. Сборник представляет чрезвычайно ценный материал для изучения русского народного эпоса.

— *...отрывок из поэмы своей Людмила и Руслан.*—Отрывок из «Руслана и Людмилы» был опубликован в «Сыне Отечества», 1820, №№ 15 и 16, а затем уже вышло отдельное издание (1820).

— *Я тут не вижу ни мыслей, ни чувства...*—Мнение это высказано было И. И. Дмитриевым (см. стр. 21 и прим. к № 24). При издании сочинений Пушкина в 1855 г. Анненковым цензура не пропускала этого места статьи, потому что тогда вообще запрещалось критиковать «маститых» писателей. Анненкову пришлось обмануть цензуру, указав, что Пушкин имел в виду Каченовского, а не Дмитриева («Анненков и его литературные друзья», стр. 417).

— *Мать дочери велит на эту сказку плюнуть*—видоизмененный стих Пирона: «La mère en defandra la lecture à sa fille». Этот стих Пирона Дмитриев иронически советовал поставить эпиграфом к «Руслану и Людмиле».

153. Предисловие к «Кавказскому пленнику». Краткое предисловие Пушкина напечатано во втором издании поэмы, вышедшем в 1828 г. (ср. высказывания Пушкина о «Кавказском пленнике» в переписке, стр. 13, 14, 15, 18, 19 и др.).

154. В зрелой словесности приходит время... Статья эта при жизни Пушкина не печаталась.

Она является одним из замечательных свидетельств эволюции литературных взглядов Пушкина на пути к реализму, к «прелести нагой простоты», к «свежим вымыслам народным».

— *...Так некогда во Франции...*—Речь идет об основоположнике так называемого «пуассардского» жанра—французском поэте и драматурге начала XVIII века Жане Ваде, авторе поэмы «Сломанная трубка», в которой целые эпизоды написаны на просторечии «пуассардок» (парижских рыночных торговок).

— *О Кольридже* Пушкин писал в «Заметке о холере» (1831): «Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ездя по соседям». В библиотеке Пушкина сохранились книги Ваде и английских поэтов «озерной школы»—Вордсворта, Кольриджа, Соути (см. *ПС*, вып. IX—X, стр. 198, №№ 760—762; стр. 340, №№ 1398—1401; стр. 353—355, №№ 1455—1470).

— Под поэзией, *освобожденной от условных украшений стихотворства*, следует понимать белые (безрифменные) стихи.

— *достоинство переводов из Гебеля...*—Жуковский перевел из Гебеля «Овсяный кисель» (1816), «Красный карбункул» (1816), «Деревенский сторож», «Тленность» (1816) и др. На перевод «Тленности» Пушкин в 1818 г. написал, между прочим, дружескую эпиграмму, говорящую о том, что в те годы он не признавал белых стихов.

— *«Убийца»*—баллада П. Катенина, которую Пушкин впоследствии назвал «лучшей» из его баллад (см. стр. 308). Катенин считал, что Пушкин в своем «Женихе» «бессовестно обокрал» его «Убийцу» («Письма Катенина к Бахтину», Спб., 1911, стр. 100—101). В балладах своих Катенин боролся с «приятным языком» и «приятным благозвучием», вводил метрические новшества и старался привить стихотворному языку «просторечие». Влияние Катенина на Пушкина сказалось на стиле «Руслана и Людмилы» (1819), а также в ряде баллад—«Жених» (1825), «Утопленник» (1828), «Вурдалак» и «Гусар» (1833).

— *Саувей*—Роберт Соути.

— *...ужас умножается, когда выражается смехом*—ср. в «Гробовщике»: «Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер-Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение».

— *Сцена тени в Гамлете*—«Гамлет», действие I, сцена 5-я.

155. О Баратынском. В 1828 г. вышла в свет стихотворная повесть Баратынского «Бал» под одной обложкой с «Графом Нулиным» Пушкина, и Пушкин снова принялся за статью о Баратынском (набросок первой статьи о нем см. № 137). Настоящая статья, посвященная разбору «Бала», также осталась незаконченной.

— *шуточках покойного Благонамеренного* — по поводу стихотворения Баратынского «Бдение» (см. Полн. собр. соч. Баратынского, изд. Академии Наук, т. I, стр. 26—27 и 226).

— *неприличной статейке в Северной Пчеле*—статья Булгарина (см. прим. к № 81, стр. 479).

— *... слабому возражению, кажется, в Московском Телеграфе*— «Московский Телеграф», 1826, № 5, статья Н. Полевого (см. *ПА*, т. IX, ч. 2, стр. 407—410).

— *... Как отозвался Московский Вестник...* — Имеется в виду «Обозрение русской словесности за 1827 год» С. П. Шевырева, в котором он писал, что «Баратынский более мыслит в поэзии, нежели чувствует. Те произведения, в коих мысль берет верх над чувством... станут выше его элегий» («Московский Вестник», 1828, № 1).

156. Ответ на статью в «Атенее» об «Евгении Онегине». В 1828 г. в журнале «Атеней» (№ 4, стр. 76—89) появился разбор за подписью В. (Воейков) IV и V глав «Евгения Онегина», полный мелочных грамматических придирок. В ответ на эту рецензию Пушкин набросал свою статью, но не опубликовал ее, ограничившись тем, что некоторые замечания В. отметил в примечаниях к своему роману (№ №24, 31, 36). Вяземский писал И. И. Дмитриеву 24 марта 1828 г. по поводу статьи в «Атенее»: «Критика Атенея на Пушкина во многом ребячески забавна. Критик не позволяет сказать: *бокал кипит, безумное страданье, сиянье розовых снегов*. После этого должно отказаться от всякой поэтической вольности в слоге и держаться одной голословной и буквальной истины».

— *«глагол времен»* — из оды Державина «На смерть Мещерского» (1779).

— *«Владимира времян»* — стих из поэмы Батюшкова «Мои пенаты» (1811).

157. М. П. Погодину. Пушкин отвечает на письмо Погодина (*АП*, т. II, стр. 52—53). В № 1 за 1828 г. «Московского Вестника», в отрывке из «Евгения Онегина»—«Москва»—вкрались опечатки. Раздосадованный Пушкин перепечатал стихи в «Северной Пчеле» Булгарина, где перепечатка сопровождалась примечанием издателя, задевающим журнал Погодина (см. *ППМ*, т. II, стр. 272—273).

— *Герой Шевырев!..*—Пушкин расхвалил здесь Шевырева за удар по Булгарину в «Обозрении русской словесности за 1827 г.» («Московский Вестник», 1828, № 1). Шевырев отмечает в этом «Обозрении» пошлость правоописательных сочинений Булгарина.

— *Плюньте на суку..*—из «Песенки» В. К. Тредьяковского:

Плюнь на суку
Морску скуку... и т. д.

— *Грех ему не чувствовать Баратынского...*—«Про Баратынского стихи при нем [Пушкине] нельзя было и говорить ничего дурного: он сердился на Шевырева за то, что тот, разбирая стихи Баратынского, дурно отозвался об некоторых из них» (Л. Майков, «Пушкин», 1899, стр. 331. «Воспоминания Шевырева о Пушкине»).

158. С. А. Соболевскому. Письмо Соболевского, на которое отвечает Пушкин, не сохранилось.

— *Атенеический Мудрец.*—В журнале «Атеней» (№ 4 за 1828 г.) издававшемся с 1828 г. проф. М. Г. Павловым, был помещен разбор IV и V глав «Евгения Онегина» за подписью В. (Воейков). Ответ Пушкина на эту придирчивую и мелочную критику см. № 156.

— *Зубарев* — журналист, сотрудник «Вестника Европы», выступивший в 1825 г. с критикой «Истории Государства Российского» Карамзина.

— *Иван Савельич* — Сальников, «последний» московский шут, потешавший знать (см. о нем *ППМ*, т. II, стр. 267—269).

159. И. Е. Великопольскому.

— *...милые ваши стансы.* — В 1828 г. Великопольский, поэт и карточный игрок, выпустил отдельным изданием свое стихотворение «Эрасту (сатира на игроков)». Пушкин ответил «Посланием к Великопольскому» (см. *ПКН*, т. II, стр. 45), напечатанным в «Северной Пчеле», 1828, № 30, с следующим примечанием издателей: «имени сочинителя сих стихов не подписываем: «ex ungue leonem» (по когтям узнаем льва). Обиженный Великопольский, узнавший в авторе «Послания» Пушкина, тотчас написал ответное послание и направил его Булгарину. Но последний не решился напечатать стихи Великопольского, усмотрев в них «личность».

160. М. П. Погодину.

— *Наш журнал*—«Московский Вестник».

— *одобрение великого Гете*—письмо его о шевыревском разборе из отрывка «Фауста» (в «Московском Вестнике», 1827, № 21), адресован-

ное Н. Борхарду и написанное из Веймара 1 мая 1827 г., опубликовано было в «Московском Вестнике», 1828, ч. IX, стр. 326—333, в подлинном немецком тексте и в переводе на русский язык.

— «*Мысль*»—стихотворение С. П. Шевырева, напечатанное в «Московском Вестнике», 1828, ч. VIII, стр. 357—358, которое дважды подверглось придирчивой критике Булгарина («Северная Пчела», 1828, № 37—«Письмо к издателю Северной Пчелы» за подписью С. Объективин, и 1828, № 58—«Письмо к издателю Северной Пчелы» за подписью Б. Вернов-Рамонин).

— *северным шмелям*...—т. е. издателям «Северной Пчелы», Булгарину и Гречу.

— *Ксенофонт Телеграф*—Ксенофонт Полевой, брат издателя «Московского Телеграфа», сотрудничавший в его журнале. Об антагонизме между «Московским Вестником» и «Московским Телеграфом» см. его «Записки», Спб., 1888, стр. 201—210.

— «*Славянин*» — журнал, издававшийся А. Ф. Воейковым (1827—1830).

161. Издателям «Северных Цветов» на 1829 г.

—*П. А. Катенин дал мне право*...—С письмом препровождалось стихотворение «Старая быль», которое и появилось в «Северных Цветах» на 1829 г. О стихотворении этом см. интересное исследование Ю. Тынянова «Архаисты и новаторы», изд. «Прибой», 1929, стр. 160—177.

1829

162. Из предисловия к «Полтаве». Предисловие было напечатано в первом издании «Полтавы» (1829). Мы печатаем отрывок из предисловия, опуская исторические рассуждения Пушкина.

В «Полтаве» в известной мере сказалась линия «примирения» Пушкина с правительством. Отталкиваясь от романтического образа «Мазепы» Байрона и поэмы «Войнаровский» Рылеева, проникнутой идеологией декабризма, Пушкин трактовал Мазепу как «честолюбца, закоренелого в злодеяниях и коварствах», над которым справедливо восторжествовало самодержавие. При этом Пушкин был уверен, что показал Мазепу «точь-в-точь» такого, каким рисует его история (см. стр. 234).

— ...*героя свободы*—таким Мазепа изображен в поэме Рылеева «Войнаровский».

163. Наброски предисловия к «Борису Годунову». Поскольку обширное предисловие к «Борису Годунову» в форме письма к Н. Н. Раевскому (1829) включено нами в раздел переписки (см. стр. 170—172), мы не сочли нужным дублировать его в разделе статей и заметок.

— *C'est une oeuvre de bonne foi*—из предисловия Монтэня к «Опытам».

— *Трагедия моя уже известна почти всем тем*...—«Борис Годунов» неоднократно читался Пушкиным в кругу друзей (у Соболевского в присутствии Веневитинова, Чаадаева, И. Киреевского, Виельегорского; у Веневитиновых в присутствии Погодина, бр. Хомяковых, Шевырева и др.).

— *В числе моих слушателей одного недоставало*...—Н. М. Карамзина.

— *Об «Ермаке»* Хомякова—см. прим. к № 182.

— *«Аргивяне»*—неизданная трагедия В. К. Кюхельбекера (см. Ю. Тынянов, «Архаисты и новаторы», стр. 292—329). Отрывки из «Аргивян» печатались в «Мнемозине» на 1824 г.

— *Трагедия Жандра*—«Венцеслав», запрещенная цензурой к постановке.

— *Нашед в истории одного из предков моих*—см. прим. к № 169.

164. Отрывок из литературных летописей. Впервые статья появилась в «Северных Цветах» на 1830 г., стр. 228—241. Написана она по случаю тяжбы редактора-издателя «Вестника Европы» Каченовского с цензурой. Тяжба возникла в декабре 1828 г., после того, как Н. А. Полевой под псевдонимом И. Бенигна (плодовитый) резко выступил против Каченовского. На широковещательное объявление Каченовского в № 18 «Вестника Европы» Полевой ответил издевательскими замечаниями, в которых осмеял 26-летнюю литературную деятельность Каченовского: «Журнальные статейки, выходки на Карамзиных, Жуковских, Буле, Калайдовичей, полдюжины диссертаций из чужих материалов, переделка статей Баузе, перевод вздорного романа («Тереза и Фальдони»)... вот все, чем устилал себе издатель «Вестника Европы» дорогу в храм литературного бессмертия в течение 25 лет». Каченовский вздумал для своей защиты прибегнуть не к обыкновенному литературному оружию, а к странному средству. Он подал жалобу в Московский цензурный комитет на цензора С. Н. Глинку, давшего разрешение на выпуск номера «Московского Телеграфа» со статьей Полевого (Бенигны). Он обвинял Глинку в том, что тот действовал «по пристрастию», так как не мог не видеть умысла Полевого оскорбить «личную честь» Каченовского и задеть Московский университет, где он, Каченовский, служит. Комитет нашел, что Каченовский прав. Только один член комитета, В. Измайлов, стал на сторону Глинки и подал особое мнение. Дело было переслано в Главное управление цензуры, которое оправдало Глинку, не найдя в статье Полевого «ничего оскорбительного для личной чести» Каченовского. В «Северной Пчеле» вскоре по окончании разбора дела Каченовского появилось замаскированное описание этого происшествия, где Полевой и Каченовский были представлены китайскими журналистами («Северная Пчела», 1829, № 33). Все это заинтересовало Пушкина, и он счел необходимым вмешаться в полемику. Материалы, на основании которых писался настоящий «Отрывок», перечислены им в черновом автографе под заглавием «Pièces justificatives» (Оправдательные документы): «1) объявление на подписку «Вестника Европы»; 2) замечания «Телеграфа», примечание редактора 3) голос Измайлова; 4) речь Глинки; 5) вторая статья Полевого; 6) письмо Глинки к Блудову; 7) письмо Блудова». Еще до написания этой статьи Пушкин напечатал в «Московском Телеграфе» эпиграмму, посвященную доносу Каченовского на Полевого: «Журналами обиженный жестоко...» и т. д. (см. *ПКН*, т. II, стр. 64). Цензура с большим трудом пропустила «Отрывок из литературных летописей», произведя целый ряд сокращений (в тексте статьи они заключены в квадратные скобки).

Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода» остановился на «жалкой» попытке Каченовского «оградиться тем, чем не следует ограждаться в спорах чисто литературных», и целиком привел «превосходно написанную статью» Пушкина (см. Избр. соч., Гиз, 1931, т. IV, стр. 191—198 и 166).

— *движимый глубоким чувством сострадания*... и т. д.—Эти строки взяты из объявления Каченовского о подписке на «Вестник Европы» (1828, № 18).

— *Светильник исторической его критики*—статья Каченовского (за подписью Ф.), в которой дан разбор двух французских переводов предисловия к «Истории Государства Российского» («От Киевского жителя к его другу»—«Вестник Европы», 1819, №№ 2—6).

— *«О бельих лобках и куньих мордках»*—статья Каченовского («Вестник Европы», 1828, № 13).

— *Старый педант*—М. Т. Каченовский. *Пьяный семинарист*—Н. И. Надеждин, происходивший из духовного звания.

— *...ошибочно судил о музыке Верстовского.*—В «Вестнике Европы», 1828, № 1, был напечатан отзыв о кантате композитора А. Н. Верстовского «Черная шаль» на слова Пушкина.

— *«Тереза и Фальдони»* —сентиментальный роман Н. Леонара, переведенный на русский язык Каченовским (1804).

— *Никодим Надоумко* —псевдоним Н. И. Надеждина.

— *негодование Міхаила Трофімовича...*—Журнал Каченовского отличался некоторыми орфографическими особенностями (употребление букв фиты и ижицы). Этим и объясняется написание «Міхаил Трофімович» в насмешку над «старым педантом». Ср. «Vсторическая епіграмма» Баратынского («Хвала, маститый наш зоил»).

— *«Литературные опасения кое за что»*—статья Н. Полевого в «Московском Телеграфе», 1828, № 23, стр. 358.

— *упрекал издателя Телеграфа винным его заводом...*—В 1825 г., когда Полевой приступил к изданию «Телеграфа», в «Вестнике Европы» острили, что «Телеграф *построен над кабаком*» (1825, № 21), что издатель «Телеграфа—*литератор водочного завода Москвы белокаменной*» (1825, № 10), желая оскорбить Полевого его купеческим званием. В «Литературных опасениях кое за что» (1828) Полевой (Бенигна) вспомнил об этих выходках Каченовского.

— *Князь Вяземский уже дал однажды заметить...*—Имеется в виду статья Вяземского «Письмо в Париж» («Московский Телеграф», 1825, № 22, стр. 178—179). См. Собр. соч., т. I, стр. 198—205.

165. Несколько московских литераторов. Статья при жизни Пушкина в печати не появлялась. Читатель, ознакомившийся с предыдущей статьей Пушкина, легко поймет, против кого направлено это едкое описание «общества для распространения правил здоровой критики Курганова и Тредьяковского».

— *Трандафырь*—переделано Пушкиным из Трандафеля (так насмешливо окрестили Каченовского московские журналисты).

— *Никодим Невеждин*—Н. И. Надеждин, выступавший под псевдонимом «Никодим Надоумко». Пушкин неоднократно писал эпиграммы на Надеждина, преследуя его насмешливыми прозвищами «семинариста», «лакея» и т. д.

— *г. Х.*—«бывший корректор типографии Пахом Силыч Правдивин», одно из действующих лиц в тех статьях Надеждина, которые писались в форме разговоров (ср. отрывки из «Путешествия в Арзрум», стр. 346).

— *Ждали Срамцова.*—Кого здесь имеет в виду Пушкин, нам неизвестно.

— *Н. Г. Курганов*—автор популярного в свое время «Письмовника», выдержавшего с 1769 по 1831 г. множество изданий.

— *звуки кимвала звенящего*—слова из объявления о подписке на «Вестник Европы» (см. «Отрывок из литературных летописей», № 164).

— *Перевели романы.*—Имеется в виду Каченовский, переводчик «Терезы и Фальдони» Н. Леонара (см. «Отрывок из литературных летописей»).

— *А. С. Ширяев*—крупный московский издатель и книгопродавец.

— *Переводы Байрона с польского.*— Каченовский переводил «поэмы Байрона с французской прозы, поэму Вальтер-Скотта с польской прозы» и т. д. В 1822 г. вышел «Выбор из сочинений лорда Байрона», перевод с французского М. Каченовского, в 1823 г.—«Поэма последнего барда» Вальтер-Скотта, в переводе М. Каченовского.

— *Стихи молодых семинаристов*— может быть, намек на стихи Надеждина, печатавшего их часто в первые два-три года своей литературной деятельности.

166. Заметка о Ромео и Джульетте Шекспира. Впервые напечатана в «Северных Цветах» на 1830 г., стр. 108—110. После длительного увлечения поэзией Байрона Пушкин с 1824 г. пристально и глубоко изучал Шекспира. Следы этого изучения видны в переписке (см. письма к Н. Н. Раевскому), в теоретических высказываниях поэта и в его художественных произведениях.

167. Многие недовольны нашей журнальной полемикою... При жизни Пушкина заметка не печаталась. См. более позднюю редакцию ее (стр. 324).

— *Легкомыслие и невежество выражаются языком (Вестника Европы и Атенея)...*—В «Атенее», 1828, № 4, за подписью В. [Воейков], появился разбор IV и V глав «Евгения Онегина», полный мелочных придирок. Пушкин отметил некоторые замечания критики в своих примечаниях к роману (№№ 24, 31, 36) в 1829 г. (см. также «Ответ на статью в „Атенее“ об Евгении Онегине», № 156). В «Вестнике Европы», в статье о «Полтаве» (1829, №№ 8 и 9) Н. Надеждина (Надоумко), можно найти грубые выпады против Пушкина. Под «*пьяным семинаристом*» Пушкин разумеет именно Надеждина.

168. П. А. Вяземскому.

— ... *Читал Цветы?..*—«Сев. Цветы» на 1829 г. Там, между прочим, было напечатано «*Море*» (1822) («Безмолвное море, лазурное море») В. А. Жуковского и переведенные им «Отрывки из Илиады» (не с греческого подлинника, а с немецкого перевода). Помещение этих отрывков в «Сев. Цветах» вызвало недовольство со стороны Н. Гнедича, печатавшего тогда отдельное издание своего перевода (см. рецензию Пушкина, № 177). Отсюда размолвка между Гнедичем и издателем «Сев. Цветов» Дельвигом (см. А. И. Дельвиг, «Воспоминания», «Academia», 1930, т. I, стр. 81—82).

169. Н. Н. Раевскому. Можно предполагать, что проект данного письма является наброском предисловия к «Борису Годунову» в традиционной форме письма, подобно отрывку, напечатанному выше (см. стр. 117—120). По содержанию он неразрывно связан с наброском более раннего письма (№ 101) и местами дословно повторяет его.

—*Последний том Карамзина...*—В 1824 г., приступая к трагедии «Борис Годунов», Пушкин сделал краткий конспект событий по «Истории Государства Российского» Карамзина (томы X и XI вышли в свет в марте 1824 г.).

— *Один из моих предков...* —О предке Пушкина, думном дворянине Гаврииле Пушкине, см. в книге Б. Л. Модзалевского «Пушкин», изд. «Прибой», 1929, стр. 38—42.

— *Ксения* царевна (дочь Годунова) была наложницей Лжедмитрия.

— *«Увы! Я слышу сладкие звуки греческой речи»*.—Пушкин не точно цитирует тираду из трагедии Ж.-Ф. Лагарпа «Филоктет»—там Филоктет говорит до слов Пирра следующую фразу:

Repondez que je puisse entendre votre voix,
Reconnaître des Grecs l'accent et la langage.

(Отвечайте, чтобы я мог услышать ваш голос,
Узнать выговор и язык греков.)

170. П. А. Плетневу [?].

— *«Полтава»*, написанная в течение октября 1828 г (но начатая еще в апреле этого года), вышла в свет около 1 апреля 1829 г. и была очень холодно встречена критикой. *«Полтава не имела успеха»*, писал через год Пушкин в «Деннице» на 1831 г. (см. № 199) Наиболее резко отозвался о поэме Надеждин в «Вестнике Европы», 1829, №№ 8 и 9. Погодин писал Шевыреву 28 апреля 1829 г.: «Полтава Пушкина вышла, но принята холоднее, чем заслуживает. У Пушкина публика вычитает теперь из должных похвал прежние лишние. Гораздо больше шуму в Петербурге сделал Выжигин Булгарина». Ср. отрывки из «Путешествия в Арзрум» (стр. 346) и антикритическую заметку Пушкина (№ 199), где повторено местами дословно данное письмо.

171. Н. И. Гнедичу.

— *«Илиада» Гомера*, переведенная Н. Гнедичем, вышла в 2 частях в конце 1829 г. Гнедич подарил Пушкину «Илиаду» с надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения от переводчика. 1829, дек. 23. С. П. Бург.».

— *...входит в пристань...*—ср. «когда ваш корабль, нагруженный сокровищами Греции, входит в пристань...» и т. д. (см. № 83).

172. П. А. Вяземскому. Посланное Вяземским из Москвы в Петербург Пушкину стихотворение, которое, по словам Пушкина, стоит «Уныния» (см. № 7), называлось «К ним». Текст стихотворения и замечания Пушкина на автографе Вяземского приведены Б. Л. Модзалевским в примечаниях ко II тому Писем Пушкина, стр. 377—378.

1830

173. Альманашник. «Альманашник» предназначался для «Литературной Газеты», но остался незаконченным и не был опубликован.

Альманахи в России появились в конце XVIII века. Н. М. Карамзин первый выпустил в подражание западным образцам альманахи «Аониды» и «Аглая». С тех пор альманахи пошли в ход и к концу 20-х и началу 30-х годов XIX века чрезвычайно размножились. Большинство альманахов отличалось идеологической беспринципностью и спекулятивным характером. Исключением были «Полярная Звезда» (1823—1825) Бестужева и Рылеева, «Северные Цветы» (1825—1832) Дельвига и Сомова, «Мнемозина» (1824—1825) Одоевского и Кюхельбекера, «Денница» Максимовича и некоторые другие. Труд автора в альманахе большей частью не оплачивался. Гонорар получали собиратели материала, что заставляло их быть особенно назойливыми в отношении знаменитых авторов. Пушкин, мечтавший еще с середины 20-х годов о «своем журнале», который бы объединил его литературных единомышленников на определенной литературно-

общественной платформе, крайне страдал от набегов хищных «альманашников». В порядке ли дружеских услуг или в силу тактических соображений Пушкину пришлось опубликовать за десять лет не менее ста двадцати произведений по альманахам. Нередко стихи его печатались в альманахах без его ведома и согласия.

Один из издателей такого рода альманахов, М. Н. Бестужев-Рюмин, выпускавший альманахи: «Майский Листок» (1824), «Сириус» (1827) и «Северная Звезда» (1829), самовольно опубликовал в своей «Звезде» шесть стихотворений Пушкина, вовсе не предназначавшихся к печати. Печатая у себя стихи Пушкина, Бестужев-Рюмин одновременно преследовал его, Дельвига и Вяземского всевозможными «разоблачениями» и колкостями. В «Альманашнике» Бестужев-Рюмин выведен в лице *Бесстыдина*.

— Первое произведение *Ж.-Ж. Руссо*—диссертация на тему, поставленную Дижонской академией: «Содействовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов», написано им в 1749 г., 37 лет от роду.

— О романе Булгарина «*Иван Выжигин*» и об А. А. Орлове, авторе лубочных романов, см. статью Пушкина «Торжество дружбы» (№ 235).

— *А. П.*—А. Пушкин. *Е. Б.*—Е. Баратынский. *К. П. В.*—кн. П. Вяземский.

174. Детская книжка. Критической фельтон этот предназначался для «Лит. Газеты», но остался ненапечатанным. «Детская книжка» Пушкина метила в трех тогдашних литературных деятелей: Н. А. Полевого, П. П. Свиньина и Н. И. Надеждина.

— *Ветреный мальчик*, считавший, что для него довольно «слегка понимать иностранные языки»,—это Н. А. Полевой. В письмах к друзьям Пушкин также обличал Полевого в невежестве (см. стр. 73).

— *Маленький лжец* — П. П. Свиньин, исторические статьи которого и путевые записки отличались враньем и неточностями. Баснописец А. Е. Измайлов заклеймил Свиньина в басне «Лжец» и в «Песне». В сказочке своей Пушкин осмеял и другую наклонность Свиньина—открывать дарования «самородков».

— *Ванюша, сын приходского дьячка* — Н. И. Надеждин, некоторые статьи которого были написаны в форме «разговора между дьячком, просвирней и корректором типографии». См. статью «Несколько московских литераторов» (№ 165) и заметку «Встреча с Надеждиным» (№ 229).

175. Из материалов к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». В статье «О русской литературе, с очерком французской» (№ 306) Пушкин писал: «Наши критики не согласились еще в ясном различии между родами классическим и романтическим. Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам...»

— *поэт, напитанный древностью*—ср.: «Никто более меня не любит прелестного André Chenier. Но он из классиков классик» (см. стр 35).

176. О переводе романа Б. Констана «Адольф». Впервые заметка напечатана в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 1, отд. «Смесь». Перевод «Адольфа», сделанный Вяземским, вышел лишь в 1831 г. (одновременно в первых номерах «Моск. Телеграфа» за 1831 г. печатался перевод того же романа, сделанный Н. А. Полевым).

Вяземский предпослал переводу посвящение: «Александру Сергеевичу Пушкину. Прими мой перевод *любимого нашего романа* [1]. Смиренный лито-

[1] Курсив наш.—*Ред.*

граф приношу великому живописцу бледный снимок с картины великого художника. Мы так *часто говорили с тобою о превосходстве творения сего*, что принявшись переводить его на досуге в деревне, мысленно относился я к суду твоему; в борьбе иногда довольно трудной мысленно вопрошал я тебя, как другую совесть, призывал в ареопаг свой и Баратынского, повергал вам свои сомнения и запросы и руководствовался угадыванием вашего решения...» (Собр. соч., т. X, Приложения, стр. 3.; см. также *ЛП*, т. II, стр. 217 и 219).

О цензурных затруднениях при напечатании «Адольфа» и заметки Пушкина см. *ПА*, т. IX, ч. 2, стр. 159—165.

— *«В которых отразился век...»*—«Евгений Онегин», гл. 7, строфа XXII.

— *... обнародованный гением лорда Байрона.*—Имеется в виду «Чайльд-Гарольд».

177. «Илиада» Гомерова. Заметка была напечатана в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 2, отд. «Библиография».

Перевод Гнедича полностью вышел в свет в двух книгах в середине декабря 1829 г. В альманахе «Альциона» на 1832 г. Пушкин приветствовал перевод Гнедича стихотворением:

Слышу божественный звук воскреснувшей эллинской речи;
Сердца великого тень чую смущенной душой,

но вместе с тем написал и эпиграмму на перевод:

Крив был Гнедич поэт, прелагатель слепого Гомера;
Боком одним с образцом схож и его перевод.

В рукописи Пушкин эпиграмму зачеркнул (см. *ПС*, вып. XIII, стр. 13—14).

178. О литературной критике. Впервые напечатано в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 3, отд. «Смесь». Ближайшим поводом к появлению этой статьи было «Послание Северной Пчелы к Северному Муравью» («Сев. Пчела», 1830, № 3), в котором утверждалось, что «наша литература есть *литература-невидимка*. Все говорят об ней, а никто ее не видит. На одной руке можно сосчитать по пальцам все литературные произведения наши в течение года, заслуживающие наблюдения и суда, и эти-то несчастные выскочки подвергаются всем выстрелам критики...»

Настоящая заметка была одним из начальных звеньев бурной и ожесточенной полемики с представителями «промышленного» журнализма (Булгарин, Полевой и др.), объявившими сотрудников «Лит. Газеты», Дельвига, Вяземского и Пушкина, «аристократами» (см. статьи Пушкина, №№ 188 и 189). Утверждение Пушкина, что «Литературная Газета была у нас необходима *не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей*, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов», вызвало раздражение у издателей «Сев. Пчелы».

В № 6 этой газеты в мелкой заметке высмеивались «*великие незнакомцы*, которые хотят *печатно скрываться* перед нами в Лит. Газете». В № 9 Булгарин снова нападает на отмеченное нами место в статье Пушкина.

Полевой в 1830 г. также поместил (в приложении к своему журналу «Новый живописец общества и литературы») ряд пародий на Вяземского,

Баратынского, Дельвига, сопроводив их полемическими выпадами против группы «литературных аристократов». М. Бестужев-Рюмин в «Сев. Меркурии» поместил резкую сатиру на Дельвига, изобразив его содержательницей лавки модных товаров, открытой не для всей публики, а только для некоторых «приятельниц», будто бы не хотевших «выставлять напоказ в других магазинах свое рукоделие». Пушкина Бестужев вывел в лице «Александры Сергеевны»—«дорогой кумушки, знаменитой художницы, которая *была прежде* из лучших мастериц в своем роде, но, начав лениться, стала рукодельничать плохо...» («Сев. Меркурий», 1830, №№ 49 и 50. «Сплетница»).

— *Об отсутствии у нас критики* и наличии литературы Пушкин писал и в 1825 г. в письме к А. Бестужеву (см. № 96).

— *...превращается в домашнюю переписку...* — Речь идет о «Вестнике Европы», где «сотрудник» (Н. Надеждин) в статье «Отклик с Патриарших прудов» просил издателя (Каченовского) «очистить в журнале место» для следующей его, Надеждина, статьи. В примечании к статье Каченовский отвечал: «Весьма охотно и без малейшего отлагательства». В другой статье—«Всем сестрам по серьгам»—собеседник Надоумка (т. е. Надеждина) Пахом Силыч Правдивин бросает фразу: «На пустяки пороху тратить много не следует». Каченовский, подвергавшийся насмешкам за статью о торговле порохом, усмотрел в этом скрытый намек и снабдил статью Надеждина примечаниями «наборщика» и «издателя»: «*Порох, порох!* Дадут вам этот *порох* опять!»—*Примечание наборщика.* — «Продолжай набирать! Ты не знаешь прекрасных стихов Жуковского:

Могущему пороку—брань,
Бессильному презренье!

Примечание Издателя.

— *«Иван Выжигин»* — роман Ф. Булгарина (1829) (см. о нем в прим. к № 235).

179. Из второй статьи об «Истории русского народа» Н. Полевого, напечатанной впервые в «Лит. Газете», 1830, № 12, отд. «Библиография».

— Представители *новой школы французских историков*—1) буржуазный историк Огюстен Тьери (Пушкин писал жене 15 ноября 1834 г., что, читая «Историю завоевания Англии» Тьери, он «сделался ужасным политиком»); 2) Амабль Барант—давший в «Истории герцогов Бурбонских из дома Валуа» пересказ средневековых хроник.

180. Юрий Милославский, или Русские в 1612 г. Рецензия на «Юрия Милославского» М. Н. Загоскина была напечатана в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 5, отд. «Библиография».

В письме к Вяземскому Пушкин более осторожно, нежели в данной рецензии, оценивает «Юрия Милославского», в котором, по его словам, «многого недостает» (см. № 207). Современники Загоскина очень высоко ставили его романы за исторический колорит, глубокое знание народной жизни и т. п. Однако суть романов «русского Вальтер-Скотта» не в воссоздании исторической реальности, а в той национально-патриотической тенденции, которая так характерна для его творчества. Он выступает в своих произведениях идеализатором старины и дворянского патриархализма.

— Генрих-Корнелиус-*Агриппа Неттесгаймский* (1486—1535)—рыцарь, ученый, врач и философ-алхимик, пользовавшийся репутацией «волшебника-мага». Пушкин был, вероятно, знаком с «Балладой о юноше, который захотел прочесть беззаконные книги, и о том, как он был наказан» (1798) Соути, а также встречал упоминания Агриппы в произведениях Вальтер-Скотта (см. *ПС*, вып. XXXVIII—XXXIX).

— ***Фреза*** (la fraise)—гофрированный высокий круглый воротник.

— ***Madame Campan*** — Жанна-Луиза де Кампан (1752—1822), пользовавшаяся большой известностью в свое время как педагог, директриса пансиона Экуан для сирот кавалеров Почетного легиона. Мемуары де Кампан, изданные в 1823 г., сохранились в библиотеке Пушкина.

— Газета «***The Times***» начала выходить в Лондоне в конце XVIII века. Газета «***Journal des Débats***» издавалась в Париже с начала XIX века.

— ***...как утверждает Madame de Staël***—«Взгляд на французскую революцию» г-жи Сталь, ч. 1, гл. II.

— ***Сколько несообразностей...***—Имеется в виду пространная рецензия С. Т. Аксакова («Моск. Вестник», 1830, № 1, стр. 75—90) на «Юрия Милославского», в которой имеется свыше пятидесяти замечаний по поводу всевозможных неточностей в романе Загоскина (см. Собр. соч. С. Т. Аксакова, 1902, т. III, стр. 290—299).

— ***Шиши*** — бродяги, а также лазутчики, доносчики, перебегавшие в «Смутное время» из одного лагеря в другой.

— ***Успех «Юрия Милославского»*** действительно был блистателен. «Я видел,—пишет в биографии М. Н. Загоскина С. Т. Аксаков,—у Загоскина много писем от разных европейских литературных знаменитостей, писем, наполненных лестными отзывами, было даже одно или два письма от Вальтер-Скотта...» Роман был переведен на французский, немецкий, голландский, английский и другие иностранные языки. В России «Юрий Милославский» выдержал множество изданий.

181. Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой. Рецензия напечатана в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 10, отд. «Библиография» (см. письмо Глинки к Пушкину, *АП*, т. II, стр. 116—117). Отношение Пушкина к поэзии Глинки несколько противоречиво, но, пожалуй, в большинстве случаев отзывы его о «Фите» (прозвище Ф. Н. Глинки) имеют иронический оттенок. В данной рецензии Пушкин отмечает наиболее существенные недостатки Глинки: вялость, однообразие мыслей, прозаические обороты, но подчеркивает, что Глинка со всеми его недостатками и достоинствами отличается оригинальностью. Растянутая и холодная поэма Глинки, может быть, и не заслуживала такого благосклонного отзыва, какой был дан Пушкиным, но рецензия его интересна с другой стороны: в ней даны беглые, но любопытные оценки творчества Ломоносова, Батюшкова, Державина и др.

182. Денница. Статья напечатана в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 8, отд. «Библиография», и посвящена разбору «Обозрения русской словесности за 1829 г.» И. В. Киреевского. «Обозрение» — вторая статья молодого И. В. Киреевского, написанная им для печати по просьбе издателя «Денницы» М. А. Максимовича. Первая — «Нечто о характере поэзии Пушкина»—появилась еще в «Моск. Вестнике», 1828, № 6.

С первых же шагов в литературе И. В. Киреевский заслужил одобрение Жуковского, Вяземского, Пушкина и А. Тургенева (см. И. В. Киреевский, Собр. соч., 1911, т. I, стр. 17—19, и Остафьевский архив, т. III, стр.

202 и 208). В одном из петербургских писем к отчиму Киреевский писал: «Пушкин был у нас и сделал мне три короба комплиментов об моей статье» (15 января 1830 г.). Наоборот, во враждебном Пушкину лагере (Булгарин, Греч) статья его, заключавшая резкий отзыв о «Выжигине», вызвала озлобление («Сын Отечества», 1831, № 20, стр. 323). Деятельность *молодого* Киреевского, увлекавшегося немецкой идеалистической философией и либерально настроенного, существенно отлична от его позднейших выступлений, когда он перешел на позиции реакционного мистицизма. Первые критические статьи Киреевского (в некоторых отношениях замечательные ранние образцы русской философской критики, пролагающие путь Белинскому) несомненно метки и по-своему блестящи. Заключительные строки пушкинской рецензии на «Денницу» красноречиво свидетельствуют о том значении, какое он придавал первоначальным критическим опытам Киреевского.

— *В сем альманахе встречаем имена...*—В «Деннице» приняли участие: Баратынский, Веневитинов, Дельвиг, Вяземский, А. С. Пушкин, В. Л. Пушкин, Шевырев, Языков, М. Минцына и сестры С. и Н. Тепловы.

— Об *одобрительном внимании Гете к Шевыреву* см. прим. к № 160.

— *Веневитинов* умер 22-летним юношей, не успев развернуть своих дарований.

— *Новый цензурный устав*, утвержденный 22 апреля 1828 г., несколько смягчал «чугунный» шишковский устав, опубликованный тотчас после разгрома декабристов, но цензурная практика оставалась столь же суровой и беспощадной.

— Пушкин высоко ценил *Н. И. Новикова*. См. «Исторические замечания» (1822) и рецензию на «Словарь о Святых» (1836).

— О «*Полтаве*» см. заметки Пушкина №№ 162 и 199 и письмо П. А. Плетневу, № 170, стр. 172—173.

— Первым переводчиком «Илиады» на русский язык был *Е. Костров* (1750—1796)—государственный крестьянин, которому с огромным трудом удалось получить высшее образование. Впоследствии Костров спился и опустился. Его стихотворный перевод «Илиады» остался незаконченным. Переводы Кострова ко времени Пушкина устарели, но в XVIII веке стояли на уровне современных ему требований. О переводе «Илиады» Жуковским и Гнедичем см. стр. 514, № 168.

— «*Ермак*»—трагедия А. С. Хомякова, частично печатавшаяся в «Моск. Вестнике», 1828, и «Деннице», 1830, полностью была опубликована в 1832 г. «Ермак» привлек внимание Пушкина, который неоднократно положительно высказывался о нем (см. стр. 163, 229).

— Киреевский под «*немецкими умствователями*» разумеет кружок любомудров, воспитывавшихся на философии Шеллинга.

— «*Уныние*»—стихотворение Вяземского (см. № 7), «*Эда*» и «*Бальный вечер*» («Бал»)—поэмы Баратынского.

— *Только подражание из любви...* — подражания Дельвига поэтическим образцам классической Греции, на которые Дельвиг, по выражению Киреевского, «набросил душегрейку новейшего уныния». Заметим, что образное сравнение это стало предметом насмешек со стороны Булгарина и др. (см. «Шутки наших критиков», стр. 221).

— Отмечая *иностранных поэтов*, «*пользующихся любовью наших литераторов*», Киреевский в «Обозрении» указывал, что «знакомством с Байроном обязаны мы Пушкину...»

183. О записках Самсона. Напечатано в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 5, отд. «Смесь».

— Анри *Сансон* (Sanson) (1740—1793) — парижский палач времен революции. Книга, изданная под названием «Записок Сансона», была составлена Бальзаком и Леритье на основании подлинных заметок Сансона и других материалов, оставшихся после смерти палача (см. Собр. соч. Бальзака, ГИХЛ, 1933, т. I, стр. 21—22).

— *Исповеди философии XVIII века*—«Исповедь» Ж.-Ж. Руссо.

— *...бесстыдных записках Генриеты Вильсон, Казановы и Современницы*—1) скандальные мемуары английской актрисы и женщины легкого поведения *Генриетты Вильсон*, вышедшие в 1825 г., переведенные на французский язык и имевшие шумный успех; 2) «Записки» (1826—1838) авантюриста *Казановы*, в которых описана его бурная, полная любовных приключений жизнь; 3) «Записки *Современницы*» (1827) французской авантюристки Elzellina Van Ayl de Fonghe, носившие скандальный характер: «Современница» рассказывала в книге обо всех своих любовных похождениях, называя по именам многих государственных деятелей, находившихся прежде с нею в связи.

— *...выписки из Видока* — записки начальника парижской сыскной полиции Видока (см. статью Пушкина, № 187). Отрывки из них печатались в «Галатее» Раича, 1829.

— *поэт Гюго не постыдился...*—в «Последнем дне осужденного» (1829) Гюго упомянуты две жертвы Сансона—лекарь Кастен и детоубийца Папавуань.

— *Царственный страдалец* — Людовик XVI; *убийца его*—Робеспьер.

184. О разговоре у княгини Халдиной. Напечатано в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 7, отд. «Смесь».

В подлинности «Разговора у кн. Халдиной» усомнился Ф. Булгарин («Сев. Пчела», 1830, № 10). Книгопродавец Салаев письмом в редакцию «Лит. Газеты» рассеял сомнения в подлинности «Разговора», приглашая «любопытных» ознакомиться с черновой тетрадью Фонвизина, имевшейся у него на руках.

185. О статьях кн. Вяземского. Напечатано в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 10, отд. «Смесь». Вяземский в альманахе «Денница» на 1830 г., в «Отрывке из письма А. И. Г[отовцевой]», бросил современным журналам обвинение в «полемическом исступлении». «Моск. Телеграф» (1830, № 1) и «Сев. Пчела» (1830, № 12) выступили с осуждением статьи Вяземского и с нападками на «знаменитых друзей»—«литературных аристократов». Вяземский в этих статьях был представлен зачинщиком «журнальных браней».

186. Объяснение к заметке об «Илиаде». Напечатано в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 12, отд. «Смесь».

— *объявление об Илиаде* — т. е. заметке Пушкина (см. № 177), было «*выписано*» в «Галатее» Раича (1830, № 4). Раич, ошибочно полагавший, что автором заметки является Дельвиг, намекал на то, что в «воззвании» расхваливается труд Гнедича лишь потому, что Гнедич в предисловии к своему переводу бросил похвалу Дельвигу. Эта неосновательная догадка, давшая Раичу повод говорить о «духе партии» в литературе, и вызвала возражение Пушкина. О размолвке между Гнедичем и Дельвигом см. прим. к № 168.

187. О записках Видока. Статья предназначалась для «Моск. Вестника», но была напечатана в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 20, отд. «Смесь», так как Погодин уклонился от печатания ее у себя в «Мо-

сковском Вестнике». Статья о вышедших в 1826—1829 гг. в 4-х томах Записках начальника Парижской сыскной полиции Ф. Э. Видока в действительности была направлена против Булгарина.

Отношения с Булгариным у Пушкина к этому времени крайне обострились. До Булгарина дошли слухи о том, что Пушкин считал, что он, Булгарин, «ограбил» «Бориса Годунова», переложил стихи в прозу, взял из трагедии сцены для романа «Дмитрий Самозванец» (см. оправдательное письмо Булгарина к Пушкину, *АП*, т. II, стр. 118—119). Затем в «Лит. Газете», 1830, № 141, появилась неодобрительная рецензия на булгаринского «Дмитрия Самозванца». Булгарин, не зная, что рецензия принадлежала Дельвигу, приписал ее Пушкину и, желая отомстить ему, выступил в «Сев. Пчеле», 1830, № 30, с пасквильным фельетоном «Анекдот», будто бы заимствованным из английского журнала. В «Анекдоте» он вывел Пушкина в лице французского стихотворца, «который долго морочил публику передразниванием Байрона и Шиллера (хотя не понимал их в подлиннике), наконец, упал в общем мнении, от стихов хватился за критику и разбранил новое сочинение Гофмана [1] самым бесстыдным образом». В «Анекдоте» содержался далее ряд оскорбительных намеков и, как следовало ожидать, обвинение в «вольнодумстве», т. е. замаскированный донос.

Не довольствуясь этим выпадом против Пушкина, Булгарин поместил в №№ 35 (от 22 марта) и 39 (от 1 апреля) «Сев. Пчелы» рецензию на только что вышедшую седьмую главу «Евгения Онегина» — рецензию, полную глумления, издевательства и придирок.

Тогда-то Пушкин, «выведенный из себя», по словам Вяземского, тем, что Видок-Булгарин бранил его в своих журналах «на чем свет стоит», обрушился на него со статьей «О записках Видока». Вяземский вскоре после появления статьи писал Тургеневу: «Ты узнаешь Видока-Булгарина. Статья написана Пушкиным в ответ на пакостную статейку Булгарина в «Сев. Пчеле», где Пушкин (под видом французского писателя, а Булгарин—Гофмана французского) назван картежником, пьяницей, вольнодумцем пред чернью и подлецом пред сильными. И все это потому, что Булгарин принял критику Дельвига на роман его за критику Пушкина и рассердился, что его называют поляком, а вероятно еще более за то, что обвиняют его в напрасной клевете на «Самозванца», которого он представляет. Вот еще ответ Пушкина:

Не то беда, что ты поляк,
Костюшко—лях, Мицкевич—лях;
Пожалуй,—будь себе татарин,—
И тут не вижу я стыда;
Будь жид—и это не беда,
Беда, что ты Фаддей Булгарин.

(Остафьевский архив, т. III, стр. 193)

Статья Пушкина, в которой все легко узнали Булгарина, произвела чрезвычайный эффект. Сам Булгарин, по словам Дельвига, «поглупел до того от „Видока", что уехал ранее обыкновенного в деревню...» (*АП*, т. II, стр. 148).

Пушкин самым искусным образом использовал в статье сходство некоторых моментов жизни Видока с биографией Булгарина (А. И. Дель-

[1] В лице французского критика Ф. В. Гофмана Ф. В. Булгарин вывел самого себя, по сходству инициалов.—*Ред.*

виг, «Воспоминания», «Academia», 1930, т. I, стр. 134—136). Книгопродавец Сленин рассказывал братьям Дельвигам, что в его магазин в середине марта заходил взбешенный статьей Пушкина Булгарин и «крестясь и кланяясь перед висевшей в лавке иконою, хотя он был католик, божился», что «между Видоком и им ничего нет общего» (там же, стр. 136). См. статью А. Г. Фомина «Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов», *ПВ*, т. V, стр. 463—467.

Статья «О записках Видока», с первого взгляда не имеющая отношения к Булгарину, занимает в пушкинской полемике с ним одно из главных мест. Здесь Булгарину был нанесен удар прямо в лоб. Пушкин и сам хорошо оценил силу своего удара. «Скромный и храбрый журналист [Булгарин] вероятно долго будет помнить этот ответ»,—писал он в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений (см. стр. 212).

188. Разговор. Статья эта, предназначавшаяся для «Лит. Газеты», при жизни Пушкина не печаталась. Она служит непосредственным продолжением разбора вопросов, поднятых в статье «О выходках против литературной аристократии». После того как в «Лит. Газете» 1830 г. появился цикл статей в защиту так называемой «литературной аристократии», Булгарин ответил на них политическими доносами шефу жандармов Бенкендорфу, который, будучи особенно недоволен статьей Пушкина «О выходках против литературной аристократии» (см. № 228), запросил министра народного просвещения кн. Ливена, почему статья эта была пропущена цензурой и кто ее автор. Цензор Щеглов представил объяснения, показавшиеся Бенкендорфу неудовлетворительными. Он вызвал издателя газеты А. А. Дельвига для личных переговоров, сделал ему грубый выговор и предупредил, что «впредь за все, что ему [Бенкендорфу] не понравится в Лит. Газете в цензурном отношении, он будет строго взыскивать» (А. И. Дельвиг, «Воспоминания», «Academia», 1930, т. I, стр. 153). Весьма умеренные либеральные взгляды главных участников газеты казались шефу жандармов, встревоженному событиями 1830 г. во Франции, очень опасными. В полемике о «литературной аристократии» была усмотрена вредная тенденция. «Было найдено, что весь этот литературный спор зашел уже слишком далеко и затронул стороны жизни, не подлежащие его ведению, и после должных внушений обеим сторонам, дальнейшее его развитие делалось более невозможным. „Разговор“ так и остался в бумагах Пушкина неотделанным» («Вестник Европы», 1880, № 6, стр. 600—601).

— *«Аристократов к фонарю»*—из популярной во время Великой французской революции песни:

Ah, ça ira, ça ira, ça ira,
Les aristos à la lanterne!

(А, это пойдет, это пойдет, это пойдет,
Аристократов на фонарь!)

— *Замечание в Литературной Газете*—см. в статье «О выходках против литературной аристократии» заключительную фразу: «Эпиграммы демократических писателей XVIII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики: Аристократов к фонарю! и т. д.» (см. стр. 254).

— *Полиньяк* (1780—1847)—французский министр-президент при Карле X, в 1829 г., известный своей крайней реакционностью; после Июльской революции 1830 г. был арестован и приговорен к пожизненному

заключению (его, впрочем, освободили в 1836 г.). Любопытно, что незадолго до процесса министров Вяземский поспорил с Пушкиным, утверждая, что министры «преданы смерти не будут» (Вяземский, Собр. соч., т. IX, стр. 136—137). Пушкин, наоборот, доказывал, что министров необходимо судить за измену и казнить.

— *...как отделала Пчела всю Литературную Газету.*—«Северная Пчела» (1830, № 110) откликнулась на статью Пушкина заметкой Булгарина: «Льщу себя надеждой, что я заслужил доверенность публики, и что в этом случае она поверит словам моим более, чем тем отвратительным нападкам, которые превращают литературное поприще в какое-то торжище и унижают звание литератора. Почтенный, добрый, благородный Карамзин сказал, что первая потребность писателя есть *доброе сердце*. Читая в журналах грубую брань, клеветы, сплетни, гнусные выходки зависти, рядом с преувеличенными похвалами бессмертному историографу, поневоле выводим заключение, которое... не идет в печать». Несколькими строками ниже в «Разговоре» *Б.* спрашивает именно об этом «*многоточии*» в конце приведенной заметки.

— *...дает другой журнал.*—Имеется в виду № 17 «Моск. Телеграфа» с заметкой против литературных аристократов, полной резких выражений.

— О заступничестве «аристократов» (в частности Вяземского) за Полевого см. прим. к № 164, стр. 513.

— *И на кого наши журналисты нападают...*—Основные мысли Пушкина о современном состоянии дворянства сводятся к тому, что *настоящее* дворянство унижено, имения раздроблены, *аристократия* же, т. е. крупновладельческий высший слой, блещущий богатством и чинами,—это «новые», не родовитые по-настоящему семьи, оттеснившие истинных, «шестисотлетних» дворян. Классовая суть этой теории—протест деклассирующегося дворянина против крупновладельческого дворянства; отсюда своеобразная фронда против самодержавия.

— *...некоторые журналы вступились... за Северную Пчелу.*—За «Сев. Пчелу» вступилась «Галатея» С. Е. Раича (1830, № 34, стр. 134—137).

189. Отрывки из разговоров. При жизни Пушкина отрывки эти не печатались. Они являются как бы ответом на статью Вяземского «Несколько слов о полемике» («Лит. Газета», 1830, т. I, № 18, стр. 143—144), в которой Вяземский советует «аристократии талантов» уклоняться от полемики с «площадными витязями», с противниками, которые не «научились в школе общежития цене выражений и приличиям вежливости». Ср.: «Многие негодуют на журнальную критику» (стр. 324).

Пушкин стоял на другой точке зрения, считая, что «в литературе и в общественном быту мы слишком чопорны, слишком дамоподобны». Ему столь же «нравится князь Вяземский в схватке с записным журнальным буяном», как и любитель кулачных боев граф А. Орлов, воспетый за это Державиным в «Фелице» (1782).

Мысли о критике, сходные с теми, которые высказаны здесь Пушкиным, можно найти в других его статьях и в переписке. Пушкин относился крайне отрицательно к современной критике и считал, что истинная критика должна быть делом *самих писателей*, а не «журналистов», «предпринимателей, людей, хорошо понимающих *свое* дело, но не только *не критиков*, но даже и не литераторов».

— *...разбирающего трагедию Хомякова*—повидимому, трагедию «Ермак», печатавшуюся отрывками в «Московском Вестнике» (182) и «Деннице» (1830) и вышедшую отдельно в 1832 г.

190. О критике и полемике «Литературной Газеты». Заметка эта набросана в форме письма в редакцию «Лит. Газеты», но осталась ненапечатанной. В заметке Пушкин указывает, что обыкновение писателей не отвечать на критики вредно для литературы: «Таковые антикритики имели [бы] двоякую пользу: исправление ошибочных мнений и распространение здравых понятий—касательно искусства». Здесь Пушкин, как и в предыдущей заметке, подчеркивает необходимость участия самих писателей в критических спорах.

— *Мне нравится одна из статей вашего журнала*...—повидимому, Пушкин намекает на собственную статью «О записках Видока».

191. Заметки о критике и полемике... Заметки при жизни Пушкина не печатались.

— *Критики еще нет*...—ср. письма к Бестужеву (№ 96) и Вяземскому (№№ 34, 61).

— *Франмасоны* — члены тайной мистико-филантропической организации, ячейки которой в начале XVIII века были распространены по всей Европе. Иногда масонские ложи служили для маскировки чисто революционной деятельности.

— *Критика—наука открывать красоты*.—Ссылаясь на *И. Винкельмана*, Пушкин имел в виду его «Историю античного искусства» (Книга эта в переводе на французский язык имеется в библиотеке Пушкина.)

192. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений. Неоконченная статья эта состоит из ряда заметок, набросанных Пушкиным «в карантинном заключении» в Болдино, где он на досуге пересматривал все написанное о нем в журналах. Весь этот блестящий цикл антикритических заметок объединен одним заданием—отбросить всевозможные «нелитературные обвинения», на которые так щедра была тогдашняя журнальная критика. В статье Пушкин отвечает на многочисленные выпады против него в критических разборах Булгарина, Надеждина, Полевого и др.

Об этих своих заметках Пушкин упоминает в письмах (см. №№ 218 и 219). Эпиграф к «Опыту отражения» взят из письма Соути к издателю «Курьера» (1822). Эпиграмма Пушкина «Глухой глухого звал», написанная именно для этой критической статьи, является подражанием эпиграмме французского поэта XVII века Пеллиссона.

— ...*не удостоивать ответом своих критиков*.—Н. Полевой в № 9 «Моск. Телеграфа» заявил о своем отказе «хоть одним словом отвечать» критикам его «Истории Русского Народа».

— ...*разбирая, кажется, Полтаву*...—см. разбор «Полтавы» в «Сыне Отечества», 1829, № 15, стр. 49, и № 16, стр. 103.

— *Один из великих наших сограждан*—Н. М. Карамзин.

— *Анекдот о двух китайских журналистах*—анекдот о распре Каченовского и Полевого, напечатанный Булгариным в «Сев. Пчеле», 1830, № 33. Эпизоду с Каченовским посвящена статья Пушкина «Отрывок из литературных летописей» (см. № 164).

— «*Один из наших литераторов отказывался от пистолетов*...»—Ф. Булгарин, который отказался от дуэли с А. Дельвигом, заявив, что он «на своем веку видел крови больше, чем Дельвиг чернил».

— ...*однажды напечатал кто-то*...—Подразумевается замаскированный «Анекдот» Ф. Булгарина, направленный против Пушкина (см. стр. 522).

— *Француз отвечал*—статья Пушкина «О записках Видока» (см. № 187).

— *Недавно в Пекине...*— Этот «китайский анекдот» направлен против Булгарина, который, по словам Пушкина, ограбил в романе «Дмитрий Самозванец» (1829) его «Бориса Годунова» (1825). Булгарин оправдывался в письме к Пушкину (*АП*, т. II, стр. 118). В «Лит. Газете» (1830, т. I, № 20) появилась злая заметка с ироническими обвинениями Пушкина в плагиате из «Дмитрия Самозванца», который был написан пять лет спустя после «Бориса Годунова».

—*...является колкое стихотворение*—эпиграмма Баратынского на Полевого:

Писачка в Фебов двор явился.
Довольно глуп он! бог шепнул:
Но самоучкой он учился,—
Пускай присядет, дайте стул!...

В ответ на эпиграмму Полевой написал стихи: «Пришел поэт и пущен на Парнасс» («Моск. Телеграф», 1830, ч. XXXIV, № 13—«Новый живописец...», стр. 228—229). См. «Мнимая поэзия», «Academia», 1931, стр. 239.

— *...описать любопытное собрание букашек.*—Эпиграмма Пушкина «Собрание насекомых», напечатанная в «Подснежнике», вызвала полемические пародии в «Вестн. Европы» (1830, № 8) и в «Моск. Телеграфе» (1830, № 8), обращенные против самого Пушкина. См. «Мнимая поэзия», 1931, стр. 216.

— *...за то, что он не дворянин.*—Издевательство Булгарина в 1825 г. над купеческим званием Полевого вызвало отпор со стороны Вяземского в «Моск. Телеграфе», но в 1830 г. тот же Булгарин издевался уже над «шестисотлетним дворянством» (Пушкина)—«Сев. Пчела», 1830, № 94.

— *развратная ведьма с прыщиками на лице.*—В этих строках мнимого разбора «Федры» Пушкин несомненно пародирует статью Надеждина о «Графе Нулине» и «Бале» («Вестник Европы», 1829, №№ 2 и 3). В статье Надеждин писал, что эти поэмы «суть *прыщики* на лице вдовствующей нашей литературы».

— *...должно ли серьезно отвечать на таковые критики...*—Н. И. Надеждин выступил тогда с отрывками из своей диссертации в «Вестнике Европы» (1830, № 1). Диссертация Н. Надеждина написана была на латинском языке, как того требовали тогдашние правила докторского экзамена.

— *Простакова бранит Палашку...*—«Недоросль» Фонвизина, действие 2-е, явление VI, действие 3-е, явления III и IV, действие 5-е, явления III и IV. *Собачьей дочерью* Простакова бранит не Палашку, а Еремеевну.

— *Похабным* «Графа Нулина» считал Н. И. Надеждин, ожесточенно нападавший за эту поэму на Пушкина в «Вестн. Европы» (1828, № 22; 1829, №№ 2 и 3). На критику Надеждина Пушкин ответил эпиграммами: «Мальчишка Фебу гимн поднес», «Притча» и «Надеясь на мое презренье», но не напечатал их.

— «*Модная жена*»—сказка И. И. Дмитриева (1791).

— *Канидия* (canus—седой).—Так называет Гораций неаполитанку Гратидию, которую изображает отравительницей и колдуньей.

— *По крайней мере не должен я отвечать за перепечатывание...*—Речь идет о двух альманашниках: *Б. М. Федорове* и *М. А. Бестужеве-Рюмине*. Первый напечатал в «Памятнике отечественных муз» на 1827 г. среди пушкинских стихов и «Идиллию», вернее романс—«Под вечер осенью ненастной» (1814). М. Бестужев-Рюмин напечатал тоже без ведома Пушкина в «Сев. Звезде» на 1829 г. раздобытые им где-то стихи Пушкина (см. «Альманашник», № 173 и примечания к нему).

В одной газете (почти официальной)—в «Сев. Пчеле», 1830, № 94 (во «Втором письме из Карлова») Ф. Булгарина (см. прим. к № 228).

— *...в статейке, заимствованной у Мерсье...*—пасквиль Полевого «Утро в кабинете знатного барина» в «Моск. Телеграфе».

— *Другой Пушкин, во время междуцарствия...*—родной брат Гаврийла, Григорий Григорьевич Пушкин. «Во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым»—по словам Карамзина—он «сделал честно свое дело». Стоя прежде на стороне Лжедмитрия, а потом царя Василия Шуйского, Григорий Пушкин в 1607 году «спас Нижний-Новгород, усмирил бунт в Арзамасе, в Ардатове» («История Государства Российского», Спб., 1892, т. XII, гл. 1, стр. 31, 34).

— *замешан в заговоре Циклера...*—Стрелецкий подполковник Циклер был уличен в 1697 г. в организации реакционного заговора вместе с окольничьим А. Соковниным и стольником Ф. Пушкиным (предком поэта). Ближайшей целью заговора являлось уничтожение царя Петра и всех его приближенных. Заговорщики были захвачены во время их совещания. Дело Циклера использовано было царем для жестокой ликвидации всех оппозиционных группировок в дворянской и военной среде, а Циклера с «братьею стрельцов» после долгих пыток обезглавили 4 марта 1697 г. в Москве.

193. Заметки, исключенные из «Опыта отражения...» В дороговизне поэмы «Евгений Онегин» укорял Пушкина Булгарин в «Сев. Пчеле», 1830, №№ 35 и 39, а в № 112 как бы в пику отмечал дешевизну смирдинского издания басен Крылова.

— «*Шутка*» была помещена в «Вестнике Европы» (1830, № 2, стр. 162) в рецензии на «Сев. Цветы», но перепечатана была не «Сев. Пчелой», а «Сыном Отечества» (1830, № 16, стр. 243).

— Об «*Обозрении*» *Киреевского* см. статью Пушкина «Денница» (№ 182). Неудачное сравнение Киреевского послужило мишенью для нападок со стороны Надеждина, Полевого и др.

194. Наброски возражений критикам «Графа Нулина». Наброски эти тесно связаны с «Опытом отражения некоторых нелитературных обвинений» и являются ответом на статьи Надеждина в «Вестн. Европы» (1829, №№ 2 и 3).

— *Молодой критик*—Н. И. Надеждин.

— *исторический роман*—«Юрий Милославский» Загоскина. В резензии «Сев. Пчелы» (1830, № 9) на этот роман приведены «грубые», «противные вкусу» выражения: «шибко дерутся *собачьи дети*», «и этого-то *собачий сын* не сумел сделать» и т. д. Выписав их, рецензент спрашивал: «Неужели автор не подумал, что книга его *может попасться в руки дамам?*»

195. Об Альфреде Мюссе. Эта заметка, посвященная юношеской книге стихов Мюссе, при жизни Пушкина не была напечатана.

— «*Религиозные и поэтические гармонии*» Ламартина вышли в 1830 г., «*Восточные стихотворения*» Гюго—в 1828 г. *Делорм*—псевдоним Сент-Бёва, главы романтической критики. Под этим псевдонимом Сент-Бёв выпустил сборник стихов, о котором Пушкин дал весьма положительный отзыв (см. № 234).

— *явился молодой поэт с книжечкой сказок и песен...*—Мюссе выпустил в 1829 г. свой первый сборник стихотворений, поэм и драматических сцен, под названием «Испанские и итальянские сказки». Сборник, отли-

чавшийся романтическими крайностями, соединенными с элегическими мотивами, вызвал большие споры в критике. Романтики приветствовали Мюссе, классики негодовали.

— «Difficile est proprie...»—цитата из «Послания к Пизонам» («О поэтическом искусстве») Горация, взятая Байроном в качестве эпиграфа к поэме «Дон-Жуан».

— К тридцатым годам относится разговор Пушкина с Шевыревым о новой французской словесности. «Из новых поэтов Франции,—сообщает Шевырев,—сколько мы знаем, один Альфред Мюссе нравился ему своим ,,Спектаклем в кресле''» (Л. Майков, «Пушкин», Спб., 1899, стр. 352).

См. также письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу 23 января 1836 г.: «Мюссе решительно головою выше современной фаланги французских литераторов. Познакомься с ним[1] и скажи ему, что мы с Пушкиным угадали в нем великого поэта, когда он еще шалил и faisait ses farces dans ,,Les contes espagnols''»[2]. (Остафьевский архив, т. III, стр. 299).

196. Драматическое искусство родилось на площади...—Статья о развитии драматического искусства осталась незаконченной. Она служила вступлением к разбору драмы М. Погодина «Марфа Посадница» (см. № 197). В статье, «между прочим, есть несколько мест, напоминающих разные приуготовительные заметки для предисловия к ,,Борису Годунову'', и вообще она кажется сводом, хотя еще и неполным, многочисленных отрывков и соображений Пушкина по поводу драмы» (Соч. Пушкина, изд. Анненкова, т. I, стр. 136). Среди писем и статей Пушкина о драме данная статья занимает центральное место.

Взгляды Пушкина на драму складывались в процессе работы над трагедией «Борис Годунов» под влиянием систематического изучения творчества Шекспира (с 1824 г.) и трудов западно-европейских теоретиков драмы. Среди них главное место занимают «Лекции драматической литературы» А. Шлегеля—одного из вождей немецкой романтической школы, строго осуждавшего французскую классическую драму XVII и XVIII вв. за утонченность, лишающую истины и оригинальности изображения минувших веков и народов. В противовес театру Расина Шлегель выдвигал Шекспира, которого он объявил романтиком, свободным от оков узаконенных единств, смело смешивавшим трагическое с комическим, показавшим страсти в их истинном свете, с присущей ему замечательной силой творческого воображения. В своих «Лекциях» Шлегель указывал на народный эпос, на национальные предания, как на обильный источник для «новой романтической драмы». Помимо «Лекций» Шлегеля, Пушкин, вероятно, был знаком с работой Гизо о Шекспире (1821), напечатанной в качестве введения к французскому переводу сочинений Шекспира. Гизо также призывал к изучению «системы Шекспира» и считал национальность непременным условием настоящей драмы. Мысли Лессинга об условности правдоподобия в искусстве, может быть, легли в основу высказываний Пушкина о правдоподобии. Наконец, статьи о театре в журнале «Le Globe», объединявшем французских романтиков, также содействовали окончательному оформлению теоретических воззрений Пушкина на драму.

«Робкой чопорности, смешной надутости, напыщенности классического придворного театра, подчиненного вкусам «спесивых зрителей», Пушкин противопоставлял «свободную», «широкую форму Шекспировских, исто-

[1] Тургенев жил тогда в Париже.
[2] занимался шутками в «Испанских сказках».

рических хроник и трагедий», под знаком которых и должно было, по мнению его, совершиться преобразование русской сцены. По «как перейти к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади, как ей [русской трагедии] вдруг отстать от подобострастия, как ей обойтись без правил, к которым она привыкла, где, у кого выучиться наречию, понятному народу?..»—спрашивал Пушкин.—«Вместо публики встретит она тот же малый ограниченный круг—и оскорбит надменные его привычки... Для того, чтоб она могла расставить подмостки, надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий...»

На листах 34² и 64¹ рукописи данной статьи о драме написана программа этой статьи: «Ошибочное понятие об поэзии вообще и драматическом искусстве в особенности. Какая цель драмы? Что есть драма? Как она образовалась? Насильственное приноравливание всего русского ко всему европейскому» (*ПА*, т. IX, ч. 1, стр. 121).

— *поэт испанский...*—Возможно, что здесь Пушкин имеет в виду Гильена де Кастро, автора комедии «Молодость Сида», на основе которой Корнель создал своего «Сида».

— *Правдоподобие все еще полагается...*—см. письмо к Н. Н. Раевскому (№ 101).

— *Ликторы* у римлян сопровождали высших правительственных лиц во всех выходах, неся перед ними символ их власти: связанный пук розог, из середины которого торчала секира. Ликторы встречаются в «Кориолане» Шекспира.

— *Алдерманы*—члены городской администрации в Англии.

— Пьеса *Кальдерона*—«Оружие любви».

— *Ипполит*—герой «Федры» Расина.

— *Клитемнестра*—жена древнегреческого царя Агамемнона. В трагедиях Корнеля ее нет—Пушкин ошибся; он имел в виду, вероятно, трагедию Расина «Ифигения в Авлиде».

— «*Филоктет*» и «*Эдип*»—трагедии Софокла. «*Король Лир*»—драма Шекспира.

— *Нерон*—действующее лицо в трагедии Расина «Британник», *Агамемнон*—в трагедии «Ифигения в Авлиде».

— *Не имею целию и не смею определять выгоды...*—Дать подлинную историю развития мирового драматического искусства, хотя бы и бегло, Пушкин, разумеется, не мог просто по состоянию науки того времени, но крайне важны и чрезвычайно интересны его взгляды на задачи драмы, на ее язык, на Шекспира, Расина, Сумарокова и т. д., ярко сказавшиеся в этой статье.

...трагедии царевны Софии Алексеевны.—В действительности дочь царя Алексея София Алексеевна драматических произведений не писала; автором нескольких пьес была *Наталья Алексеевна*, дочь Алексея Михайловича от второй жены, Натальи Кирилловны.

— *Поэт Франции*—Расин.

— Об *Озерове* и *Сумарокове* см. также заметки Пушкина на полях статьи Вяземского об Озерове (№ 120). У Вяземского (Собр. соч., т. I, стр. 56) читаем следующее: «Более всего Пушкин не прощал мне сказанного мною, что трагедия Озерова уже несколько принадлежит к драматическому роду, так называемому романтическому. Пушкин никак не хотел признать его романтиком».

— «*Дмитрий Донской*»—трагедия В. Озерова, «*Пожарский*»—трагедия М. Крюковского.

— *«Андромаха»* Катенина была не переводом из Расина, а попыткой самостоятельно обработать древнее сказание для сцены. «Андромаха» получила неблагоприятную оценку критики (Н. Полевой, С. Шевырев). По свидетельству Шевырева, Пушкин досадовал на московских литераторов за то, что они разбранили «Андромаху» (Л. Майков, «Пушкин», Спб., 1899, стр. 331, 348).

— *«Ермак»*—трагедия А. С. Хомякова.

— *Две драматические сатиры*—вероятно, «Недоросль» Фонвизина и «Горе от ума» Грибоедова.

— *Опыт народной трагедии*—«Марфа Посадница» М. П. Погодина.

197. Разбор драмы М. П. Погодина. Предыдущая статья, «Драматическое искусство...», служила вступлением к данному разбору трагедии Погодина, вышедшей в свет в 1830 г. *без имени автора* (см. М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива», *ПС*, вып. XXIII—XXIV, и письмо Пушкина к Погодину, № 220).

— *Алексей Борецкий* — сын Марфы — действующее лицо в драме Погодина, изменник, перешедший на сторону Иоанна III, лицо вымышленное.

198. Заметки о ранних поэмах. Заметки эти при жизни Пушкина не печатались.

— *кроме одной статьи в Вестнике Европы...*—статья «Жителя Бутырской стороны» (М. Т. Каченовского)—«Вестник Европы», 1820, № 11.

— Обвинения *в безнравственности* «Руслана и Людмилы» можно найти в «Невском Зрителе», 1820, № 7.

— *выпущенное мною место...*— стихи из «Руслана и Людмилы»:

Вы знаете, что наша дева
Была одета в эту ночь
По обстоятельствам, точь-в-точь
Как наша прабабушка Ева... и т. д.,

выброшенных Пушкиным в последующих изданиях.

— *покойный Рылеев негодовал...*—см. письмо Рылеева к Пушкину (*АП*, т. I, стр. 204—205).

199. Полтава. Заметка о «Полтаве» напечатана была в альманахе «Денница» на 1831 г., стр. 124—130, под названием: «Отрывок из рукописи Пушкина (Полтава)». Появление ее вызвано было разнообразными и противоречивыми статьями в журналах 1829 г., которыми критика встретила появление «Полтавы» в отдельном издании (см. статью И. Н. Житецкого «О Полтаве в историческом и историко-литературном отношениях», *ПВ*, т. III., стр. 608, где приведены суждения критиков, вызвавшие отповедь Пушкина).

— *превращения Овидиевы*—Имеются в виду «Метаморфозы» Овидия.

— *Честон*—действующее лицо комедии Княжнина «Хвастун» (1786). Пушкин цитирует слова Чванкиной, хорошо знающей Честона, но отказывающейся признать его в угоду Верхолету (действие III, явление 6).

— *чтоб не напомнить о Байроне.*—Имеется в виду «Мазепа» (1819)—поэма Байрона.

— *«Мирра»*—трагедия Витторио Альфиери.

200. Заметки о Борисе Годунове. Наброски эти тесно связаны с напечатанным выше проектом предисловия к «Борису Годунову»

(см. № 144). Разрешение печатать драму Пушкин получил лишь в 1830 г. (см. № 210 и примечания к нему).

— *Главные сцены уже напечатаны.*—Отрывки из «Бориса Годунова» напечатаны были в «Московском Вестнике», 1827, № 1, в «Северных Цветах» на 1828 г. и в «Деннице» на 1830 г.

— *исторический роман Булгарина*—«Дмитрий Самозванец». См. «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», стр. 242—243.

201. Об «Евгении Онегине». Полемические заметки эти связаны с различными журнальными рецензиями на «Евгения Онегина», появлявшимися по мере выхода отдельных глав романа.

— *Первые неприязненные статьи...*—В единственной вышедшей первой книге «С.-Петербургского Зрителя» за 1828 г. Б. Федоров поместил написанный им бездарный разбор IV и V глав «Евгения Онегина». Разбор был построен на мелочных придирках к отдельным словам и выражениям. «Твой Федоров издает журнал,—писал Вяземский Тургеневу,—и в нем критикует Пушкина, а пуще всего требует от него нравственности. После того встретились они у меня, и Пушкин насмешил меня с ним. ,,Отчего не описываете вы картин семейного счастья'' и тому подобное говорил ему нравоучитель, а тот отвечал ему по-своему» («Архив бр. Тургеневых», т. IV, стр. 671).

Разбор сих глав... в Атенее.—Имеется в виду рецензия Воейкова (см. прим. к № 156).

— Булгаринскую критику VII главы «Евгения Онегина» в «Сев. Пчеле» (1828, №№ 35 и 39) см. *ПС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 165—171.

— Булгарин писал по поводу *«появления» жука*: «Вот является новое действующее лицо на сцену: Жук! Мы расскажем читателю о его подвигах, когда дочитаемся до этого» и т. д.

— *стихи в ней слишком хороши...*—Стихи Булгарина в его рецензии, пародирующие «Евгения Онегина», приведены Пушкиным в «Проекте предисловия» к VIII и IX главам «Евгения Онегина» (см. стр. 342).

— *описание Москвы взято из Ивана Выжигина...*—В рецензии своей Булгарин беззастенчиво намекал, что Пушкин, описывая в «Евгении Онегине» московскую жизнь, «взял обильную дань из *Горе от ума* и... из другой известной книги» (т. е. из «Выжигина» самого Булгарина).

— *5 грамматических ошибок...* исправленных Пушкиным под влиянием журнальных отзывов, находились: 1) в «Кавказском пленнике» (1-е издание); 2) в «Руслане и Людмиле» (1-е издание); 3) в стихотворении «Буря» (1825); 4) в примечаниях к «Полтаве» (издание 1829 г.); 5) в отрывке из «Бориса Годунова» («Московский Вестник», 1827, № 1).

—*Разговорный язык простого народа...*—«Пушкин живо интересовался изучением народного языка... За словарь свой Даль принялся по настоянию Пушкина» («Рассказы о Пушкине», М., 1925, стр. 21 и 67—68).

— *Альфиери изучал...*—С целью овладения в совершенстве итальянским литературным языком (тосканское наречие) Альфиери долгое время жил во Флоренции и изучал язык в массе низших городских классов.

202. Проект предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина». При жизни Пушкина заметки не публиковались. Они вызваны появлением ряда недоброжелательных отзывов о VII главе «Евгения Онегина» (1830), из которых особой резкостью отличался отзыв Булгарина в «Северной Пчеле» (1830, № 35).

— Восьмой главой первоначально являлось «*Путешествие Онегина*». Таким образом 9-я глава по первоначальной нумерации соответствует 8-й

в последней редакции. Дело в том, что до выхода в свет в 1832 г. последней главы «Евгения Онегина» Пушкин предполагал выпустить *роман в девяти песнях*, разделив их на три части, дав каждой песне название, и с общими примечаниями. Вот эти названия: «I. Хандра; II. Поэт; III. Барышня; IV. Деревня; V. Имянины; VI. Поединок; VII. Москва; VIII. Странствие; IX. Большой свет».

— *«Можно ли требовать внимания...»* — цитата из статьи Булгарина в «Сев. Пчеле», 1830, № 35.

203. Е. М. Хитрово. Пушкин отвечал в этом письме на приглашение Хитрово послушать *стихи христианина*, т. е. известный ответ митрополита Филарета на *скептические* стансы Пушкина: «Дар напрасный, дар случайный...». См. *ПХ*, стр. 47—48.

204. Н. И. Гнедичу. Пушкин отвечает на письмо Гнедича (*АП*, т. II, стр. 105), в котором тот благодарил Пушкина за «несколько строк об Илиаде», написанных Пушкиным в «Лит. Газете», 1830, № 2 (см. № 177).

205. А. Х. Бенкендорфу. После этого письма Пушкина Бенкендорф пообещал в ближайшее время дать окончательный ответ относительно издания «Бориса Годунова» (*АП*, т. II, стр. 110).

— *...мою трагедию*—«Борис Годунов».

206. М. Н. Загоскину.

— *...чтение вашего романа*—первый исторический роман Загоскина «Юрий Милославский», изданный в 1829 г. в 3 томах. Патриотически-тенденциозный роман этот создал Загоскину славу исторического романиста. В одном из писем Шаховского к Загоскину, с описанием литературного обеда у гр. Ф. Толстого, говорится: «Пушкин восхищался отрывками твоего романа, которые он читал в журнале».

— *Жуковский* писал Загоскину, что, «раскрыв книгу», он «все три тома прочел в один присест, не покидая книги до поздней ночи».

— *Погорельский* (А. Перовский) не напечатал в «Лит. Газете» статьи о «Юрии Милославском», но Пушкин сдержал слово и написал рецензию на роман (см. № 180).

— Ответ М. Н. Загоскина на это письмо см. в *АП*, т. II, стр. 108—109.

207. П. А. Вяземскому. Пушкин отвечает на письмо Вяземского от середины января 1830 г. (*АП*, т. II, стр. 109—110).

— *Орест*—Сомов, помощник Дельвига по изданию «Сев. Цветов» и «Лит. Газеты».

— *Очень благодарю тебя за твою прозу...*—Пушкин благодарил Вяземского за присылку статьи «О московских журналах» для «Лит. Газеты».

— *...чего Булгарину и во сне не приснится.*—Имеются в виду романы Булгарина «Иван Выжигин», «Дмитрий Самозванец» и др.

— *Я напечатал...*—В январе 1830 г. за отъездом Дельвига в Москву Пушкин редактировал «Литературную Газету».

—*«К ним»*—стихотворение Вяземского, написанное в ответ на доносы Булгарина и др., было напечатано Пушкиным в «Лит. Газете», 1830, № 5 (см. Собр. соч., т. IV, стр. 77).

208. П. А. Вяземскому.

— *Донос А. П. Сумарокова* на М. Ломоносова был включен в статью Вяземского «О Сумарокове» («Лит. Газета», 1830, № 28).

— *Выходка Булгарина*—пасквильная заметка «Анекдот» в «Сев. Пчеле», 1830, № 30, которую он выдал за перевод из иностранного журнала (см. стр. 522). (См. «Пушкин и журнальный триумвират»—статья А. Фомина, *ПВ*, т. V, стр. 460—461; см. также *ППМ*, т. II, стр. 317—319). Эпизод этот положил начало открытому разрыву Пушкина с Булгариным и чрезвычайно обострил их отношения.

— *...лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы...*—В апреле 1830 г. Пушкин сделал предложение Н. Н. Гончаровой, и в мае они были помолвлены.

209. А. Х. Бенкендорфу. «Тут, собственно, Пушкин вовсе не прибегает к защите Бенкендорфа и не думает просить его, чтобы он заставил Булгарина замолчать... Тут только самозащита, а не желание насильственно заградить уста противнику» (А. Г. Фомин, указ. статья, *ПВ*, т. V, стр. 462). Письмо вызвано желанием обезопасить себя от каких-нибудь неожиданных выходок со стороны Булгарина, только что напечатавшего в «Сев. Пчеле» грязный пасквиль на Пушкина (см. стр. 522). Бенкендорф постарался «успокоить» Пушкина (см. *АП*, т. II, стр. 129).

210. А. Х. Бенкендорфу. После этого письма Пушкину разрешено было наконец напечатать «Бориса Годунова» «под личною ответственностью» (*АП*, т. II, стр. 140—141).

211. С. П. Шевыреву. Шевырев в это время жил в Риме.

212. В. Ф. Вяземской.

— «*Осел*»—роман «Мертвый осел, или Обезглавленная женщина» (1829); в действительности принадлежал перу Ж. Жанена (см. статью Б. В. Томашевского в *ПХ*, стр. 224—226). Пушкин сопоставляет здесь роман Жанена, пародирующий утрированно-романтическое направление французской литературы, с «Последним днем осужденного» Гюго и отдает предпочтение Жанену.

— *...фразы, которая вас смутила.*—Б. Томашевский указывает, что речь идет о следующей фразе из IX главы «S'inventaire»: «Surtout il est une femme qu'on ne remplace jamais, c'est la seconde femme que l'on aime» («Опись»): «Главным образом это женщина, которую никогда не заменишь, это вторая женщина, которую любишь».

213. П. А. Вяземскому. Число подписчиков «Лит. Газеты» в 1830 г. едва достигло ста человек.

— *С. Раич* издавал журнал «Галатею», *П. Шаликов*—«Дамский Журнал», отличавшийся слащавой изысканностью.

214. П. А. Плетневу.

— *Думаю написать предисловие...*—Добившись разрешения на печатание «Бориса Годунова», Пушкин думал выпустить его с предисловием, излагающим его взгляд на теорию драмы, но оно так и осталось ненапечатанным (см. стр. 117—120, 170—172, 236—237).

— *Отзыв Северной Пчелы*—злобная рецензия Булгарина на 7-ю главу «Евгения Онегина» (в «Сев. Пчеле», 1830, №№ 35 и 39) и заметка в № 40 той же газеты «О цене Евгения Онегина».

— О *презабавных материалах* для романа «Фаддей Выжигин» см. «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М., 1925, стр. 35 и

96. «Программа» романа «Настоящий Выжигин»—в статье Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина» (см. стр. 279).

—*Статья «о Видоке»* —см. № 187.

215. Е. М. Хитрово.

— *«Эрнани»*—драма Виктора Гюго; поставленная в Париже в 1830 г., вызвала обостренную борьбу классиков с романтиками, закончившуюся полной победой последних.

— О сборнике стихов «Consolations» (*«Утешения»*) Сент-Бёва см. рецензию Пушкина (№ 234).

216. П. А. Плетневу.

— *В. Л. Пушкин* умер 20 августа 1830 г. 60 лет от роду.

217. П. А. Плетневу.

— *Скажи Дельвигу, чтоб он крепился...*—«Литературная Газета» вскоре была запрещена (см. прим. к № 221).

— *Что моя трагедия?*—«Борис Годунов» в это время печатался.

218. А. А. Дельвигу.

— *Цветочная подать*—материал для альманаха Дельвига «Северные Цветы».

— *Полемические статьи*—написанные в Болдине. См. прим. к № 226.

219. П. А. Вяземскому.

— *...ты принялся за Ф. Визина...*—Вяземский еще в середине 20-х годов начал работать над биографией Д. Фонвизина. Вышла она в свет лишь в 1848 г. (см. любопытный рассказ Вяземского о приезде к нему Пушкина в Остафьево в период усиленной работы над Фонвизином, Собр. соч., т. I, стр. LI).

220. М. П. Погодину.

— *Марфа*—трагедия Погодина «Марфа Посадница», законченная 6 июля 1830 г. и вышедшая в свет осенью 1830 г. без имени автора.

— *О взгляде Пушкина на «Марфу Посадницу»*—см. статью М. А. Цявловского «Пушкин по документам Погодинского архива» (*ПС*, вып. XXIII—XXIV), а также критический разбор Пушкина «Марфы Посадницы» (№ 197).

221. П. А. Плетневу.

— Пушкин в Болдине написал большое количество полемических статей и заметок: «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», «Критические и полемические заметки», «Заметки о ранних поэмах», «Детская книжка» и т. д. В данном письме он сообщает, что привез с собою в Москву две последние главы «Евгения Онегина», *повесть писанную октавами* («Домик в Коломне»), которую намеревался издать анонимно, маленькие трагедии, тридцать мелких стихотворений и, наконец, *«прозою 5 повестей»*, т. е. «Повести Белкина».

— *конфектный билетец...Лавиня...*—«Лит. Газета» была запрещена за напечатание в № 61, 1830 г., четверостишия Казимира де ла Виня «на памятнике, который в Париже предполагают воздвигнуть жертвам 27, 28, 29 июля» (1830):

France, dis moi leurs noms! Je n'en vois point paraître
Sur ce funèbre monument:
Ils ont vincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaître.

(Франция, скажи мне их имена! Я не вижу их на этом печальном памятнике. Они победили так быстро, что ты была свободна ранее чем их узнала.)

— О запрещении «Лит. Газеты» см. А. И. Дельвиг, «Воспоминания». «Academia», 1930, т. I, стр. 152—157. См. также письмо А. А. Дельвига к Пушкину, *АП*, т. II, стр. 189—190, и статью Н. К. Замкова «К истории «Литературной Газеты»—«Русская Старина», 1916, № 5.

222. Е. М. Хитрово. В нижегородский деревне своей Пушкин задержался из-за холерных карантинов.

— *трагедия Дюма*—«Стокгольм, Фонтенебло и Рим». См. *ПХ*, стр. 214.

223. Е. М. Хитрово. О запрещении «Литературной Газеты» см. прим. к № 221.

224. Когда Макферсон издал стихотворения Оссиана. Впервые напечатано в «Лит. Газете», 1830, № 5. Принадлежность Пушкину данной заметки и четырех последующих (№№ 225—228) из «Литературной Газеты» 1830 г. окончательно не установлена. См. Б. В. Томашевский, «Пушкин», Л., 1925, стр. 118—126.

— Шотландский поэт Макферсон издал «Фрагменты древней поэзии, собранные в Гэйленде и переведенные с гаэльского или ирландского» в 1760 г. Издатель выдал себя за переводчика древней рукописи неизвестного автора, записавшего песни барда Оссиана. В 1779 г. английский критик С. Джонсон изобличил подделку Макферсона. Подробн. см. Е. Ланн, «Литературные мистификации», Гиз, 1930, стр. 84—92.

225. Англия есть отечество карикатуры и пародии... Впервые заметка появилась в «Литературной Газете», 1830, т. I, № 12. В 1829 г. вышел первый том «Истории Русского Народа» Полевого, задуманной в противовес «Истории Государства Российского» Карамзина. Появлению труда Полевого предшествовала его статья в «Телеграфе», в которой Полевой резко критиковал не только исторические работы Карамзина, но и вообще все его произведения. Попытка Полевого подорвать авторитет Карамзина была встречена представителями так называемой «литературной аристократии» с возмущением. Пушкин в 1830 г. в «Детской книжке» (см. № 174) изобразил Полевого в главе «Ветреный мальчик» в виде легкомысленного невежды, затем напечатал две статьи об «Истории» Полевого («Лит. Газета», 1830, т. I, №№ 4 и 12). Полевой не остался в долгу—в приложении к «Телеграфу» («Новый живописец общества и литературы») в 1830 г. он напечатал статью «Литературное зеркало», где пародировал стихотворения Феокритова (Дельвига), Шолье Андреевича (Вяземского), Гамлетова (Баратынского) и др., задевая «Лит. Газету» и «Сев. Цветы». Об этих пародиях и говорится в заметке Пушкина, где исторические труды Полевого названы пародиями на Гизота (Гизо) и Тьери.

226. Требует ли публика извещения... Напечатанная в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 20, заметка эта направлена против рецензии Полевого на «Невский Альманах 1830 г.». К этому времени

Полевой, забыв о своей недавней вражде с Булгариным и Гречем, вступил с ними в «согласье», чтобы общими силами бороться с «знаменитыми» писателями, насаждающими «литературный аристократизм». В рецензии своей Полевой объяснял, что он не жалеет об отсутствии в «Невском Альманахе» стихов Пушкина, Дельвига, Жуковского, Вяземского и др., потому что «произведения их перестали быть безусловным, единственным, всегда драгоценным украшением и подкреплением альманахов: дерзкие требуют от них не одной подписи *знаменитого* имени, но достоинства внутреннего и изящества внешнего...» «Отсутствие их [«знаменитых»] не должно убивать книги, где сих имен не видно...» Далее Полевой действительно впал в противоречие и дал оценку «Невского Альманаха», похожую на осуждение.

227. С некоторых пор журналисты наши... Напечатано в «Лит. Газете», 1830, т. I, № 36. Заметка направлена против представителей «литературной промышленности» (Булгарин, Греч, Полевой), усиленно нападавших на Пушкина, Дельвига, Вяземского и др. из «созвездия знаменитых» писателей (см. А. И. Дельвиг, «Воспоминания», М., «Academia», 1930, т. I, стр. 149). Более подробно тема эта развита в статье Вяземского «О духе партии и литературной аристократии» («Лит. Газета», 1830, т. I, № 23, стр. 182—183).

— «*Светляк и змея*»—аполог (басня) И. И. Дмитриева.

— *все это напоминает эпиграмму...* —т. е. эпиграмму Баратынского на Ф. Булгарина:

Он вам знаком, скажите кстати:
Зачем он так не терпит знати?.. и т. д.

228. О выходках против литературной аристократии. Заметка эта, напечатанная в «Лит. Газете», 1830, т. II, № 45, примыкает к циклу статей, направленных против Булгарина, Полевого и др. (см. выше). П. В. Анненков отмечает, что «враги Пушкина поздно тогда спохватились, что сделали ошибку, затронув его и приложив к нему свой инсинуационный способ борьбы... Пушкин встретил их на той самой почве, где они считали себя непобедимыми, и дал почувствовать, что оружие инсинуации может быть обращено и против них самих. Испуг, произведенный заметкой Пушкина в булгаринском лагере монополистов, был понятен: она наносила удар их официальной репутации— благонадежности» («Вестн. Европы», 1880, № 6, стр. 600). Поводом к появлению заметки послужило «Второе письмо из Карлова» Булгарина, в котором снова высмеивались «знаменитые литературные аристократы» и приводился анекдот о «каком-то поэте в Испанской Америке, подражателе Байрона, происходившем от мулата» (намек на происхождение Пушкина). Поэт этот, по словам Булгарина, «стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рому» («Сев. Пчела», 1830, № 94).

— *упрекал... Полевого тем, что он купец...*—О нападках в «Сев. Пчеле» на купеческое происхождение Полевого и об ответе Вяземского см. прим. к № 164 на стр. 513.

30-е годы

229. Встреча с Надеждиным. Погодин старался сблизить Пушкина с Надеждиным. 23 апреля 1830 г. Погодин с целью примирения литературных противников свел их у себя. Об этой встрече Погодин записал в своем дневнике: «Хомякова научал завести речь с Надоумкой о романтизме и т. п., чтобы заманить в разговор Пушкина с Надеждиным и внушить ему лучшее мнение, и наоборот, чтобы заставить Надоумку уважать более Пушкина. Вечер был у меня. Говорили более об естественнословных предметах...» (*ПС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 104—105; ср. Н. Барсуков, «Труды и дни М. П. Погодина», кн. III, стр. 31—32).

230. О Державине. С. Т. Аксаков в заметке «Знакомство с Державиным» приводит слова Державина о Пушкине: «Скоро явится свету второй Державин—это Пушкин, который уже в лицее перещеголял всех писателей» (Собр. соч., М., 1902, т. III, стр. 212).

— *Лицейский публичный экзамен* в присутствии Державина происходил 8 января 1815 г.

— «*Водопад*» Пушкин считал лучшим стихотворением Державина.

231. Множество слов и выражений. Заметка из черновых материалов к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» (см. №№ 135 и 136).

— *Рассуждение г. Шишкова.*—А. С. Шишков в своем «Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка» (1803) приводит слово «трогательный» (touchant) среди прочих русско-французских слов, от коих, по его мнению, «рождается нелепый слог».

1831

232. О русских журналах. Первоначальное название заметки—«Обозрение обозрений»—зачеркнуто Пушкиным.

— «*Journal des Débats*»—журнал, основанный в Париже в 1789 г.; выходил до 1811 г., когда был закрыт по распоряжению Наполеона. В 1814 г. издание снова возобновилось; в числе редакторов был и Р. Шатобриан.

— «*Edinbourgh Review*» — «Эдинбургское обозрение» — английское периодическое издание, выходившее 4 раза в год, изд. с 1802 г. Редактором «Эдинбургского обозрения» был Джеффри, проводивший программу партии вигов (либералов).

— Газета «*Северная Пчела*» Булгарина и Греча, основанная в 1825 г., пользовалась прямым покровительством, поддержкой и «идеологическим руководством» со стороны III отделения. Этим и объясняется монопольное положение газеты в николаевскую пору, которое заставило Пушкина, искавшего независимой журнальной трибуны, ходатайствовать о разрешении издавать свою газету («Дневник»), издание которой, однако, не осуществилось.

— «*Северный Меркурий*» (1830—1832)—литературная газета, издаваемая М. Н. Бестужевым-Рюминым, выступавшая с нападками на так называемую «литературную аристократию».

233. Заметка о критике и полемике. Черновой набросок этот во многом сходствует с заметкой, предназначавшейся к напечатанию в «Литературной Газете» (см. № 190).

234. Жизнь, стихотворения и мысли И. Делорма. Утешения. Стихотворения Сент-Бёва. Рецензия напечатана в «Лит. Газете», 1831, № 32. Написана по случаю выхода «Утешений» Сент-Бёва (1830), который за год до того выпустил под псевдонимом И. Делорма первый сборник своих стихов, с жизнеописанием якобы скончавшегося автора. Появление в 1829 г. книги И. Делорма наделало много шума в парижских литературных кругах. Когда споры затихли, Сент-Бёв выпустил уже под своим именем второй сборник стихотворений — «Утешения». Мистификация разъяснилась, и критики, писавшие об «Утешениях», сопоставляли их с первым сборником Сент-Бёва. Н. К. Козмин полагает, что отзывы французской печати («Le Globe», 1829, «Le Mercure de XIX Siècle», 1830, и «Revue de Français», 1830) о стихах Сент-Бёва были, по всей вероятности, прочитаны Пушкиным. Б. В. Томашевский прямо указывает, что отзыв Пушкина в некоторых деталях совпадает с мнением Ш. Маньена—критика журнала «Le Globe».

— *«Обзор французской поэзии в XVI веке»* Сент-Бёва (1828) и комментированное Сент-Бёвом *издание Ронсара* (1828) сохранились в библиотеке Пушкина.

— *Гиатус* (зияние).—В латинской и французской поэзии этим термином обозначается встреча двух гласных: конечной одного слова и начальной следующего за ним.

— *...поборниками безнравственности в поэзии...*—см. «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (№ 192).

— О влиянии поэзии Сент-Бёва на поэзию Пушкина см. в статьях: Н. О. Лернера в *ПС*, вып. XII, стр. 141—158; П. О. Морозова в «Русском Библиофиле», 1915, ноябрь, и Н. В. Яковлева в сборнике «Пушкин в мировой литературе», Л., 1927, стр. 122—129.

235. Торжество дружбы, или Оправданный А. А. Орлов. Статья появилась в «Телескопе», 1831, т. IV, № 13, стр. 135—164 (первоначальный заголовок—«Глас дружбы, или Торжествующий А. А. Орлов»).

После того как роман Булгарина «Иван Иванович Выжигин» разошелся с большим успехом, до 7000 экземпляров, книгопродавец Заикин заказал Булгарину «Петра Выжигина». «Петр Иванович Выжигин» вышел в 1831 г. (см. по этому поводу в письме Пушкина Плетневу, № 254). Выход его совпал с появлением на книжном рынке трех брошюр А. А. Орлова (автора многих лубочных книг), который спекулировал на успехе «Выжигина». Книжки Орлова тоже носили подзаголовок нравственно-сатирических романов: «Хлыновские степняки Игнат и Сидоров, или Дети Ивана Выжигина»; «Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина» и «Смерть Ивана Выжигина».

Н. И. Надеждин в «Телескопе», 1831, № 9, дал пространный и едкий разбор и подлинного «Выжигина» и книжек А. Орлова, рассматривая их как однородные произведения. Сравнение Булгарина с Орловым должно было оскорбить Булгарина, ибо Орлов считался базарным писателем. В защиту Булгарина выступил его друг и соиздатель Н. И. Греч в «Сыне Отечества», 1831, № 27. Он горячо протестовал против сопостав-

ления в «Телескопе» имен Булгарина и Орлова и старался доказать несправедливость критических замечаний Надеждина. Статья Греча заканчивалась так: «Булгарин живет в деревне своей подле Дерпта и не читает „Телескопа“ (он просил меня не посылать к нему вздоров), но я долгом почел вступиться за товарища. Я решился на сие не для того, чтобы оправдывать и защищать Булгарина (который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов), а для того, чтобы сорвать личину с шарлатанства...» Эта статья Греча и послужила поводом к появлению в «Телескопе» «Торжества дружбы» Пушкина.

В «Торжестве дружбы» Пушкин метко пародирует статьи Булгарина, вкладывая почти в каждую строчку намек на биографические черты друзей (Булгарина и Греча) (см. статью А. Г. Фомина—«Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов» в *ПВ*, т. V).

— *занятий гражданских*—намек на связь Булгарина и Греча с полицией.

— «*Дмитрий Самозванец*» Булгарина (1830) был посвящен Н. И. Гречу в «десятилетие дружбы». «*Поездка в Германию*» Греча (1831) вышла с пространным посвящением Булгарину. Второму изданию «*Русской грамматики*» Греча (1830) было предпослано предисловие Булгарина, с изъявлением дружеских чувств его к Гречу.

— *Хвалебное объявление* об «И. Выжигине»—«Сев. Пчела», 1829, № 37. Во всех этих взаимных посвящениях, предисловиях и т. п. Булгарин и Греч особенно подчеркивали *дружбу*, их связывавшую.

— *М. И. Голенищев-Кутузов возведен в княжеское достоинство...*—Надеждин в «Телескопе», между прочим, обвинял автора «П. И. Выжигина» в том, что он «называет князя Кутузова *светлейшим* перед Бородинским сражением, когда он был еще только графом». Греч в ответной статье доказал, что Кутузова возвели в княжеское достоинство за месяц до сражения. Надеждин указывал, что солдаты в романе Булгарина читают наизусть подробные реляции, тогда как это—тайна главнокомандующего, и т. д. На все эти мелкие обвинения Греч весьма торжественно ответил, не сумев, конечно, доказать *ценность* романа Булгарина.

— *Совестдрал и Английский Милорд*—герои лубочных романов.

— «*Северный Архив*», «*Сын Отечества*», «*Северная Пчела*»—органы Булгарина и Греча.

— *Он не задавал обедов иностранным литераторам...*—намек на обед, данный Булгариным французскому писателю Ансело (см. стр. 107).

— *Он не называл своих противников дураками...*—Имеется в виду «Анекдот» Булгарина, см. прим. к № 192 на стр. 522.

— *Издававший Горация с чужими примечаниями.*—Булгариным были изданы «Оды» Горация с комментариями Ежевского и других латинистов (см. Греч, «Записки о моей жизни», «Academia», 1930, стр. 692).

236. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем. Статья эта, появившаяся в «Телескопе», 1834, № 15, стр. 412—418, за подписью Феофилакт Косичкин, тесно связана с памфлетом Пушкина «Торжество дружбы». Название ее подсказано выражением Греча о том, что в мизинце Булгарина «более ума, нежели во многих головах рецензентов». В первых строках статьи Пушкин намекает на союз Полевого с Булгариным, прежде относившихся друг к другу враждебно.

— *Пролаз и Высонос* — персонажи лубков.

— *Об обиняках, заграничных анекдотах* и т. п.—см. стр. 211—214.

— *Письма Бригадирши.* — Воейков в своем журнале «Славянин», 1829, чч. X и XI, напечатал наиболее яркие выборки из статей против Полевого, озаглавив их «Венок, сплетенный бригадиршею из журнальных листов для издателя Московского Телеграфа».

— *Грипусье* — намек на забавную ошибку Полевого, неправильно переведшего на русский язык французское «gris peussière»,—ошибку подхваченную «Сев. Пчелой» (1825, № 116).

— «*Хамелеонистика*» А. Ф. Воейкова печаталась в «Славянине», 1828, т. V.

— Программа романа «*Настоящий Выжигин*» полна намеков на факты, имевшие место в жизни Булгарина. «Сведения о прошедшей жизни Булгарина, которыми Пушкин тек искусно воспользовался в статье „Несколько слов о мизинце", были получены им случайно от Спичинского, который «в бытность свою в Остзейских провинциях был свидетелем всех пакостей Булгарина, тогда еще ничтожного негодяя» (см. «Рассказы о Пушкине», М., 1925, стр. 35 и 96—97). Булгарин, по свидетельству Нащокина, «прочтя оное оглавление в „Телескопе", вынужден был пустить себе кровь» («Русский Архив», 1884, № 6). Удары Косичкина были настолько чувствительны, что Булгарин не решился отвечать на его статьи и вообще с 1831 г. от полемики с Пушкиным воздерживался.

237. О Баратынском. Возможно, что этот третий, незаконченный набросок статьи о Баратынском написан в связи с выходом поэмы его «Наложница» (1831) (см. С. М. Бонди, «Новые страницы Пушкина», изд. «Мир», М., 1931, стр. 122—129).

— *Две повести.*—Речь идет, повидимому, о стихотворных повестях Баратынского «Эда» и «Бал».

— *Певец «Пенатов» и «Тавриды»*—К. Н. Батюшков. Еще в 1822 г. Пушкин писал, что Баратынский превзойдет и Парни, и Батюшкова (см. стр. 17). Пушкин, по словам Кс. Полевого, «всегда и постоянно говорил и писал, что Баратынский чудесный поэт, которого не умеют ценить» (Кс. Полевой, «Записки», 1888, стр. 178).

238. Набросок предисловия к Борису Годунову. См. прим. к №№ 142 и 163.

239. Записка, представленная в III отделение. Данная записка, полуофициального характера, была представлена Пушкиным Бенкендорфу в связи с хлопотами об издании литературно-политической газеты «Дневник», которую он намеревался издавать после прекращения «Литературой Газеты» (см. Н. Пиксанов, «Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневник", *ПС*, вып. V).

240. Н. А. Полевому. Записка является ответом на присылку Пушкину билета на получение «Телеграфа»—«от издателя в знак искреннего почтения». Полевой ответил письмом, в котором говорилось, что «в самой литературной неприязни» имя Пушкина «было всегда» для него «предметом искреннего уважения» (см. *АП*, т. II, стр. 206—207).

241. П. Я. Чаадаеву. Эти строки написаны на первом листе посланного Чаадаеву экземпляра «Бориса Годунова».

242. П. А. Вяземскому. Издание альманаха *«Блин»*, затеянное лицейским товарищем Пушкина М. Л. Яковлевым, не состоялось.

— *«Девичий Сон»*—стихотворение П. А. Вяземского (Собр. соч., т. IV, стр. 123). Стихотворение *«Обозы»* в Собрание сочинений не вошло.

— *билет на Телеграф*—см. примечания к № 240 на стр. 540.

— *издавший свой альманах*—«Северные Цветы» на 1831 г., в котором Пушкин напечатал ряд стихотворений.

243. П. А. Плетневу.

— *«Странная вещь, непонятная вещь!»*—цитата из стихотворения Ф. Н. Глинки в «Северных Цветах» на 1831 г.

— *Я совсем, совсем упал.*—«Совершенное падение, chute complète» Пушкина провозгласил Булгарин в «Сев. Пчеле» 1830 г., № 35.

— *Варшавский бунт*—польское восстание 1830 г.

— *Поэма Баратынского*—вероятно, «Наложница» (впоследствии названная «Цыганка»), законченная осенью 1830 г. и вышедшая в свет в начале 1831 г.

— *«Кромвель»*—драма В. Гюго, вышедшая в 1827 г. с предисловием автора, в котором излагались основы французского романтизма.

— *...попугаи или сороки Инзовские.*—После высылки из Петербурга Пушкин почти три года жил в Кишиневе в квартире своего начальника, исполнявшего обязанности наместника Бессарабской области, генерала Инзова. Речь идет о попугаях этого Инзова.

244. П. А. Плетневу.

— *Газета наша*—«Литературная Газета».

245. М. П. Погодину.

— *Никодим Надоумко*—псевдоним Н. И. Надеждина.

— *«Марфа Посадница»*—драма М. П. Погодина, с которой Пушкин был знаком в рукописи.

246. П. А. Плетневу.

— *Ужасное известие* о неожиданной смерти Дельвига (14 января 1831 г.) Пушкин получил 20 января, в письме от Плетнева (*АП*, т. II, стр. 214—215).

247. Е. М. Хитрово.

— *О Мицкевиче* Пушкин вспомнил в связи с польским восстанием 1830 г. Далее в письме он высказывал опасение, как бы Мицкевич «не приехал в Варшаву,—присутствовать при последних судорогах своего отечества» (см. *ПХ*, стр. 14—15, 82—83, и статью М. Д. Беляева «Польское восстание по письмам Пушкина к Хитрово»—там же, стр. 257—300). Надо заметить, что Пушкин содействовал Мицкевичу в получении разрешения на выезд из России. См. его записку о Мицкевиче, представленную в III отделение в 1828 г. *Пушкин—ГИХЛ*, 1933, т. V, ч. II, стр. 856.

248. П. А. Плетневу.

— *Баратынский собирается написать жизнь Дельвига...*—В одном из писем к Киреевскому (1831) Баратынский сообщал: «Теперь пишу я жизнь Дельвига» (Татевский сборник, стр. 27). Возможно, что Баратынский написал «Жизнь Дельвига», но в печати она не появлялась и, на-

сколько нам известно, в рукописном наследстве поэта не сохранилась. Ответ Плетнева Пушкину см. *АП*, т. II, стр. 224—226. Пушкин принялся за статью о Дельвиге в 1833 г., но она осталась незаконченной (см. № 294).

— Стихотворение Гнедича на смерть Дельвига напечатано в его Сочинениях, Спб., 1832, стр. 185.

— *Полицейский Фаддей*—Ф. Булгарин.

249. Е. М. Хитрово.

— *Об успехе Бориса Годунова.*—В «Лит. Газете» (1831, № 1, стр. 9) отмечалось, что в первое же утро продажи «Бориса Годунова» в Петербурге было распродано до 400 экземпляров. Пушкин, живший в это время в Москве, был удивлен таким успехом трагедии.

250. Н. И. Кривцову.

— *Посылаю тебе... любимое мое сочинение...*—При письме был послан «Борис Годунов».

251. П. А. Плетневу.

— *... твоя статья о нем*—небольшой некролог Дельвига, написанный Плетневым для «Лит. Газеты», 1831, № 4, под свежим впечатлением утраты (см. сочинения Плетнева, т. I, стр. 213).

252. Н. И. Хмельницкому. Драматург Хмельницкий был тогда смоленским губернатором и просил у Пушкина книг для смоленской библиотеки.

253. П. А. Плетневу.

— «*Марфа Посадница*» Погодина уже была разрешена к печати (26 августа 1830 г.). Пушкин, повидимому, еще не знал об этом.

— *Мерзляков* с 1804 г. до самой смерти (1830) занимал кафедру красноречия и поэзии в Московском университете.

254. П. А. Плетневу.

— *О «Жизнеописании Фон-Визина»*—соч. Вяземского, см. прим. к № 219.

— «*Петр Иваныч*»—роман Ф. Булгарина «П. И. Выжигин» (1831), продолжение романа «Иван Выжигин».

255. П. А. Плетневу. Еще 22 февраля 1831 г. Плетнев писал Пушкину о «прекрасном таланте» Деларю и о «молодом писателе, который обещает что-то очень хорошее», имея в виду Гоголя. Первые произведения Гоголя—«Ганс Кюхельгартен» и «Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала»—появились в 1829 и 1830 гг. без имени автора. С начала 1831 г. Гоголь печатался в «Сев. Цветах» и в «Лит. Газете» («Глава из исторического романа», отрывок из повести «Учитель», статьи «О преподавании географии», «Женщина»). Личное знакомство Пушкина с Гоголем состоялось в мае 1831 г.

256. Е. М. Хитрово.

«*Странник*»—роман А. Ф. Вельтмана (части I и II вышли в 1831 г., часть III—в 1832 г.), написанный в виде «путешествия по географической карте», где путешествие служило автору лишь предлогом для лирических отступлений, для высказываний на всевозможные темы и рамкой для самых причудливых стилистических и композиционных узоров. На фоне

довольно бедной русской прозы конца 20-х и начала 30-х годов «Странник» Вельтмана был чрезвычайно знаменательным явлением.

— *автору уже 35 лет.*—Определяя возраст Вельтмана, Пушкин ошибся на шесть лет.

— *Роман Загоскина*—«Рославлев, или Русские в 1812 г.».

257. Е. М. Хитрово.

«*Le Rouge et le Noir*»—«Красное и Черное» (1830), роман Стендаля (сохранился в библиотеке Пушкина).

«*Plock et Plick*»—«Плок и Плик» (1831), роман (которым дебютировал Эжень Сю), представляющий собою явление «экзотической литературы ужасов» из морского быта (см. статью Б. В. Томашевского в *ПХ*, стр. 217 и сл.).

258. Е. М. Хитрово.

— «*Notre Dame de Paris*»—«Собор Парижской богоматери» (1831), исторический роман Виктора Гюго, дающий картину Парижа XV века. Отмеченное Пушкиным *падение священника*—это падение Клода Фролло с верхней площадки собора (глава 2 книги XI).

— *...хороший роман, несмотря на фальшивую риторику...*— Б. В. Томашевский, рассматривая мнение Пушкина относительно фальшивой риторики, встречающейся в романе Стендаля «Красное и Черное», говорит: «Мы должны прежде всего остановиться на таких местах ,,фальшивой декламации'', как речи Альтамиры или размышления Жюльена Сореля в тюрьме... Под ,,замечаниями дурного вкуса'' следует, вероятно, разуметь замечания ,,от автора'', рассыпанные по всему роману...» (статья в *ПХ*, стр. 220).

259. П. А. Вяземскому.

— *Знаешь ли, за что его выслали из П. Б?..*—Пушкин ошибался, полагая, что Булгарин был выслан из Петербурга.

— *высочайший рескрипт... Выжигину.*—В «Сев. Пчеле» 1831 г., № 2, Булгарин опубликовал письмо Бенкендорфа к нему, в котором шеф жандармов уведомлял Булгарина, что поднесенный им Николаю I роман «П. И. Выжигин» заслужил благосклонный отзыв Николая.

— *Карл X сидит себе смирно в Единбурге...*—После того, как французский король из династии Бурбонов Карл X был свергнут с престола июльской революцией 1830 года, он покинул Францию и поселился в Эдинбурге. Надежды его на поддержку России в деле восстановления его власти не оправдались.

— *Жуковский точно написал 12 прелестных баллад...*—«Баллады и повести» В. А. Жуковского вскоре вышли отдельным изданием (Спб., 1831).

260. П. В. Нащокину.

— *Разбор Вельтмана*, т. е. романов «Странник» и «Беглец» Вельтмана, был помещен в «Лит. Газете», 1831, № 30. Автор рецензии указывал на несамостоятельность Вельтмана, надуманность его шуток и каламбуров, посредственность вставных стихов в «Страннике», а также на пустоту замысла. Все это расходилось с мнением Пушкина (см. выше письмо к Хитрово, № 256), который сам намеревался написать рецензию на «Странника» (см. Майков, «Пушкин», Спб., 1899, стр. 131—132—«Бессарабские воспоминания Вельтмана»).

261. П. А. Вяземскому.

— «*Водолаз*» (в переводе Жуковского «Кубок»), «*Перчатка*», «*Поликратово кольцо*»—баллады Шиллера. Переводы вошли в отдельное издание «Баллад и повестей» Жуковского (1831). Вяземский отвечал Пушкину 17 июня 1831 г.: «Я очень рад, что Жуковский опять сбесился» (т. е. начал писать) (см. *АП*, т. II, стр. 254).

— ...*пишет сказку гекзаметрами*...—«Две были и еще одна» (1831), написанная Жуковским во время его жизни в Царском Селе вместе с Пушкиным, который в то время тоже писал свои народные сказки. В это время между ними образовался своеобразный поэтический турнир в создании шуточных стихотворений.

262. Е. М. Хитрово.

— ... *переводить русские стихи французской прозой*...—вероятно, стихотворение Трилунного (Д. Струйского) «Гробница Кутузова». Стихи Пушкина на ту же тему: «К гробу полководца» (1831). См. *ПХ*, стр. 124.

263. М. П. Погодину.

— *трагедия ваша*—«Марфа Посадница (см. прим. к № 253).

— *Пишите Петра*.—Погодин писал Пушкину 3 июня 1831 г. :«Первое действие *Петра* я устроил и кончил давно, но за второе не принимался, так и мерещится, что Петр отворяет дверь и грозит *дубинкою*. Дрожь берет, даже и выговаривая это имя» (*АП*, т. II, стр. 245).

264. Е. Ф. Розену.

— «*Пир во время чумы*» напечатан впервые в альманахе «Альциона» (1832, стр. 19), изданном Розеном.

— «*Бориса Годунова*» Розен переводил на немецкий язык и написал о нем в «Лит. Газете» 1831 г. и в «Dorpater Jahrbücher» 1833 г., № 1.

265. П. А. Вяземскому.—Пушкин отвечает на письмо Вяземскому от 17 июня 1831 г. (*АП*, т. II, стр. 254), где Вяземский спрашивал, читал ли Пушкин «*Разговор о Борисе Годунове* Пушкина» (брошюра неизвестного автора, вышедшая в 1831 г. в Москве).

— «*Рославлев, или Русские в 1812 г.*»—роман М. Н. Загоскина (1831).

266. П. Я. Чаадаеву. Пушкин отвечает на письмо Чаадаева от 17 июня 1831 г., в котором тот запрашивал Пушкина о судьбе рукописи своих «Философических писем», находившихся на прочтении у Пушкина (*АП*, т. II, стр. 253). Мнения Чаадаева, которые Пушкин оспаривает здесь, подробно развиты Чаадаевым в третьем «Философическом письме».

267. П. А. Плетневу. «Северные Цветы» в пользу двух маленьких братьев умершего Дельвига вышли в конце 1831 г. В них Пушкин поместил «Моцарта и Сальери» и целый ряд стихотворений.

— *Гекзаметрическая сказка* Жуковского—«Сражение с змием».

— *Он пришлет нам сокровища*.—Баратынский прислал лишь два стихотворения: «Мой Элизий» и «Бывало отрок звонким кликом». Второе стихотворение Пушкин в «Сев. Цветах» не напечатал (см. Татевский сборник, 1899, стр. 38—39). Плетнев не дал для этого альманаха ни одного своего произведения.

268. А. Х. Бенкендорфу. Письмо вызвано хлопотами о разрешении издавать политическую и литературную газету «Дневник». Хлопоты затянулись до осени 1832 г., когда Пушкин получил, наконец, согласие Бенкендорфа; но издание так и не осуществилось.

269. М. Л. Яковлеву. О «Сев. Цветах на 1832 г.» см. прим. к № 267. Намерение свое напечатать письма Дельвига Пушкин не исполнил.

— Говоря о *трагедиях нашего Кюхли* (т. е. В. Кюхельбекера), Пушкин имеет в виду, вероятно, трагедии «Аргивяне» и «Архилох».

— «*Ижорский*»—трагедия-мистерия Кюхельбекера; отрывки из нее печатались в «Сыне Отечества» (1827) и в альманахе «Подснежник» (1829). Отдельно издана в 1835 г. без имени автора.

— *Баллада о Рыцаре влюбленном*—стихотворение Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный».

— *Софья Михайловна*—вдова А. А. Дельвига.

270. П. В. Нащокину.

— *Ты пишешь мне о каком-то критическом разговоре...*— Нащокин писал Пушкину 15 июля 1831 г.: «Пробежал я где-то „Разговор о Борисе Годунове Учителя с Помещиком“—очень хорошо, и кто написал, никак сего не воображает, что лучше и похожее описать разговором—суждений наших безграмотных грамотеев семинаристов никак нельзя... Думая написать на тебя злую критику—написал отрывок, достойный поместить в роман» (*АП*, т. II, стр. 273—274).

271. П. А. Вяземскому. Пушкин отвечает на письмо П. А. Вяземского от 27 июля 1831 г. (см. *АП*, т. II, стр. 289—290).

— *обещаюсь тебя насмешить*—см. статью Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831).

— «*Арзамасские извинения* Жуковского—см. Соч. В. А. Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 522. Об этих «Арзамасских шутках» Жуковского пишет в своих воспоминаниях А. О. Смирнова (см. ее «Записки», под ред. М. А. Цявловского, «Федерация», М., 1929, стр. 305—307).

272. П. А. Плетневу. Пушкин отвечает на письмо Плетнева от 19 июня 1831 г. (*АП*, т. II, стр. 282—283).

— *пишет он мне о смерти Веневитинова.*—А. А. Дельвиг писал Пушкину 21 марта 1827 г: «бедного Веневитинова ты уже вероятно оплакал. Знаю, смерть его должна была поразить тебя. Какое соединение прекрасных дарований с прекрасною молодостью» (*АП*, т. II, стр. 13).

— *...вспомни мое пророческое слово...*—Пророческое слово Пушкина не сбылось: Хвостов умер в 1835 году.

273. А. Ф. Воейкову. Письмо это было напечатано в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», 1831, № 79, и перепечатано тогда же во французском журнале «Le Miroir», выходившем в Петербурге.

— 1-я часть «*Вечеров на хуторе близ Диканьки*» вышла в свет в 1831 г.

— *...наборщики начали прыскать...*—В письме Пушкину 21 августа 1831 г. Гоголь писал: «Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке.

Это меня несколько удивило; я к фактору, и он, после некоторых неловких уклонений, наконец, сказал, что: „Штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву". Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни» (*АП*, т. II, стр. 305—307).

— *«Les precieuses ridicules»*—«Смешные жеманницы»—комедия Мольера (1669).

274. Н. В. Гоголю.

— *«Проект вашей ученой критики...»*—В письме к Пушкину Гоголь шутливо развивал идею написать эстетический разбор двух романов (Булгарина и Орлова) и сравнить в нем Булгарина с Байроном («Самая жизнь Булгарина есть больше ничего как повторение жизни Байрона...» и т. д., *АП*, т. II, стр. 305—306). Речь идет о нравственно-сатирическом романе Булгарина «Выжигин» (1831) и о лубочном романе А. А. Орлова, спекулировавшего на успехе Булгарина,—«Смерть Ивана Выжигина» (1831).

— *Статья Ф. Косичкина* (см. № 235) отослана была в «Телескоп» Надеждина, где и была напечатана (1831, т. IV, № 13, стр. 135—164).

— *Остренький сиделец*—Н. А. Полевой.

275. П. А. Вяземскому. Пушкин отвечает на пространное письмо Вяземского от 24 августа 1831 г. (*АП*, т. II, стр. 310—312), в котором последний писал: «Сделай одолжение занимайся приготовлениями журнала, корми эту мысль, но прежде всего напиши план и представь куда надо».

— *Фон-Фок*—управляющий III отделением.

— *переписка Авраама с Игн.*—О какой переписке идет речь, нам неизвестно.

— О *«Рославлеве»* Загоскина Вяземский писал: «В Загоскине точно есть дарование, но за то как он и глуп... Не правда ли, что в *Рославлеве* нет истины ни в одной мысли, ни в одном чувстве, ни в одном положении...» Пушкин не отозвался на выход «Рославлева» журнальной статьей, но зато начал писать ответ на него в повествовательной форме («Рославлев»).

276. Е. М. Хитрово.

— *«La primadonna et le garçon Coucher»*—«Примадонна и подручный мясник»—роман Бюра де Гюржи (1831).

— *«Barnave»*—«Барнав»— роман Жюля Жанена. «Этот роман вызывает у Пушкина восклицание, которое, к сожалению, не поддается толкованию, но свидетельствует о силе впечатления, вероятно сочувственного...» (Б. В. Томашевский, *ПХ*, стр. 240—243). В списке «новейших романов», о которых Пушкин думал написать статью в 1832 г., «Barnave» стоит на первом месте. См. *Пушкин—ГИХЛ*, т. V, ч. 2, стр. 760.

— *Посылаю Манцони.*—Роман А. Манцони «I promessi sposi («Обрученные») был высоко ценим Пушкиным. По свидетельству А. П. Керн, Пушкин в 1828 г. говорил о романе Манцони: «Я никогда не читал ничего более прелестного» (А. Керн, «Воспоминания», «Academia», 1929, стр. 346). Если верить С. А. Соболевскому, Пушкин «хотя и весьма уважал Вальтер-Скотта, но ставил «Обрученных» «выше всех его произведений» («Рассказы о Пушкине», М., 1925, стр. 35).

277. П. А. Вяземскому.

...затевают журнал.—И. В. Киреевский в конце 1831 г. приступил к изданию «журнала наук и словесности» «Европеец», который был запре-

щен после второй книжки за статью Киреевского «XIX век», в которой усмотрели отголоски «июльских дней» в Париже. См. прим. к № 285.

«Песнь из Marmion»—«Суд в подземелье»—В. А. Жуковского (1831). Впервые напечатано в «Библиотеке для Чтения», где при заглавии было означено: «Последняя глава недоконченной повести», а в выноске пояснено: «Первая глава еще не написана, сия же последняя заимствована из Вальтер-Скоттова Мармиона» («Мармион, или Битва при Флодден-Фельде»—историческая эпопея Вальтер-Скотта, 1808).

— *Повести мои*—т. е. «Повести Белкина», вышедшие в 1831 г.

— *Северные Цветы будут любопытны.*—Имеются в виду «Северные Цветы на 1832 г.», изданные Пушкиным в память Дельвига.

278. Н. М. Языкову.

— *... дружеское письмо*—см. письмо И. В. Киреевского к Пушкину, в котором Киреевский извещает его о разрешении издавать «Европеец» и приглашает к участию в журнале (*АП*, т. II, стр. 341—342), см. № 285.

— *О благодарственном письме А. Орлова* см. прим. к № 280.

— *«Самозванец»*—трагедия А. С. Хомякова. Пушкин познакомился еще в Москве с первоначальным замыслом «Самозванца» Хомякова, впоследствии значительно измененным. См. Соч. А. С. Хомякова, т. V, и его письма, т. VIII, М., 1900.

— *Хвостов написал мне послание...*—см. письмо Хвостова (*АП*, т. II, стр. 339—340). «Послание» гр. Хвостова «А. С. Пушкину, члену Российской Академии 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России» напечатано в «Стихотворениях Хвостова», ч. VII, Спб., 1834, стр.99.

От ига лет, подобно маку,
Я, сгорбяся, равняюсь злаку,
Но стал союзник Зодиаку,
Страшась холеры, стрел и пуль,
Я пел в Петрополе июль... и т. д.

писал Хвостов в своем «Послании».

— *Водолей, Рак и Козерог* —знаки Зодиака.

279. Ф. Н. Глинке. Глинка ответил Пушкину письмом и прислал стихи и «прозаический лоскуток» (аллегория «Важный спор») для альманаха «Северные Цветы на 1832 г.», изданные Пушкиным в память Дельвига (*АП*, т. II, стр. 347—348).

— *вы на меня сердиты.*—Глинка мог сердиться на Пушкина за его эпиграмму «Собрание насекомых», помещенную в альманахе «Подснежник» 1830 г. В эпиграмме Пушкин задел Глинку, хотя и не назвал его имени.

280. А. А. Орлову.

— *... посильное заступление...*—см. статью Пушкина «Торжество дружбы», стр. 269—275, и прим. к № 235.

— *...заслужило вашу благосклонность...*—Благодарственное письмо А. А. Орлова неизвестно. Письмо Пушкина—конечно, замаскированная насмешка над Орловым, которую Орлов не сумел понять.

— *Фиглярин*—Ф. В. Булгарин.

— *«Молва»*—приложение к журналу «Телескоп».

— Объявление в «Молве» о намерении А. Орлова издать «Историю русского народа» (1831, № 43) было напечатано в насмешку над Н. Полевым.

— Говоря о том, что Воейков и Сомов возятся с Полевым, Пушкин имел в виду статью О. М. Сомова (псевд. Н. Луговой) в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду», издаваемых Воейковым (1831, № 94).

281. А. Х. Бенкендорфу. С письмом этим Пушкин пересылал свое стихотворение «Моя родословная», написанное в ответ на пасквиль Булгарина «Второе письмо из Карлово» («Сев. Пчела», 1830, № 94). В этой *сатирической* статье Булгарин привел «анекдот» о «*некоем писателе*», переданный здесь Пушкиным (см. *ПВ*, т. V, стр. 466, и М. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», стр. 508). Ср. «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», стр. 211.

282. Н. Н. Пушкиной.

— *Стихов твоих не читаю.*—Стихи жены Пушкина нам неизвестны.

1832

283. О Викторе Гюго. Заметка осталась неоконченной. Перейдя от вступительных замечаний к сборнику стихов «Осенние листья» В. Гюго (1831), Пушкин не дал самого разбора этой книги, отметив лишь, что она является подражанием «Утешениям» («Consolations») Сент-Бёва. (См. «Взгляд Пушкина на современную ему французскую литературу», статья П. Н. Сакулина, *ПВ*, т. V, стр. 372—388.)

— *..чувство изящного было для них чуждо...*—В чем сказалось, по мнению Пушкина, отсутствие чувства изящного у Монтэня и др.? В автографе статьи перед словами: «Если обратим внимание...» была неоконченная фраза, впоследствии зачеркнутая,—повидимому, Пушкин хотел развить здесь свои доказательства на этот счет: «*Монтень, путешествовавший по Италии, не упоминает ни о Микеле Анджело, ни о Рафаэле. Montesquieu смеется над Гомером, Вольтер, кроме Расина и Горация, кажется, не понял ни одного поэта, Лагарп ставит Шекспира на одной доске с...*» (Курсив наш.—*Ред.*).

Монтескье *смеется над Гомером*—см. его «Персидские письма». Лагарп несочувственно отозвался о Шекспире и противопоставил ему Корнеля, Вольтера, Расина в «Correspondance littéraire» (*ПА*, т. IX, стр. 483—484).

— «*Cinq-Mars*, ou Une conjuration sous Louis XIII»—«Сен-Марс, или Заговор времен Людовика XIII»—роман Альфреда де Виньи, вышел в 1826 г.

— *В Литературной Газете упомянули...*—Имеется в виду рецензия Пушкина на «Утешения» Сент-Бёва (см. № 243).

— *Прелестные шалости Колле*—его сатирические песенки и комедии.

284. П. А. Осиповой. В письме речь идет об альманахе «Северные Цветы на 1832 г»., изданном Пушкиным в память Дельвига.

— *Присоединяю к ним сказки*—«Сказка о царе Салтане», напечатанная вместе со сказками Жуковского в весьма ограниченном количестве.

285. И. В. Киреевскому. Еще в октябре 1831 г. Киреевский писал Пушкину о том, что он приступает к изданию журнала «Европеец», приглашая Пушкина к участию в нем (*АП*, т. II, стр. 341—342). К началу 1832 г. Киреевский успел выпустить две первых книжки «Европейца», но 22 февраля 1832 г. журнал был запрещен цензурой за статью Киреевского «XIX век» (см. прим. к № 277).

— ... *две капитальные пиэсы Жуковского*—«Сказка о спящей царевне» («Европеец», № 1) и «Война мышей и лягушек» (там же, № 2). *Мышь Степанида*—персонаж из «Войны мышей и лягушек».

— *Ваша статья о Годунове...*—«Обозрение русской литературы за 1831 г.» И. В. Киреевского, где был дан разбор «Бориса Годунова» Пушкина и «Наложницы» Баратынского.

Статья Баратынского хороша...—Во 2-й книге «Европейца» была помещена антикритика Баратынского на неблагоприятный отзыв Надеждина об его поэме «Наложница».

— *Ваше сравнение Баратынского с Миерисом...*—см. ответ Киреевского Пушкину (*АП*, т. II, стр. 377).

— ...*будущие успехи его в комедии...*—Из писем Баратынского к Киреевскому (см. «Татевский сборник», Спб., 1899) видно, что Баратынский написал небольшую драму, до нас не дошедшую.

286. И. И. Дмитриеву. Пушкин отвечает на письмо Дмитриева от 1 февраля 1832 г., где, между прочим, дан благосклонный отзыв о последних произведениях Пушкина и особо отмечены «Борис Годунов» и «Моцарт и Сальери», написанные, как известно, *белыми стихами* (*АП*, т. II, стр. 367—368).

— О запрещении «Европейца» см. прим. к №№ 285 и 288.

287. М. П. Погодину.

— *Смирдин опутал сам себя.*—Погодин писал Пушкину 18 апреля 1832 г.: «Я напечатал Немецкий театр, пер. А. А. Шишкова, в 4 частях. Не купит ли его сполна Смирдин?.. Книга хорошая и пойдет непременно—будьте посредником... Еще не купит ли он всего издания *Марфы Посадницы?..*» (*АП*, т. II, стр. 380).

— *Ваша Марфа, ваш Петр*—«*Марфа Посадница*» и «*Петр I*»—драмы Погодина.

... *государь разрешил мне политическую газету...*—Разрешение на издание политической газеты «Дневник» было дано, но издание ее не осуществилось по целому ряду причин.

— «*Фортунат*»—пьеса Тика в переводе А. А. Шишкова, напечатана в его Избранном Немецком театре», М., 1831 (4 части).

288. И. В. Киреевскому.

— ... *вашего журнала* — т. е. «Европейца». О запрещении «Европейца» см. в книге М. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», Спб., 1909, стр. 67—78. Там приведены и письма Жуковского к Николаю I и Бенкендорфу и объяснения Киреевского начальнику III отделения.

— *Мне разрешили на-днях политическую литературную газету...*—«Дневник» (см. прим. к № 239).

— *Николай Михайлович*— Языков.

289. Графу Д. И. Хвостову. Пушкин отвечает на присылку Хвостовым стихотворения «Соловей в Таврическом саду» (см. «Русские поэты о Пушкине», М., 1899, стр. 304).

Комплименты, рассеянные в этом письме Пушкина, полны скрытой иронии. О подлинном отношении его к графоману Хвостову см. стр. 295.

290. Е. М. Хитрово.

— ... *легко отозваться о Карре*—повидимому, о романе «Под Липами» (1832) А. Карра. Пушкин сохранил интерес к Карру и в дальнейшем; в библиотеке его уцелели три романа Карра.

— ... *изысканность вашего Бальзака.*—Вероятно, Пушкин имеет здесь в виду произведения Бальзака 1831—1832 гг.: «Шагреневую кожу» и «Тридцатилетнюю женщину» (см. *ПХ*, стр. 244—252).

291. М. П. Погодину.

Какую программу хотите вы видеть?..—программу намеченной Пушкиным к изданию газеты «Дневник» (см. прим. к № 239).

292. Н. Н. Пушкиной.

— *приглашен Уваровым в Университет.*—О посещении Пушкиным Московского Университета см. воспоминания И. А. Гончарова, Собр. соч., 1899, т. XII, стр. 22—23. «В университете между Пушкиным и Каченовским зашел спор о ,,Слове о Полку Игореве“ (Каченовский, как известно, отрицал подлинность ,,Слова“)... Я не помню,—пишет Гончаров,—подробностей их состязания, помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древне-русского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож...» Другой очевидец их спора, М. Д. Перемышльский, передавал, что Пушкин показался студентам очень похожим на обезьяну и что один из студентов тут же экспромтировал:

Мопса старая вступила
С обезьяной в страшный спор:
Утверждала, говорила,
Что Песнь Игорева вздор.
Обезьяна строит рожи,
Просит факты указать.
Мопса рвется вон из кожи
И не может доказать.

— *Мне пришел в голову роман*—«Дубровский».

— *Отрыжковым* Пушкин в шутку назвал Н. Тарасенкова-Отрешкова, которому намеревался поручить ведение своей газеты «Дневник».

293. П. Н. Нащокину. «Дубровский», первоначально называвшийся «*Островским*», внушен был Нащокиным, рассказавшим Пушкину о процессе бедного дворянина Островского с соседом.

— *На критику Короткого.*—Д. В. Короткий состоял на юридической службе и знал производство тяжебных дел; поэтому Пушкин и пишет, что пришлет ему на критику свою повесть.

— *Что твои мемории?*—Пушкин настойчиво убеждал Нащокина описать свою жизнь. В 1830 г., живя в Москве, Пушкин заставил его диктовать себе начало этих записок (см. *Пушкин—ГИХЛ*, т. V, стр. 907).

— *Мой журнал*—см. прим. к № 239.

294. Заметка о Дельвиге. Заметка предназначалась, повидимому, для помещения при сборнике стихотворений Дельвига. Пометки Пушкина на рукописи стихотворений Дельвига свидетельствуют о работе его над ними как редактора («Сборник Пушкинского дома», Птгр., 1922,

стр. 9; *ПХ*, стр. 87; см. также очерк Ю. Н. Верховского «Пушкин-читатель», «Красная Нива», 1927, № 7).

— «*Собрание Русских стихотворений*, взятых из сочинений лучших стихотворцев Российских из многих русских журналов», издано В. А. Жуковским в 1810—1811 гг.

— *Клопштока, Шиллера и Гете* Дельвиг читал в лицее с В. К. Кюхельбекером. Дельвиг тогда побуждал и Пушкина заниматься немецкой литературой, «но Пушкин, кажется, оставил своего товарища на первых попытках ознакомиться с Клопштоком» (Анненков, «Материалы», стр. 16).

— *...стихи одного из его товарищей*—А. Д. Илличевского.

— *...но еще не оценен и теперь.*—Е. Ф. Розен в статье «Ссылка на мертвых» («Сын Отечества», 1847, № 6) приводит слова Пушкина: «У нас еще через 50 лет не оценят Дельвига! Переведите его от доски до доски на немецкий язык: немцы тотчас поймут, какой он единственный поэт и как мила у него русская народность».

295. О сочинениях П. А. Катенина. Статья напечатана в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду», 1833, № 26, стр. 206—207.

— «*Сочинения и переводы в стихах П. А. Катенина*» вышли в свет в конце 1832 г., в 2-х частях, с предисловием издателя Н. И. Бахтина. Пушкин, более всего ценивший в поэтах-современниках самобытность, с большим сочувствием относился к разносторонней литературной деятельности талантливого и оригинального Катенина, выступавшего в качестве теоретика, драматурга, переводчика и стихотворца.

— Баллада Бюргера «*Ленора*» (1774) была переработана Жуковским под названием «Людмила» (1808) и Катениным под названием «Ольга» (1816). Катенинский перевод резко разнится от перевода Жуковского. Последний старался смягчить и приукрасить подлинник. Катенин же стремился передать возможно точнее простоту и грубость образца. Особенно ярко это сказалось в описании скачки мертвеца с Ленорой. Например:

Адской сволочи скаканье,
Смех и пляска в вышине...

(Катенин)

...Тени легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились...

(Жуковский)

Вокруг перевода Катенина и Жуковского завязалась полемика между Гнедичем и Грибоедовым. Гнедич критиковал «Ольгу» Катенина, отдавая полное предпочтение «Людмиле» Жуковского («Сын Отечества», 1816, № 27). Грибоедов выступил в защиту Катенина против Гнедича и Жуковского (Собр. соч., изд. Акад. Наук., т. III, стр. 24—25.) Жуковский, «увидя свою ошибку, не словом, а делом признался в ней и вторично перевел ту же балладу» в 1831 г. Отметим, что в «Моих замечаниях об русском театре» в 1819 г. Пушкин иначе расценивал «славянские» стихи Катенина, которые тогда казались ему «полными силы и огня, но отверженными вкусом и гармонией» (см. № 4).

— «*Убийца*» (1817), «*Мстислав Мстиславич*» (1819), «*Старая быль*» (1828).—О скрытом смысле «Старой были», в которой Катенин осудил пушкинские «Стансы», см. Ю. Тынянов, «Архаисты и новаторы», стр. 162 и сл.

— *Романсы о Сиде* были переведены Катениным из Гердера.

— «*Механизм стиха* Катенина вызвал почти огульное отрицание враждебной критики; порицали его и сторонники Катенина—Кюхельбекер и Бахтин. Благоприятный отзыв Пушкина одинок» (Ю. Н. Тынянов, указ. соч., стр. 116).

296. Граф Нулин. Заметка любопытна тем, что раскрывает творческий замысел Пушкина, задумавшего «Графа Нулина», как пародийное разрешение шекспировской темы в «Лукреции» (1594). В соответствии с этим Пушкин первоначально думал озаглавить свою поэму «Новый Тарквиний»; это заглавие написано карандашом в черновой рукописи.

297. Заметка о Моцарте и Сальери. Легенда об *отравлении Моцарта* мало вероятна; она основана на весьма шатких психологических догадках. Но в современных Пушкину изданиях, например «Всеобщем музыкальном вестнике» 1825 года, он мог найти материал, говорящий о виновности Сальери.

298. Из дневника 1833 г., 3 декабря. О начале знакомства с *Гоголем* см. прим. к № 255. «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» была прочтена Гоголем Пушкину вскоре по окончательной ее отделке и до отдачи А. Смирдину для напечатания в сборнике «Новоселье» (1834), где она и появилась за подписью «Рудый Панько». См. В. И. Шенрок, «Материалы для биографии Гоголя», т. III, стр. 71, 157 и 355—362.

299. П. С. Санковскому. Письмо это не дошло до адресата—редактора «Тифлисских Ведомостей», так как он умер еще в 1832 г., о чем Пушкин не знал. О несостоявшейся встрече Пушкина с А. Бестужевым на Кавказе см. Л. Н. Майков, «Пушкин», 1899, стр. 383—385, а также письмо А. Бестужева Н. А. Полевому от 9 марта 1833 г. («Русский Вестник», 1861, № 4, стр. 436).

300. М. П. Погодину. В письме этом Пушкин приглашал Погодина принять участие в работе над «Историей Петра Великого» в государственных архивах.

301. Н. Н. Пушкиной

— *Blue Stockings*—синий чулок—А. А. Фукс, казанская поэтесса (племянница поэта Г. Каменева) (см. ее воспоминания о Пушкине в книге Архангельского «Пушкин в Казани», Казань, 1899).

— *Стихи Баратынского* А. А. Ф-ой (т. е. Фуксовой)—см. в его Соч., изд. Академии Наук, 1914, т. I, стр. 127.

302. В. Ф. Одоевскому. Одоевский проектировал издание альманаха «Тройчатка, или Альманах в три этажа», из произведений своих (*Гомозейка*), Гоголя (*Панько*) и Пушкина (*Белкин*). Каждый из них должен был избрать себе «этаж» (ср. *до погреба добраться*) (см. *АП*, т. III, стр. 47).

— *Что его комедия*—«Владимир 3-й степени».

303. Из статьи «Мысли на дороге» Впервые статья, озаглавленная так П. В. Анненковым, появилась в посмертном издании сочинений Пушкина. Она является ответом Пушкина на книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищева [1].

[1] Последнее обстоятельство позволило редакторам сочинений *Пушкина—ГИХЛ*, 1933, переименовать «Мысли на дороге» в «Путешествие из Москвы в Петербург».

«Мысли на дороге», так же как и другая статья Пушкина: «Александр Радищев» (1836, см. № 338), вызвала обширную литературу и различное истолкование (см. прим. к № 338). Обзор литературы по этому вопросу дан в книге П. Н. Сакулина «Пушкин и Радищев», М., 1920; см. также В. П. Семенников, «Радищев», Гиз, 1923, глава «Радищев и Пушкин» стр. 241—318. Мы даем статью в выдержках, беря лишь те части ее, в которых речь идет о художественной литературе.

— *Кларисса*—героиня романа С. Ричадсона «Кларисса Гарлоу» (1748).

— *Приятель мой*—С. А. Соболевский.

— «*Телемахида*» (1766)—поэма В. К. Тредьяковского, являющаяся переложением гекзаметрами романа Ф. Фенелона «Телемак» (1699).

— ... *навлекшая на сочинителя гнев Екатерины*—см. прим. к № 338.

— На экземпляре «Путешествия» (изд. 1790 г.), принадлежавшем Пушкину (ныне хранящемся в Ленинградской Публичной Библиотеке), рукою Пушкина написано: «Экземпляр бывший в тайной канцелярии. Заплачен двести рублей. А. Пушкин».

— «*Горе от ума*», действие III, явление 3-е.

— *великим меланхоликом*— Н. Гоголем, начало «Петербургских записок» которого называлось «Петербург и Москва». Пушкин, вероятно, намеревался процитировать здесь отрывок из этой статьи (см. Н. Лернер, «Рассказы о Пушкине», «Прибой», Л., 1929, стр. 174—179).

— *писал сатиры на Сумарокова*—«Вывеска» (1768) и «На сороку в защищение кумушек» (Сочинения Державина, 1866, т. III, стр. 247—250).

— «*Гимн бороде*» (1757)—антицерковные шутливые стихи Ломоносова, навлекшие на него ожесточенные нападки со стороны архиепископа С. Кулябки и епископа Д. Сеченова, «всенижайше» просивших императрицу Елизавету наказать Ломоносова, а «ругательный пасквиль» сжечь под виселицей рукою палача.

— *Радищев написал о нем целую статью*—«Памятник дактило-хореическому витязю» (Собр. соч., т. II, стр. 393—425).

— «*Корабль Одиссеев...*»—цитата из «Телемахиды», ст. 36—37.

— ... *воспевает графа Разумовского*—в идиллии «Полидор» (1750).

— ... *поздравляет графа Орлова* — «Поздравительное письмо графу Г. Г. Орлову» (1764).

— *to his Grace the Duce etc.*—Произведения свои Кребб посвящал герцогу Чарльзу Рутленду (1754—1787), вице-королю Ирландии.

— ... *заметила m-me de Staël* в книге «Десять лет изгнания»—см. прим. к № 74.

— «*Семира*», «*Дмитрий Самозванец*»—трагедии А. П. Сумарокова.

— *перевод Генриады.*—«Генриада» (1723), поэма Вольтера о Генрихе IV.

— *один из французских публицистов*—Б. Констан; см. его «Рассуждение о конституциях и об их гарантиях» (1814), глава «О личных правах».

— *О цензуре.*—Интересные варианты и дополнения из черновиков к главе X. О цензуре см. *Пушкин—ГИХЛ*, 1933, т. V, ч. 2, стр. 917—918.

1834

304. Из Table Talk. Весь этот цикл заметок, писавшихся разновременно в течение 1834—1836 гг., при жизни Пушкина в печати не появлялся. Нами взяты лишь те отрывки, в которых речь идет о литературе.

— Говоря о *Мольере*, Пушкин имеет в виду его комедию «Скупой» (столкновение скупца с расточительным сыном) и «Тартюф» (классическое изображение ханжи и лицемера).

— *Шейлок*—герой «Венецианского купца» (1596), *Анджело*—герой «Меры за меру» Шекспира (1603). Поэма Пушкина «Анджело» (1833) создана на основе «Мера за меру» Шекспира. Пушкин говорил Нащокину: «Наши критики не обратили внимания на эту пиесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал» («Рассказы о Пушкине», М., 1925, стр. 47).

— *Фальстаф*—герой комедии Шекспира «Виндзорские кумушки» (1602).

— *Отелло*—герой трагедии Шекспира «Отелло, или Венецианский мавр» (1604).

— *Орозман*—одно из главных действующих лиц трагедии Вольтера «Заира» (1782), тип ревнивца.

— «*Человек более склонен...*»—перевод изречения Макиавелли («Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия»).

— *Гёте имел большое влияние...*—см. прим. к № 143.

— *Многие негодуют на журнальную критику*.—Опубликовано впервые в издании сочинений *Пушкина—ГИХЛ*, 1933, т. V.

305. Замечания на Песнь о Полку Игореве. О глубоком интересе Пушкина к «уединенному памятнику в пустыне нашей древней словесности»—«Слову о Полку Игореве»—свидетельствуют постоянные занятия поэта над ним (см. Б. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», стр. 20, 21, 31, 48, 116, 127, 245). Известно, что Пушкин предполагал издать текст «Слова» со своими объяснениями и, может быть, со своим переводом. «*Слово* Пушкин помнил от начала до конца наизусть и готовил ему объяснение. Оно было любимым предметом его последних разговоров» (Л. Майков, «Пушкин», стр. 354). Толчком к написанию настоящей статьи (оставшейся незаконченной) могло послужить переложение «Слова», сделанное А. Ф. Вельтманом (см. *АП*, т. III, стр. 3, письмо Вельтмана Пушкину). «Песнь ополчению Игоря Святославича князя Новгород-Северского, переведенная с древнерусского языка XII столетия А. Вельтманом» (М., 1833), сохранилась в библиотеке Пушкина с многочисленными его пометками.

— Пушкин неточно указывает, что «Слово» было найдено *в библиотеке Мусина-Пушкина*. Известный собиратель русских древностей гр. Мусин-Пушкин в 1791 г. был назначен обер-прокурором Синода. Вместе с этой должностью в его ведение отходили церковные и монастырские книгохранилища. В 1795 году один из комиссионеров графа приобрел у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля хронографический сборник с весьма интересно подобранными памятниками, среди которых находилось и «Слово». Вскоре была снята копия для Екатерины II, а в 1800 г. появилось печатное издание «Слова», над которым работали А. Ф. Малиновский, Н. М. Бантыш-Каменский и А. И. Мусин-Пушкин. Это первое издание было далеко небезупречным в виду чрезвычайных трудностей, возникших при разборе рукописи, написанной без разделения слов, без знаков препинания и т. д. Пожар 1812 г. истребил дом Мусина-Пушкина, где погиб и хронограф, содержавший «Слово», и бо́льшая часть печатных его экземпляров первого издания. За переводом первых издателей последовали переводы А. С. Шишкова (1805), Я. Пожарского (1819), Н. Ф. Грамматина (1823), переложение А. Вельтмана (1833).

Об интересе Пушкина к «Слову» см. Анненков, «Материалы», 1873, стр. 467—475; «Русский Архив», 1873, кн. II, стр. 955; В. Якушкина, «Описания рукописей Пушкина»—«Русская Старина», 1884, т. XIV, стр. 542—543; «Русская Старина», 1889. т. 61, стр. 636, и т. 64, стр. 214 («Из дневника Снегирева»); Л. Майков, «Пушкин», Спб., 1899, стр. 331, 354.

— *Объяснениями важнейшими обязаны мы* Карамзину—«История Государства Российского», т. III, гл. VII.

— *Некоторые писатели усумнились в подлинности...*—Подлинность «Слова» отрицали проф. И. И. Давыдов, О. И. Сенковский и М. Т. Каченовский. Известен рассказ И. А. Гончарова о споре Пушкина с Каченовским по поводу подлинности «Слова» (Собр. соч., 1899, т. XII, стр. 22—24). К середине XIX века подлинность «Слова» была установлена и признана окончательно.

— О литературных мистификациях *Чаттертона* и *Макферсона* см. Е. Ланн, «Литературные мистификации», Гиз, 1930.

— ... *темный поход неизвестного князя...*—Поход Игоря Святославовича на половцев и гибель его войска относятся к 1185 г.

— Толкования Пушкиным отдельных мест «Слова» разобраны и сопоставлены с толкованиями тогдашних переводчиков в комментариях Н. К. Козмина к т. IX *ПА*, стр. 591—614.

306. О русской литературе, с очерком французской. Статья эта, состоящая из ряда отрывков, осталась незаконченной. Она построена по тому же принципу, как и статья о драматическом искусстве, где Пушкин сопоставляет явления русской литературы с явлениями западно-европейских литератур, давая общий очерк их развития. Обширные варианты отдельных частей статьи и программы ее см. *ПА*, т. IX, ч. 2, стр. 614 и сл.

— С. М. Бонди в статье «Историко-литературные опыты Пушкина» («Лит. Наследство», 1934, № 15-16) устанавливает, что «О русской литературе, с очерком французской» представляет собою два самостоятельных очерка, написанных в разное время, и дает новую редакцию статьи.

Ср. окончание этой статьи с наброском плана задуманной Пушкиным статьи «О ничтожестве литературы русской». Недавно обнаруженный набросок этот опубликован в сборнике «Труды Публичной Библиотеки СССР им. Ленина», вып. III, «Academia», 1934, отд. «Рукописи Пушкина», под ред. М. А. Цявловского: «О ничтожестве литературы русской. 1) Быстрый отчет о французской словесности в 17 столетии. 2) 18 столетие. 3) Начало русской словесности.—Кантемир в Париже обдумывает свои сатиры, переводит Горация. Умирает 28 лет.—Ломоносов, плененный гармонией рифма, пишет в первой своей молодости оду, исполненную живости etc.—и обращается к точным наукам, degouté славою Сумарокова. Сумароков—Тредьяковский—в сие время—один понимающий свое дело. Между [тем] 18 столетие allait son train. Voltaire с Beaumarchais не имеют ни одного последователя в России; но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня, дубов,—Дорат, Флориян, Мармонтель, Гишар, M-me Жанлис овладевают русской словесностью. Sterne нам чужд, за исключением Карамзина. 4) Екатерина—ученица 18 столетия, она одна дает толчок своему веку. Ее угождения философам. Наказ. Словесность отказывается за нею следовать, точно так же, как народ (члены-депутаты комиссии). Державин, Богданович, Дмитриев, Карамзин (Радищев). Век Александров.—Карамзин уединяется, дабы писать свою Историю. Дмитриев, министр—ничтожество общее. Между тем французская обмелевшая словесность envahit tout. Парни и влияние сластолюбивой поэзии на Батюшкова, Вяземского, Давыдова, Пушкина и Баратынского. Жуковский и двенадцатый год, влияние немецкое превозмогает. Нынешнее влияние критики французской и Юной словесности. Исключения.

«Если русская словесность представляет мало произведений, достойных наблюдения критики литературной, то она, сама по себе (как и всякое другое явление в истории человечества), должна обратить на себя внимание добросовестных исследователей истины».

— *Наши критики не согласились еще*...—В 20-х годах между критиками возникла длительная полемика по вопросу об определении и сущности романтизма. В спорах о романтизме участвовали Вяземский, Кюхельбекер, Катенин, Бестужев, Полевой, Надеждин и др. Из переписки и предшествующих статей Пушкина видно, что все определения русской критикой романтизма его не удовлетворяли. В данной статье Пушкин впервые дает свое определение романтизма. Ср.: «Французские критики имеют свое понятие о романтизме...», стр. 179.

— «*Освобожденный Иерусалим*» (1575)—эпическая поэма итальянского поэта Торквато Тассо.

— ... *рифма, новое украшение стиха*...—Зарождение рифмы в романской и германской поэзии относится приблизительно к VIII веку. В русскую литературу рифма проникла вместе с силлабическим стихосложением (основанным на числе слогов в стихе без определенного размера) в XVIII веке.

— *Триолет*—стихотворение особой формы, состоящее из двух четверостиший, причем в первом четверостишии четвертый стих тот же, что первый, во втором—два последних те же, что два начальных стиха первого четверостишия. Триолет применялся во Франции в любовной лирике до XVI века, затем вышел из моды, и лишь изредка этой формой пользовались в XVIII веке в подражаниях старым поэтам.

— *Рондо*—стихотворение особой формы, первое слово которого повторяется в его середине и в конце. Рондо появился в XIV веке, но окончательную форму приобрел в XVI веке. В XVIII веке рондо вышел из употребления.

— *Фаблио*—небольшой, обычно шутливый, стихотворный рассказ. Фаблио были распространены во Франции в XII—XIII веках; авторами их были бродячие городские поэты. По характеру своему к фаблио близки *роман*, отличающийся большим размером и сложностью содержания, и *ле* (le lai)—небольшая поэма повествовательного или лирического характера.

— ... *повод к сочинению таинств*...—Наиболее богато представленной в литературных памятниках формой драматического творчества западноевропейского средневековья является литургическое действо и вырастающие из него драматические жанры. Истоки литургического действа бесспорно связаны с театрализацией церковной службы в чисто культовых целях.

— *Вивлиофика*—собрание памятников русского законодательства и дипломатических сношений, летописей, грамот, родословных и т. п.

— *Феофан*—Феофан Прокопович.

— ...*вечного труженика Тредьяковского*.—Сохранился анекдот, будто Петр I при посещении школы, где учился Тредьяковский, предсказал ему, что он будет «вечным тружеником». См. заметку Пушкина из цикла «Анекдоты» (№ 347, стр. 397).

— *Сын молдавского господаря*—А. Д. Кантемир; *сын холмогорского рыбака*—М. В. Ломоносов, бежавший из Архангельской губернии в Москву, где добился приема в Заиконоспасское училище.

— «*Ренике Фукс*» Гете—см. прим. к № 77.

— Сюжет «*Неистового Орланда*»—сюжет каролингского эпоса, который в Италии задолго до Ариосто образовался в романтическом стиле

поэм Круглого Стола. В XII и XIII веках отдельные эпизоды этого цикла пелись сказителями северной Италии, в XIV веке они исполнялись жонглерами в тосканских городах. В 1486 г. Маттео Баярдо в Ферраре написал «Влюбленного Орланда». «Неистовый Орланд» Ариосто был написан как продолжение неоконченной поэмы Баярдо.

— *были трагедии прежде созданий de Vega...*— Основоположниками испанской драмы, предшественниками Лопе де Вега считаются Торрес Неарро и Лопе де Руэда.

— *Коран* Буало—его поэма «Поэтическое искусство», в которой изложены строгие правила классической школы (правила «единств», французского стихосложения и т. п.).

— *Сказки Лафонтена*—Contes (скабрезные стихотворные сказочки) Лафонтена, почерпнутые у Боккаччо, Петрония, Апулея и др., имели громкий и скандальный успех и выдержали четыре издания (1667—1674).

— «*Дева*»—«Орлеанская Девственница», поэма Вольтера, едко высмеивающая весь средневековый мир феодально-поповской Франции.

— «*Enfin Malherbe vint...*»—цитата из «Поэтического искусства» Буало, песнь 1, стихи 131—142.

— *Французская поэзия родилась в передней* [и далее гостиной не доходила]—слова самого Пушкина, см. стр. 109.

— *О новейших поэтах говорить нечего...*—Пушкин имеет здесь в виду Беранже и др.

— «*Гофолиа*»—трагедия Расина (1691) на библейский сюжет. Трагедия не имела успеха при жизни автора.

— *сладкоречивый епископ в книге, наполненной смелой философией*— «Приключения Телемака» (1699) Фенелона, содержащие косвенную критику правления Людовика XIV.

— *Один из новейших писателей*—г-жа де Сталь.

— *философия, которой XVIII век дал свое имя...*—философия энциклопедистов Дидро, Д'Аламбера, Вольтера и других идеологов передовой французской буржуазии, боровшихся в духе свободомыслия с установившимися религиозными и политическими взглядами.

— *Он написал эпопею...*—поэма Вольтера «Орлеанская Девственница».

— *Ферней*—местечко около Женевы, где Вольтер провел последние 20 лет своей жизни.

— *Trouvère*—трувер—так назывались в средние века поэты во Франции, популяризаторы рыцарских эпопей и морально-аллегорических романов.

— ... *словами, дотоле неслыханными*—«Бог и свобода», слова, произнесенные Вольтером, когда он благословлял внука посланника США во Франции Франклина. (В 1778 г. В. Франклин привел к Вольтеру своего внука и просил благословить его.)

— *Италия отрекается от гения Dante...*—Аббат Беттинелли (1718—1808) в своей книге «Письма Публия Вергилия Марона, написанные из Елисейских полей в римскую Аркадию» подверг резкой критике «Божественную комедию» Данте.

307. Из заметки о Дельвиге мы приводим лишь отрывок из чернового наброска заметки о Дельвиге, носящей биографический характер.

308. Из дневника 1834 г., 17 марта.

— О «*Conversation Lexicon*» см. Н. И. Греч, «Записки о моей жизни». М.—Л., 1930, стр. 592—623 и 822—825, «История первого энциклопедиче-

ского лексикона в России». Грандиозная затея А. Плюшара кончилась неудачей. «Энциклопедический лексикон», начавший выходить в 1835 г., прекратился изданием на 17-м томе, выпущенном уже в 1841 г. Пушкин от сотрудничества в «Лексиконе» отказался (см. «Дневник Пушкина», Л., 1923, стр. 105—107).

— *Н. В. Кукольник.*—Об отношении Пушкина к Кукольнику, канонизатору историко-патриотического жанра в русской литературе, известно немногое. В «Дневнике» А. В. Никитенко от 10 января 1836 г. читаем: «Интересно, как Пушкин судит о Кукольнике. Однажды у Плетнева зашла речь о последнем; я был тут же. Пушкин, по обыкновению, грызя ногти или яблоко,—не помню,—сказал: ,,А что, ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли". Это было сказано тоном двойного аристократа: аристократа природы и положения в свете» («Записки и Дневник», Спб., 1905, т. I, стр. 270). Ф. Розен, отвечая Пушкину на просьбу дать в «Современник» статьи, писал ему в 1834 г.: «Я хотел бы написать статью о Кукольнике. Так как мы почти сходимся в нашем мнении о нем, то не будет никакого препятствия к напечатанию такой статьи, целью которой будет доказать означенному писателю, что все, что он написал, не многого стоит, что он незнаком даже с техникою драмы, и беспощадным образом напасть на тот несчастный жанр, который он избрал, или сказать, что у него дарование, которое при обработке может быть и сможет возвыситься над его теперешнею бледною посредственностью» (*АП*, т. III, стр. 275). В. Кюхельбекер 3 августа 1836 г. писал Пушкину: «*не слишком ли ты строг... к Кукольнику?*» (*АП*, т. III, стр. 361). По «Воспоминаниям» Драушусовой, Пушкин однажды сказал, что «в нем [Кукольнике] жар не поэзии, а лихорадки». Кукольник в своем дневнике от 29 января 1837 г., отмечая смерть Пушкина, говорит о каких-то незаслуженных оскорблениях и обидах, постоянно наносимых ему Пушкиным (см. Ф. Глинка, «Записки», М.—Л., 1930, стр. 459, 463).

— «*Торквато Тассо*» (1831) и «*Рука всевышнего отечество спасла*» (1834)—драматические фантазии Кукольника.

— «*Ляпунов*»—драма в стихах Кукольника впоследствии переименованная в «Князя В. М. Скопина-Шуйского», сохранилась в библиотеке Пушкина. Хомяков своего «Ляпунова» повидимому, не закончил. Сохранился только один отрывок его. (Сочинения, т. IV, М. 1900, стр. 179—186).

— *... обижены нашей оговоркой...*—Все присутствовавшие на собрании по поводу «Лексикона» подписывали свое имя в знак согласия на сотрудничество. Но Одоевский и Пушкин подписались с «оговоркою». Пушкин, например, требовал, чтобы его имя не было выставлено.

— «*Телеграф*» был запрещен за напечатание статьи Полевого о патриотической драме «Рука всевышнего отечество спасла» Н. В. Кукольника.

Моя Пиковая дама—«Пиковая дама»; вышла в свет 1 марта 1834 г. О прототипе старой графини см. «Рассказы о Пушкине», М., 1925, стр. 46—47, 121—122.

— *Гоголь по моему совету...*—В записных книжках Гоголя «нет следов такого сочинения» (Соч. Гоголя, изд. 10-е, т. V, стр. 625—653).

— *Цензор Никитенко на обвахте под арестом...*—Любопытное описание этого курьезного эпизода можно найти в «Дневнике» Никитенко (т. I, стр. 256—260). Стихотворение «Красавице», перевод Деларю из В. Гюго, по словам Никитенко действительно «привело в волнение монахов», и митрополит специально ездил к Николаю I, «умоляя его оградить церковь и веру от поругания поэзии». Цензор Никитенко был в наказание посажен на гауптвахту.

— Какой именно *ухарский псалом* Глинки Пушкин имеет в виду, неизвестно.

309. В. Ф. Одоевскому.

— *Я буду у Греча...*—Греч пригласил Пушкина и других литераторов к себе на совещание по поводу «Энциклопедического лексикона», который должен был издаваться Плюшаром (см. прим. к № 308). Сохранилась шутливая записка Пушкина к Одоевскому по этому поводу: «Едете ли вы на совещание к Гречу? Если да, то отправимся вместе; одному ехать страшно: пожалуй побьют» (*АП*, т. III, стр. 86).

310. М. П. Погодину. Ответ Погодину, который, будучи секретарем Общества любителей российской словесности, просил Пушкина прислать стихотворения для прочтения в Обществе.

— *Оно выбрало меня в свои члены...*—Пушкин был избран в действительные члены Общества 23 декабря 1829 г., причем одновременно с ним был избран, как «корифей словесности нашей», Ф. В. Булгарин. Об этом было помещено известие в «Московских Ведомостях» Шаликова (1830, № 1).

— «*Медный Всадник*» (написан в Болдине в 1833 г.) при жизни Пушкина по цензурным условиям целиком не печатался. Напечатана была только часть вступления в «Библиотеке для Чтения» в 1834 г. По смерти Пушкина Жуковский переработал текст поэмы в соответствии с требованиями цензуры и опубликовал в «Современнике» в 1837 г.

— «*История Пугачева*», по распоряжению Николая I переименованная в «*Историю Пугачевского бунта*», вышла в декабре 1834 г. О *Петре* см. прим. к № 300.

311. И. И. Лажечникову.

— *Первый роман* Лажечникова — «Последний Новик» (1831—1833) в 4-х томах.

— В *альманахе Максимовича*, «Денница» на 1834 г., был помещен отрывок из «Ледяного дома», содержавший яркий эпизод—«Ледяная статуя» (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», изд. «Прибой», 1929, стр. 97—122).

312. Н. Н. Пушкиной.

— *Сашка*—А. А. Пушкин, старший сын поэта.

— *Мой тезка*—Александр I.

313. М. Н. Загоскину.

«*Последнее прекрасное творение*»—«Аскольдова могила», роман М. Загоскина (1834).

314. М. Л. Яковлеву.

— *Имя Вольтера* было устранено из предисловия к «Истории Пугачевского бунта», печатавшейся тогда под наблюдением М. Л. Яковлева.

315. Н. М. Языкову.

— *Разговаривая о различных предметах...*—Разговор происходил с А. М. Языковым, братом поэта, посетившим Пушкина в Болдине 26 сентября.

— *щелкоперы*—Булгарин, Греч и др.

316. А. А. Фукс. Письмо Пушкина—простая любезность. Его отзыв в данном письме о стихах Фукс не может быть принят всерьез.

— *ваше послание ко мне*...—Послание Фукс «На проезд А. С. Пушкина через Казань» см. в сборнике В. В. Каллаша «Русские поэты о Пушкине», М., 1899, стр. 58.

317. Н. В. Гоголю. В письме говорится о повести «Невский проспект», вошедшей в состав изданного в 1834 г. Гоголем сборника «Арабески». Рассказ о «секуции» в печатном тексте значительно смягчен против рукописного, очевидно по цензурным требованиям.

318. Из «Путешествия в Арзрум». Впервые «Путешествие в Арзрум» появилось в «Современнике», 1836, т. I. Мы приводим из «Путешествия» лишь несколько отрывков, имеющих отношение к теме книги.

— *Из предисловия.*—Предисловие—вынужденный ответ Пушкина на обвинения официальной критики (Ф. Булгарин и др.) в том, что он, Пушкин, не воспел «подвиги русского оружия» в войне с Турцией. Ссылка на *Хомякова*, писавшего *во время похода лирические* стихи, и на Муравьева, обдумывавшего свое «Путешествие ко святым местам» (см. стр.301), должно было служить как бы косвенным оправданием пассивности самого Пушкина.

— *Первая статья, мне попавшаяся*—статья Н. И. Надеждина о «Полтаве» Пушкина, напечатанная в «Вестнике Европы», 1829, №№ 8 и 9.

319. Из предисловия к Песням Западных славян. Мы печатаем лишь выдержку из предисловия, содержащую пушкинские оценки Мериме и Мицкевича. В самом предисловии речь идет о книге Мериме «Гузла», наделавшей много шума в Европе. «Гузла»—образец ловкой и остроумной подделки далмацких народных песен (подробности о мистификации Мериме см. в книге Е. Ланна «Литературные мистификации», Гиз, 1930, стр. 94—103). Уже после того как секрет Мериме открылся и стал известен Пушкину, он «часто рассказывал об этом, говоря, что Мериме не одного его надул, но что этому поддался и Мицкевич, ,,значит я позволил мистифицировать себя в хорошем обществе" прибавлял он всякий раз» (С. А. Соболевский—М. Н. Лонгинову, 1855, *ПС*, вып. XXXI—XXXII, стр. 42).

—«*Театр Клары Газюль*»—сборник пьес (1825), будто бы переведенных Мериме с испанского,—в действительности литературная мистификация.

— «*Хроника времен Карла IX*»—роман Мериме (1829), «*Двойная ошибка*»—повесть его же (1833).

1835

320. О Байроне. Этот опыт биографии Байрона написан Пушкиным на основании изучения «Мемуаров лорда Байрона», изданных Т. Муром (1830). В библиотеке Пушкина сохранился с его заметками французский перевод «Мемуаров», сделанный Анной-Луизой Беллок и изданный в Париже в 1830 г. в 5 томах (см. *ПС*, вып. IX—X, стр. 182). Ближайшим поводом к тому, что Пушкин задумал эту биографию, послужило, повидимому, появление в 1835 г. русского перевода книги капитана Медвина «Записки о лорде Байроне» (английское издание и французский перевод, 1824). Сведения о Байроне, о его родных и окружающих заимствованы Пушкиным из книги Т. Мура (подробнее см. «Пушкин в мировой литературе», Л., 1925, стр. 99—112).

— *Манфред, Лара*—герои одноименных произведений Байрона—«Манфред» (1817) и «Лара» (1814).

321. Три повести Павлова. Рецензия на «Три повести» Н. Ф. Павлова предназначалась для «Современника», но осталась ненапечатанной.

—Об интересе Пушкина к «Трем повестям» свидетельствует А. П. Керн, приводя его слова: «Я начал их читать и до тех пор не оставил, пока не кончил. Они читаются с большим удовольствием» («Воспоминания», «Academia», 1929, стр. 346).

Из «*Трех повестей*» («Аукцион», «Именины» и «Ятаган») две последние затрагивали социально-бытовые противоречия, порождаемые крепостным правом. В повести «*Именины*» изображались страдания музыканта, отвергнутого любимой девушкой после того, как ей стало известно, что он крепостной. В «*Ятагане*» описано было столкновение полковника с разжалованным в солдаты корнетом, вызванное соперничеством их в любви. Подвергнутый телесному наказанию, солдат убил своего начальника ударом кинжала.

Повести Павлова получили высокую оценку и в журналах («Московский Наблюдатель», «Молва», «Телескоп», «Библиотека для Чтения»), и среди литераторов (Тютчев, Гоголь, Плетнев, Вяземский) и имели большой успех у читателей. Вероятно, в силу цензурных условий рецензенты рассматривали главным образом художественные достоинства книги Павлова, не указывая на идейную направленность «Трех повестей». Вскоре по выходе книги власти обратили внимание на толки в публике, вызванные ее появлением. Дело дошло до Николая I, и по приказанию его было произведено цензурно-полицейское дознание, в результате которого последовало запрещение перепечатки «Трех повестей» (М. Сухомлинов, «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению», Спб., 1899, ч. II, стр. 452—455).

— *...есть анахронизм...*—Анахронизмом Пушкин считал телесное наказание солдата в повести «Ятаган».

—*...изредка отзывается манерность...*—Говоря о манерности и близорукой *мелочности нынешних французских писателей*, Пушкин имеет в виду Бальзака.

— *Г. Павлова так расхвалили...*—Похвальная статья о «Трех повестях», напечатанная в «Московском Наблюдателе», 1835, т. I, стр. 120, принадлежала С. П. Шевыреву.

322. **Из дневника 1835 г.** «Сказка о Золотом петушке» с пропуском указанных Пушкиным строк появилась в «Библиотеке для Чтения», 1835, т. IX.

323. И. И. Дмитриеву.

— Говоря об *историках своего времени*, Пушкин имеет в виду прежде всего Н. Полевого.

324. И. И. Дмитриеву. Пушкин отвечает на письмо И. Дмитриева от 10 апреля 1835 г. (*АП*, т. III, стр. 191). Дмитриев благодарил в нем Пушкина за присылку «Истории Пугачевского бунта» и писал ему, между прочим, что «большая часть лживых романтиков желали бы, чтоб и история ваша и в расположении и в слоге изуродована была всеми припасами смирдинской школы и чтобы была гораздо погрузнее».

325. В. А. Дурову.

— *автор записок...*—Речь идет о «Записках кавалериста-девицы» Н. А. Дуровой (см. прим. к № 353).

326. П. А. Вяземскому. Заметим, что за словарь свой Даль принялся по настоянию Пушкина. «Сближение с Жуковским, а через него с Пушкиным утвердило Даля в мысли собрать словарь живого народного русского языка. В особенности Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним его сборник и пополнял своими сообщениями» (см. «Рассказы о Пушкине», М., 1925, стр. 21 и 68).

327. Н. Н. Пушкиной. Ср. письмо Л. С. Пушкину (№ 52).

328. Н. Н. Пушкиной. См. заметку Пушкина «О романах Вальтер-Скотта» (№ 142).

329. П. А. Плетневу.

— *«Коляска»*—повесть Гоголя (1835), напечатана была в «Современнике», 1836, т. I.

— *Сенковский промышляет именем Белкина.*—В майской книжке «Библиотеки для Чтения» Сенковского была напечатана «Потерянная для света повесть» с подписью «А. Белкин». За ней явился еще ряд повестей с той же подписью (псевдоним А. В. Тимофеева).

— *«Московский Наблюдатель»* — журнал, начавший выходить в 1835 г. под редакцией С. Шевырева и В. Андросова. В черновом письме к Погодину (*АП*, т. III, стр. 239—240) Пушкин ставит его в известность, что за «глупость» Белкина в последней книжке «Библиотеки для Чтения» он, Пушкин, не отвечает.

330. П. В. Нащокину. В письме речь идет об издании «Современника», который начал выходить в 1836 г.

— *Библиотека*—журнал «Библиотека для Чтения», выходивший под редакцией Сенковского, изд. Смирдина.

331. И. И. Лажечникову. См. большое ответное письмо Лажечникова от 22 ноября (*АП*, т. III, стр. 251—256), в котором он пространно, с ссылками на исторические источники и на свидетельства очевидцев, поддерживал свою точку зрения на Волынского, на Тредьяковского, «педанта и подлеца», и особенно на Бирона, возражая на все упреки Пушкина. Относительно слова «хобот» Лажечников отвечал: «Всякий лихой сказочник вместо того, чтобы сказать: *таким-то образом, таким-то путем*, пощеголяет выражением: *таким-то хоботом*. Я слыхал это, бывало, от моего старого дядьки, слыхал потом не раз в народе московском, следовательно по наречию великороссийскому».

332. В. Ф. Одоевскому. Ответ на предложение Одоевского принять участие в журнале «Детская библиотека», который предполагали издавать А. Н. Очкин и кн. В. Львов.

1836

333. История поэзии С. П. Шевырева. Данная заметка—повидимому, конспект рецензии, предназначавшейся для «Современника». Отношение Пушкина к Шевыреву довольно подробно освещено в книге Л. Майкова «Пушкин» (1899), где приведены «Воспоминания»

Шевырева о Пушкине с поправками и замечаниями Майкова. Пушкин познакомился с Шевыревым в 1826 г. и первоначально сблизился с ним по редакции «Московского Вестника». Он ценил в Шевыреве критика и поэта, но постепенный отход Шевырева от передовых литературно-общественных позиций, ясно наметившийся с 1835 г. (статьи «Словесность и торговля» в «Московском Наблюдателе»), не вызвал сочувствия Пушкина, и он «тихонько от Наблюдателей» вступал в сношения с Белинским (см. № 365). В рецензии Пушкина набросан лишь план изложения содержания вступительных статей Шевырева. Заметим, что «История поэзии» началась и кончилась первым томом, который был подвергнут Надеждиным резкой критике в «Телескопе». Неодобрительный отзыв о книге дал и О. И. Сенковский в «Библиотеке для Чтения».

334. Путешествие *N. N.* в Париж. Наброски рецензии, предназначавшейся в «Современник».

— «*Путешествие N. N. в Париж и Лондон...*»—шуточное стихотворение И. И. Дмитриева, написано в 1803 г., издано в 1808 г. отдельной брошюрой в количестве 50 экземпляров. Стихотворение написано по поводу путешествия В. Л. Пушкина за границу (1803—1804). Дмитриев постарался в нем предвосхитить впечатления младенчески легкомысленного Василия Львовича от путешествия по Западной Европе.

335. Послесловие к «Долине Ажигутай». Напечатано в «Современнике», 1836, т. I, к этнографическому очерку Султана Газы-Гирея.

336. Вастола, или Желание. Напечатано в «Современнике», 1836, т. I.

Автор перевода на русский язык поэмы Х-М. Виланда «Вастола»—бывший служащий Царскосельского лицея Е. П. Люценко. На переводе Люценко, по просьбе его, Пушкин поставил свое имя в качестве *издателя*. Это вызвало нечто вроде полемики в журналах («Библиотека для Чтения», «Молва» и др.), в которой приняли участие Сенковский, Надеждин, Белинский, Шевырев. Особенно зло и язвительно писал о «Вастоле» Сенковский, умышленно приписывавший перевод самому Пушкину, чтобы уронить авторитет издателя «Современника» в глазах читателей. Пушкин, ставя свое имя в качестве издателя перевода, руководствовался желанием помочь бедствовавшему Люценко. См. «Ирои-комическая поэма», Л., 1933, стр. 570—572.

337. Вечера на хуторе близ Диканьки. Эта рецензия Пушкина на «Вечера на хуторе близ Диканьки» (изд. 2-е) появилась в «Современнике», 1836, т. I. Со времени личного знакомства с Гоголем (1831) Пушкин внимательно следил за развитием его дарования.

— *Начало* [«*Тараса Бульбы*»] *достойно Вальтер-Скотта.*—По рассказу П. В. Нащокина, Пушкин очень хвалил ему «Тараса Бульбу». «Пушкину какой-то знакомый [С. Д. Шаржинский—*Ред.*] очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в Бульбу описание степи» («Рассказы о Пушкине», М. 1925, стр. 44, 45, 115—117).

Отзыв Пушкина о первом издании «Вечеров» см. № 273.

338. Александр Радищев. Статья предназначалась для третьего тома «Современника» 1836 г., но была запрещена цензурой, не желавшей, чтобы возобновлялась «память о писателе и книге, совер-

шенно забытых и достойных забвения» (резолюция С. Уварова на представлении Цензурного комитета). Статья эта, как и «Мысли на дороге», вызвала противоположные толкования у исследователей Пушкина. Одни литераторы и ученые усматривали в этих двух статьях Пушкина arrière pensée, намеренную утрировку своей политической благонадежности, желание обмануть цензуру «иносказательным языком». Отрицательное отношение Пушкина к Радищеву кажется им мнимым, вызванным лишь необходимостью провести статью сквозь цензуру. Другие придерживались обратной точки зрения, считая, что Пушкин в своих обвинениях Радищева исходил из строго принципиальных соображений. Они отвергали гипотезу об эзоповском языке Пушкина, утверждая, что статьи органическими нитями сплетены с переживаниями, мировоззрением и творчеством Пушкина в период 30-х годов. П. Н. Сакулин в своей работе «Пушкин и Радищев» (М., 1920) обосновывает вторую точку зрения, давая полный критический обзор литературы по этому вопросу.

— *отправлены были... в Лейпцигский университет...*—Радищев в 1766 г. был отправлен в числе двенадцати молодых дворян в Лейпцигский университет, где провел около пяти лет и получил законченное юридическое образование.

— *один на чреде заметной*—министр внутренних дел (1810—1819) О. П. Козодавлев.

—... *он не взял даже на себя труда...*—В действительности Радищев оказал «блестящие успехи» в университетских занятиях и был одним из образованнейших людей своего времени.

— *Им попался в руки Гельвеций...*—Эпизод этот Радищев описывает в «Житии В. Ф. Ушакова» (1789). Книга Гельвеция «De l'esprit» вышла в 1758 г.

— *Гиерофант*—верховный жрец у древних греков и египтян.

— *В. Ушаков умер* в 1770 г., на 22-м году от роду.

— ... *вступил в гражданскую службу.*—Вернувшись в Россию, Радищев служил в Сенате, затем при штабе главнокомандующего, наконец, в коммерц-коллегии. Затем он был назначен помощником управляющего таможней и в 1790 г.—управляющим.

— *Мартинисты*—последователи теософа Сен-Мартена, учение которого пользовалось большими успехом в среде русских масонов конца XVIII века и мистиков-идеалистов начала XIX века. Политический идеал С.-Мартена—теократическая монархия. Мартинистом Радищев не был.

— *«Путешествие из Петербурга в Москву»* вышло в 1790 г. Екатерина, прочитав книгу Радищева, пришла в неописуемый гнев. Радищев был предан суду уголовной палаты, которая присудила его к смертной казни. Сенатом и «Советом ее величества» приговор был утвержден. Екатерина же, любившая рисоваться «милосердной», заменила Радищеву смертную казнь 10 годами ссылки в Сибирь, в Илимск, с лишением чинов и дворянства.

— ...*переписка с одним из тогдашних вельмож.*—Радищев переписывался с А. Р. Воронцовым. См. «Из истории сибирской ссылки А. Н. Радищева», обзор И. Троцкого в «Литературном Наследстве», 1933, № 9—10.

— *свояченница [Радищева]*—Е. В. Рубановская, по приезде в Сибирь вышедшая за него замуж.

— *Павел I* вернул Радищева из Сибири, но никаких чинов и дворянства не возвращал, приказав жить в деревне под надзором полиции.

—... *все время царствования императора Павла I не написал ни одной строчки.*—В 1799 г. Радищев написал поэму «Бова» и «Описание моей жизни».

— ... *занимаясь воспитанием своих детей.*—Воспитанием детей он не занимался, так как они обучались в московских и петербургских пансионах.

— *Время Ужасов*—Великая французская революция.

— ... *и отравился.*—Причина самоубийства Радищева не вполне выяснена (см. В. Семенников, «Радищев», М.—П., 1923, стр. 174, 234, 365—375, 396).

— *Суждение о Тилимахиде и о Тредьяковском*—находится в «Памятнике дактило-хореическому витязю» А. Радищева (Собр. соч., т. II, стр. 393—425).

— ... *заставило его бранить Ломоносова.*—Пушкин имеет в виду упреки Радищева Ломоносову в том, что он льстил иногда «недостойным кумирам» («Путешествие», глава «Черная Грязь»), и указание на однообразие стихотворных размеров Ломоносова (там же, глава «Тверь»).

— Поэма «*Алеша Попович*» (1801) ошибочно приписана Пушкиным А. Н. Радищеву. Поэма написана сыном Радищева Николаем.

339. Из статьи «Российская Академия». Из информационной статьи Пушкина, напечатанной в «Современнике», 1836, т. II, мы приводим лишь выдержку, показывающую взгляд Пушкина на состояние «прекрасного нашего языка». Остальная часть статьи является сокращенным пересказом подробного протокола заседания в Российской Академии 18 января 1836 г.

340. Из статьи «Французская Академия». Напечатано в «Современнике», 1836, т. II. Мы берем лишь извлечения из статьи, написанной по протоколам Французской Академии за 1836 г. Нами взяты вступление и послесловие к речи Скриба, написанные Пушкиным. Самые же речи Скриба и Вильмена мы сочли возможным опустить.

— *Арно* умер в 1834 г. Сборник басен (fables) и стихотворений его вышел в 1812 г. Элегия «Листок», анонимно напечатанная в парижских периодических изданиях в 1815 г., имела огромный успех и была переведена на все европейские языки. Предводитель гетеристов (борцы за освобождение Греции от турецкого владычества) А. Ипсиланти переложил элегию на греческий язык, заменив «листок» «птичкой». Лучшими переводами «Листка» на русский язык считаются переводы В. Жуковского и Д. Давыдова (1818).

— «*Наш боец чернокудрявый...*»—из стихотворения Н. М. Языкова «Денису Васильевичу Давыдову» (1835).

— ... *написал ему Арно...*—Посвящение Арно не было известно Давыдову до опубликования Пушкиным (см. *АП*, т. III, стр. 336).

— *Речь Скриба*, посвященная литературной деятельности его предшественника по Французской Академии—Арно, была произнесена 28 января 1836 г. Вступление Скриба в Академию Ж. Жанен осмеял в фельетоне: «M. Scribe et son vaudeville de réception» в «Journal des Débats», 1836, 3 février (*ПА*, т. IX, ч. 2, стр. 778—779).

— «*Le roi d'Ivetot*»—«Король Ивето»—песня Беранже (1813); считается сатирой на Наполеона I.

341. Записки Н. А. Дуровой. Напечатано впервые в «Современнике», 1836, т. II.

— *Н. А. Дурова* служила в войсках с 1806 по 1817 г. сперва под именем рядового А. Соколова, а с 1808 г.—корнета Александрова. «Воспоминания» ее о 1812 г. были напечатаны Пушкиным в «Современнике», 1836, т. II. О

неточностях в «Записках» Дуровой см. письмо Д. Давыдова Пушкину (*АП*, т. III, стр. 363—364).

342. От редакции. Напечатано впервые в «Современнике», 1836, т. II.

— *«Хроники русского в Париже»*.—Пушкин поместил в первом томе своего «Современника» парижские письма А. И. Тургенева к друзьям, объединив их и дав им название «Парижская хроника русского». Тургенев был крайне раздосадован и недоволен опубликованием своих писем («Остафьевский архив», т. III), чем и вызвано данное объяснение Пушкина.

— *тупые печатные замечания*.—В разборе первой книжки «Современника» Булгарин назвал «Хронику» «несвязной болтовней, усыпляющей читателя» («Сев. Пчела», 1836, № 129, стр. 516).

343. Примечание к повести «Нос». Повесть Гоголя, законченная в начале 1835 г., была направлена им в «Московский Наблюдатель», но редакция журнала в лице С. П. Шевырева нашла ее «пошлою, тривиальною и грязною». По словам Белинского, Шевырев отказался писать и о «Ревизоре», считая его также «грязным и пошлым произведением» (см. Н. Чернышевский, «Очерки гоголевского периода», гл. III, о Шевыреве). Пушкин охотно взял повесть в «Современник», где она и была напечатана с цензурными исправлениями (1836, т. III). Опасения относительно цензуры беспокоили Гоголя еще тогда, когда он посылал рукопись «Носа» в «Московский Наблюдатель». В 1835 г. он писал Погодину: «Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что „Нос“ не может быть в Казанской церкви, то, пожалуй, можно перевести его в католическую. Впрочем, я не думаю, чтобы она до такой степени уже выжила из ума». Однако цензура оказалась глупее, чем думал Гоголь—Казанскую церковь пришлось заменить Гостиным двором, причем остальные детали, относящиеся именно к Казанскому собору, сохранились: нищие старухи с завязанными лицами, колоннада и даже дама, которая «наклонилась и подносила ко лбу свою беленькую ручку»; так это и было напечатано и в «Современнике» и в «Сочинениях» 1842 г. и во всех дальнейших изданиях (см. Н. Гоголь, Сочинения, М.—Л., 1927, т. II, стр. 482).

344. Мнение Лобанова о духе словесности. Статья впервые напечатана в «Современнике», 1836, т. III. Она является ответом на реакционное и шумное выступление члена Российской Академии литератора М. Е. Лобанова. Выступление мракобеса Лобанова можно назвать доносом. «Заматеревший в старых понятиях», застигнутый врасплох «потоком новых мнений» (по определению Белинского), Лобанов обрушился в своей речи на «новейшую» русскую литературу, стремясь доказать, что влияние, «порожденное иностранными писателями», ведет ее к «безверию», «к распространению разрушительных мнений» и т. д. В заключение своей речи Лобанов призывал каждого из почтенных сочленов по Российской Академии «поражать и разрушать зло, где бы оно ни встретилось на поприще словесности». Этот полицейский окрик глубоко задел Пушкина, и он выступил с отповедью рьяному оратору. Необходимо учесть, что, касаясь в статье самого щекотливого тогда вопроса—о цензуре, Пушкин вынужден был писать о ней, конечно, с максимальной сдержанностью. Защищая литературу от нападений Лобанова, Пушкин по тактическим соображениям должен был делать это весьма осторожно. Статья Пушкина вносила известный корректив и к его соб-

ственным, ранее высказанным, отзывам о «новейшей» французской словесности (подробнее см. в статье П. Н. Сакулина «Взгляд Пушкина на современную ему французскую литературу», *ПВ*, т. V, стр. 372—388).

— *мнение эдимбургских журналистов.*—Статья из «Эдинбургского обозрения» («Edinburgh review») о новейшей французской словесности была напечатана в «Библиотеке для Чтения», 1834, № 1.

— «*Лукреция Борджиа*»—драма В. Гюго (1833).

— «*Жиль Блаз*» (1733) и «*Гузман Альфаршир*» (1732)—реалистические романы Лесажа, сложившиеся на основе традиции испанского «плутовского» романа XVI—XVII веков.

— «*Разбойники*»—драма Шиллера (1781).

— *нынешняя раздражительная... французская словесность...*—Пушкин ссылается здесь на статью Н. В. Гоголя «О движении журнальной литературы» («Современник», 1836, т. I): «В литературе всей Европы распространился какой-то беспокойный, волнующийся вкус. Явились опрометчивые, бессвязные младенческие творения, но часто восторженные, пламенные—вследствие политических волнений той страны, где рождались» (Соч. Н. В. Гоголя, под ред. В. Каллаша, т. VII, стр. 290).

Пушкин от этой статьи Гоголя отмежевался в «Письме к издателю» (1836) (см. № 351 и прим.).

— «*Времена Восстановления*»—т. е. реставрация королевской власти во Франции (1814—1830).

— *Р. Соути* (Соувей) в предисловии к своей хвалебной оде в память Георга II «Видение суда» (1821) нападал на Байрона, называл его «главой сатанинской школы, которая потрясает общественные устои, подрывает основы веры, сознательно губит своих сторонников, заражая язвой, разъедающей их души» (см. ответное «Видение суда» Байрона—«Сатира и лирика», Гиз, 1927).

— *гений, оставивший... высокую песнь богу...*—ода Державина «Бог» (1784).

— *Германская философия... нашла последователей*—кружок любомудров (прим. к № 148, стр. 507).

— *Устав о цензуре, § 6.*—Само собою разумеется, что этот § 6 Устава о цензуре в действительности никогда не выполнялся. Из примеров произвольного толкования николаевскими цензорами произведений художественной литературы можно было бы составить целую хрестоматию.

345. В о л ь т е р. Статья впервые напечатана в «Современнике», 1836, т. III. Она написана по случаю выхода в Париже в 1836 г. переписки Вольтера с историком и философом Ш. де Броссом, президентом Дижонского парламента. Переписка возникла в связи с намерением Вольтера приобрести у де Бросса его замок и имение Турнэ.

— *Вольтер, изгнанный из Парижа...*—Вольтер был изгнан из Парижа в Англию по выходе из тюрьмы, куда был посажен в 1726 г. за попытку вызвать на дуэль оскорбившего его герцога Рогана. В 1729 г. Вольтер вернулся из Англии, затем бежал в Лотарингию, в Голландию, снова вернулся на родину, но, вечно подозреваемый в политической неблагонадежности, чувствуя себя во Франции не в безопасности, он принял в 1750 г. приглашение прусского короля Фридриха II и поселился в Берлине. Вскоре он вызвал недовольство короля денежными спекуляциями и ссорой с президентом Берлинской Академии Мопертюи и принужден был покинуть Пруссию и поселиться в Швейцарии (1753), где приобрел имение «Les Délices»

(«Отрада») около Женевы, а затем еще два имения там же—Турнэ и Ферней (1758).

— *Ливр*—старинная французская монета, в XVIII веке почти равная франку: на наши деньги—35-40 копеек.

— *Каноник*—священник домашней церкви, духовник, у католиков. У Вольтера действительно был в Фернее свой духовник, иезуит Адам, что не мешало ожесточенной борьбе Вольтера с католической церковью.

— *Фрерон* (Fréron), Эли (1718—1776)—широко известный в свое время критик, противник Вольтера и энциклопедистов. Вольтер в своей сатире «Бедный чорт» («Le pauvre diable») и многочисленных эпиграммах издевался над ним. Например:

L'autre jour, au fond d'un vallon,
Un serpent mordit Jean Fréron.
Que pensez-vous qu'il arriva?..
Ce fut le serpent qui creva!
(Однажды, в глубине долины,
Змея ужалила Жана Фрерона.
Что же, думаете вы, произошло?..
Сама же змея издохла!)

— «*Mens sana...*»—Ювенал, Сатира X, стих 356.

— *Устрица Лафонтена*—басня «Устрица и сутяга».

— *Скапиновы обманы*—«Проделки Скапена», комедия Мольера.

— *собеседник Екатерины Великой и Фридриха II*...—Вольтер находился в переписке с Екатериной II, прусским королем Фридрихом II и королем шведским Густавом.

— ... *заступление за семейство Коласа*.—Вольтер защищал французского протестанта Коласа (правильнее—Каласа), казненного в 1762 г. по ложному обвинению в убийстве своего сына с целью помешать тому перейти в католичество. Через три года борьбы Вольтер добился пересмотра процесса, в результате которого была установлена невинность казненного.

— «*Vos rosiers sont*...»—стихи Вольтера, обращенные к де Рюффе.

— *Rococo*—рококо (искаженное слово «раковина»)—архитектурный и декоративный стиль, возникший во Франции в 1-ю половину XVIII века; большую роль в нем играет орнамент с преобладающей формой раковин. Во времена Пушкина словом «рококо» обозначали все устаревшее, вышедшее из моды.

— «*Меропа*»—трагедия Вольтера (1743). «*Кандид*»—философская повесть его же (1767), являющаяся сатирой на оптимистическую философию германского мыслителя Лейбница.

— «*La Diatribe du Dr. Akakias*»—«Диатриба доктора Акакия»—брошюра Вольтера (1751), направленная против президента Берлинской Академии Мопертюи и сожженная, по повелению Фридриха II, рукою палача, что послужило причиной отъезда Вольтера из Пруссии.

— ... *не умел сохранить своего собственного достоинства*.—Пушкин не прощал Вольтеру его заискивания у монархов, в частности переписки с Екатериной II, абсолютистская политика которой шла вразрез с прогрессивными идеями самого Вольтера (см. *Пушкин—ГИХЛ*, т. V, ч. 2, стр. 644—648).

— *Камергерский ключ*.—Камергер—придворное звание, отличительным знаком которого был золотой ключ на ленте, прикрепленной к фалде мундира.

346. Фракийские элегии. Рецензия на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова появилась в «Современнике», 1836, т. III. Написана она была по случаю выхода в свет второго тома стихотворений Теплякова (т. I—1832 г., т. II—1836 г.). См. *ПС*, вып. XXIX—XXX, стр. 227 и 236.

— *Брюллов.*—Речь идет о картине К. Брюллова «Последний день Помпеи», выставленной в Петербурге в 1834 г. и пользовавшейся громадным успехом.

— «Adieu, adieu, my native land...»—из «Странствований Чайльд-Гарольда» Байрона, песнь 1, ст. XIII.

— *...берегов, прославленных изгнанием Овидия.*—Римский поэт Публий Овидий Назон был осенью 9 г. н. э. сослан императором Августом на берега Черного моря, в г. Томы у устья Дуная (ныне Кюстенджи в Добрудже), где и умер. Ближайшая причина ссылки остается неизвестной; существует версия, что здесь большую роль сыграла какая-то любовная история Овидия, а также и его книга «Наука любви». Пушкин знаком был с произведениями Овидия еще в лицее, но знакомство это было тогда поверхностным и ограничивалось лишь эротическими произведениями римского поэта. Принудительный отъезд на юг России, почти в те же места, где находился в изгнании Овидий, заставил Пушкина прочесть и другие произведения римского поэта и, конечно, прежде всего те из них, в которых Овидий жаловался на свое невольное удаление из Рима. Французский перевод Овидия был первой книгой, которую Пушкин взял по приезде в Кишинев у Липранди и держал ее у себя с 1820 по 1823 г. Сопоставив суждения историков литературы, упрекавших Овидия за монотонность и однообразие «Тристии» и «Понтийских писем», с суждениями Пушкина, проф. А. И. Малеин пишет: «Пушкин за много лет раньше прозрел те истины, которые все более и более входят теперь в научный обиход» (*ПС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 64—66).

—«*Je cesse d'estimer*...»—из послания Гросета (Грессе) «Обитель».

—«*Tristia*»—«Скорби»—пять книг элегий Овидия, написаны им в ссылке, на берегу Черного моря, в г. Томах; в элегиях этих Овидий жалуется на тяжелую, полную лишений и горести жизнь среди варваров. В Томах Овидием окончательно были отделаны и «Метаморфозы» («Превращения»)—стихотворное изложение греческих и римских мифов (15 книг).

— «*Героиды*»—первая книга стихов Овидия. «Ars amandi»—«Искусство любви», его же поэма, послужившая якобы одной из причин его изгнания из Рима. «*Понтийские элегии*»—стихотворные письма Овидия, примыкающие по характеру содержания к «Скорбям».

— *Овидий добродушно признается*...—Сравн.:

Не понимал он ничего
И слаб и робок был как дети,
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети.

(Пушкин, «Цыганы».)

— *Геты*—см. прим. к № 24.

— *Бессы*—древнее племя, жившее во Фракии (область на севере Балканского полуострова).

— *Истр*—древнее название Дуная.

— *орлы Траяновой дружины*...—Римские войска имели своего рода знамена—изображения орлов на древке. Император Траян (98—117 н. э.)

покорил племена, жившие на севере Греции и западном берегу Черного моря.

— *Варна*—турецкий (ныне румынский) город на западном берегу Черного моря, первоклассная крепость. Во время русско-турецкой войны 1828 г. после длительной осады была взята русскими войсками 29 сентября, но по Адрианопольскому миру возвращена туркам, причем все укрепления ее были взорваны. Взятие Варны открывало прямой путь на Константинополь и потому было встречено шумной радостью империалистически настроенными кругами, еще со времен Екатерины II мечтавшими о завоевании «Царьграда». Это отразилось и в цитируемом Пушкиным стихотворении:

> О радость! завтра мы узрим
> Страну поклонников Пророка...

— *Альнаскары* (арабск.)—передовые воинские части.

— Элегию В. Теплякова «*Любовь и ненависть*» см. в книге «Поэты Пушкинской поры», М., 1919, стр. 183.

347. Из «Анекдотов». «Анекдоты» были напечатаны в «Современнике», 1836, т. III.

348. Джон Теннер. Статья впервые появилась в «Современнике», 1836, т. III, за подписью «The Reviewer» («Обозреватель»). Обширная рецензия Пушкина посвящена «Запискам Джона Теннера», вышедшим в 1835 г. во французском переводе (см. *ПС*, вып. IX—X, стр. 346). Английский оригинал этого сочинения, написанный под диктовку безграмотного автора Э. Джемсом, вышел в Нью-Йорке в 1830 г.

— *... увидели демократию в ее отвратительном цинизме...*—Здесь Пушкин основывается на исследовании французского историка и публициста А. Токвиля: «Демократия в Америке» (1835). В книге Токвиля, сохранившейся в библиотеке Пушкина, характеризовались вопиющие политические и социально-экономические противоречия принципов «формальной демократии» в условиях капиталистического строя. Общие положения Токвиля использованы Пушкиным во вступлении к этой статье.

— *Пироскаф* (греч.—огненный корабль)—пароход.

— *Шатобриан и Купер.*—Пушкин имеет в виду роман «Атала» (1801) Шатобриана, написанный им после поездки в Америку, и многочисленные романы североамериканского писателя Ф. Купера из быта индейцев. В библиотеке Пушкина сохранились сочинения Купера в переводе на французский язык (13 томов, Париж, 1830—1835) и один роман на английском языке.

— *пишет... Ирвинг.*—Цитата из Вашингтона Ирвинга («Esquisses morales et littéraires», Paris, 1822, t. II) приводится и во «Введении» Э. Джемса к «Запискам» Дж. Теннера.

— *... то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека...*—подразумеваются Ж.-Ж. Руссо и его последователи. В «Введении» Джемс говорит, что «Записки в своей самобытной простоте противоречат каждой строкой лжемудрствованию XVIII века», т. е. философии Руссо. «Первобытный человек», изображенный Руссо, был фикцией. Индейцы Шатобриана—не дикари, а европейцы конца XVIII века; действительность заметно прикрашена и у Купера. «Записки» же Теннера обнажили печальную прозу жизни индейцев, обреченных на вымирание. Эта-то

сторона «Записок» и заинтересовала Пушкина, который постарался дать читателям самое полное представление об увлекательной книге Теннера.

349. Об обязанностях человека. Соч. С. Пеллико. Впервые напечатано в «Современнике», 1836, т. III. Первый перевод религиозно-дидактического трактата С. Пеллико «Об обязанностях человека» (1834), сделанный Хрусталевым, был напечатан в Одессе в 1835 г. ***Новый перевод*** С. Н. Дирина вышел в конце 1836 г. Переводчик перепечатал статью Пушкина в виде предисловия к книге, сопроводив ее следующими замечаниями: «Тут только мы увидели Пеллико в его голубиной чистоте; его душа, которую не сокрушили несчастия, была разгадана поэтом. Эта характеристика, краткая и сильная, показалась мне лучшим предисловием, какое я только мог прибрать к своей книге...»

Сравнивая «Переписку» Гоголя с книгой С. Пеллико «Об обязанностях человека», Вяземский писал в 1847 г.: «Посмотрите, с каким глубоким уважением Пушкин упоминает о книге Пеллико, как верно и умилительно характеризует он ее в нескольких строках. Между тем, взгляд Пушкина на жизнь—не взгляд Сильвио Пеллико. Повидимому, в них мало духовных соотношений и сродства. Но Пушкин, как всякий избранный, питал сочувствие ко всему прекрасному, искреннему, возвышенному. Он... постигал его даже и тут, где не был единомышленником» (Собр. соч., т. II, стр. 327).

— ***Сильвио Пеллико***, обвиненный в близости к карбонарам и в противодействии австрийской оккупации Италии, был заключен в тюрьму, где пробыл 10 лет. По выходе из тюрьмы написал «Мои темницы» (1833) и «Об обязанностях человека» (1834).

— ***«О подражании Иисусу Христу»***—анонимное духовное сочинение на плохом латинском языке, приписываемое монаху Фоме Кемпийскому, теологу Парижского университета Жану Герсону (1362—1428) и др.

— ***...человеков благоволения...***—«Слава в вышних богу и на земле мир, в человеках благоволение»—славословие ангелов при явлении их пастухам в момент рождения Иисуса Христа (Евангелие от Луки, гл. 2, ст. 14).

— ***...в статье писателя с истинным талантом***—статья С. П. Шевырева в «Московском Наблюдателе» (1836, ч. VI, стр. 91—98).

— ***Фиваида***—область Верхнего Египта, центр христианского отшельничества первых веков.

350. Новый роман. Напечатано впервые в «Современнике», 1836, т. III. Нравоучительно-авантюрный роман «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия», отрывки из которого печатались еще в 1831 г. в «Сыне Отечества», принадлежал перу В. С. Миклашевич. Пушкин, по свидетельству А. Жандра, узнав от него о существовании романа, приехал просить эту книгу. «Вот его суждение, переданное мне независимо от того, что он говорил сочинительнице. По прочтении первой части он сказал мне, что почти не выпускал книгу из рук, пока не прочел. „Как все это увлекательно,—говорит он.—Но как до сих пор décousu [бессвязно]. Как-то она сведет концы?“ Но когда он прочитал всю книгу, то сказал: „Удивляюсь, как все, что мне казалось décousu, у нее прекрасно разъяснилось и как интерес всей книги до самого конца увлекателен. Старайтесь издать книгу скорее, а я напишу к нескольким главам эпиграфы“» («Историч. Вестник», 1900, № 7, стр. 195). Информируя читателей «Современника» о романе Миклашевич, Пушкин был знаком только с первой частью его (рукопись первой части была найдена Жуковским при разборе бумаг Пушкина по смерти его). Роман полностью

вышел в свет лишь в 1864—1865 гг. (4 ч.), вследствие цензурных препятствий.

351. Письмо к издателю. Напечатано впервые в «Современнике», 1836, т. III. Принадлежность этого письма, подписанного двумя буквами—«А. Б.», Пушкину окончательно выяснена Ю. Г. Оксманом (см. «Атеней», книга I—II, 1924, стр., 15—24). Напечатанием «Письма к издателю» Пушкин нашел наиболее тактичный способ отмежеваться от резкой и «сбивчивой» статьи Н. В. Гоголя «О движении журнальной литературы», помещенной в «Современнике», 1836, т. I, и направленной главным образом против «Библиотеки для Чтения» и ее редактора О. И. Сенковского. «Статья Гоголя, ставшая объектом общего внимания и воспринятая журналистами и читателями как программа журнала „Современник", в действительности противоречила ближайшим целям Пушкина-журналиста. Нападки Гоголя на редактора „Библиотеки для Чтения" О. И. Сенковского отбрасывали во враждебный „Современнику" лагерь единственного возможного его союзника в борьбе с растлевающим влиянием критико-публицистических методов Булгарина и монополизированной им прессы. Появление статьи Гоголя в „Современнике" объясняется тем, что Пушкин был отвлечен целым рядом посторонних обстоятельств от редакторской работы над т. I „Современника"» (см. указанный выше выпуск «Атенея»).

— *Георгий Кониский, о котором напечатана статья...*—Статья Пушкина «Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа Белорусского» была напечатана в «Современнике», 1836, т. I.

— Разбор альманаха *«Мое новоселье»* напечатан в «Современнике», 1836, т. I.

— *Шутки г. Сенковского на счет невинных местоимений...*—Гоголь в своей статье писал, что Сенковский «завязал целое дело о двух местоимениях *сей* и *оный*, которые показались ему, неизвестно почему, неуместными в русском слоге... Это напомнило старый процесс Тредьяковского за букву v и десятиричное i». (О Сенковском см. в «Очерках гоголевского периода» Чернышевского. См. также В. Каверин, «Барон Брамбеус», Л., 1929.)

— *... с подписью Ф. Б.*—т. е. Фаддей Булгарин.

— О *«Хамелеонистике»* А. Ф. Воейкова, издателя «Русского Инвалида» и «Приложений к Инвалиду», см. стр. 540.

— *...не упомянули о г. Белинском.*—Отзыв о Белинском содержался в рукописи статьи Гоголя, но в статью, помещенную в «Современнике», не вошел. Приводим его: «В критиках Белинского, помещающихся в „Телескопе", виден вкус, хотя еще не образовавшийся, молодой и опрометчивый, но служащий порукою за будущее развитие, потому что основан на чувстве и душевном убеждении. При всем этом в них много есть в духе прежней семейственной критики, что вовсе неуместно и неприлично, а тем более для публики» (Соч. Н. В. Гоголя, под ред. В. Каллаша, т. VII, стр. 368).

352. От редакции. Напечатано впервые в «Современнике», 1836, т. IV. Мы даем одно из редакционных замечаний Пушкина, чтобы читателю стала ясна расстановка сил в последний период журнальной деятельности поэта. Заметка показывает, что Пушкин не имел намерения бороться с «Библиотекой для Чтения», но явно подчеркивал, что борьба с булгаринской кликой входит в задачи его «Современника», который «по неизменному образу мнения... будет продолжением «Литературной Газе-

ты». Последняя же, как мы видели, ожесточенно полемизировала с Булгариным.

— *...смерть Вальтер-Скотта.*—Вальтер-Скотт умер в 1832 г.

— *один из них объявил...*—Опасение. что «Современник» основан с целью подорвать популярность «Библиотеки для Чтения», высказано было О. И. Сенковским («Библиотека для Чтения», 1836, т. XV, стр. 67—70).

— *...«Современник» будет продолжением «Литературной Газеты».*— О преемственной связи «Современника» с «Литературной Газетой» писал Ф. Булгарин («Сев. Пчела», 1836, № 127, стр. 506—508).

353. Кавалерист-девица. Напечатано впервые в «Современнике», 1836, т. IV. Заинтересованный записками кавалериста-девицы Н. А. Дуровой, Пушкин сам предполагал издать их, но так как Дурова высказывала явные признаки нетерпения, а Пушкин, занятый «Современником», медлил с изданием «Записок», то они были переданы ею для издания И. Г. Бутовскому.

Отрывки из «Записок Дуровой», относящиеся к войне 1812 г., печатались в «Современнике», 1836, т. II.

354. Записки Чухина. Соч. Ф. Булгарина. Заметка предназначалась для «Современника». но осталась ненапечатанной. Приводим для сравнения отзыв Белинского о «Записках Чухина»: «Булгарин уже сознавал свое падение, и *Записки Чухина* были его последней попыткой на роман; они [романы Булгарина] тихо и незаметно прошли на Апраксин двор и в мешки букинистов».

355. «Недовольные». комедия М. Н. Загоскина. Заметка предназначалась для «Современника», но осталась ненапечатанной. Говоря о строгом приговоре московских журнал овнад комедией Загоскина, Пушкин имеет в виду театральную рецензию В. Г. Белинского, помещенную в «Молве» Надеждина (1835, №№ 48—49).

356. О Мильтоне и Шатобриановом переводе Потерянного Рая. Статья предназначалась для «Современника» и была напечатана в нем, но уже по смерти Пушкина (1837, т. V). Написана она по случаю выхода в 1836 г. «Потерянного рая» Мильтона в переводе Шатобриана (на французском языке) (см. Б. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», стр. 290, № 1174). Попутно Пушкин разбирает трагедию В. Гюго «Кромвель» и роман А. де Виньи «Сен-Марс», в которых фигурирует автор «Потерянного рая» Мильтон. До 1728 г. Мильтон был известен во Франции главным образом как политический писатель— автор трактатов «Иконоборец» (1649) и «Защита английского народа» (1651), посвященных обоснованию революционной законности и справедливости смертного приговора королю Карлу I. Лишь в 1728—1730 гг. Мильтон приобрел во Франции известность как эпический поэт. С 1729 по 1805 г. появилось несколько переводов «Потерянного рая», не отличавшихся точностью и даже искажавших оригинал в угоду господствовавшим вкусам («исправительные» переводы—по определению Пушкина). Исключением был прозаический перевод Л. Расина (1755), которому в известной мере следовал и Шатобриан. Шатобриан работал над своим переводом с начала XIX века и считал этот перевод делом всей своей жизни. Ради точности Шатобриан допускал смелые, свободные обороты, чуждые французскому языку, подчиняя самый строй речи духу

подлинника. По словам редактора «National», одно извещение о новом переводе «Потерянного рая» было литературным событием во Франции.

— *...От переводчиков стали требовать более верности...*—Переводы Шекспира, сделанные Летурнером, были пересмотрены и исправлены Ф. Гизо в 1821 г. («Библиотека Пушкина», стр. 337, № 1389).

— *...о переводе в стихах аббата Делиля.*—Далекий от подлинника перевод «Потерянного рая», сделанный Ж. Делилем, вышел в 1804 г.

— *«Cinq-Mars»*—«Сен-Марс»—А. де Виньи вышел в 1826 г., *«Кромвель»* В. Гюго—в 1828 г. Разбирая драму Гюго, Пушкин останавливается на 2-й сцене III акта; другие отмеченные в его статье места: 4-я сцена III акта и 3-я сцена V акта.

— *...тут же находится Мильтон...*—Мильтон занимал при Кромвеле, вожде английской буржуазной революции, должность государственного секретаря. Кромвель носил звание лорда-протектора.

— *Алдерман*—старший после председателя член муниципалитета в Англии.

— *Феолог*—т. е. теолог, богослов.

— *Вайзер(с)* (Wither), Джордж (1588—1667)—английский поэт, старший современник Мильтона.

— *Донн*, Джон (1573—1631)—посредственный английский поэт.

— Об *«Иконокласте»* («Иконоборце») и *«Защите английского народа»* Мильтона см. выше.

— *«Cromwell, our chief...»*—так начинается «пророческий» XVI сонет Мильтона, посвященный Кромвелю («To the lord general Cromwell»), в котором поэт говорит, что «поднимаются новые враги, грозящие светскими цепями», и призывает Кромвеля помочь «спасти свободную совесть от лап наемных волков».

— *... продиктовал Потерянный Рай...*—После реставрации Стюартов находившийся в большой нужде слепой Мильтон выпустил в свет «Потерянный рай» (1667)—поэму о возмущении отпавших от бога ангелов и о падении человека, и «Рай возвращенный» (1670)—поэму о победе Христа над дьяволом.

— *... так худо понял поэта Мильтона.*—В предисловии к своему «Кромвелю» Гюго изложил принципы романтизма, «скрижали романтизма» (по определению Т. Готье). «Надо,—писал он между прочим,— рядом с Кромвелем, военным и государственным человеком, нарисовать богослова, педанта, скверного поэта, мечтателя, гаера, отца, мужа, человека вечно меняющегося, как мифический Прометей; одним словом, дать двойного Кромвеля: человека и мужа [homo et vir]».

— *«Сен-Марс»*—роман А. де Виньи, в переводе на русский язык А. Н. Очкина был издан дважды, в 1829 и в 1835 гг. Проблема судьбы поэта—одна из центральных и любимых тем в творчестве де Виньи (роман «Стелло», драма «Чаттертон»).

— *... свою аллегорическую карту любви*—«Carte du tendre», произведение французской писательницы Мадлены Скюдери (1607—1701), известной своими слащаво-дидактическими и псевдоисторическими романами.

— *«Хозяйка взяла листы...»*—Пушкин цитирует здесь «Сен-Марс» в переводе Очкина, изд. 2-е, 1835, ч. III, стр. 188—191.

— *... цепями диамантовыми*—т. е. алмазными.

— *в кабинете Кромвеля...*—В рукописи Пушкина было оставлено место для цитаты из «Вудстока» (1826), романа Вальтер-Скотта. Однако Мильтон хоть и упоминается, но не является действующим лицом в «Вудстоке». Всего вероятнее, Пушкин сделал описку, написав имя «Мильтон»

вместо «Кромвель». Сцена в кабинете, упомянутая в статье, находится в VIII главе «Вудстока» и содержит разговор Кромвеля с одним из второстепенных персонажей—Уайлдиеком.

— ...*Battersi la guancia*...—Зная практически итальянский язык, Пушкин взялся объяснить выражение, встречающееся в «Неистовом Орланде» Ариосто. Но поверхностное знакомство с грамматикой итальянской было причиной того, что Пушкин написал *battersi* вместо *battarsi* и слово *la guancia* перевел *по щекам*, вместо *по щеке*. Разбирая перевод «Неистового Орланда», сделанный С. Раичем (1832), рецензент «Телескопа» писал: «Орландо возвращается со своею прекрасною Анжеликою из далеких краев, чтобы заставить мавраских королей, вздумавших напасть на Карла, *выбить себя по щекам* за столь глупое намерение: Per far al Re Marsilio et al Re Agramante Battersi ancor der folle ardir la guancia». У нас сказано просто: „Чтоб *Аграманта* наказать и дерзкого Марсильо“» («Телескоп», 1832, № 4, стр. 603) (*ПА*, т. IX, ч. II, стр. 862).

357. В. А. Д у р о в у. Отрывок из «*Записок*» Н. А. Дуровой появился в т. II «Современника» за 1836 г. с кратким предисловием Пушкина (см. № 341).

358. В. Ф. О д о е в с к о м у.

— «*Княжна Зизи*»—повесть В. Одоевского, впервые напечатана в «Отеч. Записках», 1839, т. I, стр. 3—70. В ней, между прочим, упоминается Пушкин (в первом письме Зизи) (см. В. Одоевский, «Романтические повести», изд. «Прибой», 1929, стр. 266—325).

359. Ф. О д о е в с к о м у. Первый том «Современника» вышел 11 апреля 1836 г. Во втором томе была помещена статья Одоевского (за подписью «С. Ф.») «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе». В третьем томе напечатана его статья «Как пишутся у нас романы».

— *на Фоминой*...—т. е. на Фоминой неделе, следующей за пасхальной неделею.

— «*Сегелиель*» Одоевского в «Современнике» не появился.

— *Сцены Гоголя*—«Утро делового человека».

360. Н. М. Я з ы к о в у. В апреле 1836 г. Д. В. Давыдов извещал Пушкина: «Я был у Языкова, который готов поступить под твои знамена» (*АП*, т. III, стр. 296), т. е. сотрудничать в «Современнике».

— *Послание к Давыдову* («Жизни баловень счастливый») Н. М. Языкова было напечатано в «Моск. Наблюдателе», 1835, ч. III.

361. Н. Н. П у ш к и н о й. «Ревизор» Гоголя был представлен впервые в Петербурге в Александринском театре 19 апреля 1836 г., в Москве в Малом театре—25 мая 1836 г. По недостоверному свидетельству Гоголя, его «Отрывок из письма... к одному литератору» был написан для Пушкина, собиравшегося будто бы дать «полный разбор» «Ревизора» в «Современнике» (см. «Письма Гоголя», под ред. В. И. Шенрока, т. II, стр. 96—97). Когда Гоголь на вечере у Жуковского в первый раз читал своего «Ревизора», Пушкин «во все время чтения катался от смеха» (И. И. Панаев, «Литературные воспоминания», «Academia», 1928, стр. 104).

362. Н. Н. Пушкиной.

— О *«Записках Дуровой»* см. прим. к № 353. Наблюдение за печатанием II тома «Современника» в отсутствие Пушкина взял на себя Одоевский.

363. Н. Н. Пушкиной.

Наблюдатели—члены редакции журнала «Московский Наблюдатель». К журналу примыкал и Баратынский.

364. Н. Н. Пушкиной. О посещении Брюлловым Пушкина см. любопытный рассказ К. П. Брюллова (по записи художника М. И. Железнова) в «Живописном Обозрении», 1898, № 31, стр. 625.

365. П. В. Нащокину.

— *...пошли от меня Белинскому...*—К этому же времени относится рассказ П. Я. Чаадаева о благосклонном отношении Пушкина к Белинскому. Пушкин намеревался привлечь Белинского к сотрудничеству в «Современнике». Нащокин тотчас после закрытия «Телескопа» вступил в деловые переговоры с Белинским о переезде его в Петербург для работы в «Современнике». В октябре 1836 г. он писал Пушкину: «Белинский получал от Надеждина, чей журнал уже запрещен, 3 тысячи. ,,Наблюдатель'' предлагал ему 5. Греч тоже его звал. Теперь, коли хочешь, он к твоим услугам. Я его не видел, но его друзья и в том числе Щепкин говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать» (*АП*, т. III, стр. 396—397).

366. Н. А. Дуровой.

— *Вот начало ваших записок...*—Отрывок из «Записок Дуровой» о 1812 годе был напечатан в т. II «Современника» за 1836 г. со вступительной заметкой Пушкина (см. № 341), к которой он поставил эпиграф: «...Modo vir, modo femina» (то мужчина, то женщина). Дурова обиделась и написала Пушкину 7 июня 1836 г.: «Имя, которым вы назвали меня, Александр Сергеевич, в вашем предисловии, не дает мне покоя. Нет ли средства помочь этому горю?» Далее Дурова просила выпустить отдельное издание «Записок» под названием «Записки Русской Амазонки» (*АП*, т. III, стр. 331—332).

367. И. И. Дмитриеву. Письмо Пушкина является ответом на письмо И. И. Дмитриева от 5 мая 1836 г., в котором Дмитриев «благосклонно» отозвался о «Современнике» (см. *АП*, т. III, стр. 310).

368. П. А. Корсакову.

— *Роман мой*—«Капитанская дочка», напечатанная в «Современнике», 1836, т. IV.

369. В. Ф. Одоевскому.

— *«Княжна Зизи»* и *«Сильфида»*—повести Одоевского. «Сильфида»—«повесть в письмах»—была напечатана в «Современнике», 1837, т. I, причем *письмо тестя* было переделано по указаниям Пушкина.

370. Князю Н. Б. Голицыну. Речь идет о переводе Голицыным стихотворения «Клеветникам России». Два другие перевода принадлежали С. С. Уварову и А. Цурикову. В печати перевод Голицына появился лишь в 1839 г.

—*важная особа*—С. С. Уваров. О переводе Уварова «Клеветникам России». см. П. Е. Щеголев, «Из жизни и творчества Пушкина», Гихл, 1931, стр. 352 и сл. Комплиментарное, но исполненное иронии письмо Пушкина к Уварову от 21 октября 1831 г. см. *АП.*, т. II, стр. 338.

371. Барону Баранту—12 декабря 1836 г. французский посланник в России А. Барант обратился к Пушкину за рядом сведений относительно литературной собственности в России. Пушкин ответил письмом, отрывок из которого мы здесь приводим (см. *ППЦ*, стр. 36—39).

372. Последний из свойственников Иоанны д'Арк. Статья эта, написанная в начале января 1837 г., была напечатана впервые в V т. «Современника» уже после смерти Пушкина. 9 января 1837 г. А. И. Тургенев записал в дневнике: «Я зашел к Пушкину: он читал мне свои postiche (подделки) на Вольтера и на потомка Jeanne d'Arc (Иоанны д'Арк).—См. П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», Гиз, 1928, стр. 285. «Документы», на которых основана эта статья, равно как и сам эпизод столкновения Вольтера с Дюлисом, вымышлены самим Пушкиным. «Ни вольтеровская библиография... ни библиография литературы об Иоанне д'Арк не знают ни статьи Morning Chronicle, ни переписки Вольтера с Дюлисом, приведенной Пушкиным» (см. Н. О. Лернер, «Рассказы о Пушкине», Л., «Прибой» 1929, стр. 190—198).

—*умер некто г. Дюлис.*—Потомки Жанны д'Арк получили взамен своего родового имени фамилию du Lis, которая намекала на лилию в гербе, дарованном Орлеанской деве французским королем, при возведении ее в дворянское знание в 1429 г.

— *какое-то сочинение об Орлеанской героине*—поэма «Орлеанская Девственница» Вольтера, вышедшая в 1755 г. во Франкфурте (на обложке помечена Лувеном). Это издание было осуществлено помимо Вольтера, у которого была украдена рукопись «Орлеанской Девственницы». См. Вольтер, Орлеанская Девственница, М.—Л. «Всемирная литература», 1924, т. I, стр. XVI.

— «*Morning Chronicle*» («Утренняя Хроника»)—английская политическая, литературная и торгово-промышленная газета, основанная в 1769 г. в Лондоне: орган консерваторов.

— «*Генриада*»—эпическая поэма Вольтера (1723) о временах Лиги и Генриха IV.

— *Наш Лауреат*—английский поэт Р. Соути.

— *посвятил ей*—поэму «Жанна д'Арк» (1794).

— *Раз в жизни случилось ему быть истинным поэтом*—Ср. «О русской литературе с очерком французской»: «Наконец и он (Вольтер) однажды становится истинным поэтом» и т. д. (стр. 336).

373. А. О. Ишимовой. Последние два письма адресованы составительнице «Русской истории для детей» А. О. Ишимовой, которую Пушкин намеревался привлечь к работе в «Современнике».

374. А. О. Ишимовой. Переводы пяти «драматических сцен» Барри Корнуоля, сделанные по предложению и выбору Пушкина А. О. Ишимовой, напечатаны были уже после смерти Пушкина в «Современнике», 1837 г., т. 8. По указанию Пушкина Ишимова перевела «The Falcon» («Сокол»), «Ludovico Sforza» («Лудовик Сфорца»), «Love cured by Kindness» («Любовь, извлеченная снисхождением»), «The Way to conquer» («Средство побеждать») и «Amelia Wentworth» («Амалия Уентворт»), О Барри Корнуоле и значении его творчества для Пушкина см. Н. Яковлев «Последний литературный собеседник Пушкина», *ПС*, вып. XXVIII, стр. 5—28.

Писатели, произведения и журналы, упоминаемые в художественных произведениях А. С. Пушкина

В основной текст данного тома не вошли многочисленные оценки отдельных произведений, книг и писателей, рассеянные в художественных произведениях Пушкина. Желая вместе с тем дать нашим читателям наиболее полное представление о Пушкине-критике, мы помещаем в качестве приложения к книге настоящий указатель. Он охватывает лишь область художественной литературы, поэтому в него не включены писатели-публицисты, историки, философы, деятели науки и т. п. (например, А. Смит, Тацит, П. Я. Чаадаев и проч.). В указателе не помещены также произведения, использованные Пушкиным лишь для эпиграфов, поскольку в самом факте выбора эпиграфа нет элементов прямой критики или оценки. Произведения Пушкина даны здесь для удобства пользования следующим образом: первоначально указываются стихотворения, затем поэмы и наконец прозаические произведения. В том случае, когда писатель, книга, произведение не названы Пушкиным прямо, мы приводим соответствующую цитату, заключающую иносказательное упоминание, выделяя ее курсивом. Указатель разбит на два раздела: 1)—писатели, 2)—книги, журналы и отдельные произведения, упомянутые Пушкиным. Указатель составлен по последнему собранию сочинений А. С. Пушкина, изд. Гихл (1931—1933).

Писатели, упоминаемые в художественных произведениях А. С. Пушкина.

А в т о о ц е н к и[1]—«Воспоминания в Царском Селе» (1814); «Городок» (1814); «Батюшкову» (1815); «К Дельвигу» (1815); «Моему Аристарху» (1815); «Мое завещание» (1815); «Послание Юдину» (1815); «Моя эпитафия» (1815); «К Шишкову» (1816); «Сон» (1816); «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1817); «В альбом Илличевскому» (1817); «К Дельвигу (1817); «А. И. Тургеневу» (1817); «Дельвигу» (1821); «В стране, где Юлией венчанный...» (1821); «Муза» (1821); «Катенину» (1821); «Чаадаеву»—«В стране, где я забыл тревоги прежних лет...» (1821); «К Овидию» (1821); «Послание Цензору» (1822); «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824); «Приятелям» (1825); «Ex ungue leonem» (1825); «Желание славы» (1825); «19 октября»—«Роняет лес багряный свой убор...» (1825); «Близ мест, где царствует Венеция златая...» (1825); «П. А. Плетневу»-«Не мысля гордый свет забавить...» (1827); «Стансы»—«Нет, я не льстец...» (1828); «На картинки к Евгению Онегину в Невском Альманахе» (1829); «Ответ анониму» (1830); «Румяный критик мой...» (1830); «Моя родословная» (1830); «В начале жизни школу помню я...» (1830); «Осень» (1833); «Из Пиндемонте» (1836); «Памятник» (1836); «Руслан и Людмила»—Посвящение; ib., песнь III; ib., Эпилог; «Кавказский Пленник»—Посвящение; «Домик в Коломне»; «Евгений Онегин» 1, VII; ib., 2, X; ib., 3, XII—XIII, XIV; ib., 6, XIII—XVI; ib., 8, I—VI; ib., Отрывки из «Путешествия Онегина»; ib., примечания 23, 24, 31, 32. См. также в Указателе названий: «Бахчисарайский фонтан», «Гавриилиада», «Демон», «Евгений Онегин», «Кавказский Пленник», «Руслан и Людмила».

А н а к р е о н—«К Батюшкову» (1814)—*певец тийский*; «К Батюшкову (1815); «Моему Аристарху» (1815); «Гроб Анакреона» (1815); «Послание Лиде» (1816); «Фиал Анакреона» (1816); «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824); «Гроб Анакреона» (1825); «П. И. Эгельстрому» (1828); «Цезарь путешествовал...» (1835).

А п у л е й—«Евгений Онегин», 7, I.

А р и о с т о Л.—«Городок» (1814).

[1] Фактически автооценок в художественных произведениях Пушкина значительно больше, но нами указаны здесь лишь те произведения, в которых автооценки выражены наиболее конкретно.

Байрон Д. Г.—«Гречанке (1822)—*певец Леилы*; «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824); «К морю» (1824)—*другой от нас умчался гений..*; «Его сиятельству графу Д. И. Хвостову» (1825); «Андрей Шенье» (1825); «К Баратынскому» (1826); «Череп» (1827)—*певец Корсара*; «Кто знает край...» (1828); «К Вельможе» (1830); «Восстань, о Греция, восстань!» (1830); «Евгений Онегин», 1, XLIX—*гордой лире Альбиона*; ib., 1, LVI; ib., 3, XII; ib., 4, XXXVI—XXXVII—*певец Гюльнары*; ib., 5, XXII; ib., 7, XIX; ib., 7, XXII—*певец Гяура и Жуана*; ib., 3, VI (черн.); «Рославлев» (1831). См. также в Указателе названий: «Гяур», «Дон-Жуан», «Корсар», «Надпись на кубке из черепа», «Чайльд-Гарольд».

Бальзак О.—см. в Указателе названий: «La physiologie du mariage».

Баратынский Е. А.—«К Алексееву» (1821); «Баратынскому» (1822); «Баратынскому из Бессарабии» (1822); «Послание Цензору» (1822)—*слог певца «Пиров», столь чистый, благородный...*; «К Баратынскому»(1826); «Череп» (1827); «Евгений Онегин», 3, XXX—*певец пиров и грусти томной*; ib., 4, XXX; ib., 5, III—*певец финляндки молодой*; ib., 28-е примечание; «Отрывок» (1830) см. также в Указателе названий: «Пиры», «Эда».

Предположительно: «О, ты, который сочетал...» (1826).

Барков Д. Н.—«Не смею вам стихи Баркова...» (1828).

Барков И.—«Городок» (1814)—*О ты, высот Парнаса боярин небольшой*; «Послание Цензору» (1822); «Не смею вам стихи Баркова...» (1828); «Монах» (1814)—*А ты, поэт, проклятый Аполлоном...*; «Отрывок» (1830).

Батюшков К. Н.—«К Батюшкову» (1814); «Городок» (1814)—«*и ты насмешник милый...*»; «Батюшкову» (1815). См. также в Указателе названий: «Видение на берегах Леты».

Беранже П.—«Рефутация Беранжера» (1827)—*фальшивый песнопевец*: «Граф Нулин» (1825).

Берш у Ж.—«Сон» (1815).

Бестужев А. А.—«Напрасно ахнула Европа...» (1824).

Бобров С. С.—«К другу стихотворцу» (1814)—*Бибрус*; «К Дельвигу» (1815)—*Безрифмин*; «Христос воскрес, питомец Феба...» (1816); «Монах» (1814).

Богданович И.—«Городок» (1814)—*наперсник милый Психеи златокрылой...*; «Послание Цензору» (1822)—*Наперсник Душеньки...*; «Евгений Онегин», 3, XXIX.

Бомарше П.—«К Вельможе» (1830), «Моцарт и Сальери». См. также в Указателе названий: «Женитьба Фигаро», «Севильский цирюльник».

Буало Н.—«Христос воскрес, питомец Феба...» (1816); «К Жуковскому» (1816)—*явится Депрео...*; «Вот Виля, он любовью дышет...» (1816); «Ты хочешь ли узнать, моя драгая...» (1816?); «Французских рифмачей суровый судия...» (1833)—*о, классик Депрео...*; «Домик в Коломне», IX (1830); «Евгений Онегин», 7-е примечание.

Булгарин Ф. В.—«Когда Потемкину в потемках я на Пречистенке найду...» (1828); «Не то беда Авдей Флюгарин» (1830); «На Булгарина»—«Не то беда, что ты поляк...» (1830); «Моя родословная...» (1830)—*Фиглярин*; «Родословная моего героя» (1833)—*Фиглярин*; «К Смирдину как ни зайдешь...» (1836); «История села Горюхина» (1830—1831)—*некто в гороховой шинели*. См. также в Указателе названий: «Иван Выжигин».

Бунина А. П.—«Послание Цензору» (1822).

Бюргер Г.—см. в Указателе названий: «Ленора».

В е л и к о п о л ь с к и й И. Е.—«П. П.» (1825); «С тобой мне вновь считаться довелось...» (1826)—*певец любви...*; «Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков» (1828); «Поэт игрок, о Беверлей-Гораций...» (1829).

В е р г и л и й Публий Марон—«Городок» (1814); ib.—*люблю с моим Мароном...*; «К Батюшкову» (1815)—*спешил я за Мароном...*; «Бова» (1815); «А. Л. Давыдову» (1824)—*чахоточный отец немного тощей Энеиды...*; «Сцена из Фауста» (1825); «И дале мы пошли...» (1832); «Евгений Онегин», 5, XXII; «История села Горюхина» (1830—1831). См также в Указателе названий «Энеида».

В е р ж ь е Ж.—«Городок» (1814).

В и л а н д Х.—«Послание к Юдину» (1815).

В и л ь о н Ф.—«Монах» (1814).

В и с к о в а т о в С. И.—«К Батюшкову» (1814); «Городок» (1814)—*Визгов.*

В и н ь и А.—см. в Указателе названий: «Сен-Марс».

В о л ь т е р—«К другу стихотворцу» (1814) (1-я редакция); «Исповедь стихотворца» (1814); «Городок» (1814)—*сын Мома и Минервы, Фернейский злой крикун...*; «Послание к Юдину» (1815); «Послание Лиде» (1816); «В. Л. Давыдову» (1821); «Послание Цензору» (1822); «Мне жаль великия жены» (1824); «К Вельможе» (1830)—*циник поседелый, умов и моды вождь пронырливый и смелый...*; «В младенчестве моем бессмысленно лукавом»...» (1835)—*я встретил старика с плешивой головой...*; «Монах» (1814)—*оракул Франции...*; «Домик в Коломне» (1830) (XI, черн.); «Евгений Онегин», 1-е издание, примечания; «Арап Петра Великого» (цитата). См. также в Указателе названий: «Заира», «Кандид», «Орлеанская девственница».

В о р д с в о р т В.—«Сонет» (1830).

В я з е м с к и й П. А.—«К портрету кн. П. А. Вяземского» (1822)» «Сатирик и поэт любовный...» (1825); «В глуши измучась жизнью постной...; (1825); «Язвительный поэт, остряк замысловатый...» (1821); «Так море древний душегубец...» (1826); «Ее глаза»—в ответ на стихи Вяземского (1828); «Любезный Вяземский, поэт и камергер...» (1831); «Евгений Онегин», 5, III—*другой поэт изящным слогом живописал нам первый снег...*; ib., 7, XLIX; ib., 27-е и 42-е примечания; «Станционный смотритель» (1830); «Роман в письмах», V, 3-е письмо Лизы; *В**. См. также в Указателе названий: «Первый снег».

Г а м и л ь т о н А.—«К сестре» (1814).

Г е б е л ь И.—см. в Указателе названий: «Тленность».

Г е з и о д—«Рифма, звучная подруга...» (1828).

Г е р д е р И.—«Евгений Онегин», 8, XXXV.

Г е с н е р С.—«Русскому Геснеру» (1827).

Г е т е И.—«Записка к Жуковскому» (1815); «Евгений Онегин», 2, IX; См. также в Указателе названий: «Страдания юного Вертера».

Г л и н к а Ф. Н.—«Ф. Глинке» (1822); «На Ф. Глинку» (1825); «Собрание насекомых» (1829)—*Г[линка]—божия коровка.*

Г н е д и ч Н. И.—«В стране, где Юлией венчанный...» (1821); «К переводу Илиады» (1830)—*Крив был Гнедич поэт...*; «На перевод Илиады» (1830)—*Слышу умолкнувший звук...*; «С Гомером долго ты беседовал один» (1830); «Евгений Онегин», 8-е примечание; Dubium: «С тобою в спор я не вступаю...» (1819).

Г о м е р—«Городок» (1814); «В стране, где Юлией венчанный...» (1821); «Рифма, звучная подруга...» (1828); «К переводу Илиады» (1830);

«На перевод Илиады» (1830); «С Гомером долго ты беседовал один»... (1830); «Бова» (1815)—*болтун страны эллинския*...; «Евгений Онегин», 1, VII; ib., 5, XXXVI—*Омир*.

Горацийн—«Городок» (1814); «К Пущину» (1815); «Послание к Галичу» (1815)—*тибурский мудрец*; «Послание к Юдину» (1815); «В. Л. Пушкину» (1817); «Стансы Толстому» (1819); «А. Л. Давыдову» (1824); «Поэт игрок, о Беверлей-Гораций...» (1829); «Мальчишка Фебу гимн поднес...» (1829); «Евгений Онегин», 6, VII; «Цезарь путешествовал...» (1835).

Горчаков Д. П.—«Городок» (1814).

Готовцева А. И.—«Ответ А. И. Готовцевой» (1828).

Грей Т.—«К сестре» (1814); «Записка Жуковскому» (1815); «П. И. Эгельстрому» (1828); «Prologue» (1827).

Грекур Ж.—«Городок» (1814).

Грессе Ж. Б.—«Моему Аристарху» (1815)—*певец прелестный... Вер-Вера*... См. также в Указателе названий «Вер-Вер».

Грибоедов А. С.—«Его сиятельству графу Д. И. Хвостову», примечание; «Евгений Онегин», 38-е примечание; ib., 7, LI, (черн.); План «Русского Пелама»; «Путешествие в Арзрум». См. также в Указателе названий: «Горе от ума».

Гюго В.—«Родословная моего героя» (1833) (черн.); «Домик в Коломне» (1830)—*Hugo*.

Давыдов Д.—«Певец-гусар, ты пел биваки»... (1821); «Недавно я в часы свободы...» (1822); «Тебе певцу, тебе герою...» (1836); «Выстрел» (1830).

Данте—«Андрей Шенье» (1825); «Зорю бьют, из рук моих ветхий Данте выпадает...» (1829); «Сонет» (1830); «Моцарт и Сальери» (1830); Пиковая дама» (1833), гл. II. См. также в Указателе названий: «Божественная комедия».

Делиль Ж.—«Домик в Коломне» (1830) (черн.).

Дельвиг А. А.—«Пирующие студенты» (1814); «Послание к Галичу» (1815); «К Дельвигу» (1815)—*Послушай, муз лукавых невинный духовник*...; «Мое завещание друзьям» (1815)—...*приди, певец мой дорогой, воспевший Вакха и Темиру*...; «К Дельвигу» (1817); «Се самый Дельвиг, тот что нам всегда твердил...» (1820); «Друг Дельвиг, мой парнасский брат...» (1821); «К Языкову» (1824); «19-е октября» [1825]; «Дельвигу»—«Любовью, дружеством и ленью...» (1825?); «Череп» (1827); «Загадка»—«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...» (1829); «Сонет» (1830); «Мы рождены, мой брат названный...» (1830); «Чем чаще празднует лицей....» (1831); «Художнику» (1836); «Евгений Онегин», 6, XX; ib., 4, III (Женщины. Отрывок из Евгения Онегина) —*Словами вещего поэта*... См. также в Указателе названий: «Вакх», «Темира».

Державин Г. Р.—«К другу стихотворцу» (1814); «Воспоминания в Царском Селе» (1814); «Городок» (1814); «Князю А. М. Горчакову» (1815); «К Жуковскому» (1816); «Баратынскому из Бессарабии» (1822); «Послание Цензору» (1822); «Мне жаль великия жены...» (1824); «К Дельвигу»—«Мы рождены, мой брат названный...» (1830); «Родословная моего героя» (1830) (черн.); «Кавказский Пленник», 8-е примечание; «Евгений Онегин», 7, II. См. также в Указателе названий: «Властителям и судьям», «На взятие Измаила», «На смерть князя Мещерского».

Дефонтен Ф.—«На Каченовского» (1818).

Дидро Д.—«К Вельможе» (1830)—*Дидерот*.

Дмитриев И. И.—«К другу стихотворцу» (1814); «Городок» (1814); «К Жуковскому» (1816); «Его сиятельству графу Д. И. Хвостову» (1825),

примечание; «Евгений Онегин», 4, XXXIII—*Чужого толка хитрый лирик...*; ib., 7, II (черн.).; «Станционный смотритель» (1830).

Долгорукий И. М.—«Евгений Онегин», 10, IV—*стихоплет великородный*.

Дюма А. (отец)—см. в Указателе названий: «Anthony».

Жанен Ж.—см. в Указателе названий: «Исповедь».

Жанлис Ф.—«К сестре» (1814); «Раззевавшись от обеда...» (1821).

Жуковский В. А.—«Воспоминание в Царском Селе» (1814)—*О, скальд России вдохновенный...*; «К Батюшкову» (1814); «К сестре» (1814)—*певец Людмилы*; «К Жуковскому» (1816); «Венец желаньям» (1817)—*наш Тиртей*; «К Жуковскому» (1818)—«Когда к мечтательному миру...» (1818); «К портрету Жуковского» (1818); «Записка к Жуковскому» (1819); «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824); «Руслан и Людмила» (1820), Песнь 4-я—*певец таинственных видений...*; «Кавказский Пленник» (1821), 8-е примечание; «Евгений Онегин», 8, II (черн.)—*всегда прекрасного певец*. См. также в Указателе названий: «Двенадцать спящих дев», «Für wenige», «Овсяный кисель», «Светлана», «Тленность».

Загоскин М. Н.—«Рославлев» (1831).

Занд Жорж—«Мы проводили вечер у княгини Д...» (1835).

Измайлов А.—«Ex ungue leonem» (1825)—*журнальный шут*; «Евгений Онегин», 21-е примечание; «Гробовщик» (1830) (цитата).

Илличевский Д. И.—«Пирующие студенты» (1814)—*остряк любезный*; «В альбом Илличевскому» (1817).

Казанова Д.—«Пиковая дама», I (1833).

Камоэнс Л.—«К другу стихотворцу» (1814); «Бова» (1815); «Сонет» (1830).

Карамзин Н. М.—«Городок» (1814); «К Жуковскому» (1816); «Послание Цензору» (1822); «На Каченовского» (1818)—*наш Тацит*; «Медный всадник» (1833); «Евгений Онегин», 1-е издание, примечания; «Борис Годунов», посвящение; «Гости съезжались на дачу...» (1829—1830), гл. III; «Рославлев» (1831); Dubium: «На Н. М. Карамзина» (1819).

Касти Д.—«К Вельможе» (1830.)

Катенин П. А.—«Катенину» (1821); «Ответ Катенину» (1828)—*Напрасно пламенный поэт...*; «Евгений Онегин», 1, XVIII.

Катулл—«Цезарь путешествовал...» (1835).

Каченовский М. Т.—«На Каченовского» (1818); «Хаврониос! Ругатель закоснелый...» (1820); «Чаадаеву» (1821)—*оратор Лужников*; «Клеветник без дарованья...» (1821); «Охотник до журнальной драки...» (1824); «Припадками болезни женской...» (1825)—*К*.; «Литературное Известие» (1829); «Журналами обиженный жестоко...» (1829); «Там, где древний Кочерговский...» (1829); «Собрание насекомых» (1829)—*К*[*аченовский*]—*злой паук*; «Надеясь на мое презренье...» (1829)—*Седой Зоил...*; «В журнал совсем не европейский...» (1829)—*старый журналист*.

Клопшток Ф.—«Бова» (1815).

Княжнин Я. Б.—«Городок» (1814); «Евгений Онегин», 1, XVIII.

Козлов И. И.—«Козлову (На присылку повести в стихах «Чернец»)» (1825).

Констан Б,—см. в Указателе названий; «Адольф».

Корнель П.—«Ответ Катенину» (1828); «Евгений Онегин», 1, XVIII.

Коттен М.—см. в Указателе названий: «Мальвина», «Матильда».
Костров Е. И.—«К другу стихотворцу» (1815).
Коцебу А.—«Исповедь стихотворца» (1814); «На Стурдзу» (1820); «Кинжал» (1821).
Кребильон К.—«Рославлев» (1831).
Крылов И. А.—«Городок» (1814)—*И ты шутник бесценный...*; «П. И. Эгельстрому» (1828). См. также в Указателе названий: «Триумф».
Крюднер—см. в Указателе названий: «Валерия».
Купер Ф.—«Участь моя решена...» (1830).
Курганов Н. Г.—«Литературное Известие» (1829); «Отрывок» (1830).
Кюхельбекер В. К. «К другу стихотворцу» (1814); «Пирующие студенты» (1814)—*Вильгельм, прочти свои стихи...*; «Несчастье Клита» (1814); «Вот Виля, он любовью дышет...» (1816); «Кюхельбекеру» (1817); «За ужином объелся я...» (1818); «Его сиятельству графу Д. И. Хвостову» (1825); «19 октября» [1825]; «Евгений Онегин», 4, XXII—XXIII—*критик строгий.* Предположительно: «*Арист* нам обещал...» (1814); «Мечтателю» (1815). См. также: «О направлении нашей поэзии».

Лагарп Ф.—«Городок» (1814)—*грозный Аристарх.*
Ламартин А. «Граф Нулин» (1825); «Роман в письмах», 1 (1829); «Отрывок» (1830).
Лафонтен А.—«Евгений Онегин», 4, L; ib., 26-е примечание.
Лафонтен Ж.—«Городок» (1814); «Послание к Юдину» (1815).
Лебрен Э.—«Вольность» (1817)—*возвышенный галл.*
Ломоносов М. В.—«К другу стихотворцу» (1814); «К Жуковскому» (1816)—*бессмертный наш певец...*; «Отрывок» (1830); «Евгений Онегин», 34-е примечание; ib., 1-е издание, примечания; «Рославлев» (1831).
Луведе Кувре—см. в Указателе названий: «Приключения кавалера Фоблаза».

Майков В. И.—см. в Указателе названий: «Елисей».
Макаров П. И.—«К другу стихотворцу» (1814).
Мармонтель Ж.—«Евгений Онегин» 5, XXIII; ib., 1, V (черн.).
Матюрен Р.—«Евгений Онегин», 19-е примечание. См. также в Указателе названий: «Мельмот-Скиталец».
Мильтон Д.—«Бова» (1815); «Монах» (1814).
Мицкевич А.—«На Булгарина» (1830); «Сонет» (1830)—*певец Литвы*; «Он между нами жил...» (1834); «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина»; «Медный всадник» (1833), 3-е примечание.
Мольер Ж.—«Городок» (1814); «П. И. Эгельстрому» (1828). См. также в Указателе названий: «Мизантроп».
Монтескье Ш.—«Рославлев» (1831).
Мур Т.—«Ты богоматерь, нет сомненья...» (1824). См. также в Указателе названий: «Лалла-Рук».
Муравьев А.—«Лук звенит, стрела трепещет...» (1827)—*бельведерский Митрофан.*

Надеждин Н. И.—«Как сатирой безымянной...» (1829); «Мальчишка Фебу гимн поднес» (1829); «Надеясь на мое презренье...» (1829)—*журнальный шут, холоп лукавый...*; «В журнал совсем не европейский...» (1829)—*болван-семинарист*; «Сапожник» («Притча»—«Картину раз высматривал художник...») (1896).

Нахимов А. Н.—«Отрывок» (1830).

Нелединский-Мелецкий Ю. А.—«Шишкову» (1815); «К Шишкову» (1825); «Счастлив ты в прелестных дурах...» (1829).

Николев Н. П. «Христос воскрес, питомец Феба...» (1816).

Нодье Ш.—«Евгений Онегин», 19-е примечание. См. также в Указателе названий; «Жан-Сбогар».

Овидий Назон — «К Батюшкову» (1814)—*младой Назон*; «Сон» (1816); «В стране, где Юлией венчанный...» (1821); «Чаадаеву» «В стране, где я влачил...» (1821); «К Овидию» (1821); «Баратынскому из Бессарабии» (1822); «Цыганы» (1824)—*Меж нами есть одно преданье...* и т. д. (*полудня житель*); «Евгений Онегин», 1, VIII; ib., 1-е издание, примечания.

Озеров В. А.—«Городок» (1814); «К Жуковскому» (1816); «Евгений Онегин», 1, XVIII.

Олин В. Н.—«Собрание насекомых» (1828)—*черная мурашка.*

Оссиан—«С Гомером долго ты беседовал один...» (1830).

Парни Э.—«К Батюшкову» (1814); «Моему Аристарху» (1815); «К Шишкову» (1816); «Любовь одна—веселье жизни хладной...» (1816); «Венере, Фебу и Фемиде...» (1823); «Ты богоматерь, нет сомненья...» (1824); «Шишкову» (1825); «Евгений Онегин», 3, XXIX; ib., 1, V (черн.).

Персий—«Послание к Великопольскому» (1828).

Петрарка Ф.—«Приятелю» (1822); «Сонет» (1830); «Евгений Онегин», 1, XLIX; ib., 1, LVIII; «Метель» (1830).

Петров В.—«Воспоминания в Царском Селе» (1814); «Его сиятельству графу Д. И. Хвостову», примечания; «Н. С. Мордвинову» (1825?)—*вещий пиит...*

Петроний—«К Лицинию» (1815); «Цезарь путешествовал» (1835).

Пирон А.—«А. Г. Родзянке» (1825); «Евгений Онегин», 2, XIII (черн.); ib., примечание к гл. 2-й (черн.).

Плетнев П. А.—«П. А. Плетневу» (1824); «П. А. Плетневу» (1827).

Погорельский А.—«Гробовщик» (1830).

Полевой Н. А.—«Н. Н.» (1825); Французских рифмачей суровый судия...» (1833)—*С оплошной публики, как некие писаки...*

Поль Ж.—«Барышня-крестьянка» (1830).

Полидори—см. в Указателе названий: «Вампир».

Поповский Н. Н.—«Литературное Известие» (1829).

Прадон Н.—«К Дельвигу» (1815).

Пушкин А. С.—см. Автооценки.

Пушкин В. Л.—«Городок» (1814)—*Буянова певец...*; «К Дельвигу» (1815)—*мой дядюшка поэт*; «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1817); «В. Л. Пушкину» (1817); «Послание Цензору» (1822); «Сатирик и поэт любовный...» (1825)—*писатель нежный, тонкий, острый...*; «П. А. Плетневу» (1824)—*творец Опасного Соседа*; «Любезный Вяземский, поэт и камергер...» (1825)—*Василья Львовича узнал ли ты манер...* См. также в Указателе названий: «Опасный Сосед».

Пучкова Е. Н.—«Пучкова, право ты смешна...» (1816); «Зачем кричишь ты...» (1816).

Радищев А. Н.—«Бова» (1815); «Послание Цензору» (1822); «Памятник» (1836) (черн.).

Радклиф А.—«Рославлев» (1831); «Дубровский», IX (1833).

Раич С. Е.—«Собрание насекомых» (1829)—*темная букашка.*

Расин Ж.—«Городок» (1814); «К Жуковскому» (1816); «Евгений Онегин», 5, XXII. См. также в Указателе названий: «Федра».

Рига К.—«Восстань, о Греция, восстань...» (1830).

Ричардсон С.—«Евгений Онегин», 2, XXX; «Роман в письмах» (1829), III, 2-е письмо Лизы; ib., IV, ответ Саши. См. также в Указателе названий: «История сэра Ч. Грандиссона», «Кларисса Гарлоу», «Памела».

Родзянко А. Г.—«Из письма к А. Г. Родзянке» (1824)—*наместник Феба и Приапа*; «А. Г. Родзянке» (1825).

Руссо Ж. Б.—«К другу стихотворцу» (1814).

Руссо Ж. Ж.—«К сестре» (1814); «Городок» (1814); «Послание Цензору» (1822); «Евгений Онегин», 1, XXIV—*защитник вольности и прав...*; ib., 2, XXIX; ib., 8, XXXV. См. также в Указателе названий: «Новая Элоиза».

Руше А.—«Андрей Шенье» (1825).

Рылеев К. Ф.—«Евгений Онегин», 6 (черн.).

Саади—«При шуме сладостных фонтанов...» (1828); «Благословен твой новый путь...» (1829); «Евгений Онегин», 8, L.

Свиньин П. П.—«Собрание насекомых» (1829) — *С [виньин]— российский жук.*

Сенека—«Пирующие студенты» (1814); «Евгений Онегин», 5, XXII; ib., «Путешествие Онегина».

Сенковский О. И.—«К Смирдину как ни зайдешь...» (1836).

Скотт В.—«Граф Нулин» (1825); «Евгений Онегин», 4, XLIII; ib., 5, XXII; «Роман в письмах» (1829), IV, ответ Саши; «Участь моя решена...» (1829); «Гробовщик» (1830).

Сталь г-жа—«Евгений Онегин», 8, XXXV; ib., 7-е примечание; ib., 1, V (черн.); «Рославлев» (1831); «Мы проводили вечер...» (1835). См. также в Указателе названий: «Дельфина», «Коринна».

Стерн Л.—«Евгений Онегин», 16-е примечание.

Сумароков А. П.—«К Жуковскому» (1816); «История села Горюхина» (1830—1831); «Рославлев» (1831); «Капитанская дочка», 4.

Тасс Т.—«Городок» (1814); «Близ мест, где царствует Венеция златая...» (1827); «Кто знает край...» (1827); «Ответ Катенину» (1828); «Поедем, я готов...» (1829); «Когда порой воспоминанье...» (1830); «Евгений Онегин», 1, XLVIII. См. также в Указателе названий «Освобожденный Иерусалим».

Тибулл—«Батюшкову» (1815); «Любовь одна—веселье жизни хладной...» (1816); «Ты богоматерь, нет сомненья...» (1824); «Шишкову» (1825).

Тимашева Е. А.—«Е. А. Тимашевой» (1826).

Тиртей—«Венец желаньям» (1817); «Восстань, о Греция, восстань...» (1830).

Тиссо П.—«Евгений Онегин», 8, XXXV.

Томсон Д.—«К сестре» (1814).

Тредьяковский В. К.—«К другу стихотворцу» (1814)—*Отец Телемахиды*; «К Батюшкову» (1814); «К Жуковскому» (1816)—*стопосложитель хилый*; «Литературное Известие» (1829); «Там, где древний Кочерговский...» (1829); «Капитанская дочка», 4; Dubium: «Внук Тредьяковского Клит...» (1814). См. также в Указателе названий: «Телемахида».

Туманский В. И.—«Т [уманский] прав, когда так верно вас...» (1824); «Евгений Онегин», «Путешествие Онегина».

Федоров Б. М.—«Русскому Геснеру» (1827); «Евгений Онегин», 33-е примечание.

Феокрит—«Загадка»—«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...» (1829); «Евгений Онегин», 1, VII.

Филимонов В. С.—«В. С. Филимонову» (1828).

Фонвизин Д.—«Городок» (1814); «Послание Цензору» (1822)—*сатирик превосходный*; «Евгений Онегин», 1, XVIII; ib., 7, LI (черн.); «Роман в письмах» (1829), 8, письмо Владимира.

Фонтенель Б.—«Евгений Онегин», 8, XXXV; «Арап Петра Великого», I.

Хвостов Д. И.—«К другу стихотворцу» (1814)—*Графов*; «Исповедь стихотворца» (1814)—*Графов*; «Городок» (1814); «Моему Аристарху» (1815)—*Свистов*; «Дельвигу» (1815) — *служитель отставной Парнаса*; «Усы» (1816); «Христос воскрес, питомец Феба...» (1816); «Послание Цензору» (1822); «Его сиятельству графу Д. И. Хвостову» (1825); «Из письма кн. П. А. Вяземскому» (1825); «Н. Н.» (1825); «Седой *Свистов*, ты царствуешь со славой...» (1829); Dubium: «На графа Хвостова» (1819).

Хвостова А. П.—«Вот Хвостовой покровитель...» (1818).

Хемницер И. И.—«Послание Цензору» (1822).

Шадерло де Лакло—см. «Liaisons dangereuses».

Шаликов П. И.—«Послание Цензору» (1822); «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824) (1-я редакция).

Шамфор Н.—«Евгений Онегин», 8, XXXV.

Шапель Э.—«Моему Аристарху» (1815).

Шаплен Ж.—«Бова» (1815); «К Жуковскому» (1816).

Шатобриан Р.—«Евгений Онегин», 4, XXVI; ib. 1, V (черн.); ib.,15-е примечание; «Рославлев» (1831).

Шаховской А. А.—«Угрюмых тройка есть певцов...» (1815); «Сиятельный Аристофан» (1818) (черн.); «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1816)—*Шутовской*; «К Жуковскому» (1816); «Евгений Онегин», 1, XVIII; План «Русского Пелама».

Шекспир В.—«Калмычке» (1829); «Сонет» (1830)—*творец Макбета*; «Евгений Онегин», 16-е примечание; «Гробовщик» (1831). См. также в Указателе названий: «Лукреция», «Отелло».

Шенье А.—«Андрей Шенье» (1825).

Шиллер Ф.—«19 октября» [1825]; «Евгений Онегин», 2, IX; ib., 6, XX.

Ширинский-Шихматов С. А.—«К другу стихотворцу» (1814)—*Рифматов*; «Бова» (1815)—*Рифматов*; «Угрюмых тройка есть певцов...» (1815); «Христос воскрес, питомец Феба...» (1816); «Домик в Коломне» (1830) (черн.).

Шишков А. А.—«К Шишкову» (1816); «Шишкову» (1825).

Шишков А. С.—«Угрюмых тройка есть певцов...» (1815); «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1816)—*Ослов*; «Второе послание Цензору» (1824); «Евгений Онегин», 7, XIV.

Шолье Г.—«Моему Аристарху» (1815); «К Шишкову» (1816); «Арап Петра Великого», I (1829).

Эврипид—«Городок» (1814).

Эгельстром П. И.—«П. И. Эгельстрому» (1828).

Эзоп—«Домик в Коломне» (1830).

Ювенал—«К другу стихотворцу» (1814); «К Батюшкову» (1814); «К Лицинию» (1815); «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1816); «К Лицинию» (1825); «П. И. Эгельстрому» (1828); «Ценитель умственных творений исполинских...» (1835); «Евгений Онегин», 1, VI; Dubium: «О, муза пламенной сатиры...» (1824).

Языков Н. М.—«А. И. Вульфу» (1824); «К Языкову» (1824)—«Издревле сладостный союз...»; «К Языкову» (1826)—«Языков, кто тебе внушил...»; «К Языкову» (1827)—«К тебе сбирался я давно...»; «Евгений Онегин», 4, XXXI; ib., «Путешествие Онегина» (черн.). См. также в Указателе названий: «Послание к Пушкину».

Яковлев М. Л.—«Пирующие студенты» (1814)—*забавный, право, ты поэт...*

Названия произведений и журналов, упоминаемых в художественных произведениях А. С. Пушкина.

«Адольф» Б. Констана—«Евгений Онегин», 7, XXII («Адольф» принадлежит к числу двух или тех романов,

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно...—

писал Пушкин в заметке о переводе романа Б. Констана «Адольф», см. стр. 180 данной книги»); «Роман в письмах», 3, 2-е письмо Лизы.

«Anthony» А. Дюма—«Мы проводили вечер...» (1835).

«Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина—«Евгений Онегин», «Путешествие Онегина».

«Борис» А. Сент-Ипполита—«Записка к Жуковскому» (1819).

«Благонамеренный»—журнал—«Евгений Онегин», 3, XXVII; ib., 21-е примечание; «История села Горюхина», предисловие.

«Божественная комедия—Данте—«Евгений Онегин», 3, XXII; ib. 20-е примечание.

«Вакх» А. Дельвига—«Мое завещание друзьям» (1815).

«Вампир» Полидори—«Евгений Онегин», 7, XII; ib., 19-е примечание.

«Валерия» Крюднер—«Евгений Онегин», 3, IX; ib., 18-е примечание.

«Вер-Вер» Ж. Б. Грессе—«Моему Аристарху» (1815).

«Вестник Европы»—журнал—«Там, где древний Кочерговский...» (1829); «В журнал, совсем не европейский...» (1829); «Роман в письмах», 5, 3-е письмо Лизы.

«Видение на берегах Леты» К. Н. Батюшкова—«Городок» (1814).

«Властителям и судьям» Г. Р. Державина—«Послание Цензору» (1822).

«Гавриилиада» А. С. Пушкина—«Посвящение Гавриилиады» (1821).

«Горе от ума» А. С. Грибоедова—«Евгений Онегин», 8, XIII.

«Гяур» Байрона—«Гречанке» (1822).

«Дамский журнал»—«Евгений Онегин», 5, XXII.
«Двенадцать спящих дев» В. А. Жуковского—«Руслан и Людмила», песнь 4-я.
«Дельфина» г-жи Сталь—«Евгений Онегин», 3, X.
«Демон» А. С. Пушкина—«Евгений Онегин», 8, XII.
«Дурацкий колпак» В. С. Филимонова—«В. С. Филимонову» (1818).

«Елисей» В. И. Майкова—«Евгений Онегин», 8, 1 (черн.).
«Евгений Онегин» А. С. Пушкина—«В мои осенние досуги...» (1835).

«Жан Сбогар» Ш. Нодье—«Евгений Онегин», 3, XII; ib., 19-е примечание.
«Женитьба Фигаро» П. Бомарше—«Паж или пятнадцатый год» (1830), «Моцарт и Сальери».

«Заира» Вольтера—«Паж или пятнадцатый год» (1819).

«Иван Выжигин» Ф. Булгарина—«Не то беда, Авдей Флюгарин»—*роман.*
«Исповедь» Ж. Жанена—«Тебя зову на томной лире...» (1828?).
«История сэра Чарльза Грандиссона...» С. Ричардсона—«Евгений Онегин», 2, XXX; ib., 2, XXXIII (черн.); ib., 3, IX—X; ib., 7, XI; ib., 14-е примечание.

«Кавказский Пленник» А. С. Пушкина—«Мой пленник вовсе не любезен...» (1823).
«Кандид» Вольтера—«Городок» (1814).
«Кларисса Гарлоу» С. Ричардсона—«Евгений Онегин», 3, X; «Роман в письмах», 3, 2-е письмо Лизы.
«Коринна» г-жи Сталь—«Рославлев» (1831).
«Корсар» Д. Г. Байрона—«Евгений Онегин», 3, XII; ib., 4, XXXVI—XXXVII; ib., «Путешествие Онегина».

«Лалла-рук» Т. Мура—«Евгений Онегин», 8, XXIII (черн.).
«Ленора» Г. Бюргера—«Евгений Онегин», 8, IV.
«Литературная Газета»—«Домик в Коломне» (черн.).
«Лукреция» Шекспира—«Граф Нулин».
«La physiologie du mariage» Бальзака—«Мы проводили вечер...» (1835).
«Liaisons dangereuses» Шадерло де Лакло—«Гости съезжались на дачу...» (1828), 1.

«Мальвина» М. Коттен—«Евгений Онегин», 5, XXIII.
«Матильда» М. Коттен—«Евгений Онегин», 3, IX; ib., 18-е примечание.
«Мельмот-Скиталец» Матюрена—«Евгений Онегин», 3, XII; ib., 8, VIII; ib., 19-е примечание.
«Мизантроп» Ж. Мольера—«Катенину» (1821).
«Московский Телеграф»—журнал—«Граф Нулин»; «Домик в Коломне».

На взятие Измаила Г. Р. Державина—«Баратынскому из Бессарабии» (1822).

На смерть князя Мещерского Г. Р. Державина—«Родословная моего героя» (1833).

«Надпись на кубке из черепа» Байрона—«Череп» (1819).

«Недоросль» Д. И. Фонвизина—«Послание Цензору» (1822).

«Невский Альманах»—«Н. Н.» (1825); «На картинки к Евгению Онегину в Невском Альманахе» (1829).

«Новая Элоиза» Ж. Ж. Руссо—«Евгений Онегин», 3, IX; ib., 18-е примечание; «Метель».

«Овсяный кисель» В. А. Жуковского—«Венец желаньям» (1817).

«О направлении нашей поэзии, особенно лирической, за последнее десятилетие» В. К. Кюхельбекера—«Евгений Онегин», IV, XXXII—XXXIII.

«Опасный Сосед» В. Л. Пушкина—«П. А. Плетневу» (1824); «Твое соседство нам опасно...» (1825); «Евгений Онегин», 5, XXVI, XLIII—XLV; ib., 35-е примечание; «История села Горюхина».

«Орлеанская девственница» Вольтера—«Бова» (1815); «Когда сожмешь ты снова руку...» (1818)—*Святая библия Харит*; «Мы проводили вечер...» (1835).

«Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо—«Близ мест, где царствует Венеция златая...» (1827).

«Отелло» Шекспира—«Родословная моего героя» (1833).

«Памела» С. Ричардсона—«Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка».

«Первый снег» П. А. Вяземского—«Евгений Онегин», 5, III.

«Полярная Звезда»—альманах—«Напрасно ахнула Европа...» (1824).

«Послание к Пушкину» Н. М. Языкова—«К Языкову» (1826).

«Приключения кавалера Фобласа» Луве де Кувре—«Евгений Онегин», 1, XII; ib., 4, IV; «Роман в письмах», 9, ответ Владимира.

«Рославлев» М. Н. Загоскина—«Рославлев» (1831).

«Руслан и Людмила» А. С. Пушкина—«Евгений Онегин», 1, II.

«Сатира на игроков» И. Е. Великопольского—«Послание к Великопольскому» (1828).

«Светлана» В. А. Жуковского—«К сестре» (1815); «Евгений Онегин», 3, V.

«Северная Пчела»—газета—«Домик в Коломне» (1-я редакция).

«Севильский цирюльник» П. Бомарше—«К вельможе» (1830).

«Сен-Марс» А. де Виньи—«Калмычке» (1829).

«Соревнователь Просвещения» — журнал—«История села Горюхина».

«Страдания юного Вертера» Гете—«Евгений Онегин», 3, IX.

«Телемахида» В. К. Тредьяковского—«К другу стихотворцу» (1815); «К Жуковскому» (1816).

«Т е м и р а» А. А. Дельвига—«Мое завещание друзьям» (1815).

«Т л е н н о с т ь» И. Гебеля, в переводе Жуковского—«На перевод «Тленности» Гебеля»—«Послушай, дедушка...» (1818).

«Т ы с я ч а и о д н а н о ч ь»—«Руслан и Людмила», песнь 2-я.

«Ф е д р а» Ж. Расина—«Паж или пятнадцатый год» (1830).

«F ü r w e n i g e» В. А. Жуковского—«Жуковскому» (1818).

«Ч а й л ь д Г а р о л ь д» Байрона—«Евгений Онегин», 4, XLIV; ib., 8, VIII; ib., 4-е примечание.

«Ч е р н е ц» И. И. Козлова—«И. И. [Козлову]» (1825).

«Э д а» Е. А. Баратынского—«К Баратынскому» (1827); «Евгений Онегин», 5, III.

«Э н е и д а» Вергилия—«Евгений Онегин», 1, VI.

«Ю р и й М и л о с л а́ в с к и й» М. Н. Загоскина—«Рославлев» (1831).

УКАЗАТЕЛИ

1. Предметно-тематический указатель

Автокритика — 32 — 34, 36, 37, 39, 44, 45, 172, 173, 233 *(«Бахчисарайский фонтан»)*; 80, 81, 86—89, 101, 117—120, 141, 161—163, 170—172, 236, 237, 243, 245, 284, 285, 287, 292, 302 *(«Борис Годунов»)*; 33, 37, 51 *(«Братья разбойники»)*; 101, 215, 222—224, 309 *(«Граф Нулин»)*; 112 *(«Демон»)*; 34, 39, 42, 44, 46, 51, 61, 68, 86, 89, 91, 155—158, 237—243 *(«Евгений Онегин»)*; 13—15, 18—21, 24, 25, 29, 33, 34, 36, 42, 89, 152, 233, 344 *(«Кавказский Пленник»)*; 438 *(«Капитанская дочка»)*; 74 *(«Кинжал)*; 28 *(«Мечта воина»)*; 37, 38 *(«Наполеон»)*; 291 *(«Полководец»)*; 217 *(«Послание к Юрьеву»)*: 161, 172, 173, 191, 192, 234, 235 *(«Полтава»)*; 9, 42, 89, 148—152 *(«Руслан и Людмила»)*; 50 *(«Седеет облаков летучая гряда...»)*; 69 *(«Стихотворения»)*; 51, 86, 91, 101, 233 *(«Цыганы»)*; 14 *(«Черная шаль»)*.

Александрийский стих— 118, 224.

Альманахи—99, 104, 113, 146, 147, 174—178, 189, 216, 217, 288, 292, 342, 353.

Анахронизм—182, 183, 226, 313, 350.

Английская литература—21 *(влияние ее на русскую литературу)*; 75, 117 *(драматическая)*, 152, 153 *(Озерная школа)*; 435. См. также Указатель имен.

Английский язык—85, 434.

Анекдот—288, 351.

Антикритика—208—215; 41, 42 *(«Бахчисарайский фонтан»)*; 215—216 *(«Граф Нулин»)*; 52, 53, 61, 155—158, 237—243 *(«Евгений Онегин»)*; 11, 33 *(«Кавказский Пленник»)*: 234, 235 *(«Полтава»)*; 148—152, 232 *(«Руслан и Людмила»)*.

Антитеза—35.

Античное искусство—292.

«Арзамас»—5—7, 49, 62, 294.

Аристократическая литература—336.

Аристократы (литературные)—177, 200—204, 206, 213, 217—220, 253, 254, 258, 277, 278, 299.

Баллада—308, 309, 333.

Басня—46, 57, 221, 330, 369.

Белый стих—23, 118, 119, 153, 285, 302, *320 (о будущем белого стиха)*.

«Беседа любителей русского слова»—5; 333 *(французские поэты «Плеяды» и «славянороссы беседисты»)*.

Библеизм—128, 325.

Былины—326.

Вдохновение—28, 81, 93, 94, 107, 162, 180, 230, *268*, 300, 331, 344, 353, 369, 435.

Верность изображения— 119, 120, 170, 231, 232, 249 *(в драме)*; 132 *(в «Кавказском Пленнике»)*;

182 *(в историческом романе);* 234 *(в «Полтаве»);* 354 *(в «Ледяном доме»);* 430, 433.
Вкус—3, 8, 105, 113, 154, 156, 193, 280, 323.
Водевиль—303.
Возрождение—331.
Вольность (поэтическая)—*157*. 215, 223, 224, 226, 232, 237, 238,
Вольный стих—163.
Восемнадцатый век—9, 48, 59, 198, 201, 254, 305, 332, 336, 337.
Выразительная функция слова—8, 106.

Газета—10, 212, 218, 224, 246, 283, 284, 296, 303—305, 424.
Галлицизмы—80, 122.
Гекзаметр—309, 316, 338.
Гений—40, 72, 74, 75, 77, 108, 153, 172, 236, 281, 331, 333, 334, 387.
Гиатус—267.
Гонорар—274, 353, 358.
Грамматика—103, 121, 128, 140, 156—158, 166, 178, 238, 240, 249, 256, 316, 326, 327, 369, 423.
Греческая литература—23, 35, 41, 74 *(критика);* 112, 179, 180, 293, 330, 331.
Греческий язык — 57, 89, 333.

Девятнадцатый век—9, 10, 15, 21, 102, 112, 153, 180, 190, 197, 225, 236, 305, 378, 398.
Диалог—81, 296.
Драма—3, 8, 21—23, 28, 41, 54, 63, 77, 80, 81, 92—99, 115, 116, 119, 153, 160, 162, 163, 169, 170—172, 182, 225—232, 245, 300, 337.
Драма, ее цель и сущность—226; история драмы—225—230.
Драматический писатель—63, 99, 226, 227, 230, 245. См. также: Верность изображения, Диалог, Единства, Зрители, Мистерии, Монолог, Поэтика, Правила, Придворный театр.

Единства—54, 80, 117, 172, 191.
Enjambement (перенос)—120.

Жанр—107.
Жеманство—21 *(французской поэзии);* 28, 118 *(в лжеклассической французской литературе);* 222, 295 *(в критике);* 336 *(в аристократической литературе);* 90, 365, 377.
Журналы—17, 27, 35, 48, 50, 65, 78, 87, 101—104, 119, 146, 147, 153, 156, 160, 162, 174, 175, 181, 190, 198, 199, 201—209, 213—215, 217, 230, 236, 241, 246, 252, 257 *(русские в сравнении с европейскими);* 280, 283, 288, 293, 294, 296, 301, 303 — 305 *(французские);* 314 *(московские и петербургские);* 341, 342, 353 *(конкуренция);* 377, 426. См. также Указатель произведений, книг и журналов.
Журналисты—46, 48, 49, 67, 73, 103, 104, 118, 119, 147, 163—169, 201—204, 207—209, 211, 212, 217, 220, 222, 223, 248, 251, 253, 277, 278, 283, 295, 296, 299, 303, 318, 324, 421—426, 437. См. также Указатель имен.

Занимательность—3, 29, 45, 54, 227, 243, 252, 281, 296, 312, 341, **350, 352, 439.**
Зрители—54, 80, 225, 228, 229.

Идеализация—352, 398.
Идиллия—18, 111, 309, 317, 359.
Издатели—48, 103, 221, 241, 257, 282, 302, 305, 321, 358.
Изысканность—17, 182, 222, 304, 433, 436.
Интрига—170.
Ирония—336.
Испанская литература—117, 333. См. также Указатель имен.
Итальянская литература—114, 333. См. также Указатель имен.
Итальянский язык—128, 169, 240.

Какофония—13, 36.
Классическая литература—28, 35, 41, 80 *(А. Шенье, как классик);* 47 *(отсутствие в России классической литературы);* 116, 215,

217 *(древнеклассическая литература);* 117 *(подражание классической древности);* 118, 330 *(различие между классицизмом и романтизмом);* 183, 184 *(древний и французский классицизм).*
Книгопродавцы—45, 46, 221, 274, 278, 282, 283, 302.
Комедия—8, 54, 94, 227 *(зарождение ее);* 229 *(русская);* 302, 330, 337 *(древнерусская);* 427, 436.
Краткость—17, 62, 439.
Критика—208 *(определение);* 115, 116, 435 *(английская);* 75, 285 *(немецкая);* 224, 305, 355, 428, 429, 435 *(французская);* 11, 19, 25, 28, 29, 48, 75, 76, 87, 99, 118, 153, 154, 158, 162, 172, 181, 199, 205—224, 226, 232, 234—243, 251, 252, 258, 280—283, 285, 292, 294, 295, 301, 302, 305, 308, 314, 324, 346, 355, 377, 422, 425 *(русская).* См. также Указатель имен.

Латинский язык—89, 178, 240, 241.
Легенды—289, 318, 330.
Летописи—118, 119, 162, 218, 220, 331, 332.
Лжеклассицизм—32, 118, 183, 377.
Лирическая поэзия—58, 93, 94, 111, 221, 229, 357, 364.
Литературная собственность—283, 380.
Литературные общества—см. «Арзамас», «Беседа любителей русского слова», «Общество любителей русского слова».
Любомудры—144, 145, 190, 192, 193.

Манерность—12, 90, 289, 300, 309, 327, 350, 431, 438.
Мемуары—64, 65, 85, 86, 196, 197, 199, 200, 305, 346.
Метафора—16, 83, 84, 157, 158, 222, 390.
Меценатство—48, 75, 76, 78, 317, 318, 387.
Мистерии—331.
Мистификации (литературные)—346 *(Мериме);* 251, 325 *(Макферсон);* 258—268 *(Сент-Бёв);* 325 *(Чаттертон).*
Мифология—23, 133.
Мода—58, 154, 180, 205, 228, 236, 281, 308.

Народность в литературе—92, 93, 117, 152, 158, 163, 183, 221, 225, 227—230, 285, 302, 315, 320, 331—333, 364, 428.
Немецкая литература—32, 75, 117, 377. См. также Указатель имен.
Новизна—112, 196, 236, 308, 365, 375, 377, 420.
Новшества—267, 268, 320.
Нравоучение в литературе—216, 224, 225, 272, 273, 337, 376, 380, 424.

«Общество любителей русского слова»—340.
Ода—40, 77, 93, 94, 226, 315, 317, 325, 330, 338, 357.
Однообразие—105, 152, 184, 272, 315, 386, 395, 403.
Оригинальность—73, 100, 234, 279, 281, 290, 300, 310, 315, 335, 373, 388, 435.
Остроумие—136, 144, 193, 300, 336, 370, 386, 390, 425.

Пародия—232, 243, 252 *(определение);* 279, 303, 430.
Пафос—170.
Пентаметр—163.
Перевод—10, 21, 41, 43, 57, 61, 66, 72, 99, 112, 121, 127, 139, 153, 173, 179, 180, 195, 199, 243, 251, 285, 291, 297, 308, 309, 324—330, 358, 369, 377, 427, *428*, 433, 434, 439.
Перифраза—16, 222.
Песни—12, 66, 238, 332, 337, 345, 370.
Писатель—37, 60, 76, 78, 99, 212, 280, 282, 283, 317, 321, 335, 360, 376, 387.
Плагиат—212, 213, 236, 237, 241, 275.
План—18 *(в «Кавказском Пленнике»);* 42 *(в «Евгении Онегине»);* 43 *(в «Федре» Расина);* 45 *(в «Бахчисарайском фонтане»);* 63, 64 *(в*

«Горе отума» Грибоедова); 87 *(в «Борисе Годунове»)*; *89 (в стихотворениях)*; 93, 94 *(в «Божественной комедии» Данте и в «Водопаде»)*; 113 *(в произведениях Шекспира, Данте, Мильтона, Гете и Байрона)*; 115, 116 *(в драмах Байрона)*; 142 *(в «Странствователе и Домоседе» Батюшкова)*.
Плеоназм—62.
«Плеяда»—333.
Повесть—68, 77, 146, 215, 425.
Повтор—126.
Подражание—17, 22, 35, 68, 70, 100, 112, 115—117, 125, 126, 137, 139, 153, 163, 182, 194, 229, 232, 233, 236, 237, 251, 262, 280, 281, 285, 301, 307, 308, 323, 326, 333, 357, 377, 388.
Полемика—51, 169, 198, 205, 207, 208, 212, 213, 217, 220—222, 248, 249, 258, 269, 273, 277, 280, 284, 298, 305, 424.
Пословица—63, 64.
Поэзия—9, 10, 22; 26, 45, 47 *(ремесло)*; 34 *(поэзия и музыка)*; 58, 67; 74, 242, 268 *(цель поэзии)*; 93, 97, 101, 153, 180, 216; 225 *(поэзия и действительность)*; 225 *(изображение обыкновенного)*; 268 *(искренность в поэзии)*; 280, 324, 330, 331, 334 *(форма и содержание)*; 336, 337, 357, 425.
Поэма—15, 19, 77, 94, 154, 155, 226, 281, 330, 333, 364.
Поэтика—41; 331 *(Аристотеля)*; 281, 333 *(Буало)*.
Правдоподобие—54, 80, 81, 89, 172, 226, 227, 231, 336 *(в драматических произведениях)*; 358 *(у Гоголя)*.
«Правила» (законы драматургии)—28, 54, 119, 163, 172, 226, 331.
«Преувеличения» (exagérations)—154, 227, 232, 281, 365.
Привнесение современности в изображение прошлого—119, 120, 182, 230.
Придворный театр—119, 163, 225, 227—229, 335.
«Применения» (allusions)—119, 120.
Проза—16, 17, 23, 29, 32, 40, 60, 65, 66, 110, 111, 146, 153, 230, 305, 315, 320, 333, 343.
Простонародность—163, 183, 223, 228—230, 308, 309.
Просторечие — 152, 156, 214, 215, 217, 223, 224, 228, 229, 235, 239, 240, 285, 308.
Простота—16, 17, 36, 95, 96, 112, 119, 153, 154, 184, 227, 228, 289, 308, 315, 350, 352, 399, 426, 433.
Профессионализм—18, 26, 32, 37, 43, 45, 47, 48, 78, 79, 282, 283, 318, 352, 354, 434—437.

Разнообразие — 115, 163, 322.
Римская литература—74, 112, 330. См. также Указатель имен.
Риторика—156, 237, 290.
Рифма—13, 62, 153, 184, 168, 267, 302, 320, 330, 331, 336.
Роман—19; 34 *(стихотворный)*; 68, 77, 89, 114, 115, 182, 183, 377; 425 *(исторический)*; 226, 244, 296, 302, 312, 313; 377 *(нравственно-сатирический)*; 331 *(происхождение)*; 333 *(в Испании)*; 337 *(во Франции)*; 337 *(в Англии)*; 350; 438 *(в Германии)*.
Романтизм—15, 28, 35, 41, 42, 44, 47, 53, 54, 72, 73, 80, 86, 88, 89, 93—95, 112, 117, 118, 155, 161, 179, 184, 205, 225, 226, 236, 267, 308, 324, 330, 333, 377, 378, 428.
Рондо—331.
Российская Академия—5, 160, 369, 381, 373.
Русская литература—12, 17, 21, 29, 31, 35, 40, 47, 59, 60, 70, 75, 82, 102, 107, 117, 181, 196, 207, 225—232, 245, 250, 269, 280, 282, 283, 285, 286, 291, 293, 295, 297, 302, 308, 316, 317, 331, 332, 337, 338, 341, 364, 369, 374, 377, 378, 380, 439. См. также Указатель имен.
Русский язык—14, 23, 36, 40, 47, 57—59, 75, 77, 80, 95, 158, 162, 237—240, 249, 256, 301, 315, 316, 325, 364, 365, 381, 439.

Сатира—9, 17, 22, 42, 44, 46, 53, 61, 68, 94, 206, 214, 227, 299, 330, 333, 336—338, 357, 370, 386.
Сентиментализм—21, 315, 376.
Сказки—52, 158, 238, 289, 312, 332, 337.
Слава—23, 43, 108, 114, 236, 280, 335, 345, 378.
Славянизмы—59.
Слог (стиль) — 16, 17, 23, 24, 33, 44, 47, 57, 58, 70, 72, 74, 77, 89, 94, 113, 117, 135, 153, 169, 170, 184, 249, 279, 288, 314, 350, 352, 358, 365, 368, 372, 385, 435.
Смелость (поэтическая)—21, 22, 112, 113, 137, 153, 158, 434.
Сонет—331, 431.
Сравнение—83, 84, 123.
Стихосложение—12, 77, 90, 125, 153, 156, 163, 179, 267, 288, 309, 316, 320, 330, 331, 334.
Стиль—см. Слог.
Сюжет—38.

Тавтология—124.
Творческий труд—23, 94, 162, 180, 230, 281, 338, 433.
Тираж—221, 271, 274, 283, 294, 422, 424, 425.
Тонкость—108, 301.
Точность—17, 24, 28, 48, 83, 87, 90, 95, 107, 113, 120, 125, 154, 184, 279, 315, 390, 395.
Трагедия—23, 49, 54, 94, 98, 99, 114, 117, 144, 172, 226—230, 302, 330, 331, 333, 428.
Триолет—331, 333.

Усечения—124, 125, 249.
Успех—162, 180, 195, 197, 230, 234, 242, 267, 280, 281, 285—287, 302, 308, 335, 352, 369.
Утонченность—36, 161, 228.

Характеры—11 *(в «Руслане и Людмиле»)*; 15, 18, 19, 25, 29, 42, 152, 233 *(в «Кавказском Пленнике»)*; 42, 155, 156 *(в «Евгении Онегине»)*; 43 *(в «Федре» Расина и в «Паризине» Байрона)*; 63, 64 *(в «Горе от ума» Грибоедова)*; 81 *(в трагедиях Шекспира, в драмах Байрона и в романах А. Лафонтена и Фильдинга)*; 89, 98, 115 *(в «Корсаре» Байрона)*; 118, 119, 170, 171 *(в «Борисе Годунове»)*; 154 *(в «Эде» Баратынского)*; 155 *(в «Бале» Баратынского)*; 161, 173, 234, 235 *(в «Полтаве»)*; 180 *(в «Юрии Милославском» Загоскина)*; 336 *(в драмах Вольтера)*; 364 *(в «Бове» Радищева)*; 162, 172, 227, 391.

Фаблио—331.
Фигуры и тропы—237.
Философия—9, 40, 60, 114, 145, 314, 337, 355, 356, 360, 361, 364, 365, 375, 378, 387, 398.
Форма — 267, 315, 330, 331, 334.
Французская литература—12, 21, 28, 32, 35, 36, 41, 75, 109, 113, 115, 117—119, 161, 224, 226, 267, 268, 300, 305, 330, 331, 333—338, 350, 356, 374—377, 427, 428, 433. См. также Указатель имен.
Французский язык—40, 59, 80, 256, 333, 433, 434.

Цезура—124, 128, 163, 267.
Цензура—14, 20, 21, 24, 26, 28—34, 37, 49, 51, 52, 62, 71, 78, 82, 103, 190, 203, 245, 246, 282—284, 302, 320, 321, 351, 365, 375, 380, 436, 487.

Читатели—19, 30—32, 45, 50, 67, 69, 85, 101, 105, 106, 110, 117, 119, 153, 154, 206—210, 212—215, 217, 218, 221—223, 225, 230, 236, 242, 243, 271, 280—282, 287, 289, 295, 302, 305.

Школа Жуковского и Батюшкова—184, 191.
Шутливая поэзия—61, 357.

Эвфуизм—112, 114, 115, 153, 228, 249, 357, 386, 395, 433.
Элегия—42, 44, 111, 143, 154, 155, 226, 280, 301, 330, 357, 387—397.
Элегическая поэзия—35, 42, 44, 50, 111, 194, 206, 233.

Эпиграмма—47, 62, 70, 107, 110, 154, 201, 202, 204, 206, 280; 281 *(определение);* 330, 357
Эпиграф—34.
Эпистолярное искусство—372, 373, 381—384, 386.
Эпитет—20, 21, 24, 32, 33, 36.
Эпическая поэзия—66, 93, 94, 320.
Эпопея—330, 357.
Эстетика—21, 226.
Эротическая поэзия—18, 215, 223, 224, 232, 268, 333, 336.

Юмор—358.

Язык—8, 12, 14, 16, 17, 23, 28, 36, 39, 40, 68, 80, 117, 152, 153, 156, 162, 170, 172, 180, 183, 228, 229, 239, 240, 250, 330, 333, 354, 386, 422, 423, 434.
Ясность—136, 154, 386.

2. Указатель произведений, книг и журналов

В указателе приводятся точные названия всех отдельных произведений, книг и журналов, так или иначе упоминаемых в тексте статей, заметок и писем Пушкина в данной книге. Условные обозначения и иносказательные упоминания взяты в скобки и выделены курсивом. Цифры, выделенные курсивом, указывают на страницы комментария.

«А. С. Грибоедову» В. К. Кюхельбекера—23, 71, *458*, *483*.
«А. С. Пушкину, члену Российской Академии 1831 г. при случае чтения стихов его о клеветниках России» Д. И. Хвостова—297 *(послание)*, *547*.
«А. С. Пушкину», послание Н. М. Языкова—66 *(послание)*, *480*.
«А. Шенье в темнице» А. С. Пушкина—80, *488*.
«Абидосская невеста» Д. Г. Байрона—70, *482*.
«Ад» Данте—94, 309.
«Адольф» Б. Констана—180.
«Алеша Попович» Н. А. Радищева—365, *565*.
«Альциона», альманах—292, *544*.
«Андромаха» П. А. Катенина—90, 229, *494*, *530*.
«Андромаха» Ж. Расина, в переводе Н. И. Гнедича—10, *450*.
«Анекдот о двух китайских журналистах» Ф. В. Булгарина—211, 245, *525*, *533*.
«Арабески» Н. В. Гоголя—359.
«Аргивяне» В. К. Кюхельбекера—163, *512*.
«Аскольдова Могила» М. Н. Загоскина—342 *(последнее... творение)*, *559*.
«Атеней», журнал—155, 159, 169, 237, *510*, *514*, *531*.
«Аукцион» Н. Ф. Павлова—350, *561*.

«Бал» Е. А. Баратынского—154 *(последняя поэма Баратынского)*, 155, 194, *509*, *520*.
«Барнав» Ж. Жанена—296, *546*.
«Батюшков из Рима» П. А. Плетнева—23, 24 *(это стихотворение)*, *458*, *459*.
«Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина—32—34, 36, 37, 39, 41, 44 *(татарская... поэма)*—46, 49, 50, 69—71, 233, 235, *462*—*466*, *468*—*471*, *479*, *481*, *482*, *493*.
«Беппо» Д. Г. Байрона—42, 101, *467*, *471*, *498*.
«Беседка Муз» К. Н. Батюшкова—144.
«Библиотека для чтения»—339, 353, 375, 422—424, 426, *572*.
Библия—46, 53, *469*.
«Благонамеренный», журнал—47, 75, 79, 102, 147, 154, *509*.

«Блажен, кто в шуме городском...» А. С. Пушкина—4, 5.
«Бова» А. С. Пушкина—5.
«Бова» А. Н. Радищева—362—364, *564*.
«Бова Королевич», народная сказка—158, 238.
«Бог» Г. Р. Державина—486.
«Богдан Хмельницкий» К. Ф. Рылеева—24, 27, *458*, *459*.
«Борис Годунов» А. С. Пушкина—80 *(моя трагедия)*, 81, 84 *(трагедия моя)*, 86 *(моя комедия)*, 87 *(моя трагедия)*, 88, 90, 100, 101, 117—120, 144, 161—163, 170—172, 236, 237, 241, 243, 245—248, 275, 282, 284—287, 292, 302, *488*, *490—492*, *497*, *498*, *504—506*, *511*, *514*, *530—533*, *540—542*, *544*.
«Борис Годунов» К. Ф. Рылеева—28, *459*.
«Братья Разбойники» А. С. Пушкина—31, 33, 36, 37, 51, *461*, *464*, *472*.
«Британник» Ж. Расина—119, 120, *505*.

«Buovo d'Antona»—73, *484*.
«В. А. Жуковскому» П. А. Вяземского—13, 452, *453*.
«В день рождения N.N.» К. Н. Батюшкова—125.
«Вакханка» К. Н. Батюшкова—137.
«Вастола или Желания» Х. Виланда, в переводе Е. Люценко—358, *563*.
«Вельможа» Г. Р. Державина—75, *486*.
«Венецианский купец» В. Шекспира—322, *553*.
«Венок, сплетенный Бригадиршею из журнальных листов для издателя Московского Телеграфа» А. Ф. Воейкова—276 *(письма Бригадирши)*, *540*.
«Венцеслав» Ротру, в переводе А. Жандра—86, 163, *491*, *512*.
«Вероника» Ж. Расина—119, *505*.
«Вестник Европы», журнал—33, 42, 47, 48, 71, 75, 150, 164—167, 169, 205, 206, 222, 232, 235, 238, 240, 307.
«Вечер на биваке» А. А. Бестужева—30, *461*.
«Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя—295, 358, 359, *545*, *563*.
«Взгляд на русскую словесность в течении 1824 и начале 1825 годов» А. А. Бестужева—74—76, *485*, *486*.
«Взгляд на старую и новую словесность в России» А. А. Бестужева—29 *(Бестужева статья)*, 31, *460*, *461*.
«Взгляд на французскую революцию» г-жи Сталь—56.
«Видение на берегах Леты» К. Н. Батюшкова—136.
«Виндзорские кумушки» В. Шекспира—322, 323, *554*.
«Витязь буланого коня» О. И. Сенковского—45 *(арабская сказка)*, *468*.
«Владимир 3-й степени» Н. В. Гоголя—311 *(его комедия)*, *552*.
«Влюбленный Роланд» М. Баярда—73, *484*.
«Водолаз» Ф. Шиллера, в переводе В. А. Жуковского—74, 291, *485*, *544*.
«Водопад» Г. Р. Державина—94, 112, 255, *502*, *537*.
«Война мышей и лягушек» В. А. Жуковского—301, *549*.
«Войнаровский» К. Ф. Рылеева—44, 61, 65, 67, 68, 72, 73, 77, 82, 161 *(романтическая повесть)*, *467*, *476*, *479*, *484*, *489*, *511*.
«Ворожея или танцы духов» А. А. Шаховского—71, *483*.
«Воспоминание» К. Н. Батюшкова—122.
«Воспоминания» К. Н. Батюшкова—122.
«Воспоминания в Царском Селе» А. С. Пушкина—256.
«Воспоминания лорда Байрона»—348, *560*.
«Восточные стихотворения» В. Гюго—224, *527*.

«Встреча с Карамзиным» Ф. Булгарина—145 *(Вечер у Карамзина)*, *507*.
«Встреча Чумы с Холерою» А. А. Орлова—272.
«Второе письмо из Карлова...» Ф. Булгарина—299 *(сатирическая статья)*, *548*.
«Второе послание Цензору» А. С. Пушкина—62.
«Второй разговор между классиком и издателем» М. А. Дмитриева—71, *466*, *482*.
«Вудсток» В. Скотта—433, *574*.
«Выздоровление» К. Н. Батюшкова—122.

«Гавриилиада» А. С. Пушкина—23 *(поэма в мистическом роде)*, 31 *(Благовещение)*, *457*, *462*.
«Гамлет» В. Шекспира—92, 153, 428, *509*.
«Гезиод и Омир—соперники» К. Н. Батюшкова—127.
«Героиды» Овидия—390, *569*.
«Гимн бороде» М. В. Ломоносова—316, *553*.
«Глухой глухого звал к суду судьи глухого» А. С. Пушкина—209, *525*.
«Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» Е. А. Баратынского—37, *464*.
«Горе от ума» А. С. Грибоедова—63—65, 256, 313, 314, 345, *477*, *553*.
«Гофолия» Ж. Расина—335, *557*.
«Граф Нулин» А. С. Пушкина—101 *(другая повесть)*, 215, 222—224, 309, *498*, *526*, *527*.
«Гудибрас» С. Бетлера—61, *476*.
«Гузман Альфарашир» А. Лесажа—376, *567*.
«Гяур» Д. Г. Байрона—49, 70, 115, 116, 471, *482*.

«Д. В. Давыдову» Н. М. Языкова—436 *(послание)*, *575*.
«Дамский Журнал»—71, 119.
«Две были и еще одна» В. А. Жуковского — 291 *(сказка гекзаметрами)*, *544*.
«Двенадцать спящих дев» В. А. Жуковского—21 *(Громобой)*, 24, 232, *458*, *530*.
«Двое Фоскари» Д. Г. Байрона—81 *(«Озлобленный»)*, *488*, *489*.
«Двойная ошибка» П. Мериме—346, *560*.
«Девичий сон» П. А. Вяземского—284, *541*.
«Девушка влюбленному поэту» В. И. Туманского—65, 82, *478*, *479*, *490*.
«Дельфина» г-жи Сталь—56, *474*.
«Демон» А. С. Пушкина—112, *502*.
«Демьянова уха» И. А. Крылова—77, *487*.
«Денница», альманах—189—196, 271, *519*, *520*.
«Десять лет изгнания» г-жи Сталь—54—56, 317, *473*, *475*, *553*.
«Детская Библиотека», журнал—354.
«Диатриба доктора Акакия» Вольтера—386, *568*.
«Дмитрий Донской» В. А. Озерова—92, 229, *495*, *529*.
«Дмитрий Самозванец» Ф. В. Булгарина—236, 237 *(исторический роман г. Булгарина)*, 248, 269, 272, 275, *531*, *532*, *539*.
«Дмитрий Самозванец» А. П. Сумарокова—319, *553*.
«Дмитрий Самозванец» А. С. Хомякова—297, *547*.
«Дневник», журнал—304 *(газета)*, 305, *549*.
«Добрый бог» П. Беранже—79, *487*.
«Долина Ажигутай» Султана Газы Гирея—357, *563*.
«Домик в Коломне» А. С. Пушкина—250 *(повесть, писанная октавами)*, *534*.
«Дон Жуан» Д. Г. Байрона—34, 49, 68, 85, 107, 115, 116, 225, 240, *463*, *471*, *481*, *490*, *500*, *528*.
«Дон-Кихот» Сервантеса—73.
«Досуги сельского жителя» Ф. Слепушкина—101, *497*, *498*.
«Дубровский» А. С. Пушкина 305 *(Островский)*, *550*.

«Думы» К. Ф. Рылеева—35, 68, 72—74, *463*.
«Душенька» И. И. Богдановича—40, 61, 215, 466, *476*.

«Евгений Вельский» неизвестного автора—242.
«Евгений Онегин» А. С. Пушкина—34 *(роман в стихах)*, 37 *(новая поэма)*, 39, 42, 44, 46 *(романтическая поэма)*, 49, 51—53, 61, 62, 64, 68, 69, 71, 76—78, 80, 86, 91, 101, 102, 145, 155—158, 162, 180, 220, 237—243, 247, 250, 303, *463*, *464*, *467*, *469*, *471—473*, *478—481*, *483*, *487*, *488*, *498*, *507*, *509*, *531*, *532*, *534*.
«Европеец», журнал—297, 301—304, *547*, *549*.
«Ex ungue leonem» А. С. Пушкина—79 *(эпиграмма на «Благонамеренного»)*, *488*.
Елисей, или Раздраженный Вакх» В. И. Майкова—31, *461*.
«Ермак» И. И. Дмитриева—35, *464*.
«Ермак» А. С. Хомякова—163, 192, 229, *511*, *520*, *530*.

«Жареные каштаны» А. Мюссе—225.
«Жив, жив курилка...» А. С. Пушкина—71, *480*, *482*.
«Живые обмороки, или Погребение Купца» А. А. Орлова—272.
«Жизнь Железного Колпака»—84, 87, *490*.
«Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Л. Стерна—17, *455*.
«Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма» Сент-Бёва—258—268, *538*.
«Жиль Блаз» А. Лесажа—376, *567*.
«Житие В. Ф. Ушакова» А. Н. Радищева—360, *564*.
«Жуковский, Пушкин. О новой политике басен» П. А. Вяземского—72, 82, *483*, *490*.
«Журавли» А. Н. Радищева—319.

«Journal des Debats»—182, 257, *537*.

«Заира» Вольтера—97, 323, *496*, *554*.
«Замечание на краткое обозрение русской литературы 1822 г.» П. А. Вяземского—46 *(замечания на Булгарина)*, *469*.
«Замок Нейгаузен» А. А. Бестужева—45, *468*.
«Записки» Ф. Видока—199, 200, *521*, *522*.
«Записки Чухина» Ф. Булгарина—427, 428, *573*.
«Записки» Джона Теннера—398—419, *570*, *571*.
«Записки парижского палача Сансона»—196, 197, 199, 200, *520*, *521*.
«Записки» Ж. Фуше—64, 65, *478*.
«Защита народа» Д. Мильтона—431.
«Constitutionnel»—119, *505*.
«Княжна Зизи» В. Ф. Одоевского—435, 439, *575*.
«Злой человек» Грессе—63, *478*.

«Иван Выжигин» Ф. В. Булгарина—175, 181, 195, 241, 269—274, *518*, *531*, *538*, *539*.
«Иван Сусанин» К. Ф. Рылеева—73, *484*.
«Ижорский» В. К. Кюхельбекера—294, *545*.
«Изба» Ф. Слепушкина—100, *497*.
«Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» П. А. Вяземского—35 *(его жизнь)*, 46, 47, *464*, *469*, *470*.
«Изменник» А. А. Бестужева—77, *487*.
«Иконокласт» Д. Мильтона—431, *573*.
«Илиада» Гомера—116, 244, 274.
«Илиада» Гомера, в переводе Н. И. Гнедича—66, 100, 173, 180, 199, 209, 243, *480*, *497*, *515*, *517*, *532*.
«Илиада» Гомера, в переводе В. А. Жуковского—192, *514*.

«Илиада» Гомера, в переводе Е. И. Кострова—192, *521*.
«Илиада» Гомера, в переводе Макферсона—251.
«Илья Муромец» М. П. Загорского—90, *494*.
«Именины» Н. Ф. Павлова—350, *561*.
«Искусство любви» Овидия—390, *569*.
«Испанские и итальянские сказки» А. Мюссе—224, 225, *527*.
«Исповедь» Ж. Ж. Руссо—196, *521*.
«Исповедь Наливайки» К. Ф. Рылеева—73, *484*.
«История Государства Российского» Н. М. Карамзина—53, 103, 108, 109, 164, 168, 191, 196, 207, 209, 219, 324, 423, *501*, *513*, *554*.
«История плаваний в южные земли» Бросса—381.
«История поэзии» С. П. Шевырева—355—356, *562—563*.
«История Пугачевского бунта» А. С. Пушкина—341, 343, 351, *559*, *561*.
«История русского народа» Н. А. Полевого—182, 209, 244, 298, 303, 323, *518*, *525*, *532*, *548*.
«История VII века Римской республики» Бросса—381.
«Источник» К. Н. Батюшкова—126.
«Италия сто лет назад» Бросса—382.
«Ифигения в Авлиде» Ж. Расина—228, *529*.

«К Блудову при отъезде его в турецкую армию» В. А. Жуковского—74, *485*.
«К Гнедичу» К. Н. Батюшкова—125.
«К Дашкову» К. Н. Батюшкова—126.
«К другу» К. Н. Батюшкова—128.
«К другу В. А. Жуковскому» И. И. Козлова—71 *(послание)*, *482*.
«К друзьям» К. Н. Батюшкова—120.
«К Жуковскому» К. Н. Батюшкова—136.
«К журнальным близнецам» П. А. Вяземского—48, *470*.
«К милой» А. Г. Родзянко—45 *(похабный мадригал)*, *468*.
«К мнимой счастливице» П. А. Вяземского—101, *498*.
«К Н. М. Муравьеву» К. Н. Батюшкова—139.
«К ним» П. А. Вяземского—173, 244, *515*, *532*.
«К Овидию» («Овидий, я живу близ тихих берегов...») А. С. Пушкина—20, 27, *456*, *459*.
«К портрету Гете» В. А. Жуковского—74, *485*.
«К Пушкину» В. К. Кюхельбекера—30, *461*.
«Кавалерист-девица» Н. А. Дуровой—352 *(записки)*, 371, 372, 426, 435, 437, 438, *562*, *565*, *572*, *575*.
«Кавказский Пленник» А. С. Пушкина—13—15, 18—20, 24, 25, 27, 29, 30, 32—34, 42, 89, 152, 233, 344, *453*, *454*, *456*, *458—463*, *479*, *481*, *493*, *508*.
«Казак-стихотворец» А. А. Шаховского—3, *447*.
«Каин» Д. Г. Байрона—49, 116, *471*.
«Кандид» Вольтера—368, *568*.
«Капитанская дочка» А. С. Пушкина—438, *576*.
«Карелия» Ф. Н. Глинки—183—189, *519*.
«Кинжал» А. С. Пушкина—74, *485*.
«Кларисса Гарлоу» С. Ричардсона—52, 312, 473, *553*.
«Князь Курбский» Б. Федорова—90, *494*.
«Коляска» Н. В. Гоголя—353, *562*.
«Коринна» г-жи Сталь—56, *474*.
«Король Ивето» П. Беранже—371, *565*.
«Король Лир» В. Шекспира—227, 428, *529*.
«Корсар» Д. Г. Байрона—115, 116, *504*.

«Quotidienne», журнал—119, *505*.
«Красавице» В. Гюго, в переводе Деларю—339, 340, *558*.
«Красное и Черное» Стендаля—290, *543*.
«Крестьяне или встреча незванных» А. А. Шаховского—3, *447*.
«Кромвель» В. Гюго—285, 428—432, *541*, *573*, *574*.
«Кто брат, кто сестра? или обман за обманом» А. С. Грибоедова и П. А. Вяземского—34 *(опера)*, *463*.

«Лалла-Рук» Т. Мура—17, 85, *455*, *490*.
«Лафертовская маковница» А. Погорельского—69, *482*.
«Ледяной дом» И. И. Лажечникова—341, 353, 354, *559*, *562*.
«Ленора» Бюргера—308, *551*.
«Листок» Ф. Арно—369, 370, *565*.
«Литературная газета»—181, 184, 197, 199, 201—207, 211, 213, 217, 246—248, 250, 253, 285, 286, 291, 294, 300, *517—520*.
«Литературные листки», журнал—44, *468*.
«Литературные прибавления к Русскому Инвалиду»—373, *424*.
«Ломоносов или Рекрут Стихотворец» А. А. Шаховского—3, *447*.
«Ложный страх» К. Н. Батюшкова—138.
«Лукреция» В. Шекспира—309, *552*.
«Лукреция Борджиа» В. Гюго—375, *567*.
«Любовь в челноке» К. Н. Батюшкова—138.
«Любовь и ненависть» В. Г. Теплякова—395, *570*.
«Людмила» В. А. Жуковского—24, *458*.

«Мадригал Мелине» К. Н. Батюшкова—140.
«Мадригал новой Сафо» К. Н. Батюшкова—139.
«Мазепа» Д. Г. Байрона—172, 173, 235, *530*.
«Манфред» Д. Г. Байрона—116, 308, *504*.
«Мардохай» А. Мюссе—225.
«Марфа Посадница» М. П. Погодина—230—232, 249, 286, 288, 291, 292, 302, *530*, *534*, *541*, *542*, *544*, *549*.
«Масленица» Ф. Слепушкина—100, *497*.
«Медный всадник» А. С. Пушкина—341, *559*.
«Мельник» И. А. Крылова—77.
«Мемуары» Наполеона—65, *478*.
«Мера за меру» В. Шекспира—92, 322, *553—554*.
«Меропа» Вольтера—386, *568*.
«Мертвый осел или обезглавленная женщина» Ж. Жанена—246, *(Осел)*, *533*.
«Метаморфозы» Овидия—234 *(Превращения Овидиевы)*, 390, *569*.
«Метафизик» И. И. Хемницера—145, *507*.
«Мечта» К. Н. Батюшкова—129—132.
«Мечта» В. А. Жуковского—75, *485*.
«Мечта война» А. С. Пушкина—28, *459*.
«Микромегас» Вольтера—17, *454*.
«Миргород» Н. В. Гоголя—359.
«Мирра» В. Альфиери—234, *530*.
«Мнемозина», альманах—93, *495*, *496*.
«Модная жена» И. И. Дмитриева—224, *526*.
«Мои гении» К. Н. Батюшкова—124.
«Мои пенаты» К. Н. Батюшкова—281, *540*.
«Мои темницы» С. Пеллико—420.
«Море» В. А. Жуковского—170, 192, *514*.
«Московский Вестник», журнал—103 *(журнал)*, 104, 118, 144—147, 154, 160, 183, 190, 499, *500*, *505*, *506*, *509*, *510*, *519*.
«Московский Наблюдатель», журнал—353, *422*.

«Московский Телеграф», журнал—64. 66, 69, 72, 78, 79, 82, 104, 146, 147, 160, 165—167, 276, 284, 305, 339, 345, *478*, *479*, *482*, *483*, *487—489*, *500*, *510*, *512*. *513*.
«Мотылек и цветы» В. А. Жуковского—67, *478*.
«Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина—250, 302, 310, 549, *552*.
«Моя родословная» А. С. Пушкина—299, *548*.
«Муравей» И. А. Крылова—113, *502*.
«Мщение» К. Н. Батюшкова—123.
«Мысль» С. П. Шевырева—160, *510*.

«На возвращение графа Зубова из Персии» Г. Р. Державина—75, 76, 112, *486*, *502*.
«На развалинах замка в Швеции» К. Н. Батюшкова—120.
«На смерть князя Мещерского» Г. Р. Державина—75, *486*.
«Надежда» К. Н. Батюшкова—120.
«Наполеон» А. Ламартина—41, *466*.
«Наполеон» А. С. Пушкина—37, 38, 71, *464*, *483*.
«Напрасно говорят, что критика легка...» И. А. Крылова—11, 140, *451*, *508*.
«Нарвский водопад» П. А. Вяземского—83, 84, 87, *490*, *491*.
«Наш друг Фита» А. С. Пушкина—63, *477*.
«Не знаю где, но не у нас...» А. С. Пушкина—108.
«Не напрасно, не случайно...» Ф. Дроздова—247, *532*.
«Невский альманах»—70, 252, *482*, *535*, *536*.
«Невский проспект» Н. В. Гоголя—343, 359, *560*.
«Недовольные» М. Н. Загоскина—427, *572*.
«Недоросль» Д. И. Фонвизина—197, 214, 215, 224, 274, *526*.
«Неизданная переписка Вольтера с президентом де Броссом»—381—387, *567*.
«Неистовый Орланд» Л. Ариосто—61, 92, 232, 333, *476*, *556*.
«Некрология графа Н. П. Румянцева и графа Ф. В. Ростопчина»—103, *499*.
«Нерешительный или семь пятниц на неделе» Н. И. Хмельницкого—30, 461.
«Новый Стерн» А. Шаховского—3, *447*.
«Noël» А. С. Пушкина—27, 29, *496*.
«Нос» Н. В. Гоголя—373, 566.
«Нью-Стидское аббатство» В.—85, 490.

«О Бахчисарайском фонтане не в литературном отношении» П. А. Вяземского—48, *471*.
«О бельих лобках и куньих мордках» М. Т. Каченовского—164, *513*.
«О вражде к просвещению» В. Ф. Одоевского—436, *575*.
«О г-же Сталь и г. А. М-ве» А. С. Пушкина—80, 88, *488*, *492*.
«О движении журнальной литературы» Н. В. Гоголя—376, 422—425, *572*.
«О демократии в Америке» А. Токвиля—399, *570*.
«О жизни и сочинениях В. А. Озерова» П. А. Вяземского—94—99, 118, *496*, *505*.
«О Кавказском Пленнике» П. А. Вяземского—28, *460*.
«О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» В. К. Кюхельбекера—93, 107, 111, *495*, *500*, *501*.
«О подражании Христу»—420.
«О правителе и о литературе» В. Альфиери—99, *496*.
«О разборе трех статей, помещенных в записках Наполеона, написанном Д. Давыдовым» П. А.

Вяземского—79, 80 *(замечания на замечания)*, *488*.
«О разуме» Гельвеция—360, *564*.
«О стихотворстве» А. П. Сумарокова—59, *475*.
«О человеке и его смертности и бессмертии» А. Н. Радищева—364.
«Об обязанностях человека» С. Пеллико — 419 — 421, *571*.
«Об увеселениях Российского Двора» А. Корниловича—45, *468*.
«Обзор французской поэзии XVI века» Сент-Бёва—267, *538*.
«Обозрение Русской словесности 1829 года» И. В. Киреевского—189—196, *519—520*.
«Обозрение русской литературы за 1831 год» И. В. Киреевского—301 *(Ваша статья)*, *549*.
«Обозы» П. А. Вяземского—284,*541*.
«Обрученные» Манцони—296,*546*.
«Одиночество» В. Г. Теплякова—395—397.
«Олег Вещий» К. Ф. Рылеева—27, 73, *459*, *484*.
«Олимпийские оды» Пиндара—94.
«Ольга» П. А. Катенина—308, *551*.
«Она мила, скажу меж нами...» А. С. Пушкина—217.
«Опасный Сосед» В. Л. Пушкина—6, 18, 51, 79, *449*, *456*, *460*, *487*.
«Опыт об английской литературе» Р. Шатобриана—435.
«Опыты» М. Монтэня—352, *501*.
«Опыты в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова—120—144, *505—506*.
«Орлеанская дева» Ф. Шиллера—23, *457*.
«Орлеанская девственница» Вольтера—61, 331 *(Дева)*, 336 *(циничная поэма)*, 441 *(сочинение об Орлеанской героине)*—442, *476*, *557*, *577*.
«Оружие любви» Кальдерона—226, *529*.
«Осада Коринфа» Д. Г. Байрона—115, *504*.
«Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо—330, *556*.
«Осенние листья» В. Гюго—301, *548*.
«Осьмнадцатое столетие» А. Н. Радищева—319, 364.
«Ответ Гнедичу» К. Н. Батюшкова—136.
«Ответ Тургеневу» К. Н. Батюшкова—136.
«Отелло» В. Шекспира—92, 323, *554*.
«Отрывки г-жи Сталь о Финляндии с замечаниями» А. Муханова—54—56, 88, *474*, *475*, *492*.
«Отрывки о Кавказе» А. Я.—89, *493*.

«Памятник дактило-хореическому рыцарю» А. Н. Радищева—316, 364 *(суждение о Телемахиде)*; *553*, *565*.
«Палей» К. Ф. Рылеева—65, *479*.
«Паризина» Д. Г. Байрона—43, 115, *467*.
«Первый снег» П. А. Вяземского—9, 10, 26, *450*, *459*.
«Переход через Рейн» К. Н. Батюшкова—142, 143.
«Переход через реку, приключение Брамина Параматры» В. Титова—146, *507*.
«Пери и ангел» Т. Мура—21, *457*.
«Перчатка» Ф. Шиллера—291, *544*.
«Пилигрим» В. Скотта—291.
«Поликратово кольцо» Ф. Шиллера—291, *544*.
«Песнь Гаральда Смелого» К. Н. Батюшкова—137.
«Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина—64, *478*.
«Петербург и Москва» Н. В. Гоголя—314, *553*.
«Петр Великий в Острогожске» К. Ф. Рылеева—73, *484*.
«Петр Великий» С. Ширинского-Шихматова» В. К. Кюхельбекера—82 *(разбор)*, 90 *(разбор)*, *489*, *494*.
«Петр I» М. П. Погодина—292, 302, *544*, *549*.

«Петр Иванович Выжигин» Ф. В. Булгарина—272, 289, *538*, *542*.
«Петрарка и Ломоносов» С. Е. Раича—114, *503*, *504*.
«Пир во время чумы» А. С. Пушкина—250, 292, *544*.
«Письмо к гр. С. И. С. о русских поэтах» П. А. Плетнева—61, 62, *476*, *477*.
«Письмо к сочинителю критики на поэму Руслан и Людмила» Д. П. Зыкова—11, 140 *(вопросы неизвестного)*, *451*, *508*.
«Пленный» К. Н. Батюшкова—126, 127.
«Плок и Плик» Е. Сю—290, *543*.
«Повести Белкина» А. С. Пушкина—254, *534*.
«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя—310, *552*.
«Поездка в Германию» Н. И. Греча—269, *539*.
«Пожарский» М. Крюковского—229, *529*.
«Поздравительное письмо графу Г. Г. Орлову» М. В. Ломоносова—317, *553*.
«Полидор» М. В. Ломоносова—317, *553*,
«Полтава» А. С. Пушкина—161, 172, 173, 191, 210, 234, 235, 302, *511*, *515*, *520*, *525*, *530*.
«Полярная Звезда», альманах—27—31, 37, 44, 45, 50, 61, 68, 70. *459*, *460*, *467—469*, *475*, *481*, *482*.
«Понтийские элегии» Овидия—390, *569*.
«Порция» А. Мюссе—225.
«Послание Г. Вельегорскому» К. Н. Батюшкова—134, 135.
«Послание к А. И. Тургеневу» К. Н. Батюшкова—136, 137.
«Послание к Д. Давыдову» П. А. Вяземского—33, *462*.
«Послание к Ермолову» В. К. Кюхельбекера—23, 70, *458*, *482*.
«Послание к Жуковскому и Вяземскому» К. Н. Батюшкова—133, 134.
«Послание к И. И. Дмитриеву» П. А. Вяземского—9, *450*, *460*.
«Послание к М. Т. Каченовскому» П. А. Вяземского—17, *455*.
«Послание к N. N. О наводнении Петрополя 1824 г. 7 ноября» Д. И. Хвостова—64 *(послание)*, *478*.
«Послание к Одесским друзьям» В. И. Туманского—113, *503*.
«Послание к Пизонам» Горация—225, *528*.
«Послание к А. С. Пушкину» П. А. Плетнева—24, 25, *459*.
«Послание к Тургеневу» К. Н. Батюшкова—135.
«Послание к Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») А. С. Пушкина—14, 17, 70, *454*, *455*, *457*, *482*.
«Послание к Юрьеву» А. С. Пушкина—217.
«Последний день осужденного» В. Гюго—246, *533*.
«Последний Новик» И. И. Лажечникова—341 *(первый роман)*, 353, *559*.
«Последняя песнь Странствований Чайльд-Гарольда» А. Ламартина—71, *483*.
«Последняя весна» К. Н. Батюшкова—125.
«Потерянный рай» Д. Мильтона—113, 427, 433, 434, *502*, *572*.
«Поэт» А. С. Пушкина—145, 146, *507*.
«Поэтическое искусство» Буало—59, 333 *(Коран Буало)*, 334, *475*, *557*.
«Поэтические и религиозные размышления» А. Ламартина—35, *(думы)* *463*.
«Превращенный урод» Д. Г. Байрона—116, *504*.
Предисловие Лемонте к переводу басен И. А. Крылова—57—60, 84, *475*, *476*, *490*.
«Привидение» К. Н. Батюшкова—123.

«Признание» Е. А. Баратынского—44, *468*.
«Примадонна и подручный мясник» Бюра де Гюржи—296, *546*.
«Приятелям» А. С. Пушкина—62, 79, *477*, *488*.
«Проделки Скапена» Ж. Мольера—384, *568*.
«Простонародные песни нынешних греков», переведенные Н. И. Гнедичем—66 *(песни греческие)*, *480*.
«Простосердечный ответ» П. А. Вяземского—62, *477*.
«Пустодомы»—А. А. Шаховского—8 *(дурная комедия)*, *449*.
«Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева—313—321, 361—369, *552*, *564*.
«Путешествие N. N. в Париж и Лондон» И. И. Дмитриева—356—357, *564*.
«Путешествие ко святым местам» А. Н. Муравьева—345, *560*.
«Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола—34, 36, *463*.

«Радость» К. Н. Батюшкова—139.
«Разбойники» Ф. Шиллера—376, *567*.
«Разбор поэмы Руслан и Людмила» А. Ф. Воейкова—11, 140 *(статья пространная)*; *451*, *508*.
«Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или Васильевского Острова» П. А. Вяземского—41, 42, 47, *466*, *470*, *472*.
«Разговор поэта с книгопродавцем» А. С. Пушкина—65, *479*.
«Разговор с г. Булгариным» В. К. Кюхельбекера—93, *496*.
«Разговор у княгини Халдиной» Д. И. Фонвизина—197, 198, *521*.
«Разговоры Байрона»—52, 64, *478*.
«Разлука» К. Н. Батюшкова—125, 137.
«Рассуждение о старом и новом слоге» А. С. Шишкова—326.
«Расхищенные шубы» А. А. Шаховского—3, *448*.
«Ревельский турнир» А. А. Бестужева—77, *487*.
«Ревизор» Н. В. Гоголя—359, 436.
«Редеет облаков летучая гряда...» А. С. Пушкина—50, *472*.
«Религиозные гармонии» А. Ламартина—224, *527*.
«Ренике фукс» («Рейнеке-Фукс»), средневековая поэма—61.
«Рейнеке-Фукс» В. Гете—333, 476, *556*.
«Родина» П. А. Плетнева—45, *469*.
«Родрик—последний из готов» Р. Соути—21, *457*.
«Роман и Ольга» А. А. Бестужева—30, *461*.
«Романсы о Сиде (Из Гердера)» П. А. Катенина—309, *551*.
«Ромео и Джульета» В. Шекспира—169, 428, *514*.
«Рославлев или Русские в 1812 году» М. Н. Загоскина—292, 296, *544*, *546*.
«Россиада» М. М. Хераскова—5.
«Рука всевышнего отечество спасла» Н. В. Кукольника—339 *(Рука)*, *558*.
«Руслан и Людмила» А. С. Пушкина—9, 15, 18, 27, 29, 30, 32, 42, 89, 148—152, 232, 242, *450*, *455*, *456*, *461*, *462*, *493*, *507*, *508*, *530*.
«Русская грамматика» Н. И. Греча—269, *539*.
«Русская идиллия» А. А. Дельвига—338.
«Русская Талия», альманах—71, *483*.
«Рыбаки» Н. И. Гнедича—18, *456*.

«Сарданапал» Д. Г. Байрона—108, *500*.
«Сатирик и поэт любовный» А. С. Пушкина—87.
«Сафические строфы» А. Н. Радищева—319

«Светлана» В. А. Жуковского—24, *458*.
«Светляк и змея» И. И. Дмитриева—253, *536*.
«Свободы сеятель пустынный» А. С. Пушкина—38, 39.
«Святки» Ф. Слепушкина—100, *497*.
«Северная Лира», альманах—113, 114, *503*.
«Северная Пчела», газета—67, 79, 89, 153, 159, 202—204, 218, 221, 222, 241, 246, 247, 251, 257, 258, 271, 273—278, 283, 284, 287, 298, 305, 422, 424, 426, *481*, *509*, *523*, *524*, *527*, *531*, *537*.
«Северные Цветы», альманах—49, 61, 65, 70, 145, 154, 160, 170, 221, 248, 285, 287, 293, 294, 297, 298, 301, *471*, *476*, *479*, *507*, *511*, *514*, *527*, *544*, *545*, *548*.
«Северный Архив», журнал—44, 273, 279, *468*.
«Северный Меркурий», альманах—257, 258, *537*.
«Село Михайловское или помещик XVIII столетия» В. С. Миклашевич—421, *571*, *572*.
«Семира» А. П. Сумарокова—319, *553*.
«Семь пятниц на неделе» П. А. Вяземского—101, *498*.
«Сен-Марс» А. де Виньи—300, 428, 431—433, *548*, *573*, *574*.
«Сентиментальное путешествие» Л. Стерна—110, *501*.
«Сетования Тасса» Д. Г. Байрона—143, 144.
«Сид» П. Корнеля—21, 80, 172.
«Сид» П. Корнеля, в переводе П. А. Катенина—21. *457*.
«Сильфида» В. Ф. Одоевского—439, *576*.
«Сказка о Золотом Петушке» А. С. Пушкина—351, *561*.
«Сказка о спящей царевне» В. А. Жуковского—301, *549*.
«Скорби» Овидия—390, 391, *569*.
«Скупой» Мольера—322, *553*.
«Славянин», журнал—160, *511*.
«Слово о полку Игореве»—324—329, 332, 337, *554*, *555*.
«Смерть Авеля» С. Геснера—327.
«Смерть Ролла» А. Коцебу—23, 458.
«Собор Парижской богоматери» В. Гюго—290, *543*.
«Собрание сочинений Георгия Конисского» А. С. Пушкина—421, *572*.
«Современник», журнал—372, 376, 421, 426.
«Сокол был бы Сокол, да курица его съела, или Бежавшая жена» А. А. Орлова—272.
«Сон могольца» К. Н. Батюшкова—138.
«Сотворение мира» М. В. Милонова—14, *453*.
«Сегелиель» В. Ф. Одоевского—436, *575*.
«Сочинения и переводы в стихах» П. А. Катенина—307—309, *551*, *552*.
«Сражение с Змием» В. А. Жуковского—293 *(гекзаметрическая сказка)*, *544*.
«Старая быль» П. А. Катенина—309, *551*.
«Старосветские помещики» Н. В. Гоголя—359.
«Стихотворения» (1827) Е. А. Баратынского—111, *501*.
«Стихотворения» (1824) В. А. Жуковского—74, *485*.
«Стихотворения» (1826) А. С. Пушкина—67 *(моя рукопись)*, 69, *480*, *482*.
«Стихотворения» (1822) В. Л. Пушкина—29, *460*, *472*.
«Стокгольм, Фонтенебло и Рим» А. Дюма-отца—250, *535*.
«Странник» А. Ф. Вельтмана—289, 291, *542*, *543*.
«Странствователь и домосед» К. Н. Батюшкова—140—142.
«Суд в подземелье» В. А. Жуковского—297 *(песнь из Marmion)*, *547*.
«Сципион Африканский» Ф. Петрарки—114.
«Счастливец» К. Н. Батюшкова—138.
«Сын Отечества», журнал—10, 11, 14, 22, 41, 55, 57, 67, 151, 269, 271, 273, 275, 277, 278, 422, *466*, *467*, *474*, *508*, *538*.

«Таврида» К. Н. Батюшкова—125, 281, *540*.
«Таврида или мой летний день в Таврическом Херсонесе» С. С. Боброва—14, 36, *454*, *464*.
«Тарас Бульба» Н. В. Гоголя—359.
«Тарентинская дева (Из А. Шенье)» Н. И. Гнедича—28, *450*.
«Тартюф» Мольера—76, 113, 216, 322, *553*.
«Театр Клары Газюль»—П. Мериме—346. *560*.
«Телега жизни» А. С. Пушкина—66, *479*.
«Телемахида» В. К. Тредьяковского—313, 316, 319, 320, *552*, *553*.
«Телескоп», журнал—269, 270, 276, 284, 286, 297, 305, 422, 425, *538*, *539*.
«Теньдруга» К. Н. Батюшкова—124.
«Тереза и Фальдони» Н. Леонара, в переводе М. Каченовского—165, *513*.
«Тибуллова Элегия III» К. Н. Батюшкова—124.
«Торжество победителей» Ф. Шиллера, в переводе В. А. Жуковского—192.
«Торкватто Тассо» Н. В. Кукольника—339, *558*.
«Торрисмондо» Т. Тассо—128.
«Трактат о механическом образовании языков» Бросса—381.
«Трактат о культе богов-фетишей» Бросса —381.
«Три повести» Н. Ф. Павлова—350, *561*.
«Тригорское» Н. М. Языкова—103, 104, *499*.
«Трудолюбивая Пчела», журнал—424.

«Убийца» П. А. Катенина—153, 308, 309, *509*, *551*.
«Умирающий поэт» А. Ламартина—41, 43, *466*, *467*.
«Умирающий Тасс» К. Н. Батюшкова—143.
«Уныние» П. А. Вяземского—9, 10, 173, 193, *450*, *515*, *520*.
«Урания», альманах—146, 147,*507*.
«Устрица и сутяга» Ж. Лафонтена—384, *568*.
«Утешение г-ну Дюперье по случаю кончины его дочери» Ф. Малерба—12, *452*.
«Утешения» Сент-Бёва — 247, 258—268, 301, *538*, *548*.
«Утешенная вдова» Я. Б. Княжнина—96, *496*.

«Фанатизм или Магомет» Вольтера—97, *496*.
«Фауст» В. Гете—113, 116, 308, 324, 357, *504*.
«Федра» Ж. Расина—214, 226, 467, *529*.
«Федра» Ж. Расина, в переводе М. Е. Лобанова—43,*467*.
«Фелица» Г. Р. Державина—75, *486*.
«Фиглярин, вот поляк примерный...» А. С. Пушкина—290.
«Филиппики» Демосфена—150.
«Филоктет» Ж. Лагарпа—80, 172, *488*, *514*.
«Филоктет» Софокла—227, *529*.
«Фингал» В. А. Озерова—8 *(несовершенные творения...)*, 28, 98, *460*, *496*.
«Фортунат» Л. Тика, в переводе А. А. Шишкова—303, *549*.
«Фрагменты древней поэзии», изданные Макферсоном—243, 244 *(стихотворения Оссиана)*, *535*.
«Фракийские элегии» В. Г. Теплякова—388—397, *569*.

«Хамелеонистика» А. Ф. Воейкова—276, 425, *540*, *572*.
«Хвастун» Я. Б. Княжнина—96, 234, 496, *530*.
«Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина» А. А. Орлова—274, *538*.
«Хроника времен Карла IX» П. Мериме—347, *560*.
«Хроника русского в Париже» А. И. Тургенева—372, 373, *566*.

«Цыганы» А. С. Пушкина—51, 61, 62, 74, 86, 91, 101, 144, 233, *472*, *476*, *479*, *485*, *491*, *498*, *506*, *530*.

«Чайльд-Гарольд» Д. Г. Байрона—49, 50, 113, 115, 116, 243, 324, 388, 392, 471, 472, *569*.
«Человек полей» Ж. Делиля—113, *502*.
«Черная шаль» А. С. Пушкина—14, *454*.
«Чернец» И. И. Козлова—71 *(поэма)*, 72, *482*, *483*.
«Черта местности» П. А. Вяземского—61, *477*.
«Четьи-Минеи»—289.
«Что нужды, говорит расчетливый Свиньин...» П. А. Вяземского—82, *489*.

«Шекспировы духи» В. К. Кюхельбекера—89, 90, *493*.
«Шесть месяцев в России» Ж. Ансело—107, *500*.
«Шильонский узник» Д. Г. Байрона—115.
«Шильонский узник» Д. Г. Байрона, в переводе В. А. Жуковского—21—23, 24 *(перевод Жуковского)*, 37, *457*, *458*.

«Эда» Е. А. Баратынского—52 *(Чухонка Баратынского)*, 53, 65, 100, 154, 194, 281, 282, *473*, *479*, *497*, *520*, *540*.
«Эдинбургское Обозрение», журнал—66, 99, 257, *479*, *497*, *537*.
«Эдип» Софокла—97, 227, *496*, *529*.
«Эдип в Афинах» В. А. Озерова, 8 *(несовершенные творения...)*, 97, 98, *496*.
«Элегия» В. И. Туманского—65, *479*.
«Элегия из Тибулла» К. Н. Батюшкова—121.
«Элегия на смерть Анны Львовны» А. С. Пушкина и А. А. Дельвига—70, 86, *482*, *491*.
«Элоиза к Абеляру» Колардо, в переводе В. А. Озерова—96, *496*.
«Энеида» Вергилия—330.
«Энциклопедический лексикон» А. П. Плюшара—338—340, *557*, *559*.
«Эрасту (Сатира на игроков)» Великопольского—159 *(ваши стансы)*.
«Эрнани» В. Гюго—247, *534*.
«Эсфирь» Ж. Расина—113, 119, *502*, *505*.

«Юрий Милославский» М. Н. Загоскина—182, 183, 243, 244, *518*, *519*, *532*.

«Ятаган» Н. Ф. Павлова—350, *561*.

«Ad Pisones»—см. «Послание к Пизонам».
«Ars amandi»—см. «Искусство любви».

«Barnave»—см. «Барнав».
«Beppo»—см. «Беппо».

«Child Harold»—см. «Чайльд-Гарольд».
«Cinq-Mars»—см. «Сен-Марс».
«Conversations de lord Byron»—см. «Разговоры Байрона».
«Conversation Lexikon»—см. «Энциклопедический лексикон».
«Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses»—см. «Неизданная переписка Вольтера с президентом де Броссом».

«Deffensio Populi»—см. «Защита народа».
«Dix ans d'exil»—см. «Десять лет изгнания».

«Edimbourg Review»—см. «Эдинбургское Обозрение».
«Essays»—см. «Опыты».

«Harmonies réligieuses»—см. «Религиозные гармонии».

«Histoire de navigations aux terres australes»—см. «История плаваний в южные земли».
«Histoire du VII siècle de la République Romaine»—см. «История VII века Римской республики».
«I promessi sposi»—см. «Обрученные».
«Inferno»—см. «Ад».

«La Diatribe du Dr. Akakias»—см. «Диатриба доктора Акакия».
«La primadonna et le garçon boucher»—см. «Примадонна и подручный мясник».
«Le bon Dieu» — см. «Добрый бог».
«Le dernier chant de Pélèrinage d'Harold» — см. «Последняя песнь Странствований Чайльд-Гарольда».
«Le roi d'Ivetot»—см. «Король Ивето».
«Les Consolations»—см. «Утешения».
«Les feuilles d'automne»—см. «Осенние листья».
«Les marrons du feu»—см. «Жареные каштаны».
«L'homme des champs»— см. «Человек полей».
«L'Italie il y a cent ans»—см. «Италия сто лет назад».

«Manfred»—см. «Манфред».
«Mardoche»—см. «Мардох».
«Mémoires de lord Byron» — см. «Записки Байрона».

«Notre Dame de Paris»—см. «Собор Парижской богоматери».
«Orlando furioso»— см. «Неистовый Орланд».
«Orlando inamorato»—см. «Влюбленный Роланд».

«Philippis»—см. «Филиппики».
«Plock et Plick»—см. «Плок и Плик».
«Porcia»—см. «Порция».
«Pucelle»—см. «Орлеанская девственница».

«Rouge et Noir»—см. «Красное и Черное».
«Tableau historique et critique de la poésie Française»—см. «Обзор французской поэзии XVI века».
«Torrismondo»—см. «Торрисмондо».
«Traité de la formation mécanique des langues»—см. «Трактат о механическом образовании языков».
«Traité du culte des dieux fétisches» — см. «Трактат о культе богов-фетишей».
«Tristia»—см. «Скорби».

«Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme»—см. «Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма».

3. Указатель имен

А б е л я р (1079—1142) — средневековый французский философ. Несчастная любовь Абеляра к его ученице Элоизе послужила сюжетом героиды Ш. Колардо «Элоиза к Абеляру».—96.

А в г у с т Октавиан (63 до н. э.—14 н. э.)—римский император.—76.

А г а м е м н о н—мифический предводитель греков в Троянской войне, герой «Илиады» Гомера.—228.

А г р и п п а Н е т т е с г е й м с к и й (1486—1535)—рыцарь, ученый и философ алхимик, слывший магом и «чернокнижником».—182.

А д и с с о н Ж. (1672—1719)—английский писатель и издатель ряда журналов, из которых наибольшей известностью пользовался «Spectator» (1711—1713).—75, 251.

А л е к с а н д р I (1777—1825)—русский император с 1801 г.—76, 99; 282 *(покойный император)*; 361, 363.

А л е к с а н д р Н е в с к и й (1220—1263)—древнерусский великий князь.—219.

А л е к с а н д р о в—см. Дурова Н.

А л ь ф и е р и В. (1749—1803)—итальянский драматург, автор трагедий: «Филипп», «Брут», «Заговор Пацци» и др. Трактат Альфиери «О правителе и о литературе» сохранился в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 138).—60, 75, 80, 99, 116, 172, 240, 330. См. также в указателе произведений: «Мирра», «О правителе и о литературе».

А н а к р е о н (VI—V века до н. э.)—древнегреческий поэт. 131—330.

А н н а И о а н н о в н а (1693—1740)—русская императрица с 1730 г.—354.

А н с е л о Ж. (1794—1854)—французский публицист и драматург, посетивший Россию во время коронации Николая I и издавший книгу «Шесть месяцев в России», переведенную на несколько языков, но запрещенную в России.—102, 107, 273. См. также в Указателе произведений: «Шесть месяцев в России».

А р ж а н т а л ь Ш., граф (1700—1788)—советник парижского парламента (суда), друг Вольтера.—383, 386.

А р и о с т о Л. (1474—1533)—итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Орланд». Пушкин уже к 1814 г. был знаком (вероятно, во францув-

ском переводе) с поэмой Ариосто. Влияние ее сказалось в «Руслане и Людмиле». В 1826 г. Пушкин перевел из «Неистового Орланда» несколько строф XXIII песни. Как видно из переписки и статей Пушкина (см. №№ 93, 306 и др.), он считал Ариосто одним из родоначальников романтизма и «гением народной поэзии».—21, 61, 73, 74, 76, 92, 118, 153, 215, 232, 333. См. также в Указателе произведений: «Неистовый Орланд».

Аристотель (384—322 до н. э.)—древнегреческий ученый и философ. Говоря о «сетях Аристотеля», Пушкин имел в виду правила поэтического творчества, сформулированные комментаторами «Поэтики» Аристотеля, оказавшей огромное влияние на французскую «классическую» поэзию.—35, 41, 292, 331, 332.

Арно А. (1766—1834)—французский поэт и драматург, изгнанный в 1816 г. Бурбонами из Франции за приверженность к Наполеону; был популярен в России, где произведения его переводились Д. В. Давыдовым, В. А. Жуковским, И. И. Дмитриевым и др. Пушкин ценил «остроумные» и «грациозные» басни Арно, отрицая в нем талант драматурга (см. Ю. Г. Оксман, «Пушкин и Арно»—*ПС*, вып. XXVIII, стр. 87).—369, 370.

Арно Ф. (1718—1805)—французский романист и драматург сентиментального направления.—377.

Байрон Д. Г., лорд (1788—1824)—английский поэт. Знакомство Пушкина с поэзией Байрона относится к 1820 г. Пушкин очень слабо знал тогда английский язык и, повидимому, читал английские тексты en regard с французскими (печатались в Bibliothéque Universelle). В 1821 г. Пушкин сам пытался переводить на французский язык «Гяура» Байрона, но быстро отказался от этого замысла (см. «Неизданный Пушкин», П., 1922, стр. 130).

В годы создания ранних поэм Пушкин, по собственному признанию, «с ума сходил от Байрона». Он называет поэзию Байрона «богатырской и мрачной» (см. № 13), восхищается «Шильонским узником», сравнивает «Федру» Расина с «Паризиной» Байрона и отдает полное предпочтение последней (№ 52), и, наконец, сам указывает на зависимость первой главы «Евгения Онегина» от «Беппо» Байрона (№ 51). Но уже с 1824 г. отношение Пушкина к Байрону переходит в стадию трезвого анализа и спокойного обсуждения достоинств и недостатков его поэзии. «Гений Байрона бледнел с его молодостью... В своих трагедиях... он уже не тот пламенный демон, который создал «Гяура» и «Чильд Гарольда»... (№ 63). К середине 20-х гг. Байрон отступает в его сознании перед Шекспиром. Сопоставляя их, Пушкин уже находит неестественным однообразие, подчеркнутый лаконизм и непрерывную ярость героев Байрона. Пушкин детально анализирует его поэтические приемы, бросая ряд глубоких и тонких замечаний о процессе создания характеров в драматических произведениях Байрона и приходит к выводу, что «Байрон никогда не заботился о планах своих произведений... Несколько сцен, между собою связанных... были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин... Драматическая часть в его поэмах не имеет никакого достоинства». Секрет этого в том, что Байрон постиг только один характер. «Он бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отвратился от них и погрузился в самого себя». В дальнейшем Пушкин неоднократно возвращался к «очаровательной и глубокой поэзии» Байрона. Немногие из поэтов интересовали его в такой степени, как Байрон. Все главнейшие произведения его получили ту или иную оценку Пушкина. В 1835 г. Пушкин начал писать биографию Байрона, но не закончил ее. В библиотеке Пушкина

сохранились сочинения Байрона на английском языке и во французском переводе, его «Мемуары», «Письма», «Разговоры» и ряд книг, касающихся Байрона (*ПС*, вып. IX—X, стр. 181—183).—13, 19, 24, 42, 43, 49—52, 64, 65, 68, 70, 71, 75, 81, 82, 85, 91, 106—108, 111, 113, 115, 116, 143, 153, 163, 169, 172, 173, 180, 195, 211, 214, 215, 225, 233, 235, 300, 308, 324, 346—351, 357, 388. См. еще в Указателе произведений: «Абидосская невеста», «Беппо», «Воспоминания лорда Байрона», «Гяур», «Двое Фоскари», «Дон-Жуан», «Каин», «Корсар», «Мазепа», «Манфред», «Осада Коринфа», «Паризина», «Превращенный урод», «Сарданапал», «Чайльд-Гарольд», «Шильонский узник».

Байрон Г. (1723—1786)—вице-адмирал, дед поэта.—347, 348.

Байрон Е., урожденная Гордон (род. 1765)—мать поэта.—347—349.

Бакон Веруламский —см. Бэкон.

Балланш Р. (1776—1847)—французский поэт и публицист, автор ряда социально-политических и философских трактатов.—375.

Бальзак О. (1799—1850)—французский романист. В 1830 г. вышли его «Сцены из частной жизни», в 1831 г.—«Шагреневая кожа», в 1832 г.—«Луи Ламбер», в 1833 г.—«Серафита» и «Евгения Гранде», в 1834 г.—«Отец Горио», в 1833—1835 гг.—«История Тринадцати», в 1835 г.—«Лилия в долине» и др. За это же время Бальзак напечатал в различных сборниках множество повестей. С 1832 г. произведения Бальзака стали часто переводить на русский язык. Пушкин, видимо, не любил Бальзака и ставил его ниже А. Карра (см. стр. 304); «Физиологию брака» (1829) в одном из прозаических отрывков он называет «неблагопристойной» книгой. В статье «Мнение Лобанова... » (1836) Пушкин говорит о Бальзаке как о типичном представителе «новейшей» французской литературы, не оказавшей, по его мнению, влияния на русскую литературу. Подробнее см. *ПХ*, стр. 245—252 и *ПВ*, т. V, стр. 383. В библиотеке Пушкина сохранились сочинения Бальзака на французском языке (*ПС*, вып. IX—X, стр. 147—148) и в русском переводе (ib., стр. 4).—304, 377.

Барант А. (1785—1866)—французский историк и публицист, с 1834 г.—посланник в России. Важнейшие произведения: «Картина французской литературы XVIII века» (1821), «История герцогов бурбонских из дома Валуа» (1824—1826). Некоторые труды Баранта сохранились в библиотеке Пушкина.—375, 439.

Баратынский Е. А. (1800—1844)—один из наиболее ценимых Пушкиным поэтов-современников. Об особой любви Пушкина к поэзии Баратынского свидетельствуют воспоминания С. П. Шевырева, К. А. Полевого, А. П. Керн и др., письма самого Пушкина, его стихотворения (см. стр. 582), статьи и черновые заметки. Пушкин уже в 1822 г. писал, что Баратынский превзойдет и Парни, и Батюшкова. Выход «Эды» вызвал восторженные отклики со стороны Пушкина, считавшего эту поэму одним из самых оригинальных произведений русской элегической поэзии. Трижды принимался Пушкин за статью о Баратынском (1827, 1828, 1831), но каждый раз она оставалась незаконченной. Непопулярность поэзии Баратынского у читателей Пушкин объяснял плачевным состоянием русской критики. К началу 30-х годов во взаимоотношениях поэтов произошло постепенное охлаждение. Отзывы Баратынского о Пушкине в письмах к И. В. Киреевскому (см. Татевский сборник, 1891, стр. 41, 42, 49) говорят о наметившемся различии их литературных позиций, которое вскоре сказалось в том, что Баратынский примкнул к редакции «Московского Наблюдателя», литературно-общественная платформа которого была чужда Пушкину

(о предполагаемом «сальеризме» Баратынского см. «Рассказы о Пушкине», М. 1925, стр. 28, 79).—12, 13, 17, 22, 23, 27, 37, 44, 45, 51—53, 65, 71, 75, 100, 105, 111, 113, 153—155, 159, 175, 193, 194, 203, 250, 279—282, 285, 288, 293, 297, 298, 301, 302, 305, 311, 437. См. также в Указателе произведений: «Бал», «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры», «Признание», «Стихотворения» (1827), «Эда».

Барков И. (1732—1768)—поэт и переводчик, автор многочисленных порнографических стихотворений («Все возмутительные [т. е. революционные.—*Н. Б.*] рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова...»—писал Пушкин Вяземскому 10 июля 1826 г.). Пушкину-лицеисту принадлежит совершенно непристойная поэма «Тень Баркова».—131.

Батюшков К. Н. (1787—1855)—поэт. Влияние Батюшкова на раннее творчество Пушкина общеизвестно. Первоначально Пушкин относился к нему с безусловным поклонением, но уже в середине 20-х годов изменил свой взгляд на творчество Батюшкова и ставил Баратынского выше его. «Уважим в нем несчастия и несозревшие надежды» (Пушкин—Рылееву, 1825, см. № 77). Несколько позднее, в маргиналиях на «Опытах» Батюшкова Пушкин подверг острому анализу его поэтические принципы и приемы. В последние годы Пушкин, по свидетельству Вяземского, разлюбил Батюшкова (см. собрание сочинений Вяземского, т. I, стр. 160). Вероятно Пушкину принадлежит примечание к повести Батюшкова «Преслава и Добрыня», помещенной в «Северных Цветах» на 1832 г.: «Повесть сия сочинена Батюшковым в деревне (1810 года) и подарена одному любителю словесности, которому свидетельствуем искреннюю благодарность за доставление сей рукописи и за позволение напечатать оную. Может быть, найдут в этой повести недостаток создания и народности, может быть, скажут, что в ней не видно древней Руси и двора Владимирова; как бы то ни было, но поэтическая душа Батюшкова отсвечивается в ней, как и в других его произведениях, и нежные, благородные чувствования выражены прекрасным, гармоническим слогом».—5, 12, 17, 23, 25, 40, 61, 72, 111, 120, 122, 123, 125, 126, 128, 129, 131, 134—136, 138, 139, 143, 156, 184, 237, 281 *(Певец пенатов и Тавриды»)*. См. еще в Указателе произведений: «Беседка муз», «В день рождения N. N.», «Видение на берегах Леты», «Воспоминание», «Выздоровление», «Гезиод и Омир—соперники», «Источник», «К Гнедичу», «К Дашкову», «К другу», «К друзьям», «К Жуковскому», «К Н. М. Муравьеву», «Ложный страх», «Любовь в челноке», «Мадригал Мелине», «Мадригал Новой Сафо», «Мечта», «Мой гений», «Мои пенаты», «Мщение», «На развалинах замка в Швеции», «Надежда», «Опыты в стихах и в прозе», «Ответ Гнедичу», «Ответ Тургеневу», «Переход через Рейн», «Песнь Гаральда Смелого», «Пленный», «Послание Г. Вельегорскому», «Послание А. И. Тургеневу», «Послание к Жуковскому и Вяземскому», «Последняя весна», «Привидение», «Радость», «Разлука», «Сон Могольца», «Странствователь и домосед», «Счастливец», «Таврида», «Тень друга», «Тибуллова элегия», «Умирающий Тассо».

Бахтин Н. И. (1796—1869)—литературный критик, издатель сочинений П. А. Катенина.—307.

Баярдо М. (1434—1494)—итальянский поэт, автор поэмы «Влюбленный Орланд» (1486), продолжением которой явилась поэма Ариосто «Неистовый Орланд».—73. См. также в Указателе произведений: «Влюбленный Орланд.»

Безобразова—вероятно, Пушкин в письме к жене (№ 361) имел в виду мать ротмистра С. Д. Безобразова.—437.

Белинский В. Г. (1811—1848)—критик и публицист. При жизни Пушкина Белинский напечатал в «Телескопе» и в «Молве»—«Литературные мечтания» (1834), «О русской повести и повестях Гоголя» (1835), «Ничто и ничем», «О критике и литературных мнениях Московского Наблюдателя» (1836) и ряд рецензий, среди них отзывы о повестях Пушкина, о четвертой части стихотворений Пушкина, о двух первых томах «Современника» и о переводе «Вастолы», изданном Пушкиным (см. № 336). Пушкинский набросок плана статьи «О ничтожестве литературы русской» (см. стр. 555) и целый ряд положений в его заметках, объединенных условным названием «О русской литературе с очерком французской» (№ 306), во многом сходны с положениями, подробно и широко развитыми Белинским в «Литературных мечтаниях». Возможно, что Пушкин отказался от мысли закончить и напечатать эти заметки по прочтении статьи Белинского. Несмотря на то, что Белинский писал уже тогда о «закате таланта» Пушкина, сухо отзывался о его прозе и резко отрицательно отнесся ко 2-му тому «Современника», Пушкин в «Письме в редакцию» 1836 г. (№ 351) жалел, что, говоря о «Телескопе», Гоголь не упомянул о Белинском, который «обличает талант, подающий большую надежду». Отметив независимость его мнений, его остроумие, Пушкин предсказывал, что в лице Белинского литература будет иметь при известных условиях «критика весьма замечательного». Свидетельства современников (И. И. Панаев, П. Я. Чаадеев и др.) и письмо Нащокина к Пушкину (см. стр. 576) говорят о весьма благожелательном отношении Пушкина к Белинскому, которого он намеревался привлечь к работе в своем «Современнике». Белинский и сам в письме к Гоголю в 1842 г. указывает на это, говоря, что его лучшее достояние—«несколько приветливых слов Пушкина», дошедших до него «из верных источников» (Письма Белинского, т. II, стр. 310). В библиотеке Пушкина уцелели отдельные номера «Телескопа» и «Молвы» со статьями Белинского. В них разрезаны именно те страницы, на которых находятся статьи и рецензии Белинского (*ПС*, вып. IX—X, стр. 135).—425, 438, 572, 576.

Бенигна—см. Н. Полевой.

Бенедиктов В. Г. (1807—1873)—поэт, дебютировавший в 1835 г. книгой стихов, имевшей шумный успех. Жуковский, Шевырев и др. видели в нем крупнейшего поэта. Развенчанию Бенедиктова посвящена известная статья Белинского. По воспоминаниям И. Панаева, Пушкин отнесся к Бенедиктову равнодушно: «На вопросы: какого он мнения о новом поэте?—отвечал, что у него есть превосходное сравнение неба с опрокинутой чашей: к этому он ничего не прибавлял более...» (И. Панаев, «Воспоминания», изд. «Academia», 1928, стр. 116). В библиотеке Пушкина сохранились 1-е и 2-е издания «Стихотворений» Бенедиктова (*ПС*, вып. IX—X, стр 7).—425.

Бенкендорф А. Х. (1783—1844)—шеф корпуса жандармов и управляющий III отделением (с 1826 г.).—144, 243, 245, 246, 288, 293, 298.

Беранже П. (1780—1857)—французский поэт. К творчеству Беранже Пушкин относился неизменно отрицательно («Беранже—не поэт»). В стихотворении «Рефутация Беранжера» (1827) именует его «фальшивым песнопевцем», а в заметке (1832) о французской поэзии (№ 283)—«слагателем натянутых и манерных песенок». Характерно при этом, что «прелестные шалости» Колле кажутся Пушкину гораздо более веселыми и остроумными, нежели песни «хваленого» Беранже, из которых лучшею он считал «Le roi d'Ivetot». В библиотеке Пушкина сохранился ряд сборников песен Беранже (*ПС*, вып. IX—X, стр. 157).—79, 300, 305, 371. См. также в Указателе произведений: «Добрый бог», «Король Ивето».

Б е р т о н Ж. (1759—1822)—французский генерал, участник военных походов эпохи Революции и Наполеона. В период Реставрации принял участие в ряде антиправительственных военных заговоров и был казнен после провала восстания в Туаре.—197.

Б е р т р а н Г. (1773—1844)—французский генерал, друг Наполеона, добровольно последовавший за ним в ссылку на Эльбу и затем на остров св. Елены.—65.

Б е с т у ж е в А. А. (псевдоним Марлинский) (1797—1837)—писатель и критик, издававший совместно с К. Ф. Рылеевым альманах «Полярная Звезда» (1823—1825), декабрист. Наибольшее сближение Пушкина с Бестужевым относится к 1822—1825 гг. С 1822 г. между ними завязалась оживленная литературная переписка. Пушкин одобрял «Полярную Звезду» и поддерживал ее своим участием. Он с интересом относился к критической деятельности Бестужева, хотя почти всегда оспаривал его суждения о литературе. В статьях и заметках Пушкина нет никаких упоминаний о художественной прозе Бестужева, но в письмах к нему Пушкин одобрительно отзывается о его ранних исторических повестях, отмечая, впрочем, сильное влияние Вальтер-Скотта. Указывая Бестужеву на младенческое состояние русской прозы, Пушкин увещевал его «бросить быстрые повести с романтическими переходами, взяться за роман и писать его всею свободою разговора». После 14 декабря 1825 г. упоминания о Бестужеве в переписке Пушкина исчезают, и только в письме к Санковскому (№ 229) в 1833 г. он бросил беглую похвалу «прелестным» повестям Бестужева, печатавшимся в «Тифлисских Ведомостях». «Русские повести и рассказы» Бестужева, (Спб. 1832 и М. 1834, чч.—1—8) сохранились в библиотеке Пушкина, хотя некоторые части остались неразрезанными (*ПС*, вып. IX—X, стр. 9).—20, 21, 27, 29, 30, 44, 45, 50, 61, 63, 65, 67, 74—77, 88, 89, 310. См. также в Указателе произведений: «Вечер на биваке», «Взгляд на старую и новую словесность», «Взгляд на русскую словесность», «Замок Нейгаузен», «Изменник», «Ревельский турнир», «Роман и Ольга».

Б е с т у ж е в Н. А. (1791—1855)—старший брат издателя «Полярной Звезды» А. А. Бестужева, писатель и художник, переводчик «Паризины» Байрона (1821), автор «Записок о Голландии» (1821). Принимал участие в декабрьском восстании, был сослан на каторгу в Сибирь.—45.

Б е с т у ж е в - Р ю м и н М. Н. (1800—1832)—стихотворец и журналист, издатель альманахов: «Сириус» (1827), «Майский Листок (1824), «Северная Звезда» (1829) и др. В альманахе «Северная Звезда» самовольно опубликовал шесть стихотворений Пушкина, не предназначавшихся к печати.—177 *(Бесстыдин)*, 217 *(г-н Бестужев)*.

Б и р о н Э., герцог (1690—1772)—мелкий курляндский дворянин, любовник императрицы Анны Иоанновны, фактически правивший Россией в годы ее царствования.—354.

Б и р у к о в А. С. (1772—1844)—цензор в 1821—1826 гг. Пушкин характеризовал его как «трусливого дурака». К Бирукову обращены два «Послания Цензору» Пушкина.—26, 28, 29, 33, 37, 48, 49, 70, 78, 351.

Б л у д о в Д. Н. (1785—1864)—государственный деятель, был близок с Карамзиным и Жуковским; состоял членом «Арзамаса». В 1826 г. был назначен товарищем министра народного просвещения, в 1832 г.—министром внутренних дел, в 1837 г.—министром юстиции.—74, 292, 339.

Б о б р о в С. С. (ум. 1810)—поэт, сторонник так называемых «шишковцев», боровшихся с Карамзиным. Получил (от К. Н. Батюшкова)

прозвище «Безрифмин», как автор поэмы «Таврида» (1789), написанной белыми стихами. За страсть к вину был прозван «Бибрусом» (от латинского bibere—пить). Под этими прозвищами фигурирует в стихах Пушкина.—36. См. также в Указателе произведений: «Таврида».

Богданович И. Ф. (1743—1803)—поэт, автор поэмы «Душенька». Пушкин очень высоко ценил «Душеньку», считая, что в ней «встречаются стихи и целые страницы, достойные Лафонтена», но в письме к Бестужеву отметил, что Богданович «зачислен в великие поэты» только благодаря отсутствию критики.—12, 40, 75, 215, 240. См. также в Указателе произведений «Душенька».

Бодрикур Р. — комендант крепости Вокулер. В 1429 г. Бодрикур представил ко двору Карла VII Жанну д'Арк. Эпизод этот изображен в комических чертах в «Орлеанской девственнице» Вольтера.—442.

Боккаччо Д. (1313—1375)—итальянский писатель эпохи Возрождения, автор «Декамерона». Отвечая на нападки журнальных критиков, считавших «Графа Нулина» непристойной поэмой, Пушкин, между прочим, ссылался на «вольные сказки» Боккаччо. Других упоминаний Боккаччо у Пушкина не находим. «Декамерон» на итальянском языке сохранился в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 172). — 215, 223.

Бомарше П. (1732—1799)—французский драматург, автор «Севильского цирюльника» (1775), «Свадьбы Фигаро» (1784) и др. См. характеристику «веселого» и «колкого» Бомарше в послании Пушкина «К вельможе» (1830) и в «Моцарте и Сальери».—337.

Боссюэт Ж. (1672 — 1704) — французский проповедник и историк, пытавшийся в своих трактатах обосновать «божественность» происхождения и неограниченность самодержавной власти. — 334, 335, 375.

Боульс В. (1762—1850)—английский поэт, автор «14 сонетов» (1789), «Поэм» (1798—1809) и др.—68.

Боян—имя княжьего певца конца XI—начала XII века, упоминаемое в «Слове о полку Игореве».—325—329.

Де Бросс Ш. (1709—1777)—французский историк и филолог, президент дижонского парламента (суда). — 381—384, 386. См. также в Указателе произведений: «История плаваний в южные земли», «История VII века Римской республики», «Италия сто лет назад».

Брут Марк Юний (85—42 до н. э.)—политический деятель древнего Рима, глава партии аристократов-республиканцев, организовавших заговор против Юлия Цезаря и убивших его в Сенате в 44 г. Позднейшие историки приписали Цезарю фразу: «И ты, Брут!», якобы произнесенную им, когда он заметил в группе напавших на него заговорщиков близкого ему Брута.—62, 146.

Брюллов К. П. (1799—1852)—русский художник, портретный и исторический живописец. В 1836 г. близко познакомился с Пушкиным.—388, 437.

Брюнов Ф. И. (1797—1875)—в 1834 г. был членом Главного управления цензуры со стороны министерства иностранных дел.—339.

Брюс Я. А. (1742—1791)—генерал-аншеф.—366.

Брянский Я. Г. (1791—1853)—петербургский актер-трагик.—22.

Бутовский И. Г. (1785—после 1872)—родственник Н. А. Дуровой (см.), издатель ее «Записок».—426.

Буало (Депрео) Н. (1636—1711)—французский поэт-классик, автор посланий, сатир и поэмы «Поэтическое искусство» («L'art poétique»),

содержавшей изложение правил классической школы. О Буало-поэте Пушкин не оставил никаких отзывов. Главное значение Буало для Пушкина было в его исторической роли вождя классиков и «законодателя» французской «пиитики».—4, 12, 35, 39, 41, 59, 110, 224, 267, 281, 333—335, 428. См. также в Указателе произведений: «Поэтическое Искусство».

Булгарин Ф. В. (1789—1859)—беллетрист, критик и издатель «Северного Архива» (1822—1825) и «Литературных Листков» (1823—1824), соиздатель «Северной Пчелы» (1825—1859) и «Сына Отечества» (1825—1839), автор ряда нравственно-сатирических и исторических романов, агент III отделения.—44—48, 50, 67, 75, 85—87, 93, 102, 145, 159, 160, 175, 195, 205, 236—238, 241, 244—248, 250—254, 269—273 *(автор Выжигина)*, 275—278, 279 *(Выжигин)*, 283 *(известный литератор)*, 286, 287 *(Фаддей)*, 289, 290, 293, 294, 296 *(Фаддей Венедиктович)*, 298 *(Голиаф Фиглярин)*, 303, 339—341 *(Фаддей Венедиктович)*, 424 *(Ф. Б.)*, 426, 427, 437. См. также в Указателе произведений: «Анекдот о двух журналистах», «Встреча с Карамзиным», «Второе письмо из Карлово», «Дмитрий Самозванец», «Записки титулярного советника Чухина», «Иван Выжигин», «Петр Иванович Выжигин».

Буфлер (ум. 1787)—маркиза, находившаяся при дворе польского короля Станислава Понятовского.—59.

Бэкон Веруламский Ф. (1561—1626)—английский государственный деятель и философ.—315.

Бюргер Г. (1747—1794)—немецкий поэт. О переработке Жуковским и Катениным его нашумевшей баллады «Леноры» (1774) см. стр. 551. Пушкин считал «Ленору» замечательным по своей «энергической красоте» произведением.—153, 308. См. также в Указателе произведений: «Ленора».

Бюффон Л. (1707—1788)—французский ученый и естествоиспытатель, автор «Естественной истории» (1749—1789).—16, 272.

Вадэ Ж. (1720—1757)—французский драматург и поэт, автор народных песенок и поэм, основоположник так называемого «пуассардского» жанра. Произведения Вадэ сохранились в библиотеке Пушкина (см. *ПС.*, вып. IX—X, стр. 353, №№ 1455—1470).—152.

Вайверс—Д. (Wither) (1588—1667), английский поэт, старший современник Мильтона.—429.

Вальполь Г. (1717—1797)—английский писатель, автор фантастического романа «Замок Отранто», изданного с мистификациями (как перевод с итальянского) в 1764 г., и трагедии «Таинственная мать». В заметке о Макферсоне (1830) Пушкин упоминает о разоблачении Вальполем Т. Чаттертона, выдавшего свои стихи за произведения монаха XV века.—120, 325, 336.

Вега—см. Лопе де Вега.

Великопольский И. Е. (1797—1868)—поэт, театрал, приятель Пушкина, часто встречавшийся с ним за карточной игрой (см. монографию Б. Л. Модзалевского «И. Е. Великопольский», Спб. 1902).—101, 159. См. также в Указателе произведений: «Эрасту».

Вельтман А. Ф. (1800—1870)—романист и поэт, автор повестей в стихах «Беглец» (1831), «Муромские леса» (1831), переложения «Слова о полку Игореве» (1833), романа «Странник» (1831—1832) и др. Пушкин встречался с Вельтманом еще в 1821—1823 гг. в Кишеневе (см. воспоминания Вельтмана в книге Л. Н. Майкова «Пушкин», Спб. 1899, стр. 92—136).

Знакомство их возобновилось в Москве в 1831 г., когда вышел «Странник» Вельтмана. Пушкин намеревался писать об этом романе (Майков, указ. соч., стр. 131). В библиотеке Пушкина сохранилось шесть книг Вельтмана, в том числе и переложение «Слова» с целым рядом заметок Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 19—22).—289, 291, 327, 329. См. также в Указателе произведений: «Странник».

Веневитинов Д. (1805—1827)—поэт, секретарь «Общества любомудрия», члены которого группировались вокруг «Московского Вестника». Знакомство Пушкина с Веневитиновым состоялось 10 сентября 1826 г., когда Пушкин читал своего «Бориса Годунова» у С. А. Соболевского (Н. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», кн. II, стр. 42). Вскоре Веневитинов написал послание к Пушкину, в котором призывал его воспеть Гете. Перед самой смертью Веневитинова Пушкин послал ему недошедшее до нас «суровое» письмо, в котором, вероятно, осуждал философские позиции любомудров (см. *ППМ*, т. II, стр. 27, 230). В 1830 г. в рецензии на альманах «Денница» (~~см. № 182~~) Пушкин вспомнил о Веневитинове, «так рано оплаканном друзьями всего прекрасного». Никаких отзывов о произведениях Веневитинова в статьях и в письмах Пушкина не сохранилось. Но А. П. Керн вспоминает об одной беседе с Пушкиным, когда он выражал сожаление, что «так рано умер чудный поэт» («Воспоминания», изд. «Academia», 1929, стр. 268).—190, 192, 295.

Вергилий Публий Марон (70—19 до н. э.)—римский поэт, автор «Энеиды». Пушкину Вергилий был известен со школьной скамьи. В черновиках 7-й главы «Евгения Онегина» Пушкин пишет, что он зевал над «Энеидой». По его мнению, Вергилий шел «столбовой дорогой подражания» (см. № 96). В стихотворении «А. Л. Давыдову» (1824) Пушкин называет его «чахоточным отцом немного тощей Энеиды». Творчество Вергилия не оказало на Пушкина сколько-нибудь ощутимого влияния.—32, 74, 216, 319, 330. См. также в Указателе произведений: «Энеида».

Верстовский А. Н. (1799—1862)—композитор, близкий знакомый Пушкина, автор кантаты «Черная шаль» (на слова Пушкина). — 165.

Видок Э. (1775—1857)—французский сыщик, до поступления на полицейскую службу дезертир и уголовный преступник, отбывавший тюремное заключение; автор «Мемуаров» (1826), частично напечатанных в русских журналах в 1829—1830 гг. Сходство некоторых биографических черт Булгарина и Видока позволило Пушкину под видом рецензии на мемуары Видока дать едкую и разоблачительную характеристику шпиона Булгарина.—196, 199, 200, 207, 251, 279. См. также в Указателе произведений: «Записки Видока».

Виланд Х. (1733—1813)—немецкий поэт, предшественник Гете и Шиллера; автор сказочной поэмы «Оберон» (1780) и романов «Агатон» (1766—1794) и «Абдеритяне» (1764—1780). В 1836 г. Люценко (см.) обратился к Пушкину с просьбой издать его перевод поэмы Виланда «Вастола, или желания» (1784). Пушкин разрешил поставить свою фамилию, как издателя, на заглавном листе книги, вышедшей в 1836 г.—215, 358. См. также в Указателе произведений: «Вастола».

Виллель (1773—1854)—французский государственный деятель, в 1821—1827 гг. возглавлял правительство.—119.

Вильгельм-Завоеватель (1027—1087)—норманнский король, завоевавший в 1066 г. англо-саксонское королевство и основавший англо-саксонскую династию.—347.

Вильмен А. (1790—1870)—французский критик и историк литературы, автор «Рассуждения о критике», направленного против эстетики классицизма (1814), и «Курса французской литературы» (1828).—251, 370, 371.

Вильон Ф. (род. ок. 1430)—французский поэт-бродяга; главнейшие его произведения—два «Завещания». Пушкин упоминает о его «кабацких» стихах в своей поэме «Монах» (1813—1814).—333.

Вильсон Г.—английская актриса, выпустившая в 1825 г. скандальные мемуары, переведенные на французский язык.—196.

Вильсон Д. (1785—1854)—философ и поэт. Одна из сцен его драмы «Чумный город» (1816) послужила прообразом пушкинского «Пира во время чумы».—292.

Винкельман И. (1717—1768)—немецкий историк искусства. Его «История античного искусства» сохранилась в библиотеке Пушкина, который ссылается на нее в заметке «Критика вообще, критика наука».—208.

Де-Виньи А., граф (1797—1863)—французский поэт и романист, автор романов «Сен-Марс», «Стелло», драмы «Чаттертон» и др. Основные поэтические произведения де-Виньи были написаны уже после смерти Пушкина («Гнев Самсона» 1839, «Смерть волка» 1843, «Дом пастуха» 1844 и пр.). О поэзии де-Виньи никаких отзывов Пушкина не сохранилось, но к прозе его он относился крайне отрицательно («Романы Виньи хуже романов Загоскина»). «Сен-Марс» казался Пушкину манерным романом, построенным с расчетом на эффект, полным нелепых вымыслов, и он противопоставлял изысканности де-Виньи безыскусственность и простоту исторических романов Вальтер-Скотта.—300, 305, 428, 431—433. См. также в Указателе произведений: «Сен-Марс».

Владимир Святославович (ум. 1015)—древнерусский князь.—66, 108, 237, 328.

Воатюр (Вуатюр) В. (1598—1648)—французский салонный поэт.—12.

Воейков А. Ф. (1777—1839)—поэт, критик и журналист, редактор «Славянина» (1827—1830), «Русского Инвалида» (1822—1838) и «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» (1831—1837). Своим разбором поэмы «Руслан и Людмила» Воейков положил начало шумной журнальной дискуссии вокруг нее. В 1830 г. Воейков поддерживал «литературных аристократов» в борьбе с Полевым. В переписке и статьях Пушкин характеризует Воейкова как остроумного полемиста, подвизавшегося на этом поприще с «неоспоримым успехом».—11 *(В.)*, 14, 27, 28, 46, 48, 90, 276, 295, 298, 425. См. также в Указателе произведений: «Венок, сплетенный бригадиршею», «Разбор поэмы Руслан и Людмила».

Войнаровский А. (ум. 1740)—племянник Мазепы и соучастник его в борьбе с Петром I.—44.

Волков Ф. Г. (1729—1763)—первый русский актер.—228.

Волынский А. П. (1689—1740)—государственный деятель, защитник интересов шляхетства; вел борьбу с немецким бюрократическим кругом, возглавляемым Бироном (см.). Изображен в романе И. Лажечникова «Ледяной дом».—106, 353, 354.

Вольтер (1694—1778)—французский писатель, драматург и философ. С творчеством Вольтера Пушкин был знаком еще в раннем детстве, когда, «начитавшись «Генриады», задумал поэму в 6 песнях» (Анненков, «Материалы», 1873, стр. 13). Имя Вольтера часто встречается в ранних стихотворениях и поэмах Пушкина. Влияние «Орлеанской девственницы»

Вольтера, которую Пушкин называл «библиею харит», отразилось на «Монахе», «Руслане и Людмиле» и «Гавриилиаде» Пушкина. Любя поэзию «не только в ее лирических порывах или в дивном вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и в игривости шутки и в забавах ума», Пушкин считал «Девственницу» лучшей поэмой Вольтера. В 1825 г. он набросал начало ее перевода. В 30-е годы отношение Пушкина к властителю его юношеских дум существенно изменилось. В одной из статей 1834 г. он уже называет «Девственницу» «циничной поэмой, где все высокие чувства... принесены в жертву демону смеха и иронии». Он осуждает скептицизм Вольтера, обнаженность публицистических заданий в его трагедиях. Вольтер «наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепринятым и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы». Тем не менее Пушкин считал Вольтера «великаном» предреволюционной эпохи, первым писателем своего века, предводителем современного мнения, подготовившим умы для «великого разрушения». В статье «Вольтер» (1836) Пушкин отметил «слабости гения», не умевшего сохранить собственное достоинство и променявшего независимость на своенравные милости Фридриха II. Незадолго до смерти Пушкин снова вернулся к «Орлеанской девственнице», посвятив ей свою мистификаторскую статью «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» (см. № 372).—9, 10, 12, 17, 22, 35, 41, 61, 76, 97, 107, 173, 207, 235, 300, 319, 323, 333, 325—338, 342, 357, 365, 381—387, 440, 442. См. также в Указателе произведений: «Диатриба доктора Акакия», «Заира», «Кандид», «Меропа», «Микромегас», «Орлеанская девственница», «Фанатизмили Магомет».

В о р д с в о р т В. (1770—1850)—английский поэт, глава «озерной школы». Пушкин с большим одобрением отзывался о поэтах «озерной школы» Вордсворте и Кольридже, произведения которых, по его мнению, «исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей». См. «Сонет» Пушкина (1830).—152.

В о р о н ц о в А. Р., граф (1741—1805)—президент комерц-коллегии, где служил Радищев; принадлежал к числу вельмож, находившихся в оппозиции к двору. Воронцов покровительствовал Радищеву до ссылки и старался смягчить его участь в Сибири.—361, 362 *(Вельможа)*.

В о р о н ц о в М. И., граф (1714—1767)—государственный деятель, канцлер Российской империи, покровительствовавший Ломоносову.— 315, 317.

В о р о н ц о в М. С., граф (1782—1856)—новороссийский генерал-губернатор (1823—1844), в канцелярию которого ссыльный Пушкин был назначен в 1823 г. Пушкин заклеймил Воронцова в ряде эпиграмм («Полу-герой, полу-невежда...» и др.).—48, 76, 108 *(Достопочтенный лорд Мидас)*.

В о с т о к о в А. Х. (1781—1864)—филолог, автор «Опыта о русском стихосложении» (1812), содержащего теорию народного стиха.— 319, 325.

В с е в о л о д С в я т о с л а в о в и ч (ум. 1196)—брат князя Игоря, упоминается в «Слове о Полку Игореве».—329.

В у л ь ф А. Н. (1805—1881)—сын П. А. Осиповой (см.), приятель Пушкина, друг Языкова по Дерптскому университету. Сохранился дневник Вульфа, в котором много страниц уделено Пушкину.—66.

В я з е м с к а я В. Ф., княгиня (1790—1886)—жена поэта князя П. А. Вяземского.—246.

В я з е м с к и й П. А., князь (1792—1878)—поэт и критик, один из ближайших друзей и литературных единомышленников Пушкина, член

«Арзамаса». Кроме множества писем, отдельных заметок и т. п., с именем Вяземского связан целый ряд стихотворений Пушкина. Пушкин видел в Вяземском одного из «оригинальнейших писателей» своего времени и, повидимому, особенно высоко ценил его журнально-критическую прозу, находя в ней «европейские достоинства». С большой похвалой отзывался он также и о стихотворениях Вяземского (особо отмечая «Первый снег» и «Уныние»), но вообще считал, что стихам Вяземского недостает чувства, что они «слишком умны», «а поэзия, прости господи, должна быть глуповата».—4, 7 *(Шолье Андреевич)*, 9, 10, 12, 13, 17, 22, 26, 28, 29, 31—37, 39, 41, 45—53, 61, 64, 65, 69—73, 78, 79, 82—84, 86—89, 94, 101—105, 110, 113, 126, 133, 146, 147, 167, 170, 173, 177, 180, 184, 193, 198, 203, 205, 233, 244, 246, 248, 249, 284, 288—292, 294—297, 303, 305, 339, 352. См. также в Указателе произведений: «В. А. Жуковскому», «Девичий сон», «Жуковский, Пушкин. О новой пиитике басен», «Замечания на краткое обозрение русской литературы», «Известие о жизни и сочинениях И. И. Дмитриева», «К журнальным близнецам», «К мнимой счастливице», «К нам», «Кто брат, кто сестра», «Нарвский водопад», «О Бахчисарайском фонтане», «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», «О Кавказском Пленнике», «О разборе трех статей», «Обозы», «Первый снег», «Послание к Д. Давыдову», «Послание к И. И. Дмитриеву», «Послание к М. Т. Каченовскому», «Простосердечный ответ», «Разговор между классиком и издателем», «Семь пятниц на неделе», «Уныние», «Черта местности», «Что нужды, говорит рассчетливый Свиньин».

Габриели К. (1730—1796)—итальянская певица, гастролировавшая в Петербурге.—367.

Гагарин С. С., князь (1795—1852)—директор императорских театров (1829—1833), вице-президент гоф-интендантской конторы.—438.

Гаевский С. Ф. (1772—1862)—профессор Медико-хирургической академии, автор ряда медицинских книг; сотрудник «Энциклопедического лексикона» Плюшара (см.).—339.

Галич А. В. (1783—1848)—преподаватель российской словесности и латинского языка в Царскосельском лицее (1814—1815); принимал участие в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара. К Галичу обращены два послания Пушкина (1815).—339.

Галлам Г. (1777—1859)—английский историк.—375.

Гальяни (1728—1787)—аббат, философ и публицист, близко стоявший к энциклопедистам [Пушкин в послании «К вельможе (1829) упоминает Гальяни среди других представителей «Энциклопедии скептического причта»]. Большой популярностью пользовалась его «Переписка» с г-жей д'Эпинэ, с Гольбахом и др., изданная после его смерти. Два тома этой переписки сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 236).—103.

Ганнибал А. П. (до крещения Ибрагим) (1697—1782)—прадед Пушкина, родился в Абиссинии, где отец его был владетельным князьком. Восьмилетним мальчиком отдан в качестве заложника в Турцию, и оттуда вывезен гр. Рагузинским в 1706 г. и доставлен Петру I, при котором находился «неотлучно» в качестве камердинера, денщика и секретаря (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», 1929, стр. 47—55).—218.

Ганнибал И. А. (1731—1801)—сын А. П. Ганнибала, служил в морской артиллерии, принимал участие во взятии Наварина и в Чесменском бою.—218.

Гафиз (1320—1391)—персидский лирический поэт.—70.

Гебель И. (1760—1826)—немецкий поэт и прозаик. Жуковский перевел его «Овсяный кисель», «Деревенский сторож», «Тленность» и др. По замечанию Пушкина, достоинство этих переводов было понято очень малым кругом людей.—153.

Геерен А. (1760—1842)—немецкий историк.—178.

Гезиод (VII—VIII до н. э.)—греческий поэт, автор дидактической поэмы «Дела и дни».—127, 128.

Геллерт Х. (1715—1769)—немецкий поэт-моралист, профессор словесных наук в Лейпцигском университете.—359.

Гельвеций К. (1715—1771)—один из представителей французского материализма XVIII века. Автор трактатов «О духе» (1758), «О человеке» и др. Трактат «О духе» был сожжен за атеистическое направление.—360, 364. См. также в Указателе названий: «О разуме».

Гельти Л. (1748—1776)—немецкий поэт романтической школы, автор элегий, баллад и идиллий, приближающихся по форме к народному стиху.—307.

Генрих III (1551—1589)—французский король с 1574 г.—440.

Генрих IV (1553—1610)—французский король с 1589 г.—171, 182.

Гете В. (1749—1832)—немецкий поэт. С поэзией Гете Пушкин близко познакомился, вероятно, в период пребывания на юге. Отзывы Пушкина о Гете немногочисленны, но вески. Он ставил Гете в один ряд с Данте, Шекспиром, Мильтоном, говоря, что Гете в «Фаусте» достиг высшей смелости, «смелости изобретения создания, где план обширный объемлется творческой мыслью». Уже в 1827 г. Пушкин пришел в заключению, что Гете выше Байрона, который безуспешно боролся с этим «великаном романтической поэзии». «Фауста» он называет «величайшим созданием поэтического духа», которое «служит представителем новейшей поэзии точно так, как «Илиада» служит памятником классической древности» (№ 143). Пушкин брал эпиграфы из «Вильгельма Мейстера», из «Пролога в театре» («Фауст») и пытался восполнить мотивы и образы Гете в своей «Сцене из Фауста» (1825). О пере, присланном Гете в подарок Пушкину, см. Г. Глебов, «Пушкин и Гете», сб. «Звенья», изд. «Academia» 1933, вып. II.—23, 46, 51, 72, 81, 111—114, 153, 160, 182, 190, 195, 226, 228, 239, 324, 333, 377. См. также в Указателе произведений: «Ренике-фукс», «Фауст».

Гесснер С. (1730—1788)—немецкий писатель, родом из Швейцарии; автор «Идиллий» (1756—1772). В статье «О сочинениях Катенина» Пушкин осудил «чопорную и манерную» буколическую поэзию этого представителя европейского рококо.—309, 327. См. также в Указателе произведений: «Смерть Авеля».

Гиббон Э. (1737—1794)—английский историк, сторонник французских энциклопедистов, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи».—336.

Гизо Ф. (1787—1874)—французский историк, публицист и политический деятель.—65, 252, 375.

Гиффорд (Джиффорд) В. (1756—1826)—английский публицист, издатель журнала «Трехмесячное Обозрение».—257.

Гишар Ж. (1731—1811)—французский поэт. Произведения его переводились в России И. И. Дмитриевым, В. Л. Пушкиным и др. Пушкин причислял Гишара к «бездарным писакам» «обмельчавшей французской словесности».—22, 47, 338.

Глинка С. Н. (1775—1847)—писатель, автор бесчисленных патриотических произведений, издатель журнала «Русский Вестник» (1808—1824). Будучи цензором, пропустил статью Н. Полевого против М. Каче-

новского, вызвавшую «Отрывок из Литературных летописей» (1829) Пушкина.—83, 166.

Глинка Ф. Н. (1786—1880) поэт и публицист. В эпиграммах в письмах к друзьям, в дневнике Пушкин отзывался о поэзии «псалмопевца» Глинки (автора «Духовных стихотворений») неизменно насмешливо. Особенно резок его отзыв в письме к Вяземскому (1824) (см. № 63). Однако, рецензируя в «Литературной Газете» 1830 г. поэму Глинки «Карелия», Пушкин отметил оригинальность Глинки и бросил несколько беглых похвал его поэме, сопроводив их, правда, оговоркой об однообразии, вялости и мелочности поэзии Глинки.—14, 29, 50, 63 *(Фита Кутейкин)*, 79 *(Фита)*, 183, 184, 298, 340. См. также в Указателе произведений: «Карелия».

Глухарев А.—трагический актер.—23.

Гнедич Н. И. (1784—1833) поэт, переводчик «Илиады» Гомера. Переводу Гнедича Пушкин придавал очень большое значение и называл его «подвигом». На выход этого перевода в свет он отозвался рецензией в «Литературной Газете» и двустишием «На перевод Илиады», написав, правда, и эпиграмму на этот перевод, которую зачеркнул в рукописи. Одобрительно отзывался Пушкин и о стихотворениях Гнедича. В одном из примечаний к Евгению Онегину он отметил «прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича «Рыбаки». В библиотеке Пушкина сохранился перевод «Илиады» с дарственной надписью Гнедича и его «Стихотворения» (1832), (*ПС* вып. IX—X, стр. 28, 29).—10, 14, 18, 20, 21, 24, 28, 29, 32, 45, 51, 66, 75, 100, 125, 136, 170, 173, 180, 192, 199, 206, 243, 287, 308. См. также в Указателе произведений: «Андромаха», «Илиада», «Тарентинская дева».

Гоголь Н. В. (1809—1852).—Знакомство Пушкина с Гоголем произошло 20 мая 1831 г. на вечере у П. А. Плетнева. Вскоре Пушкин начал внимательно следить за развитием дарования Гоголя. Если в апреле 1831 г. он сообщал П. А. Плетневу, что ничего не может сказать о Гоголе, потому что «доселе его не читал за недосугом» (№ 255), то уже к осени того же года он хорошо ознакомился со всеми подготовленными к печати повестями, вошедшими в состав «Вечеров на хуторе», затем почти каждое произведение Гоголя выходило с его ведома и после его одобрения. Хваля «Вечера на хуторе» (1831—1832) (см. № 273), Пушкин отдавал должное также «Арабескам» (1835) и «Миргороду» (1835). По поводу «Невского проспекта» он писал Гоголю: «Прочел с большим удовольствием, кажется все может быть пропущено. Секуцию [эпизод с поручиком Пироговым—*Н. Б.*] жаль выпустить: она мне кажется необходима для полного эффекта «Вечерней мазурки» (см. № 317). В дневнике от 3 декабря 1832 г. он назвал очень оригинальной «Повесть о том, как поссорился Иван Никифорович с Иваном Ивановичем». Повесть «Нос» (1835—1836), по его мнению, заключала в себе «много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального». Пушкин горячо благодарит Гоголя за «Коляску» (1835), «в которой Альманах (т. е. «Современник») далеко может уехать» и до глубины души потрясен чтением «Мертвых душ». В 1836 г. в письме к жене он проявляет заботу о судьбе «Ревизора», сюжет которого был подсказан им самим Гоголю.—289, 296, 297, 310, 311, 339, 343, 353, 358, 359, 373, 422—425, 436, 437. См. также в Указателе произведений: «Арабески», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Владимир 3-й степени», «Коляска», «Миргород», «Невский проспект», «Нос», «Ревизор», «Старосветские помещики», «Тарас Бульба».

Годунов Борис (1551—1605)—русский царь с 1598 г.—48, 171, 219, 235, 236, 272.

Голенищев-Кутузов М. И., князь (1745—1813)—фельдмаршал, предводитель русских войск в кампании 1812 г.—269.

Голиков И. И. (1735—1801)—историк, автор многотомных «Деяний Петра Великого», составленных без всякой обработки и критической проверки.—89, 218.

Голицын Н. Б., князь (1771—1866)—публицист, писатель по вопросам музыки, автор «Офицерских записок, или воспоминаний о походах 1812, 1813 и 1814 гг.» (М. 1837), переводил на французский язык произведения Пушкина, Козлова и др. Его перевод «Клеветникам России» появился в 1839 г.—439.

Голицына Е. И., княгиня (1780—1830)—жена князя Е. М. Голицына. Пушкин был влюблен в нее, посещал ее салон в 1817—1818 гг., до ссылки на юг, и посвятил ей два мадригала.—70.

Головин И. М., граф (ум. 1738)—предок А. С. Пушкина, генерал, кригс-комиссар и адмирал, один из любимых «денщиков» Петра I.—219.

Гольбах П., барон (1723—1789)—французский философ-материалист.—442.

Гомер—легендарный автор древнегреческих эпопей «Илиада» и «Одиссея».—21, 23, 28, 30, 66, 75, 94, 127, 128, 150 *(Омир)*, 170,173, 180 184 *(Омир)*, 192, 251, 293, 296, 319 *(Омир)*, 325, 379. См. также в Указателе произведений: «Илиада».

Гомозейка—один из псевдонимов В. Ф. Одоевского.—311.

Гончарова—см. Пушкина Н. Н.

Гораций (65—8 до н. э.)—римский поэт. Пушкин познакомился с произведениями Горация еще в лицее. Имя Горация нередко встречается в стихотворениях Пушкина. В 1835 г. (?) Пушкин переложил VII оду второй книги—«Кто из богов мне возвратил»...—и I оду первой книги—«Царей потомок Меценат...» О «прелестных одах» Горация Пушкин писал в рецензиях на «Путешествие В. Л. П.» (№ 334). Сочинения Горация в 2-х томах на французском языке сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 161).—22, 74, 131, 225, 275, 307, 330, 338, 357. См. также в Указателе произведений: «Послание к Пизонам».

Gordon—см. Байрон Г.

Горчаков А. М. (1798—1883)—товарищ Пушкина по лицею, впоследствии министр иностранных дел (1856—1882) и канцлер с 1863 г.—86.

Горчаков В. П. (1800—1867)—кишеневский приятель Пушкина.—14.

Гостомысл—легендарный князь новгородских славян.—167.

Готфрид (Готфред) Бульонский (1060—1100)—герцог Нижней Лотарингии, по преданию предводитель первого крестового похода.—332.

Готшед И. К. (1700—1766)—немецкий критик, писатель, вождь так называемого «ложноклассицизма» в Германии. В поэзии и литературе наибольшее значение придавал поучительности, изгонял фантастику и т. п. Авторитет Готшеда был сокрушен критикой Лессинга. В статье «О драме» (1830) Пушкин назвал его «тяжелым педантом». Несомненно, к Готшеду же относится и то место из статьи «Мнение Лобанова» (1836), где Пушкин говорит о «мелочной и ложной теории, утвержденной старинными риторами, будто бы польза есть условие и цель изящной словесности» (см. стр. 377).—226.

Гофман Ф. В. (1760—1828)—французский критик и писатель, под именем которого вывел себя Ф. В. Булгарин в статье, направленной против Пушкина.—224.

Грессе Ж. Б. (1709—1777)—французский поэт, автор антирелигиозной сатирической поэмы «Вер-Вер» (1734), которую Пушкин ставил в один ряд с «Неистовым Орландом» Ариосто, «Орлеанской девственницей» Вольтера и др. (см. стр. 61). В стихотворении «Моему Аристарху» Пушкин назвал Грессе «певцом прелестным». В письме к Катенину от 19 июля 1822 г. Пушкин писал о «прекрасном» катенинском переводе комедии «Злой» (у Катенина—«Сплетня»), которую «почитал непереводимой».—63, 357, 390. См. также в Указателе произведений: «Вер-Вер», «Злой человек».

Греч Н. И. (1787—1867)—журналист и писатель, редактор «Сына Отечества» (1812—1839) и соиздатель «Северной Пчелы» (1825—1860).—14, 21, 31, 67, 75, 246, 250, 254, 269—271, 273, 275—278 *(издатель «Сына Отечества»)*, 283 *(известный литератор)*, 287, 296, 303, 338, 340, 419. См. также в Указателе произведений: «Поездка в Германию», «Русская грамматика».

Грибоедов А. С. (1795—1829)—драматург. О знакомстве Пушкина с Грибоедовым см. в отрывке из 2-й главы «Путешествия в Арзрум» (стр. 345). Отзыв Пушкина о «Горе от ума» см. № 79. Пушкин предсказал, что половина стихов комедии войдет в пословицы, но осудил план комедии и отметил неясность характеров ряда героев. По словам Ушакова, Пушкин считал, что Грибоедов дал все, что мог дать. На замечание Ушакова о преждевременной гибели Грибоедова Пушкин ответил: «Грибоедов сделал свое. Он уже написал «Горе от ума» («Московский Телеграф», 1830, № XII, стр. 515).—36, 48, 63—65, 71, 89, 171, 195, 196, 308, 345, 346. См. также в Указателе названий: «Горе от ума», «Кто брат, кто сестра».

Гюго В. (1802—1885)—французский писатель, поэт и драматург. Пушкину был чужд характер поэзии Гюго, и он не любил его, хотя считал, что Гюго одарен подлинным талантом. Раннее творчество Гюго прошло для Пушкина вовсе незамеченным. «Восточные стихотворения» (1828) Пушкин нашел «блестящими, хотя и натянутыми», «Осенние листья» (1831) назвал подражанием Сент-Бёву. Роман «Последний день осужденного» (1829) казался ему «исполненным огня и грязи». В «Соборе Парижской богоматери» (1831) Пушкин находил головокружительные и великолепные со всех точек зрения страницы, но «не смел сказать всего, что думал об этом романе». Из драм Гюго с наибольшим сочувствием он встретил «Эрнани». После 1831 г. отношение Пушкина к Гюго резко меняется. Он считает теперь, что Гюго лишен жизни, т. е. истины, и в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» обрушивается на драму Гюго «Кромвель», полную, по мнению Пушкина, «нелепых вымыслов». В библиотеке Пушкина сохранилось много произведений Гюго (*ПС*, вып. IX—X, 253—254).—196, 224, 246, 247, 260, 285, 300, 305, 339, 428, 431, 433. См. также в Указателе произведений: «Восточные стихотворения», «Красавице», «Кромвель», «Лукреция Борджиа», «Осенние Листья», «Последний день осужденного на казнь», «Собор Парижской богоматери», «Эрнани».

Давид—царь израильский; по библейскому преданию, автор псалмов (религиозных лирических песен). Противопоставляя Моисея и Давида Сократу и Марку Аврелию, Чаадаев писал: «Давид—одно их тех исторических лиц, чьи черты нам переданы всего лучше. Что может быть ярче, драматичнее, правдивее его истории, что может быть характернее его физиономии?» («Третье философическое письмо»).—293.

Давыдов Д. В. (1784—1839)—поэт, партизан, участник войны 1812 г., член «Арзамаса», сотрудник «Современника». Послания Пушкина

показывают его несомненную любовь к партизану-поэту, давшему ему «почувствовать, что можно быть оригинальным», хотя он и говорил о нем в шутку, как об отличном писателе среди военных и отличном военном среди писателей (см. «Разговоры Пушкина», 1929, стр. 297).—33, 70, 79, 137, 340, 370, 436.

Давыдов Л. В.—брат поэта Д. В. Давыдова.—126.

Даламбер (1717—1783)—французский писатель и философ-энциклопедист.—16.

Данилов Кирша.—Имя К. Данилова связано, без достаточных оснований, со сборником былин и исторических песен, записанных в XVIII веке.—151.

Данте (1265—1321)—итальянский поэт, автор «Божественной Комедии». Пушкин знал Данте не только во французских переводах, но и в подлиннике (*ПС*, вып. IX—X, стр. 217—219). По выпискам в тетрадях Пушкина видно, что особое внимание его привлекал «Ад», в частности песнь V. Пушкин относил Данте к числу представителей раннего европейского романтизма. В одной из заметок 1826 г. он говорит, что «единый *план* «Ада» есть уже плод высокого гения». В подражание Данте написаны им терцины: «И дале мы пошли» и «В начале жизни школу помню я» (см. также Указатель—приложение).—59, 73, 74, 113, 118, 309, 333, 337, 428. См. также в Указателе произведений: «Ад».

Дарий—царь персидский (521—485 до н. э.), войска которого были разбиты греками при Марафоне в 490 г. до н. э.—392.

Дашков Д. В. (1788—1839)—один из основателей «Арзамаса», автор памфлетической кантаты «Венчание Шутовского» (1815), о которой Пушкин упоминает в «Моих мыслях о Шаховском».—126, 355.

Декарт Р. (1596—1650)—французский философ.—257, 345, 431—433.

Делавинь К. (1793—1843)—французский поэт и драматург, автор трагедий «Сицилийская вечерня» (1819), «Пария» (1821), «Марино Фальери» (1829) и др.; последователь «классиков».—35 *(La Vigne)*, 41 *(Лавинь)*, 72 *(Казимир)*, 250 *(Лавинь)*.

Деларю М. Д. (1811—1862)—поэт пушкинской плеяды, сотрудник «Литературной Газеты», автор сборника «Опыты в стихах» (1835), сохранившегося в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 35). Пушкин невысоко ставил Деларю как поэта, находя, что в его гладких, чопорных стихах нет «ни капли творчества, а много искусства» (см. стр. 289). См. «Деларю и Пушкин», «Русская Старина», 1880, сентябрь, стр. 217.—289, 339, 340.

Делиль Ж. (1738—1813)—французский поэт и переводчик. Перевел «Георгики» Вергилия. Его поэма «Сады» переведена на русский язык А. Ф. Воейковым (1814). В «Домике в Коломне» (1830) Пушкин назвал Делиля «парнасским муравьем», а в письме к брату от второй половины декабря 1824 г. пародировал его вычурные метафоры.—113, 428. См. также в Указателе произведений: «Человек полей».

Делибюрадер—псевдоним поэта Д. Ознобишина.—114.

Делорм—см. Сент-Бёв.

Делорм М. (1612—1650)—парижская куртизанка, салон которой был штаб-квартирой вождей фронды. Изображена в драме В. Гюго «Марион Делорм» (1829) и в романе А. Виньи «Сен-Марс».—431, 433.

Дельвиг А. А., барон (1798—1831)—поэт, товарищ Пушкина по лицею; один из любимых его друзей и литературных соратников; издатель «Северных Цветов» и «Литературной Газеты». С именем Дельвига связан целый ряд стихотворений, критических заметок и писем Пушкина. Отзывы Пушкина о Дельвиге-поэте неизменно восторженны. Отличительными

чертами его таланта Пушкин считал классическое равновесие, стройность и «необыкновенное чувство гармонии».—13, 23, 24, 27, 28, 37, 44, 49, 51, 70, 71, 74, 77, 82, 87, 99, 100, 104, 111, 112, 144, 145, 194, 199, 203, 221, 222, 244, 246—248, 250, 255, 284—288, 293—295, 297—299, 301 *(наш друг)*, 306, 307, 316, 324, 338, 426. См. также в Указателе произведений: «Русская идиллия».

Дельвиг С. М., баронесса, урожд. Салтыкова (1806—1880)—жена поэта.—294.

Державин Г. Р. (1743—1816)—поэт. О встрече Пушкина с Державиным см. его автобиографическую запись (№ 230). Восприняв от своих учителей (Карамзин, Жуковский) и сверстников (Дельвиг) восторженное отношение к поэзии Державина, Пушкин выразил свое преклонение перед ним в целом ряде юношеских стихотворений. Но в дальнейшем, быстро освободившись от власти авторитетов, он уже в 1825 г. с поразительной независимостью судил о Державине, подвергая острой критике его поэтические приемы. Характерно, что, судя о Державине с такой смелостью и проницательностью в переписке с друзьями, Пушкин удерживался сам и удерживал других от гласной критики его (см. «Русская Старина» 1904, № 3, стр. 705).—12, 23, 40, 70, 75—77, 92, 94, 98, 112, 156, 158, 181, 184, 196, 205, 215, 224, 255, 256, 274, 287, 307, 316, 325, 338, 357, 362, 365, 378, 379, 425. См. также в Указателе произведений: «Бог», «Вельможа», «Водопад», «На возвращение графа Зубова», «На смерть князя Мещерского», «Фелица».

Джеффри Ф. (1773—1850)—английский критик, основатель и редактор журнала «Эдинбургское Обозрение».—257.

Deffand (маркиза Дю Дефан) (1697—1780)—французская писательница, салон которой посещали Вольтер, Даламбер, Бюффон и др.—59.

Джонсон С. (1709—1784)—английский критик и поэт. Большой знаток литературы, Джонсон первый усомнился в подлинности поэм Оссиана и разоблачил мистификации Макферсона (см.).—251, 325.

Дидло (1767—1837)—балетмейстер петербургского балета (1801—1830).—303.

Дидро Д. (1713—1784)—французский философ-материалист, один из редакторов «Энциклопедии». В статье «О русской литературе с очерком французской» Пушкин называет «пылкого» Дидро «самым ревностным апостолом Вольтера», в статье о Радищеве (1836) говорит о «политическом цинизме» Дидро. О двойственности его мировоззрения («афей» и «деист») Пушкин писал в стихотворном послании «К Вельможе». Собрание сочинений Дидро в двадцати томах сохранилось в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 225).—336, 360, 365.

Дирин С. Н. (1804—1839)—переводчик книги Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека», на которую Пушкин написал рецензию в «Современнике».—419.

Дмитриев И. И. (1760—1837)—поэт, один из представителей русского сентиментализма, автор поэм «Модная жена», «Чужой толк», «Ермак», сборника переводных басен («Апологи») и др. Очень долгое время Пушкин относился к Дмитриеву холодно, а порой и враждебно, не упуская случая оспаривать суждения о нем П. А. Вяземского, который, наоборот, был горячим поклонником Дмитриева (см. №№ 34, 41, 133). Вяземский в 1876 г., вспоминая о своих спорах с Пушкиным о Дмитриеве, писал, что «Пушкин... не любил его, как поэта», но что «у Пушкина бывали частые перемирия в отношении к Дмитриеву» (Собр. соч., т. I, стр. 158). К началу 30-х годов «перемирие» это упрочилось, и Пушкин в ряде писем к Дмитриеву лестно отзывался о его поэтической деятельности. В одной

из статей 1830 г. Пушкин называет «Модную жену» «прелестной сказкой». В библиотеке Пушкина сохранились: «И мои безделки» (1795), и «Стихотворения» Дмитриева (1822—1823) (*ПС*, вып. IX—X, стр. 35, 36).— 12, 21, 29, 35, 46—48, 75, 79, 104, 124, 137, 215, 224, 244, 253 *(известный баснописец)*, 289, 302, 351, 438. См. также в Указателе произведений: «Ермак», «Модная жена», «Путешествие NN в Париж и Лондон», «Светляк и Змея».

Дмитриев М. А. (1796—1866)—племянник И. И. Дмитриева, стихотворец и плодовитый писатель, прозванный—в отличие от И. И. Дмитриева — Лже-Дмитриевым. Зачинатель полемики с П. А. Вяземским о предисловии последнего к «Бахчисарайскому фонтану».—51, 71. См. также в Указателе произведений: «Второй разговор».

Дмитрий Самозванец—прозвище, данное руководителю дворянской революции против Бориса Годунова (см.).—170, 236, 272, 285.

Долгорукова Е. А., княгиня (1781—1860).—250.

Донн Д. (1573—1631)—английский поэт, произведения которого были воскрешены литературными гурманами первой четверти XIX в.—429.

Дмитрий Донской—великий князь московский (1363—1389).—66.

Дорат Ж. (1734—1780)—французский поэт и драматург, причисленный Пушкиным к «бездарным писакам обмельчавшей французской словесности».—29, 338.

Доф М.—кузина Байрона.—348.

Дуров В. А.—брат Н. А. Дуровой. Пушкин переписывался с ним по поводу издания «Записок» его сестры.—352, 435.

Дурова Н. А. (1783—1866)—участница войны 1812 г., автор записок («Кавалерист-девица», 1836 и «Записки Александрова», 1839) и повестей, печатавшихся в журналах 40-х годов. «Записки» Дуровой привлекли внимание Пушкина, часть их он напечатал в «Современнике» и дважды с похвалой отзывался о них в печати.—352 *(автор записок)*, 371, 372, 426, 435 *(автор)*, 437, 438. См. также в Указателе произведений: «Кавалерист-девица».

Дю-Барри (1741—1793)—модистка, ставшая любовницей французского короля Людовика XV; гильотинирована во время террора за помощь эмигрантам.—197.

Дю-Белле И. (1524—1560)—французский поэт, друг Ронсара, возглавлявший вместе с ним группу поэтов «Плеяды», автор трактата «La défense et l'illustration de la langue francaise».—333.

Дюкло Ш. (1704—1772)—французский историк и романист.—201.

Дюкре-Дюминиль Ф. (1761—1819)—французский писатель, автор сентиментально-нравоучительных романов.—323.

Дюма А. (отец) (1802—1870)—французский романист и драматург. Пушкин следил за драматическим творчеством Дюма. В письме к Хитрово (№ 222) речь идет о пьесе «Стокгольм, Фонтенебло и Рим», в набросках к «Египетским ночам» упоминается драма «Антоний». В письме к гр. Д. К. Нессельроде 30 января (1834?) Пушкин писал: «Вот «Анжель», граф. Жена отдала ее мадам Хитрово—прошу извинить и благодарю вас очень» (*ППЦ*, стр. 25).—250. См. также в Указателе произведений: «Стокгольм, Фонтенебло и Рим».

Дюперье (XVI век)—друг Малерба.—12.

Екатерина II (1729—1796)—русская императрица с 1762 г.— 62, 75, 218, 219, 224, 313, 315, 336, 338, 359, 361, 362, 364, 366, 385.

Елизавета Алексеевна—жена Александра I.—143.

Елизавета Петровна (1709—1761)—русская императрица с 1741 г., дочь Петра I.—114.

Елисавета (1533—1603)—английская королева с 1558 г. Ее 45-летнее царствование («елисаветинская эпоха») совпало с расцветом английской литературы и философии (Шекспир, Марло, Бэкон и др.).—76. 229.

Ермак (XVI век)—атаман донского казачества, завоеватель Сибири.—66, 363.

Ермолаев А. И. (1780—1828)—художник и археолог, изучавший «Слово о полку Игореве».—325.

Жандр А. А. (1780—1873)—драматург и переводчик Расина, Ротру и др., друг Грибоедова, Катенина и Шаховского. Пушкин дважды с большим одобрением отозвался о его переводе из «Венцеслава» Ротру.—86, 163. См. также в Указателе произведений: «Венцеслав».

Жанен Ж. (1804—1874)—французский романист, журналист и критик. Пушкин считал роман Жанена «Мертвый осел, или обезглавленная женщина» (1829) одним из замечательнейших произведений своего времени (см. стр. 246). В 1832 г. Пушкин намеревался писать о его романе «Барнав» (1831) (см. стр. 546).—370, 374, 377. См. также в Указателе произведений: «Барнав», «Мертвый осел».

Жанлис Ф. (1746—1830)—французская писательница сентиментального направления, причисленная Пушкиным к бездарным писакам «обмельчавшей французской словесности».—71, 338.

Жодель Э. (1532—1573)—французский поэт из группы «Плеядэ», возглавлявшейся Ронсаром, деятельность которой, направленная на перенесение во французскую поэзию античных поэтических форм, была уподоблена Пушкиным деятельности «славяноруссов», «шишковцев», так называемых архаистов.—333

Жуковский В. А. (1783—1852)—поэт, член «Арзамаса», один из ближайших друзей Пушкина. Пушкин считал его величайшим поэтом и называл себя «учеником Жуковского» (см. № 93). Придавая огромное значение его переводческой работе, именуя его «гением перевода», Пушкин вместе с тем досадовал, что Жуковский предпочитает переводы оригинальному творчеству: «Жуковского бы перевели все языки, если бы он сам менее переводил» (№ 48). В целом ряде стихотворений и поэм Пушкин писал о поэтическом облике Жуковского и откликался на отдельные его произведения. В библиотеке Пушкина уцелели семь томов стихотворений Жуковского (*ПС*, вып. IX—X, стр. 41).—12, 13, 17, 21 *(певец Громобоя)*, 23, 24, 32, 35, 37, 40, 46, 47, 51, 52, 61, 67, 69, 70, 72, 74—77, 84, 88, 90, 93, 99, 105, 111, 136, 153, 170, 184, 191, 192, 196, 209, 243, 244, 248, 281, 288—290, 293, 294, 296, 297, 301, 303, 307, 308, 339, 370. См. также в Указателе произведений: «Водолаз», «Война мышей и лягушек», «Две были и еще одна», «Двенадцать спящих дев», «Илиада», «К Блудову», «К портрету Гете», «Людмила», «Мечта», «Море», «Мотылек и цветы», «Перчатка», «Светлана», «Сказка о спящей царевне», «Сражение с Змием», «Стихотворения» (1824), «Суд в подземелье», «Торжество победителей».

Завадовский П. В., граф (1738—1812)—фаворит Екатерины II, председатель комиссии по составлению законов (1801—1803) и министр народного просвещения (1802—1810).—364.

Завальевский Н. С. (ум. 1864)—кишеневский знакомый Пушкина, над которым Пушкин забавлялся и шутил в письмах к друзьям.—103.

Загорский М. П. (1804—1824)—поэт и переводчик, печатавшийся в журналах и альманахах 20-х годов; Пушкин одобрительно отозвался

об его рыцарской поэме «Илья Муромец».—90. См. также в Указателе произведений: «Илья Муромец».

Загоскин М. Н. (1789—1852)—исторический романист и драматург. Пушкин в 1830 г. с большим сочувствием встретил выход его первого романа—«Юрий Милославский» (см. № 180), хотя и считал, что в нем «многого недостает». О следующем романе—«Рославлев или русские в 1812 году» (1831)—Пушкин отозвался в письме к Вяземскому гораздо сдержаннее (см. № 275). Неодобрительно отнесся он и к комедии Загоскина «Недовольные» (см. № 355).—119 *(г-н З.)*, 182, 183, 243, 244, 289, 305, 342, 427.

Зайцевский Е. П. (1800—1861)—поэт (см. «Поэты Пушкинской поры», М. 1919, стр. 104—115, и Денис Давыдов, Полное собрание стихотворений, Л., 1933, стр. 189—217). Об отказе Зайцевского участвовать в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара см. Н. Греч, «Записки», изд. «Academia», 1930, стр. 597.—339.

Зубарев Д. Е. (1802—1850)—сотрудник «Вестника Европы», выступавший с критикой «Истории Государства Российского» Карамзина.—159.

Иван IV Васильевич (1530—1584)—русский царь с 1533 г., по прозванию *Грозный*.—119, 219, 230—232, 249.

Иван Савельевич—см. Сальников.

Иванчин-Писарев Н. Д. (1790—1849)—поэт, подражавший Карамзину, автор «Сочинений и переводов в стихах» (1819), «Новейших стихотворений» (1828) и др.—64.

Игорь Святославович (1151—1202)—князь новгород-северский.—324—329, 332, 337.

Измайлов А. Е. (1779—1831)—поэт и баснописец, издатель журнала «Благонамеренный», одновременно служил в министерстве финансов (отсюда: *«коллежский советник»*). Литературную деятельность Измайлова Пушкин расценивал очень невысоко, но в одном из писем 1825 г. к брату одобрительно отозвался о начале его басни «Черный кот» («начало *Кота* Измайлова очень мило» (*ППМ*, т. I, стр. 120).—37.

Измайлов В. В. (1773—1830)—писатель-карамзинист, член цензурного комитета, издатель «Вестника Европы» (1814) и «Российского Музеума» (1815). Первое напечатанное стихотворение Пушкина появилось в «Вестнике Европы» 1814 г., №13, после чего еще два года он продолжал печататься в изданиях В. Измайлова. Впоследствии Пушкин называл его *«первым покровителем»* своей музы (см. *ППМ*, т. II, стр. 16).—167, 307.

Иов—патриарх московский. Изображение Иова в «Борисе Годунове» Пушкина Грибоедов критиковал, вероятно, после чтения драмы Пушкиным на вечере у гр. А. Г. Лаваль в мае 1828 г.—171.

Ипсиланти А. К. (1792—1828)—сын молдавского и валахского господаря, принятый на русскую службу Александром I; участник кампании 1812 г.; впоследствии вождь общества гетеристов, боровшихся за национальное освобождение Греции.—370.

Ирод Великий (40—4 до н. э.)—царь Иудеи. С его именем связан евангельский миф об избиении младенцев при рождении Иисуса Христа.—87.

Ишимова А. И. (1804—1881)—детская писательница и переводчица.—443.

Казанова Д. Д. (1725—1798)—итальянский авантюрист, автор известных мемуаров. Десять томов его записок (1837) сохранились в библиотеке Пушкина (см. *ПС*, вып. IX—X, стр. 185).—196.

Казначеев А. И. (1788—1881)—правитель канцелярии новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова.—47.

Калашников М.—крепостной Пушкиных.—53 *(Мих.)*.

Кальдерон Б. (1600—1681)—испанский драматург, автор религиозных и философских драм («Жизнь есть сон», «Пир Валтасара», «Великий Мирской театр» и мн. др.). Пушкин считал его гениальным драматургом (см. стр. 333) и в статье «О драме» (1830) писал о «недосягаемой высоте его произведений», которые наряду с произведениями Шекспира и Расина «составляют вечный предмет наших изучений и восторгов».—81, 92, 93, 109, 113, 118, 158, 226, 228, 333. См. также в Указателе произведений: «Оружие любви».

Камоэнс Л. (1525—1580)—португальский поэт, автор «Лузиады»—поэмы о подвигах португальского мореплавателя Васко де Гамы.—150, 333.

Де Кампан Ж. Л. (1752—1822)—состояла при дворе Марии Антуанетты, затем в наполеоновскую эпоху заведывала институтом для воспитания девиц.—182.

Кант И. (1724—1804)—немецкий философ-идеалист.—226.

Кантемир А. Д., князь (1708—1744)—поэт-сатирик; сын молдавского господаря, переселившегося в Россию из Турции при Петре I. Был послом в Париже с 1738 г. и перевел там десять стихотворных «Писем» Горация (перевод был издан в России в 1744 и в 1748 гг.).—332 *(сын молдавского господаря)*, 338, 377.

Карамзин Н. М. (1766—1826)—писатель и историк, автор повестей «Бедная Лиза», «Наталья—боярская дочь» и обширного труда «История Государства Российского». В статьях и письмах Пушкина почти нет отзывов о художественных произведениях Карамзина, если не считать беглого упоминания в письме к Погодину (№ 151) о повестях, «составивших первоначальную славу Карамзина». В 1822 г. Пушкин намеревался писать о прозе Карамзина, которую хоть и считал «лучшей в нашей литературе», но добавлял, что «это еще похвала небольшая». Статья обрывается на фразе: «скажем несколько слов об сем почтенном...» Повидимому, Пушкин предполагал рассмотреть принципы карамзинской прозаической речи, которые тогда уже не могли его удовлетворять. Именно к этому времени надо отнести начало борьбы Пушкина за «нагое просторечие».—3, 12, 17, 29, 35, 47, 53, 60, 74 *(Н. М.)*, 75, 84, 87—89, 94, 102—104, 108, 109, 119, 145, 146, 162, 164, 170, 190, 191, 209, 219, 230, 248, 282, 289, 315, 324, 325, 378. См. также в Указателе произведений: «История Государства Российского».

Карл VII (1422—1461)—французский король, при котором закончилась так называемая столетняя война между Англией и Францией. Победа французов в преданиях связывается между прочим с появлением в их войсках Жанны д'Арк.—440—442.

Карл X (1757—1836)—последний король французский (с 1824 г.) из дома Бурбонов, свергнутый июльской революцией 1830 г.—290, 442.

Карл XII (1682—1718)—король шведский с 1697 г., разбитый войсками Петра I в Полтавском сражении.—172, 179, 235.

Карлиль, лорд—дальний родственник Байрона.—348.

Карр А. (1808—1890)—французский писатель, автор романов «Под липами» (1832), «Поздний час» (1833), «Кратчайший путь» (1837) и др. Романы сохранились в библиотеке Пушкина (см. *ПС*, вып. IX—X, стр. 262). Повидимому, одобрение Пушкина заслужил роман «Под липами», написанный в манере Стерна.—304.

К а с т е н—француз, доктор медицины, отравивший с корыстной целью двух своих друзей в 1822 г., гильотинированный палачем Сансоном (см.).—197.

К а с т е р а Ж. (род. 1755)—французский писатель, автор сочинения «История Екатерины II» (1796), сохранившегося в библиотеке Пушкина в парижском издании 1809 г.—219.

К а с т и (1721—1803)—итальянский поэт-сатирик.—138, 139, 215.

К а т е н и н П. А. (1792—1853)—поэт, драматург, переводчик и критик, примыкавший к младшему поколению шишковцев-архаистов. О знакомстве Пушкина с Катениным см. Анненков, «Материалы», 1873, стр. 41. Пушкин очень высоко ценил деятельность Катенина во всех областях литературы. Как поэта, он считал Катенина «одним из первых апостолов романтизма», введшим в поэзию «язык и предметы простонародные». Пушкину импонировала независимость Катенина от господствовавших вкусов, и он неоднократно подчеркивал его самостоятельность и оригинальность. Драму «Андромаха» Пушкин считал чуть ли не «лучшим произведением нашей Мельпомены» (№ 196). Столь же высоко ценил Пушкин и критическую деятельность Катенина (№ 243) и признавался, что «Катенин отучил его от односторонности в литературных мнениях». В 1833 г. Пушкин напечатал статью о сочинениях Катенина. Последний оставил интересные, но неизданные до сих пор воспоминания о Пушкине. В ближайшее время они выходят в Изд-ве писателей в Ленинграде под ред. Ю. Г. Оксмана.—8—10, 12, 14, 21, 48, 68, 85, 86, 90, 91, 99, 100, 102, 131, 153, 160, 206, 225, 229, 247, 285, 307—309. См. также в Указателе произведений: «Андромаха», «Ольга», «Романсы о Сиде», «Сид», «Сочинения и переводы в стихах», «Старая быль» «Убийца».

К а т о н (234—149 до н. э.)—римский государственный деятель.—309.

К а т у л л (ок. 87—55 до н. э.)—древнеримский лирический поэт, высоко ценимый Пушкиным. В 1832 г. Пушкин перевел его стихотворение «Мальчику» («Пьяной горечью фалерна...»).—357.

К а ч е н о в с к и й М. Т. (1775—1842)—журналист, переводчик, профессор истории, редактор «Вестника Европы» (1805—1830), защитник классицизма, один из наиболее упорных врагов Пушкина, заклейменный им в целом ряде эпиграмм.—19, 22, 28, 48, 67, 71, 75, 108 *(К.)*, 164—168, 169 *(Трандафырь)*, 205, 239, 248, 305, 423 *(«ученый профессор»)*, 424. См. также в Указателе произведений: «О бельих лобках и куньих мордках», «Тереза и Фальдони».

К е н и г С. (1712—1757)—немецкий профессор математики, которого Вольтер поддерживал в полемике его с Мопертюи (см.).—386.

К е н н и н г (К а н н и н г) Д. (1770—1827)—английский государственный деятель, поэт и публицист.—119, 257.

К е р н А. П., урожд. Полторацкая (1800—1879).—Пушкин в 1825 г. пережил сильное увлечение Керн. Ей посвящено стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» (1825).—91.

К и р е е в с к и й И. В. (1806—1856)—критик и публицист, член московского кружка любомудров, один из деятельнейших участников «Московского Вестника» (1827—1828), редактор «Европейца» (1832). Выступление Киреевского в критике было встречено Пушкиным с горячим сочувствием (см. № 182). После запрещения «Европейца» Пушкин приглашал его к участию в «Дневнике», издание которого, однако, не состоялось.—190—193, 195, 196, 222, 297, 301—303, 314, 318. См. также в Указателе произведений: «Обозрение русской словесности за 1829 г.», «Обозрение русской литературы за 1831 г.».

К и с е л е в а С. С., урожд. графиня Потоцкая.—34.

Клопшток Ф. (1724—1803)—немецкий поэт, автор эпической поэмы «Мессиада» (1745—1773).—307.

Клоц (Клоотс) Анахарсис (1755—1794)—французский революционер, член Конвента, казненный в 1794 г.—71.

Княжнин Я. Б. (1742—1791)—драматург и поэт, автор трагедий «Дидона» (1769), «Вадим Новгородский» (1791) и др. и комедий: «Чудаки» (1784) и «Хвастун» (1786). В лицее Пушкин высоко ценил Княжнина, но позднее изменил о нем мнение и считал, что Княжнин только благодаря отсутствию критики «безмятежно пользуется своею славою». В «Евгении Онегине» Пушкин назвал Княжнина «переимчивым», имея в виду подражание Княжнина в комедиях французским образцам. В библиотеке Пушкина сохранилось пять томов сочинений Княжнина (изд. 1817—1818 гг.).—75, 95, 96. См. также в Указателе произведений: «Утешенная вдова», Хвастун».

Козлов В. И. (1792—1825)—писатель, сотрудник «Русского Инвалида», «Новостей Литературы» и «Северной Пчелы».—43.

Козлов И. И. (1779—1840)—поэт, автор поэмы «Чернец», горячий поклонник Пушкина; в 1821 г. потерял зрение. К Козлову обращено «Послание» (1825) Пушкина.—71 *(слепой поэт)*. См. также в Указателе произведений: «К другу В. А. Жуковскому», «Чернец».

Колардо Ш. (1732—1776)—французский поэт.—96.

Колас (Калас)—французский протестант, казненный в 1762 г. по ложному обвинению в убийстве своего сына (см. стр. 568).—385.

Коле Ш. (1709—1783)—французский сатирический поэт и драматург.—300.

Колумб Х. (1446—1506)—мореплаватель, с именем которого связано открытие Америки.—108.

Кольне дю Равель (1768—1832)—французский поэт, журналист и критик.—224.

Кольридж С. (1772—1834)—английский поэт «озерной школы», автор поэм «Старый моряк», «Кристабель» и др. Произведения Кольриджа сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 198), который ценил Кольриджа за «благородную простоту» языка.—152.

Кольцов А. В. (1809—1842)—поэт. О личном знакомстве Пушкина с Кольцовым см. «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук», 1907, т. XII, кн. 4, стр. 225. По воспоминаниям И. С. Тургенева, «Кольцов благоговел перед Пушкиным» (Полное собрание сочинений, 1891, т. X, стр. 14).—425, 437.

Кониский Г. (1717—1795)—архиепископ могилевский, автор церковных проповедей и поэт. В статье о собрании его сочинений (изд. в 1835 г.) Пушкин отметил, между прочим, одну из элегий Кониского, показавшуюся ему «достопримечательной» (*Пушкин—ГИХЛ*, т. V, стр. 144).—235, 421.

Констан Б. (1767—1830)—французский писатель и политический деятель; автор романа «Адольф» (1816), переведенного на русский язык кн. П. А. Вяземским (изд. в 1831 г.), с посвящением Пушкину, из которого явствует, что «Адольф» был высоко ценим последним.—180, 320 *(один из французских публицистов)*. См. также в Указателе произведений: «Адольф».

Коншин Н. М. (1793—1859)—поэт и переводчик; автор многочисленных стихотворений и повестей, печатавшихся в альманахах и журналах.—65.

Копиевич И. Ф.—литератор и переводчик петровской эпохи.—332.

К о р д е Шарлотта (1768—1793)—убийца Марата, гильотинирована по приговору Революционного трибунала.—197.

К о р н е л ь П. (1606—1684)—французский драматург, автор трагедий «Сид» (1636), «Гораций» (1639), «Помпей» (1641) и др. Из произведений Корнеля Пушкин выше всего ставил «Сида», отмечая в нем смелое нарушение требований классических единств. В 1825 и 1829 гг. Пушкин называл Корнеля «истинным гением трагедии», но в 1832 г. оспаривал мнение французских писателей Лагарпа и Гюго, ставивших трагедии Корнеля и Вольтера наряду с трагедиями Расина. Собрание сочинений Корнеля в 2-х томах (1834) на французском языке сохранилось в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 213).—21, 59, 80, 119, 172, 225, 226, 300, 334, 335, 431—433. См. также в Указателе произведений: «Сид».

К о р н и л о в и ч А. О. (1795—1834)—журналист, сотрудник «Северного Архива», «Полярной Звезды» Бестужева и Рылеева, издатель альманаха «Русская Старина» (1825); член Южного общества декабристов.—45. См. также в Указателе произведений: «Об увеселениях двора».

К о р н у о л ь Б. (1787—1874)—английский поэт и прозаик, начал печататься в 1819 г. Пушкин был знаком с его произведениями по парижскому сборнику произведений Вильсона, Больуса, Мильмана и Корнуоля (1829). «Маленькие трагедии» Пушкина и ряд его стихотворений болдинского периода родственны драматическим сценам Корнуоля. В 1837 г., по просьбе и указанию Пушкина, А. О. Ишимова перевела для «Современника» несколько сцен Б. Корнуоля.—443.

К о р о т к и й Д. В.—юрист, служивший в 30-х годах в одном из петербургских судебных учреждений.—305.

К о р р е д ж и о (1494—1534)—итальянский художник эпохи Возрождения.—11.

К о р с а к о в П. А. (1790—1844)—писатель и журналист, с 1835 г.—цензор. В издаваемом им журнале «Северный Наблюдатель» в 1817 г. был помещен ряд стихотворений Пушкина.—438.

К о с и ч к и н Феофилакт—один из псевдонимов А. С. Пушкина.—276, 277, 296—298, 305.

К о с т р о в Е. И. (1750—1796)—поэт и переводчик, автор первого перевода на русский язык «Илиады» Гомера и «Золотого осла» Апулея. Пушкин относил Кострова к числу поэтов XVIII века, «обработавших наш русский язык» (наряду с Державиным, Херасковым и Ломоносовым).—192, 318, 320, 324, 365. См. еще в Указателе произведений: «Илиада».

К о с т ю ш к о Ф. (1746—1817)—вождь польского восстания 1794г.—369.

К о т т е н М. (1770—1807)—французская писательница, автор романов «Мальвина», «Матильда», «Елизавета» и др. «Матильда» названа Пушкиным в примечаниях к «Евгению Онегину» «посредственным романом».—377.

К о ц е б у А. (1761—1819)—немецкий драматург, создатель мещанской драмы. Шпион Александра I, информировавший его о внутренних делах своего отечества, активно боролся с либеральным движением, охватившим Германию. Был убит в 1819 г. студентом Карлом Зандом.—89 ***(Коцебятина)***, 116. См. также в Указателе произведений: «Смерть Ролла».

К о ш а н с к и й Н. Ф. (1785—1831)—профессор российской и латинской словесности, преподаватель Царскосельского лицея, где учился Пушкин.—307.

К р а с о в с к и й А. И. (1780—1857)—петербургский цензор (1821—1828).—49, 52, 78, 351.

Кребб Л. (1754—1832)—английский поэт. Сочинения его в одном томе сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 215).—317, 318.

Кривцов Н. И. (1791—1843)—один из приятелей Пушкина, близко стоявший к «Арзамасу»; познакомился с Пушкиным в 1817 г. К нему обращены стихотворения Пушкина: «Не пугай нас, милый друг» (1817), «Когда сожмешь ты снова руку» (1819).—8, 287.

Кромвель О. (1599—1658)—вождь английской революции 1643 г., свергший Стюартов. В 1657 г. Кромвелю была предложена королевская власть, от которой он отказался, сохранив звание «лорда-протектора».—428—431, 433.

Крылов И. А. (1769—1844)—баснописец и драматург. Пушкин еще в ранних своих заметках отмечал, что у Крылова «слог русский» (см. № 11). Впоследствии он называл его «самым народным нашим поэтом, превзошедшим всех баснописцев», и в частности противопоставлял его басни салонным «басенкам» И. И. Дмитриева.—12, 35, 40, 46, 57, 60, 61, 75, 77, 88, 113, 156, 160, 184, 221, 340, 425. См. также в Указателе произведений: «Демьянова уха», «Мельник», «Муравей», «Напрасно говорят...».

Ксения (Годунова) (ум. 1622)—дочь царя Бориса, наложница Дмитрия Самозванца, который не велел ее убивать во время свержения ее брата, царя Федора, «дабы лепоты ее насладитися»; вскоре была удалена Дмитрием Самозванцем в монастырь.—171.

Кузен В. (1792—1867)—французский философ и политический деятель.—178.

Кукольник Н. В. (1809—1868)—драматург и писатель. Кроме беглого упоминания имени Кукольника в одной из статей и пренебрежительного отзыва о нем в дневнике Пушкина, известны его устные оценки Кукольника (см. стр. 558). О насмешливом отношении к Кукольнику говорит и письмо Пушкина к жене от 30 апреля 1834 г.: «передо мною весь город проехал в каретах (кроме поэта Кукольника, который проехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках, что было истинно-поэтическое явление)» (*АП*, т. III, стр. 108).—339, 425. См. также в Указателе произведений: «Рука всевышнего отечество спасла», «Торквато Тассо».

Купер Ф. (1789—1851)—американский писатель; автор романов «Последний из могикан», «Открыватель следов», «Пионеры» и др. Сочинения Купера сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 151, 212).—398.

Курбский Андрей, князь (1528—1583)—политический деятель, сподвижник Ивана Грозного, впоследствии попавший в опалу и бежавший в Польшу (1564). Из Польши писал обличительные письма Ивану Грозному. «*Озлобленная летопись*» князя Курбского, о которой пишет Пушкин,—его «История князя великого московского» (исторические записки, доведенные до 1578 г.).—119.

Курганов Н. Г. (ок. 1725—1796)—педагог и литератор, составитель популярного в свое время «Письмовника», выдержавшего с 1769 г. по 1831 г. около десяти изданий.—168.

Кутузов А. М. (1749—1797)—друг Радищева, переводчик Клопштока, деятель масонских организаций.—360.

Кюхельбекер В. К. (1799—1846)—товарищ Пушкина по лицею; поэт, примыкавший к группе младших шишковцев-архаистов, враждебных «Арзамасу»; декабрист. Пушкин не любил поэзии Кюхельбекера и высмеял его поэтические опыты в ряде эпиграмм и в пародийной «Оде графу Хвостову» (1825). Насмешливо отзывался он о стихах Кюхельбекера и в

Хвостову» (1825). Насмешливо отзывался он о стихах Кюхельбекера и в письмах к друзьям. Как критика, Пушкин ценил Кюхельбекера, хотя и полемизировал с ним, в частности по вопросам, выдвинутым Кюхельбекером в статье «О направлении нашей поэзии» (№ 119). В набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин отметил введение Кюхельбекером в русскую поэзию белого ямба.—23, 30, 44 *(Кюхля)*, 70, 74, 82, 89, 90, 93, 294 *(Кюхля)*. См. еще в Указателе произведений: «А. С. Грибоедову», «Аргивяне», «Ижорский», «К Пушкину», «О направлении нашей поэзии», «Послание к Ермолову», «Разговор с Булгариным», «Шекспировы духи».

Лавинь—см. Делавинь.

Лагарп Ф. (1739—1803)—французский критик и драматург. Пушкин нередко пользовался его сочинением «Лицей, или курс древней и новой словесности», заимствуя оттуда сведения о французских писателях.—16, 80, 172, 209, 300, 308. См. также в Указателе произведений: «Филоктет».

Лагир Э. (1390—1443)—гасконский офицер, участвовавший вместе с Жанной д'Арк в осаде Орлеана и пытавшийся освободить ее из английского плена.—441, 442.

Лажечников И. И. (1792—1869)—исторический романист, автор романов «Последний Новик» (1831—1833), «Ледяной дом» (1835) и др. Оба эти романа заслужили одобрение Пушкина, хотя он отметил несоблюдение «исторической истины» в «Ледяном доме».—341, 353. См. также в Указателе произведений: «Ледяной дом», «Последний Новик».

Ламартин А. (1790—1869)—французский поэт-романтик, автор «Поэтических размышлений» (1820—1823), «Религиозных и поэтических гармоний» (1830), поэмы «Жоселен» (1836) и др. Первые отзывы Пушкина, относящиеся к 20-м годам, сравнительно благоприятны для Ламартина (см. № 41). В 1824 г. Пушкин хвалит некоторые стихотворения, вошедшие в сборник «Новые поэтические размышления» (1823). Но еще не ознакомившись с «Последней песней странствия Чайльд Гарольда», Пушкин уже предвидел, что это будет «чепуха», что Ламартину далеко до Байрона. Когда Ламартин начал усиленно вводить в поэзию религиозные мотивы, Пушкин иронизировал над «набожностью» Ламартина, которого считал теперь скучным, вялым и однообразным поэтом.—35, 41, 43, 71, 89, 118, 268, 300, 305, 375. См. также в Указателе произведений: «Наполеон», «Последняя песнь странствований Чайльд Гарольда», «Поэтические и религиозные размышления», «Религиозные гармонии», «Умирающий поэт».

Латримуль (1385—1446)—министр французского короля Карла VII, противник Жанны д'Арк. Один из главных героев «Орлеанской девственницы» Вольтера.—442.

Лафонтен Ж. (1621—1695)—французский поэт-баснописец. С творчеством Лафонтена Пушкин был знаком еще в детстве и под влиянием его начал тогда писать басни (Анненков, «Материалы», 1873, стр. 13). Защищая шутливую поэзию и в частности своего «Графа Нулина» от нападок сторонников «благопристойности» в поэзии, Пушкин неоднократно ссылался на «Сказки» Лафонтена, которые принадлежали к числу любимых его произведений. Пушкин относил их к романтическому жанру. Сопоставляя басни Крылова с баснями Лафонтена, он писал, что «Лафонтен и Крылов являются представителями духа обоих народов». В одной из статей 1834 г. Пушкин ошибочно называет Лафонтена, который был сыном купца, бедным дворянином (см. стр. 335).—12, 40, 60, 61, 75, 215, 216, 223, 333—336, 384. См. также в Указателе произведений: «Устрица и спорщики».

Легуве Ж. Б. (1764—1812)—французский поэт, автор вычурных дидактических трагедий и поэм.—21.

Л е м о н т е П. (1762—1826)—французский историк, член французской Академии; автор предисловия к сборнику басен Крылова, переведенных на французский язык.—57—60, 84.

Л е о н и д—спартанский царь, погибший в сражении при Фермопилах против персов в 480 г. до н. э. Изображен в трагедии М. Пиша «Леонид» (1825).—119.

Л е с а ж А. (1668—1747)—французский романист и драматург, автор «плутовских» романов: «Хромой бес» (1707), «Жиль Блаз» (1715—1735) и др. Говоря о том, что Лесаж служил для русских авторов образцом нравоописательных и исторических романов, Пушкин, вероятно, имел в виду романы М. Комарова («Несчастный Никанор»), Булгарина («Иван Выжигин») и Нарежного («Похождения российского Жиль Блаза»). Однотомник Лесажа (изд. 1822 г.) сохранился в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 147).—376, 377. См. также в Указателе произведений: «Гузман Альфашир», «Жиль Блаз».

Л е с с и н г Г. (1729—1788)—немецкий теоретик искусства, критик и драматург, один из крупнейших представителей литературы немецкого просветительства XVIII века, автор эстетического трактата «Лаокоон» и драм «Натан Мудрый» и «Эмилия Галотти». Его теория новой драмы подробно развита им в «Гамбургской драматургии».—226.

Л е т у р н е р П. (1736—1819)—французский писатель и переводчик Шекспира, Макферсона и Юнга.—428.

Л о б а н о в М. Е. (1787—1846)—писатель, драматург и переводчик, член Российской Академии. Пушкин весьма резко отозвался в 1824 г. об его переводе «Федры» Расина, а в 1836 г. полемизировал с ним в статье «Мнение Лобанова», напечатанной в «Современнике».—8, 43, 373—380. См. также в Указателе произведений: «Федра».

Л о м о н о с о в М. В. (1711—1765)—поэт и ученый. В юношеские годы Пушкин, по традиции, считал Ломоносова классическим поэтом, «отцом русской поэзии», но позднее относился к его поэтическому творчеству отрицательно, указывая всегда на его огромные заслуги перед наукой.—3, 12, 40, 47, 48, 58, 59, 75, 77, 93, 95, 111, 114, 128, 157, 179, 181, 184, 220, 244, 248, 310, 314—320, 325, 332 *(сын холмогорского рыбака)*, 338, 364, 365, 378. См. также в Указателе произведений: «Гимн бороде», «Полидор».

Л о п е д е В е г а Ф. (1562—1635)—плодовитый испанский драматург, создатель испанского национального театра. Драматургическая система Лопе де Вега, родственная во многом Шекспиру (отрицание «единств», смешение трагического и комического, свободная от канонов структура драмы и пр.), не могла не привлечь внимания Пушкина, когда он усиленно изучал образцы мировой драмы. Он познакомился с творчеством Лопе де Вега не ранее 1825—1826 г., находил в нем «достоинства большой народности», считал его «гением народной поэзии».—81, 92, 118, 236, 333.

Л у в е л ь Л. (1783—1820)—французский рабочий, убивший в 1820 г. в Париже герцога Беррийского, сына наследника французского престола. Портрет Лувеля с надписью «Урок царям» юноша Пушкин открыто показывал в театре, и это явилось одним из поводов для высылки его на юг.—197.

Л у г о в о й Н.—псевдоним О. Сомова.

Л у к р е ц и й (95—55 до н. э.)—римский поэт, автор атеистической поэмы «О природе вещей». Пушкин в письме к Бестужеву 1825 г. называл Лукреция «гением».—74, 330.

Лукреция—римская аристократка, обесчещенная, по преданию, царем Тарквинием (см.) и лишившая себя жизни, что послужило якобы поводом к восстанию, закончившемуся свержением царской власти в Риме и замене ее аристократической республикой (VI век до н. э.).—309.

Лукреция Борджиа (1478—1519)—Феррарская герцогиня, «незаконная» дочь папы Александра I и сестра Цезаря Борджиа. Молва гласила о ее кровосмесительной связи с братом и отцом. Изображена в драме В. Гюго «Лукреция Борджиа».—375.

Львов В. В., князь (1804—1856)—писатель, издававший совместно с А. Н. Очкиным журнал «Детская библиотека» (1835—1838).—354.

Любомирская—(?).—171.

Людовик XIII (1601—1643)—французский король с 1610 г.

Людовик XIV (1638—1715)—французский король с 1643 г.—59, 76, 119, 333—335, 337, 370, 376.

Людовик XV (1710—1774)—французский король с 1715 г.—335, 371, 386.

Людовик XVI (1754—1793)—французский король с 1774 г., казненный по постановлению Конвента 21 января 1793 г.—337.

Магницкий М. Л. (1778—1855)—государственный деятель, один из самых крайних реакционеров. В 1819—1826 гг.—попечитель Казанского университета, разгромивший университет за «безбожное направление».—79.

Магомет (571—632)—основоположник магометанской религии.—70, 97, 105, 106.

Мазарини Д. (1602—1661)—кардинал, французский государственный деятель, первый министр при Людовике XIII.—370.

Мазепа И. С. (1644—1709)—украинский гетман, пользовавшийся доверием Петра I, но перешедший на сторону шведского короля Карла XII.—161, 172, 173, 234, 235.

Майков В. И. (1728—1778)—поэт и драматург, автор ирои-комической поэмы «Елисей, или раздраженный Вакх» (1771), которую Пушкин находил «истинно-смешной». Собрание его поэм, басен и сказок сохранилось в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 60).—31. См. также в Указателе произведений: «Елисей».

Макиавелли Н. (1469—1527)—итальянский политический деятель, философ и писатель, автор трактата «Государь». В библиотеке Пушкина сохранилось десять томов сочинений Макиавелли на французском языке (*ПС*, вып. IX—X, стр. 278).—323.

Максимович М. А. — издатель альманаха «Денница» (1831—1834), участником которого был Пушкин.—189, 284, 341.

Макферсон Д. (1736—1796)—шотландский поэт, издавший в 1760 г. «Фрагменты древней поэзии» с мистификацией (как перевод с древней рукописи на гэльском языке неизвестного автора, записавшего песни Оссиана). В 1762 г. Макферсон издал книгу: «Фингал, древняя эпическая поэма в 6 книгах вместе с другими поэмами, составленными Оссианом, сыном Фингала; переведено с гэльского языка Джемсом Макферсоном». В 1793 г. вышла «Темора» с таким же подзаголовком. «Древне-кельтский» эпос этот был встречен с восторгом, но в 1799 г. английский критик С. Джонсон изобличил подделку изданных Макферсоном материалов.—251, 325.

Малерб Ф. (1555—1628)—французский поэт, один из основоположников классицизма, стремившийся «очистить» французский язык и придать ему строгие литературные формы. В наброске «О французской сло-

весности» (см. № 11) Пушкин имеет в виду 4-ю строфу стансов Малерба «Утешение г-ну Дюперье по случаю кончины его дочери» (1599).—12, 59, 334. См. также в Указателе произведений: «Утешение г-ну Дюперье по случаю кончины его дочери».

Малиновский А. Ф. (1762—1840)—директор Царскосельского лицея, где учился Пушкин.—306.

Мансуров П. Б. (1795—1880)—приятель Пушкина, театрал, член общества «Зеленая Лампа».—8.

Манцони А. (1784—1874)—итальянский поэт и прозаик, автор исторического романа «Обрученные» (1827). От этого романа Манцони Пушкин, по свидетельству А. П. Керн и С. А. Соболевского, был в восхищении (см. стр. 546).—296. См. также в Указателе произведений: «Обрученные».

Марк Аврелий (121—180)—римский император и автор сборника морально-философских сентенций в духе стоицизма «К самому себе». Чаадаев в «Философических письмах» писал, что «Марк Аврелий—в сущности только любопытный пример искусственного величия и тщеславной добродетели».—293.

Маркези Л. (1755—1829)—итальянский певец.—367.

Мармонтель Ж. (1723—1799)—французский писатель эпохи просветительства, сотрудник «Энциклопедии» Дидро. В области художественного творчества не дал ничего значительного; его комедии знаменуют упадок классического трагедийного жанра. Мармонтель, по определению Пушкина,—«гриб, выросший у корней дубов».—338.

Маро К. (1495—1544)—французский поэт эпохи Возрождения; сыграл значительную роль в преобразовании французского литературного языка, явившись в этой области предшественником Ронсара и Малерба.—333, 335 *(Марот)*.

Мартиньяк Ж. (1776—1832)—французский министр.—257.

Марфа Посадница (Борецкая)—возглавляла борьбу Новгорода с Москвой (1470—1478), закончившуюся присоединением Новгорода и пострижением Марфы в монахини.—230—232.

Матиссон Ф. (1761—1831)—немецкий лирический поэт сентиментального направления.—21.

Мейстер—см. Местр.

Менар Ф. (1582—1648)—французский лирический поэт.—12.

Мерзляков А. Ф. (1778—1830)—поэт и критик, профессор Московского университета по кафедре словесности. В качестве теоретика литературы имел репутацию литературного старовера и завзятого «классика». Пушкин считал Мерзлякова посредственным критиком и «ужасным невеждой».—5, 75, 288, 355.

Мериме П. (1803—1870)—французский писатель, автор «Театра Клары Газюль» (1825), «Гузла» (1827), «Жакерии» (1828), «Хроники времен Карла IX» (1829), «Двойной ошибки» (1833) и др. О его литературных мистификациях см. стр. 500. «Жакерия» Мериме оказала влияние на «Сцены из рыцарских времен» Пушкина. Пушкин-прозаик испытал явное воздействие «острого и оригинального писателя», повествовательная манера которого была наиболее ему родственна и близка. Ряд книг Мериме сохранился в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 286).—346. См. также в Указателе произведений: «Двойная ошибка», «Театр Клары Газюль», «Хроника времен Карла IX».

Мерсье Л. (1740—1814)—французский литератор, пропагандист идей Руссо, автор запрещенного в свое время утопического романа о всеобщем равенстве «2440 год» (1770) и так же запрещенных «Картин Парижа» (1781).—218.

Местр Ж. (1754—1821)—французский писатель, монархист и поборник католицизма. Говоря в заметке «Записки Самсона» (№ 183) о «поэтической и страшной» странице графа де Местра, Пушкин имеет в виду то место его сочинения «Considerations sur la révolution française» (1796), где Местр, проповедник абсолютизма, рисует «кровавые последствия» цареубийства.—197.

Метастазио П. (1698—1782)—итальянский лирик и драматург, крупнейший поэт рококо, автор музыкальных драм и трагедий, имевших большой успех у современников.—337.

Миерис (1635—1681)—лейденский живописец, ученик Доу; миниатюры его отличались большой тонкостью отделки.—301.

Миллер Г. (1705—1783)—историограф, академик.—244.

Милонов М. В. (1792—1821)—второстепенный сатирический поэт.—14, 48, 86. См. также в Указателе произведений: «Сотворение мира».

Милорадович М. А. (1771—1825)—генерал, участник кампании 1812 года, петербургский генерал-губернатор, убитый во время восстания 14 декабря 1825 г. выстрелом Каховского.—102.

Мильвуа Ш. (1782—1816)—французский поэт, которому подражал Батюшков. Четыре тома его сочинений сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 289).—35, 125, 126.

Мильтиад—афинский полководец, разбивший персов при Марафоне (490 до н. э.).—24, 50.

Мильтон Д. (1608—1674)—английский поэт, публицист, политический деятель эпохи Кромвеля и участник революции 1648 г.; автор эпической поэмы «Потерянный рай» (1667) и «Рай возвращенный» (1670), где библейские сказания играли роль аллегорий, вуалировавших революционный смысл поэмы, отразившей политическую борьбу в Англии того времени. Пушкин ставил Мильтона в один ряд с Данте и Шекспиром, которые, по его определению, достигли «высшей смелости»—«смелости изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслию».—59, 75, 113, 320, 321, 333, 335, 337, 427—434. См. также в Указателе произведений: «Защита народа», «Иконокласт», «Потерянный рай».

Минин-Сухорук К. (ум. 1616)—нижегородский купец, прославленный буржуазно-дворянскими историками как герой-патриот, боровшийся за восстановление «порядка» в революционную эпоху «смуты» и за изгнание поляков из Москвы.—171, 183, 220.

Мирабо О. (1749—1791)—деятель Великой французской революции.—76, 336, 363.

Мицкевич А. (1798—1855)—польский поэт. В статьях, заметках и письмах Пушкина мы находим лишь самые беглые упоминания и отзывы о Мицкевиче. Между тем «певец Литвы» был одним из наиболее любимых им поэтов. Услышав впервые в 1826 г. импровизацию Мицкевича на вечере сотрудников «Московского Вестника», восхищенный Пушкин, по словам очевидца, осыпал Мицкевича поцелуями и восклицал: «Какой гений! какой священный огонь! что я после него!?» («Исторический Вестник» 1880, № 5, стр. 30). 1828 год был годом наибольшего сближения поэтов. Позднее, вспоминая о Пушкине в своих «Дзядах», Мицкевич говорил, что души его и Пушкина, «возносясь над всеми земными препятствиями, походили на две альпийских скалы-двойчатки, которые хотя силою потока и разделены навеки [здесь подразумеваются политические разногласия поэтов.—*Н. Б.*], но приклоняются друг к другу своими смелыми вершинами, едва внимая ропоту враждебной волны» («Русский Архив» 1873, кн. II, стр. 1061). Знакомство их прервалось весною 1829 г., когда Мицкевич уехал за границу. По выходе «Конрада Валленрода» Пушкин

начал переводить поэму Мицкевича, но, «не умея подчинить себя тяжелой работе переводчика», не стал продолжать перевода. После смерти Пушкина Мицкевич написал о нем обширную статью, напечатанную во французском журнале «Le Globe» (см. Собр. соч. П. А. Вяземского, т. VII, стр. 306).—195, 250, 286, 346.

Мнишек Марина (1588—1614)—жена Дмитрия Самозванца.—170, 272, 285.

Мольер Ж. (1622—1673)—французский драматург, автор «Тартюфа», «Мещанина во дворянстве», «Скупого» и многих других комедий. Пушкин, по рассказам сестры, еще в детстве пытался подражать Мольеру в маленьких комедиях, написанных по-французски. В стихотворении «Городок» (1814) Пушкин называет Мольера «исполином». Позднее, изучив Шекспира, Пушкин отдавал ему бесспорное предпочтение перед Мольером, подчеркивая известную однобокость героев Мольера в противовес широкому изображению характеров у Шекспира («Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей» и т д.). П. В. Анненков, однако, указывает в своих воспоминаниях, что Гоголь принялся за Мольера только после строгого выговора, данного Пушкиным за небрежение к этому писателю («Литературные воспоминания», изд. «Academia», 1928, стр. 59). Особенно высоко Пушкин ценил «Тартюфа».—12, 43, 76, 109, 113, 210, 216, 225, 295, 322, 334, 335, 431—433. См. также в Указателе произведений: «Проделки Скапена», «Скупой», «Тартюф».

Монтэнь М. (1533—1592)—французский философ и писатель эпохи Возрождения, автор «Опытов» (1588)—сборника замечаний, афоризмов и сентенций по вопросам философии, истории, религии и т. д. Влияние выработанного Монтэнем жанра фрагментарных записей сказалось на построении Пушкинских «Отрывков из писем» (см. №№ 135, 136).—109, 162, 300, 333. См. также в Указателе произведений: «Опыты».

Монтескье Ш. (1689—1755)—французский политический писатель, историк и социолог, один из представителей старшего поколения «просветителей» во Франции. Наиболее значительные произведения его—«Персидские письма» (1721) и «Дух законов» (1748).—300, 375.

Монтолон К. (1783—1853)—французский генерал, разделявший с Наполеоном ссылку на остров св. Елены; один из издателей мемуаров Наполеона (1822—1823).—65.

Мопертюи П. (1698—1759)—французский астроном, президент Берлинской академии (1745—1753), резко выступавший против Вольтера.—386.

Мордвинов Н. С., граф (1754—1845)—адмирал, государственный деятель, начавший карьеру при Екатерине II, член Комитета министров при Александре I, представитель дворянской оппозиции.—22, 47, 437.

Моцарт В. (1756—1791)—немецкий композитор.—310.

Мстислав (1-я половина XI века)—князь тьмутараканский, сын Владимира Святого и брат Ярослава Мудрого.—66.

Мур Т. (1779—1852)—английский поэт, автор восточной поэмы «Лалла-Рук» (1817), «Ирландских мелодий» (1804) и т. д., друг и биограф Байрона. Пушкин не любил Мура, называл его «чопорным подражателем безобразному восточному воображению» и считал, что вся «Лалла-Рук» не стоит десяти строчек «Тристрама Шенди» Стерна (см. № 20).—17, 21, 70, 75, 85, 195, 348, 349. См. также в Указателе произведений: «Лалла-Рук», «Пери и ангел».

Муравьев А. Н. (1806—1874)—поэт и писатель по религиозным вопросам, автор книги «Путешествия ко святым местам», на которую Пушкин начал писать рецензию, но не закончил ее. В рецензии на «Северную Лиру» (1827) Пушкин отметил «с надеждой и радостью» первые поэтические опыты Муравьева, который в стихах был одним из его подражателей.—113, 344. См. также в Указателе произведений: «Путешествие ко святым местам».

Муравьев М. Н. (1757—1807)—писатель, автор сборника стихов «Обитель предместья» и др.—138, 139.

Муравьев Н. Н. (1775—1845).—В 1828 г. Муравьев издал три части собрания своих сочинений, само название которых звучало юмористически: «Некоторые из забав отдохновения с 1805 года Николая Назарьевича Муравьева, статс-секретаря Е. И. В., Тайного советника, сенатора, почетного члена Императорских Российских Академий и Университетов: Московского и Виленского и Московских ученых обществ: истории и испытателей природы». Пушкин, Вяземский, Шевырев, Жуковский и др. потешались над «высокопарными нелепостями», заключавшимися в сочинениях этого графомана.—244.

Муравьев-Апостол И. М. (1768—1851)—отец декабристов, дипломат, член Российской Академии, автор книги «Путешествие по Тавриде» (1823).—34, 36, 136. См. также в Указателе произведений: «Путешествие по Тавриде».

Мусин-Пушкин А. И., граф (1741—1817)—обер-прокурор синода, собиратель древних рукописей, первый издатель «Слова о полку Игореве» (1800).—219, 324.

Муханов А. А. (1800—1834)—поручик уланского полка, приятель П. А. Вяземского и Е. А. Баратынского. В 1825 г. выступил в «Сыне Отечества» со статьей об отрывках из книги г-жи Сталь «Десять лет изгнания», что вызвало ответную статью Пушкина в «Московском Телеграфе» (см. № 74).—54, 55 *(г. А. М.)*, 56 *(А. М.)*, 88. См. также в Указателе произведений: «Отрывки г-жи Сталь о Финляндии».

Мюссе А. де (1810—1857)—французский поэт и романист, дебютировавший в 1828 г. переводом английского романа де Квинси «Пожиратели опиума». В 1829 г. выпустил «Испанские и итальянские сказки», о которых Пушкин написал в 1830 г. весьма сочувственную заметку. В 1832—1834 гг. вышли два тома его «Спектакля в кресле», в 1836 г.—роман «Исповедь сына века». Из переписки П. А. Вяземского (Остаф. архив, т. III, стр. 350) и воспоминаний Шевырева известно, что Пушкин очень высоко ценил дарование Мюссе. Произведения его сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 297—298).—224, 225. См. также в Указателе произведений: «Жареные каштаны», «Испанские и итальянские сказки», «Мардохай», «Порция».

Мятлев И. П. (1796—1844)—поэт, автор шутливой поэмы «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею дан л'этранже», был очень дружен с П. А. Вяземским и Пушкиным, которые сочиняли вместе с ним шуточные стихи. По свидетельству С. А. Соболевского, Пушкин «очень любил произведения Мятлева и беспрестанно твердил их» («Рассказы о Пушкине», М. 1925, стр. 33).—310.

Надеждин Н. И. (1804—1856)—профессор Московского университета, сотрудник «Вестника Европы», редактор-издатель журнала «Телескоп» (1831—1836), выступавший под псевдонимом Надоумко со статьями против Пушкина. Пушкин написал на Надеждина ряд эпиграмм и высмеял его в фельетонах: «Несколько московских литераторов», «Дет-

ская книжка» и др.—166, 168 *(Невеждин)*, 169 *(пьяный семинарист)*, 179 *(Ванюша, сын приходского дьячка)*, 255, 286 *(Надоумко)*, 296, 303.

Надоумко—псевдоним Н. И. Надеждина.

Наполеон I (1769—1821)—французский император (1801—1814).—37, 55, 56, 65, 71, 73, 79, 345, 371, 372.

Наталья Петровна (Голицына) (1741—1837)—княгиня, послужившая Пушкину прототипом старухи-графини в «Пиковой даме».—339.

Нахимов А. Н. (1783—1815)—сатирический поэт.—21, 45.

Нащокин П. В. (1800—1854)—один из ближайших друзей Пушкина.—291, 294, 305, 353, 438.

Неелов С. А. (1778—1852)—московский богач, отставной корнет конной гвардии, автор непристойных стихов, распространявшихся в рукописях в приятельском кругу.—72.

Неккер (1732—1804)—отец г-жи Сталь, французский государственный деятель, министр финансов.—56.

Нелединский-Мелецкий Ю. А. (1762—1828)—поэт, пользовавшийся у современников славой русского Анакреона, автор салонных романсов и стилизованных «народных» песен.—35.

Нерон (37—68)—римский император с 54 г.—119, 228.

Нибур Г. (1776—1831)—немецкий историк, автор «Римской истории».—178, 375.

Низар Д. (1806—1888)—французский критик и историк литературы.—434.

Никитенко А. В. (1805—1877)—с 1830 г. профессор политической экономии, а затем русской словесности в Петербургском университете; с 1833 г.—цензор. В «Дневнике» Никитенки (изд. 1893 г.) есть записи о Пушкине.—339, 351.

Николай I (1796—1855)—русский император с 1825 г.—144 *(его величество)*, 245 *(император)*, 246 *(мой цензор)*, 290 *(государь)*.

Новиков Н. И. (1744—1818)—общественный деятель, публицист и издатель. Был арестован в 1792 г. и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где пробыл $4^1/_2$ года. Пушкин высоко ценил Новикова (см. «Исторические замечания», 1822, и заметку «Словарь о святых», 1836)—(*Пушкин—ГИХЛ*, т. V, стр. 236, 647).—190, 191.

Норов А. С. (1795—1869)—государственный деятель, писатель и переводчик, автор ряда книг, в которых описываются путешествия по Сицилии, в Палестину и т. д. О двух его стихотворных переводах из Данте Пушкин отозвался отрицательно в рецензии на альманах «Северная Лира» (1827).—113, 339.

Овидий Назон (43 до н. э.—18 н. э.)—римский поэт, автор поэмы «Наука о любви», книги элегий «Скорби», стихотворных «Писем с Понта», «Метаморфоз» и др. О ссылке его в г. Томы см. стр. 569. С произведениями Овидия Пушкин был знаком еще в лицее, но особенно много читал его (во французском переводе) в ссылке на юге, и в одном из писем того времени называет его гением. В эти годы имя Овидия часто фигурирует в произведениях Пушкина, который сопоставлял судьбу его со своею. Характеристику «Скорбей» и «Писем с Понта» Пушкин дал в рецензии на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова (см. № 346). В библиотеке Пушкина сохранились произведения Овидия в оригинале и в переводах (*ПС*, вып. IX—X, стр. 70, 162, 304).—74, 234, 371, 375, 389—391). См. также в Указателе произведений: «Героиды», «Искусство любви», «Метаморфозы», «Понтийские элегии», «Скорби».

Одоевский В. Ф., князь (1803—1869)—писатель, деятельный сотрудник пушкинского «Современника», автор книги повестей «Русские ночи», «Сказок дедушки Иринея» и отдельных работ по теории музыки, истории и т. д. В статьях и заметках Пушкина нет никаких упоминаний о художественных произведениях Одоевского, но, судя по переписке и воспоминаниям современников, Пушкин высоко ценил его талант и горячо встретил ряд его литературных произведений. «Пушкин весьма доволен твоим «Квартетом Бетховена» [новелла из «Русских ночей»—*Н. Б.*]. Он говорит, что это не только лучшая из твоих печатных пиес... но что едва ли когда-либо читали на русском языке статью столь замечательную и по содержанию и по слогу. Он бесится, что на нее обращают мало внимания. Он находил, что ты в этой пиесе доказал истину весьма для России радостную, а именно, что возникают у нас писатели, которые обещают стать на ряду с прочими европейцами, выражающими мысли нашего века» (письмо А. И. Кошелева В. Ф. Одоевскому от 21 февраля 1831 г.). Сам Одоевский писал, что «Пушкин очень дорожил» его «произведениями и печатал их с признательностью в «Современнике».—311, 339, 340, 355, 435, 436, 439. См. также в Указателе произведений: «Княжна Зизи», «О вражде к просвещению», «Сильфида», «Сегелиель».

Озеров В. А. (1769—1816)—драматург, автор трагедий «Эдип в Афинах», «Фингал», «Дмитрий Самозванец» и др. Пушкин уже в 1819 г. называл «творения» Озерова «несовершенными». В 1823 г. в письме к апологету Озерова П. А. Вяземскому он определял Озерова как последователя «жеманных правил французского театра» и указывал, что трагедии его писаны «по всем правилам парнасского православия» (т. е. в «классическом духе»). В маргиналиях на статье П. А. Вяземского об Озерове Пушкин писал о бессилии Озерова, как драматурга, об ошибочности причисления его к романтикам и предрекал, что «слава его совсем исчезнет при появлении истинной критики». Вяземский объяснял. между прочим, нелюбовь Пушкина к Озерову наличием в стихе и слоге Озерова неточности или «приблизительной точности, чего Пушкин терпеть не мог» (П. А. Вяземский, Собр. соч., т. I, стр. 55—56).—8, 28, 29, 94—99, 225. См. также в Указателе произведений: «Дмитрий Донской», «Эдип в Афинах».

Ознобишин Д. П. (1804—1877)—поэт и переводчик с восточных языков.—113.

Олег—первый князь киевский из рода Рюриков, предпринявший в 907 г. поход на греков и, по преданию, повесивший в знак победы свой щит на вратах Царьграда (Константинополя).—27, 64, 73, 325, 329.

Олин В. Н. (1788—1840)—писатель, переводчик и журналист, автор трагедии «Корсар», вызвавшей статью Пушкина «О Байроне и его подражателях» (1827). Пушкин заклеймил Олина в эпиграмме «Собрание насекомых».—116.

Ольбах—см. Гольбах.

Орлов А. А. (1791—1840)—беллетрист-графоман, автор бесчисленного множества лубочных романов, повестей и рассказов «нравственно-сатирического» характера. Историю возникновения критических фельетонов Пушкина «Торжество дружбы» и «Несколько слов о мизинце», тесно связанных с творениями Орлова и Булгарина, см. на стр. 538, 539. В библиотеке Пушкина сохранился один «нравственно-сатирический роман» А. А. Орлова—«Федор кривой, или Елизавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина. Ни девка, ни вдова и ни мужняя жена» (*ПС*, вып. IX—X, стр. 72).—175, 269—278, 297, 298. См. также в Указателе произведений: «Встреча Чумы с Холерою», «Живые обмороки», «Сокол был бы сокол...», «Хлыновские степняки...».

Орлов-Чесменский А. Г., граф (1737—1808)—генерал-аншеф, командовал флотом во время турецкой кампании и в сражении под Чесмою (1770) уничтожил турецкую эскадру.—205, 218.

Орлов Г. В., граф (1777—1826)—издавший басни Крылова на французском языке.—57, 60, 88.

Орлов Г. Г., граф (1734—1783)—первый фаворит Екатерины II, покровительствовавший Ломоносову.—317.

Орлов М. Ф. (1788—1842)—генерал-майор, участник кампании 1812 г., один из вождей Союза Благоденствия. Состоял в «Арзамасе» (прозвище «Рейн») и пытался в 1817 г. превратить «Арзамас» в политическую организацию (см. «Арзамас и арзамасские протоколы», Л. 1933, стр. 16—18).—25, 109 *(М.)*.

Орлова Е. Н., урожд. Раевская (1797—1885)—жена М. Ф. Орлова.—87, 88.

Орловский А. О. (1777—1832)—художник.—11.

Осипов Н. П. (1751—1799)—писатель, автор «Вергилиевой Энеиды, вывороченной наизнанку» (1791—1796) в четырех частях и «Овидиевых любовных творений, переработанных в Энеевском вкусе» (1798).—31.

Осипова П. А., по первому браку Вульф (1781—1859)—помещица села Тригорского, соседнего с Михайловским, приятельница Пушкина.—100, 301.

Оссиан — мифический шотландский бард, которому Макферсон (см.) приписал изданные им в 1760—1762 гг. песни, частично стилизованные самим Макферсоном, частично записанные им в северной Шотландии.—98, 244, 251.

Отрыжков—см. Тарасенков-Отрешко́в.

Очкин А. Н. (ум. 1865)—журналист и переводчик. В переводе Очкина был издан роман А. де-Виньи «Сен-Марс, или заговор при Людовике XIII» (1835), разобранный Пушкиным в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе Потерянного рая» (1836).—354.

Павел I (1754—1801)—русский император с 1796 г.—363.

Павлов Н. Ф. (1805—1864)—беллетрист и публицист, переводчик, автор «Трех повестей» (1835), «Новых повестей» (1838), «Писем к Н. В. Гоголю» (1847) и др. «Три повести», рассказанные с большим искусством», Пушкин считал «очень замечательными», хотя отметил у Павлова отсутствие «глубины в знании человеческого сердца» и «манерность в описаниях». О сильном впечатлении, произведенном на Пушкина этой книгой, писала в своих воспоминаниях А. П. Керн.—301, 350. См. также в Указателе произведений: «Аукцион», «Именины», «Ятаган».

Палей С. (ум. 1710)—национальный герой Украины в войнах с татарами и поляками.—65.

Палицын Авраамий (ум. 1626)—деятель «Смутного времени», келарь Троице-Сергиевской лавры, оставивший описание осады ее поляками.—183.

Панаев В. И. (1792—1859)—поэт, подражавший Геснеру (см.), автор сентиментальных «Идиллий» (1820). Пушкин называл Панаева «идиллическим коллежским ассесором».—28, 217.

Панин А. Н., граф (1791—1850)—чиновник особых поручений при попечителе Московского учебного округа кн. С. М. Голицыне, педант, формалист и солдафон; отличался необыкновенно высоким ростом, что и имеет в виду Пушкин в письме к П. А. Вяземскому (№ 208).—244.

Панин Н. И., граф (1718—1783)—управляющий коллегией иностранных дел.—316.

П а н ь к о Р у д ы й—псевдоним Н. В. Гоголя.

П а п а в у а н ь О. (1783—1825)—совершил загадочное убийство двух детей, гулявших с матерью в Венсенском лесу; был казнен после нашумевшего процесса в 1825 г.—197.

П а р н и Э. (1753—1814)—французский поэт, автор «Эротических стихотворений» (1779), антирелигиозной поэмы «Война богов» (1799) и др. Пушкину произведения Парни были хорошо знакомы еще в лицее, и он до начала 20-х годов подражал ему в своих элегиях. Ряд эпизодов в «Гавриилиаде» заимствован у Парни. Собрание сочинений Парни сохранилось в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 306).—12, 17, 35, 123, 126, 137, 138, 224, 309.

П а с к а л ь Б. (1623—1662)—французский философ и математик, автор «Писем к провинциалу» (1656—1657) и «Мыслей» (изд. в 1670 г.).—106, 334, 375.

П а т е р с о н—воспитатель Байрона.—348.

П е л л и к о С. (1789—1854)—итальянский писатель и публицист, приговоренный в 1820 г. к десятилетнему тюремному заключению за близость к карбонарам; автор книги «Мои темницы» (1832) и трактата «Об обязанностях человека» (1834). О русском переводе этого трактата Пушкин написал рецензию в «Современнике».—419—421. См. также в Указателе произведений: «Мои темницы», «Об обязанностях человека».

П е р и к л (493—429 до н. э.)—политический деятель древних Афин эпохи их борьбы со Спартою.—24, 49.

П е р о н е т Ш. (1778—1854)—французский публицист и политический деятель, один из министров Карла X; после июльской революции 1830 г. был заключен в крепость.—257.

П е с т е л ь П. И. (1793—1826)—декабрист, глава Южного тайного общества, казненный 13 июля 1826 г.—17.

П е т р I (1672—1725)—русский император с 1689 г.—58, 65, 114, 161, 204, 218, 219, 292, 299, 315, 332, 341, 361, 364, 397.

П е т р III (1728—1762)—русский император с 1761 г.—219.

П е т р а р к а Ф. (1304—1374)—итальянский поэт и мыслитель, автор «Песенника». В заметке о причинах, замедливших ход нашей словесности (см. № 48), Пушкин отмечает роль Петрарки, как преобразователя итальянского поэтического языка, в рецензии на «Северную Лиру» говорит о его гуманистической деятельности и называет основателем итальянской словесности. Отголоски поэзии Петрарки в творчестве Пушкина можно видеть в стихотворениях «Сонет», «Красавице», «Я вас любил» и др.—40, 74, 114.

П и с а р е в А. И. (1803—1828)—водевилист, сатирик. Участвовал в полемике по поводу предисловия П. А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина (см. стр. 520).—51.

П и з а р р о Ф. (1470—1541)—испанский конквистадор, завоеватель Перу.—137.

П и н д а р (521—441 до н. э.)—древне-греческий лирик, автор од, ставших образцом этого жанра (об отношении Пушкина к оде см. стр. 153).—23, 59, 94, 153, 314, 330. См. также в Указателе названий: «Олимийские оды».

П и н с к и й. (Карниолин-Пинский) М. М. (1796—1866)—преподаватель театральной школы в Москве и сотрудник «Сына Отечества».—87.

П и т т В. (1759—1806)—английский министр.—257.

П л а т о в М. И. (1756—1818)—атаман донских казаков, участник кампании 1812 г.—89.

Плетнев П. А. (1792—1865)—поэт и критик, профессор словесности и ректор Петербургского университета (1832—1849), один из ближайших друзей Пушкина. Все издания Пушкина с 1826 г. осуществлялись преимущественно Плетневым. К нему же перешло издание «Современника» по смерти Пушкина.—20, 23—26, 45, 51, 61, 62, 65, 67, 69, 90, 100, 101, 172, 246, 247, 250, 285—289, 293—295, 340, 353. См. также в Указателе произведений: «Батюшкову из Рима», «Письмо к гр. С. И. С.», «Послание А. С. Пушкину», «Родина».

Плещеев А. Р. (ум. 1607)—окольничий при Лже-Димитрии и В. Шуйском.—171.

Плюшар А. А. (1806—1865)—издатель первого в России «Энциклопедического лексикона».—338.

Погодин М. П. (1800—1875)—историк и писатель, профессор Московского университета, издатель «Московского Вестника» (1827—1831), затем «Москвитянина» (1841—1856). Пушкин всячески поддерживал «Московский Вестник» Погодина, мечтая завладеть этим журналом и превратить его в орган «истинной критики». С большой похвалой отзывался Пушкин о повестях Погодина «Невеста на ярмарке» (1827) и «Черная немочь» (1829). Увлеченный поисками «народной» драмы, Пушкин явно переоценивал значение трагедии Погодина «Марфа Посадница», находя в ней шекспировские достоинства, хотя откровенно писал о «неправильном до бесконечности» языке и бесчисленных грамматических ошибках Погодина. Ценя в Погодине трудолюбие и «любовь к науке», Пушкин приглашал его к совместной работе над «Историей Петра Великого» (1833), а в «Мыслях на дороге» (1833—1835) одобрительно писал об его критических статьях.—103, 104, 144, 145, 146, 160, 230, 248, 253, 255, 286, 288, 291, 297, 302, 304, 310, 314, 340. См. также в Указателе произведений: «Марфа Посадница», «Петр I».

Погорельский А.—псевдоним Перовского А. А. (1787—1836), автора книги повестей «Двойник, или мои вечера в Малороссии» (1828) и романа «Монастырка» (1830—1833). Из ранних повестей Погорельского Пушкин с большой похвалой отзывался о «Лафертовской маковнице» (1825).—69, 247. См. также в Указателе произведений: «Лафертовская маковница».

Подолинский А. И. (1806—1866)—поэт, автор поэмы «Див и Пери» (1827), сотрудник «Северных цветов» Дельвига. А. П. Керн («Воспоминания», изд. «Academia», 1929, стр. 276—278) пишет, что Пушкин восхищался многими его стихами. Особенно нравились ему следующие:

Когда стройна и светлоока
Передо мной стоит она,
Я мыслю—Гурия пророка
С небес на землю сведена...

Подолинский, рассказывая о своем знакомстве с Пушкиным, говорит, что Пушкин высказал ему «много лестного» об его произведениях («Русский Архив», 1872, стр. 863). Но, судя по письму Пушкина к Плетневу (1831), он считал, что в произведениях Подолинского «много искусства» и нет «ни капли творчества».—289.

Пожарский Д. М. (1578—1642)—деятель «Смутного времени».—66.

Пожарский Я. О.—переводчик и комментатор «Слова о полку Игореве».—327.

Полевой К. А. (1801—1867)—младший брат издателя журнала «Московский Телеграф» Н. А. Полевого, автор «Записок» (1889), в кото-

рых много воспоминаний относится к Пушкину.—160 *(Ксенофонт Телеграф)*.

Полевой Н. А. (1796—1846)—журналист, критик и беллетрист, редактор-издатель журнала «Московский Телеграф» (1825—1834). Первоначально Пушкин поддерживал «Московский Телеграф» и считал его лучшим «из всех наших журналов», но с возникновением «Московского Вестника» (1827) отошел от него. Идеологическое расхождение Пушкина с Полевым приняло характер открытого разрыва, как только последний попытался в статье, предваряющей выход первого тома своей «Истории Русского народа» (1829), подвергнуть критике историческую концепцию Карамзина, авторитет которого был незыблем для «литературных аристократов». К 1830 г. относится бурная полемика «Литературной Газеты» с Полевым и Булгариным, неожиданно объединившимися для нападения на «аристократов». Пушкин принял участие в этой полемике и с тех пор до конца жизни относился к Полевому резко отрицательно.—70, 73, 79, 82, 85, 87, 88, 102—104, 160 *(Телеграф)*, 164—166 *(Бенигна)*, 167, 178 *(ветренный мальчик)*, 182, 203, 205, 209 *(издатель Истории Русского народа)*, 218, 244, 246, 248, 252, 254, 276, 277, 284, 293, 296, 298, 303, 323, 339, 352, 365, 437. См. также в Указателе произведений: «История русского народа».

Полиньяк О. (1780—1847)—французский министр-президент при Карле X.—202.

Полторацкий С. Д. (1803—1884)—библиофил и библиограф, страстный любитель карточной игры.—147 *(Сережа)*.

Попе (Поп) А. (1688—1744)—английский поэт и критик, автор дидактически-сатирических поэм, написанных в духе Буало.—75.

Прадон Д. (1756—1837)—аббат, французский общественный деятель, автор брошюр по политическим вопросам.—23, 65.

Прокопович Феофан (род. 1661)—церковный деятель, проповедник и писатель петровского времени.—332.

Публикола Валерий Публий—римский консул (508—504 до н. э.), получивший прозвище «Друга народа» (Публикола).—309.

Пугачев Е. И. (1726—1775)—вождь крестьянского движения. В письме к Фукс (№ 316) Пушкин—конечно, иронически—пишет об «ужасной» истории Пугачева—341, 343, 351, 362, 367, 438.

Пушкин А. А. (1833—1914)—старший сын А. С. Пушкина.—341 *(Сашка)*.

Пушкин А. С.—24, 69 *(Пшк)*, 88, 100, 108, 112, 173, 177 *(А. П.)*, 191, 192, 196, 203, 205, 206, 246, 248, 249 *(А. П.)*, 275, 290, 341 *(Александр Сергеевич)*, 358. См. также в Указателе произведений: «А. Шенье в темнице», «Бахчисарайский фонтан», «Блажен, кто в шуме городском...», «Бова», «Борис Годунов», «Братья разбойники», «Воспоминания в Царском Селе», «Второе послание Цензору», «Гавриилиада», «Глухой глухого звал...», «Граф Нулин», «Демон», «Домик в Коломне», «Дубровский», «Евгений Онегин», «Ex ungue leonem...», «Жив, жив курилка...», «История Пугачевского бунта», «К Овидию», «Кавказский Пленник», «Капитанская дочка», «Кинжал», «Медный всадник», «Мечта воина», «Моцарт и Сальери», «Моя родословная», «Наполеон», «Наш друг Фита», «Noël», «Не знаю где ,но не у нас...», «Она мила, скажу меж нами», «Песнь о вещем Олеге», «Пир во время чумы», «Повести Белкина», «Полтава», «Послание к Чаадаеву», «Послание к Юрьеву», «Поэт», «Приятели», «Разговор поэта с книгопродавцем», «Родословная моего героя», «Руслан и Людмила», «Сатирик и поэт любовный», «Свободы сеятель пустынный»

«Сказка о золотом петушке», «Стихотворения» (1826), «Телега жизни», «Фиглярин, вот поляк примерный», «Цыганы», «Черная шаль».

Пушкин А. М. (ум. 1824)—дальний родственник А. С. Пушкина, писатель-дилетант, переводчик.—79.

Пушкин В. Л. (1770—1830)—дядя А. С. Пушкина, поэт и переводчик, член «Арзамаса» (прозвища: «Вот», «Вот я вас опять», «Вотрушка»), автор поэмы «Опасный Сосед» и множества альбомных мадригалов, посланий и т. д. Нестор «Арзамаса», по определению А. С. Пушкина, В. Л. Пушкин на первых порах руководил литературным воспитанием племянника, с которым их сближала общая вражда к «шишковистам», но вскоре отзывы племянника о дяде приобретают явно насмешливый характер, иногда с оттенком глумления. Придавая известное значение «Опасному соседу», Пушкин считал стихотворения дяди или весьма посредственными или просто пошлыми.—6, 18, 29, 47, 48, 51 *(творец Опасного Соседа)*, 62, 64, 79, 86, 87, 102, 135, 143, 247, 356, 357 *(дядя Василий)*. См. также в Указателе произведений: «Опасный Сосед», «Стихотворения» (1822).

Пушкин Г. Г.—предок А. С. Пушкина, деятель «Смутного времени», изображенный в «Борисе Годунове».—171, 219.

Пушкин Л. А. (1723—1790)—дед Пушкина.—219 *(Лев Александрович)*.

Пушкин Л. С. (1805—1852)—младший брат А. С. Пушкина.—10, 14, 23, 24, 27, 29, 32, 43, 47, 48, 52, 62, 64, 66, 67, 69, 71, 72 *(брат Леон)*.

Пушкин Ф. А.—стольник, предок А. С. Пушкина, замешанный в заговоре Циклера (см.) против Петра I.—219.

Пушкина А. Л. (ум. 1824)—тетка А. С. Пушкина.—36, 70, 86, 87.

Пушкина Н. Н., урожд. Гончарова (1812—1863)—жена А. С. Пушкина.—244 *(Гончарова)*, 248, 299, 305, 311, 341, 352, 436, 437.

Пушкина О. С. (1797—1868)—сестра А. С. Пушкина.—70.

Пущин И. И. (1798—1859)—лицейский товарищ Пушкина, декабрист, сосланный в Сибирь на бессрочные каторжные работы.—61, 346.

Раблэ Ф. (1495—1553)—французский писатель, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». В библиотеке Пушкина сохранилось три тома сочинений Раблэ (*ПС*, вып. IX—X, стр. 317).—333.

Радищев А. Н. (1749—1802)—писатель, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Отношение молодого Пушкина к Радищеву резко разнится от более поздних его высказываний о нем в «Мыслях на дороге» и в специальной статье о Радищеве (ср. № 36 и №№ 303, 338) (подробнее см. у П. Н. Сакулина—«Пушкин и Радищев», М. 1920).—31, 313, 314, 316—319, 359, 367. См. также в Указателе произведений: «Бова», «Житие В. Ф. Ушакова», «Журавли», «О человеке...», «Осьмнадцатое столетие», «Памятник дактило-хореическому рыцарю», «Путешествие из Петербурга в Москву», «Сафические строфы».

Радша (Ратша, Рача)—родоначальник фамилии Пушкина.—218.

Раевский А. Н. (1795—1868)—один из друзей Пушкина, с которым Пушкин познакомился в 1820 г. на Кавказе и особенно сблизился в Одессе в 1823—1824 гг.; Пушкин изобразил его в стихотворении «Демон» (см. стр. 502).—233.

Раевский Н. Н. (1801—1843)—брат предыдущего, друг Пушкина, познакомившийся с ним в 1816—1817 г. у Чаадаева. Н. Раевскому посвящены «Кавказский Пленник» и стихотворение «Андрей Шенье»; ему же сообщил Пушкин свой замысел «Бориса Годунова» и писал письма о драме.—31, 44, 80, 84, 85, 170, 233.

Разин Степан (ум. 1670)—вождь казацко-крестьянского восстания, казненный в Москве 6 июня 1670 г.—52.

Разумовский А. К., граф (1748—1822)—министр народного просвещения (1810—1816).—5.

Разумовский К. Г. (1728—1803)—последний гетман Украины, назначенный в 1746 г. президентом Академии Наук.—317.

Раич С. Е. (1792—1855)—поэт, журналист, издатель альманахов «Новые Аониды» (1823) и «Северная Лира» (1827) и журнала «Галатея» (1829—1830), переводчик «Георгик» Вергилия (1821), «Освобожденного Иерусалима» Тассо (1828) и «Неистового Орланда» Ариосто (1832—1837). Пушкин в эпиграмме «Собрание насекомых» определил Раича как «мелкую букашку» и, судя по письмам, невысоко расценивал его как поэта и критика.—32, 114, 246, 301. См. также в Указателе произведений: «Петрарка и Ломоносов».

Ракан О. (1598—1670)—французский поэт, автор пасторальных идиллий.—12, 430.

Расин Ж. (1639—1699)—французский драматург, автор трагедий «Андромаха» (1667), «Федра» (1677), «Британник» (1669) и др. Пушкин неоднократно указывал на то, что стихи Расина «полны смысла, точности и гармонии», что Расин «истинный и тонкий поэт», но вместе с тем считал, что Расин совершенно не справлялся с планом трагедии и с характерами своих героев. Аристократически-утонченному придворному поэту Расину он противополагал «народные законы драмы Шекспира», которые казались ему более родственными духу русского театра.—12, 30, 41, 43, 59, 92, 109, 113, 119, 120, 163, 225—229, 236, 300, 321, 334, 335, 337, 375, 379. См. также в Указателе произведений: «Андромаха», «Британник», «Вероника», «Гофолия», «Ифигения в Авлиде», «Федра», «Эсфирь».

Растопчин—см. Ростопчин.

Рафаэль Санти (1483—1520)—итальянский живописец эпохи Возрождения.—388, 432.

Рахманова—девичья фамилия баронессы Дельвиг, матери поэта А. А. Дельвига.—306.

Рейналь Г. (1713—1796)—французский публицист, автор сочинения «Философская и политическая история учреждений и торговля европейцев в обеих Индиях» (1770). Книга эта оказала сильное влияние на А. Н. Радищева (см. об этом у В. П. Семенникова, «Когда Радищев задумал «Путешествие»?», М. 1916, стр. 3—4, 36—37). Сам Радищев, находясь в заключении, высказался о книге Рейналя, что она была «началом» «бедственному состоянию» его.—365.

Рихман Г. В. (ум. 1753)—академик, вместе с Ломоносовым производивший наблюдения над электричеством и убитый молнией 26 июля 1796 г. Письмо Ломоносова о семействе Рихмана, упоминаемое Пушкиным, см. в книге Г. Шторма, «Ломоносов», М. 1933, стр. 98—100.—58, 316.

Ричард I Львиное Сердце (1157—1199)—английский король с 1189 г., проведший почти все десять лет своего царствования в третьем крестовом походе (1190—1192) и в войне с Францией (1194—1199).—332.

Ричардсон С. (1689—1761)—английский беллетрист, автор сентиментальных романов: «Памела, или вознагражденная добродетель» (1740), «Кларисса Гарлоу» (1748) и «Грандиссон» (1754), имевших тогда шумный успех в Европе. Все три романа сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 321).—312, 337. См. также в Указателе произведений: «Кларисса Гарлоу».

Ришелье, герцог Арман дю Плесси (1585—1642)—кардинал, фактический правитель Франции в годы царствования Людовика XIII.—334, 335, 370, 431.

Роберт Анжуйский (1275—1343)—король неаполитанский с 1287 г.—114.

Робеспьер М. (1758—1794)—деятель Великой французской революции, вождь якобинцев, казнен 27 июля 1794 г.—197 (*«убийца его»—т. е. Людовика XVI*), 363.

Родзянко А. Г. (1793—1846)—богатый помещик, поэт, изредка печатавший свои стихотворения в журналах и альманахах 20-х годов, автор ряда непристойных стихотворений; в 1822 г. написал сатиру в стихах против Пушкина.—31, 45, 53. См. также в Указателе произведений: «К милой».

Розен Е. Ф. (1800—1860)—эстляндский уроженец, поэт, драматург и критик, издатель альманахов «Царское Село» (1830) и «Альциона» (1832). Сотрудничал в «Северных Цветах» и в «Литературной Газете». Пушкин в дневнике с одобрением отзывался о драмах Розена. Целый ряд исторических трагедий его сохранился в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 85—86).—292, 339.

Романов М. Ф. (1596—1645)—первый царь (с 1613 г.) из дома Романовых.—171.

Ронсар П. (1524—1585)—французский поэт, глава поэтической группы «Плеяда», пытавшейся привить французской поэзии поэтические формы и обороты латинского языка. «Труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными,—пишет Пушкин.—Язык отказался от направления ему чуждого и пошел опять своей дорогою». Пушкин считал Ронсара поэтом талантливым, но напыщенным и истощившим силы свои в «борении с усовершенствованием стиха». Забвение Ронсара потомством Пушкин считал совершенно справедливым и отмечал, что «такова участь всех поэтов, которые пекутся более о механизме языка, наружных формах слова, нежели о мысли истинной жизни его, не зависящей от употребления». Второй том избранных произведений Ронсара, изданный Сент-Бёвом, сохранился в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 323).—262, 267, 333, 334, 386.

Россини И. (1792—1868)—итальянский композитор.—34, 84.

Ростовский Дмитрий (1651—1709)—митрополит, автор ряда духовных драм (мистерий).—228.

Ростопчин Ф. В., граф (1763—1826)—московский главнокомандующий в 1812—1814 гг.—103.

Ротру Ж. (1609—1650)—французский драматург. Сюжет упоминаемой Пушкиным драмы «Венцеслав» (1647), переведенной на русский язык А. Жандром, был заимствован Ротру из пьесы испанского драматурга Рохаса «Нельзя быть отцом короля».—86. См. также в Указателе произведений: «Венцеслав».

Рочестер Л., лорд (1641—1711)—английский государственный деятель.—429, 430.

Румянцев Н. П., граф (1754—1826)—министр иностранных дел и канцлер при Александре I.—103.

Руссо Жан Батист (1670—1741)—французский лирический поэт, ученик Буало (см.), автор од и посланий в псевдоклассическом стиле, непристойных стихотворений и скабрезных эпиграмм. Ж. Б. Руссо, по мнению Пушкина, «образец» в эпиграммах—«его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов».—12, 62, 75, 300.

Руссо Ж. Ж. (1712—1778)—французский писатель и философ, автор «Новой Элоизы», «Эмиля», «Исповеди» и др.—19, 26, 85, 174, 300, 336, 360, 365. См. также в Указателе произведений: «Исповедь».

Рылеев К. Ф. (1795—1826)—поэт-декабрист, издатель альманаха «Полярная Звезда». Первые отзывы Пушкина о Рылееве-поэте весьма неблагоприятны. Он иронизирует над «bevues» (промахами), подмеченными в «думах» Рылеева и пишет, что Рылеев отучит его от поэзии. В дальнейшем Пушкин столь же сурово отзывается о «думах», которые «слабы изобретением и изложением все на один покрой; составлены из общих мест: описание места действия, речь героя и нравоучение». В устных отзывах о Рылееве Пушкин порицал обнаженность тенденции в его стихах. Но появление поэмы «Войнаровский» он встретил с большим сочувствием, считал ее литературно-значительным явлением, хотя гражданские мотивы и в «Войнаровском» были ему чужды (сравн. устные отзывы Пушкина о стихах Рылеева на стр. 484).—26—28, 35, 44, 61, 65, 67, 68, 72—74, 77, 78, 89, 233. См. также в Указателе произведений: «Богдан Хмельницкий», «Борис Годунов», «Войнаровский», «Иван Сусанин», «Исповедь Наливайки», «Олег Вещий», «Палей», «Петр Великий в Острогожске».

Рылеев Н. И. (ум. 1808)—петербургский обер-полицмейстер и губернатор, разрешивший к выпуску книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1799).—366.

Рюлиер К. (1735—1791)—французский историк. Пушкин в статье «Опыт отражения» имеет в виду его книгу «Histoire ou Anecdotes sur la Révolution de Russie en 1762», Paris, 1797 (*ПС*, вып. IX — X, стр. 326).—219.

Рюрик—первый русский единодержавный князь, старший из трех братьев, призванных, по летописному преданию, в 862 г. новгородскими славянами из Скандинавии.—220.

Рюфе Р. (1706—1794)—французский поэт, друг Вольтера, член Дижонской академии.—384.

Саади Ширазский (1184—1291)—персидский поэт, автор сборника «Цветник роз» («Гулистан») (1258). Пушкин был знаком с произведениями Саади по французским переводам.—70.

Сальери А. (1750—1825)—итальянский композитор.—310.

Сальников И. (ум. в 30-х гг.)—последний московский шут, потешавший аристократов.—159.

Самойлович (ум. 1690)—украинский гетман (1672—1687), содействовавший сближению Украины с Москвой.—161.

Самсон—см. Сансон.

Санковский П. (ок. 1798—1832)—с 1828 г. редактор газеты «Тифлисские Ведомости».—310.

Сансон А. (1740—1816)—французский палач эпохи Революции. «Записки Сансона», вышедшие в двух томах, были составлены Бальзаком и Леритье на основании материалов, которыми снабдил их сын палача (см. Бальзак, Собр. соч., ГИХЛ, 1933, т. I, стр. 21—22).—196, 197, 200.

Сарданапал (IX век до н. э.)—по преданию, тридцатый и последний царь Ассирии, сжегший себя во дворце вместе с женами и сокровищами во время осады персами Ниневии.—108.

Сафо (VII—VI вв. до н. э.)—древнегреческая поэтесса.—139.

Свиньин П. П. (1787—1839)—журналист и писатель, издатель журнала «Отечественные Записки». Пушкин высмеял Свиньина в «Детской книжке» (1830) и окрестил его «российским жуком» в эпиграмме «Собрание насекомых» (1828).—179 (*«Маленький лжец»)*, 339.

Святополк (1014—1091)—древнерусский князь.—108.

Святослав (942—972)—киевский князь.—66, 325, 326, 329.

Северина А. Г.—жена сенатора П. И. Северина, к которой обращен ряд посланий И. И. Дмитриева (см.).—47.

Семенова Е. С., по мужу княгиня Гагарина (1786—1849)—трагическая актриса. Пушкин пережил в юности увлечение Семеновой.—8, 23, 229.

Сенека Люций (4 до н. э.—65 н. э.)—римский драматург и философ-стоик, автор философских трактатов: «О гневе», «О гуманности», «Письма к Луцилию» и трагедий: «Медея», «Федра», «Эдип» и др. Философские сочинения и трагедии Сенеки сохранились в библиотеке Пушкина во французском переводе (*ПС*, вып. IX—X, стр. 164).—109.

Сенковский О. И. (1808—1858)—критик и беллетрист, профессор Петербургского университета, редактор журнала «Библиотека для чтения».—45, 329, 353, 422—425. См. также в Указателе произведений: «Витязь буланого коня»

Сент-Бёв Ш. (1804—1869)—французский поэт и критик. Пушкин считал Сент-Бёва «чуть ли не самым замечательным» поэтом своего времени. О первой книге стихов Сент-Бёва, выпущенной под псевдонимом Жозеф Делорм, и об его «Утешениях» Пушкин написал обширную рецензию в «Литературной Газете» 1830 г.—247, 258—268, 300, 301.

Сервантес (1547—1616)—испанский писатель, автор романа «Дон-Кихот» и ряда новелл, трагедий и стихотворений. Сочинения Сервантеса сохранились в библиотеке Пушкина во французском переводе (*ПС*, вып. IX—X, стр. 188). Изучая испанский язык, Пушкин выбрал для упражнения новеллу Сервантеса «Цыганочка».—118, 428. См. также в Указателе произведений: «Дон-Кихот».

Сеченов Дмитрий (1709—1767)—епископ рязанский.—316.

Сиес Э. (1778—1836)—аббат, деятель Великой французской революции, автор ряда политических брошюр.—76.

Скотт Вальтер (1771—1832)—шотландский поэт и романист; один из самых любимых писателей Пушкина. Еще в 1825 г. Пушкин рассматривает В. Скотта среди гениев, непосредственно после Шекспира и Мильтона, рядом с Байроном. Об отношении Пушкина к В. Скотту см. прим. к № 142, стр. 504.—19, 52, 59, 75, 77, 85, 114, 115, 182, 215, 252, 285, 291, 296, 300, 352, 359, 377, 425, 428, 433. См. также в Указателе произведений: «Вудсток», «Пилигрим».

Скриб О. (1791—1861)—французский драматург, избранный в 1836 г. во Французскую академию. Две комедии Скриба сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 333—334).—303, 369, 370.

Скюдери М. (1607—1701)—французская писательница, автор сентиментальных романов «Клелия», «Ибрагим» и др.—431, 433.

Слепушкин Ф. Н. (1783—1848)—крепостной крестьянин, поэт, автор книги стихов «Досуги сельского жителя» (1826) и поэмы «Четыре времени года русского поселянина» (1830). Пушкин принимал участие в выкупе Слепушкина от его помещицы. О характере поэзии Слепушкина см. прим. к № 126 стр. 497.—100, 101. См. также в Указателе произведений: «Досуги сельского жителя».

Смирдин А. Ф. (1795—1857)—издатель и книготорговец, заключивший в 1834 г. с Пушкиным условие о монопольном издании его произведений.—189, 291, 302, 305, 339, 340, 353, 422, 424, 426.

Соболевский С. А. (1803—1870)—поэт, эпиграмматист, библиофил, один из близких друзей Пушкина.—159, 342.

Соковнин А. П.—окольничий, участник заговора Циклера против Петра I, казнен в 1697 г.—219.

Соломон (X век до н. э).—еврейский царь, согласно библейскому преданию автор «Песни Песней», «Экклезиаста» и притч.—397.

Сомез К. (1588—1658)—французский критик и комментатор.—39.

Сомов О. М. (1793—1833)—литератор, помощник Дельвига по изданию «Северных Цветов» и «Литературной Газеты». В отзывах Пушкина о Сомове трудно уловить что-нибудь кроме равнодушия и пренебрежения.—37, 145, 244, 248 *(Орест)*, 276, 294, 298.

Сорель Агнеса (1409—1450)—фаворитка французского короля Карла VII, современница Жанны д'Арк.—441.

Сосницкая Е. А. (1800—1855)—петербургская актриса.—8.

Соувей—см. Соути.

Соути Р. (1774—1843)—английский поэт «озерной школы». У Пушкина—Саувей, Соувей, Соуте. Первоначально Пушкин относился к Соути отрицательно, но позже, эволюционируя к реализму, оценил творчество поэтов «озерной школы». Несколько произведений Соути было переведено Пушкиным. В библиотеке его сохранилось множество книг Соути (*ПС*, вып. IX—X, стр. 34). См. статью Н. Яковлева «Пушкин и Соути» в книге «Пушкин в мировой литературе», Гиз, 1926.—21, 75, 153, 208, 291, 377, 442. См. также в Указателе произведений: «Родрик».

Софокл (495—405 до н. э.)—греческий драматург, автор трагедий «Антигона», «Царь Эдип», «Эдип в Колоне» и др.—97, 379.

Софья Алексеевна (1657—1704)—дочь царя Алексея Михайловича.—86, 228.

Спенсер Э. (1553—1595)—английский поэт эпохи Возрождения.—215, 333.

Сталь (1766—1817)—французская писательница, автор романов «Дельфина», «Коринна», мемуаров «Десять лет изгнания» и др. Об отношении Пушкина к творчеству Сталь см. стр. 474.—54—56, 80, 88, 102, 182, 317, 439. См. также в Указателе произведений: «Взгляд на французскую революцию», «Дельфина», «Десять лет изгнания», «Коринна».

Стендаль (псевдоним Анри Бейля) (1783—1842)—французский писатель, автор романов «Красное и Черное», «Пармская обитель», «Люсьен Левен» и др. В библиотеке Пушкина сохранился роман «Красное и Черное», о котором он с восторгом отзывается в письме к Хитрово (№ 257).—543. См. также в Указателе произведений: «Красное и Черное».

Стерн Л. (1713—1768)—английский писатель, автор «Сентиментального путешествия во Францию и в Италию» (1768) и романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» (1759—1768), высоко ценимого Пушкиным.—110, 337. См. также в Указателе произведений: «Жизнь и мнения Тристрама Шенди», «Сентиментальное путешествие».

Суворов А. В. (1729—1800)—полководец, генералиссимус.—23, 70, 77, 220.

Султан Газы Гирей (ум. 1843)—корнет лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона, родом горец, автор этнографического очерка «Долина Ажигутай», напечатанного в «Современнике» с послесловием Пушкина (1836).—357.

Сумароков А. П. (1718—1777)—поэт и драматург. Еще в 1816 г. в послании к Жуковскому Пушкин писал о Сумарокове: «он, он под рифмою попрал и вкус и ум», и называл его «завистливым гордецом», «карликом, без силы и огня». Отрицательное отношение Пушкина к творчеству Сумарокова не изменилось и позднее. Отчетливее всего оно выразилось в 1830 г. в статье о драме (№ 196), где Пушкин, осуждая придворные ари-

стократические трагедии Сумарокова, называет его «несчастнейшим из подражателей» французскому театру. «Трагедии его, исполненные противумыслия, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елизаветы как новость, как подражание парижским увеселениям. Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народные пристрастия». Полное собрание сочинений Сумарокова в десяти томах сохранилось в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 101).—12, 59, 95, 96, 97, 106. 225, 229, 244, 313, 315, 316, 319, 338. См. также в Указателе произведений: «Дмитрий Самозванец», «О стихотворстве», «Семира».

Сусанин Иван—крестьянин, спасший, по преданию, жизнь царя Михаила Романова в 1613 г.—73.

Сушков Н. В. (1796—1871)—журналист и поэт, сотрудник «Сына Отечества», «Благонамеренного» и других журналов.—103.

Сцилла.—Пушкин имеет в виду под этим именем римского диктатора и полководца Суллу (138—78 до н. э.).—119.

Сю Э. (1804—1857)—французский романист, дебютировавший пиратским романом «Плик и Плок» (1831), охарактеризованным Пушкиным как «куча противоестественной чепухи и пошлостей».—374. См. также в Указателе произведений: «Плик и Плок».

Тальма Ф. (1763—1826)—французский трагический актер. В. Л. Пушкин познакомился с ним в 1802 г., во время пребывания своего в Париже.—356.

Тарасенко-Отрешков Н. И. (1805—1873)—писатель-экономист. Пушкин передал ему в 1832 г. обязанности ответственного редактора газеты «Дневник», издание которой не осуществилось. Сохранилась интересная запись разговора Пушкина с Тарасенко-Отрешковым об условиях издания «Дневника» («Исторический Вестник» 1886, № 2, стр. 388—390).—305 *(Отрыжков)*.

Тарквиний Гордый—последний римский царь, по преданию, обесчестивший жену своего родственника Каллатина и изгнанный из Рима в результате вспыхнувшего благодаря этому восстания (509 до н.э.).—309.

Тассо Т. (1544—1595)—итальянский поэт, автор «Освобожденного Иерусалима». С поэзией Тассо Пушкин познакомился еще в лицее. Имя его довольно часто упоминается в стихотворениях Пушкина. В 1831 г. М. П. Погодин писал С. П. Шевыреву: «Пушкин, решительно не любя Тасса, умоляет тебя приняться за Данта» (Русский Архив», 1882, III, 185).—21, 74, 76, 143, 321, 333. См. также в Указателе произведений: «Освобожденный Иерусалим», «Торисмондо».

Татищев В. Н. (1686—1750) — государственный деятель и писатель, автор «Истории Российской».—332.

Тацит (ок. 55—115)—римский историк, автор «Анналов».—120.

Теннер Джон—американец, автор «Записок», о которых Пушкин написал обширную статью в «Современнике».—397—419.

Теплов Г. Н. (1720—1770)—сенатор, сановник времен Екатерины II.—360.

Тепляков В. Г. (1804—1842)—поэт, автор «Фракийских элегий», о которых Пушкин написал одобрительную рецензию в «Современнике».—387, 388, 390, 391, 395. См. также в Указателе произведений: «Любовь и ненависть», «Одиночество», «Фракийские элегии».

Тиберий—римский император (14—37 н. э.), герой ряда французских классических трагедий. Пушкин имел в виду, вероятно, трагедию М. Ж. Шенье «Тиберий» (1818) или Л. Арно «Смерть Тиберия» (1828).—119.

Тибулл (I век до н. э.)—римский поэт-элегик.—74, 121, 124.

Тит Ливий (59 до н. э.—17 н. э.)—римский историк.—109, 114.

Тициан В. (1467—1576)—итальянский живописец.—226.

Тоди М. (1748—1793)—итальянская певица, гастролировавшая в России.—367.

Токвиль А. (1805—1859)—французский историк и публицист. В библиотеке Пушкина сохранились два тома исследования Токвиля «Демократия в Америке» (1836), которые он называет в статье «Джон Теннер» «славным сочинением» (*ПС*, вып. IX—X, стр. 350).—399.

Толстой Ф. И., по прозвищу Американец (1782—1846)—помещик, отставной гвардейский офицер, авантюрист, картежник и дуэлянт.—17, 22, 24.

Толстой Я. Н. (1791—1867)—председатель общества «Зеленая Лампа», членом которого был и Пушкин; член союза Благоденствия; впоследствии тайный агент русской полиции в Париже. Толстому посвящены «Стансы» (1819) Пушкина.—30.

Толченов П. И. (1787—1862)—актер-трагик.—22.

Томас А. (1732—1785)—французский писатель.—201.

Тредьяковский В. К. (1703—1769)—поэт, ученый и переводчик. Унаследовав традиционно-пренебрежительное отношение к автору «Телемахиды», Пушкин высмеял его в ряде юношеских стихотворений, но в 30-е годы пересмотрел свое отношение к Тредьяковскому и отдал справедливость его теоретическим исканиям и его «Телемахиде», в которой находил теперь «много хороших стихов и счастливых оборотов». «Изучение Тредьяковского,—писал Пушкин в «Мыслях на дороге»,—приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей» (см. также № 306, стр. 338 и № 331, стр. 354).—12, 59, 106, 159, 168, 295, 316, 319, 326, 332, 338, 354, 364, 397, 423. См. также в Указателе произведений: «Телемахида».

Троян—собственное имя неизвестного и, вероятно, мифического славянского (древнерусского) героя. О гипотезах, пытающихся истолковать упоминание этого имени в «Слове», см. комментарии к «Слову о полку Игореве» в изд. «Academia», 1934.—328, 329.

Трубецкой Н. И., князь (1797—1874)—камергер, прозванный «желтым карликом» за свой малый рост.—339.

Трувор—варяг, брат Рюрика (см)., призванный, по летописному преданию, славянами княжить на Руси.—167.

Туманский В. И. (1800—1860)—поэт. Пушкин познакомился с ним в Одессе в конце 1823 г. и вскоре писал о нем Бестужеву: «Он славный малый, но как поэта я не люблю его. Дай бог ему премудрости!» Позднее он относился к Туманскому более благосклонно, а в рецензии на «Северную Лиру» писал о том, что стихотворное послание Туманского «К Одесским друзьям» и «Греческая песня» обличают в нем решительный талант.—44, 82, 113, 144. См. также в Указателе произведений: «Девушка влюбленному поэту», «Послание к Одесским друзьям», «Фракийские элегии», «Элегия».

Тургенев А. И. (1784—1845)—литературный деятель 20-х—30-х годов; член «Арзамаса»; друг Пушкина, Вяземского, Батюшкова и др.—37, 135, 136, 292, 372—373 ***(автор Хроники Русского в Париже)***.

Де ла Туш—французский посланник при дворе Фридриха II в 1752 г.—386.

Тьери А. (1797—1873)—французский историк и политический деятель.—375.

Т ь е р и О. (1795—1856)—брат А. Тьери, французский историк, ученик Сен-Симона. Труды братьев Тьери сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып, IX—X, стр. 348).—252, 375.

Т ю т ч е в Ф. И. (1803—1873)—поэт. В 1827 г. в ненапечатанной рецензии на альманах «Северная Лира» Пушкин обошел молчанием стихотворения Тютчева, помещенные в альманахе. В 1830 г. в обширном отзыве о статье И. В. Киреевского «Обозрение русской словесности за 1829 год», помещенной в «Деннице», Пушкин писал: «Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим». Таким образом и здесь Пушкин обошел Тютчева молчанием. Но в 1836 г., когда в Россию приехал приятель Тютчева кн. Гагарин и привез с собою стихи Тютчева, Пушкин опубликовал в III и IV томах «Современника» 24 стихотворения Тютчева. «Мне рассказывали очевидцы,—писал Ю. Самарин И. С. Аксакову 22 июля 1873 г.,—в какой восторг пришел Пушкин, когда он в первый раз увидел собрание рукописное его [Тютчева.—*Н. Б.*] стихов, привезенное Гагариным из Мюнхена. Он носился с ними целую неделю». Вопрос об отношении Пушкина к Тютчеву за последнее время снова привлек к себе внимание исследователей (см. статью Ю. Н. Тынянова «Пушкин и Тютчев» в его книге «Архаисты и новаторы», Л. 1929, стр. 330, и статью Г. И. Чулкова «Пушкин и Тютчев» в сборнике «Звенья», вып. 2, изд. «Academia», 1932).—192.

У в а р о в С. С. (1786—1855)—член «Арзамаса» (прозвище: Старушка), попечитель Петербургского учебного округа, президент Академии Наук (с 1818 г.), министр народного просвещения и глава цензурного ведомства (1833—1849).—305, 339.

У л а н д И. (1787—1862)—немецкий поэт.—291.

У ш а к о в Ф. В. (ум. 1770)—друг А. Н. Радищева, обучавшийся с ним вместе в Лейпцигском университете; автор сочинений, популяризирующих идеи Гельвеция (изданы А. Н. Радищевым в 1789 г.).—360.

Ф е д о р о в Б. М. (1794—1875)—поэт и журналист, издатель журнала «Санктпетербургский Зритель».—87, 90 ***(Борька)***, 160, 217, 240. См. также в Указателе произведений: «Князь Курбский».

Ф е м и с т о к л (V—IV вв. до н. э.)—государственный деятель древних Афин и полководец.—49.

Ф е н е л о н Ф. (1651—1715)—архиепископ, французский писатель, автор романа «Похождения Телемака» (1699), который был переложен В. К. Тредьяковским стихами под названием «Телемахида».—316, 334, 336, 375, 420.

Ф е о к р и т (III век до н. э.)—греческий поэт, автор буколических идиллий.—35.

Ф и л а р е т (Дроздов) (1782—1867)—московский митрополит, автор «ответа» на стансы Пушкина «26 мая 1828 г.» («Дар напрасный, дар случайный»). «Не напрасно, не случайно жизнь от бога мне дана»,—писал в своем «ответе» Филарет. Пушкин был «задран стихами его преосвященства» (письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 25 апреля 1830 г.) и отвечал «Стансами» («В часы забав иль праздной скуки»).—243 ***(Русский епископ)***.

Ф и л и м о н о в В. С. (1787—1858)—журналист и поэт, автор поэм «Дурацкий колпак» и «Обед». На присылку Филимоновым «Дурацкого колпака» Пушкин ответил стихотворением «В. С. Филимонову».—64.

Ф и л и п п VI В а л у а (1293—1350)—французский король.—114.

Фильдинг Г. (1707—1754)—английский писатель, автор романов «Амалия», «Том Джонс», «Иосиф Андревс» и др. Пушкин считал, что Фильдинг наряду со Стерном и Ричардсоном «поддерживал славу прозаического романа» в Англии, когда поэзия там «была суха и ничтожна». Однотомник Фильдинга сохранился в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 146).—81, 278, 295, 337.

Фихте И. (1762—1814)—немецкий философ-идеалист.—178.

Флешье Э. (1632—1710)—французский епископ и проповедник придворной капеллы Людовика XIV.—335.

Флориан Ж. (1755—1794)—французский баснописец, драматург и беллетрист, автор сентиментально-дидактических романов «Добрая мать», «Обманутый плут» и т. д. По определению Пушкина—«гриб, выросший у корней дубов».—21, 309, 338.

Фовель—французский консул в Греции.—50.

Фонвизин Д. И. (1745—1792)—драматург, автор комедий «Бригадир» (1766), «Недоросль» (1788) и др. Пушкин очень ценил в комедиях Фонвизина отказ от условностей французского театра. Когда Вяземский писал биографию Фонвизина, Пушкин помогал ему собирать материалы.—52, 66, 95, 181, 195, 198, 214, 223, 248, 289, 316, 338, 359. См. также в Указателе произведений: «Недоросль», «Разговор у княгини Халдиной».

Фон-Фок М. Я. (1777—1831)—ближайший помощник Бенкендорфа по III отделению.—296.

Фонтенель Б. (1657—1757)—французский писатель и философ. В библиотеке Пушкина сохранились «Сочинения» Фонтенеля в десяти томах и «Разговоры о множестве миров» в переводе А. Кантемира (*ПС*, вып. IX—X, стр. 111—234).—17.

Фосколо—итальянский поэт.—75.

Фосс И. (1751—1826)—немецкий поэт и переводчик греческих и латинских поэтов. По определению Пушкина,—«гений перевода».—72.

Франклин В. (1706—1790)—северо-американский государственный деятель, ученый и публицист, руководивший борьбой северо-американцев за независимость от Англии. Говоря о том, что Ломоносов предвосхитил открытия Франклина, Пушкин имеет в виду открытие атмосферного электричества. «Разные сочинения» Франклина сохранились во французском переводе в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 236).—58, 336, 362, 367.

Франциск I (1497—1547)—французский король.—335.

Фрерон Э. (1719—1776)—французский критик, враг энциклопедистов и Вольтера, заклейменный им в ряде эпиграмм и в памфлете «Бедный чорт».—9, 384.

Фридрих II (1712—1786)—прусский король с 1740 г., автор дилетантских философских трактатов, почитатель Вольтера, приблизивший его к своему двору и давший ему звание камергера. Нащокин писал, что когда Бенкендорф предлагал Пушкину звание камергера, Пушкин отказался, заметив: «Вы хотите, чтобы меня так же упрекали, как Вольтера» («Рассказы о Пушкине», М. 1925, стр. 43).—76, 336, 385—387.

Фукс А. А. (1805—1853)—поэтесса, познакомившаяся с Пушкиным в Казани в 1833 г. (см. «Разговоры Пушкина», М. 1929, стр. 193—197). Восторженный отзыв Пушкина о стихах Фукс—явный комплимент, идущий в разрез с насмешливыми отзывами о ней в переписке (см. № 301). Следует упомянуть, что и в 1836 г. Пушкин писал Фукс: «Смею ли надеяться, что вы украсите его [«Современник»] когда-нибудь произведениями пера вашего» (*АП*, т. III, стр. 282), но стихотворений Фукс в журнале не напечатал.—311 *(blue Stockings)*, 342, 343.

Ф у ш е Ж., герцог (1763—1820)—деятель Великой французской революции, депутат Конвента, министр полиции при Наполеоне и Бурбонах.—64, 65, 73.

Х в о с т о в Д. И., граф (1757—1835)—поэт и переводчик, член Российской Академии и «Беседы любителей Русского слова», снискавший широкую известность как бездарный графоман.—24, 37, 46. 64, 78, 79, 295, 297. 304. См. также в Указателе произведений: «А. С. Пушкину...», «Послание к N.N.».

Х в о с т о в а А. П. (1765—1853)—участница мистического общества «мечтательниц», писательница, автор книг «Камин и Ручеек» (1796) и «Советы моего сердца» (1816). Пушкин упоминает о ней в эпиграмме на князя П. Голицына: «Вот Хвостовой покровитель, Вот холопская душа...».—79.

Х е р а с к о в М. М. (1733—1807)—поэт, драматург и романист, автор «Россиады» (1779), «Бахарианы» (1803) и др.—13, 47, 75, 313, 316, 319, 324, 364. См. также в Указателе произведений: «Россиада».

Х и т р о в о Е. М. (1783—1839)—дочь М. И. Голенищева-Кутузова; восторженная поклонница Пушкина и его близкая приятельница.—243, 247, 250, 287, 289—291, 296, 304.

Х м е л ь н и ц к и й Б. (ум. 1657)—вождь казацких восстаний против польских помещиков на Украине.—24, 161, 235.

Х м е л ь н и ц к и й Н. И. (1789—1845)—драматург и переводчик, автор комедии «Нерешительный», водевиля «Нет худа без добра» и др. В одном из писем Пушкин называет Хмельницкого «любимым своим поэтом». —30, 71, 288. См. также в Указателе произведений: «Нерешительный».

Х о д а к о в с к и й—псевдоним польского историка Адама Чарноцкого (1784—1825), работавшего в России.—325.

Х о м я к о в А. С. (1804—1860)—поэт и публицист. О поэтическом таланте Хомякова Пушкин был очень высокого мнения, но считал, что драма его «Ермак», написанная «прекрасным стихом», «есть произведение более лирическое, нежели драматическое».—163, 192, 206, 297, 339, 344. См. также в Указателе произведений: «Дмитрий Самозванец», «Ермак».

Х р а п о в и ц к и й А. В. (1749—1801)—сенатор, статс-секретарь Екатерины II.—362, 366.

Ц е р т е л е в Н. А., князь (1790—1869)—поэт и исследователь древней русской поэзии.—90.

Ц и к л е р И. Е. (ум. 1697)—стрелецкий подполковник, вождь заговора против Петра I, казненный им 4 марта 1697 г.—219.

Ц и ц е р о н (106—43 до н. э.)—римский политический деятель, философ и оратор. Принадлежность Цицерону фразы, взятой Пушкиным в качестве эпиграфа к статье «Торжество дружбы», не установлена.—269.

Ч а а д а е в (Ч е д а е в) П. Я. (1794—1856)—писатель и философ, друг Пушкина. Пушкин познакомился с ним в 1816 г. Позднее Пушкин записал в дневнике, что дружба Чаадаева «заменила ему счастье». К Чаадаеву обращены три послания Пушкина.—29, 284, 292.

Ч а в о р т Г.—родственник Байрона.—348.

Ч а п л и н с к и й (XVII век)—польский политический деятель, наместник украинского гетмана Остраницы.—235.

Ч а т т е р т о н Т. (1752—1770)—английский поэт, пытавшийся выдать свои баллады и поэмы за произведения средневекового монаха Роулея. Подделка была раскрыта Вальполем, и вскоре восемнадцатилетний Чаттертон покончил самоубийством.—325.

Ч а у с е р Д. (точнее Чоусер) (1340—1400)—английский писатель, представитель раннего английского Возрождения, автор «Кентерберийских рассказов» -сборника новелл, родственного по духу «Декамерону» Боккаччо.—215.

Ш а л и к о в П. И., князь (1768—1852)—писатель-сентименталист, издатель «Дамского журнала».—33, 45, 65, 72, 246, 296, 341.

Ш а т о б р и а н Р. (1768—1848)—французский писатель, автор цикла романов «Атала», «Рене», «Начезы», теоретического трактата «Гений христианства» и др. Двадцать семь томов сочинений Шатобриана сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 190).—61, 211, 257, 375, 398, 427, 433—435. См. также в Указателе произведений: «Атала», «Опыт об английской литературе».

Ш а м ф о р Н. (1741—1794)—французский поэт и драматург, славившийся своим остроумием. В библиотеке Пушкина сохранились два тома сочинений Шамфора (*ПС*, вып. IX—X, стр. 188).—70, 201, 335.

Ш а п е л ь Э. (1629—1688)—французский поэт, сподвижник Буало.—4.

Ш а х о в с к о й А. А., князь (1777—1846)—поэт и драматург, член Российской Академии и «Беседы любителей русского слова», автор поэмы «Расхищенные шубы» и множества оригинальных и переводных комедий и водевилей. В разгаре деятельности «Арзамаса» Пушкин задел Шаховского в ряде своих стихотворений и неблагосклонно отозвался о его комедиях. Позже, под влиянием Катенина, пересмотрел свое отношение к Шаховскому (см. Анненков, Материалы, стр. 51) и стал одним из усердных посетителей его салона.—3, 7 ***(Шутовской)***, 8, 22, 24, 33, 86. См. также в Указателе произведений: «Ворожея, или Танцы духов», «Казак-стихотворец», «Крестьяне, или Встреча незваных», «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец», «Новый Стерн», «Пустодомы», «Расхищенные шубы».

Ш е в ы р е в С. П. (1806—1864)—поэт, критик, журналист, профессор Московского университета, член «Общества любомудрия», ближайший сотрудник органа «любомудров»—«Московского Вестника», один из организаторов и вдохновителей журнала «Московский Наблюдатель». В конце 20-х—в начале 30-х годов, в пору наибольшего сближения Пушкина с Шевыревым, последний не был еще апологетом православия, самодержавия и народности, а занимал умеренно-либеральные позиции. Пушкин с большим одобрением отзывался о поэтических опытах Шевырева (особенно о стихотворении «Мысль») и ценил его как критика, считая, что некоторые его статьи могут быть поставлены «наряду с лучшими статьями английских «Review».—113, 159, 160, 190, 192, 245, 288, 314, 355, 356, 420 ***(Критик, заслуживающий доверенности...)***, 421. См. также в Указателе произведений: «История поэзии», «Мысль».

Ш е к с п и р В. (1564—1616)—английский трагик. Прежде чем приступить к созданию «Бориса Годунова», Пушкин начал основательно знакомиться с литературой по вопросам драматического искусства и систематически изучать Шекспира. Под влиянием Шекспира он свободно порывает с внешними формами французской классической трагедии и отказывается от трех «единств». Правила французской драмы Пушкин считал свойством придворного театра, а в широкой и свободной форме шекспировских трагедий видел основное качество народной драмы и считал, что русский театр должен быть преобразован в духе Шекспира. Подробнее см. стр. 528—529.—46, 65, 75, 76, 80, 81, 90, 92, 99, 109, 113—116, 120, 158, 162, 163, 169, 170, 182, 195, 214, 226—229, 236, 249, 300, 309, 320—323, 333, 337, 379, 428. См. также в Указателе произведений: «Венециан-

ский купец», «Виндзорские красавицы», «Гамлет», «Король Лир», «Лукреция», «Мера за меру», «Отелло», «Ромео и Джульета».

Шеллинг Ф. В. (1775—1854)—немецкий философ-идеалист.—178.

Шенье А. (1762—1794)—французский поэт. Шенье сделался, по словам Льва Пушкина, «поэтическим кумиром» его брата, который «первый в России и, кажется, даже в Европе, достойно оценил его» (Майков, «Пушкин», 1899, стр. 10). О влиянии Шенье на Пушкина и о переводах Пушкина из Шенье см. стр. 463.—35, 41, 61, 85, 101, 113, 179, 264.

Шереметьев В. В. (ум. 1817)—кавалергард. Поссорившись с гр. А. П. Завадовским из-за танцовщицы Истоминой, вызвал его на дуэль и был убит им. Секундантом Шереметьева был А. И. Якубович, Завадовского—А. С. Грибоедов (см. «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», изд. «Федерация», М. 1929, стр. 9, 10, 233—235).—89.

Шешковский С. И. (1727—1793)—обер-секретарь тайной экспедиции при Екатерине II, ведший следствие по делу Радищева.—366, 367.

Шиллер Ф. (1759—1809)—немецкий поэт и драматург. В статьях и письмах Пушкина совершенно отсутствуют критические оценки произведений Шиллера.—19, 192, 195, 291, 307, 376, 379.

Ширинский-Шихматов С. А. (1783—1837)—поэт, член «Беседы любителей русского слова», ревностный сторонник Шишкова, автор поэм «Петр Великий», «Пожарский, Минин, Гермоген» и др. Пушкин высмеял Шихматова в ряде эпиграмм. В письме к Кюхельбекеру (№ 114) определял его как «бездушного, холодного, скучного пустомелю».—5 *(Князь стихотворец на Ш.)*, 82, 90. См. также в Указателе произведений: «Петр Великий».

Ширяев А. С. (ум. 1841)—московский издатель и книгопродавец.—168.

Шишков А. А. (1799—1832)—племянник А. С. Шишкова, приятель Пушкина, поэт, автор двух сборников стихотворений: «Восточная лютня» (1824) и «Опыты» (1828), отмеченных, как подражание Пушкину, автор «Избранного немецкого театра» (1831). К Шишкову обращено послание Пушкина (1816) с лестной характеристикой его стихов.—39, 303.

Шишков А. С. (1754—1841)—литератор, президент Российской Академии, глава «Беседы любителей Русского слова», с 1824 по 1828 г. министр народного просвещения и глава цензурного ведомства.—7 *(Ослов)*, 14, 49—51, 62, 77, 83, 110, 160, 256, 326—329, 355. См. также в Указателе произведений «Рассуждение о старом и новом слоге».

Шлегель А. (1767—1845)—немецкий философ и поэт, один из вождей немецкого романтизма. Пушкин пользовался его «Лекциями о драматической литературе» (1814), занимаясь изучением драмы в годы создания «Бориса Годунова» (*ПС*, вып. IX—X, стр. 331).—178, 209, 285, 308.

Шлецер А. (1735—1809)—немецкий историк, работавший в Петербурге и ставший профессором древней русской истории.—310, 316, 325.

Шувалов И. И. (1727—1797)—фаворит императрицы Елизаветы, меценат, куратор Московского университета (1755).—106, 315—317.

Шуйский Василий (1552—1612)—царь московский.—171, 236, 249.

Шуэ—арендатор Гурне.—382.

Щепкин М. С. (1788—1863)—артист московской драматической труппы.—436.

Элоиза—см. Абеляр.

Эпине Л. (1726—1783)—французская писательница.—59.

Эсхил (V век до н. э.)—греческий трагик.—22.

Ювенал (ок. 50—125)—римский поэт-сатирик. Сатиры его во французском переводе сохранились в библиотеке Пушкина (*ПС*, вып. IX—X, стр. 160, 261).—7, 330, 357, 384.

Юго—см. Гюго.

Юм Д. (1711—1776)—английский философ и историк.—120, 336.

Юнг Э. (1681—1765)—английский поэт, автор книги «Ночные думы».—305.

Юрьев Ф. Ф. (1796—1860)—приятель Пушкина, член общества «Зеленая Лампа». Послание к Юрьеву «Любимец ветреных Лаис», которое имеет в виду Пушкин, относится к 1818 г.—217.

Юсупов Н. Б., князь (1751—1831)—сановник времен Екатерины II, Павла I и Александра I. Ему посвятил Пушкин свое послание «К Вельможе» (1831), вызвавшее со стороны Н. Полевого упреки Пушкину в низкопоклонстве.—218.

Языков Н. М. (1803—1846)—поэт, чрезвычайно высоко ценимый Пушкиным (о знакомстве его с Языковым см. стр. 499). Уже в 1823 г. Пушкин пишет Дельвигу: «Разделяю твои надежды на Языкова» (№ 44). В конце 1826 г. в письме к Вяземскому он говорит: «Ты изумишься, как он [Языков.—*Н. Б.*] развернулся и что из него будет». В дальнейшем отзывы Пушкина о Языкове неизменно благожелательны. Н. В. Гоголь в статье «В чем же, наконец, сущность русской поэзии» (1848) вспоминает, что «когда появились стихи Языкова отдельною книгой (1833), Пушкин сказал с досадою: «зачем он назвал «Стихотворения Языкова!» их бы следовало назвать просто «Хмель»! Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил». См. также «Воспоминания С. П. Шевырева» в книге Л. Н. Майкова «Пушкин», 1899, стр. 337. К Языкову обращен ряд стихотворных посланий Пушкина.—37, 45, 66, 103, 104, 297, 301, 304, 318, 436. См. также в Указателе произведений: «А. С. Пушкину», «Д. В. Давыдову», «Тригорское».

Яковлев М. Л. (1798—1868)—лицейский товарищ Пушкина. В 1832—1840 гг. был директором типографии II отделения, где печаталась «История Пугачевского бунта».—284, 294, 342.

Якубович А. И. (1798—1845)—гвардейский офицер, участник нашумевшей дуэли из-за танцовщицы Истоминой. В результате дуэли он *хоронил* Шереметьева (см.). Был арестован и переведен на Кавказ. Здесь *разбойничал*, участвуя в самых рискованных операциях против горцев. *Простреливал* Грибоедова в Тифлисе на дуэли с ним, повредив Грибоедову кисть левой руки. В 1825 г. вернулся в Петербург. После восстания 14 декабря был, как участник его, сослан в Сибирь. Пушкин предполагал изобразить Якубовича в своем «Романе на Кавказских водах» (1831).—89.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. А. С. Пушкин—с портрета Мазера VII
2. Шкаф с книгами из библиотеки Пушкина (Гос. Истор. музей). XVI
3. Снимок с рукописи статьи Пушкина о Баратынском—тетрадь Всесоюзной библиотеки им. Ленина(№ 23а) . . . XXXII
4. П. А. Вяземский—литография с оригинала неизвестного художника 20-х годов (Гос. Истор. Музей) 16
5. А. А. Дельвиг—с рисунка М. Л. Яковлева 32
6. Байрон—с гравюры неизвестного мастера 48
7. В. А. Жуковский—с оригинала Райтера (Гос. Истор. Музей). 64
8. А. Шенье—с портрета Малле 96
9. Шатобриан — с гравюры Афанасьева 112
10. Вальтер-Скотт—с гравюры неизвестного мастера . . . . . —
11. Н. М. Языков—с гравюры Естеррейхера (Гос. Истор. Музей) 128
12. Н. А. Полевой—с гравюры Паннеманера 144
13. Титульный лист «Стихотворений» Е. А. Баратынского . . 160
14. Титульный лист «Литературной Газеты» 176
15. Дарственная надпись Гнедича А. С. Пушкину на экземпляре «Илиады» (Институт Русской Литературы при Академии Наук СССР) 192
16. Титульный лист альманаха «Новоселье» (1833). Литературный обед у Смирдина (Булгарин, Шаховской, Вяземский, Греч, Пушкин, Хвостов, Крылов, Смирдин). . . . 208
17. Чернильница Пушкина (Институт Русской Литературы при Академии Наук СССР) 224
18. Перо Пушкина (Институт Русской Литературы при Академии Наук СССР) 240
19. Ф. В. Булгарин—с гравюры Фридерица 256
20. Е. А. Баратынский — с портрета Лебедева. (Гос. Истор. Музей) 272
21. М. Н. Загоскин—с портрета Мамонова (Гос. Истор. Музей) 288
22. Группа литераторов на картине Чернецова «Парад на Марсовом поле» (1832—1833)—Крылов, Жуковский, Греч, Гнедич, Каченовский 304
23. Расин—с гравюры Сава 1772 г. (Гос. Истор. Музей) . . 336
24. В кабинете В. А. Жуковского (Кольцов, Гоголь, Пушкин, Одоевский, Крылов)—с картины неизвестного художника. 352
25. А. Н. Радищев — с гравюры Вендрамина (Гос. Истор. Музей) 368
26. Вольтер—с гравюры неизвестного мастера (Гос. Истор. Музей) 384
27. Титульный лист журнала «Современник» 400
28. Заметки Пушкина при чтении Г. Гейне (Институт Русской Литературы при Академии Наук СССР) 416

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя VII

Н. Богословский. Обзор критических высказываний Пушкина IX

Пушкин о литературе

1815

Заметки

1. Мои мысли о Шаховском 3

1816

Письма

2. П. А. Вяземскому—27 марта 4

1817

Письма

3. В. Л. Пушкину—первая половина января 6

1819

Статьи

4. Из статьи «Мои замечания об русском театре» 8

Письма

5. Н. И. Кривцову—июль-август . . . . —
6. П. Б. Мансурову—27 октября . . . . —

1820

Письма

7. П. А. Вяземскому—около 21 апреля 9
8. Из черновика того же письма 10
9. Л. С. Пушкину—24 сентября . . . . —
10. Н. И. Гнедичу—4 декабря . . . . —

20-е годы

Статьи

11. О французской словесности 12

1821

12. Из кишиневского дневника—3 апреля 13

Письма

13. А. А. Дельвигу—23 марта . . . . —
14. Н. И. Гнедичу.—24 марта 14
15. Л. С. Пушкину—27 июля . . . . —
16. Н. И. Гречу—21 сентября . . . . —
17. В. П. Горчакову—вторая половина 1821—1822 . . . . . —

1822

Статьи, заметки

18. Д'Аламбер сказал однажды. 16
19. Только революционная голова. 17

Письма

20. П. А. Вяземскому—2 января . . . . —
21. Н. И. Гнедичу—29 апреля 18
22. Из черновика того же письма . . . . —
23. А. А. Бестужеву—21 июня 20
24. Н. И. Гнедичу—27 июня . . . . —
25. П. А. Катенину—19 июля 21
26. П. А. Вяземскому—1 сентября 22
27. Л. С. Пушкину—4 сентября 23
28. Н. И. Гнедичу—27 сентября 24
29. Л. С. Пушкину—октябрь . . . . —
30. П. А. Плетневу (из чернового)—октябрь-ноябрь 25
31. П. А. Вяземскому—конец декабря 1822 г.—начало января 1823 г.. 26

1823

Письма

32. Л. С. Пушкину—начало января 27
33. Л. С. Пушкину—30 января . . . . —
34. П. А. Вяземскому—6 февраля 28
35. Н. И. Гнедичу—13 мая 29
36. А. А. Бестужеву—13 июня 30
37. П. А. Вяземскому—19 августа 32
38. Л. С. Пушкину—25 августа . . . . —
39. П. А. Вяземскому—14 октября . . . . —
40. П. А. Вяземскому—4 ноября 34
41. Из черновика того же письма . . . . —
42. П. А. Вяземскому—около 11 ноября 36
43. П. А. Вяземскому—11 ноября 37
44. А. А. Дельвигу—16 ноября . . . . —

45. А. И. Тургеневу—1 декабря 37
46. П. А. Вяземскому—20 декабря 39
47. А. А. Шишкову—конец 1823 г.—первая половина 1824 г. —

1824

Статьи, заметки

48. Причинами, замедлившими ход нашей словесности — . . 40
49. Заметка о французской литературе 41
50. Письмо к издателю «Сына Отечества» . . . . —
51. Предисловие к первой главе «Евгения Онегина» 42

Письма

52. Л. С. Пушкину—начало января 43
53. А. А. Бестужеву—12 января 44
54. Ф. В. Булгарину—1 февраля 44
55. А. А. Бестужеву—8 февраля 45
56. П. А. Вяземскому—8 марта . . . . —
57. П. А. Вяземскому—первая половина марта 46
58. Л. С. Пушкину—1 апреля. . . . . —
59. П. А. Вяземскому—начало апреля 47
60. А. И. Казначееву (из чернового)—25 мая. . . . . —
61. П. А. Вяземскому—7 июня 48
62. Л. С. Пушкину—13 июня . . . . —
63. П. А. Вяземскому—конец июня 49
64. А. А. Бестужеву—29 июня 50
65. П. А. Плетневу (из чернового)—сентябрь-октябрь 51
66. П. А. Вяземскому—10 октября . . . . —
67. В. А. Жуковскому—конец октября 52
68. Л. С. Пушкину—первая половина ноября . . . . —
69. Л. С. Пушкину—середина ноября . . . . —
70. П. А. Вяземскому—29 ноября . . . . —
71. Л. С. и О. С. Пушкиным—4 декабря 53
72. А. Г. Родзянке—8 декабря . . . . —

1825

Статьи

73. Изо всех родов сочинений самые неправдоподобные— . . 54
74. О г-же Сталь и о г. А. Муханове . . . . —
75. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. 57
76. Об Андрее Шенье 61

Письма

77. К. Ф. Рылееву—25 января . . . . —
78. П. А. Вяземскому—25 января . . . . —
79. А. А. Бестужеву—после 25 января 63
80. П. А. Вяземскому—28 января 64
81. Л. С. Пушкину—первая половина февраля . . . . —
82. П. А. Вяземскому—19 февраля 65
83. Н. И. Гнедичу—25 февраля 66
84. А. Н. Вульфу—март . . . . —

85. Л. С. Пушкину—14 марта 67
86. Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу—15 марта . . . . —
87. Л. С. Пушкину—середина марта . . . . —
88. А. А. Бестужеву—24 марта . . . . —
89. Л. С. Пушкину—27 марта 69
90. П. А. Вяземскому—середина апреля . . . . —
91. П. А. Вяземскому—вторая половина апреля 70
92. Л. С. Пушкину—первая половина мая 71
93. П. А. Вяземскому—25 мая 72
94. К. Ф. Рылееву—конец мая 73
95. В. А. Жуковскому—конец мая—начало июня 74
96. А. А. Бестужеву—конец мая—начало июня . . . . —
97. А. А. Дельвигу—начало июня 77
98. К. Ф. Рылееву—вторая половина июня—июль 78
99. П. А. Вяземскому—начало июля . . . . —
100. П. А. Вяземскому—13 июля 79
101. Н. Н. Раевскому (из чернового)—конец июля 80
102. Н. А. Полевому—2 августа 82
103. П. А. Вяземскому—10 августа . . . . —
104. В. И. Туманскому—13 августа . . . . —
105. П. А. Вяземскому—14—15 августа 83
106. В. А. Жуковскому—17 августа 84
107. П. А. Вяземскому—около 12 сентября . . . . —
108. П. А. Катенину—около 12 сентября 85
109. П. А. Вяземскому—около 12 сентября 86
110. П. А. Вяземскому—13—15 сентября 87
111. В. А. Жуковскому—6 октября. 88
112. П. А. Вяземскому—конец октября—начало ноября . . . —
113. А. А. Бестужеву—30 ноября . . . . —
114. В. К. Кюхельбекеру—начало декабря 89
115. П. А. Плетневу—начало декабря 90
116. П. А. Катенину—4 декабря . . . . —
117. А. П. Керн—8 декабря 91

1826

Статьи, заметки

118. О народности в литературе 92
119. Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии» 93
120. Заметки на полях статьи кн. П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова». 94

Письма

121. В. А. Жуковскому—вторая половина января 99
122. А. А. Дельвигу—около 15 февраля . . . . —
123. П. А. Катенину—первая половина февраля . . . . . . —
124. А. А. Дельвигу—20 февраля 100
125. П. А. Осиповой—20 февраля. . . . . —
126. П. А. Плетневу—3 марта . . . . —
127. П. А. Плетневу—7—8 марта 101
128. И. Е. Великопольскому—около 10 марта . . . . —
129. П. А. Вяземскому—около 22 мая . . . . —
130. П. А. Вяземскому—27 мая 102

131. П. А. Вяземскому—10 июля 102
132. Н. М. Языкову—9 ноября 103
133. П. А. Вяземскому—9 ноября . . . . —
134. Н. М. Языкову—21 декабря 104

1827

Статьи, заметки

135. Отрывки из писем, мысли и замечания. 105
136. Из материалов к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». 109
137. О Баратынском 111
138. О Дельвиге . . . . —
139. Заметка о «Демоне» 112
140. Есть различная смелость . . . . —
141. Об альманахе «Северная Лира» 113
142. О романах Вальтер-Скотта 114
143. О Байроне и его подражателях 115
144. Набросок предисловия к «Борису Годунову» 117
145. Заметки на полях «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова 120

Письма

146. А. Х. Бенкендорфу—3 января 144
147. В. И. Туманскому—конец января—начало февраля . . . —
148. А. А. Дельвигу—2 марта . . . . —
149. А. А. Дельвигу—31 июля 145
150. М. П. Погодину—вторая половина августа . . . . —
151. М. П. Погодину—31 августа 146

1828

Статьи

152. Предисловие к «Руслану и Людмиле» 148
153. Предисловие к «Кавказскому Пленнику». 152
154. В зрелой словесности приходит время... . . . . —
155. О Баратынском 153
156. Ответ на статью в «Атенее» об «Евгении Онегине». . . . 155

Письма

157. М. П. Погодину—19 февраля 159
158. С. А. Соболевскому—конец марта . . . . —
159. И. Е. Великопольскому—конец марта—начало апреля . —
160. М. П. Погодину—1 июля 160
161. Издателям «Северных Цветов на 1829 год» . . . . —

1829

Статьи, заметки

162. Из предисловия к «Полтаве» 161
163. Наброски предисловия к «Борису Годунову» . . . . —
164. Отрывок из литературных летописей 163
165. Несколько московских литераторов... 168
166. О «Ромео и Джульете» Шекспира 169
167. Многие недовольны нашей журнальной полемикою.... . . —

Письма

168. П. А. Вяземскому—около 25 января 170
169. Н. Н. Раевскому—30 января . . . . —
170. П. А. Плетневу—октябрь 172
171. Н. И. Гнедичу—вторая половина декабря 173
172. П. А. Вяземскому—конец 1829 года. . . . . —

1830

Статьи, заметки

173. Альманашник 174
174. Детская книжка 178
175. Из материалов к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» 179
176. О переводе романа Бенжамена Констана «Адольф» . . . 180
177. «Илиада» Гомерова . . . . —
178. О литературной критике 181
179. Из второй статьи «Об истории русского народа» Н. Полевого 182
180. «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» 182
181. «Карелин, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» Федора Глинки 183
182. «Денница». Альманах на 1830 г., изданный М. Максимовичем 189
183. О записках Самсона 196
184. О «Разговоре у княгини Халдиной» Фонвизина 197
185. О статьях князя Вяземского 198
186. Объяснение к заметке об «Илиаде» 199
187. О записках Видока . . . . —
188. Разговор. 201
189. Отрывки из разговоров 205
190. О критике и полемике «Литературной Газеты» 206
191. Заметки о критике и полемике. 207
192. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений 208
193. Заметки, исключенные из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений» 220
194. Наброски возражений критикам «Графа Нулина» 222
195. Об Альфреде Мюссе 224
196. Драматическое искусство родилось на площади... 225
197. Разбор драмы М. П. Погодина «Марфа Посадница» . . . 230
198. Заметки о ранних поэмах 232
199. Заметка о «Полтаве» 234
200. Заметки о «Борисе Годунове» 236
201. Заметки об «Евгении Онегине» 237
202. Проект предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина 241

Письма

203. Е. М. Хитрово—начало января 243
204. Н. И. Гнедичу—6 января . . . . —
205. А. Х. Бенкендорфу—7 января . . . . —
206. М. Н. Загоскину—11 января . . . . —
207. П. А. Вяземскому—конец января—начало февраля . . . 244

208. П. А. Вяземскому—вторая половина марта 244
209. А. Х. Бенкендорфу—24 марта. 245
210. А. Х. Бенкендорфу—16 апреля . . . . —
211. С. П. Шевыреву—29 апреля . . . . —
212. В. Ф. Вяземской—конец апреля 246
213. П. А. Вяземскому—2 мая . . . . —
214. П. А. Плетневу—начало мая . . . . —
215. Е. М. Хитрово—между 19 и 24 мая 247
216. П. А. Плетневу—9 сентября . . . . —
217. П. А. Плетневу—конец октября . . . . —
218. А. А. Дельвигу—4 ноября 248
219. П. А. Вяземскому—5 ноября . . . . —
220. М. П. Погодину—конец ноября 249
221. П. А. Плетневу—9 декабря 250
222. Е. М. Хитрово—9 декабря . . . . —
223. Е. М. Хитрово—11 декабря . . . . —

1830. Dubia

Статьи

224. Когда Макферсон издал стихотворения Оссиана. 251
225. Англия есть отечество карикатуры. 252
226. Требует ли публика извешения. . . . . —
227. С некоторых пор журналисты наши. 253
228. О выходках против литературной аристократии 254

30-е годы

Заметки

229. Встреча с Н. И. Надеждиным 255
230. О Державине . . . . —
231. Множество слов и выражений 256

1831

Статьи, заметки

232. О русских журналах 257
233. Заметка о критике и полемике 258
234. «Жизнь», стихотворения и мысли Иосифа Делорма; «Утешения», стихотворения Сент-Бёва. . . . . —
235. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов. 269
236. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем . . . 275
237. О Баратынском 279
238. Набросок предисловия к «Борису Годунову» 285
239. Записка, представленная в III отделение . . . . —

Письма

240. Н. А. Полевому—1 января 284
241. П. Я. Чаадаеву —2 января . . . . —
242. П. А. Вяземскому—2 января . . . . —
243. П. А. Плетневу—7 января 285
244. П. А. Плетневу—13 января . . . . —

245. М. П. Погодину—первая половина января 286
246. П. А. Плетневу—21 января . . . . —
247. Е. М. Хитрово—21 января . . . . —
248. П. А. Плетневу—31 января 287
249. Е. М. Хитрово—8 или 9 февраля . . . . —
250. Н. И. Кривцову—10 февраля . . . . —
251. П. А. Плетневу—первая половина февраля 288
252. Н. И. Хмельницкому—6 марта . . . . —
253. П. А. Плетневу—26 марта . . . . —
254. П. А. Плетневу—11 апреля . . . . —
255. П. А. Плетневу—первая половина апреля 289
256. Е. М. Хитрово—8 мая . . . . —
257. Е. М. Хитрово—вторая половина мая 290
258. Е. М. Хитрово—конец мая-начало июня. . . . . —
259. П. А. Вяземскому—1 июня . . . . —
260. П. В. Нащокину—1 июня 291
261. П. А. Вяземскому—11 июня . . . . —
262. Е. М. Хитрово—19—20 июня . . . . —
263. М. П. Погодину—конец июня . . . . —
264. Е. Ф. Розену—июль-ноябрь 292
265. П. А. Вяземскому—3 июля . . . . —
266. П. Я. Чаадаеву—6 июля . . . . —
267. П. А. Плетневу—вторая половина июля 293
268. А. Х. Бенкендорфу—вторая половина июля . . . . —
269. М. Л. Яковлеву—19 июля 294
270. П. В. Нащокину—21 июля . . . . —
271. П. А. Вяземскому—3 августа . . . . —
272. П. А. Плетневу—3 августа 295
273. А. Ф. Воейкову—конец августа . . . . —
274. Н. В. Гоголю—25 августа 296
275. П. А. Вяземскому—3 сентября . . . . —
276. Е. М. Хитрово—октябрь-ноябрь . . . . —
277. П. А. Вяземскому—15—19 октября 297
278. Н. М. Языкову—18 ноября . . . . —
279. Ф. Н. Глинке—21 ноября 298
280. А. А. Орлову—24 ноября . . . . —
281. А. Х. Бенкендорфу—24 ноября . . . . —
282. Н. Н. Пушкиной—середина декабря 299

1832

Статьи

283. О Викторе Гюго 300

Письма

284. П. А. Осиповой—начало января 301
285. И. В. Киреевскому—4 января . . . . —
286. И. И. Дмитриеву—14 февраля 302
287. М. П. Погодину—11 июля . . . . —
288. И. В. Киреевскому—11 июля 303
289. Д. И. Хвостову—лето 304
290. Е. М. Хитрово—август-декабрь. . . . . —
291. М. П. Погодину—первая половина сентября . . . . —

292. Н. Н. Пушкиной—конец сентября 305
293. П. В. Нащокину—2 декабря . . . . —

1833

Статьи, заметки

294. Заметки о Дельвиге. 306
295. О сочинениях П. А. Катенина 307
296. Заметка к «Графу Нулину» 309
297. Заметка о «Моцарте и Сальери» 310
298. Из дневника 1833 года—3—6 декабря . . . . —

Письма

299. П. С. Санковскому—3 января . . . . —
300. М. П. Погодину—5 марта . . . . —
301. Н. Н. Пушкиной—12 сентября 311
302. В. Ф. Одоевскому—30 октября . . . . —

1833—1835

Статьи

303. Из статьи «Мысли на дороге» 312

1834

Статьи, заметки

304. Из «Table Tabk» 322
305. Замечания на «Песнь о полку Игореве» 324
306. О русской литературе с очерком французской 330
307. Из заметки о Дельвиге 338
308. Из дневника 1833 года—17 марта, 2 апреля, 7 апреля и 22 декабря . . . . —

Письма

309. В. Ф. Одоевскому—16 марта 340
310. М. П. Погодину—начало апреля . . . . —
311. И. И. Лажечникову—первая половина апреля 341
312. Н. Н. Пушкиной—20—22 апреля . . . . —
313. М. Н. Загоскину—9 июля 342
314. М. Л. Яковлеву—середина августа . . . . —
315. Н. М. Языкову—26 сентября . . . . —
316. А. А. Фукс—19 октября . . . . —
317. Н. В. Гоголю—вторая половина октября-ноябрь 343

1835

Статьи, заметки

318. «Из путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» . 344
319. Из предисловия к «Песням Западных Славян» 346
320. О Байроне . . . . —
321. Три повести Н. Павлова 350
322. Из дневника—февраль 351

Письма

323. И. И. Дмитриеву—14 февраля 351
324. И. И. Дмитриеву—26 апреля . . . . —
325. В. А. Дурову—16 июня 352
326. П. А. Вяземскому—вторая половина 1835 года . . . . . —
327. Н. Н. Пушкиной—21 сентября . . . . —
328. Н. Н. Пушкиной—25 сентября . . . . —
329. П. А. Плетневу—первая половина октября 353
330. П. В. Нащокину—исход октября . . . . —
331. И. И. Лажечникову—3 ноября . . . . —
332. В. Ф. Одоевскому 354

1836

Статьи, заметки

333. «История поэзии» С. П. Шевырева 355
334. Путешествие В. Л. П[ушкина] 356
335. Послесловие к «Долине Ажигутай» 357
336. «Вастола, или Желания», повесть в стихах Виланда . . . 358
337. «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасечником Рудым Паньком». . . . . —
338. Александр Радищев 359
339. Из статьи «Российская Академия» . . . . —
340. Из статьи «Французская Академия» 369
341. Записки Н. А. Дуровой 371
342. От редакции 372
343. Примечание к повести «Нос» 373
344. Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной. . . . . —
345. Вольтер 381
346. «Фракийские элегии». Стихотворения Виктора Теплякова 387
347. Из «Анекдотов» 397
348. «Джон Теннер» . . . . —
349. «Об обязанностях человека». Сочинение Сильвио Пеллико 419
350. Новый роман 421
351. Письмо к издателю . . . . —
352. От редакции 426
353. «Кавалерист-девица» . . . . —
354. «Записки Чухина», соч. Ф. Булгарина . . . . —
355. «Недовольные», комедия М. Н. Загоскина 427
356. О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного Рая» . . . . —

Письма

357. В. А. Дурову—17 марта 435
358. В. Ф. Одоевскому—конец марта . . . . —
359. В. Ф. Одоевскому—начало апреля 436
360. Н. М. Языкову—14 апреля . . . . —
361. Н. Н. Пушкиной—5 мая . . . . —
362. Н. Н. Пушкиной—11 мая 437

363. Н. Н. Пушкиной—14—16 мая . . . . —
364. Н. Н. Пушкиной—18 мая . . . . —
365. П. В. Нащокину—27 мая 438
366. Н. А. Дуровой—первая половина июня 438
367. И. И. Дмитриеву—14 июня . . . . —
368. П. А. Корсакову—25 октября . . . . —
369. В. Ф. Одоевскому—октябрь-ноябрь 439
370. Н. Б. Голицыну—10 ноября . . . . —
371. Барону Баранту—16 декабря . . . . —

1837

Статьи

372. Последний из свойственников Иоанны д'Арк 440

Письма

373. А. О. Ишимовой—25 января 443
374. А. О. Ишимовой—27 января . . . . —

Комментарии 445

Приложение

Писатели, произведения и журналы, упоминаемые в художественных произведениях Пушкина
1. Писатели 581
2. Названия произведений 591

Указатели

1. Предметно-тематический указатель 595
2. Указатель произведений, книг и журналов 601
3. Указатель имен 615

Перечень иллюстраций 668

Ред. Л. Б. Каменев
Художествен. редакция
М. П. Сокольников
Лит.-технич. наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Технический редактор
И. А. Подсухин
Наблюдение на производ.
М. И. Козлов

***

Сдано в набор 29/X—33.
Подп. в печать 5/IV—34.
Тир. 5.300. Уполн. Главл.
Б 33801. Зак. тип. 1307.
«Ас» 62 Инд. А—4. Бум.
62×94—1/16. П. л. 42 1/2
+27 вкл. Авт. л. 50,87.
Тип. зн. на 1 б. л. 74304

***

Отпеч. в 16-й типографии
треста «Полиграфкнига»,
Трехпрудный, 9

Цена Р. 17.50

Переплет Р. 2.50